

В
90

А.К.БИРОН, В.В.ДОРОШЕНКО

СОВЕТСКАЯ
ИСТОРИО-
ГРАФИЯ
ЛАТВИИ

70-24.051

В
3
АКАДЕМИЯ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

СОВЕТСКАЯ
ИСТОРИО-
ГРАФИЯ
ЛАТВИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СОВЕТСКОГО
ПЕЧАТНИКА

В

В

90

А.К.БИРОН, В.В.ДОРОШЕНКО

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИО- ГРАФИЯ ЛАТВИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗИНАТНЕ»
РИГА 1970

vīa Lāča Latv. PSR
Valsts bibliotēka

70- 24.051

РАКЕТКА
НЕСТОРО
ГРАФ
ЛАТВИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛЕНИН»
1974 100

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Советская историография Латвии — при всей ее молодости — уже имеет собственную историю. За период послевоенного двадцатипятилетия вышли из печати десятки работ синтетического характера в виде монографий и учебных пособий, сотни исследовательских статей, множество популярных изданий — книг и брошюр, посвященных вопросам далекого и близкого прошлого республики. Авторы данной работы не претендуют на исчерпывающий анализ этого огромного материала, разнообразного по проблематике, разбросанного по различным изданиям и зачастую не обобщенного в специальных статьях историографического характера. Наша задача более скромна: систематизировать главные достижения советской историографии Латвии, определить степень изученности отдельных периодов или проблем истории Латвии и, по возможности, выявить «белые пятна» в их исследовании. Предлагаемый историографический очерк — лишь подступ к научному обобщению итогов и перспектив развития исторической науки в Латвийской ССР.

Истоки советской историографии Латвии восходят к 1917 г. Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало советской школе латышских историков в лице коммунистов — революционных эмигрантов, проживавших в Советском Союзе. Комиссии по истории Коммунистической партии Латвии и истории латышских стрелков, работу которых возглавляли такие виднейшие деятели, как П. Стучка, Р. Эндруп, Я. Ленцман, К. Печак и др., собрали и систематизировали огромный фактический материал по истории революционного движения в Латвии. Эту работу вели в основном не историки-профессионалы, а общественные и политические деятели, которые сами являлись руководителями или участниками недавних революционных событий. Поэтому публикации того времени — сборники документов, воспоминания, статьи и другие материалы — представляют

сейчас непреходящую ценность. Многие из них, по сути дела, приобрели характер первоисточников, без которых не может обойтись ни один современный исследователь. Подчеркивая значение этих трудов для становления марксистско-ленинской историографии Латвии, упомянем такие известные публикации, как «Пролетарская революция в Латвии» (1924), «9 и 13 января. Январские дни 1905 года и их отзвуки в Латвии» (1925), «25 лет Коммунистической партии Латвии» (1929), «История латышских стрелков» (1934), «Латышский революционный стрелок» (1935), «Книга памяти павших революционных борцов» (1933, 1936), «1905 год» (1936) и ряд других. Приходится с сожалением констатировать, что эта плодотворная работа была, по существу, прервана во второй половине 30-х годов, когда издательство «Прометей», много сделавшее для выявления и публикации материалов по истории революционного движения в Латвии, было закрыто. В сложившейся тогда обстановке марксистско-ленинской разработкой проблем истории Латвии в Советском Союзе занимались лишь отдельные ученые-энтузиасты. Что эта деятельность не прошла бесследно, показали годы Великой Отечественной войны (1941—1945), когда темы патриотизма, вековой дружбы латышского и русского народов, их совместной борьбы против общих врагов — германских захватчиков, против царского самодержавия, помещиков и капиталистов прозвучали в полную силу в трудах таких латышских советских историков, как Я. Зутис, Я. Крастынь и др.

Восстановление Советской власти в Латвии в 1940 г. создало необходимые условия для развития марксистской исторической науки в молодой советской республике. Однако процесс реорганизации научных учреждений, подготовки к изданию работ советских историков Латвии был прерван вероломным нападением гитлеровской Германии и временной оккупацией территории Латвийской ССР.

Новый этап латвийской советской историографии начался с освобождения Латвии от немецко-фашистских захватчиков. В Риге было создано несколько научных центров по изучению истории латышского народа, а вузы республики стали выпускать первые кадры советских историков младшего поколения. Научно-исследовательская работа по истории Латвийской ССР сосредоточилась главным образом в Институте истории АН Латв. ССР и Институте истории партии при ЦК КП Латвии, а также на кафедрах марксизма-ленинизма, истории и других общественных дисциплин Латвийского государственного университета и других учебных заведений республики. Во второй половине 40-х — начале 50-х годов была проведена серьезная работа, связанная с коренной перестройкой научной деятельности

в области истории, внедрением марксистско-ленинской методологии в исторические исследования, борьбой против буржуазно-националистической идеологии и лженаучных концепций немецко-прибалтийской и латышской буржуазной науки. Громадное значение имел перевод на латышский язык основных произведений классиков марксизма-ленинизма и, в частности, собрания сочинений В. И. Ленина (1948—1964).

В этот период была начата работа по написанию систематического курса истории латышского народа и подготовлено несколько фундаментальных исследований по важнейшим проблемам истории Латвии. В их числе — удостоенные Государственной премии СССР капитальные труды академиков Я. Зутиса «Остзейский вопрос в XVIII в.» (1946) и Я. Крастыня «Революция 1905 г. в Латвии» (1950). Сложнее обстояло дело с изучением актуальных проблем новейшей, послеоктябрьской истории Латвии и особенно современности. Начетничество и догматизм, характерные для ряда работ начала 50-х годов, вели к отрыву от жизни и сковывали теоретико-познавательную роль истории как науки. Наконец, исследователям не были доступны многие важные архивные фонды, а многие славные имена революционного прошлого, которыми гордится латышский народ, фактически предавались забвению. Все это обедняло историю и в ряде случаев вело к отступлениям от исторической правды.

Важные решения XX съезда КПСС (1956), осудившего нарушения ленинских норм в партийной и общественной жизни, открыли широкий простор для творческого подъема во всех областях культуры, включая и общественные науки. Советская историческая наука, строго придерживаясь ленинской методологии научных исследований, сумела преодолеть вредные наслоения прошлого и за короткое время добилась больших успехов. Как указывается в Программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой на XXII съезде КПСС (1961), общественные науки составляют научную основу руководства развитием общества. Историки Латвии вместе со всем большим отрядом советских историков восприняли этот замечательный документ как программу своей практической деятельности. Исследуя основные закономерности общественного развития на территории Латвии в разные периоды ее истории, они уделяют внимание преимущественно современной тематике. Раскрытие законов развития социалистического общества, изучение новых явлений и новых проблем, возникающих в ходе коммунистического строительства, имеют не только теоретическое, но и практическое значение, в первую очередь — для воспитания нового человека в духе коммунистического мировоззрения.

Именно в этот период — во второй половине 50-х — начале

60-х годов — было завершено создание таких фундаментальных коллективных трудов, как систематический курс истории Латвии, первый том очерков по истории Коммунистической партии Латвии, ряд ценных публикаций документальных материалов по истории революционного движения в Латвии, воспоминания латышских революционеров о В. И. Ленине и некоторые другие.

Большое значение имело завершение обобщающего труда по истории Латвии¹. В этом трехтомнике на основе марксистско-ленинской методологии впервые в советской историографии установлена научная периодизация истории Латвии, всесторонне охарактеризованы важнейшие этапы классовой и национально-освободительной борьбы латышского народа, определены сущность и особенности общественно-политических движений, широко освещена деятельность Коммунистической партии Латвии. Авторам приходилось, поднимая во многих случаях исследовательскую целину, осмыслить сложный исторический процесс с древнейших времен до наших дней и совершенно по-новому подойти к освещению многих важнейших событий и фактов исторического прошлого латышского народа.

Важнейшим достоинством систематического курса является то, что в центре его внимания находятся широкие народные массы. Со страниц «Истории Латвийской ССР» народ предстает как подлинный творец материальной и духовной культуры, борющийся за лучшую жизнь, за социальную справедливость, за передовые идеи своего времени. Не менее важно и то, что история латышского народа изложена в этом труде в тесной и органической связи с историей других братских народов Советского Союза. В работе хорошо вскрыты исторические связи латыш-

¹ История Латвийской ССР, т. 1. Рига, 1952. 661 стр.; т. 2. Рига, 1954. 546 стр.; т. 3. Рига, 1958. 798 стр.; *Latvijas PSR vēsture*, 1. sēj. Rīgā, 1953. 532 lpp.; 2. sēj. Rīgā, 1955. 445 lpp.; 3. sēj. Rīgā, 1959. 664 lpp. — Первый том (ответственный редактор — академик Я. Я. Зутис, авторы — Я. Я. Зутис, М. К. Степерман, Т. Я. Зейд и др.) охватывает историю первобытного и феодального общества, второй том (ответственный редактор — академик Я. П. Крастынь, авторы — Я. П. Крастынь, А. А. Дризул, Т. Я. Драудинь, Э. Я. Андерсоне) освещает историю Латвии периода капитализма — с начала 60-х годов XIX в. до октября 1917 г., третий том (ответственный редактор — академик К. Я. Страздинь, авторы — К. Я. Страздинь, А. А. Дризул, Т. Я. Драудинь, Э. Я. Андерсоне, Р. Я. Тизенберга) освещает историю новейшего периода — от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Кроме того, коллектив сотрудников Института истории АН Латв. ССР подготовил два однотомных издания сокращенного курса истории Латвийской ССР (авторы — К. Я. Страздинь, Я. Я. Зутис, Я. П. Крастынь, А. А. Дризул, Р. Я. Тизенберга, Э. Я. Андерсоне, В. И. Савченко, О. Я. Споге, М. И. Кудрявский): *История Латвийской ССР. Сокращенный курс*. Рига, 1955. 621 стр.; *Latvijas PSR vēsture. Saīsināts kurss*. Rīgā, 1956. 552 lpp.; *Latvijas PSR vēsture. Saīsināts kurss (otrais pārstrādātais un papildinātais izdevums)*. Rīgā, 1967. 752 lpp.

ского и русского народов, показан прогрессивный характер этих связей, раскрыто всемирно-историческое значение совместной многовековой борьбы латышского и русского народов с иноземными захватчиками и поработителями, против ига помещиков и капиталистов. Многие страницы этого коллективного труда, обобщающие факты национальной истории Латвии, несомненно, имеют значение также для понимания истории других народов, в первую очередь — русского, эстонского и литовского. Насыщенная яркими фактами и убедительная по основным своим выводам, эта работа направлена против чуждых советской науке концепций, прежде всего — против буржуазно-националистической пропаганды, всегда извращавшей историю Латвии.

Серьезный шаг вперед сделан в разработке истории Коммунистической партии Латвии. В «Очерках истории Коммунистической партии Латвии»² систематизирован и обобщен огромный фактический материал о славном боевом пути революционной партии латышского пролетариата. Анализ широкого круга разнообразных источников позволил авторскому коллективу по-новому подойти к освещению ряда важных вопросов истории Коммунистической партии Латвии. Одним из основных достоинств очерков является то, что авторам удалось показать историю Коммунистической партии Латвии исследуемого периода как неотъемлемую составную часть истории партии великого Ленина, подчеркнуть руководящую роль ленинских идей, рассказать о тесных связях вождя мировой революции с латышскими социал-демократами, осветить деятельность многих видных революционеров Латвии, которые прежде по тем или иным причинам не упоминались в исторической литературе.

Успешное создание этих обобщающих трудов, получивших признание научной общественности и массового читателя, явилось крупным событием в культурной жизни латышского народа

² Latvijas Komunistiskās partijas vēstures apcerējumi, 1. d. Rīgā, 1961. 461 lpp.; 2. d. Rīgā, 1965. 426 lpp.; Очерки истории Коммунистической партии Латвии, ч. 1. Рига, 1962. 533 стр.; ч. 2. Рига, 1966. 472 стр. — В первой части «Очерков» (руководитель авторского коллектива — профессор В. К. Мишке, авторы — И. К. Аппине, Я. Я. Биезайс, Э. Я. Дижгалвис, К. Я. Каулинь, Я. Я. Кайминь, Л. П. Креслинь, Д. П. Шмидре, Р. Э. Трейс) освещается период истории Коммунистической партии Латвии с 90-х годов прошлого столетия до 1919 г., когда в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции почти на всей территории Латвии была установлена Советская власть. Вторая часть «Очерков» (руководитель авторского коллектива — профессор В. К. Мишке, авторы — П. Б. Бамбитис, Я. Я. Биезайс, А. А. Дризул, З. В. Духанова, Я. Я. Кайминь, И. В. Кадике, Э. Р. Лидаце, П. Д. Олмане, А. К. Рашкевиц, В. П. Самсон, О. Я. Споге, Ю. Ю. Спруж, И. А. Штейман, С. В. Зиёмелис) охватывает двадцатилетний период борьбы партии против диктатуры буржуазии (1920—1940).

и вместе с тем — достижением советской исторической науки. Свидетельством определенных успехов историографии Советской Латвии за этот период было появление ряда серьезных исследований — книги М. К. Степермана «Волнения крестьян в Видземе в 1750—1784 гг.» (1956), удостоенной республиканской Государственной премии, докторской диссертации А. А. Дризула «Латвия под игом фашизма» (1959) и многих других работ, о которых речь пойдет в этой книге.

Говоря о развитии исторической науки в Советской Латвии, необходимо учитывать, что историки республики всегда ощущали постоянную помощь своих коллег из Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза, в том числе таких известных ученых, как академики Б. Д. Греков, А. М. Панкратова, М. В. Нечкина, И. И. Минц, Б. А. Рыбаков, Х. А. Моора и др. Центральные научно-исследовательские учреждения страны прежде всего помогли в подготовке кадров — целый ряд молодых латышских историков окончил аспирантуру и защитил диссертации при институтах истории, философии и этнографии АН СССР. Специалисты из других союзных республик принимали активное участие в обсуждении всех крупнейших работ, подготовленных историками республики, в том числе макетов «Истории Латвийской ССР» и «Очерков истории Коммунистической партии Латвии». В Риге состоялся ряд всесоюзных и межреспубликанских научных конференций, на которых обсуждались проблемы, требующие совместных усилий историков братских республик. Назовем в этой связи, например, конференцию, посвященную 20-летию восстановления Советской власти в Прибалтике (1960), симпозиум по аграрной истории Восточной Европы (1961), объединенную научную конференцию историков Москвы, Литвы, Эстонии и Латвии по вопросам истории советского рабочего класса (1965), конференцию по истории экономических связей Прибалтики с Россией (1966), конференцию, посвященную 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции (1967), научную сессию, посвященную памяти академика Я. Я. Зутиса (1968), конференцию по источниковедческим проблемам истории народов Прибалтики (1968). Выступления латвийских историков с научными докладами и сообщениями на сессиях, происходящих в других городах или республиках, стали, можно сказать, повседневной практикой. И в то же время многие из историков Москвы, Ленинграда, Таллина, Минска и других городов включаются в разработку «общепалтийских» проблем (в особенности по линии изучения политических, экономических и культурных связей) и таким образом вносят свой вклад в советскую историографию Латвии. Дружественное сотрудничество между латвийскими исследователями и учеными

других республик Советского Союза развивалось по линии совместной подготовки коллективных трудов общесоюзного и даже более широкого профиля. Так, историки Латвийской ССР принимали и принимают участие в работе над «Всемирной историей», «Историей СССР», «Историей КПСС», всесоюзными археологическими и этнографическими атласами, новыми изданиями Советской энциклопедии, многотомником «Народы мира», многотомной историей Великой Октябрьской социалистической революции и т. д. Наконец, стали хорошей и прочной традицией международные научные связи, особенно контакты с историками социалистических стран. Историки Советской Латвии участвовали в работе X и XII международных конгрессов исторических наук (Рим, 1955; Вена, 1965), VII и VIII международных конгрессов этнографических и антропологических наук (Москва, 1964; Токио, 1968) и ряда международных симпозиумов.

Предлагаемый очерк имеет в виду обзор основных достижений и главных проблем советской историографии Латвии за истекшую четверть века. Центральное место в книге занимает анализ исторической литературы, вышедшей в республике в послевоенный период. Однако приходилось учитывать и некоторые работы русских, эстонских, литовских и белорусских историков, имеющие прямое отношение и подчас большую ценность для разработки истории Латвии. В отдельных случаях, когда это представлялось необходимым, подвергнуты рассмотрению также работы латышских историков, изданные в Советском Союзе в 20—30-х годах.

Сделанное историками — лишь малая доля того, что предстоит сделать в будущем. Приходится, естественно, говорить также о недостатках и упущениях на нашем историческом фронте. Наиболее существенный из них — все еще недостаточно глубокое изучение новейшей, и особенно современной, тематики. Есть много пробелов также в разработке отдельных проблем капиталистической и феодальной формаций, в освоении быстро накапливаемого археологического материала, наконец — в изучении истории культуры латышского народа (в самом широком понимании этого термина). Речь при этом идет не столько о количественной стороне дела (поскольку число публикаций растет с каждым годом), сколько о качестве этих исследований, об их содержании. Наука идет вперед, совершенствуется методика обработки первоисточников, расширяется круг специальных исторических дисциплин, растет требовательность читателя к уровню обобщения исторических фактов, событий или явлений. Если эта книга будет способствовать уяснению слабых мест в подлинно

научной разработке вопросов давней и современной истории Латвии, авторы будут считать свою задачу выполненной.

Разделы, трактующие проблемы историографии Латвии до капиталистического периода (примерно до 1861 г.) написал доктор исторических наук В. В. Дорошенко, анализ исторических публикаций по периодам капитализма и социализма принадлежит перу кандидата исторических наук А. К. Бирона. Оба автора считают своим приятным долгом выразить благодарность коллегам по Институту истории АН Латвийской ССР, оказавшим им помощь, а также рецензентам и читателям, высказавшим ряд критических замечаний по первому варианту данной работы, опубликованному в 1966 г. на латышском языке. Указанный вариант подвергся существенной переработке по каждому из разделов. В текст нынешнего издания помимо отдельных перестановок и уточнений внесены дополнения, учитывающие новейшую историческую литературу вплоть до 1969 г.

Этническая история латышского народа, связанная с этногенезом других народов Прибалтики и их соседей — славян, насчитывает много тысячелетий. Возникновению современной латышской нации предшествовало формирование латышской народности на базе древних племен латгалов, селов, земгалов и куршей, а «истоки» этих племен ведут в еще более отдаленные времена. Проследить все этапы столь длительного и, может быть, наиболее сложного исторического процесса наука пока не может. Неослабевающий интерес читателей к вопросам этногенеза опережает работу ученых по собиранию и обобщению фактов, нужных для всестороннего разрешения этих вопросов. Оценивая результаты работы ученых, следует различать две группы проблем: происхождение латышей как представителей балтской языковой группы и этническую историю территории Латвии. Изучение проблем первой группы ведется в общесоюзном масштабе, ответственность за состояние проблем второй группы несут, разумеется, прежде всего латвийские археологи и лингвисты, антропологи и этнографы.

Буржуазная историческая наука исходила из неправильных, идеалистических представлений об этнических категориях как якобы «вечных» и «неизменных», рассматривала их в отрыве от общественно-экономического развития самих носителей «этноса». Отправляясь от критики этих концепций, зачастую (как в работах известного латышского археолога Ф. Балодиса) служивших буржуазно-националистической пропаганде, советские историки пытаются нарисовать целостную картину далекого прошлого срединной полосы Восточной Европы, которую в древности населяли предки балтов, славян и финно-угров. Объектом исследования стали коренные, в прошлом мало изученные вопросы этногенеза и ранней истории этих крупнейших этнических групп. За годы

Советской власти собрано огромное количество нового материала, позволяющего взглянуть по-новому на ранее известные факты, пересмотреть старые схемы, выдвинуть новую проблематику.

К числу проблем, поднятых уже раньше, но не потерявших своей актуальности, относится и вопрос о территории древнейшего расселения балтов, об их последующих передвижениях, взаимоотношениях со славянами и т. д. Древние балты были, как известно, общими предками латышей и литовцев, а также исчезнувших в средние века пруссов, ятвягов, голяди и некоторых других племен. Еще в конце прошлого века языковеды обратили внимание на топон- и гидронимику Верхнего Поднепровья, Волжско-Окского междуречья, а также верхнего течения Даугавы (Западной Двины) и Оки. Совокупность географических названий обнаруживала в себе явно балтские по происхождению элементы, что позже было подтверждено исследованиями К. Буги (1924), М. Фасмера (1932) и ряда других ученых. В специальной литературе эти наблюдения стали предметом внимательного анализа (в плане сопоставления лингвистических данных с показаниями археологии) лишь сравнительно недавно. Достаточно сопоставить, например, работы ведущих специалистов — археологов и этнографов, опубликованные в начале 50-х годов и позже, после XX съезда КПСС. В первых из них эта проблема как бы отсутствовала¹. Зато в статьях проф. Х. А. Моора, вышедших в свет в 1956—1958 гг., прямо указывается на то, что в вопросе о расселении балтов в глубокой древности не существует особых расхождений между свидетельствами топонимики, с одной стороны, а с другой, — археологии. Предки балтских племен во II—I тысячел. до н. э. действительно заселяли весьма обширную территорию в Восточной Европе. Границы этой территории сравнительно ясно прослеживаются на северо-востоке и менее четко — на юго-западе. Балтская гидронимия отчетливо выявляется в районах Верхнего Поднепровья и Волжско-Окского междуречья, в бассейнах Зап. Двины и Немана, а также до устьев Вислы. Археологически этот массив представляет северо-восточную часть ареала распространения племен шнуровой керамики, или «культуры боевых топоров», т. е. пастухов-скотоводов, сменявших здесь еще более древнее население — охотников и рыболовов племен «ямочно-гребенчатой керамики» (III тысячел. до н. э.). Предки славян, как и германцев, представленные, как по-

¹ Х. А. Моора. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. — КСИЭ, 12, 1950, стр. 29—37; Н. Моора. Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā, 1952, 25.—26., 43.—45., 61.—63. lpp.; см. также Н. Н. Чебоксаров. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики в свете данных этнографии и археологии. — КСИЭ, 12, 1950, стр. 15—28.

лагают, носителями той же «шнуровой керамики», были соседями балтов на юге и на западе. Восточная группа славянства из района своего «первоначального» расселения распространялась к северо-востоку несколько позже, чем полагали ранее, — лишь в I тысячел. до н. э., причем на занимаемых ими землях Верхнего Поднепровья и Верхней Волги они заставляли «восточных балтов». Вопрос о северо-восточной группе племен шнуровой керамики как предках балтов всесторонне исследовал Х. А. Моора².

Этапы славянской колонизации этих районов, ставших потом колыбелью известных уже по летописи «племенных княжений» полян, древлян, вятичей, кривичей и др., иначе говоря, «предыстория» древнерусской народности прослежена в монографии П. Н. Третьякова³. Как указывает автор, «славянское население в области верхнего течения Днепра и Волги было пришлым, оно наслоилось некогда на местный этнический субстрат». Сперва оно встретилось с балтами («на рубеже и в первые века нашей эры начался процесс ассимиляции днепровских балтов славянами»), а позже — уже во второй половине I тысячел. н. э. — и с финно-угорскими племенами Волжско-Окского междуречья. Указывая причины расселения славян именно в этом направлении (давление южных племен в эпоху так называемого переселения народов, разница в уровне социально-экономического развития в пользу славян и т. д.), П. Н. Третьяков подчеркивает относительно мирный характер славянской колонизации и отмечает следы некоторого влияния старой (балтской и финно-угорской) культуры на быт славянских переселенцев. И в этом смысле «строителями» древнерусской народности являлись не только восточнославянские племена, но и ряд восточнобалтских, а также финно-угорских племенных групп на севере...»⁴. К концу I тысячел. н. э. в северных областях Верхнего Поднепровья остатки восточных балтов сохранялись лишь в виде отдельных, изолированных островков (например, голядь), а заключительные этапы их ассимиляции протекали уже в период Древнерусского государства, т. е. в XI—XII вв.⁵

² Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. — СА. 1958, 2, стр. 9—33; Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. — В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 49—141.

³ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966. 308 стр.

⁴ Там же, стр. 4.

⁵ Вопросам балто-славянских отношений и роли восточных балтов в формировании северной ветви русской народности специально посвящены

Иначе складывалась судьба западных балтов — предков литовско-латышских и прусских племен — в Юго-Восточной Прибалтике. Пастушеские племена «боевых топоров» оставили приметы своего пребывания и в этом районе. Как установил Х. А. Моора, они проникали сюда, видимо, с юга, оттесняя местные, охотничье-рыболовецкие племена, уже на рубеже III и II тысячел. до н. э. и развивали свою культуру по крайней мере с конца неолитического периода, в бронзовом и раннем железном веках. Таким образом, предки будущих жемайтов и аукшайтов, земгалов и куршей, латгалов и селов не появились на своей «исторической» территории в результате их «вытеснения» славянскими племенами (как считал, например, К. Буга), а были древними ее жителями, частью западной ветви балтов, населявшей район между Вислой и Даугавой. Генетическая преемственность в формах материальной культуры, наблюдаемая в Восточной Прибалтике с конца неолита вплоть до фиксации названных выше племен в письменных памятниках, попросту исключает возможность крупных этнических перемен на территории Литвы или южной части Латвии на протяжении ряда тысячелетий.

В работах Ф. А. Загорскиса, Л. В. Ванкиной, Я. Я. Граудониса, Э. Д. Шноре и других латышских археологов указанная преемственность прослеживается на богатом материале прежних и новых раскопок⁶. Ямочно-гребенчатая керамика, встречающаяся на территории Латвии в III тысячел. до н. э., этнически связана с финно-уграми, а шнуровая керамика, культура «боевых топоров» (с начала II тысячел. до н. э.) была

два раздела упомянутой монографии П. Н. Третьякова: «О возникновении балтов» (стр. 108—112) и «Балты и славяне в северных областях Верхнего Поднепровья в середине и третьей четверти I тысячел. н. э.» (стр. 273—285). — Труд П. Н. Третьякова, который по значению приравнивается к известной, но, естественно, уже устаревшей работе Ю. В. Готье «Железный век в Восточной Европе» (1930), уже вызвал полемику. Так, например, В. В. Седов не сомневается в принадлежности балтам также и зарубинецкой и милоградской культур (существовавших в Полесье), которые П. Н. Третьяков отнес к славянским. Полемический характер этих вопросов в значительной мере объясняется тем, что бесспорно славянские памятники в Восточной Европе вообще датируются уверенно лишь начиная с VI—VII вв. н. э. (см. СА, 1967, 3, стр. 307—315).

⁶ Проблемы этногенеза так или иначе затрагивались в каждом исследовании, посвященном определенной эпохе или же комплексу археологических памятников. Поскольку эти работы подробно охарактеризованы ниже, в данной связи отметим лишь новую обобщающую работу по этнической истории территории Латвии: Л. В. Ванкина, Я. Я. Граудонис, Э. Д. Шноре. Археологические данные по этногенезу Латвии. М., 1964. 9 стр. (VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук). — Ценный обзор современного состояния этой проблемы дает также Я. Граудонис: Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Начало разложения первобытнообщинного строя. Рига, 1967, стр. 136—141.

определенно принесена балтами. Длительное соприкосновение обеих этнических групп, оказавшее влияние как на язык (лексические заимствования), так и на материальную культуру (керамика), сопровождалось процессами сегментации и ассимиляции. Балты на юге Латвии, где они составляли большинство, ассимилировали финно-угров, на севере растворялись в их среде. Зона соприкосновения в конце неолита проходила примерно к северу от р. Абава, по Видземской возвышенности и, очевидно, пересекала Латгале. Имея в виду VII—VI вв. до н. э., можно говорить о консолидации самых ближайших предков латышских племен южнее указанной зоны, а предков ливов и эстонцев — к северу от нее. Внося существенный корректив в старые представления о ходе этногенеза на территории Латвии, советские археологи доказали, что течение Даугавы было пересечено балтскими племенами не в первых веках нашей эры (как полагал, например, Ф. Балодис), а значительно раньше, точнее, уже в первой половине I тысячел. до н. э. Продвижение балтов на север сопровождалось распространением новых форм хозяйства — скотоводства и земледелия. В частности, заросшие лесом Видземская и Латгальская возвышенности осваивались пришельцами по мере того, как применение железных орудий обеспечивало возможность ведения подсечного земледелия. Как полагает Я. Я. Граудонис, известные локальные различия (в материале могильников), совпадающие с территорией распространения диалектов латышского языка, позволяют уловить начало формирования уже во второй половине I тысячел. до н. э. тех древнелатышских племен (курши, земгалы, селы, латгалы), которые вполне явственно выделяются позже, в первые века нашей эры.

Современная этническая карта Латвии (как и лесной полосы Европейской России) складывалась в общих чертах на протяжении I тысячел. н. э. Во второй его половине все еще шло продвижение латышских племен в районы прежнего финно-угорского заселения. Латгалы продвигались в северную часть Видземе и Латгале, курши — на север Курземе, часть земгалов — в бассейне р. Гауя. Этот процесс изучается главным образом по данным погребальных памятников, поскольку они отражают племенные особенности. Менее других выяснены истоки материальной культуры и этапы этногенеза видземских селов и ливов.

Древнелатышские племена постепенно консолидировались. Близость языка и материальной культуры живших в тесном соседстве с ними эстонских и литовских племен, а также восточных славян способствовала их сближению между собой. Начало формирования единой латышской народности проф. Моора относит к IX—XII вв., т. е. к периоду, когда в Прибалтике складывались основы феодального общества. Процесс формирования

латышской народности, к сожалению, пока мало изученный, длился века. Единство материальной культуры (одежда, жилище, орнамент и т. п.), как и общность языка всех латышей, сложилось лишь в эпоху развитого феодализма, в обстановке господства немецких завоевателей. Завершение указанного процесса, пожалуй, можно датировать XVI—XVII вв.

Некоторые из важнейших его сторон, улавливаемые по письменным, лингвистическим и этнографическим памятникам эпохи феодализма, прослежены в совместных исследованиях Х. А. Моора и А. Х. Моора⁷. Основное внимание в них уделяется специфике экономики трех основных зон прибалтийской культурной области. Первая зона, или «подобласть», — центральная, занимающая расположенные в основном на возвышенностях районы Литвы, Латвии и Эстонии с развитым земледелием и наиболее густой заселенностью; вторая зона — прилегающая к морю территория с малоплодородными почвами и меньшей плотностью заселения, где издавна получили развитие морской промысел и торговое судоходство; наконец, третья зона — восточные районы всех трех республик с их многочисленными озерами и реками и большими лесными массивами, где большое значение приобрело рыболовство и, видимо, также лесной промысел. Вполне определившиеся уже в I тысячел. н. э. различия между зонами сохранялись — видоизменяясь со временем — и в эпоху феодализма. В названных исследованиях прослеживается развитие специфических черт земледелия, одежды, поселений, торговых и промысловых занятий населения этих зон вплоть до XVIII—XIX вв. Решающим фактором возникновения прибалтийской историко-культурной общности, по мнению Х. А. Моора, были не столько этнические традиции или политическая обстановка, сколько развитие производительных сил, взаимодействие человеческих коллективов и местных природных условий.

В разработку отдельных сторон проблемы этногенеза народов Прибалтики и, в частности, латышей, существенный вклад вносят советская антропология и лингвистика. В антропологическом отношении Прибалтика — одна из наиболее хорошо изученных областей СССР. В большом исследовании М. В. Витова, К. Ю. Марк и Н. Н. Чебоксарова⁸ установлены шесть ло-

⁷ Х. А. Моора и А. Х. Моора. К вопросу об историко-культурных подобластях в районах Прибалтики. — СЭ, 1960, 3, стр. 21—51; Х. А. Моора. К вопросу о возникновении прибалтийской историко-культурной области. М., 1964. 8 стр. (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук); см. также: Н. Н. Чебоксаров. О древних хозяйственно-культурных связях народов Прибалтики. — СЭ, 1960, 3, стр. 94—115.

⁸ М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Этническая антропология народов Прибалтики. М., 1959. 238 стр. (ТрПКЭ, 2).

кальных комплексов антропологических признаков местного населения и схема их эволюции, а также прослежены два основных пути (южный и восточный) заселения Прибалтики с глубочайшей древности (с VIII тысячел. до н. э.). Из латвийских ученых в этой области весьма успешно работает Р. Я. Денисова. В своей кандидатской диссертации⁹ она показывает процесс формирования антропологического состава восточных латышей (потомков древних латгалов) и восточных литовцев (потомков аукшайтов), различие и сходство этих типов, с одной стороны, с западными латышами и литовцами, а с другой, с русскими и белорусами. Эти исследования, важные для выяснения древних стадий этногенеза (начиная от неолита), а также проблемы славяно-балтийских взаимоотношений в более позднее время, нашли продолжение в ряде ценных статей Р. Я. Денисовой. Часть их посвящена сравнительному анализу краниологического материала восточной части Латвии и сопредельных с ней территорий во второй половине I и начале II тысячел. н. э.¹⁰, другая — этнической истории селов и ливов, а также вопросу о племенной принадлежности населения так называемых Фатьяновских могильников¹¹. Латвийские антропологи, работая в тесном сотрудничестве с учеными других братских республик, вносят свой вклад в дальнейшую разработку сложных проблем балтийского этногенеза¹².

⁹ Р. Я. Денисова. Антропологический состав восточных латышей и восточных литовцев. Автореф. канд. дисс. М., 1958.

¹⁰ Р. Я. Денисова. К вопросу об антропологическом составе восточных латышей и восточных литовцев. — ИАН ЛССР, 1958, 2, стр. 21—23; Р. Я. Денисова. К истории формирования антропологического состава восточных латышей и восточных литовцев. — ИАН ЛССР, 1958, 3, стр. 17—23; Р. Я. Денисова. Палеоантропологический материал из неолитического могильника Крейчи. — СЭ, 1960, 3, стр. 163—169; R. Deniſova. Piezīmes par latviešu antropoloģisko tipu Gulbenes rajonā. — AE, 4, 1962, 193.—196. lpp.; Р. Я. Денисова. Новый краниологический материал из могильника латгалов VII—XII вв. и некоторые вопросы этнической антропологии восточных латышей. — ИАН ЛССР, 1964, 2, стр. 3—14; Р. Денисова. Особенности дерматоглифики латышей. — РТ 1966, стр. 46—50; R. Deniſova. Austrumlatviešu antropoloģiskā tipa īpatnības sakarā ar viņu etnisko vēsturi. — AE, 8, 1968, 93.—103. lpp.

¹¹ Р. Я. Денисова. Антропологический тип ливов. — БЭСб, 1956, стр. 229—244; Р. Я. Денисова. К вопросу об антропологическом типе селов XI—XII вв. в связи с краниологическим материалом из могильника Леясдупелес. — ИАН ЛССР, 1964, 5, стр. 19—30; Р. Я. Денисова. Новые данные об антропологическом типе населения фатьяновской культуры. — СЭ, 1966, 4, стр. 24—37.

¹² Н. Н. Чебоксаров. Новые данные по этнической антропологии Советской Прибалтики. — ТриЭ, нов. серия, 23, М., 1954, стр. 13—35; К. Ю. Марк. Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита в Прибалтике. — ИАН ЭстССР, 1956, 1, стр. 43—62; В. П. Якимов. Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики. — ТриЭ, 32, 1956, стр. 268—272; М. Витов. Антропологическая характеристика населения Восточной

Археологи научились датировать вещи, устанавливать их типологию и — соответственно — принадлежность к определенной «культуре». Сложнее обстоит дело с отнесением этих вещей к «этносу». Иная трудность стоит перед лингвистом, решающим проблему установления хронологии фактов истории языка. В этих условиях взаимопомощь, координированное сотрудничество историков с языковедами становятся очевидной необходимостью. Огромное значение для наших историков имеют основополагающие труды академика Я. Эндзелина о древних (в том числе славянских) контактах балтских языков¹³, а также по топонимике Латвии¹⁴. Как отметил Я. Эндзелин, названия местностей являются как бы «архивом земли», способным — подобно документальным архивам — пролить свет на самое отдаленное прошлое, в том числе и по вопросам этногенеза. Ныне труд Я. Эндзелина продолжают его ученики, работающие в тесном контакте с археологами¹⁵. Своего рода филологический комментарий к археологическим данным о могильниках и поселениях в восточных районах Латвии дает, например, К. Курцалтс¹⁶.

Прибалтики (по материалам антропологического отряда Прибалтийской экспедиции 1952—1954 гг.). — ТрПКЭ, 1, 1959, стр. 561—578; В. П. Алексеев. Краниологические материалы к проблеме происхождения восточных латышей. — СЭ, 1961, 6, стр. 29—39; В. П. Алексеев. Историческое значение антропологических различий между населением западных и восточных районов Латвийской ССР. — ИАН ЛССР, 1963, 10, стр. 19—32; В. П. Алексеев. Краниологические материалы к проблеме происхождения западных латышей. — СЭ, 1966, 2, стр. 34—49; Г. Ф. Дебец. О путях заселения северной полосы русской равнины и Восточной Прибалтики. — СЭ, 1961, 6, стр. 51—69; V. Aleksejevs. Latgaļu kranioloģija sakarā ar viņu izcelšanās jautājumu. — АЕ, 8, 1968, 105.—123. lpp.

¹³ См., например, Я. Эндзелин. Древнейшие славяно-балтийские языковые связи. — ИАН ЛССР, 1952, 3, стр. 33—46. — Попытку установить начальную и конечную дату распада первоначальной языковой общности балтов (II — середина I тысячел. до н. э.) и проследить эволюцию древних и более поздних балто-славянских и балто-финских контактов — с учетом данных не только лингвистики, но и археологии — предпринял недавно В. Мажюлис: Лингвистические заметки к балтийскому этногенезу. М., 1964. 6 стр. (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук).

¹⁴ J. Endzelīns. Latvijas PSR vietvārdi. I d., 1. sēj. (A—J); 2. sēj. (K—O). Rīga, 1956—1961.

¹⁵ В. Ф. Дамбе. Исследования по вопросам топонимики Латвийской ССР. Автореф. канд. дисс. Рига, 1962; A. Jānsone, Gulbenes rajona topomīkas jautājumi. — АЕ, 4, 1962, 199.—204. lpp.; M. Rudzīte. Daži Salacas baseina hidronīmi. — Baltistica, II (2), Vilnius, 1966, стр. 199—201; A. Jānsone. Vietvārdi Rīgas HES apkārtnē. — RT 1967; K. Ancītis, A. Jānsone. Mōnēst mūinas-Lāti kohanimest. — ЕМА, 22, 1967, lk. 302—311.

¹⁶ K. Kurcalts. Par dažiem Latvijas PSR austrumdaļas kapeņu un apmetņu toponīmiem. — АЕ, 8, 1968, 125.—134. lpp.; см. также: K. Kurcalts. Valodas liecības par Latgales etniku. — RT 1966; K. Kurcalts. Piezīmes latviešu toponīmikāi. — RT 1967.

Известный эстонский лингвист П. А. Аристе уделяет внимание «ливской проблеме»¹⁷, ей же посвящены исследования Э. Ю. Тыниссона, выполненные отчасти совместно с латвийскими археологами и обобщенные в его диссертации¹⁸. Не менее сложным является и вопрос о селлах — об их языке и ареале материальной культуры. Ниже мы скажем об археологических изысканиях, внесших немало нового в этот вопрос. По данным лингвистики его изучали К. Я. Анцитис и А. Я. Янсон, предпринявшие попытку определить территорию расселения селов в I тысячел. н. э.¹⁹ Перу названных авторов принадлежит также большое исследование по общим проблемам этнической истории Видземе, как она представляется ныне в свете языковедческих данных²⁰. «Олатышивание» населения Видземе началось, как известно, в первые века н. э. в результате наплыва сюда латгалов, селов, земгалов, куршей и литовцев. К. Анцитис и А. Я. Янсон прослеживают судьбу всех побывавших здесь этнических элементов начиная от неолита до XVIII—XIX вв. В работе рассматриваются последовательно: взаимные языковые отношения финно-угров и балтов в древнейший период, наследие финно-угорского населения («самов», ливов, эстонцев и др.) в более поздней топонимике Видземе, языковые свидетельства пребывания в Видземе разных групп балтов (литовцы, курши, земгалы, селы, латгалы) и, наконец, следы пребывания здесь германцев (весьма незначительные), а также славян (включая проблему загадочных «вендов» из «Хроники» Генриха Латвийского). Особого упоминания заслуживают приложенные к этой работе три карты и две таблицы по видземской топонимике, основанные на обработке одного из наиболее ранних массовых местных источников, а именно — шведской земельной ревизии 1638 г. Одной из любопытных страниц этнической истории Восточной Прибалтики является судьба определенно существовавшей в Латгалии в XVIII в. и позже небольшой группы эстонцев. В статье на

¹⁷ П. А. Аристе. Ливы и ливский язык. — ИАН ЭстССР, серия общ. наук, 1958, 1, стр. 36—45.

¹⁸ Я. Я. Граудонис, Э. Ю. Тыниссон. Раскопки ливских курганов в Кримулде. — СА, 1963, 4, стр. 241—252; E. Tõnisson. Lisandeid Idumea ajaloolle. — ЭБРФ, стр. 198—206; Э. Ю. Тыниссон. Об этнических границах в Западной Видземе. — Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений. Рига, 1966, стр. 114—116; E. Tenisson. Par Gaujas lībiešu uzkalniņu karu tipoloģiju. — RT 1967; Э. Ю. Тыниссон. Археологические памятники ливов в Видземе (X — начало XIII в.). Автореф. канд. дисс. Таллин, 1968.

¹⁹ К. Я. Анцитис, А. Я. Янсон. Некоторые вопросы истории древних селов. — СЭ, 1962, 6, стр. 92—104.

²⁰ K. Ancītis un A. Jansons. Vidzemes etniskās vēstures jautājumi. — AE, 5, 1963, 25.—66. lpp.

данную тему, написанной А. Янсоном²¹, ставится и более общий вопрос о необходимости изучать историю латышских переселенческих групп на территории СССР.

Проблемы этногенеза Прибалтики столь сложны, что и через десятки лет далеко не все станет «окончательно» ясным. Поток научной продукции, содержащей новые факты или гипотезы, подчас неожиданные и даже сенсационные²², продолжает расти. Доброй приметой последних лет помимо роста всеобщего интереса к этим проблемам можно считать наметившиеся попытки комплексного их разрешения совместными усилиями археологов и антропологов, этнографов и лингвистов как в самой Латвии, так и в соседних с нею братских республиках.

²¹ A. Jansons. Ludzas igauņi. — ZAVēst, 1968, 4, 19.—28. lpp. — Статья содержит обзор материалов о «лудзенских эстонцах», но, к сожалению, не предлагает сколько-нибудь обоснованного решения вопроса о времени и обстоятельствах их появления в этом районе, оставляя его «для дальнейших исследований».

²² Мы имеем в виду статью чешского нумизмата и языковеда К. Турнвальда, опубликованную в недавно вышедшем сборнике, посвященном латышско-славянским культурным связям: Kristian Turnwald. Die Balten des vorgeschichtlichen Mitteleuropas. — AE, 8, 1968, 35.—47. lpp. — Как видно уже из названия статьи, в ней речь идет о балтском языковом субстрате не только в восточной, но и в срединной части Европы, от Балтики до Адриатики. Пребывание балтов на указанной территории (включая земли на среднем Дунае) задолго до появления там кельтов и германцев отразилось, по мнению автора, в многочисленных местных названиях, которые якобы трудно связать со славянскими или германскими языками, зато «исключительно легко вывести из древнепрусского, литовского и латышского языков» (стр. 136). Непременно «балтская» атрибуция таких гидронимов, как Одер (от ūdrs), Лаба (от labs) и др., а также отдельных терминов («гривна» — от grīva) уже встретили возражения ряда филологов, определяющие, надо полагать, научную ценность «рабочей гипотезы» К. Турнвальда в целом.

II. ПОИСКИ И ОТКРЫТИЯ АРХЕОЛОГОВ: ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЛАТВИИ

Древнейшие следы человеческой деятельности на территории современной Латвии относятся к IX—VIII тысячел. до н. э. Период господства первобытнообщинной формации — наиболее длительный в истории (до первых веков н. э.), как и эпоху ее распада, возникновения классовых отношений (I тысячел. н. э.), изучает главным образом археология. Эти исследования сосредоточены в Институте истории АН Латвийской ССР, в Музее истории Латвийской ССР в Риге и отчасти в местных краеведческих музеях республики. В фондах музеев хранится более 100 тысяч предметов, собранных ранее; в советский период к ним прибавилось еще около 60 тысяч предметов, накопленных в результате систематических и планомерных раскопок за 1945—1968 гг. Ежегодно проводится 8—12 археологических экспедиций; всего за советский период изучено свыше 150 важных объектов. Это количественная сторона дела, свидетельствующая об огромном размахе исследовательских работ, особенно в последние 10—15 лет. Но еще более важны принципиальные изменения, которые произошли за годы Советской власти в самом содержании археологической науки.

Археологии уделялось внимание и в буржуазной Латвии. Тогдашние правители страны объявили эту науку «самой национальной» и стремились использовать ее достижения в целях националистической пропаганды. Советская археология, занимая особое, притом чрезвычайно важное, место в системе исторических знаний, стремится не к накоплению разрозненных «фактов» далекого прошлого, но к цельной интерпретации всего исторического процесса на основе марксистско-ленинской методологии.

Латвийские археологи в тесном сотрудничестве с коллегами из других братских республик добились весьма заметных успехов как в области полевых исследований, так и на пути их обобщения. Совершенствуется методика поисков и изучения вещного материала с применением достижений естественных и техниче-

ских наук. Впервые предпринято сплошное обследование отдельных «микрорайонов»: завершена программа раскопок в зоне затопления в окрестностях Плявиньской ГЭС, аналогичные изыскания развернуты в районе строительства Рижской ГЭС, множество других важных памятников изучено полностью или на больших площадях. Историк, имеющий дело с ограниченным кругом письменных документов, может лишь позавидовать археологу: каждая из раскопок сулит новые открытия. Много сделано и в области освоения непрерывно растущего фонда археологических материалов. Более 20 специалистов (в том числе 8 кандидатов наук), воспитанных в годы Советской власти, опубликовали пять больших монографий, а также около двухсот научных статей и сообщений, изданных в серии «Археология и этнография» (8 томов, 1957—1968 гг.), в ряде других сборников и в периодике. В глазах того же «письменного» историка это, быть может, и не так много. Следует, однако, учитывать специфику труда археолога: помимо ежегодных раскопок (необходимость которых подчас обусловлена возможной гибелью памятников) кропотливой работы требует консервация собранного материала и его всесторонний анализ. Этот лабораторный, чисто аналитический труд, естественно, удлиняет путь от полевого исследования до письменного стола. Тем не менее поток археологических публикаций начинает расти, и особенно в последние годы¹. В докладах и сообщениях археологов, обсуждаемых ежегодно на специальных научных сессиях, все чаще рассматриваются теоретические проблемы: методика полевых исследований, анализ и обобщение собранных данных, типология памятников и т. д.² Обратимся к содержанию опубликованных материалов.

¹ Обзоры наиболее существенных достижений советской археологии в Латвии, с соответствующей библиографией, публиковались неоднократно. Важнейшие из них: Х. Моора. Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики. — КСИИМК, 42, 1952, стр. 24—39; Х. А. Моора. Археологические исследования в Прибалтике. — ВАН СССР, 1958, 10, стр. 53—56; A. Stubavš. Arheoloģiskā pētniecība Padomju Latvijā 1945.—1960. g. (Aprskats). — АЕ, 4, 1962, 5.—15. lpp.; Х. П. Строд. К итогам крупнейших археологических полевых исследований в Латвии. — VII Международный конгресс доисториков и праисториков. М., 1966, стр. 222—223; А. Я. Стубавс. Археология в Советской Латвии (1945—1967 гг.). — СА, 1967, 4, стр. 103—122; Э. Мугуревич. Исследование поселений, городищ и замков на территории Латвийской ССР (1945—1965). — Acta Baltico-Slavica, 5, Białystok, 1967, str. 159—199; J. Graudonis, I. Loze, E. Mugurēvičs, E. Snore. Arheoloģiskie izrakumi Padomju Baltijā 25 gados. — АЕ, 8, 1967, 9.—18. lpp.; Н. Моора. Einige Ergebnisse der Burgbergforschung im Ostbaltikum. — SM, 74, 1967, S. 64—94.

² Эти материалы, носящие характер предварительных отчетов о результатах исследований археологов и этнографов, публикуются ежегодно, начиная с 1959 г.

Первые люди на территории Латвии появились значительно позже, чем в южных районах СССР. Об этой древнейшей поре еще недавно приходилось судить лишь косвенно — по эстонским находкам периода *мезолита*, или «среднего каменного века» (поселение Кунда, VII—VI тысячел. до н. э.). Мезолитические находки Лубанской низменности, представляющие собой аналог кундской культуры, — всего около 3 тысяч предметов из кости и рога — систематизированы в статье И. А. Лозе³. Эти материалы, обнаруженные случайно, раскрыли облик хозяйства древнейших охотников и рыболовов, населявших восточную часть Латвии в течение многих тысячелетий. Поздняя стадия мезолита (примерно V—IV тысячел. до н. э.) в виде отдельного культурного слоя на территории Латвии впервые обнаружена лишь в новейших раскопках, проводившихся под руководством Ф. Загорскиса. Это — нижние горизонты стоянки Оса (тоже в районе оз. Лубанас), а также могильника в Звейниекс (близ оз. Буртниекс), где по крайней мере часть из 80 обнаруженных погребений может быть с уверенностью отнесена к мезолиту⁴.

Гораздо полнее, притом всецело на латвийском материале, раскрывается жизнь человека на территории республики в «новом каменном веке» — неолите. Памятники *неолита* (III—II тысячел. до н. э.) обнаружены в разных районах Латвии. Весьма подробно изучен западный неолитический комплекс на побережье Балтийского моря. Проводившиеся в послевоенные годы раскопки стоянки на Сарнатском торфянике (Вентспилсский район) дали уникальный материал мирового значения. Здесь обнаружены великолепно сохранившиеся орудия труда, предметы бытового и культового назначения и другой инвентарь из дерева, кости, кремня и янтаря, а также остатки позднеолитических построек, сооружавшихся охотниками и рыболовами в период с середины III до первой половины II тысячел. до н. э. Частично уже отраженный в статьях и докладах Л. В. Ванкиной⁵, этот материал обобщен в подготовленной к печати обширной публикации⁶.

³ И. А. Лозе. Мезолитические находки Лубанской низменности. — ИАН ЛССР, 1964, 3, стр. 7—20.

⁴ Ф. Загорскис. Памятники позднего мезолита и раннего неолита на территории Латвии. — Пленум Института археологии АН СССР, 1966. Тезисы докладов, секция неолита и бронзового века. М., 1966, стр. 11—13; Ф. Загорскис. Раскопки некрополя каменного века Звейниекс. — АО, 1966, стр. 285.

⁵ Л. В. Ванкина. Древнее поселение в Сарнатском торфянике (Латвийская ССР). — Древние поселения и городища. Археологический сборник, 1. Таллин, 1955, стр. 138—149; см. также ее предварительные отчеты о раскопках в Сарнате и на других неолитических стоянках (Силиньупе, Лейманишки) в тезисах научных конференций — ТД 1955 и RT 1958—1961.

⁶ Л. В. Ванкина. Торфяниковая стоянка Сарнате. В печати.

В этом добротном исследовании подробно охарактеризованы: история изучения памятника (начатого в конце 30-х годов), географическая среда, два основных типа жилищ и — соответственно — типы инвентаря Сарнатской стоянки. Подробное описание местных находок (с привлечением сравнительно-археологических параллелей) обеспечивает возможность проверки полученных выводов. Орудия охоты и рыболовства, инструменты для обработки различных материалов, предметы домашнего обихода и религиозного культа, масса изделий из янтаря (составляющих более половины янтарных находок, известных вообще для Латвии периода неолита и ранней бронзы), наконец, многочисленные остатки керамики (11 тыс. черепков) — все это действительно позволяет «более ясно увидеть древнего неолитического человека, узнать и понять его повседневные заботы, суровую борьбу за существование, духовные устремления и т. д.». Не вызывает сомнения тезис, что основу хозяйства обитателей Сарнате составляли охота и рыболовство, а также собирание растительной пищи. По-видимому, уже в то время появились также зачатки животноводства и мотыжного земледелия, хотя прямых подтверждений этого действительно мало («единственная кость овцы или козы» и орудия «типа деревянной мотыги»).

Датировка находок, особенно жилищ «сарнатского типа», как и их принадлежность к определенной этнической группе, ставит проблемы, трудные для решения. В отличие от более ранних своих публикаций, относивших стоянку в Сарнате к середине II тысячел. до н. э., Л. В. Ванкина считает теперь эту дату «верхней границей заселения» и полагает, что «жилища сарнатского типа были интенсивно заселены (уже) во второй половине или в конце III тысячел., а также в начале II тысячел. до н. э.». Указанную хронологию подтверждает как типология вещных остатков (керамики), так и анализ проб (угля и костей) с применением радиоуглеродного метода (C^{14}). Этнические проблемы, рассматриваемые в последней главе этой работы, — пока, разумеется, область рабочих гипотез. Если культурная принадлежность стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой считается связанной с финно-угорскими племенами, то создателями культуры жилищ собственно «сарнатского типа», по предположению автора, могли быть какие-то древнейшие «представители балтских племен», населявшие данную территорию до появления финно-угров. Так как несколько позже, в эпоху ранней бронзы, присутствие балтов в этом районе не вызывает сомнений, гипотеза Л. В. Ванкиной представляется допустимой, хотя бы как отправной пункт для дальнейших дискуссий.

В восточной части Латвии другой важнейший неолитический комплекс изучен Ф. Загорскисом. Это — могильник и стоянка

в Крейчи (Лудзенский р-н), относящиеся ко II тысячел. до н. э. Их изучение также завершено. Обнаруженные тут 23 погребения, орудия труда, костный материал и керамика позволяют судить как о производительных силах, так и о погребальном обряде местного населения⁷.

Группа неолитических памятников, обнаруженных на стоянках в бассейне р. Айвиексте и ее притоков во время экспедиций 1963—1967 гг., описана в статьях И. Лозе⁸. Археологический материал, полученный в районе озер Лудзас и Лубанас, позволил установить существование ряда локальных культур, которые различались по типам керамики⁹.

Сравнительное обилие новых данных дало основу для выделения в неолите на территории Латвии раннего, развитого и позднего периодов. Каждый из них отличался особенностями материального быта: в развитом неолите, т. е. в конце III тысячел. до н. э., еще преобладали охота и рыболовство; в культуре позднего неолита, в первой половине II тысячел. до н. э., обнаружены зачатки скотоводства и земледелия. Весь имеющийся материал, относящийся к раннему и развитому неолиту в восточных районах Латвии (в том числе более десяти памятников комплексного характера), обобщен в кандидатской диссертации Ф. А. Загорскиса. Он охарактеризовал географические условия (с применением данных анализа пыльцы), важнейшие памятники (стоянки и погребения), типологию вещного материала и его роль в производстве или в быту, главные отрасли производства, а также связи носителей этой культуры с соседними землями¹⁰. К позднему периоду неолита относится могильник на стоянке Абора (тоже в восточной части Латвии, в бассейне оз. Лубанас), изученный в 1964—1965 гг. и исчерпывающе охарактеризованный в новой работе И. Лозе. Материалы вскрытых здесь 24 погребений представляют значительный интерес для определения как хозяйства (охота), так и этнического (смешанного) состава населения¹¹. Положено начало изучению неолитического искусства¹². Как справедливо отмечает И. Лозе,

⁷ F. Zagorskis. Kreiču neolīta kapulauks. — AE, 3, 1961, 3.—18. lpp.; F. Zagorskis. Kreiču neolīta apmetne. — ZAVēst, 1963, 4, 23.—35. lpp.

⁸ И. Лозе. О новых неолитических памятниках Лубанской низменности. — ИАН ЛССР, 1965, 12, стр. 15—24; И. Лозе. Раскопки в Лубанской низменности. — АО 1967, стр. 268—269.

⁹ F. Zagorskis. Jauni materiāli par neolītu Latvijas austrumu daļā. — ZAVēst, 1965, 6, 35.—49. lpp.

¹⁰ Ф. А. Загорскис. Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии. Автореф. канд. дисс. Рига, 1967.

¹¹ I. Loze. Jauns neolīta laikmeta kapulauks Austrumlatvijā. — ZAVēst, 1968, 4, 29.—37. lpp.

¹² I. Loze. Senākie cilvēka galvas veidojumi mālā Austrumlatvijā. — ZAVēst, 1967, 1, 22.—27. lpp.

исследования неолитических памятников в восточных районах Латвии, осуществленные в 50—60-х годах, являются новой и важной вехой в развитии науки¹³.

Следующий, так называемый *бронзовый век* (с середины II тысячел. до н. э.) на территории Латвии археологически представлен слабо. Как показал Я. Граудонис, несмотря на появление металла, в этот период по-прежнему преобладали орудия из камня и кости¹⁴. Полный список древнейших изделий из бронзы, найденных на территории республики, с их краткой характеристикой, опубликовала Л. Ванкина¹⁵. Она же подробно исследовала один из памятников эпохи бронзы — первый могильник в Калниешах (Екабпилсский р-н): около 50 погребений членов патриархального рода, датируемых концом II тысячел. — VI в. до н. э.¹⁶ Инвентарь и обряд указанных погребений напоминает известный могильник в Резнес (Рижский р-н), в свое время открытый, но не полностью изученный Э. Штурмсом. Эту работу закончил Я. Граудонис, установивший, что курганы Резнесского могильника принадлежат не финно-уграм (как полагал Э. Штурмс), а балтам¹⁷.

Первое тысячелетие до н. э. не было временем упадка материальной культуры на территории Латвии, как это представляла буржуазная археология. Такие важные явления в хозяйстве и обществе, как появление скотоводства и земледелия, а также развитие патриархального рода, готовили необходимые предпосылки для последующего скачка — перехода к классовому обществу. Ранние сравнительно скудные (ввиду редкости предметов из бронзы) представления об этом важном периоде существенно обогатились в результате изучения древнейших слоев таких городищ, как Асотское, Терветское, Кентескалнс, Кивуткалнс и, особенно, Мукукалнс. Расположенное на правом берегу Даугавы (близ Кокнесе) укрепленное поселение Мукукалнс было обитаемо непрерывно на протяжении всего I тысячел. до н. э. и до середины I тысячел. н. э. Как показали рас-

¹³ I. Loze. Austrumlatvijas neolīta pētniecības jautājumi. — RT 1966, 13.—15. lpp.

¹⁴ J. Graudonis. Kaula priekšmetu veidi Latvijā 1. gadu tūkstoši priekš mūsu ēras. — ZAVēst, 1961, 3, 13.—28. lpp.

¹⁵ Л. В. Ванкина. Находки бронзовых изделий эпохи бронзы на территории Латвийской ССР. — ТрМИЛ. Археология, 1962, стр. 26—38; Л. Ванкина. Археологические памятники I тысячелетия до нашей эры на территории Латвийской ССР. — КСИИМК, 42, 1952, стр. 66—75; Л. В. Ванкина. Новейшие находки эпохи бронзы на территории Латвийской ССР. — СА, 1960, 3, стр. 153—161.

¹⁶ L. Vankina. Kalniešu pirmais kapulauks. — LVMR, Arheoloģija, 1962, 7.—26. lpp.

¹⁷ J. Graudonis. Reznu kapulauks. — AE, 3, 1961, 19.—38. lpp.

копки 1959—1962 гг., толщина культурного слоя на этом городище достигала 0,6—2 метров, а наиболее интенсивно жизнь протекала здесь на рубеже старого и нового летосчисления. Не говоря уже о древнейших предметах из камня и кости, обожженной глины и т. п., здесь обнаружены кости домашних животных, зерна культурных злаков (пшеница, ячмень, бобы), остатки жилых построек и оборонительных сооружений (из бревен и мергелевых плит), а в более поздних слоях — также свидетельства развитой металлургии, в том числе три клада ценных предметов из бронзы и железа¹⁸.

Вся совокупность археологических данных по Латвии, относящихся к эпохе поздней бронзы и раннего железа (последняя четверть II тысячел. до н. э. — первые века н. э.), нашла исчерпывающее освещение в монографии Я. Граудониса¹⁹. В ней представлены все накопленные материалы — старые и новые, выявленные к концу 1966 г. Обобщающий труд Я. Граудониса (как и монографии Э. Шноре, Э. Мугуревича и других археологов, о которых речь пойдет ниже) включает как публикацию (описание) накопленного материала, так и его историческую интерпретацию. В работе Я. Граудониса, в ее «описательной» части (дающей возможность проверить выводы автора по первоисточникам) подробно охарактеризовано около 100 памятников (поселений и могильников) с указанием их типа, расположения, методики и результатов полевого исследования, перечня обнаруженных предметов и — насколько возможно — их датировки. Аналитическая часть монографии (раздел «Древности») посвящена изучению вещного материала, собранного как при научных раскопках указанных памятников, так и в порядке случайных находок (всего около 2000 предметов, не считая обломков керамики и костей животных). Здесь описание уступает место систематизации и анализу, в ходе которого наиболее существенное значение (особенно для хронологии) имеет типологическая характеристика предметов

¹⁸ Сообщения Я. Граудониса о раскопках на городище Мукукалнс регулярно публиковались в ТД 1959—1962. Подробно см.: J. Graudonis. Celtniecība Latvijā I g. t. pr. m. ē. un m. ē. sākumā (pēc arheoloģiskiem materiāliem). — ZAVēst, 1961, 4, 3.—19. lpp.; J. Graudonis. Mūkukalna depozīti. — AE, 6, 1964, 75.—84. lpp.; J. Graudonis. Die befestigte Siedlung Mūkukalns in Lettland. — SM, 73, 1966, S. 40—56; см. также Я. Я. Граудонис. Поселение и могильник Кивуткалнс. — АО 1967, сер. 269—270; J. Graudonis. Doles Kivutkalna arheoloģisko izrakumu rezultāti. — RT 1967; J. Graudonis. Nocietinātā apmetne Vinakalnā. — RT 1967.

¹⁹ Я. Граудонис. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Начало разложения первобытнообщинного строя. Рига, 1967. 164 стр., 75 рис., 42 табл.; см. также: Я. Я. Граудонис. Поздний бронзовый и ранний железный век на территории Латвийской ССР (I тысячел. до н. э.). Автореф. канд. дисс. Рига, 1961.

из камня, кремня, кости или металлов, а также определение их назначения (орудия труда, оружие, украшения и т. д.).

Завершающие разделы книги Я. Граудониса — это характеристика экономики и общественных отношений, а также этнических проблем данного исторического периода. Она отличается и широтой построения, и высокой надежностью. Опираясь на прочный фундамент местных археологических фактов и проявляя должную осторожность, автор использовал здесь также сравнительный материал, собранный на других территориях, и данные языкознания. Основной тезис работы о том, что эпоха поздней бронзы и раннего железа представляла собой «особый период», ознаменовавшийся «глубокими переменами на территории Латвии», убедительно подтвержден конкретными выводами автора. Эпоха, хотя и столь отдаленная и сравнительно скудно отраженная в археологических памятниках, на страницах монографии предстает в разнообразии хозяйственных и общественных форм, в их динамике. Как пишет сам автор, «новые, прогрессивные отрасли экономики — скотоводство и земледелие — возобладали над доминировавшими на протяжении тысячелетий охотой и рыболовством. Наряду с редко встречающейся бронзой, которую местное население знало и умело обрабатывать, но не могло добывать на месте, появилось железо» (стр. 3). Датируя «окончательную победу земледелия» (как основы хозяйства) примерно рубежом старого и нового летосчисления, Я. Граудонис определяет это земледелие в основном как подсечное. Как он отмечает при этом, «представляется весьма вероятным, что уже к концу I тысячел. до н. э. и в Латвии (как и в более южной, лесостепной полосе. — В. Д.) существовало пашенное земледелие, даже с применением животных (лошадей?) в качестве тягловой силы» (стр. 122). Это предположение кажется вполне вероятным и заслуживающим особого внимания²⁰.

²⁰ То обстоятельство, что прямое свидетельство (находка каменного орудия, служившего, возможно, лемехом примитивного деревянного рала) довольно проблематично, не исключает актуальности данной гипотезы. В пользу наличия пашенной обработки земли говорят приведенные в работе факты местной археологии (длительность поселений на одном месте, заметная роль лошадей и крупного рогатого скота), данные языкознания (воздействие земледельческой терминологии балтов на языки прибалтийских финнов) и письменных документов (свидетельство Тацита о прилежах «айстиев» в возделывании злаков), равно как и археологические параллели — находки древнего рала в Ятвингии, Дании и Скандинавии. К этому следовало бы прибавить и социальный фактор — интенсивное разложение родовых связей вплоть до выделения малых семей и, возможно, даже зачатков частной собственности на землю (Я. Граудонис. Латвия в эпоху поздней бронзы..., стр. 135). В этих условиях, проявившихся к началу нашей эры, подсека (требовавшая труда больших коллективов) едва ли

Главным итогом развития общественных отношений в этот период можно считать — вслед за автором — ослабление связей внутри патриархального рода, интенсивное выделение отдельных (сначала больших, а потом и малых) семей и одновременно — процесс интеграции родовых коллективов в более широкие объединения территориального типа, непосредственно предшествовавшие будущим «племенам»²¹. Решение вопросов этногенеза затруднено отсутствием антропологических данных, относящихся к территории Латвии. Судя по характеру захоронений и типам керамики, она была заселена балтами и финно-уграми, а зона соприкосновения обеих групп проходила по линии Вента — Абава — низовья Гауи — оз. Лубанас. Выделяя локальные группы памятников на территории к югу от указанной линии, Я. Граудонис считает возможным связать их с районами расселения будущих куршей, земгалов и селов-латгалов, выявляющимися на основе более позднего, вполне надежного материала первой половины I тысячел. н. э. В случае подтверждения этой интересной гипотезы придется признать, что «формирование этих племен берет свое начало во второй половине I тысячел. до нашей эры» (стр. 143).

Хорошей чертой этой работы, представляющей сегодняшний день науки, является — наряду с четкостью и фундаментальностью выводов — постановка проблем для будущих исследований. Помимо все еще остающихся открытыми проблем, связанных с отнесением археологического материала к тем или иным этническим группам, выдвигаются и такие задачи, как поиски новых памятников I тысячел. до н. э. (поскольку уже открытые расположены в основном лишь близ Лиелупе, Даугавы и отчасти Гауи), исследование цельных комплексов

могла быть единственно возможной формой развития земледелия (стр. 121): мало-помалу она становилась *средством* расчистки лесов под постоянную пашню.

²¹ В этой связи заметим, что термин «семейная община», употребляемый Я. Граудонисом (как, впрочем, и другими авторами), представляется крайне расплывчатым, лишенным конкретного содержания. Результатом распада родовой общины могла быть только большая патриархальная семья (Я. Граудонис. Латвия в эпоху поздней бронзы... , стр. 135, 142). Далее, процесс сближения и консолидации «родственных» и даже «просто соседских общин», определивший исчезновение — к концу I тысячел. н. э. — замкнутых укрепленных поселений (городищ) и распространение открытых, неукрепленных селищ, вовсе не означал «складывания территориальных общин» (стр. 30—31). Сущность этого процесса, как правильно говорит далее автор, состояла в начальной фазе «образования племенных объединений» (стр. 135). Что же касается территориальной, или соседской, общины («марки»), то это — явление более позднее, связанное с утверждением аллода — индивидуальной собственности на землю отдельной (большой или малой) семьи.

(которые включали бы как поселения, так и могильники), дальнейшее изучение типологии вещного материала и, наконец, обобщение показаний древнейшей истории сопредельных с Латвией территорий.

Интенсивный процесс роста материальной культуры и разложения первобытнообщинного строя в первые века н. э. археологически подтвержден лишь недавно, в ходе полевых исследований 60-х годов. Распад патриархального рода на большесемейные коллективы, а, быть может, и на малые семьи уже во II—IV вв. н. э. сопровождался превращением укрепленных поселений в городища-убежища, рядом с которыми начали появляться открытые, неукрепленные поселения. Отдельные могильники, оставленные жителями этих поселений на берегах Даугавы, исследовали М. Бресава²² и Л. Ванкина²³. Ввиду отсутствия укреплений сельское поселение нелегко обнаружить, что весьма затрудняет необычайно важное дело изучения его повседневной жизни. Тем большего внимания заслуживают первые серьезные результаты исследования открытых поселений на территории Латвии. В Латгале, на берегу оз. Цирмас, удалось вскрыть поселение Кивты, расположенное под площадкой могильника более позднего времени. Помимо керамики, важной для датировки объекта (III—VI вв. н. э.) и установления его этнической принадлежности (финно-угорской), здесь обнаружены и другие предметы, раскрывающие хозяйственную деятельность людей. Это — остатки четырехугольных построек с очагами, инвентарь бронзолитейщика, рыболовные орудия, скотоводческий инвентарь и орудия земледелия²⁴. Решающее значение последних убедительно подтверждено в ходе раскопок аналогичного поселения на берегу Даугавы, в Спиетыни (близ Селпилса). К сожалению, тонкий культурный слой этого поселения затрудняет его точную датировку. В горизонтах, относящихся ко II—VIII вв. н. э., обнаружены земледельческие орудия (серпы, косы и 36 зернотерок) и — что еще более интересно — скопления железного шлака (полторы тонны!) и шесть

²² M. Bresava. Jauni materiāli par sēļu kolektīvo uzkalniņu kapulaukiem. — ZAVēst, 1966, 5, 41.—54. lpp.

²³ L. Vankina. Arheoloģiskie izrakumi Boķu kapulaukā 1961. gadā. — RT 1961.

²⁴ Э. Шноре, И. Цимермане. Поселение и могильник в Кивты (Восточная Латвия). — ЭБРФ, стр. 175—186. — Начиная с VII в. территория древнего поселения в Кивтах использовалась под грунтовый могильник. Большинство из изученных здесь 175 погребений относится к VII—VIII вв., хотя могильник использовался вплоть до XII в. Судя по типу погребений, это — типично латгальский могильник, один из наиболее крупных в восточной части Латвии.

металлургических горнов²⁵. Наличие сыродутных печей, на-
поминающих гораздо более поздние печи из городища Асоте,
не оставляет сомнений в высоком уровне металлургического
производства в столь древние времена²⁶. Не менее интересный
материал о хозяйственной жизни древнейшего селища в нижнем
течении Даугавы (близ Саласпилса) сообщила недавно
А. Э. Зариня²⁷.

Слабее изучены поселения в западных районах Латвии.
Частично этот пробел восполняется материалом недавних рас-
копок на Маткульском городище (Тукумский р-н). В нижнем
его горизонте обнаружены остатки укрепления и двух построек,
а также много керамики. Характер построек (столбовые кон-
струкции) не исключает их принадлежности древним балтам,
обилие же штрихованной керамики позволяет датировать этот
культурный слой первыми веками н. э. Наблюдения Э. Мугу-
ревича имеют существенное значение для установления хроно-
логии и этнической принадлежности также других памятников
данного малоизученного района²⁸. Следует полагать, что и верх-
ний слой Маткульского городища, относящийся к X—XIV вв.
(к этому периоду относится 95% всех вещевых находок!), при-
несет много нового, когда результаты его изучения будут опу-
бликованы.

Вторая половина I тысячел. н. э. обычно определяется в ли-
тературе как период *«перехода к классовому обществу»*. Имея
в виду развитие общественных отношений, пожалуй, более пра-
вильным было бы говорить о вызревании предпосылок для по-
явления классов на территории Латвии. В этот период завер-
шался переход к индивидуальному производству в рамках ма-
лой семьи, что создавало основу для возникновения мелкой
собственности не только на скот и другое движимое имущество,
но и на землю. Материальной основой указанного процесса
являлся дальнейший рост производительных сил и прежде
всего — земледелия, притом не только подсечного, но, по-види-
мому, и сошного, с обработкой постоянных полей при помощи
пашенного орудия и живой тягловой силы. Именно земледелие,
в сочетании с животноводством и ремеслом, обеспечило станов-

²⁵ J. Daiga un M. Atgāzis. Arheoloģiskie izrakumi Sēlpils Spietiņos un Plāteros 1961. gadā. — RT 1961—1963.

²⁶ J. Daiga. Dzelzs ieguves krāsnis Sēlpils Spietiņu apkārtnē. — AE, 4, 1964, 23.—37. lpp.

²⁷ А. Э. Зариня. Раскопки в Саласпиле Лаукскола. — АО 1967, стр. 272—274. — Остатки этого селища, датируемого первой половиной I тыся-
чел. н. э., вскрыты на месте более позднего могильника ливов.

²⁸ Э. Мугуревич. Укрепленное поселение начала нашей эры в За-
падной Латвии (Курземе). — ЭБРФ, стр. 139—149.

ление таких общественно-производственных единиц, как хозяйства крестьян, обрабатывающих свои, отдельные участки и объединенных только соседскими, территориальными связями.

Процесс был, разумеется, очень длительным и точно датировать его этапы вообще невозможно. С определенностью можно лишь утверждать, что формирование строя территориальной общины («предфеодальная» стадия классообразования) протекало особенно интенсивно именно в VI—X вв. Это был новый общественный строй, появившийся на развалинах первобытного рода. Основной компонент этого строя — крестьянин как мелкий самостоятельный производитель — представлял собой новый социальный тип, определенно отсутствовавший в предыдущий период и столь же определенно господствовавший в столетия, непосредственно предшествовавшие немецкому завоеванию Восточной Прибалтики.

Уловить признаки зарождения этого строя — задача археологии, потому что письменной документации для этой эпохи почти нет. Трудность, точнее сказать деликатность подобной задачи общеизвестна. По природе своей профессии археологу приходится иметь дело с предметами материального быта, самый изощренный анализ которых позволяет судить об общественных отношениях только косвенно, в «вероятностных» категориях, т. е. более или менее проблематично. Тем не менее и уже накопленный материал (следует признать — пока недостаточный) дает известные основания для надежных суждений о некоторых характерных явлениях этой действительно переломной эпохи.

Стремясь получить массовые материалы, которые могли бы отобразить прежде всего рост производительных сил и развитие общественных отношений, археологи Советской Латвии основное внимание уделили изучению могильников и поселений. Могильники, как известно, могут дать ценные данные о материальной культуре (одежде и обуви, оружии и украшениях, реже — орудиях труда) и формах организации общества (по-скольку, например, для патриархального рода и малой семьи характерны особые формы захоронения), об имущественной и социальной дифференциации, идеологии (находящей свое отражение в погребальном обряде), наконец — об этнической принадлежности данного коллектива. В послевоенные годы латвийские археологи изучили несколько десятков могильников. Еще более важный и разнообразный материал дали изученные в советское время поселения и городища, которые являются главным источником сведений как о материальной культуре (отраслях сельского хозяйства и ремеслах, постройках, оружии и т. п.), так и о зачатках политической организации местного населения

(поскольку крупные городища выступали как центры «земель» и даже «княжеств»). На территории Латвии выявлено около 400 городищ, из которых изучена лишь небольшая часть (6%). Самые ранние укрепленные поселения появились уже в I тысячел. до н. э.; в их дальнейшем развитии обнаруживается ряд типов, начиная от убежищ военного времени для родовой или территориальной общины (V—IX вв. н. э.) и кончая сильно укрепленными, постоянными центрами раннефеодальных объединений X—XII вв.²⁹

Наиболее изученным городищем второй половины I тысячел. н. э. является Кентескалнс на окраине г. Огре. Обитаемое издревле, это городище — в результате многолетних раскопок, производившихся под руководством А. Стубава, — дало наиболее богатый материал для VI — начала IX в. н. э.

Полностью материалы этих раскопок пока, к сожалению, не обнародованы, однако опубликованные этюды, и особенно кандидатская диссертация А. Стубава³⁰, дают ясное представление о богатых интерпретационных возможностях данного памятника и прежде всего, разумеется, для изучения материальной культуры его обитателей. Одно из народных названий данного памятника («Старая Рига») свидетельствует о его значении, как важного укрепленного пункта. Мощная система оборонительных укреплений (несколько земляных валов с настилами, а также деревянными камерами и каркасами, служившими конструктивной опорой), свидетельствует о высокой строительной технике. Городище неоднократно сжигалось, этим объясняется многократность его застройки, которая сохранилась, однако значительно хуже, чем прочий инвентарь. Рядом с укреплением было селище, что придает раскопкам особую ценность, поскольку в данном случае именно «селище возникло и развивалось как центр формирующегося ремесленного производства — предтеча позднейшего раннефеодального города» (А. Стубав). На вскрытых площадках городища (6880 кв. м.) и селища (10 180 кв.м.) найдено свыше 2200 предметов, не считая керамики. Масса предметов, свидетельствующих о добыче железа из местной (болотной) руды и его кузнечной обработке (ковке

²⁹ A. Stubavs. Dažas Latvijas pilskalnu tipoloģijas un klasifikācijas problēmas. — RT 1967.

³⁰ А. Я. Стубав. Раскопки городища Кентескалнс в 1954—1956 гг. ТрПКЭ, 1, 1959, стр. 186—221; A. Stubavs. Amatniecība 6.—8. gs. pēc arheoloģiskiem atradumiem Kentes pilskalnā un apmetnē. — AE, 1, 1957, 21.—44. lpp.; А. Я. Стубав. Городище и селище Кентескалнс — археологический памятник периода перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу в Латвии. Автореф. канд. дисс. Рига, 1965.

и сварке орудий труда или оружия), изготовлении украшений из бронзы, гончарстве, прядении, ткачестве, обработке дерева и кости, строительстве жилищ (срубы, печи) и т. п., являет в своей совокупности занимательную главу из истории древнелатышского ремесла. Как и на эстонском городище Рыуге (представляющем как бы аналог Кентескалса во всех отношениях, включая наличие селища под укреплением), здесь речь может идти, в основном о домашнем производстве, хотя некоторые ремесла (например, ювелирно-бронзолитейное) позволяют предполагать начальную фазу их обособления, появление специалистов, работавших на заказ. Анализ остатков зерна (ячменя, а также пшеницы), а также орудий (мотыг, серпов, топоров, зернотерок) по крайней мере не исключает многократного использования участков под пашню. «Очень вероятным, — говорит автор, — представляется сочетание подсечного земледелия с перелогом», а преобладание в костном материале костей домашних животных, среди которых наряду с крупным рогатым скотом были и лошади, делает вполне вероятным предположение об использовании скота в качестве тягловой силы и в земледелии.

Выдвигая гипотезу об общественных отношениях, которые могли соответствовать такому материальному быту, А. Стубав уверенно говорит о «территориальной общине Кентескалса» и даже о явных признаках расслоения — как «имущественного», так и «социального». Необходимо признать, что и то, и другое вполне подтверждается наличным материалом, хотя отношения между населением городища и селища представляются не вполне ясными. Во всяком случае, тезис о том, что городище Кентескалс уже к VIII в. было «укрепленной резиденцией знатного лица и его семьи, а, возможно, и небольшой военной дружины», является, пожалуй, слишком определенным: так социальные отношения складывались несколько позже, в X—XII вв.

Ценные показания о состоянии древнелатышского общества в этот период дали раскопки могильников по Даугаве, изученные Л. Ванкиной и В. Уртаном. Материалы могильников в Боки (V—XI вв.) иллюстрировали особенно важный для понимания эволюции общественных отношений процесс перехода от коллективных (курганых) к индивидуальным (грунтовым) погребениям³¹. Еще более интересный материал содержат могильники, расположенные на границе расселения селов-латгалов. Первый из них — второй могильник в Калниеша (Екабпилсский р-н) — содержит 33 погребения VII — начала IX в., в инвентаре которых не обнаруживается, правда, особых при-

³¹ См. отчет Л. Ванкиной: RT 1961.

знаков расслоения внутри территориальной общины³². Второй — могильник в Леясбитени (Огрский р-н) — содержит всего 459 погребений и около 2500 разных предметов III—X вв. (появление массового инвентаря датируется приблизительно VII в.). Это, по определению В. Уртана, «могильник средней по величине сельской общины», обнаруживающий — судя по инвентарю — в своем составе также «погребения знати и будущих феодалов»³³.

В той же связи следует упомянуть и достижения наиболее молодой отрасли археологической науки, а именно — гидроархеологии. Впервые на территории Восточной Прибалтики обнаружены такие своеобразные памятники, как настильные поселения на озерах. В Латвии стало известно уже около десяти таких поселений и начато их изучение. В озерах Арайшу и Ушура (в Видземе) был понижен уровень воды; в ходе произведенных раскопок удалось обнаружить — помимо керамики (позволяющей отнести эти находки примерно к концу I тысячел. н. э.) — комплекс остатков деревянных построек (включая жилые дома с печами для отопления), хозяйственный инвентарь и оружие, а также довольно важный костный и палеоботанический материал. Первые результаты этих перспективных раскопок изложил возглавляющий эти работы Я. Апалс³⁴.

Основные черты хозяйства и общества древнелатышских племен, наметившиеся к концу I тысячел. н. э. (ведущая роль сошного земледелия, выделение малых семей, процесс расслоения внутри территориальной общины, формирование знатной верхушки общества и возникновение центров политической власти), выступают еще более явно в следующий период, непосредственно предшествующий завоеванию Восточной Прибалтики германскими крестоносцами. Изучение *раннефеодальной эпохи* существенно облегчается наличием таких важных письменных памятников, как русские летописи («Повесть временных лет», новгородские и псковские летописи), «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского, «Рифмованная хроника» и ряд других. Тем не менее главным источником знаний об этой эпохе (X—XII вв.) остаются свидетельства археологии. Более того:

³² V. Urtāns. Kalniešu otrs kapulauks. — LVMR, Arheoloģija, Rīgā, 1962, 37.—78. lpp.

³³ См. отчеты В. Уртана: RT 1961—1963.

³⁴ J. Apals. Klāstu mītnes Latvijas PSR teritorijā. — ZAVēst. 1965, 5, 45.—61. lpp.; Я. Апалс. Раскопки поселения на озере Арайшу. — АО 1967, стр. 275—277; систематические сообщения Я. Апалса о результатах работы гидроархеологических экспедиций в различных районах Латвии см. RT 1963—1967.

их значение по мере новых открытий все больше возрастает. Убедительным подтверждением этого могут служить и отчеты о полевых исследованиях, и первые обобщающие работы латвийских археологов, раскрывшие сам процесс становления элементов феодализма на территории Латвии.

Первым обобщением такого рода явилась ценная публикация материалов раскопок Нукшинского могильника, произведенных археологами Института истории АН Латвийской ССР в 1947—1948 гг. Расположенный на берегу оз. Пилдас (в 11 км от г. Лудза), этот могильник изучен полностью³⁵. Всего исследовано 218 погребений латгалов в грунтовых ямах. Эти погребения дали обильный материал (орудия труда, украшения, остатки одежды и т. п.) об уровне развития производительных сил, степени имущественной дифференциации среди древних латгалов, а также об их связях с соседними племенами в XI—XII вв. Более чем в половине этих погребений полностью сохранился инвентарь, который, по-видимому, более или менее точно отражает имущественное положение умерших. Как полагает Э. Д. Шноре, из 132 хорошо сохранившихся захоронений (74 мужских и 58 женских) 11 могут быть охарактеризованы как «чрезвычайно богатые», 35 — как «зажиточные», 74 — как «скромные и бедные и 12 — как «очень бедные». Результаты анализа нукшинского материала с приложением описания всех погребений в 43-х таблицах-иллюстрациях были опубликованы как первый том латвийского «Corpus archaeologicum», т. е. серии «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР».

Аналогичный, хотя и менее выразительный, материал (в том, что касается расслоения общества) дали раскопки большого могильника селов X—XIII вв. в Леясдопелес, возле Селпилса. Этот могильник, состоящий из коллективных курганных захоронений (63 кургана), также обнаруживает признаки выделения богатой и знатной верхушки в сельской общине³⁶. Весьма заметная имущественная дифференциация прослеживается также в новейших раскопках ливских могильников в нижнем течении Даугавы. Так, в могильнике Лаукскола близ Саласпилса (53 погребения X—XII вв.) и в двух могильниках на о. Долес (103 погребения того же периода) на фоне преобла-

³⁵ Нукшинский могильник. Под ред. Э. Д. Шноре и Т. Я. Зейда. Рига, 1957. 152 стр., 43 табл. (Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, I.) (Основной текст публикации написан Э. Д. Шноре, авторами разделов о древней одежде и антропологическом материале являются А. Э. Зариня и И. В. Дайга.)

³⁶ Отчеты Э. Д. Шноре о раскопках в Леясдопелес см. RT 1960 и RT 1961.

дающей части «бедных» захоронений выделяются погребения с явно богатым инвентарем³⁷.

Основную массу археологических данных о раннефеодальной эпохе дают, разумеется, городища. Многие из них упоминаются также в письменных памятниках, свидетельствующих об определенно начавшейся в этот период политической консолидации древнелатышских земель.

Важными центрами экономической и общественно-политической жизни на юге раннефеодальной Латвии были городища земгалов. Проводившиеся еще в 1938—1942 гг. раскопки в Межотне (под г. Бауска) дали археологический материал XI—XIII вв., который, как и данные письменных документов о роли Межотненского городища в борьбе против германских захватчиков, охарактеризован в статье Э. Бривкалне³⁸. Под ее же руководством в послевоенные годы проводились раскопки в Тервете (Добельский р-н). Вскрытие половины всей площади городища, части предградья и прилегавшего к нему поселения дало в общей сложности около 4000 предметов, относящихся в основном к X—XIII вв. Система укреплений этого замка совершенствовалась на протяжении ряда столетий, но особенно мощной она стала в XII в. Восполняя пробелы ливонских хроник (рисующих главным образом эпизоды борьбы обитателей Тервета с крестоносцами), археологический материал дает яркое представление о хозяйстве земгалов начиная с земледелия (масса обугленного зерна) и кончая различными ремеслами (30 литейных форм, тигли, льячки, инвентарь ювелиров, орудия обработки дерева, кости и т. д.)³⁹. Здесь уместно упомянуть также раскопки в Добеле, подтвердившие предположение о том, что на месте орденского замка также существовало древнее городище земгалов⁴⁰.

Основное внимание археологов в послевоенные годы привлекала восточная часть Латвии, в частности территория княжества Ерсика, — одного из наиболее ранних государственных образований, к тому же тесно связанного с соседними русскими землями, например с Полоцким княжеством. Итоги многолетних изысканий на городище Асоте (близ Крустпилса) обоб-

³⁷ А. Э. Зариня. Раскопки в Саласпиле Лаукскола. — АО 1967, стр. 272—274; Э. Д. Шноре. Могильники раннефеодального периода на острове Долес. — АО 1967, стр. 277—278; см. также Е. Mugurēvičs. Kapu veidi Kurzemē agrā feodālisma periodā. — RT 1967.

³⁸ Е. Бривкалне. Rakstītas ziņas un arheoloģiskās liecības par 9.—13. gs. Mežotni. — AE, 2, 1960. 61.—76. lpp.

³⁹ Э. П. Бривкалне. Городище Тервете и его историческое значение. — ТрПКЭ, 1, 1959, стр. 254—272; Е. Бривкалне. Daži amatniecības darinājumi Tērvetes pilskalnā. — AE, 6, 1964, 85.—104. lpp.

⁴⁰ См. отчеты И. Дайги: RT 1958, 1960.

щены в диссертации и отдельных публикациях Э. Шноре. Собранный ею материал, относящийся главным образом к периоду наиболее интенсивного обитания латгалов на этом городище (IX — начало XIII в.), всесторонне характеризует устройство и быт «резиденции подвластного Ерсикскому князю феодала», жившего в окружении своей дружины и челяди (рабов?) и располагавшего определенной политической властью над замковым округом. «Хозяйство Асотского городища-замка, — говорит автор, — было обширнее и богаче, чем хозяйство городища Кентескалнс. В нем кроме главных отраслей производства — земледелия и скотоводства — важное место занимало ремесленное производство: обработка черного и цветных металлов, гончарное производство, изготовление одежды, обработка дерева, кости, камня, кожи»⁴¹. Всесторонний анализ вещного материала Асотского городища (стратиграфия, этапы застройки, хозяйственный и бытовой инвентарь), равно как и его историческая интерпретация — в плане характеристики раннефеодального общества — нашли отражение в большой публикации, изданной как второй том уже упоминавшейся серии «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР»⁴².

В связи со строительством Плявиньской ГЭС латвийские археологи сосредоточили внимание на изучении памятников по р. Даугава. Наиболее значительные результаты дали раскопки Э. Мугуревича на городище Олинькалнс (6 км от Плявиняс). Это, пожалуй, самое крупное городище в Латвии, пережившее эпоху расцвета в XI—XII вв., когда оно было центром «земли Олиня» (в 1371 г. — «*districtus terrae Oliniae*»), тоже входившим в княжество Ерсика. В культурном слое этого городища, достигающем 1,2 м, особенно ценны свидетельства о развитии металлургии (значительные скопления шлаков, мастерская ремесленника с сыродутным горном и т. д.), а также материалы, подтверждающие культурно-хозяйственные связи древних латгалов с русскими землями (в частности, знаменитые шиферные пряслица из-под Овруча)⁴³. В том же районе

⁴¹ Э. Д. Шноре. Асотское городище по данным археологических раскопок 1949—1954 гг. Автореф. канд. дисс. Рига, 1958; Э. Д. Шноре. Городища древних латгалов. — ТрПКЭ, 1, 1959, стр. 222—232; E. Snore. Asotes pilskalns krāsnis. — AE, 1, 1957, 5.—19. lpp.

⁴² Э. Д. Шноре. Асотское городище. Рига, 1961. 234 стр. (Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, 2.) — В состав названной публикации помимо отчета о произведенных в Асоте раскопках вошли также статьи других авторов — специалистов по истории земледелия, металлургии и т. д.

⁴³ См. отчеты Э. Мугуревича о раскопках на Олинькалнсе: RT 1959, 1960 и 1961.

(зона Плявиньской ГЭС) в 1961—1963 гг. производились раскопки на территории таких — хорошо известных по письменным документам «орденского периода» — замков, как Локстене (упоминается в 1375 г.), Алтене (1416 г.), Селпилс (1373 г.) и, наконец, архиепископской резиденции Кокнесе, которая была центром одноименного княжества еще в начале XIII в. И хотя была вскрыта лишь часть площади этих объектов, результаты оказались весьма ощутимы. Повсюду наблюдалась сложная стратиграфия, свидетельствующая о том, что названные городища (кроме Алтене) использовались латгалами и селами задолго до появления германских завоевателей (VIII—VII вв. н. э.).

Количество найденных здесь предметов исчисляется многими тысячами, некоторые из этих находок открывают исследователю действительно новые факты (например, о системе отопления замковых помещений в Алтене при помощи теплого воздуха). Следует, однако, отметить, что результаты этих раскопок пока нашли отражение лишь в ежегодных отчетах о полевых исследованиях⁴⁴. Исключение составляет разве что материал Кокнесского городища XI—XIII вв., обстоятельно охарактеризованный в статьях А. Стубава. Он особенно важен, так как княжество Кокнесе, которое в начале XIII в. возглавлял князь Вячко (гех), находилось в политической связи с Полоцким княжеством: после взятия Кокнесе крестоносцами (1208 г.) Вячко с остатками русско-латгалской дружины ушел, как известно, на Русь. Раскопками 1961—1965 гг. вскрыта лишь часть Кокнесского городища XI—XIII вв., толщина культурного слоя которого достигает 4—7 м. Как конструкция деревянных построек (хозяйственных и жилых), так и вещевой материал (в составе которого упомянем печать XI в. с изображением св. Георгия и св. Софии, подвески с родовыми знаками Ярослава Мудрого, детали ткацкого стана XII—XIII вв., весы с гирями, а также литые серебряные гривны, вес которых обнаруживает несомненную аналогию с русской весовой системой) отражают, по словам А. Стубава, «явное взаимопроникновение восточно-славянской и латгало-селской культуры»⁴⁵.

В рамках исследований, развернувшихся в последние годы

⁴⁴ Раскопки в Локстене (Э. Мугуревич): RT 1962—1964; в Алтене (Я. Граудонис): RT 1963—1964; в Селпилсе (И. Дайга, М. Атгазис и Э. Шноре): RT 1963—1964.

⁴⁵ Помимо отчетов о полевых исследованиях на Кокнесском городище в RT 1961—1964 см. также: А. Стубавс. Некоторые археологические находки 11—13 веков из городища Кокнесе. — ЭБРФ, стр. 166—173; А. Стубавс. Археологические раскопки в замке Кокнесе. — АО 1966, стр. 287—288.

в зоне строительства Рижской ГЭС, подвергнута интенсивному изучению территория даугавских ливов. Об обнаруженных здесь ливских могильниках раннефеодальной эпохи сказано выше. Не менее интересные результаты, судя по предварительным сообщениям, дали раскопки замков, служивших первыми опорными базами для вторгшихся в этот район крестоносцев. Это — Мартиньсала (строился с 1186 г.), Вецдоле (1226—1298 гг.) и несколько более поздний замок Саласпилс (сооружен до 1380 г.). Общая черта всех памятников, быть может, наиболее поучительная для историка, — наличие интенсивного заселения указанной территории задолго до появления здесь немецких захватчиков. Пришлые рыцари воздвигали свои укрепления не на пустом месте: остатки как поселений, так и могильников имеют (как, например, в Даугмале и Саласпилсе) более чем тысячелетнюю давность, а также являются неоспоримым свидетельством сравнительно высокой культуры местного населения — балтов и ливов⁴⁶.

Большинство замков средневековой Ливонии, будь то в Латвии или в Эстонии, были воздвигнуты на местах городищ раннефеодальной эпохи и поначалу, в XIII — начале XIV в., отличались от них лишь мощностью своих укреплений. Тип немецкого феодального замка, сложенного из камня, превратился в господствующий лишь в первой половине XIV в., в архитектуре же более ранних замков и особенно в характере жилых и хозяйственных построек широко использовались традиции местной материальной культуры⁴⁷. Поэтому вполне обоснованным представляется тезис латвийских специалистов о том, что «многочисленные каменные замки нельзя рассматривать лишь как наследство немецкой феодальной культуры», так как в строитель-

⁴⁶ См. краткие сообщения с раскопок В. Уртана (в Даугмале), А. Стубавса (в Саласпилсе), М. Атгазиса (в Вецдоле) и Э. Мугуревича (на острове Мартиньсала): АО 1967, стр. 270—278, а также RT 1966—1967.

⁴⁷ В этой связи следовало бы говорить о *различных типах* немецких замков. В последних работах латвийские археологи (А. Стубав, Э. Мугуревич, М. Атгазис) отмечают различия в облике, с одной стороны, замков Ливонского ордена, служивших преимущественно военными центрами, а с другой — епископских замков (например, Кокнесе) и особенно замков ленных вассалов (Локстене), в большей мере приспособленных также к несению хозяйственных функций. Эти замки одновременно были мызами, а отчасти и торгово-ремесленными центрами, в их строительстве более сильно сказалось влияние местных традиций, роль местного населения в их жизни была более заметной. Наблюдения археологов по типологии замков подтверждаются, в общем, и многочисленными свидетельствами письменных документов феодального времени, которые в этом плане, к сожалению, мало изучены.

ство этих замков внесли свой вклад, часто вопреки своей воле, также и местные народности⁴⁸.

Важной и пока не решенной задачей археологии является изучение быта сельского населения. Масса крестьян-общинников в раннефеодальный период проживала, естественно, не в городищах-замках, а в поселениях открытого типа. Кое-что в этой связи дали раскопки поселения близ хутора Пигены (Екабпилсский р-н), которое существовало с середины I тысячел. н. э. (здесь найдено около 800 предметов XI—XIII вв.), и некоторые другие⁴⁹.

Как повлияло на быт и культуру местного населения завоевание Латвии крестоносцами? Письменные источники XIII в. свидетельствуют о длительном организованном разбое пришлого рыцарства. В результате военных грабежей и феодального угнетения основы традиционной материальной культуры оказались во многом подорванными. Обследование некоторых могильников феодально-крепостнического периода показало определенное оскудение массы сельского населения, выразившееся в сравнительно бедном инвентаре погребений⁵⁰. Интересные данные в этой связи приводились в докладе Э. Мугуревича, построенном на обобщенном материале XIII—XIV вв.⁵¹ Автор приходит к выводу, что «немецкая городская культура мало повлияла на сельскую жизнь». Учитывая важность проблемы, следует лишь пожелать, чтобы начатое исследование было завершено.

Пока недостаточно археологически изучена столица республики — Рига. Раскопки, которые проводились в 1945—1948 и 1958—1964 гг. в связи с восстановительными работами в разрушенной части Старого города, несколько пополняют представления об облике того поселения, которое предшествовало «основанию» города немецким купечеством в 1201 г. Однако хотелось бы, чтобы имеющийся материал был обобщен: актуальность этой проблемы не требует комментариев! Археологические находки, обнаруженные в ходе раскопок у собора св. Петра, на бывш. Ратушной площади и площади Альберта, характерны для типичного средневекового города-порта. Это — остатки городских стен и ворот, следы мостовых и построек,

⁴⁸ J. Graudonis, I. Loze, E. Mugurēvičs, E. Šnore. Arheoloģiskie izrakumi Padomju Baltijā 25 gadus. — AE, 8, 1968, 18. lpp.

⁴⁹ См. отчеты Э. Шноре и А. Заринь: RT 1962 и 1964.

⁵⁰ V. Urtāns. Vīnākālņa kapulauks pie Stukmaņiem (13.—17. gs.) — AE, 4, 1962, 17.—32. lpp.; см. также: J. Graudonis. Arheoloģiskie izrakumi Auru Agrāriešu kapulaukā. — ZAVēst, 1960, 6, 13.—26. lpp.

⁵¹ E. Mugurēvičs. Par dažām izmaiņām Austrumlatvijas iedzīvotāju kultūrā 13.—14. gs. (pēc arheoloģiskiem materiāliem). — RT 1966.

корабельная верфь, мастерские самых различных ремесленников, винный погреб и другие объекты, относящиеся к XIII—XIV вв. и более позднему времени. Не подлежит, однако, сомнению, что и до того, как епископ Альберт возвел первый пояс каменных стен, древнейшая Рига играла роль важного ремесленного и торгового центра, населенного представителями различных племен — ливов, земгалов и куршей⁵².

Богатый археологический материал пополняется ежегодно в результате новых раскопок. В этом особенность и, можно сказать, важное преимущество археологии — в отличие от «письменной» истории (и особенно древней), располагающей ограниченным и, в общем, уже известным кругом источников. Материал раскопок изучается для характеристики как целых объектов (могильников, городищ и т. д.), так и отдельных отраслей древнего производства (например, металлургии, гончарного или текстильного ремесла, земледелия и т. п.). Сделано уже немало, к тому же особенно отрядным фактом является наметившийся союз археологии с другими отраслями науки. К анализу материала раскопок все чаще привлекаются специалисты таких дисциплин, как металлография, палеоботаника, остеология и др. С одной стороны, квалифицированные суждения этих специалистов являются необходимым подспорьем для историка-археолога, с другой, тот же археологический материал все чаще используется другими науками, например палеозоологией и медициной, в своих интересах⁵³.

Наглядный пример сотрудничества археологии с техническими науками — изучение важных проблем истории металлургии в древней Латвии. Применяя методы спектрального и химического анализов, А. Антейн изучил структуру и свойства железа и стали и технологию производства железных и стальных изделий, найденных в Кокумуйжа (V в.), на Кентескальне (VI—VIII вв.), в Асоте (IX—XIII вв.) и некоторых других местах. О выплавке железа из местной болотной руды и сравнительно развитой технике кузнечного ремесла, в общем, было

⁵² М. Р. Вилсоне. Археологические раскопки в городе Риге. — КСИИМК, 42, 1952, стр. 124—134; см. также отчеты М. Вилсоне и Т. Павеле в RT 1958—1963; T. Pāvele. No Rīgas XIV gs. civilceltniecības vēstures. — ParTV, 6, 1964, 111.—113. lpp.; M. Vilsonē. Rīgas vēstures sākumi. — Apcerējumi par pilsētas vēsturi. Rīgā, 1965, 9.—27. lpp.

⁵³ См., например: В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. М., 1962, 129 стр. (Материалы исследований по археологии СССР, 107.); А. Я. Карнуп. Заметки о бытовых условиях, народной гигиене и медицине в эпоху раннего феодализма по материалам раскопок 1936—1938 гг. на Талсинском городище (Латвийская ССР). — ИзИМ, 1945, стр. 151—162; В. Я. Дэрумс. Костная патология жителей Прибалтики по материалам археологических раскопок. Автореф. докт. дисс. Рига, 1966.

известно и раньше. Однако, как показал А. К. Антейн, близ городищ раннефеодальной эпохи изготавливали также сталь с различным содержанием углерода. Принципиально важным является вывод автора о том, что технический уровень добычи и обработки черных металлов в Латвии X—XII вв. был относительно высоким и соответствовал приблизительно их уровню в древней Руси⁵⁴. Технике изготовления предметов из бронзы (они найдены в 24 местах, главным образом по течению Даугавы) и анализу химического состава цветных металлов в VI—XIII вв. посвящены статьи И. Дайги⁵⁵. Отметим в той же связи ценные исследования В. Уртана о кладах железных и прочих вещей, обнаруженных в Латвии за последние сто лет (в 30 местах — около 2000 предметов V—IX вв.) и отражающих, между прочим, процесс социальной дифференциации накопленного образования классового общества в Латвии⁵⁶. В одной из публикаций выдающегося эстонского археолога Х. А. Моора содержится синтезирующая оценка общего уровня ремесленного производства прибалтийских народов в XII—XIII вв. Сравнивая местный материал с соответствующими изделиями Руси и Скандинавии, автор приходит к выводу об их одинако-

⁵⁴ A. Anteins. Asotes pilskalna dzelzs un tērauda izstrādājumu struktūras, īpašības un izgatavošanas tehnoloģija. — ZAVēst, 1956, 6, 29.—40. lpp.; A. Anteins. Kentes pilskalna dzelzs un tērauda izstrādājumu struktūras, īpašības un izgatavošanas tehnoloģija. — AE, 1, 1957, 45.—50. lpp.; A. Anteins. Par melnā metāla iegūšanu un apstrādāšanu senajā Latvijā. — LVU ZR, 13, 1957, 202. lpp.; A. Anteins. Dzelzs un tērauda izstrādājumu struktūras, īpašības un izgatavošanas tehnoloģija senajā Latvijā (līdz 13. gs.). — AE, 2, 1960, 3.—59. lpp.; A. Anteins. Senās Latvijas damascētā tērauda šķēpu gali. — AE, 4, 1962, 33.—45. lpp.; A. Anteins. Damascētie un ierakstu zobeni Latvijā un to asmeņu tehnoloģija. — ParTV, 6, 1964, 65.—95. lpp. — Основные результаты многолетних исследований автора о зарождении и развитии металлургии в феодальной Латвии изложены в статье: А. К. Антейн. Железные и стальные изделия древней Латвии (до XIII в.). — ИзИИТ, 1, 1959, стр. 5—32, а также в его диссертации: А. К. Антейн. Металлургия и технология изготовления изделий из черных металлов на территории Латвийской ССР до начала XVIII века. Автореф. канд. дисс. Рига, 1962. Об устройстве сыродутных печей помимо названной выше статьи Э. Шнооре (по материалам городища Асоте) см. также: J. Daiga. Dzelzs ieguves krāsns Sēlpils Spietīņu apmetnē. — AE, 6, 1964, 23.—37. lpp.

⁵⁵ И. В. Дайга. К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.). — СА, 1960, 3, стр. 78—92; J. Daiga. Krāsaino metālu sastāvs Latvijā 6.—13. gs. — AE, 4, 1962, 47.—66. lpp.; J. Daiga un I. Grosvalds. Senākie tīģeļi Latvijā. — AE, 6, 1964, 7.—22. lpp.; см. также: A. Anteins. Senās Rīgas lietuves bronzas lielgabali un zvani. — ParTV, 3, 1962, 49.—66. lpp.

⁵⁶ V. Urtāns. Tiras purva depozīts. — LVMR, Arheoloģija, 1962, 83.—94. lpp.; V. Urtāns. Sudraba un zelta apstrāde senajā Latvijā (līdz 13. gs.). — ParTV, 3, 1962, 69.—106. lpp.; V. Urtāns. Latvijas 5.—9. gs. depoziiti. — AE, 6, 1964, 39.—74. lpp.

вом, в общем, уровне. Отдельные отрасли прибалтийского ремесла (производство оружия и керамика, ткачество) достигли, можно сказать, грани перехода к городскому ремеслу, хотя указанный переход несомненно задерживался относительно слабой степенью выделения местной знати, а следовательно, и не-большим спросом на специальные, дорогие изделия⁵⁷.

Другие работы по аналогичной тематике, кажущиеся на первый взгляд чересчур узкими и специальными, тоже решают задачи, важные для советской науки: они характеризуют различные отрасли местного ремесла, выявляют типы изделий (местных или привозных), обеспечивая тем самым возможность датировки вновь обнаруживаемых археологических материалов и т. д.⁵⁸ В плане истории производительных сил и общественных отношений существенный интерес представляют результаты многолетней работы А. Заринь, кропотливо исследовавшей остатки одежды древних латгалов VII—XIII вв. Систематизировав весь накопленный материал, автор показывает как уровень текстильного ремесла и особенности народного костюма, так и глубокую связь данной отрасли производства с натуральным хозяйством, делающую понятным также известный «консерватизм» одежды и украшений латгалов, сохранявших древние формы вплоть до XVIII—XIX вв.⁵⁹

Изучение истории земледелия — дело столь же важное, сколь и трудное (ввиду недостатка «обычных» источников, даже археологических: по сути дела, нет надежно датированных орудий для обработки земли) — ведется при помощи палеоботанического анализа обнаруженных в раскопках остатков культурных злаков и сорняков. Благодаря исследованиям А. Расиньша мы знаем теперь время появления на террито-

⁵⁷ Н. Моора. Kāsitōō arenemisjārg Baltimail 12.—13. sajandil. — ЭБРФ, стр. 123—128.

⁵⁸ Например, работы по типологии отдельных изделий — область исследований, долгое время (и незаслуженно) находившаяся в пренебрежении в латвийской археологии: V. Urtāns. Pūces sakta. — AE, 3, 1961, 35.—58. lpp.; M. Atgāzis. Latgaļu 9.—12. gs. cirvji. — AE, 6, 1964, 105.—123. lpp.; T. Pāvele. Latvijas 11.—13. gs. bronzas blodas. — AE, 6, 1964, 127.—133. lpp.

⁵⁹ А. Э. Зариня. Одежда Латгале по материалам археологических раскопок последних лет. — ТрПКЭ, 1, 1959, стр. 510—520; А. Э. Зариня. Виллайне латгалов VII—XIII вв. — СА, 1960, 3, стр. 203—216; А. Э. Зариня. Одежда. — В кн.: Нукшинский могильник. Рига, 1957, стр. 31—38; A. Zariņa. Latgaļu vainagi laikā no 6. līdz 13. gs. — AE, 2, 1960, 79.—94. lpp.; А. Э. Зариня. Отражение развития производительных сил и производственных отношений в одежде латгалов VII—XIII вв. Автореф. канд. дисс. Рига, 1962; A. Zariņa. Seno audumu tehnisko analīžu rezultāti. — ParTV, 6, 1964, 137.—153. lpp.; A. Zariņa. Arheoloģisko tekstiliju pētniecība. — ZA Vēst, 1967, 8, 133.—134. lpp.

рии Латвии важнейших культурных растений, можем судить об их значении в местном хозяйстве и делать соответствующие заключения о характере земледелия в тот или иной период. Древнейшей культурой (с первой половины II тысячел. до н. э.) является ячмень, а наиболее поздней (с VII—IX вв. н. э.) — овес. Преобладающее значение с первых веков нашей эры имел ячмень, в VIII—IX вв. рядом с ним встала озимая пшеница (вытеснившая более древнюю свою разновидность — полбу). Именно сочетание этих культур обеспечило более или менее прочную базу для питания населения. Один из главных выводов А. Расиньша состоит в том, что еще в XI—XIII вв. «господствующими надо считать подсечную и переложную системы земледелия». Наличие вместе с остатками злаков семян многолетних сорняков, «которые можно рассматривать в качестве более или менее надежного указания на существование трехполья», относится, по мнению автора, лишь к более позднему времени, начиная с XIV—XV вв.⁶⁰ Поскольку эта проблема имеет не местный характер (по всей лесной полосе Восточной Европы земледелие развивалось, в общем, по одному и тому же пути), при ее разрешении необходимо учитывать результаты новейших исследований, основанных на широком сравнительном материале⁶¹.

Состояние экономики и социального строя в Прибалтике XI—XIII вв. (сравнительно с Русью) обобщено в интересном

⁶⁰ А. П. Расиньш. Культурные и сорные растения в материалах археологических раскопок на территории Латвийской ССР. — ТрПКЭ, 1, 1959, стр. 316—349; А. П. Расиньш. Материалы к истории культурных и сорных растений на территории Латвийской ССР до XIII века н. э. — В кн.: Растительность Латвийской ССР, 2. Рига, 1959, стр. 125—134; A. Rasiņš, M. Tauriņa. Kultūraugu un nezāļu vēsture Latvijas PSR teritorijā no 15. gs. pirms mūsu ēras līdz mūsu ēras 15. gs. — RT 1967. — Отметим в этой связи, что работавший тем же методом А. В. Кирьянов для Новгородской земли XI—XIII вв. считает возможным господство трехполья. Следовательно, в этом вопросе еще не все решено.

⁶¹ Укажем в этой связи на работы Ю. А. Краснова, в которых по этнографическим и археологическим данным рассматривается состояние земледелия до распространения пахотных орудий. Оспаривая господствовавший до недавнего времени тезис о подсеке как якобы господствовавшей и даже единственной системе земледелия в этот древнейший период (до середины I тысячел. н. э.), автор говорит об одновременном развитии в лесной полосе двух форм земледелия — подсеки и краткосрочного перелога, которые как бы дополняли друг друга и сочетались в самых различных комбинациях, в зависимости от тех или иных местных условий (см. Ю. А. Краснов. Земледелие и животноводство в лесной полосе Европейской части СССР во II тысячелетии до н. э. — 1-й половине I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дисс. М., 1966; Ю. А. Краснов. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы. — СА, 1967, 1, стр. 3—21.

докладе Х. А. Моора и Х. М. Лиги⁶², в котором учтены новейшие данные археологии, этнографии и письменных документов, относящиеся не только к Эстонии, но и к Латвии. Поучительной особенностью этой работы является надлежащий учет естественно-географических условий — наличия или отсутствия лесов и других природных богатств, характера почв и т. п. Правильный по существу (так как роль природного фактора тем сильнее, чем ниже уровень производительных сил), такой подход помогает преодолеть схематизм, нередко встречавшийся в литературе по истории земледелия. Более прогрессивная пашенная система хозяйства возникла не вдруг, а в недрах старой системы, сочетавшей в себе приемы подсеки и перелога (залежи). В результате сокращения срока залежи, благодаря совершенствованию орудий (железный наральник, потом двузубая соха) и введению навозного удобрения, во второй половине I тысячел. н. э. возникла паровая система земледелия. «В XI—XII вв., — говорят авторы, — старопахотные поля обрабатывали уже основную часть используемых под посевы земель». Так представляется эволюция земледелия в самых общих чертах. В действительности даже на такой сравнительно маленькой территории, как Прибалтика, этот процесс, оказывается, имел несколько вариантов⁶³.

Соответственно с местными различиями в юго-восточной части Эстонии, как и в Латвии, развитие земледельческой экономики шло несколько интенсивнее, чем в более северных районах. Ускоренной эволюции социального строя в этих районах способствовало соседство русских феодальных княжеств. В целом, однако, Прибалтика отставала от Руси — главным обра-

⁶² Х. А. Моора, Х. М. Лиги. К истории сельского хозяйства в Прибалтике в период образования феодальных отношений (XI—XIII вв.) — *ЕжгАгр*, 1963, Вильнюс, 1964, стр. 77—89.

⁶³ К примеру, на островах и в северо-западной части материковой Эстонии подсека вообще не могла иметь места, зато обилие лугов и пастбищ обеспечивало лучшее удобрение почв. Наличие множества вариантов земледельческого хозяйства, констатируемое в статье Х. Моора и Х. Лиги уже для первых веков н. э., можно распространить и на весь феодальный период. Напомним хотя бы известный факт расчистки лесов (там, где они имелись) под пашни в более поздние времена, в рамках уже безусловно господствовавшего трехполья. Говоря о «системе земледелия», следует, видимо, более осторожно употреблять такие термины, как «подсека», «переложная», «паровая» системы и т. п. Это, в конечном счете, лишь своего рода «идеальные типы», в действительности они приобретали различные конкретные формы, которые могли уживаться между собой, не вытесняя друг друга. «Система земледелия» была, очевидно, сложной уже в древнейшие времена, сочетая в себе — в зависимости от разнообразных местных условий — приемы «подсеки» и «перелога», а с определенного времени и парового хозяйства.

зом в силу одностороннего, ярко выраженного аграрного характера ее экономики. Авторы приходят к заключению, что феодальные отношения к концу XII в. успели сложиться здесь только местами, в пределах крупных вотчинных владений знати, основная же масса населения сохраняла свою свободу и земельную собственность.

Внимание археологов Латвии неизменно приковывала к себе и проблема культурно-экономических связей Прибалтики с соседними землями, особенно с древней Русью. Этой проблемы касается большинство перечисленных выше публикаций. Необходимость сопоставлять найденный материал с «иноземными» параллелями столь очевидна, что в любой монографии и статье (в том числе и посвященной самым отдаленным периодам) приходится разбирать многосторонние, более или менее тесные и, как правило, обоюдные связи по линии материальной культуры. Большой вклад в разработку этой важной проблемы внесли в свое время труды ведущих археологов Прибалтики — Х. А. Моора, Э. Д. Шноре и ряда других. Общая постановка проблемы — с учетом итогов исследований 50-х годов и формулировкой исследовательских задач — содержалась в статье А. Л. Монгайт⁶⁴. Новый этап в разработке проблемы взаимодействия древнелатышских племен с их соседями приходится на 60-е годы, когда появился ряд специальных работ по этой тематике, выполненных молодым поколением археологов.

Помимо диссертаций Э. Шноре и А. Стубава (содержащих особые разделы о «связях» по материалам Асотского и Кентескалнского городищ) серьезного внимания заслуживает серия исследований, выполненных Э. С. Мугуревичем. Взяв за объект специального изучения бассейн Даугавы и прилегающие к нему районы, он дал исчерпывающую характеристику всех торговых путей, пролежавших по территории латгалов и ливов в период раннего феодализма. Сначала в отдельных статьях⁶⁵, затем в диссертации⁶⁶ и, наконец, в обобщающей монографии⁶⁷

⁶⁴ А. Л. Монгайт. К вопросу о русско-прибалтийских связях в IX—XIII вв. — ВИ, 1958, 6, стр. 120—128.

⁶⁵ E. Mugurevičs. Rozā šifera izstrādājumu atradumi Latvijā. — ZAVēst, 1960, 9, 17.—31. lpp.; E. Mugurevičs. Svarīgākie ceļi lībiešu un latgaļu teritorijā 12.—13. gs. — AE, 3, 1961, 61.—79. lpp.; E. Mugurevičs. Numismatiskais materiāls par Latvijas tirdzniecības ceļiem IX—XIII gadsimtos. — ZAVēst, 1961, 1, 11.—12. lpp.

⁶⁶ Э. С. Мугуревич. Торговые пути на территории ливов и латгалов в IX—XIII вв. Автореф. канд. дисс. Рига, 1961.

⁶⁷ Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига, 1965. 145 стр.

Э. С. Мугуревич подверг подробному рассмотрению как внутренние, так и транзитные пути сообщения, степень их использования и экономическое значение. Чтобы выполнить эту задачу, пришлось мобилизовать не только разнообразный археологический материал, накопленный при раскопках огромного множества памятников (и подчас мало изученный), но и данные нумизматики и письменных документов — повествовательных, актовых и картографических, включая поздние документы (например, дорожные схемы «шведского времени»), могущие пролить свет на более отдаленное прошлое. В центре работы — анализ латвийского импорта, особенно по линии Запад—Восток (поскольку именно Даугава была главной торговой артерией, привлекавшей как русских, так и западноевропейских купцов и добытчиков), так как расположение кладов монет и слитков, оружия, украшений и прочих ввозных предметов служит наиболее надежной опорой для локализации путей сообщения и определения степени их использования. Определяя главные направления хозяйственных и культурных связей, автор учел и такие факторы, как местоположение городищ и могильников IX—XII вв., рассказы хронистов XIII в. о путях военных походов и массу других источников.

Комплексное использование всей совокупности данных по изучаемому вопросу и надежность полученных выводов сулят долгую жизнь этой отличной работе, стоящей как бы на стыке археологии, истории и исторической географии. В противовес буржуазной науке, утверждавшей, что культура народов Прибалтики должна рассматриваться как результат только «влияний» со стороны, Э. С. Мугуревич справедливо подчеркивает значение местных корней материальной культуры латгалов и ливов. Многие из предметов, разумеется, сначала ввозились, но вскоре начинали производиться и на месте, приобретая своеобразную форму. С другой стороны, многие из предметов местного производства могли попадать в Скандинавию или на Русь. Другими словами, контакты, а следовательно, и влияния были взаимными, обогащавшими всех участников торговых сношений в этом районе — едва ли не самом бойком центре обмена в тогдашней Восточной Европе.

Ареал внешних связей населения Латвии был широким и многосторонним. В последнее время археологи стали уделять должное внимание культурным контактам с Западом, поскольку они также, разумеется, требуют изучения⁶⁸. Особенно интенсивными и действительно постоянными в раннефеодальный период

⁶⁸ Э. Шноре. Скандинавский импорт в могильниках раннефеодального периода на острове Долес. — ТСканд, стр. 173—175.

были контакты ливов, латгалов и селов, а также земгалов с их соседями на востоке — русскими княжествами. Экономический аспект этих связей по данным археологии прослежен в статье Э. С. Мугуревича и А. Я. Стубава⁶⁹. Восьмой выпуск периодического сборника «Археология и этнография» за 1968 г. целиком посвящен проблеме культурно-исторических связей населения Латвии со славянскими народами с древнейших времен до наших дней. В археологической части сборника опубликован ряд ценных статей. Как полагает, например, Я. Граудонис, водный путь Даугава—Волга с его ответвлением в сторону верхнего Днепра использовался уже в I тысячел. до н. э., хотя отсутствие «привлекательных эквивалентов» на территории Латвии задерживало ее включение в эту систему обменных связей⁷⁰. В статье И. Цимермане рассматривается спорный вопрос об особенностях текстильной керамики в Латвии и возможных связях этой керамики с так называемой Дьяковской культурой, существовавшей в Верхнем Поволжье в I тысячел. до н. э.⁷¹ Статья В. Уртана посвящена связям населения Латвии с восточными славянами (кривичами) и даже более отдаленными землями (вплоть до Византии, Средней Азии и даже Индии) во второй половине I тысячел. н. э. Этот период труден для изучения, так как этническая карта рассматриваемой территории в это время не была четкой: перемещались как латгалы и селы, так и кривичи. Тем не менее картина взаимных контактов получилась разносторонняя и убедительная. Насыщенная богатым конкретным материалом работа В. Уртана послужит для читателя как бы введением к упомянутой ранее монографии Э. Мугуревича⁷². И наконец, в статье А. Заринь

⁶⁹ Э. С. Мугуревич, А. Я. Стубав. Экономические связи населения низовьев Даугавы с Русью в период раннего феодализма (X—XII вв.). — ЭСПР, 1, стр. 3—5; см. также: М. В. Фехнер. Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами Северной Европы в X—XI вв. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967, стр. 33—41. — Недостатком этой интересной работы является то, что труды латвийских и эстонских археологов в ней не использованы; роль Прибалтики как посредника в обмене между Русью и Скандинавией ускользнула от внимания автора.

⁷⁰ J. Graudonis. Par Latvijas agrā metālu perioda iedzīvotāju sakariem. — AE, 8, 1968, 31.—50. lpp.

⁷¹ I. Cimermane. Latvijas tekstilā keramika un tās sakari ar Djakovas kultūras apgabalu. — AE, 8, 1968, 53.—63. lpp.; стр.: П. Н. Третьяков. О ранних и поздних городищах Дьякова типа. — ЭБРФ, стр. 192—196.

⁷² V. Urtāns. Latvijas iedzīvotāju sakari ar slāviem I g. t. otrajā pusē. — AE, 8, 1968, 65.—85. lpp. — Наличие в этой статье весьма подробного и четкого резюме (стр. 83—85) делает ее вполне доступной также для русских читателей.

прослеживаются общие элементы в изготовлении тканей у латгалов и славян в XII—XIII вв.⁷³

Вопросам разложения первобытнообщинного строя на территории Латвии уделяли внимание не только археологи, но и историки. Достаточно вспомнить в этой связи известные очерки проф. Я. Я. Зутиса, посвященные «доисторической» и раннесредневековой Латвии⁷⁴. Здесь впервые были подвергнуты критике антинаучные, откровенно националистические концепции буржуазной науки (Ф. Балодис, А. Тентелис), причем в этой критике использованы не только накопленные к тому времени (1948 г.) археологические данные, но и материалы фольклорных и письменных памятников.

Вплоть до начала 50-х годов считалось почти общепринятым, что народы Прибалтики вплоть до нашествия германо-католических крестоносцев на рубеже XII и XIII вв. жили родовым строем, т. е. в бесклассовом обществе. Необходимость пересмотреть этот тезис становилась все более очевидной, с одной стороны, по мере развертывания новых археологических исследований, а с другой, — в ходе общесоюзной дискуссии по вопросам периодизации истории СССР (на страницах журнала «Вопросы истории») и особенно — при обсуждении первого тома «Истории Латвийской ССР»⁷⁵. Проблемы социально-экономического развития на протяжении I тысячел. до н. э. (когда складывались важнейшие предпосылки возникновения классов на территории Латвии) обсуждались в ряде статей⁷⁶, а затем — в диссертации В. Р. Анисимовой⁷⁷.

Однако наиболее важное, можно сказать основополагающее, значение в постановке и комплексном разрешении главных проблем истории раннесредневековой Латвии имели обобщающие работы проф. Х. А. Моора. Отдавая дань уважения этому замечательному ученому, напомним о его капитальном труде

⁷³ A. Zariņa. Kopīgas iezīmes latgaļu un slāvu XII—XIII gs. audumos. — AE, 8, 1968, 87.—91. lpp.

⁷⁴ J. Zutis. Latvijas aizvēstures problēmas. Rīgā, 1948, 46 lpp.; J. Zutis. Agrie viduslaiki Latvijā. No IX līdz XII gadsimtam. Rīgā, 1948, 48 lpp. (Обе работы опубликованы в серии «Apcerējumi par Latvijas PSR vēsturi».)

⁷⁵ Х. Моора, Э. Шноре. Первобытнообщинный строй на территории Латвийской ССР. — История Латвийской ССР, 1. Рига, 1952, стр. 6—49.

⁷⁶ Х. А. Моора. Возникновение классового общества в Прибалтике (по археологическим данным). — СА, 17, 1953, стр. 105—132; В. В. Дорошенко. Латышские племена в I тысячел. н. э. — ВИ, 1952, 9, стр. 122—130; V. Anisimova. Sociāli ekonomisko attiecību attīstība Latvijas PSR teritorijā m. ē. 1. gadu tūkstoši. — LVU ZR, 16, 1957, 241.—262. lpp.

⁷⁷ В. Р. Анисимова. Распад первобытнообщинного строя и зарождение классового общества на территории Латвийской ССР в I тысячелетии н. э. Автореф. канд. дисс. Рига, 1966.

«Железный век в Латвии», изданном еще в довоенное время⁷⁸. В известной монографии Х. А. Моора, опубликованной в 1952 г.⁷⁹, автор обобщил с позиции марксизма весь длительный и сложный исторический путь, который прошло население Латвии от появления здесь человека до формирования классового, раннефеодального общества. Главные положения этой работы, ставшей классической, заложили фундамент научного понимания отдаленного прошлого Латвийской ССР и одновременно явились стимулом к дальнейшим исследованиям. В этом смысле труд проф. Х. А. Моора сохраняет свое значение и поныне. Но наука не может стоять на месте, особенно археология, которая за последние двадцать лет, быть может, удвоила фонд своих фактов и многие из них переосмыслила заново. Вполне естественно, что общественность с нетерпением ждет выхода в свет уже подготовленного к печати нового обобщающего труда по археологии Латвии.

⁷⁸ H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., 1—11. Tartu, 1929—1939.

⁷⁹ H. Moora. Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā, 1952. 172 lpp.

III. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОЙ ЛАТВИИ

Феодализм в Латвии с его зарождения (IX—XII вв.) и до окончательного упадка (середина XIX в.) просуществовал почти целое тысячелетие. Проблематика, связанная со столь длительной исторической эпохой, разумеется, весьма многообразна. Приступать к ее изучению советским медиевистам Латвии пришлось отнюдь не на пустом месте. С одной стороны, они имели возможность использовать методологический опыт советской историографии, накопленный в процессе изучения русского и западноевропейского феодализма, с другой, предстояло дать критическую оценку местному историографическому наследию, представленному трудами остзейско-немецких, а также латышских историков буржуазного времени. Столь же обширное, сколь и неравноценное по своему содержанию, это наследие и облегчало и вместе с тем усложняло задачу.

Историки как дворянского, так и буржуазного направления, как известно, проделали большую работу по выявлению и публикации исторических документов. Это существенно помогло дальнейшему освоению архивных фондов и позволило советским историкам Латвии сразу же после войны развернуть исследовательскую работу по ряду важнейших проблем феодальной эпохи. Программа долгосрочных исследований не могла ограничиться изучением лишь политических институтов. Феодализм — это не просто «государственный порядок, господствовавший в средневековье» (как это считал, например, А. Швабе), а особая общественно-экономическая формация. Поэтому с самого начала был взят курс на глубокое, всестороннее изучение таких больших тем, как история сельского хозяйства и крестьянства, ремесла и промышленности, торговли, социальных движений в деревне и в городе, классовой и национально-освободительной борьбы трудящихся масс в феодальной Латвии.

Однако не менее актуальной задачей, особенно в первые послевоенные годы, было разоблачение лживых, антинаучных концепций реакционных историков. Защитники привилегий немецкого меньшинства в Прибалтике, как и апологеты латышской буржуазии, проявили немало усердия в деле фальсификации истории. Расчистка «авгиевых конюшен» дворянско-буржуазной историографии являлась и научной, и общественно-политической необходимостью. Эта задача осуществлялась как в ходе работы по исследованию первоисточников, так и в процессе создания учебных пособий и научно-популярной литературы. Над изучением феодальной эпохи в истории Латвии (охватывающей не только средневековье, но и часть «нового времени») трудится большой коллектив высококвалифицированных специалистов, в основном — ученики покойного академика Я. Я. Зутиса (1893—1962). Группа латышских медиевистов насчитывает в своем составе не менее 25 человек, в том числе трех докторов и 13 кандидатов наук. Это — преподаватели вузов, работники архивов и музеев республики и сотрудники Института истории АН Латвийской ССР. Ведущим центром научных исследований по медиевистике является сектор эпохи феодализма (ранее сектор древней и средневековой истории Латвии) Института истории АН Латвийской ССР, созданный в 1946 г. проф. Я. Я. Зутисом.

Главные результаты научных исследований по истории феодальной Латвии, проведенных за годы советской власти, целесообразно охарактеризовать в рамках отдельных научных проблем¹.

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЛАТЫШСКИХ ЗЕМЕЛЬ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА («БАЛТИЙСКИЙ ВОПРОС»)

Географическое положение Восточной Прибалтики обусловило то, что она стала объектом напряженной борьбы между различными завоевателями. Хотя «балтийский вопрос» — в общепринятом значении этого термина как проблема международной политики — сформировался только к XVI в. (чему способствовали, с одной стороны, рост европейской торговли, а с другой, — возникновение сильных, централизованных государств, вступивших в борьбу из-за «*dominium maris Baltici*»),

¹ См. также: Я. Зутис. Развитие исторической науки в Советской Латвии. — ИАН ЛССР, 1955, 7, стр. 57—77; W. W. Doroszenko. *Badania historiografii radzieckiej z lat 1945—1961 nad dziejami Łotwy i Estonii w okresie feodalizmu*. — *Zapiski historyczne poświęcone historii Pomorza*, 28, Toruń 1963, str. 343—378.

латышские и эстонские земли подвергались набегам захватчиков-скандинавов уже в VIII—IX вв. н. э. С конца XII в. начался более чем столетний период героического сопротивления прибалтийских народов германско-католической агрессии, завершившейся, как известно, захватом Прибалтики немецкими (и частично датскими) феодалами. В борьбе против этой агрессии народы Прибалтики, связанные и прежде узами тесной дружбы с русским народом, пользовались неизменной поддержкой Руси.

Сложившаяся в XIII в. федерация духовных княжеств, известная под названием средневековой Ливонии, рухнула в середине XVI в. под ударами русских войск. После Ливонской войны (1558—1582 гг.), когда на территории южной части Латвии образовалось Курляндско-Земгальское герцогство (1561—1795 гг.), а ее северная часть оказалась под властью сначала польских (1561—1629 гг., Латгале — до 1772 г.), а потом шведских завоевателей (1629—1710 гг.), латышский народ не прекращал борьбы против двойного феодально-колониального ига. В этой тяжелой неравной борьбе латыши неизменно пользовались симпатией, а зачастую и прямой поддержкой своих восточных соседей — русских. Усиление Русского государства, его настойчивое стремление обеспечить выход на Балтику («окно в Европу»), необходимость которого диктовалась как потребностями экономического развития, так и международной политической обстановкой, привели к тому, что территория Латвии (Видземе — в 1721 г., Латгале — в 1772 г., а Курземе и Земгале — в 1795 г.) оказалась присоединенной к России.

Независимо от официальной политики Российской империи, определявшейся интересами господствующего класса помещиков, дружба между латышским и русским народами прошла через все испытания, а со временем приобрела и новое содержание — стала одним из факторов общей борьбы всех трудящихся страны против абсолютизма, феодализма и капитализма. В свете сказанного становится понятным, что проблема латышско-русских взаимоотношений всегда была одной из важнейших проблем политической истории не только Прибалтики, но и России. И естественно, что говоря об исследованиях латвийских историков в этой области, нельзя обойти также работы — хотя бы важнейшие — специалистов Москвы, Ленинграда и т. д.

Разработка общей концепции политических судеб латышских земель в период феодализма принадлежит Я. Зутису, Т. Зейду и М. Степерману — авторам соответствующих разделов первого тома коллективного обобщающего труда «История Латвийской ССР» (1952). В одновременно изданной

монографии Т. Зейда² на основе самостоятельного анализа всех имеющихся письменных документов подробно освещены такие существенные проблемы, как возникновение на территории Латвии первых государственных образований (уже на рубеже XII—XIII вв. носивших, как подчеркивает автор, «известные признаки феодальных государств»), основные этапы борьбы против германских захватчиков в XIII в., особенности государственного устройства средневековой Ливонии, ее внутрисполитическая история (борьба Тевтонского ордена и епископов за гегемонию в Восточной Прибалтике, противоречия феодальных сословий и т. п.) и, наконец, развитие отношений между Ливонией и ее соседями — Литвой и русскими землями.

К одной из проблем, затронутых в монографии, Т. Зейд вернулся в работе «Древнейшие государственные образования на территории Латвии в освещении латышской буржуазной историографии»³. В этом обзоре он серьезно и обстоятельно рассматривает трактовку данной проблемы в конце XIX — начале XX в. (Я. Кродзник), а также в годы буржуазной Латвии. Автор — отличный знаток тех источников, которые в 30-е годы подвергались всевозможным фальсификациям буржуазных историков, пытавшихся «исторически обосновать» диктатуру фашистского типа. Сопоставляя концепции А. Швабе, Ф. Балодиса или А. Тентелиса с документальными фактами, Т. Зейд показал пример деловой (а не декларативной, как иногда случается), подлинно научной критики чуждых взглядов. Поэтому и вывод автора, что «буржуазная историография не смогла вскрыть сущность и содержание древнейших государственных образований в Латвии», звучит вполне убедительно. Приходится согласиться с автором и в том, что данный вопрос (как, впрочем, и вся проблема раннего феодализма в Латвии) и советской историографией изучен далеко не достаточно. Статья Т. Зейда могла бы стать превосходным историографическим введением к большому исследованию по этой проблеме. Такое исследование, к сожалению, пока еще не написано.

Правда, имеется ряд статей В. Е. Калниня⁴, в которых рассматриваются зачатки общественных классов и политиче-

² T. Zeids. Feodālisms Livonijā. Rīgā, 1952. 144 lpp.

³ VP, 5, 1962, 5.—48. lpp.

⁴ V. Kalniņš. Agrino valstisko veidojumu un sākotnējo tiesību izcelšanās Latvijas teritorijā (aptuveni no XI gs. līdz XIII gs. sākumam). — LVU ZR, 12, 1957, 67.—92. lpp.; В. Е. Калнинь. Древнерусская государственность и право на территории Латвии в XI—XIII вв. — УчЗЛатГУ, 64, 1964, стр. 117—127; В. Е. Калнинь. Влияние древнерусской государственности и права на развитие народов, населявших территорию Латвии в XI—XIII вв. — Известия высших учебных заведений. Правоведение. Л., 1966, 4, стр. 139—145.

ского устройства на территории Латвии в XI—XIII вв. в историко-юридическом плане. Однако уровень этих работ оставляет желать лучшего. В основном они носят компилятивный характер и редко выходят за рамки известного из популярных пособий. Там же, где автор обращается к первоисточникам и проявляет самостоятельность (пытаясь, например, определить происхождение и состав эксплуататорского и эксплуатируемого классов внутри раннефеодального общества), возникает много недоумений по поводу как общей картины, так и деталей⁵. Проблема соотнесения, комплексного истолкования, с одной стороны, данных письменных памятников этой эпохи (ливонские акты и хроники, «договоры» захватчиков с покоряемым населением в XIII в., местное «обычное право» и «Русская Правда»), а с другой, — материалов археологии и фольклора, требует более серьезного подхода, в частности — изучения крайне обширной специальной литературы, количество которой возрастает с каждым годом.

В первые послевоенные годы был опубликован ряд популярных обзоров истории совместной борьбы народов Прибалтики против немецкой агрессии. В содержательной брошюре проф. Я. Зутиса рассматриваются события за период с конца XII по XIV в. Этот обзор выгодно отличается от других аналогичных работ, во-первых, конкретностью анализа сохранившихся письменных памятников («Хроники Ливонии» Генриха Латвийского, «Рифмованной хроники», а также псковских и новгородских летописей), а во-вторых, острой и убедительной полемикой с виднейшими представителями балтийской дворянской и буржуазной историографии, искажавшими смысл и значение событий того времени⁶. Политические события XIII в., столь трагические для дальнейшей судьбы прибалтийских народов, привлекали внимание как латвийских, так и русских советских историков. Различным аспектам завоевания Латвии герман-

⁵ Несовместимость таких утверждений В. Калниня, как «преобладание феодальной экономики» и «стадия военной демократии» (применительно хотя бы к XII в.), думается, вполне очевидна. Весьма туманно представлены автором и взаимоотношения между территориальной общиной и патриархальной семьей, диалектика связей между общинной и индивидуальной собственностью. Зачислив крестьян-хозяев в «класс эксплуататоров», автор, естественно, пришел к заключению, что свободные члены общин («люди», «*laudis*») хотя и «встречались», но уже до XIII в. явно не составляли массу сельского общества. Таких успехов феодализма не было и на Руси XIV—XV вв.!

⁶ J. Zutis. *Krievu un Baltijas tautu cīņas pret vācu agresiju*. Rīgā, 1948. 47 lpp.; см. также Н. Казакова, И. Шаскольский. *Русь и Прибалтика (IX—XVII вв.)*. Л., 1945. 128 стр.; Я. П. Крастынь. *Борьба латышского народа против немецких захватчиков и поработителей*. М., 1946. 196 стр.

скими крестоносцами были посвящены работы А. А. Дризула, И. П. Шаскольского, В. С. Карцева, П. А. Стародубца, А. Л. Хорошкевич, П. Степиня, А. Д. Роловой и ряда других авторов⁷. Значение и последствия разгрома Немецкого ордена в великом сражении под Грюнвальдом (1410 г.) для исторических судеб славянских и прибалтийских народов показаны в статье Я. Я. Зутиса⁸.

Новейшие обобщающие работы советских историков по политической истории Древнерусского государства позволяют шире и глубже взглянуть на место и положение прибалтийских народов в общей системе международных связей XI—XIII в., чем это было возможно, скажем, в 50-е годы. Здесь имеются в виду главным образом работы В. Т. Пашуто⁹. Мобилизуя весь комплекс источников, относящихся к данной проблеме (в том числе и, казалось бы, хорошо изученные в локальном плане), автор высказывает ряд новых мыслей и положений, которые представляются важными и для латвийской историографии.

Древняя Русь, или «империя Рюриковичей» (К. Маркс) подобно Германской империи была сложным государственным

⁷ А. А. Дризул. Выдающееся событие в истории латышского народа («Ледовое побоище»). — БСЛ, 1949, 6, стр. 29—37; И. П. Шаскольский. Папская курия — главный организатор крестовых агрессий 1240—1242 гг. против России. — ИЗ, 37, 1951, стр. 169—188; В. С. Карцев. Папство — организатор и вдохновитель немецко-католической агрессии в Прибалтике XIII в. Автореф. канд. дисс. М., 1953; П. А. Стародубец. Купечество Северной Германии и немецкая агрессия в Восточной Прибалтике в XIII веке. — Ученые записки Тульского пед. ин-та, 1. 1948, стр. 89—121; П. А. Стародубец. Княжество Кокнесе в борьбе с немецкими захватчиками в Восточной Прибалтике в начале XIII века. — СВ, 7, 1955, стр. 199—216; А. Л. Хорошкевич. Из истории русско-германских отношений в XIII в. — ИЗ, 78, 1965, стр. 219—232; А. Д. Ролова. Послевоенная буржуазная историография о роли церкви и религии при завоевании Прибалтики в XIII в. — УчЗ ЛатГУ, 82, 1967, стр. 20—39; P. Stepiņš. Durbes kauja. Rīgā, 1967. 32 lpp.; E. Donnert. Heinrich von Lettland und die Anfänge der Deutschherrschaft in Livland. — ИАН ЛССР, 1959, 6, стр. 21—30.

⁸ Я. Зутис. Грюнвальд — конец могущества Тевтонского ордена. — ИЖ, 1941, стр. 74—80. — Ход так называемой Тринадцатилетней войны (1454—1466 гг.), предопределившей окончательную ликвидацию государства Немецкого ордена в южной части Прибалтики, получил освещение в фундаментальном труде польского историка: M. Biskup. Trzynastoletnia wojna z Zakonem Krzyżackim. 1455—1466. Warszawa, 1967. 822 s.

⁹ В. Т. Пашуто. Особенности структуры древнерусского государства. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 77—127; В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. 430 стр. — Последний труд В. Т. Пашуто охватывает период с X до середины XIII в. В настоящее время автор готовит к изданию монографию о внешней политике Русского государства в следующий (1240—1480 гг.) период.

образованием, не однородным ни этнически, ни экономически. Ее рубежи «отстоялись» в виде определенной границы только на юго-западе; на всем остальном протяжении они были более зыбкими. Здесь территория древнерусской народности (ядро государства) соприкасалась с землями 22 народов. Эти народы либо вообще не имели своей государственности, либо она была у них в зародыше, но все они так или иначе оказывались в политической зависимости от Руси. Список народов, «иже дань дают Руси», приведенный летописцем-южанином, явно неполон. На северо-западе в числе данников (XI—XII вв.) определено были и неупомянутые им, например, латгалы и селы. Отношения Древнерусского государства к этим разноразличным землям поэтому следует изучать не как область его «внешней политики», а как «особую сферу вассальной политики». В. Т. Пашуто исследует в этой связи экономическую основу вассалитета неславянских земель (неравномерность хозяйственного развития ядра и окраин Древнерусского государства, реальное значение «даней», а также их место в политической структуре этого государства), подчеркивая сотрудничество агентов русского княжества с местной, к примеру эстонской, знатью представители которой нередко выбивались даже в бояре и воеводы. Наконец, он указывает на определенную связь — хронологическую и по существу — между этапами классовой борьбы на Руси и вспышками освободительного движения подвластных ей народов Прибалтики в 60—70-х годах XI в., и далее — в 30-х и 80-х годах XII в.

Этот последний вопрос, выдвигаемый пока как гипотеза, представляется особенно интересным. Пора бы и кончить, резонно пишет В. Т. Пашуто, «искать традиции братства народов нашей страны в их мирной гармонии под началом Владимира Красное Солнышко или Владимира Мономаха, а не в их совместной борьбе против феодалов». Несомненная прогрессивность влияния феодальной Руси на подвластные ей народы не должна заслонять столь же очевидного факта, что политика древнерусских князей была политикой классовой, угнетательской как в собственно Руси, так и на ее окраинах. Переход от «полюдья» к «установленным» даням, распространение сети опорных пунктов русского владения (яркий пример — Кокнесе) означали, конечно же, рост феодальной эксплуатации. Отсюда и одновременное нарастание, с одной стороны, волнений смердов и горожан на Руси, а с другой, — проявлений, хотя и зачаточных, но уже вполне ощутимых (на ряде эстонских примеров), освободительного движения подчиненных народов. В условиях феодальной раздробленности XI—XII вв. то и другое вело к кризису политической власти отдельных княжеств.

«На беду обеим сторонам — и Руси, и подвластным ей народам — этим кризисом воспользовались иноземные завоеватели»: на рубеже XII—XIII вв. началось вторжение крестоносцев в Прибалтику.

Приведенные соображения В. Т. Пашуто безусловно заслуживают внимания. Но — *audiat et altera pars*: именно латвийским (как и эстонским) историкам предстоит тщательное исследование отдельных, пока еще не вполне ясных сторон этой большой проблемы. К числу их, думается, относятся не только уже старый вопрос о степени зрелости элементов феодального строя (и особенно землевладения) в разных районах Прибалтики, но и такие вопросы, как интенсивность и экономическое значение западнодвинской торговли (для «обеих сторон»), а также характер русского властвования над теми или иными прибалтийскими народами (прямое владычество или политическое влияние, вассалитет знати или прямая «дань») в XI—XII вв.

Тот узел противоречий между Россией и ее западными соседями, который привел к Ливонской войне, а впоследствии — к длительной борьбе за выход на Балтику, был завязан примерно на рубеже XV и XVI вв. Лучший знаток политических отношений этой эпохи К. В. Базилевич пришел к заключению, что уже при Иване III «постепенно наметилась та программа активной внешней политики (Русского государства — В. Д.), которая была окончательно завершена лишь к исходу XVIII в.» Одним из важнейших пунктов этой программы была «борьба на северо-западе против агрессивных действий Ливонского ордена и Швеции, которая постепенно переходит в борьбу за приобретение выходов к Балтийскому морю»¹⁰. Дипломатическая предыстория Ливонской войны рассматривалась в статьях

¹⁰ К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952, стр. 18, 432—542 (глава о войне Руси против Литвы и Ливонского ордена в 1500—1503 гг.). — Здесь с сожалением приходится отметить, что в этой превосходной работе недостаточно использованы документы ливонского происхождения: к примеру, отсутствуют ссылки на известное издание Г. Ф. Бунге, содержащее многочисленный актовый материал 1495 г. и последующих лет. Ливонские документы 70—80-х годов в это издание вообще не вошли, часть их хранится в архивах Прибалтики. Они еще ждут своего исследователя. Правда, в статье В. Н. Балязина делается попытка восполнить пробел, оставленный К. В. Базилевичем, путем привлечения местных источников «эпистолярного характера» (!) — речь идет о дипломатической переписке Ливонского и Тевтонского орденов за 1466—1500 гг., однако на деле автор едва к ним прикоснулся (см. В. Н. Балязин. Политика Ивана III в юго-восточной Прибалтике. — ВМУ, серия IX. История, 1964, 6, стр. 82—93).

Г. А. Новицкого и И. П. Шаскольского¹¹, а ее международный аспект — в монографии И. Б. Грекова. Как отмечает последний, «Ливонская война не была изолированным конфликтом Московской Руси, Ливонии и Польско-Литовского государства. Речь шла, по существу, о напряженной международной борьбе, в которой так или иначе участвовали также Турция и Крым, Рим и Габсбурги, Швеция и Дания¹².

Первый в советской историографии очерк событий Ливонской войны, основанный на широком использовании местных источников (помимо известных хроник Б. Рюссова, И. Реннера и других тут следует упомянуть также акты из шведских и других архивов, в свое время опубликованные К. Ширреном и Ф. Бинеманом), принадлежит перу Я. Я. Зутиса¹³. В другой работе этого же автора, посвященной ливонской политике Ивана Грозного, показано отношение латышских и эстонских крестьян, с одной стороны, к своим непосредственным угнетателям — немецким помещикам, а с другой, — к русским военным властям, которых они встречали как освободителей. Именно поведение массы крестьянства, острота социальных и национальных противоречий в самой Ливонии обусловили ее внутренний кризис и политическое крушение¹⁴. Решающим поражением войск Ливонского ордена была битва под Эргеме, или, вернее, Лугажи (2 августа 1560 г.), в результате которой большая часть территории Латвии и Эстонии оказалась временно занятой русской армией. Историческому значению этого памятного события посвящена статья Т. Я. Зейда¹⁵. Политика польско-литовских властей в захваченной ими Лифляндии, как известно, не оправдала надежд немецких дворян на сохранение их монополии в сфере землевладения и политического господ-

¹¹ Г. А. Новицкий. Русско-шведские отношения в середине XVI в. и война 1554—1557 гг. — ВМУ, Историко-филол. серия, 1956, 2, стр. 49—61; И. П. Шаскольский. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани. — МеждСвязи, стр. 376—399.

¹² И. Б. Греков. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963. 371 стр.

¹³ J. Zutis. Līvoniņas karš (1558—1582). Rīgā, 1949. 67 lpp.

¹⁴ Я. Я. Зутис. К вопросу о ливонской политике Ивана IV. — ИАН СССР. Серия истории и философии, 1952, 2, стр. 133—143. — В этой статье, которая была новым словом в науке, история Ливонской войны рассматривается в исключительно важном, а именно — социальном аспекте. Прежде эта война освещалась лишь в плане военно-дипломатического соперничества между державами. Некоторая идеализация феодальной политики русской администрации на завоеванных землях в Прибалтике, которую допустил автор, стала очевидной лишь в свете более поздней дискуссии вокруг оценки Ивана IV, развернувшейся со второй половины 50-х годов.

¹⁵ T. Zeids. Ērgemes kauja un tās vēsturiskā nozīme. — ZAVest. 1961, 7, 3, 3.—9. lpp.

ства. Вдумчивые работы эстонского историка Э. Тарвела, содержащие исчерпывающую характеристику этой политики, заставляют пересмотреть ряд традиционных суждений, навеянных недостаточно критическим отношением к остзейской историографии¹⁶.

В настоящее время нельзя разобраться в событиях Ливонской войны, не используя чрезвычайно обширного круга исследований советских историков (С. Б. Веселовского, А. А. Зими́на, С. О. Шмидта, В. И. Корецкого и др.). Количество исследований, посвященных эпохе Ивана Грозного, особенно возросло в 50—60-е годы. Здесь упомянем лишь работы, относящиеся непосредственно к Ливонской войне. В научно-популярной книге В. Д. Королюка¹⁷, пожалуй, впервые в советской литературе подробно изложена политическая история этой войны; автор использовал преимущественно русские источники. В диссертации Д. И. Копылова¹⁸, основанной на изучении главным образом дипломатической переписки (включая инструкции и отчеты посольств) и отчасти других документов (архива английской «Московской компании»), показывается отношение английской дипломатии к Ливонской войне: стремление Англии к экономической и политической изоляции России, борьба английского торгового капитала с голландским за русский рынок. Изданная в Берлине монография Эриха Доннерта (ГДР) рассматривает «балтийский вопрос» в годы Ливонской войны, так сказать, в общеевропейском плане. Отдельные разделы монографии посвящены народным движениям в самой Ливонии, отношениям между Россией и феодальной Германией (императором, князьями, городами), борьбе за «ливонское наследство» между Данией, Швецией и Речью Посполитой и, наконец, политике западноевропейских держав (Англии, Франции, Испании и Нидерландов) в отношении Московского государства во второй половине XVI в.¹⁹ Для ориентировки в буржуазной европейской литературе на ту же тему (и, прежде всего,

¹⁶ Э. Тарвел. Ливония в первые годы польского владычества (1557—1569). — В кн.: По крутым тропам истории. Таллин, 1966, стр. 33—55.

¹⁷ В. Д. Королюк. Ливонская война. Из истории внешней политики русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954. 112 стр.

¹⁸ Д. И. Копылов. Англо-русские отношения в период Ливонской войны. Автореф. канд. дисс. Горький, 1953.

¹⁹ Erich Donnert. Der livländische Ordenvitterstaat und Russland. Der livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558—1583. Berlin, 1963. 320 S. — Cp. Erich Donnert. Livland und Russland in der zweiten Hälfte des 16. Jh. — Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas, 4. Berlin, 1960, S. 215—234.

в плане экономических предпосылок Ливонской войны) важно учитывать историографический обзор проф. Х. Х. Крууса²⁰.

Ливонская война, неудачная для России, закончилась, как известно, разделом средневековой Ливонии между Швецией и Речью Посполитой. Их борьба из-за Восточной Прибалтики в 1561—1629 гг. всесторонне показана в брошюре проф. Я. Зутиса²¹. Основываясь, как всегда, на самостоятельном изучении первоисточников, автор охарактеризовал литературу по этому вопросу и помимо военно-дипломатической стороны периода показал также административно-судебное устройство Лифляндии в «польское время», процесс контрреформации и так называемые календарные волнения в Риге. Русское правительство предпринимало попытки урегулировать балтийский вопрос и после Ливонской войны. В содержательной статье Б. Н. Флоры²², построенной на архивных материалах из ЦГАДА («Шведские дела», «Сношения России с Лифляндией»), показывается известное оживление политических связей России с Ливонией в период ухудшения польско-шведских отношений в самом конце XVI в. На этот раз русская дипломатия стремилась осуществить план выхода на Балтийское море с учетом позиции ливонских городов, особенно Нарвы. Проблематика социальных движений в Риге — одном из крупнейших позднганзейских центров в конце XVI в. — привлекает внимание также наших коллег-историков из ГДР. В диссертации В. Кюттлера, защищенной в Лейпциге (1966 г.), а также в опубликованных им статьях²³ дается весьма обстоятельная характеристика как социально-экономической подоплеку этих движений, так и политической борьбы основных группировок рижского населения в 50—80-е годы XVI в.

Слабее, особенно в плане использования богатых архивных материалов, хранящихся в Риге и других городах, изучен «балтийский вопрос» в XVII в. Общая постановка проблемы (включая и более поздний период) содержалась уже в довоенной статье Я. Я. Зутиса²⁴. Русско-шведская война 1653—1667 гг.

²⁰ Х. Х. Круус. «Балтийский вопрос» в XVI в. в зарубежной исторической литературе. — ВИ, 1959, 6, стр. 108—119.

²¹ J. Zutis. Vidzeme kā poļu un zviedru cīņas objekts. Rīgā, 1949. 128 lpp.

²² Б. Н. Флоры. Прибалтийские города и внешняя политика русского правительства в конце XVI — начале XVII в. — МОЦВЕ, стр. 10—25.

²³ В. Кюттлер. К характеристике патрициата, бюргерской оппозиции и народного движения в Риге во второй половине XVI в. — ИАН ЛССР, 1968, стр. 13—27; см. также: W. Küttler. Die Volksbewegung in Riga 1584—1589. — Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas, 6. Berlin, 1962, S. 267—310.

²⁴ Я. Зутис. Балтийский вопрос в политике великих держав. — ИМ, 1941, 2, стр. 66—80.

за Прибалтику стала предметом серьезных исследований ряда ленинградских историков — О. Л. Вайнштейна²⁵, Э. Д. Рухмановой²⁶ и Ю. Курскова²⁷. Воздействие бурных событий этой войны на жизнь местного населения, размеры военных опустошений на территории Латвии и их последствия в сельском хозяйстве, а также в торговле Риги еще ждут изучения.

Вопросы государственно-правового устройства средневековой Ливонии (до 1561 г.), а потом и Курляндско-Земгальского герцогства (1561—1795 гг.) изучал В. Е. Калнынь²⁸. Учитывая и классовую структуру феодального общества, автор привлёк к исследованию ряд юридических памятников, но рассмотрел их весьма поверхностно. Необходимо признать, что и в этой области еще предстоит сделать значительно больше, чем уже сделано.

«Балтийский вопрос» в плане международной политики был разрешен уже в первой четверти XVIII в.: большая часть Восточной Прибалтики (кроме Латгале и Курляндского герцогства) была включена в состав Российской империи. Для понимания обстановки в этом районе важно учитывать результаты исследований советских историков, касающиеся политики великих держав (России, Швеции, Речи Посполитой) и хода Северной войны (1700—1721 гг.)²⁹. Стремление Англии помешать дальнейшим успехам России в борьбе за выход в Балтийское море, усилившееся после Полтавской победы над шведами

²⁵ О. Л. Вайнштейн. Русско-шведская война 1655—1660 гг. (историографический обзор). — ВИ, 1947, стр. 53—72; О. Л. Вайнштейн. Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII в. — УчЗ ЛГУ, 130, 1951, стр. 157—184.

²⁶ Э. Д. Рухманова. Борьба России за выход в Балтийское море в 1656—1661 гг. Автореф. канд. дисс. Л., 1954.

²⁷ J. Kurskovs. Ordins-Naščokins — Kokneses vaivads (1656.—1661.). — VP, 2, 1958, 239.—261. lpp.

²⁸ V. Kalniņš. Livonijas valstiskā uzbūve un tiesības. — LVU ZR, 24, 1958, 23.—100. lpp.; В. Калнынь. Общественно-политический строй и право феодальной Латвии в XI—XVI веках. Рига, 1962. 45 стр.; V. Kalniņš. Kurzemes hercogistes valsts iekārta un tiesības (1561.—1795.). Rīgā, 1963. 48 lpp.

²⁹ В. Д. Корольюк. Речь Посполитая в начале Северной войны. — УчЗ Инслав, 5, 1952, стр. 259—295; В. Д. Корольюк. Вступление Речи Посполитой в Северную войну. — УчЗ Инслав, 10, 1954, стр. 239—347; Е. В. Тарле. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958. 480 стр.; Л. А. Никифоров. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. 498 стр.; Х. Э. Палли. Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны (1701—1704). Таллин, 1966. 345 стр.; С. А. Фейгина. Восточные и западные проблемы дипломатии в конце Северной войны. — МОЦВЕ, стр. 26—49.

(1709 г.), показано в диссертации П. С. Кудинова³⁰. Русско-шведские отношения после заключения Ништадтского мира (1721 г.), закрепившего присоединение Лифляндии с Ригой к России, исчерпывающе освещены в монографии Г. А. Некрасова³¹. На богатом документальном материале автору удалось показать, что победа России в Северной войне коренным образом изменила соотношение политических сил в Европе. «Приобретя выход на Балтику, Россия превратилась в великую державу, обеспечившую за собой не только решающее значение на северо-востоке Европы, но и большую роль в международной политике XVIII в.» Рассматривая события 1721—1726 гг., Г. А. Некрасов характеризует ряд новых задач российской политики, которая сводилась уже не только к удержанию присоединенных территорий в Восточной Прибалтике и налаживанию добрососедских отношений с потерпевшей поражение Швецией, но и включала обширный комплекс взаимоотношений России с другими прибалтийскими государствами (Курляндией, Польшей, Пруссией, Гольштинией, Мекленбургом) и великими европейскими державами — Англией, Францией и др. Говоря в связи с этим о «новой трактовке балтийской проблемы» русским правительством в XVIII в., автор, пожалуй, чрезмерно подчеркивает значение ее внешнеполитического аспекта. Как убедительно показал в свое время Я. Я. Зутис, «балтийский вопрос в XVIII в. если не целиком, то в основной своей части стал проблемой внутренней политики, перерастая в остзейский вопрос. Этим названием обозначаются уже не спорные проблемы международной политики, а вопросы внутреннего управления „вновь завоеванными провинциями“, к каковым относились в XVIII в. Лифляндия и Эстляндия»³². Первостепенная значимость именно этих вопросов была обусловлена тем очевидным фактом, что побежденная Швеция окончательно стала второстепенной державой, не создававшей реальной угрозы балтийскому побережью Российской империи.

Поворотным пунктом в истории латышского народа было присоединение территории Латвии к России в XVIII в. Подготовленное предшествующей многовековой историей укрепления культурных и политических связей народов Прибалтики с русским народом, это событие в целом имело глубокое прогрессивное историческое значение. Царизм, выражавший классовые интересы дворянства, угнетал не только народы окраин Россий-

³⁰ П. С. Кудинов. Политика Англии в Прибалтике в период войны за испанское наследство. Автореф. канд. дисс. Рига, 1949.

³¹ Г. А. Некрасов. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М., 1964. 277 стр.

³² Я. Зутис. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946, стр. 5.

ской империи, но и русский народ. Объединение раздробленных прежде земель латышей и эстонцев под одной властью, их борьба совместно с русским народом против гнета самодержавия, против феодализма и капитализма сыграли огромную роль в дальнейшей судьбе народов Прибалтики.

В фундаментальном труде академика Я. Зутиса³³ вскрывается эволюция политической обстановки в Прибалтике на протяжении всего XVIII в. Если в предшествующий период «балтийский вопрос» был в основном вопросом внешней политики заинтересованных в нем держав, то теперь он стал главным образом проблемой внутренней политики Российской империи. Книга Я. Зутиса — серьезный удар по дворянской и буржуазной историографии, утверждавшей, что лишь особое положение прибалтийских немцев — дворян и бюргеров — в рамках огромного государства обеспечило историческое существование латышей и эстонцев. Рассматривая политику царского правительства во «вновь завоеванных провинциях», автор поставил и разрешил такие вопросы, как происхождение и классовая сущность остзейских привилегий, взаимоотношения прибалтийских дворян с царской властью в середине XVIII в., реформы местного управления и городского устройства в 1775—1785 гг. и ряд других. В книге показано, как в недрах русского общества зарождалось и крепло течение, враждебное сословно-корпоративным привилегиям остзейцев и обособленности прибалтийских провинций от остальной империи. Известный факт усиления крепостничества в этих провинциях в так называемый русский период находит свое объяснение отнюдь не в политике петербургских чиновников, а в классовых интересах самих остзейских дворян — главных виновников того беспримерного угнетения крепостных, которое установилось тогда в Прибалтике. Реформы второй половины XVIII в., ограничившие автономии немецкого меньшинства, способствовали экономическому развитию прибалтийских окраин империи и облегчали, в конеч-

³³ Я. Зутис. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. 650 стр. (Труд удостоен Государственной премии второй степени.) — См. рецензии Б. Ф. Поршнева (ВН, 1947, 2, стр. 108—111), С. Д. Сказкина (БСЛ, 1947, 9, стр. 47—49) и Г. А. Новицкого (Советская книга, 1947, 2, стр. 73—78). На лат. языке: J. Zutis. Baltijas jautājums XVIII gadsimtā. Rīga, 1951. 482 lpp. — В латышское издание этого труда внесены важные дополнения, Автор включил в книгу много новых материалов из рижских архивов, показывающих, в частности, стремление лифляндского рыцарства к сохранению своих привилегий и автономии, спор между рижским ратом и рыцарством в 1763—1764 гг., а также участие крепостного крестьянства и городских низов в массовых волнениях 60—80-х годов (1765, 1784, 1787 гг. и т. д.). Кратко «остзейская проблематика» XVIII в. была изложена в брошюре: J. Zutis. Vidzeme 18. gadsimtenī. Rīga, 1945. 44 lpp.

ном счете, борьбу латышей и эстонцев за свое полное национальное и социальное освобождение³⁴.

Сотрудничество народов России — многонационального государства — в борьбе против чужеземных захватчиков проявилось особенно ярко в Отечественной войне 1812 г. Участие латышей в активной борьбе с войсками Наполеона показывается на документальных материалах в статьях Т. Зейда³⁵.

Латышский народ, как известно, долго не имел своей государственности. Напряженность борьбы за Прибалтику между державами в XVI—XVIII вв. обусловила приоритет внешнеполитической проблематики в научных исследованиях. Вопросы «внутренней» политической истории Латвии нашли отражение в трудах по аграрной истории в той мере, в какой классовая борьба латышских крестьян против немецких помещиков становилась серьезным внутривнутриполитическим фактором. Но внутренняя политика — это еще и организация власти, господства правящих классов в стране. Такие вопросы, как отношения между центральной властью и органами сословного представительства местных дворян («ландесштат») или городов, соперничество между отдельными группировками господствующего класса, также, конечно, заслуживают внимания. Решение коренных проблем экономической и социальной истории Латвии открывает хорошие перспективы для изучения и ее внутривнутриполитической проблематики XVIII—XIX вв.

2. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА КРЕСТЬЯН В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

В Латвии, как и в других странах Восточной Европы, на всем протяжении эпохи феодализма основная масса производительного населения (не менее 9/10) была занята в сельском хозяйстве. Естественно, что и проблемы аграрной истории, истории крестьян, в первую очередь, всегда были в центре внимания латышских историков. Этой тематике посвящено не менее половины исследований — монографий и отдельных статей, опубликованных за послевоенный период. Бросается, однако, в глаза, что интерес историков к этим проблемам сосредото-

³⁴ См. также Я. Я. Зутис. Об историческом значении присоединения Латвии к России. — ВИ, 1954, 7, стр. 95—105; А. Вассар. Некоторые вопросы присоединения Эстонии к России. — ИАН ЭстССР, 1960, 3, стр. 247.

³⁵ Т. Я. Зейд. События Отечественной войны 1812 г. на территории Латвии. — КСЛ, 1962, 9, стр. 18—22; T. Zeids. 1812. gada Tēvijas karš latviešu tautas vēsturē. — ZAVēst, 1962, 10, 11.—18. lpp.

вался в хронологическом отношении довольно неравномерно. Подавляющее большинство публикаций относится к позднефеодальной эпохе, когда в Латвии (как и на других землях Прибалтики) утвердилась система мызно-барщинного крепостнического хозяйства, — система, в значительной мере предопределившая впоследствии так называемый прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве. При этом сравнительно подробно был изучен аграрный строй XVI — начала XVII в., а также (особенно в плане крестьянских движений) второй половины XVIII в. Еще более всесторонне (включая также развитие производительных сил в земледелии и правительственной аграрной политики) исследована аграрная проблематика первой половины XIX в., т. е. конца феодальной эпохи. Гораздо слабее освещены вопросы аграрной истории XIII—XV вв., а также так называемого шведского времени (в Видземе с 1629 по 1710 г.) и особенно первой половины XVIII в., когда началось присоединение латышских земель к Российской империи. Кроме того, степень изученности аграрных проблем в латвийской советской историографии неодинакова и в территориальном аспекте. В большинстве специальных работ, о которых речь пойдет ниже, имеется в виду главным образом Видземе. Значительно меньше — из-за отсутствия публикаций источников и худшего состояния архивных фондов — отражены особенности аграрной истории в польской колонии Латгале и на территории Курляндского герцогства³⁶.

Этапы закрепощения латышских крестьян, развернувшегося на территории Латвии со второй половины XV в. в связи с начавшимся переходом от сеньории (Grundherrschaft) к поместью (Gutsherrschaft), основанному на барщине, были прослежены в статьях академика Р. Ю. Виппера³⁷. На материале этих статей в значительной мере построен раздел о судьбах крестьян в Ливонии XIII—XV вв. в фундаментальном труде Б. Д. Гре-

³⁶ Здесь речь идет о специальных работах — монографиях и статьях. Поэтому нелишне напомнить, что разработка общей концепции аграрной истории Латвии эпохи феодализма является заслугой прежде всего коллектива авторов первого тома «Истории Латвийской ССР» (Я. Зутиса, Т. Зейда, М. Степермана, Б. Брежго и др.). Большой вклад этого коллектива основан, конечно, на исследовательской работе каждого автора: едва ли не большая часть соответствующих разделов первого тома базируется не только на данных литературы, но и на изучении первоисточников аграрной истории (см., например, Т. Zeids. Feodālisms Livonijā. Rīgā, 1952).

³⁷ Р. Ю. Виппер. Крепостное право в Лифляндии от XV до XVII в. — ИАН СССР. Серия истории и философии, 1944, 6, стр. 241—251; Р. Ю. Виппер. Лифляндские бароны в роли теоретиков крестьянства. — ИЖ, 1943, 11, стр. 41—48.

кова³⁸, где проблема возникновения мызно-барщинного хозяйства и его социально-экономической сущности была поставлена, пожалуй, впервые в советской историографии. Эта проблема, — как справедливо указывал Б. Д. Греков, — отнюдь не местного значения, она затрагивает обширные территории в Средней и Восточной Европе (к востоку от Лабы). Подчеркнув, что «развитие аграрных отношений у народов Прибалтики и в соседней Псковской земле определилось приблизительно одними и теми же условиями», автор тем не менее отметил, что барщинно-крепостническая система в Латвии и Эстонии утвердилась значительно раньше — уже к началу XVI в. Однако конкретные формы этого процесса, его более точную датировку в разных районах (а также вопрос о причинах его «опережающего» развития в Восточной Прибалтике) предстояло выяснить путем изучения местных источников. Как показали работы латышских и эстонских историков, «модель» прибалтийского фольварка формировалась под заметным воздействием, помимо факторов общеевропейского плана, еще и таких местных условий, как иное (чем, скажем, на русских землях) соотношение классовых сил в деревне, близость к удобным водным путям и морским гаваням и, наконец, особо важная роль внешнего рынка для сбыта продуктов ливонских имений.

Некоторые существенные моменты становления мызной системы на территории Латвии (рост господской запашки и — соответственно — усиление роли отработочной ренты), включая хронологию, рассмотрены на материале одной категории феодальных имений, а именно — ленных владений лифляндского рыцарства до середины XVI в. в статье В. В. Дорошенко³⁹. Как оказалось, решающие успехи барщинного хозяйства в этой категории феодальных имений можно датировать — вопреки мнению старой, буржуазной историографии — только рубежом XV и XVI вв. и последующими десятилетиями кануна Ливонской войны⁴⁰. Перу того же автора принадлежат две статьи о динамике цен на сельскохозяйственные продукты в Прибалтике в XV в., когда реальные цены на эти продукты, в сущности, не росли, и в XVI в., когда (особенно с 30—40-х годов) намечилось резкое возрастание цен на зерно, лес, лен, пенку

³⁸ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII столетия, 1, изд. 2. М., 1952, стр. 386—395 (раздел «Судьбы крестьян в Ливонии в XIII—XV вв.»).

³⁹ V. Dorošenko. Pāreja uz klaušu muižas saimniecību Vidzemes brūņnieku muižās. — VP, 2, 1958, 7.—49. lpp.

⁴⁰ К аналогичному выводу пришел также эстонский советский историк Х. Лиги (см. Х. Лиги. О развитии мызно-барщинного хозяйства в Эстонии в середине XVI в. — ЕжгАгр 1959, М., 1961, стр. 81—93).

и другую продукцию феодальных имений⁴¹. «Революция цен» в XVI в. требует более детального изучения по местным источникам, хотя это и сопряжено с рядом трудностей, в частности метрологических. Глубокого изучения требуют не только уровень цен в те или иные десятилетия, но и соотношение цен на одни и те же товары на различных рынках (сельских и городских), равно как и соотношение цен на экспортные и импортные товары. Применительно к XVII—XVIII вв. этот вопрос вообще остается пока «белым пятном». Поскольку, однако, рост цен на предметы латвийского экспорта в XVI в. не вызывает сомнений, его можно считать одним из немаловажных стимулов перестройки хозяйства местных имений уже в самом начале процесса.

Становление мызно-барщинного, крепостного хозяйства — это сравнительно поздний этап аграрной истории средневековой Ливонии. Порядки, предшествовавшие этой системе, известны историкам Латвии лишь в самых общих чертах⁴². Важнейшей особенностью этих порядков являлось отсутствие сколько-нибудь значительной мызной запашки; в этих условиях основной (и часто даже единственной) производственной единицей были хозяйства-дворы крестьян. Они не были аморфной, распыленной массой. Сельское общество и до появления крупновладельческой мызы имело свою структуру, организующим элементом которой являлись связи по территории. Этой проблемы коснулась в своей статье И. А. Лейнасаре⁴³. Одним из излюбленных тезисов буржуазных историков было, как известно, утверждение об исконном «индивидуализме» латышских крестьян, якобы даже определившем их национальный характер. Обосновать это пытались тем фактом, что уже в ранних источниках (хрониках, а частично и в актах XIII в.) наряду с термином «villa» — деревня — встречается еще и термин «villula», т. е. явно более мелкое поселение. Путем внимательного исследова-

⁴¹ В. В. Дорошенко. Цены на продукты сельского хозяйства в Ливонии XV века. — ИСССР, 1959, 2, стр. 158—169; В. В. Дорошенко. Действие «революции цен» в Восточной Прибалтике в XVI в. — *ЕжгАгр* 1961, Рига, 1963, стр. 114—125.

⁴² Больше внимания аграрной истории XIII—XIV вв. уделяют эстонские исследователи. Из новых работ в этой связи отметим лишь: S. Vahtra. Põllumajandus ja agraarsuhted Eestis XIII—XIV sajandil. *Õppevahend ajaloo-osakonna üliõpilastele*. Tartu. 1966. 87 lk.; а также докторскую диссертацию Х. Лиги, в первых главах которой содержится обстоятельная характеристика крестьянских повинностей до перехода на мызно-барщинное хозяйство (см. Х. М. Лиги. Феодальные повинности крестьян в Эстонии (до начала XIX в.). Автореф. докт. дисс. Таллин, 1968.).

⁴³ И. Лейнасаре. К вопросу о видах поселений в Латвии в XIII—XIV вв. — *СЭ*, 1966, 1, стр. 52—58.

ния латинско-немецкой терминологии документов автор пришел к заключению, «что в Латвии не только в раннефеодальный период, но еще и в XIII—XIV вв. единственным видом поселений были деревни, основывавшиеся на коллективной земельной собственности и соответствующем общинном строе. Хутора как вид поселения возникли значительно позднее, и их появление связано не с этнопсихологией латышей, а со складыванием мызного хозяйства»⁴⁴.

Других специальных исследований по периоду преобладания в Латвии «вотчинного» устройства (в противоположность «поместью») пока не имеется, если не считать работ по истории сельскохозяйственной техники, о которых будет сказано ниже. Между тем, такие исследования необходимы. Одним из насущных вопросов, частично входящим в компетенцию археологов, является вопрос о формировании класса феодально-зависимого крестьянства. Завершение этого длительного процесса, связанного с полной победой феодальной собственности на землю, приходится в Латвии, по-видимому, на рубеж XIII—XIV вв. Требуется решения также проблема движения феодальной ренты, особенно в XIV—XV вв., когда барщинные повинности отступали на задний план перед продуктовой и денежной рентой. Каков был удельный вес каждой из этих двух форм, что означала реально сумма крестьянских повинностей (относительно всей произведенной в хозяйстве продукции), когда и какими путями феодальная эксплуатация увеличивалась особенно остро, — на эти вопросы историкам еще предстоит ответить. Наконец, явно недостаточно (особенно по сравнению с Литвой или русскими землями) исследованы формы феодальной зависимости в период, предшествовавший установлению крепостничества в буквальном смысле этого слова. Происхождение отдельных прослоек сельского населения (хозяева, пещды, бобыли и т. д.), столь отчетливо проступающее в источниках XVI в., также, по-видимому, уходит своими корнями в более раннее время, обстоятельно пока не изученное.

XVI в., с точки зрения аграрной истории, представлял собой поворотный этап. В связи с расширением мызной запашки резко увеличились барщинные повинности; необходимость поддерживать «дисциплину» среди крестьян (отвечавших на возросшую эксплуатацию усиленными побегами) привела к прикреплению крестьян-хозяев к земле и личности владельца имения. Изменила свой облик и экономика феодальных имений: ее отличала уже не натуральная замкнутость, а стремление

⁴⁴ И. Лейнасааре. К вопросу о видах поселений в Латвии в XIII—XIV вв. — СЭ, 1966, 1, стр. 58.

феодала произвести как можно больше продуктов для продажи, преимущественно для экспорта на западноевропейский рынок.

Вопрос о происхождении и характере мызно-барщинной системы, о ее воздействии на положение крестьян в разных частях политически раздробленной Латвии XVI в. был предметом исследования В. В. Дорошенко⁴⁵. В монографии автор использовал обширный круг документальных источников (в основном архивных, для середины и второй половины XVI в.): акты феодального землевладения и ревизии владельческих прав лифляндских дворян «польского времени», описания замковых хозяйств и инвентаря имений, хозяйственные счета феодалов и списки крестьянских повинностей. Автор монографии показал сдвиги в распределении феодальной земельной собственности, особенно резкие с середины XVI в., когда за счет орденского и епископского земельного фонда укреплялось дворянское землевладение, рост привилегий лифляндского рыцарства и процесс усиления крепостного права. В работе подробно рассмотрены также техника и организация сельскохозяйственного производства, положение сельского населения, соотношение форм и движение феодальной ренты, в составе которой уже к середине столетия главную роль играла ежедневная барщина; дана также характеристика отдельных прослоек в тогдашнем крестьянстве. Наконец, подчеркнув усиление рыночных связей мызных хозяйств, автор констатировал заметное ограничение в то же время так называемой крестьянской торговли, — оно происходило на всем протяжении XVI в. Эта монографическая работа В. В. Дорошенко, впоследствии защищенная как докторская диссертация⁴⁶, по своим основным выводам совпадает с результатами аналогичных эстонских исследований, выполненных в начале 60-х годов⁴⁷. Необходимо, однако, признать, что возможности изучения аграрной истории Латвии, особенно Видземе, на рубеже XVI—XVII вв. далеко не исчерпаны. Требуется обстоятельной источниковедческой характеристики такой богатейший источник, как ревизии 1582—

⁴⁵ В. В. Дорошенко. Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке. Рига, 1960. 325 стр. (рецензии: D. Z. Liepiņa. — ZAVēst, 1962, 11, 143.—146. lpp.; X. M. Līgi, Э. В. Тарвел. — ИСССР, 1962, 5, стр. 188—191); см. также: В. В. Дорошенко. Мызно-барщинное хозяйство в южной (латышской) части Лифляндии в XVI в. — СВ, 21, 1962, стр. 122—140; СВ, 22, 1962, стр. 100—115.

⁴⁶ В. В. Дорошенко. Основные проблемы аграрной истории Латвии в XVI веке. (Доклад.) Рига, 1964. 88 стр. Ротапринт.

⁴⁷ См., в частности, H. Ligi. Eesti talurahva olukord ja klassivõitlus Liivi sõja algul (1558—1561). Tallinn, 1961, 474 lk.; Э. Тарвел. Фольварк, пан и подданный. Аграрные отношения в польских владениях на территории южной Эстонии в конце XVI — начале XVII в. Таллин, 1964. 350 стр.

1599 г. Отражая «зигзаги» аграрной политики польских властей на завоеванной территории, эти ревизии содержат много материалов, доступных для статистической обработки (данные о хозяйстве имений, структуре крестьянских наделов, численности населения и т. д.) и заслуживающих дальнейшего специального изучения. К примеру, пока нет полного списка мыз, существовавших в тот период, слабо представлены особенности хозяйств частновладельческого сектора (сравнительно с государственным) и т. д.

Социально-экономические последствия Ливонской войны рассматривались в статьях Г. А. Новицкого и В. В. Дорошенко⁴⁸. Существенные моменты аграрной истории Видземе на рубеже XVI—XVII вв. нашли отражение в упоминавшемся выше очерке Я. Я. Зутиса⁴⁹. Помимо хозяйственных документов, оказавшихся в распоряжении автора, он широко использовал также юридические источники, в частности знаменитый «кодекс земского права», составленный рижанином Д. Хильхеном (1599 г.) и принятый на вооружение лифляндским дворянством как своего рода программа-максимум в деле закрепощения массы крестьянства. Показывая тяжелую долю крестьян, автор развернул также убедительную картину борьбы крестьянства против помещиков в первый период (1600—1610 гг.) польско-шведской войны за Лифляндию. К этой же теме обращались впоследствии Б. Р. Брежго (по данным, относящимся к Латгалии)⁵⁰ и Д. Э. Лиепинь (изучавшая формы борьбы крестьянства на территории рижской городской марки)⁵¹. Ряд интересных, хотя отчасти и спорных, соображений насчет тормозящего воздействия войн второй половины XVI — начала XVIII в. на эволюцию крепостного права в северной части Латвии высказал Т. Я. Зейд в своем докладе на симпозиуме по аграрной истории в Минске⁵².

⁴⁸ Г. А. Новицкий. Новые данные о русском феодальном землевладении в Прибалтике в период Ливонской войны (1558—1582). — ВИ, 1956, 4, стр. 134—138; V. Dorošenko. Kara postijumu sekas Vidzemes un Latgales lauksaimniecībā XVI gs. otrajā pusē. — VP, 3, 1960, 3.—36. lpp.

⁴⁹ J. Zutis. Vidzeme kā poļu un zviedru cīņas objekts. Rīgā, 1949. 128 lpp.
⁵⁰ Б. Брежго. Борьба латгальских крестьян в феодально-крепостное время. — ИАН ЛССР, 1952, 4, стр. 89—100.

⁵¹ D. z. Liepiņa. Rīgas patrimonālā apgabala zemnieku šķiru cīņa poļu-zviedru kara laikā (1600.—1629. g.). — VP, 3, 1960. 37.—57. lpp.

⁵² Т. Я. Зейд. Влияние войн на ход развития крепостного права на территории Латвии с XV по XVIII вв. — ТДАрг 1962, стр. 97—100. — Известное ослабление крепостной дисциплины и, соответственно, оживление повседневной борьбы крестьянства против своих непосредственных угнетателей на территории, охваченной военными действиями, представляется вполне очевидным. Едва ли, однако, правильно утверждение автора, что в период войны «крепостное право перестает существовать» и что вообще

Важнейшей особенностью мызно-барщинного хозяйства была его тесная связь с рынком. Производство товарной продукции, прежде всего зерновой, являлось характерной чертой мызных хозяйств в Лифляндии не только в нормальных, т. е. мирных, условиях, но и в периоды острых военных конфликтов, потрясавших Прибалтику в XVI—XVIII вв. Этой стороне дела посвящен ряд статей латвийских историков, написанных в 60-е годы. В работах В. В. Дорошенко⁵³ использован ценный материал о хозяйствах казенных (старостинских) фольварков и помещика Г. Тизенхаузена в последней четверти XVI в., а также отчетность рижских иезуитских имений за 1592—1621 гг. Д. Э. Лиепинь⁵⁴ обработала аналогичный материал по имению Икшкиле и многих других владений за XVII в. Почти во всех случаях был констатирован высокий процент товарности мызного производства: на рынок попадало подчас до 50% и более всех зерновых поступлений в амбар феодального собственника. Однако оценивать это явление следует осторожно: товарность владельческой, т. е. рентной, части общественного продукта, сколь угодно высокая, вовсе не означала победы товарно-денежных отношений. Система барщинно-крепостного хозяйства сохраняла свою натурально-хозяйственную основу не только в силу того, что рабочая сила не становилась товаром, но и потому, что крестьяне — главные производители того же зерна — продавали его лишь спорадически, в ничтожных количествах. Как показало, к примеру, исследование «крестьянской торговли» в Риге⁵⁵, связи крестьян с городским рынком в XVII в. подверглись ограничению (по сравнению, скажем, с началом XVI в.) и сохранили свое существенное значение только в поставках таких, в конечном счете второстепенных продуктов, как лен, пенька, семя и т. п. В последнее время предпринимались также попытки изучения рыночных связей феодальных имений Лифляндии и в более широком хронологическом аспекте, на материале крупных владельческих комплексов

именно войны обусловили отставание кодификации «полного» крепостничества в Видземе по сравнению, например, с Курляндско-Земгальским герцогством.

⁵³ В. В. Дорошенко. Рыночные связи иезуитских фольварков под Ригой в конце XVI — начале XVII в. — *ЕжгАгр* 1962, Минск, 1964, стр. 152—160; W. W. Doroszenko. Więzi rynkowe folwarków inflanckich na przełomie XVI i XVII wieku. — *Przegląd historyczny*, 1965, 2, str. 260—281.

⁵⁴ Д. Э. Лиепинь. Связь мызного хозяйства с рынком в Видземе в XVII в. — *ЕжгАгр*, 1963, Вильнюс, 1965, стр. 191—200; Dz. Liepiņa. Lauksaimnieciskā ražošana Ikšķiles muižā XVII gs. — *Grām. Latvijas agrārā vēsture (XVI—XIX gs.)*. Lauksaimniecība un tirgus feodālisma laikā. Rīgā, 1966, 33.—51. lpp.

⁵⁵ В. В. Дорошенко. Крестьяне на рижском рынке в первой трети XVII столетия. — *ЕжгАгр* 1964, Кишинев, 1966, стр. 144—154.

XVI—XVIII вв. Степень товаризации мызных доходов, как выяснилось при этом, существенно не изменялась; происходившие со временем перемены сводились лишь к формам реализации хлебных излишков (рост винокурения) и возрастанию — в XVIII в. — роли внутренних (общероссийских) рынков за счет сокращения экспорта в Западную Европу⁵⁶. Важность этих вопросов, как и обилие неиспользованных пока архивных материалов позволяют надеяться на продолжение начатых исследований. Особенно перспективным представляется завершение изучения документов, касающихся «крестьянской торговли» в XVII—XVIII вв.

Другим конкретным проблемам аграрной истории Латвии XVII в. повезло значительно меньше. Статья академика Р. Ю. Виппера⁵⁷ содержит анализ аграрных проектов Карла XI в Прибалтике и представляет большой интерес в плане борьбы нарождавшегося абсолютизма со шведским и немецко-остзейским дворянством на исходе XVII в. Содержательная работа М. К. Степермана⁵⁸ об аграрных порядках и расслоении видземского крестьянства в XVII в. сохраняет свою актуальность как вклад в дело разоблачения историографической легенды о «добром шведском времени», которое для латышских крестьян на деле было периодом самой нещадной феодально-колониальной эксплуатации. Конфликтам крестьянства с помещиками и шведской администрацией в период редукции дворянских имений в Лифляндии (80-е годы XVII в.), нашедшим свое выражение в массовых жалобах, посвящен доклад Д. Э. Лиепинь⁵⁹.

Как видно из сказанного, некоторые аспекты аграрной истории Латвии «польского» и особенно «шведского» времени разработаны пока недостаточно. Это относится, прежде всего, к экономической характеристике мелкого и среднего дворянского землевладения, ускользающего обычно от взгляда историка ввиду его недостаточной отраженности в сохранившихся документах. Есть основания предполагать, что усиление мызно-барщинного режима, продолжавшееся в XVII в., в какой-то

⁵⁶ В. В. Дорошенко. Мыза, корчма и крестьянин в Лифляндии XVI—XVIII вв. — ТДАгр 1968 (Ленинград), стр. 166—171; В. В. Дорошенко. Товарное производство феодальных имений в Видземе XVIII в. — ТДЗ, стр. 30—34.

⁵⁷ Р. Ю. Виппер. Первые проблески просвещенного абсолютизма (борьба монархии с дворянством в Швеции, аграрные проекты Карла XI). — ИАН СССР. Серия истории и философии, 1947, 1, стр. 27—48.

⁵⁸ M. Stepermanis. Agrārās attiecības un zemnieku diferenciacija Vidzemē XVII gs. vidū. — PadLSk, 1950, 5, 42.—62. lpp.

⁵⁹ Дз. Лиепинь. Положение лифляндских (видземских) крестьян в конце XVII в. — ТДЗ, стр. 21—25.

мере стесняло, ограничивало возможности роста крестьянских хозяйств. Но как это происходило конкретно, например, в Видземе (где источники сохранились лучше всего), в литературе пока не показано. Однако хуже всего обстоит дело с изучением сельского хозяйства южных районов Латвии, выделившихся в 1561 г. в Курляндско-Земгальское герцогство, так как архивы герцогства большей частью погибли или находятся за рубежом и практически пока недоступны.

Аграрная проблематика XVII—XVIII вв. и отчасти более позднего времени изучена наиболее обстоятельно применительно к двум территориальным комплексам. Это, во-первых, — Латгале, а во-вторых, — сельский округ города Риги. Крестьянству Латгале, его положению и борьбе против феодальной эксплуатации посвящены многочисленные работы покойного Б. Р. Брежго. Сугубо локальный характер его исследований не умаляет их ценности; напротив, содержащийся в них огромный фактический материал (преимущественно архивный, подчас безвозвратно утерянный в годы войны) создает возможность «сквозного» рассмотрения отдельных вопросов аграрной истории на протяжении ряда столетий. Помимо отдельных ценных статей по истории латгальских крестьян в XVI—XIX вв.⁶⁰ здесь необходимо назвать монографию Б. Р. Брежго, в которой обобщены результаты многолетнего изучения столь актуальной проблемы, как классовая борьба крестьянства Латгале в период феодализма. Эта книга помимо печатных источников опирается на огромный архивный материал, почерпнутый неутомимым автором в хранилищах Риги, Вильнюса, Минска, Москвы, Ленинграда, Витебска, Могилева и других городов. Положительной стороной этой работы⁶¹ является то, что в ней борьба крестьян против своих угнетателей рассматривается на фоне социально-экономических отношений соответствующего периода. Именно таким образом показаны в книге различные формы классового сопротивления крепостного крестьянства в период расцвета мызно-барщинного хозяйства (XVI—XVIII вв.) и в обстановке распада и кризиса феодальной формации

⁶⁰ Б. Р. Брежго. Отчуждение крестьян в Латгалии в крепостное время (1697—1860). — ИАН ЛССР, 1951, 4, стр. 651—666; Б. Р. Брежго. Волнения лудзенских государственных крестьян в 1832—1841 годах. — ИАН ЛССР, 1953, 2, стр. 135—156; Б. Р. Брежго. Шляхетские наезды и латгальские крестьяне. 1646—1785. — ИАН ЛССР, 1956, 10, стр. 5—16; Б. Р. Брежго. Латгальские крестьяне в аренде и залоге в феодально-крепостное время. — ИАН ЛССР, 1957, 5, стр. 23—36.

⁶¹ Б. Р. Брежго. Очерки по истории крестьянских движений в Латгалии. 1577—1907. Рига, 1956. 172 стр. (рецензия: T. Zeids. — ZAVēst, 1958, 7, 149.—152. lpp.).

(с конца XVIII в. до 1861 г.). Вслед за этими разделами, занимающими приблизительно половину монографии, в ней дается более подробный обзор крестьянских движений в Латгале эпохи капитализма. В научном наследстве Б. Р. Брежго осталась и неопубликованная работа «Крестьяне Латгалии в XVI—XVIII столетиях» (22 авт. листа), являющаяся своего рода итогом его исследований. Подготовка к печати и издание этой работы — долг сотрудников сектора феодализма Института истории АН Латвийской ССР.

Второй территориальный комплекс, также освоенный методом «сквозного» исследования, — это, как уже сказано, рижская городская марка. Подобно ряду других средневековых городов Рига была коллективным земельным собственником, причем довольно крупным. Здесь, на площади около 750 кв.км. в 12 волостях насчитывалось 300—400 крестьянских хозяйств. Как складывались отношения между этими крепостными крестьянами и их феодалом — городом Ригой? Или, другими словами, в чем заключались особенности аграрного строя в пределах городской марки по сравнению с «обычными» феодальными имениями?

Такую проблему — методологически тем более интересную, что в европейской литературе работ на эту тему насчитывается буквально единицы — поставила перед собой ученица Я. Я. Зутиса Дз. Лиепинь. Ее кандидатская диссертация⁶², защищенная в 1954 г., охватывала период XVI—XVII вв. Здесь, по источникам Рижского городского архива (из которых наиболее ценным является фонд управления городскими поместьями), была раскрыта история образования рижского патримониального округа и показаны экономическое и правовое положение крестьянства, его расслоение и, наконец, борьба крепостных гор. Риги против своих угнетателей — представителей рижского торгового капитала. Впоследствии автор расширил поле своих наблюдений и хронологически (с XIII по XVIII в.), и тематически. В ряде статей и докладов, появившихся позже⁶³, Дз. Лиепиня рассматривала историю землевладения и хозяйства в принадлежащих Риге имениях и специально исследовала вопрос о положении крестьян в мелких имениях бюргеров («намниев»), где в отличие от других феодальных имений в городской марке было больше развито производство и уже в XVII в. пре-

⁶² Д. Э. Лиепинь. Крестьяне рижского патримониального округа в XVI—XVII вв. Автореф. канд. дисс. Рига, 1954.

⁶³ Dz. Liepiņa. Par Rīgas markas muižām un to attīstību līdz XVII gs. sākumam. — VP, 2, 1958, 51.—90.; Dz. Liepiņa. Par zemnieku stāvokli Rīgas namnieku klaušū muižās Vidzemē. — VP, 5, 1962, 51.—69. lpp.

обладала денежная рента⁶⁴. Итоги изучения данной проблемы обобщены в монографии Дз. Лиепинь, где вводится в оборот и новый архивный материал⁶⁵. Здесь подробно освещены: главные отрасли производства рижских крестьян (земледелие, животноводство, рыболовство и т. п.), система крестьянского землепользования (с привлечением картографических данных), виды феодальной ренты в городской марке и борьба крестьян против эксплуатации. В книге дается детальный анализ баланса отдельных имений и их связей с рынком, характеризуется положение отдельных прослоек сельского населения (хозяева, пешцы, батраки, сироты и др.) и, наконец, подчеркивается своеобразная структура тех имений рижского бюргерства, которые сдавались более зажиточным крестьянам (испольщикам) в аренду за денежный чинш или же, чаще, за половину урожая (*pro medietate*).

В общей характеристике аграрного строя на территории рижской марки автор справедливо подчеркивает его феодальный характер: тут господствовало такое же крепостничество, как и на остальной территории Видземе. Такое положение в пределах марки сохранялось вплоть до второй половины XVIII в., когда начали возникать — в самом зародыше — признаки нового аграрного строя («половничество» и коммутация, т. е. перевод всех натуральных повинностей на денежные платежи). Но и в конце изучаемого периода зажиточная прослойка крестьян — арендаторов или чиншевиков — была настолько ничтожной, что представляла собой лишь «небольшой светлый островок в темном море крепостнического рабства». Говоря о специфике аграрных порядков в сельском округе Риги, Дз. Лиепинь отмечает более тесную связь с рынком как имений, так и крестьянских хозяйств, более позднее (чем в других феодальных владениях) развитие барщины, относительно большую роль денежной ренты, и, наконец, более интенсивную имущественную и социальную дифференциацию крестьянства. Заслуживает внимания один из главных выводов автора о том, что специфические условия рижских имений (определяемые прежде всего близостью к большому торговому городу) приводили не столько к выделению верхушки — будущей сельской буржуазии, сколько к более быстрому разорению основной массы крестьянства. «В условиях крепостнического хозяйства из крестьянской среды непрерывно выделялись безземельные

⁶⁴ Д. Э. Лиепинь. Город Рига как коллективный землевладелец в XVII в. — ТДАгр 1966, стр. 171—173.

⁶⁵ Dz. Liepiņa. Agrārās attiecības Rīgas lauku novadā vēlā feodālisma posmā (17.—18. gs.). Rīgā, 1962, 175 lpp.

и работавшие по найму, зато превращению хозяев в полных собственников обрабатываемой ими земли мешало господство феодальных производственных отношений»⁶⁶.

Первые признаки разложения феодально-крепостнических отношений на территории Латвии появились в 40—50-х годах XVIII в. Заслуга установления этого важнейшего факта принадлежит проф. М. Степерману — автору капитального исследования о крестьянских движениях в Видземе в 1750—1784 гг., отмеченного республиканской премией⁶⁷. Обширный вводный раздел этой монографии посвящен целиком анализу экономических и классовых противоречий в аграрном строе Лифляндии (включая также ее эстонскую часть) в середине XVIII в. Предвестие разложения барщинно-крепостнического хозяйства (нарастание которых со временем привело к кризису всей феодальной системы) автор обнаруживает в том обстоятельстве, что резкое усиление феодальной эксплуатации и крепостного гнета стало непреодолимым тормозом для прогресса производительных сил и прежде всего для развития крестьянского производства. Выражением этого противоречия и явилось обострение классовой борьбы между крестьянами и помещиками. Основным стимулом к росту эксплуатации было усиление рыночных связей помещичьего хозяйства после присоединения Лифляндии к России: на ряде конкретных примеров в книге показывается «предпринимательская» активность владельцев имений в области винокурения и корчмарства, откорма скота, создания новых подмызков, расширения площади существующих мыз и т. д.

В поисках новых доходов помещики обращались к старому

⁶⁶ Dz. Liepiņa. *Agrārās attiecības Rīgas lauku novadā...*, 158. lpp. — В других местах монографии автор подчеркивает — как особенность сельского округа Риги — более медленный темп роста отработочной ренты, которая здесь существенно увеличилась «только в начале XVII в.», а начала доминировать, причем не повсюду, лишь с середины этого столетия и особенно позже, в XVIII в. Соглашаясь с этим выводом в принципе, хочется все же заметить, что судя по приведенным в книге фактическим данным, эта особенность автором несколько преувеличена. Нам представляется не вполне обоснованным утверждение, будто, к примеру, в начале XVII в. барщина рижских крестьян была «вдвое» меньше, чем в остальной части Видземе (стр. 87). На деле и здесь барщина возрастала, по-видимому, довольно быстро, во всяком случае не только в XVIII в., который представляется автору чуть ли не переломным в смысле усиления барщины (стр. 88—89).

⁶⁷ M. Stepermanis. *Zemnieku nemieri Vidzemē. 1750—1784*. Rīgā, 1956. 400 lpp. (рецензии: Я. Зутис. — КСЛ, 1957, 6, стр. 75—78; Ю. Ю. Какк. — ИСССР, 1957, 5, стр. 236—239; Я. Я. Зутис, В. Д. Королук. — ВИ, 1958, 1, стр. 174—179; Т. Зейд. — ИАН ЛССР, 1958, 7, стр. 141—149).

средству, казалось бы испытанному веками: они увеличивали барщину, отнимали у крестьян лучшие земли, ограничивали крестьянскую торговлю, усиливали и без того суровое крепостничество и т. д. И хотя все это в той или иной степени было и раньше⁶⁸, именно к середине XVIII в. противоречия внутри феодального общества как бы выходили наружу, перерастали в открытые, массовые и почти непрерывные крестьянские волнения, угрожавшие (особенно с 80-х годов) основам барщинно-крепостнического режима.

Картину крестьянских движений 50—80-х годов автор воссоздает на огромном архивном материале, в период войны частично утерянном. Во втором разделе монографии М. Степерман показывает попытки царизма и местных помещиков ослабить противоречия барщинного режима в период 1751—1765 гг. изданием известного патента от 12 апреля 1765 г. о том, что каждый помещик обязан представить данные о крестьянских повинностях. В будущем предполагалось положить эти данные в основу фиксирования повинностей (и прежде всего барщины) на определенном уровне. Оценивая значение «позитивных условий», выработанных генерал-губернатором Г. Брауном и принятых ландтагом в 1765 г., автор подчеркивает ограниченный характер этих мер, к тому же саботировавших помещиками, особенно в вопросе о праве крестьян на движимое имущество,

⁶⁸ В рамках этой монографии, посвященной в первую очередь крестьянским движениям, М. Степерман не ставил, понятно, своей задачей исследование экономического развития Видземе в 50—80-х годах и тем более в предшествующие десятилетия XVIII в. Но именно поэтому хотелось бы обратить внимание историков на то, что такие явления, как помещичья торговля сельскохозяйственными продуктами и — в связи с этим — стремление феодалов к росту мызной запашки и увеличению барщины, наблюдались также в XVI—XVII вв. Эволюция этих явлений на протяжении длительных отрезков времени, степень их воздействия в тот или иной период подробно пока не изучены. Для решения подобной задачи необходимо привлечь весь круг доступных, в первую очередь хозяйственных, источников. Такие, к примеру, важные положения, что барская запашка в течение первой половины XVIII в. увеличилась на 20% (M. Stepermanis, *Zemieku pemiēri...*, 14, lpp.), или что барщина между 1650—1750 гг. возросла «на 100% и больше» (стр. 25), нельзя, разумеется, доказать на отдельных — хотя бы и очень ярких — примерах. Требуется специальное изучение также проблема рынков для товарных излишков помещичьего хозяйства. Насколько убедителен материал, приведенный в монографиях М. Степермана и Ю. Какка, о роли российского рынка (спрос Петербурга, потребности армии и т. д.), настолько же неясным остался вопрос о роли внешних, заморских рынков для сельского хозяйства Прибалтики во второй половине XVIII в.: утверждениям М. Степермана о росте заграничного спроса на хлеб, лен и т. п. (стр. 59—62, 91—92) противостоят указания специальной литературы о балтийской торговле на определенное уменьшение экспорта этих продуктов на Запад.

об их праве жаловаться на феодалов в государственный суд и т. д. Автор (расходясь в этом отношении с другими историками, более оптимистически оценивающими патент 1765 г.) считает, что это была «неудачная попытка царизма поставить известный предел эксплуатации частновладельческих крестьян» (стр. 153). На деле после издания патента «регулятивы» повинностей представила менее чем $\frac{1}{4}$ лифляндских помещиков, уровень же эксплуатации крепостных не уменьшился, а даже возрос. Не случайно уже в начале 70-х годов XVIII в. в Видземе произошли первые массовые, а местами даже вооруженные выступления крепостных против помещиков, которые приходилось подавлять с помощью регулярного войска. В связи с полосой волнений в Лифляндии 1771—1777 гг. (в них участвовали прежде всего крестьяне-хозяева, недовольные усилением барщины, судебными и другими притеснениями) автор напоминает, что и в России именно в эти годы бушевало пламя крестьянской войны, возглавляемой Е. Пугачевым.

Массовые волнения лифляндских крестьян в 1778—1783 гг., происходившие в обстановке острых хозяйственных затруднений этого времени (неурожай, сокращение рынка сбыта) и попыток помещиков переложить эти трудности на плечи крестьянства (ломкой «регулятивов» 1765 г.), подводят к кульминационному пункту борьбы — к всеобщим крестьянским волнениям 1784 г. Связываемые обычно с введением подушной подати, эти волнения — в отличие от всех предыдущих — представляли более или менее организованную попытку свергнуть барщинно-крепостническую систему. Введение нового обложения было только последней каплей, переполнившей чашу крестьянского долготерпения. Истинной же причиной всеобщего возмущения 1784 г. являлся новый, невиданный ранее нажим помещиков на крестьянство, угрожавший самым основам крестьянского производства. В результате усиления барщины (чувствительного тем более, что наделы крестьян, по мнению автора, фактически уменьшались) у крестьян не оставалось иного выхода, кроме прямого открытого сопротивления.

Чего же добивалось крестьянство? В отличие от Я. Я. Зутиса, подчеркивавшего стремление крепостных «стать подданными царя, а не немецких баронов», М. К. Степерман усматривает в программе крестьянства протест против всех феодальных эксплуататоров, будь то помещики или арендаторы казенных (государственных) имений. Как бы, однако, ни формулировать цели движения (как их представляли себе крестьяне), придется признать правильным тот вывод, что события 1784 г. объективно представляли «первое большое восстание латышских крестьян с целью освободиться от отжившего барщинного

режима, обеспечить крестьянам возможность свободного развития без мызы и помещиков» (стр. 364). Исключительные по масштабу (как доносил Браун Екатерине II, в Видземе не было «ни одной мызы, где бы ни происходили волнения!»), энергии и даже организованности их участников (в этой связи заслуживают внимания соображения автора об элементах сознательности у крепостных повстанцев) волнения 1784 г. явились предвестником настоящего кризиса всего крепостнического порядка, вызвавшим обоснованную тревогу и у помещиков, и у центральной власти. Народ как творец истории и классовая борьба как ее основной двигатель предстают в этих событиях особенно ярко и убедительно. Ибо нечто иное, как страх перед возможностью их повторения, определил и ликвидацию крепостнической автономии лифляндских помещиков в 80-х годах XVIII в., и лихорадочные попытки царских властей и местных дворян спасти основы отжившей формации путем ограниченных реформ «сверху» в первой четверти XIX в.

Монография М. Степермана — это широкое полотно народных движений в период заката феодализма. Насколько она обогащает фонд наших знаний в указанной области, показывает следующее сопоставление. В статье Е. Ф. Дюбюк⁶⁹ на аналогичную тему назывались 24 лифляндские мызы, где произошли волнения 1784 г.; в работе Я. Я. Зутиса⁷⁰ подробно рассмотрен ход этих волнений еще в 5 крупных имениях. На карте же, составленной М. К. Степерманом, фигурирует около 150 очагов крестьянских волнений 1783—1784 гг. Перу М. К. Степермана принадлежит также статья о влиянии идей Великой французской буржуазной революции на мысль демократической публицистики (Л. Кенеманн, Г. Меркель) и классовую борьбу крестьян Латвии в конце XVIII в.⁷¹

Аграрные отношения в Видземе непосредственно перед изданием «крестьянских законов» начала XIX в. подробно освещены в диссертации⁷² и статьях М. К. Аболини. Эти исследования базируются на изучении ряда архивных фондов (лифляндского рыцарства, лифляндского генерал-губернатора, губернского правления и др.), содержащих богатейший фактический материал за 90-е годы XVIII в. Автор ставил своей задачей в ос-

⁶⁹ Е. Ф. Дюбюк. Крестьянское движение в Лифляндии во второй половине XVIII века. — ИЗ, 13, 1942, стр. 175—206.

⁷⁰ Я. Зутис. Балтийский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946, стр. 535—546.

⁷¹ М. К. Степерманис. Влияние Французской революции 1789—1794 гг. на аграрный вопрос в Латвии. — ЕжгАгр 1960, Киев, 1962, стр. 320—331.

⁷² М. Аболиня. Барщинное хозяйство и классовая борьба крестьян Видземе в конце XVIII в. Автореф. канд. дисс. Рига, 1957.

новом выяснение тех причин, которые побудили правительство к вмешательству в отношения между помещиками и крепостными в Прибалтике. В первых двух главах диссертации (оставшихся, к сожалению, неопубликованными) М. К. Аболиня дает всестороннюю характеристику мызно-барщинного хозяйства в Видземе в самом конце XVIII в. Это как бы продолжение той картины, которая была воссоздана М. Степерманом для предшествующего периода. Главным и в эти годы оставался рост товарно-денежных отношений, все глубже проникавших в феодальную экономику и обуславливавших — при сохранении и даже усилении крепостничества — дальнейшее усиление эксплуатации массы крестьянства. Наряду с уже известными явлениями (интенсивным винокурением, товарным животноводством, увеличением всякого рода доходных «аппертиненций» мызы — мельниц, лесопилен и отчасти помещичьих мануфактур) в этот период встречаются и такие явления, как попытки интенсификации земледелия (четыреполье, травосеяние, разведение картофеля, овцеводство) и определенное возрастание роли представителей торгового капитала в области как спекуляции именьями (земля стала товаром!), так и их хозяйственной эксплуатации (аренда имений на разные сроки зажиточным бюргерством, обычно ссужавшим деньги дворянам).

Уделяя внимание развитию производительных сил в мызном хозяйстве, М. Аболиня справедливо подчеркивает его насквозь феодальный характер: труд по найму в сельском хозяйстве был исключением, увеличение доходов владельца достигалось посредством более интенсивной эксплуатации крепостных. Именно этой стороне дела посвящена статья М. Аболини о формах и уровне крестьянских повинностей в конце XVIII в.⁷³ Собранный здесь массовый материал по 14 приходам в различных районах Видземе вполне достаточен для изображения общей тенденции в эволюции ренты, и в первую очередь барщины, накануне «освобождения» крестьян. Барщина в эти годы действительно снова усилилась, в основном за счет «экстраординарных» рабочих повинностей (предоставления мызе подвод, работы на винокурнях, ухода за мызным скотом, изготовления пряжи и т. п.) и отчасти — путем введения сдельной или урочной барщины (*riežu sistēma*).

Новый нажим помещиков на крестьян вызвал, естественно, и усиление «внеэкономического принуждения», особое место в системе которого отводилось так называемому праву домаш-

⁷³ M. Āboliņa. Vidzemes zemnieku klaušas un nodevas 18. gs. beigās. — VP, 1, 1957, 5.—93. lpp.

него наказания (*Hauszucht*)⁷⁴. А ответом крестьянства явился опять-таки рост классового сопротивления, различные формы которого М. Аболиня также показывает в специальной статье⁷⁵. Своеобразной формой классового протеста крестьян в 90-е годы XVIII в. были коллективные жалобы на действия помещиков и арендаторов. Действенность этого средства подтверждается тем, что суды в большинстве случаев заставляли помещиков идти на уступки крестьянам в таких, например, вопросах, как помера земель, исправление нормы повинностей в вакенбухах и т. п. Поток крестьянских жалоб стал уменьшаться только в начале XIX в., когда эта форма борьбы исчерпала себя, так как расследование жалоб фактически перешло в руки помещиков. Другой формой борьбы было бегство крестьян, например, в Курземе, где в 90-х годах количество беглых из Видземе исчислялось буквально тысячами. Наряду с различными проявлениями «непослушания» крепостных мызной администрации в отдельных местах (в северной части Латвии и в южной части Эстонии) вспыхивали восстания, которые подавлялись с помощью войск. Таким образом, именно угроза крестьянской войны оказалась той главной силой, которая вынудила царизм и дворянство взяться за подготовку аграрных реформ в Прибалтике.

Основополагающим вкладом в изучение аграрной истории периода перехода от феодализма к капитализму явились труды академика Я. Я. Зутиса. Уже в первых его брошюрах на эту тему, изданных в Риге в 1945 г.⁷⁶, содержался не только общий обзор истории сельского хозяйства и крестьянства в XVIII—XIX вв., но и перечень тех научных проблем, которые предстояло разрешить в первую очередь. Значительная часть уже упоминавшейся монографии Я. Зутиса — его докторской диссертации «Остзейский вопрос в XVIII веке» — посвящена также аграрной истории Латвии. Поскольку в основе так называемых остзейских привилегий лежала дворянская монополия на земельную собственность и власть над крестьянами, автор подробно проследил их эволюцию на всем протяжении XVIII в. Именно аграрный вопрос стоял в центре внимания как петер-

⁷⁴ М. Āboliņa. *Mājas pārmācība Vidzemē XVII gs. beigās.* — VP, 2, 1958, 91.—135. lpp.

⁷⁵ М. Āboliņa. *Materiāli Vidzemes zemnieku šķiru cīņas vēsturei XVIII gadsimta beigās.* — ZAVēst, 1956, 12, 5.—26. lpp.

⁷⁶ J. Zutis. *Vidzeme 18. gadsimtenī.* Rīgā, 1945. 44 lpp. (Этот популярный очерк основан в значительной степени на опубликованной ранее, до войны, книге «Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII века». М., 1937. 216 стр.); J. Zutis. *Cīņa par agrārām reformām 19. gadsimteņa pirmajā pusē. Kapitālisma pirmatnējās uzkrāšanās posms Latvijā.* Rīgā, 1945. 44 lpp.

бургских властей, так и лифляндских дворян на всех этапах их взаимоотношений. Выступая против излюбленного в реакционной историографии противопоставления «русского периода» «доброму шведскому времени», Я. Я. Зутис писал: «Вина за дальнейшее ухудшение (положения крестьян. — В. Д.), следовавшее в XVIII веке, всецело ложится на остзейское рыцарство, наделенное особыми правами, судебными и экономическими привилегиями, вследствие которых крестьяне оказались бесправными крепостными рабами немецких землевладельцев. Так продолжалось до тех пор, пока государственные интересы дворянской России не вступили в открытый конфликт с автономией остзейских сословий»⁷⁷.

В работе «Остзейский вопрос в XVIII веке» Я. Зутис довел изложение до середины 90-х годов XVIII в., когда крестьянство как в Латвии, так и в Эстонии, по многочисленным свидетельствам очевидцев, в любую минуту готово было восстать против своих вековых мучителей — немецких баронов. Дальнейшее развитие отношений между помещиками и крестьянами, как и сущность правительственной политики в крестьянском вопросе вплоть до начала 30-х годов XIX в., прослеживается в исследованиях проф. Я. Я. Зутиса, изданных в серии «Очерков по истории Латвийской ССР».

1 В первом из очерков⁷⁸, помимо главы о рижской торговле (о которой речь пойдет ниже), автор дает — впервые в Латвийской историографии — развернутую характеристику мызно-барщинного хозяйства в Видземе и Курземе накануне «освобождения». Здесь (стр. 45—83) применен метод анализа экономики отдельных имений на протяжении ряда лет. Этот метод имеет свои преимущества, так как позволяет (разумеется, при наличии соответствующей документации) глубоко проникнуть в механизм действия тех или иных факторов, которые определяли экономические решения данного феодального собственника и объективные результаты его хозяйствования. «Проанализировав», таким образом, богатую хозяйственную документацию 12 крупных и средних имений (в рамках 1789—1820 гг., а одно из видземских имений даже с 1745 г.), автор показал

⁷⁷ J. Zutis. Baltijas jautājums XVIII gadsimtā. Rīgā, 1951. 465 lpp. (Напомним, что более ранний вариант этой работы — на русском языке — был опубликован еще в 1946 г.) — В этой монографии освещены такие конкретные проблемы аграрной истории Латвии и Эстонии, как эволюция барщинного хозяйства и крепостного права, положение крестьян и их классовая борьба, а также позиция царской власти и местных помещиков в этих вопросах.

⁷⁸ J. Zutis. Latvija klaušu saimniecības sairšanas periodā un Kauguru nemieri 1802. gadā. Rīgā, 1953. 160 lpp.

«in concreto» такие существенные моменты, как структура доходов-расходов владельца, рабочая сила имений, соотношение отраслей производства (мызная пашня, животноводство, винокурение, мельницы и т. д.), степень товарности мызных хозяйств в зависимости от урожая или рыночной конъюнктуры в данном году и т. п. Огромный интерес представляют многочисленные таблицы, показывающие размер и удельный вес тех или иных источников феодальных доходов — в пересчете на деньги. Эти данные вполне убеждают в том, что откуда бы эти деньги ни поступали — от продажи зерна, или от корчем, или от промышленных заведений — главным источником всегда оставался «мызный сектор» (а не поступления продуктов или денег от крестьян), т. е. в конечном счете *барщинный труд* крепостного крестьянства⁷⁹. В свете этого кардинального факта становится ясной и основная причина обострения классовых противоречий — рост барщинно-крепостнической эксплуатации.

Поучителен также анализ расходной части бюджета помещиков, произведенный Я. Я. Зутисом. В противоположность капиталистическому хозяйству, почти вся сумма доходов (в деньгах) в то время шла на удовлетворение потребительских (в сущности паразитических) нужд владельца имения и лишь очень ничтожную часть этих расходов (на приобретение семян или инвентаря, постройки, оплату наемной рабочей силы) можно рассматривать как «инвестиции» в производство. Мето-

⁷⁹ Ориентация всех ливонских помещиков на всемерное расширение мызного производства (а в связи с этим — и увеличение барщины) не подлежит сомнению. Тем не менее в отдельных случаях проф. Зутис, по-видимому, преувеличивает удельный вес мызы в структуре доходов владельца. Так, об имении Лиеленецава говорится, что в 1805—1815 гг. «обработка мызных полей и разведение скота обеспечили более 60% всех доходов» (J. Zutis. Latvija klaušu saimniecības sairšanas periodā..., 60. lpp.). Остальное, судя по приведенной тут же таблице, давали корчма, кирпичный завод, продажа леса и т. д.; от крестьян поступило всего лишь 1,8% денежного дохода в виде «вакковых сборов». Создается, таким образом, впечатление, будто в данном имении продуктовая и денежная рента с крестьян почти не взималась. Едва ли, однако, так было в действительности; в других имениях (например, в Айскраукле) хлеб от крестьян все-таки поступал! Все дело, видимо, в том, что в документах мызной отчетности в Лиеленецаве по-просту крестьянский хлеб не отделялся от мызного. Быть может, по той же причине не виден крестьянский хлеб и в бюджетах владельцев Церауксте (стр. 71), Планица (стр. 72) и некоторых других курляндских имений. Следует, наконец, иметь в виду то обстоятельство, что указанные бюджеты зачастую представляли собой теоретические расчеты помещиков, в основу которых брались отнюдь не реальные поступления зерновых в мызный амбар из тех или иных источников, а лишь предполагаемый (порядка «сам 6», «сам 9») урожай на мызных полях. В высокотоварных ливонских имениях на рубеже XVIII—XIX вв. поступления от крестьян обеспечивали все же 10—20% хлебного сбора.

дологически вполне обоснованным является и тот вывод, что процесс производства в этих имениях «был организован по принципам натурального хозяйства»⁸⁰. Подобному заключению нисколько не противоречит факт, что имение продавало много продуктов. Основной задачей хозяйства было удовлетворение потребностей феодала, на рынок попадали, по сути дела, только излишки продукции, вырученные же деньги в производство почти не вкладывались. Главное же отличие помещичьего хозяйства на рубеже XVIII и XIX вв., как подчеркивает Я. Я. Зутис, состояло в том, что рабочая сила еще не стала товаром: все производство в сельском хозяйстве держалось на подневольном труде крепостного крестьянина.

В этом же очерке рассмотрена классовая борьба (в конце XVIII в. — главным образом массовые жалобы крестьян, позже — их бегство, которое наносило помещикам наибольший ущерб) и проекты реформ, которые выдвигались местным дворянством якобы на благо крестьян («zur Verbesserung des Zustandes der Bauern»), а на деле с целью дальнейшего их ограбления и повышения нормы эксплуатации. Именно в этом была сущность, например, «регулятива Сиверса», принятого лифляндским ландтагом в 1797 г., хотя и не утвержденного царским правительством. Кульминационным пунктом крестьянского движения в этот период было, как известно, восстание в Каугуры (близ Валмиеры) осенью 1802 г., когда против «мятежников» правительству пришлось пустить в ход артиллерию. Правда, историки к этой теме обращались и раньше. Заслугой Я. Зутиса является то, что восстание в Каугуры впервые в литературе показано им не как «одионочная вспышка», а как звено в непрерывной цепи нарастания крестьянского возмущения барщинно-крепостническим строем. Как подчеркивал автор, волнения конца XVIII и начала XIX в. в обеих частях Лифляндии прямо вели к реформе 1804 г.: «Латышские и эстонские крестьяне своей совместной борьбой добились издания „Положения о лифляндских крестьянах“ от 20 февраля 1804 г.»⁸¹

Второе исследование проф. Я. Зутиса⁸² открывается исчерпывающей характеристикой закона 1804 г. Провозгласив право крестьян-хозяев на наследственное владение земельным участком, этот закон, как известно, оставил землю в собственности помещика. Крестьяне по-прежнему были крепостными («glebae adscripti»), обязанными исполнять барщину, причем значи-

⁸⁰ J. Zutis. Latvija klaušu saimniecības sairšanas periodā..., 53., 64., 158. lpp.

⁸¹ Там же, стр. 158.

⁸² J. Zutis. Vidzemes un Kurzemes zemnieku likumi XIX gadsimta sākumā (1804.—1819.). Rīgā, 1954. 194 lpp.

тельно увеличенную, например, по сравнению со «шведским временем» за счет легализации всякого рода «экстраординарных» работ. Позже в так называемых «Дополнительных пунктах» от 28 февраля 1809 г. ряд положений упомянутого закона, относительно выгодных для крестьян-хозяев, был изменен: помещики получили возможность присоединить землю крестьян к мызе и повышать «экстраординарную» барщину (она могла составлять $\frac{7}{8}$ стоимости всех повинностей). Вместе с тем «пункты» 1809 г. впервые в истории вступились за права безземельных батраков: официально были определены продолжительность рабочего дня и размеры вознаграждения батраков. Подчеркивая противоречивый характер этой аграрной реформы (положительное ее значение проявилось лишь в будущем, отрицательное же сказалось на положении крестьянства немедленно), автор отметил, что «помещики шли на уступки и признавали некоторые права крестьян лишь постольку, поскольку это отвечало тогдашним политическим интересам и экономическим нуждам самих помещиков. Эксплуатация крестьян не уменьшилась...» (стр. 35). Поскольку реализация крестьянских законов, особенно после 1809 г., была фактически отдана в руки помещиков, они, как считал Я. Я. Зутис, повсеместно добились значительного увеличения крестьянских повинностей по сравнению с уровнем, существовавшим к началу XIX в. Это было достигнуто главным образом за счет повышения «талерной стоимости» крестьянского гака с 60 до 80 талеров (путем оценки не только пашни, как это делалось раньше, но и сенокосов с огородами) и отчасти другими путями (например, увеличением числа самих гаков как единиц обложения). Степень увеличения феодального гнета в результате реализации закона 1804 г. проф. Я. Я. Зутис пытался определить, сопоставляя стоимость повинностей «до 1804 г.» («старые гаки») с данными отчета Валкской землемерно-ревизионной комиссии, составленного Г. Будбергом в 1823 г. («новые гаки»). Как вытекает из сводной таблицы, составленной автором (стр. 93—96), повинности лифляндских крестьян возросли в целом на 60,5%, а в Цесисском округе — даже на 77%. В свете новейших работ эстонских исследователей (Ю. Ю. Кахк, Х. М. Лиги) такую оценку реального положения крестьянских хозяйств после реформы придется, пожалуй, признать слишком прямолинейной и требующей серьезной проверки по материалам, относящимся к территории Латвии⁸³. Помимо общих статистических данных

⁸³ Тезис о том, будто в результате законов 1804 и 1809 гг. повинности крестьянских хозяйств возросли повсеместно, первым оспорил Ю. Ю. Кахк. Справедливо указывая на необходимость сравнения уровня этих повиннос-

для этого, очевидно, необходимо привлечь более надежные показания вакенбухов конкретных имений, данные обмера крестьянских земель и другие источники, дающие возможность реально оценить повинности с учетом экономического потенциала крестьянских хозяйств.

Как бы, однако, не решалась проблема воздействия этой реформы на положение массы крестьянства, ни сам закон 1804 г., ни последовавшие за ним помера земель и нормирование повинностей не могли удовлетворить чаяния крестьян. Даже напротив: как убедительно показывает Я. Я. Зутис, правительственные мероприятия начала XIX в. еще более обострили обстановку в деревне. На обширном архивном материале в книге прослеживаются этапы крестьянских волнений в Видземе и Курземе накануне «освобождения» крестьян без земли в 1817 и 1819 гг. С особенным, захватывающим интересом читаются те страницы исследования, где говорится о положении батраков — социальной прослойки, по существу, «забытой» и в дворянской, и в буржуазной историографии. Как показал прсф. Зутис, уже в начале XIX в. батраки составляли около 70% сельского населения (данные 1815 г. по Курземе). Именно эта прослойка, страдавшая больше всего от феодальной эксплуатации, выдвигается в авангард борьбы за свержение барщинно-крепостнического режима.

тей до или после реформы в реальных крестьянских хозяйствах, автор подверг анализу данные по шести имениям (306 крестьянских дворов) и пришел к выводу, что «говорить об абсолютно всеобщем и значительном увеличении крестьянских повинностей нет оснований». Помещики в одних случаях от реформы выигрывали, в других же — определенно проигрывали. В связи с этим Ю. Ю. Кахк склонен больше подчеркивать «относительно прогрессивное значение подобных паллиативов», ставивших «некоторые преграды на пути вторжения барщины в сферу труда крестьянина на самого себя» (см. Ю. Кахк. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в конце XVIII и первой четверти XIX в. Таллин, 1962, стр. 202—206, 216). К аналогичному выводу, но уже на более широком материале (94 имения в эстонской части Лифляндии и 72 эстляндских имения) и с применением более точной исследовательской методики, пришел Х. М. Лиги. Отметив несопоставимость слишком суммарных, притом и далеко отстоящих одна от другой (1681—1688, 1758 и 1823 гг.) оценок «талерной стоимости» повинностей, он изучил структуру крестьянского обложения и сравнил его уровень в 1804 г. с так называемым новым, или окончательным, вакенбухом. Общий объем повинностей, как оказалось, даже несколько снизился, хотя в зависимости от типа имений (крупные или мелкие, частновладельческие или казенные) положение складывалось по-разному. В ряде имений, особенно в крупных, где раньше повинности были меньше, после реформы они возросли, в мелких же, напротив, они уменьшились: закон 1804 г. как бы нивелировал прежнюю разницу между ними (см. Х. Лиги. Лифляндский крестьянский закон 1804 года и феодальные повинности крестьян. — ИАН ЭССР, 1966, 4, стр. 385—401; Х. Лиги. Феодальные повинности эстонских крестьян. Таллин, 1968. 202 стр. (Ротапринт.)

3. Третий, и последний очерк Я. Зутиса⁸⁴ развивает ту же тематику. Здесь — и опять на новых источниках, вводимых в оборот впервые, — вскрывается сущность аграрной политики царского правительства и различных помещичьих группировок в Прибалтике и показывается огромный размах крестьянского движения в начале 20-х годов XIX в. Крестьяне выступали сначала против постановлений о так называемом железном инвентаре, ограничивших право крестьян на движимое имущество, а затем — в 1822—1824 гг. — за отмену крайне невыгодной для крестьянства системы барщинной аренды. В книге дается подробный анализ «освобождения» батраков и специфических форм их борьбы за свободу передвижения (массовые отказы батраков от хозяев, требования письменных подтверждений права на личную свободу и т. д.), а также рассматривается вопрос о роли гернгутерского движения в борьбе крестьян против остатков феодализма. «Освобождение крестьян в Прибалтийских губерниях, — указывал в заключение автор, — необходимо оценивать лишь как одно из проявлений всеобщего кризиса, который переживала крепостническая Россия в первой половине XIX в. Ни в коем случае не переоценивая исторического значения „освобождения“, все же нельзя отрицать, что самое бесстыдное ограбление крестьян под предлогом „освобождения“ было связано с глубокими переменами в жизни латышского народа. Как в отношениях между помещиком и крестьянином, так и в положении батраков и других безземельных произошли глубокие перемены, которые полностью обнаружили в 30—40-х годах XIX в.» (стр. 226).

Этому заключительному периоду феодальной формации автор намеревался посвятить свой очередной очерк. К сожалению, академику Я. Зутису не удалось полностью осуществить этот замысел: смерть оборвала творческий поиск замечательного исследователя. Контуры будущей монографии, оставшейся не написанной, быть может, проглядывают в разделах первого тома «Истории Латвийской ССР», принадлежащих также перу Я. Зутиса и содержащих яркую и богатую характеристику всех основных аспектов аграрной истории Латвии в 30—40-х и отчасти 50-х годах XIX в.

Изучение аграрной истории Курземе с конца XVIII в. облегчается тем, что с присоединением Курляндского герцогства к России (1795 г.) часть документации начала накапливаться в центральных учреждениях по управлению казенными имениями (в Петербурге) и, таким образом, сохранилась лучше.

⁸⁴ J. Zutis. Vidzemes un Kurzemes zemnieku brīvībaišana XIX gadsimta 20. gados. Rīgā, 1956. 227 lpp.

Этой проблемой занимался ученик проф. Я. Зутиса Г. П. Строд. В своей диссертации⁸⁵ помимо рижских архивных материалов он использовал также материалы ЦГИА СССР в Ленинграде. На широкой источниковедческой базе впервые была показана эволюция хозяйства казенных (бывших герцогских) имений в Курземе и положение их населения в 1795—1861 гг. Автор подробно исследовал перемены в организации управления казенными имениями (гл. 1), развитие сельскохозяйственного производства в имениях (гл. 2), формы эксплуатации казенных крестьян (гл. 3), усиление роли товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Курляндской губернии (гл. 4), положение трех основных прослоек сельского населения (хозяева — бобыли — батраки) на территории казенных имений (гл. 5) и, наконец, борьбу курземского крестьянства за отмену барщины и переход к денежной аренде (гл. 6). Диссертация Г. П. Stroda, материалы которой были частично опубликованы в виде отдельных статей⁸⁶, несомненно, внесла существенный вклад в разработку проблемы, важность которой определяется уже тем, что государственные крестьяне в Курземе составляли около $\frac{1}{3}$ всей массы крестьянства. В этом смысле работы Г. П. Stroda как бы дополняют известный труд академика Н. М. Дружинина, изучавшего тот же вопрос на российском материале.

Автор достаточно убедительно показал, что барщинно-крепостническое хозяйство в этом своеобразном секторе феодального землевладения развивалось по тем же закономерностям, что и помещичье хозяйство. Как в казенных, так и в помещичьих имениях наблюдались рост производства продуктов для рынка (продавалось до $\frac{4}{5}$ всех поступлений хлеба), стремление арендаторов к расширению мызных полей, особая роль барщины в системе повинностей (ее отбывали около 80% казенных крестьян) и процесс ее изживания (существенно ускорившийся лишь в 30—50-х годах), неудача попыток «модернизации» мызных хозяйств на феодальной основе (вплоть до 40-х годов, когда обозначился переход к наемной рабочей силе) и — на фоне этих процессов — усиление эксплуатации, разорение и частичное обезземеление казенных крестьян. Показывая спе-

⁸⁵ Г. П. Строд. Курземские казенные имения в период разложения барщинного хозяйства в 1 половине XIX в. Автореф. канд. дисс. Рига, 1953.

⁸⁶ H. Strods. Jautājuma par lauku proletariāta veidošanos Kurzemes kroņa muižās XIX gs. pirmajā pusē. — ZAVēst, 1954, 12, 31.—44. lpp.; H. Strods. Kurzemes kroņa zemnieku kļaušas XIX gs. pirmajā pusē. — VP, 3, 1960, 59.—105. lpp.; Г. П. Строд. Переход к использованию наемной рабочей силы в казенных имениях Курляндской губернии в 30—50-х годах XIX в. — ТДАгр. 1965, стр. 108—111.

цифику этих имений (в частности, губительные последствия краткосрочной аренды, столкновения интересов казны и местных помещиков, смотревших на арендуемые имения лишь как на источник наживы), автор особенно подчеркивает наличие сильной прослойки крупных хозяйств хуторского типа (в 40—50 десятин). Даже в условиях феодальной эксплуатации хозяйская верхушка успешно приспосаблилась и к денежной ренте, и к рынку. Применяя наемный труд батраков и втягиваясь в торговлю, бо́льшая часть этой верхушки, как полагает Г. П. Строд, уже в 40—50-х годах XIX в. «превратилась в капиталистических арендаторов земли».

Понятно, что ряд вопросов, связанных с эволюцией аграрных порядков в казенных имениях Курземе в период перехода от феодализма к капитализму требует дальнейшего изучения. Особо следует подчеркнуть отсутствие сколько-нибудь серьезных работ по аграрной истории Курляндско-Земгальского герцогства XVII—XVIII вв., тем более что некоторые из положений Г. П. Строда (например, об увеличении мызных полей и барщины «в 2—3 раза» только в течение второй половины XVIII в.) определенно нуждаются в более обстоятельной аргументации. Не вполне ясным представляется и существо ряда явлений более позднего времени, по которым в работах автора приведен интересный фактический материал. Это связано как с оценкой предпринимательства арендаторов («капиталистические винокурни» 30-х годов XIX в.), так и с генезисом сельской буржуазии, в частности с трансформацией феодальной денежной ренты в капиталистическую земельную ренту. В плане возникновения у верхушки крестьян Курземе некоторых элементов буржуазной идеологии представляет интерес доклад Г. П. Строда о крестьянском проекте переустройства казенных имений 1810 г., текст которого (в копии) был им обнаружен в архиве⁸⁷.

В дальнейшем работа Г. П. Строда была направлена на вопросы развития производительных сил в сельском хозяйстве,

⁸⁷ Х. П. Строд. Крестьянский проект ликвидации феодальных отношений в казенных имениях Курляндской губернии (1810 г.). — ТДАгр 1968, стр. 196—201. — Этот проект, известный ранее лишь в пересказе реакционного историка А. Тобина, предусматривал отмену передачи казенных имений в аренду местным помещикам и превращение казенных крестьян в непосредственных арендаторов этих земель у государства с заменой барщины денежной рентой. Вполне соглашаясь с тем, что «проект выражал социально-экономические взгляды верхушки феодального крестьянства», мы, однако, не разделяем убеждения Г. П. Строда, будто этот проект был «пронизан идеями французской революции». Не говоря уже о расплывчатости подобной формулировки (аграрная программа, например, якобинцев не идет ни в какое сравнение с этим проектом!), такая оценка находится в противоречии с тем фактом, что в Петербурге и у самого царя этот проект встретил вполне благожелательную поддержку.

а также на более общие проблемы аграрной истории Латвии в целом, включая Видземе и Латгале. Большой интерес представляют его статьи о борьбе латгальских крестьян против феодального гнета в последней четверти XVIII и первой половине XIX в.⁸⁸ Как уже отмечалось, на эту тему писал в свое время Б. Р. Брежго. Привлекая новый архивный материал, Г. П. Строд сосредоточил внимание на социально-экономических предпосылках наиболее длительных и упорных крестьянских волнений, происходивших в Даугавпилсском (1784—1823 гг.) и Лудзенском (1832—1841 гг.) староствах. Заслуга автора в том, что он сумел по-новому осветить эти яркие эпизоды. В обоих случаях речь идет о борьбе «старостинских» крестьян, принадлежавших казне лишь номинально, на деле же находившихся в бесконтрольном распоряжении местных магнатов — Плятеров и Борхов, арендовавших эти имения. Главной причиной волнений, как это и доказал Г. П. Строд, был рост феодальной эксплуатации, особенно барщины, хотя вопрос о темпах этого роста (по исчислениям автора — в 2,3 и даже в 6 раз за несколько десятилетий) представляется, на наш взгляд, достаточно спорным. И в обоих случаях специфику ситуации определяло стремление «старостинских» крестьян выйти из подчинения помещиков; как заявляли, к примеру, лудзенские повстанцы: «все согласны лучше идти в Сибирь, нежели принадлежать графу Борху». Стремление повстанцев перейти в разряд государственного крестьянства было связано с надеждой избавиться от ненавистной барщины путем замены ее денежным оброком. К этому, говоря кратко, сводилась суть «крестьянской программы», и автор безусловно прав в том, что объективно «это была борьба за революционный путь развития капитализма в сельском хозяйстве».

Перу Г. П. Строда принадлежит также ряд ценных статей (часть которых опубликована лишь как тезисы) о социально-экономической эволюции в сельском хозяйстве Латвии в период перехода от феодализма к капитализму. Нет нужды подчеркивать важность и одновременно крайнюю сложность этой проблематики. В смысле мобилизации фактических данных и постановки вопросов методики их обработки (а это нам представляется особенно важным) значительный вклад сделан автором в изучение некоторых проявлений так называемого пер-

⁸⁸ H. Strods. Daugavpils stārstijas zemnieku cīņas pret feodālās ekspluatācijas palielināšanu XVIII gs. beigās un XIX gs. pirmajā ceturksnī. — ZAVēst, 1956, 3, 41.—57. lpp.; H. Strods. Ludzas stārstijas zemnieku nemieru cēloņi (1832.—1841. g.). — ZAVēst, 1968, 4, 3.—17. lpp.; см. также: H. Strods. Zemnieku nemieri Austrumlatvijā 1863. g. — ZAVēst, 1963, 6, 3.—14. lpp.

воначального накопления, воздействия правительственной политики на экономику помещичьего хозяйства, в попытки анализа денежной части бюджета крестьян и помещиков и в ряд других вопросов⁸⁹. В плане общей оценки итогов развития капиталистического способа производства в сельском хозяйстве на территории Латвии существенное значение имеет статья Г. П. Строда, обсужденная на очередном симпозиуме по аграрной истории в г. Вильнюсе⁹⁰. Выступая (и вполне справедливо) против механического применения общероссийской периодизации к конкретным условиям Латвии, автор приходит к следующим основным выводам. Хотя реформы 1816—1819 гг. и не означали победы капитализма в Прибалтике, 20—40-е годы XIX в. следует считать переходным периодом, соединявшим в себе черты отживающей, барщинной системы и новой, капиталистической системы сельскохозяйственного производства. Капиталистический уклад, зародившийся уже в середине XVIII в., в этот период (т. е. после отмены крепостного права) развивался ускоренными темпами. «К середине XIX в., — пишет Г. Строд, — в сельском хозяйстве Латвии (за исключением ее восточной части — Латгале, входившей в состав Витебской губернии) победил капиталистический способ производства, хотя и с сохранением пережитков феодализма».

Результаты того же процесса в Латгале, значительно отстававшей в своем развитии от других областей Латвии, показаны автором в специальной статье⁹¹. Как выясняется из массовых данных по 20 латгальским волостям, в 60-х годах XIX в. агротехнический уровень производства в имениях Латгале стоял примерно на уровне конца XVIII в. (по сравнению с Курземе). «Лишь в немногих имениях, — говорит автор, — велось капиталистическое хозяйство». В крестьянском хозяйстве также царил застой; в условиях малоземелья масса крестьян была вынуждена искать побочных заработков. Феодализм, можно сказать,

⁸⁹ Г. П. Строд. «Железный инвентарь» и его роль в социально-экономическом развитии Латвии во второй половине XVIII и в первой половине XIX в. — ТДАгр 1966, стр. 121—126; H. Strods. Vidzemes muižnieku cīņa XIX gs. 40. gados pret Budenbroka projektu par kļaušu atcelšanu un zemes pārdošanu zemniekiem. — Grām.: Latvijas agrārā vēsture (XVI—XIX gs.). Rīgā, 1966, 53.—77. lpp.; X. П. Строд. Влияние торговой политики Российской империи на развитие сельского хозяйства Латвии в XVIII в. — ЭСПР, стр. 146—172; X. Строд. Бюджеты имений и крестьянских хозяйств Латвии конца XVIII — первой половины XIX в. — ТДЗ, стр. 38—43.

⁹⁰ Г. П. Строд. К вопросу о времени победы капиталистического способа производства в сельском хозяйстве Латвии. — ЕжАгр 1963, Вильнюс, 1965, стр. 535—549.

⁹¹ H. Strods. Latgales lauksaimniecība XIX gs. 60. gados. — ZAVēst, 1967, 10, 37.—49. lpp.

гнил на корню, но далеко еще не был изжит: обычно крестьяне платили арендные взносы натурой, сохранялась и барщина. Замедленное, мучительное развитие капитализма в сельском хозяйстве было главной особенностью Латгале, которая и после реформ 60-х годов переживала не столько прогресс, сколько стагнацию во всех областях экономики и общественной жизни.

Примечательная особенность советской историографии 60-х годов — усиленный интерес к проблемам именно «переходной» эпохи от феодализма к капитализму. Помимо Г. П. Строда и не говоря уже об эстонских историках (Ю. Ю. Кахк, Л. А. Лооне, А. М. Траат, И. Я. Сильдмяэ, Х. М. Лиги), в обсуждение этих вопросов внесли свой вклад и другие историки. Здесь прежде всего следует сказать о работах, содержащих попытки общей оценки процессов, происходивших в сельском хозяйстве в период 20—50-х годов XIX в. Мы имеем в виду содержательные статьи М. И. Козина и З. К. Янеля⁹². Насыщенные большим конкретным материалом (и в этом смысле как бы дополняющие друг друга), эти работы, однако, существенно отличаются одна от другой и подходом к проблеме, и выводами из фактических данных. М. И. Козин, ставя вопрос о сельском хозяйстве в этот период в плане «конфликта между производительными силами и феодальными производственными отношениями», подчеркивает — и на наш взгляд совершенно правильно — сдерживающее влияние таких факторов, как сохранение барщины, монополия помещиков на землю и т. д. Особенно сказывалось это влияние на массу крестьянства, хозяйство которых велось тем примитивнее и опускалось тем ниже, чем энергичнее были попытки помещиков перейти к рациональному земледелию на мызных полях. В статье же З. К. Янель, ограничивающей круг своих наблюдений только хозяйством помещика, делается акцент на «новых явлениях», трактуемых автором безоговорочно в категориях «юнкерского», капиталистического предпринимательства. Высказывая ряд интересных мыслей насчет взаимодействия разных сторон технического прогресса в сельском хозяйстве (потребности меринового овцеводства → переход к многополью → распространение новых культур), автор вместе с тем явно переоценивает реальные результаты указанного прогресса и, по существу, ставит знак равенства между реформами 1804—1819 гг. в Прибалтике и реформой 1861 г. в России. «Рационализация» земледелия, которая представляется автору

⁹² М. И. Козин. Развитие производительных сил в сельском хозяйстве Лифляндской и Курляндской губерний в 20—50 гг. XIX века — ИАН ЛССР, 1957, 4, стр. 5—19; З. К. Янель. Из истории развития производительных сил в помещичьем хозяйстве Лифляндской губернии в 20—50 гг. XIX века. — ИСССР, 1961, 4, стр. 131—150.

в виде «цепной реакции» прогрессивных факторов, на деле происходила с огромным трудом даже в мызном хозяйстве, не говоря уже о крестьянском. Утверждение З. К. Янель, будто помещицы привилегии «составляли экономическую основу капиталистической эволюции Лифляндской губернии по прусскому пути» (стр. 133), представляется теоретически спорным. Что же касается «устойчивости» агротехнического прогресса и степени его фактического распространения в сельском хозяйстве даже в 40—50-х годах, то этот вопрос нуждается в дополнительном изучении, по возможности с привлечением как статистических материалов, так и богатейших данных мызных архивов.

Если исследование помещичьего хозяйства в сущности лишь начинает разворачиваться (данные мызных архивов 20—50-х годов XIX в. стали предметом анализа лишь в последние годы), то изучение положения крестьянства шло более интенсивно. Вопрос о крестьянском движении в Лифляндской губернии 40-х годов XIX в., освещавшийся крайне тенденциозно дворянской и буржуазной историографией, привлек внимание И. Я. Степрәне. Это движение, как известно, принимало разные формы: коллективные жалобы на помещиков, прошения о выезде на свободные земли в южнороссийских губерниях и, наконец, переход в православие. Последнее началось уже в 1841 г. и превратилось в массовое явление в 1845—1848 гг., когда в «русскую веру» перешло более 100 тыс. крестьян — латышей и эстонцев. В диссертации И. Я. Степрәне⁹³ рассмотрены предпосылки этих событий (вызванных, вопреки утверждениям лифляндских помещиков, не «агитацией русских священников», а системой барщинной аренды, навязанной крестьянам в результате «освободительного» закона 1819 г.), их ход и последствия. Именно в результате этих крестьянских волнений (внешне мирных и даже облекавшихся в религиозную форму, зато действительно массовых), отмечает автор, «немецкое прибалтийское дворянство вынуждено было пересмотреть существующие аграрные отношения в Лифляндии и разработать новый аграрный закон» от 9 июля 1849 г. В смысле характеристики положения лифляндских крестьян в 30—40-х годах XIX в. чего-либо существенно нового эта работа, к сожалению,

⁹³ И. Я. Степрәне. Крестьянское движение в Лифляндии в 40-х годах XIX века. Автореф. канд. дисс. Рига, 1966. — Часть этой работы опубликована в виде статей: I. Steprāne. Vidzemes zemnieku pagaidlikuma nozīme. — DaugPēdIR, 1, 1958, 7.—23. lpp.; I. Steprāne. Vidzemes zemnieku kustība 1841. gadā. — DaugPēdIR, 4, 1959, 29.—52. lpp.; I. Steprāne. Vidzemes zemnieku ekonomiskais stāvoklis XIX gs. 30.—40. gados. — ZAVēst, 1960, 6, 29.—36. lpp.

не прибавляет. Но определенной заслугой автора является привлечение ряда не использованных ранее материалов (в частности, фонда Рижской епархии православной церкви), конкретизирующих представления как о требованиях крестьян (отразившихся в массе «прошений», адресованных церковным властям), так и об этапах самого движения.

Смелое обращение к новым типам источников и тщательная их обработка, свежесть и вместе с тем должная сдержанность в оценке полученных результатов отличают работы М. А. Сваране, посвященные судьбам крестьян-хозяев и батраков в 40—50-х годах XIX в. Ее кандидатская диссертация⁹⁴ была результатом многолетней работы по изучению множества уцелевших в архиве фондов волостных судов и правлений в Курземе и Видземе. Впервые «допросу» были подвергнуты материалы, показывающие повседневную жизнь сельского общества на местах: переход из рук в руки крестьянских дворов, инвентаризация имущества или долгов умерших дворохозяев, взыскание задолженности крестьян волостным магазинам, заключение договоров об аренде, взаимные жалобы хозяев и батраков и т. п. Ценность этого рода материалов определяется тем, что такие подробности крестьянского быта, как величина урожаев, состояние инвентаря, внутрикрестьянская ссуда, взаимоотношения хозяина и батрака, занимали правительственную администрацию и самого помещика тем меньше, чем больше хозяйство крестьянина из простого придатка мызы превращалось в самостоятельную производственную единицу. Отлагавшаяся лишь в волостных инстанциях, эта «низовая» документация дает возможность исследователю вполне конкретно ставить и разрешать вопрос о содержании капиталистической перестройки латышской деревни.

Когда и какими путями формировались два основных социальных типа: с одной стороны, самостоятельный сельский хозяин, производитель товарной продукции, а с другой, сельскохозяйственный пролетарий, наемный батрак? Четкая постановка этого основного вопроса в исследовании М. А. Сваране сочетается с кропотливым анализом всей совокупности фактов, содержащихся в источниках. Для изучаемого периода, когда «подспудно назревший конфликт между элементами капиталистического уклада и старыми производственными отношениями вошел в решающую стадию», такой подход особенно важен. Давая оценку явлений, не успевших отлиться в определенные

⁹⁴ М. А. Сваране. Социально-экономическое положение крестьян Курземе и Видземе в 40—50-х годах XIX века. Автореф. канд. дисс. Рига, 1966.

формы, автору удалось выделить главные, определяющие тенденции социально-экономического развития в середине XIX в.

Зачатки сельской буржуазии формировались уже в период господства барщинной аренды. М. А. Сваране отмежевывается от взглядов историков, видевших в кризисе этой системы лишь деградацию крестьянских хозяйств. Переход к денежной аренде создавал стимул для их подъема лишь там и постольку, где и поскольку он был подготовлен предшествующим развитием. Часть крестьянских дворов по крайней мере уже с 30-х годов XIX в. наращивала свой хозяйственный потенциал, включалась в торговлю сельскохозяйственными продуктами и т. п. Эксплуатируя труд батраков, младшие сыновья крепких дворохозяев брали в аренду и успешно «осваивали» усадьбы своих разоренных соседей, переходивших на положение батраков или поденщиков. Пробивая себе дорогу в условиях юридического бесправия, в борьбе с безраздельным господством помещиков, верхушка латышских крестьян в 50-х годах XIX в. сумела существенно укрепить свои экономические позиции. Это внимание к «восходящим токам» социальных процессов (употребляя термин П. Г. Рындзюнского) представляется плодотворным. Нет никакой нужды следовать прибалтийско-немецким историкам, изображавшим крестьян как косную массу, совершенно пассивную и неспособную к созидательному труду, а помещиков как носителей экономического прогресса. «Латышская буржуазия, — справедливо отмечает М. А. Сваране, — сумела устоять в тяжелой борьбе за существование только благодаря своему упорству, нетребовательности, исключительной предприимчивости...», что же касается правящего сословия немецких помещиков, то оно отступало, хотя и с боем, но все-таки отступало⁹⁵.

Примечательная черта диссертации М. А. Сваране (опубликованной лишь в незначительной части) — стремление показать специфику эволюции сельских порядков в Курземе и Видземе (и даже в пределах отдельных районов указанных территорий), выявить — не удовлетворяясь «средними цифрами» — типы крестьянских хозяйств, как это требует ленинская методология исследования генезиса капитализма в сельском хозяйстве. Мобилизуя для этой цели огромный статистический материал (80 таблиц!), автор старается дать количественную характеристику тех новых явлений, которые принесли с собой 40—50-е годы XIX в. В отдельных главах работы рассмотрены — в соответствии с возможностями имеющихся

⁹⁵ М. Сваране. Процесс формирования латышской буржуазии в курземской и видземской деревне в 30—50-е годы XIX в. — ТДЗ, стр. 43—50.

источников — различные стороны имущественного и социального положения крестьянских хозяйств. Это — динамика размеров крестьянских дворов и их обеспеченность инвентарем, соотношение спроса и предложения на аренду дворов⁹⁶, уровень производства хлеба (включая урожайность) и возможности товарных излишков в крестьянском хозяйстве, роль кредита и ссуды в жизни крестьян (причем выясняется главная роль задолженности не помещикам, а волостным хлебным магазинам и казне; в качестве кредиторов все чаще выступают и зажиточные дворохозяева), формы крестьянского предпринимательства в сфере промысловых занятий, замена барщины денежной арендой и другие вопросы.

Отмечая успехи так называемого первоначального накопления, более или менее интенсивное выделение крепкой крестьянской верхушки в зависимости от районов или разрядов крестьянства (частновладельческого, казенного), автор приходит к выводу, что уже в 40-е, а особенно в 50-е годы XIX в. этот процесс протекал в интересах не только помещиков, но и «становящейся сельской буржуазии». В отличие от других авторов, датирующих победу капитализма концом 40-х годов, М. А. Сваране склонна считать, что новые формы, характерные для капиталистического хозяйства, получают преобладание только в 50-х — начале 60-х годов. К концу 40-х годов она относит и «начало классовой борьбы сельскохозяйственного пролетариата». Вопрос о социальной дифференциации сельского населения, в частности о положении батраков, рассмотрен ею в статье и затем в докладе на ленинградском симпозиуме по аграрной истории⁹⁷. Здесь прослеживается процесс превращения феодальных наймитов в сельскохозяйственный пролетариат. Особое место уделено формам оплаты труда с учетом того, что такие формы оплаты, как наделение батрака земельным участком (так называемой бандой) еще не означали оплаты по вольному договору. Превращение батраков в действительно вольнонаемных рабочих, происходившее в мызном хозяйстве быстрее, чем в крупных хозяйствах крестьян, завершилось, по мнению М. А. Сваране, только к началу 60-х годов XIX в.

Важной областью исторического исследования является изучение передовой общественной мысли в Латвии феодальной

⁹⁶ M. Svarāne. Kurzemes un Vidzemes zemnieku saimniecības XIX gs. 40.—50. gados. — Grām.: Latvijas agrārā vēsture (XVI—XIX gs.). Rīgā, 1966, 79.—161. lpp.

⁹⁷ M. Svarāne. Kurzemes un Vidzemes kalpu ekonomiskais stāvoklis XIX gs. 40.—50. gados. — ZAVēst, 1965, 9, 11.—26. lpp.; М. А. Сваране. Изменения в экономическом положении батраков Курземе и Видземе в 30-х—50-х годах XIX в. — ТДАгр 1968, стр. 189—196.

эпохи. Протест против феодально-крепостнического режима находил свое выражение как в «образе мыслей» самих крестьян, так и в произведениях бюргерской публицистики XVI—XVIII вв. Элементы антифеодальной идеологии формировались и получали распространение прежде всего, конечно, в крестьянской среде. Как убедительно показал академик П. И. Валескалн, уже в древнейших памятниках устного народного творчества латышей (народные песни, сказки и поговорки) «отражена неиссякающая творческая сила народа, решительное противодействие любым попыткам крепостников задуть каждую сколь угодно прогрессивную, самостоятельную мысль крестьян»⁹⁸. Рассматривая латышский фольклор как своеобразное обобщение стихийно-материалистических взглядов трудового народа на природу и общество, автор цитируемого труда подчеркивает его значение также и как источника по социальной истории. В нем отразилась и глубокая ненависть всей массы крестьянства к немецким баронам, и нараставший подспудно антагонизм в среде самого крестьянства, между хозяином и батраком. Эта сокровищница народного творчества, — а ведь уже сейчас собрано несколько миллионов записей, — в трудах наших историков используется пока недостаточно. Деликатность проблемы определяется, несомненно, сложным характером самого источника, состоящего из разновременных напластований. Как отмечает и П. И. Валескалн, «трудно группировать фольклорный материал по историческим периодам»⁹⁹. Прежде чем поступить в широкое обращение среди не только лингвистов, но и историков, памятники фольклора должны стать предметом источниковедческого анализа. Необходимость в таких специальных исследованиях, пожалуй, назрела давно.

Стихийный протест против феодальной эксплуатации находил свое выражение и в письменных документах. Достаточно указать на крестьянские жалобы, большая часть которых дошла, правда, не в первоначальном виде, а лишь в пересказе, обычно тенденциозном (материалы обследования имений, отчеты мызной администрации и т. п.). Это — ценнейшие памятники, содержащие не только перечисление конкретных обид или притеснений со стороны помещиков, но и существенные моменты «аграрной программы» крестьянства, его социальных чаяний и даже общего мировоззрения. Давно оценив значение этих источников в плане характеристики материального положения тех или иных разрядов крестьянства, латвийские аграрники — за

⁹⁸ П. И. Валескалн. Очерк развития прогрессивной философской и общественно-политической мысли в Латвии. Рига, 1967, стр. 10.

⁹⁹ Там же, стр. 11.

немногими исключениями — меньше внимания уделяли их идейному содержанию. Отрадно, что в ряде новейших исследований можно встретить, по существу, этюды из области «общественной психологии» изучаемого периода. Например, М. А. Сваране внимательно изучает перемены во взглядах крестьянина на арендуемый двор, новое в настроениях тех же хозяев и батраков, появившееся около середины XIX в., и т. д. Дальнейшее накопление и обобщение данных такого рода, имеющихся и для XVI—XVIII в., несомненно, поможет определить более точно основные этапы роста сознания трудовых масс и становления антикрепостнической идеологии.

В этом плане приобретает значение такой, ранее совершенно не изученный вопрос, как грамотность сельского населения. Первые поиски в этом направлении принесли результат, можно сказать, неожиданный: как показано в небольшом сообщении А. Салминя¹⁰⁰, в сельских районах Лифляндии второй половины XVIII в. «умел читать каждый второй подросток и двое из трех взрослых». Этот вывод вполне надежен, так как основан на тщательном изучении отчетной документации оберконсistorии за 1770—1803 гг. Применяв выборочный прием (обработку церковных отчетов за отдельные годы с промежутками через пять лет: 1770, 1775, и т. д.), автор сделал и ряд других наблюдений, не менее интересных: разница в уровне грамотности между районами Видземе, снижение этого уровня к концу XVIII в. и т. д. Необходимость исследований этого рода применительно к другим территориям (особенно Латгале) и по материалам более позднего периода представляется вполне очевидной.

Примерно с середины XVIII в. в Латвии получает распространение рукописная литература, созданная в крестьянской среде и, следовательно, уже непосредственно выражающая ее идейные устремления. Вдумчивое исследование этих ценнейших источников передовой общественной мысли находим в диссертации и статьях А. Апиниса¹⁰¹. Он изучил практически весь комплекс указанных памятников (до 70—80-х годов XIX в.), сохранившихся в музеях, архивах и библиотеках республики,

¹⁰⁰ А. Салминь. О грамотности крестьян Лифляндской и Курляндской губерний в XVIII в. по архивным документам ЦГИА Латвийской ССР. — АС, стр. 53—59.

¹⁰¹ А. Апинис. Латышская антифеодалная рукописная литература. Автореф. канд. дисс. Рига, 1965; A. Apinis. Rokraksta grāmatas 18. gs. otrajā un 19. gs. pirmajā pusē. Lappuse no latviešu grāmatniecības vēstures. — Latv. PSR Valsts bibliotēka. Raksti, 1. Rīgā, 1964, 71.—112. lpp.; A. Apinis. Politiski dzejojumi 19. gs. 60.—70. gadu Kurzemes zemnieku nemieros. — ZAVēst, 1965, 9, 59.—67. lpp.; A. Apinis. I. Pulana «Stāsts tās latviešu tautas». — ZAVēst, 1966, 7, 27.—31. lpp.; A. Apinis. Jauni materiāli par nelegālo politisko literatūru Vidzemē 1862.—1864. g. — ZAVēst, 1968, 8, 41.—49. lpp.

к сожалению, только частично. Некоторые из этих источников вообще впервые вводятся в оборот, большая же часть не подвергалась исследованию в аспекте их социально-политического содержания. Поскольку книгопечатание на рубеже XVIII—XIX вв. находилось всецело в руках феодально-клерикальных кругов, идеология эксплуатируемых масс находила свое выражение в рукописной продукции, распространявшейся прежде всего в деревне. Помимо довольно обширной гернгутернской письменности, как бы подготовившей почву для оформления антифеодальной идеологии, проанализировано более 30 значительных памятников светской, большей частью оригинальной крестьянской письменности. Это — песни, исторические сочинения, памфлеты на лютеранских священников или немецких помещиков, а также произведения других жанров (эпистолярного, стихотворного, драматургического), насыщенные публицистическим содержанием. Отдавая должное филологическому анализу каждого памятника, А. Апинис уделит основное внимание движению общественной мысли крестьян в эпоху распада феодальных порядков и утверждения капиталистических отношений. Автор убедительно показал, что латышская рукописная литература — это голос народа, отражающий передовую для того времени идеологию массового освободительного движения и, в первую очередь, крестьянской борьбы за лучшее будущее.

Другое направление в идейной борьбе против феодального строя представляла литература, рожденная в городе. Сначала (с XVI в.) ее авторами были представители бюргерской оппозиции, затем — ранние буржуазные просветители. Те и другие были, как правило, выходцами из Германии; их произведения печатались в Риге и других городах Прибалтики, а также за рубежом. По мере того как «крестьянский вопрос» приобретал в местной жизни решающее значение, с критикой крепостничества начинали выступать и представители так называемого третьего сословия — нарождавшейся буржуазии.

Взгляды и деятельность наиболее ярких представителей этой плеяды — И. Г. Эйзена (1717—1764) и Г. Меркеля (1769—1850) — много и плодотворно изучал проф. М. К. Степерман¹⁰². В одной из своих статей¹⁰³ он воссоздает портрет еще

¹⁰² Отметим в этой связи работу, выполненную им еще до войны, но полностью сохраняющую свое научное значение: M. Stepermanis. J. G. Eizens un viņa darbi par dzimtbūšanas atcelšanu Vidzemē. Rīgā, 1934. 57 lpp.; см. также примечания М. К. Степермана к книге G. Merķelis. Latvieši, sevišķi Vidzemē, filozofiskā gadsimtena beigās. Rīgā, 1953; предисловие М. К. Степермана к книге H. Vaita. Garlība Merķeļa rokkraksti Latvijas PSR Zinātņu akadēmijā. Rīgā, 1968.

¹⁰³ М. К. Степерманис. Т.-Л. Лау и его сочинение «Философские размышления о боге, мире и человеке» (1717). — УчЗ ЛатГУ, 61, 1965,

одного, на этот раз малоизвестного философа-просветителя, который, пожалуй, первым выступил с глубоко обоснованной и смелой критикой феодально-церковной идеологии в Латвии. Речь идет о Т.-Л. Лау (1670—1740), состоявшем на службе у курляндского герцога в должности управляющего финансовым ведомством, хорошо знавшем местные общественные порядки и в 1718 г. издавшем за рубежом свой философский трактат. Полемизируя с оценкой Г. Штилера, посвятившего Т.-Л. Лау специальное исследование, М. Степерман справедливо указывает на то, что в обстановке начала XVIII в. прямые нападки на Библию и на миф о Христе, равно как и разоблачение лживых церковных тезисов о божественном происхождении власти господ над их крепостными, позволяют считать выступление Т.-Л. Лау серьезным ударом по феодально-клерикальной идеологии, по всей господствовавшей тогда крепостнической системе. Перу М. Степермана принадлежит также статья об идейном воздействии Великой французской буржуазной революции на демократическую мысль в Латвии (Л. Кенеманн, Г. Меркель), а также на классовую борьбу латышских крестьян в конце XVIII в.¹⁰⁴

Обобщенное рассмотрение главных этапов развития общественно-политической мысли на территории Латвии с XVI до середины XIX в. содержится в вышеупомянутой монографии П. И. Валескална¹⁰⁵. Вполне уместно подчеркивая ограниченное значение публицистики гуманистов, весьма далеких от жизни латышских и эстонских крестьян (некоторые из них, вроде небезызвестного Д. Хильхена, выступали и в роли теоретиков крепостничества), автор подробно знакомит читателя с творчеством наиболее выдающихся представителей демократически мыслящей интеллигенции периода позднего феодализма. Помимо уже названных выше, в книге весьма обстоятельно охарактеризовано мировоззрение Г. Ф. Стендера (1714—1796), И. Г. Гердера (1744—1803), Г. И. Яннау (1752—1821) и других просветителей разного толка, различной степени демократизма, но так или иначе внесших свой вклад в борьбу против крепостничества, абсолютизма и засилия церковников.

Анализируя ход изучения аграрной истории Латвии феодальной эпохи, мы отметили немало проблем, изученных недостаточно или же вообще пока не затронутых. Прогнозы всегда со-

стр. 55—67. — Здесь же (стр. 69—95) впервые на русском языке (в переводе Т. К. Фоминой) опубликовано само сочинение Т.-Л. Лау.

¹⁰⁴ М. К. Степерманис. Влияние французской революции 1789—1794 гг. на аграрный вопрос в Латвии. — *ЕжАгр* 1960, Киев, 1962, стр. 320—331.

¹⁰⁵ П. И. Валескалн. Очерк... стр. 24—85.

пряжены с риском, но в данном случае можно сказать наверное, что основной интерес исследователей будет сосредоточен на «переходной эпохе» от феодализма к капитализму. В качестве особенно актуальных тем назовем изучение аграрного строя (включая классовую борьбу крестьянства) в XVII и первой половине XVIII в., а также крестьянских движений середины XIX в. В Эстонии эти темы разработаны если не полно, то во всяком случае несравненно лучше. Несомненно, что больше внимания следует уделить также изучению мызных архивов, способных раскрыть немало тайн политической экономии феодального общества.

3. ИЗУЧЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА

а) Важность проблемы; работы общего характера

Проблема истории феодального города на территории Латвии заняла должное место только в советской историографии. В работах остзейских, преимущественно дворянских историков она затрагивалась лишь изредка, в плане истории городских учреждений (немецких цехов и гильдий), социально-политической борьбы внутри городов в XVI в. (реформации, «календарных беспорядков» в Риге) и т. п. На положении пасынка оставался город и в историографии буржуазной Латвии. Правда, в то время проявлялся довольно живой интерес к такому вопросу, как роль местного, латышского населения в жизни городов, однако сколько-нибудь серьезных трудов так и не появилось. Это относится даже к такой — в местных условиях чрезвычайно важной — сфере городской жизни, как торговля, особенно торговля города Риги. Несколько ценных работ (среди которых необходимо выделить труды Г. Енша и Э. Дунсдорфа о рижской торговле в XVII в.) являются исключением. По сравнению, например, с аграрной историей, историографическое «наследство» по изучению городов приходится оценить не иначе, как скудное. Отсутствие хотя бы фактографической разработки массы конкретных вопросов истории городов Латвии, весьма ограниченное количество публикаций источников и, наконец, большие пробелы в имеющемся архивном материале (особенно по городам Курземе), — все это затрудняло задачу советских историков, начавших изучение данной проблемы с позиций марксистско-ленинской методологии. Тут старт несколько запоздал: начавшись в 50-е годы, исследовательская работа по изучению феодального города (включая проблемы прибалтийской торговли) развернулась по-настоящему лишь в последнее десятилетие.

Как и в других странах Европы, в средневековой Латвии жизнь населения сосредоточивалась в деревне. Даже на рубеже XVIII и XIX вв. население всех латвийских городов составляло всего лишь 6—8% общего количества жителей. Доля городского населения заметно возросла лишь в XIX в. (составив в конце 50-х годов 10—12%), когда решающим «градообразующим» фактором, наряду с ремеслом и торговлей, стало развитие крупной промышленности. Но социально-экономическое и политическое значение городских центров было, конечно, гораздо больше, нежели удельный вес их населения. Как указывал Ф. Энгельс, вместе с возникновением городов появлялась и «обособленная ремесленная промышленность и торговый оборот, сначала внутри страны, а затем и международный»¹⁰⁶. Зачатки средневекового города возникали уже на городищах Латвии раннефеодальной эпохи, их изучает археология¹⁰⁷. Однако функции города как средоточия ремесла и торговли раскрываются полностью только позже, в письменных документах периода развитого феодализма. Для изучения городов Прибалтики в XIII—XVIII вв. приведенное выше положение Ф. Энгельса, пожалуй, особо актуально. Роль городов в Прибалтике была особенно велика, значение «торгового оборота» (сравнительно с ремеслом) в хозяйстве прибалтийского города было явно преобладающим, сама же торговля в этом районе имела действительно международный характер. Эти особенности экономического развития городов Восточной Прибалтики, обусловленные ее расположением на важнейших торговых путях, отразились и на характере городов Латвии, особенно Риги.

Сеть городов в феодальной Латвии была довольно густая, хотя действительно крупным центром общеевропейского значения являлась лишь Рига. В XV—XVI вв. серьезную роль в экономической жизни страны играли такие города, как Цесис, Валмиера, Кокнесе, Лимбажи, Страупе, Вентспилс, Кулдига и Айзпуте. В течение XVII—XVIII вв. приобрели значение — отчасти как административные центры, но главным образом как средоточия ремесла и обмена, — также города Елгава, Лиепая, Бауска, Пилтене, Селпилс, Екабпилс, Яуньелгава (все на территории Курляндско-Земгальского герцогства) и Даугавпилс, Резекне, Лудза, Краслава, Крустпилс (все в Латгале). За немногими исключениями, это — сравнительно мелкие города с на-

¹⁰⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 2. М., 1949, стр. 152.

¹⁰⁷ Результаты исследований по этой эпохе, отражающей «предысторию» городов (частью не получивших развития в более поздний период), как и вопросы торговли на территории Латвии в X—XII вв., изложены раньше, в разделе 2.

селением менее 1 тыс. чел., к тому же нередко имевшие полуаграрный характер. Но для развития товарно-денежных отношений в стране густая сеть городов имела решающее значение. Если считать также местечки, обычно располагавшиеся близ орденских или епископских замков, то в среднем каждое поселение городского типа могло быть рынком для сельской округи в радиусе 20—25 км. Отсюда — особая важность проблемы экономических взаимоотношений города и деревни: без изучения истории городов нельзя понять и аграрной истории Латвии.

Важнейшей особенностью городов Прибалтики, и особенно морских гаваней, было господствующее значение в их экономике не феодального ремесла (или мануфактуры), а торговли, и прежде всего внешней торговли. Ограниченность сырьевых ресурсов вообще не способствовала развитию городских ремесел. В Риге, как и в других городах, ремесло отчасти удовлетворяло потребности правящих классов в предметах роскоши, главным же образом обслуживало торговлю — транспортировку, хранение и упаковку товаров, поступавших в гавань. Поэтому именно торговля, ее динамика и характер, является ключевой проблемой исследования истории городов Латвии и особенно Риги.

Следует подчеркнуть, что эта проблема — отнюдь не местная, а имеющая общеевропейское значение. Оно определяется той исключительно важной ролью балтийских портов, которую они играли в торговом посредничестве между Восточной и Западной Европой. Рига, прямые торговые связи которой охватывали огромный район от верховьев Зап. Двины и Днепра до Пиренейского полуострова, справлялась со своей ролью посредника на всем протяжении феодальной эпохи и продолжала успешно ее играть — несмотря на соперничество Петербурга — также в период капитализма. Сначала (с 1282 г.) — как член Ганзы и партнер стоявшего во главе ее Любека, затем (в XVI—XVII вв.) — как наиболее опасный конкурент Гданьска, Кенигсберга и Архангельска и, наконец (с XVIII в.), — как один из крупнейших портов Российской империи, на долю которого еще в XIX в. приходилось до 25% общероссийского экспорта. Значение рижского порта в балтийской торговле особенно возросло в позднефеодальный период, когда Западная Европа предъявила усиленный спрос на продовольствие и сырье из Восточной и Средней Европы. Если в средневековье экспорт определяли такие товары, как воск и пушнина, то с XVI в. из белорусско-литовских, а также русских земель через Ригу на Запад широким потоком пошли хлеб, лен, пенька, лес и другие товары массового назначения, в которых нуждалась промышленность западных стран. В периоды наиболее выгодной конъюнктуры на

эти товары Рига посылала на Запад по 400—500 крупных судов ежегодно. Что означал этот факт для истории самой Латвии? Для социально-экономического и политического развития всего громадного рижского хинтерланда, откуда шла большая часть этих товаров? Для становления капиталистических отношений в Голландии, Англии и других странах, куда направлялся этот товарный поток? Значение этих вопросов, опять-таки, далеко не местное.

Роль Риги как крупнейшего из городов Прибалтики сохранилась и в XIX в. Город, насчитывавший в конце XVIII в. около 25 тыс. жителей, бурно рос: к началу 60-х годов XIX в. его население более чем утроилось (в 1863 г. — 77,5 тыс. жителей). Этот демографический рост в значительной мере определялся традиционной функцией города-порта: как отмечает проф. Я. Я. Зутис, даже в 50-х годах «Рига оставалась крупным центром торгового капитала, в котором промышленный капитал имел второстепенное значение»¹⁰⁸. Тем не менее, Рига меняла свой облик. Из торгового по преимуществу города она становилась также центром развивающейся капиталистической промышленности, крупнейшим в Латвии очагом формирования пролетариата. Как раз в период особенно быстрого роста ее населения (30—50-е годы XIX в.) увеличивалось число предприятий, намечался переход от мануфактуры к фабрике. В 1858 г. в Риге и ее окрестностях насчитывалось более 40 фабрик и около 4,5 тыс. промышленных пролетариев. Это меняет и направление интересов исследователей: хотя история рижской торговли (связанной с общероссийской торговлей) и не теряет своей актуальности, на первый план выдвигаются вопросы промышленного переворота и формирования пролетариата, изучение ранних форм рабочего движения.

Приходится учитывать, наконец, и особенности национальной и социальной структуры феодального города в Восточной Прибалтике. Немецким захватчикам не удалось осуществить колонизацию сельской местности ни в XIII в., ни позже. Даже в XVII—XVIII вв. немецкие выходцы (дворяне, их слуги, священники) в большинстве приходов составляли не более 1—2% всего населения. В городах — другая картина: прослойка немцев здесь достигала половины, а то и больше общего числа жителей. Рассматривая торговлю и ремесло как свою привилегию, верхушка немецкого бюргерства всячески препятствовала проникновению в эти сферы «ненемцев» — латышей и эстонцев.

¹⁰⁸ Я. Зутис. Возникновение и развитие Риги в эпоху феодализма. — ИАН СССР, 1951, 12, стр. 1823—1824. — Как отмечает проф. Я. Зутис, оборот внешней торговли Риги в 1859 г. в четыре раза превысил общую стоимость продукции ее капиталистической промышленности.

Жителям местной национальности, составлявшим плебейскую массу, оставалось довольствоваться лишь теми ремеслами, которые обслуживали торговлю. Борьба между патрициатом (купеческая верхушка и магистрат), «бюргерской оппозицией» и массой плебейского населения, таким образом, осложнялась еще и национальными противоречиями.

Цитированная выше статья проф. Я. Я. Зутиса «Возникновение и развитие Риги в эпоху феодализма» (1951 г.) содержит перечень главных конкретных проблем, встающих при изучении богатой истории латвийской столицы. Это — проблема возникновения Риги «как опорного пункта местной и русской торговли» до ее «основания» в 1201 г.; роль Риги в осуществлении экономических связей Руси и самой Прибалтики с Западной Европой в XIII—XVII вв.; последствия политического объединения Риги с ее хозяйственным «хинтерландом» — Российской империей (1710 г.); динамика рижской торговли и развитие рижского ремесла в феодальный период; значение Риги в истории освободительного движения латышского народа, в формировании национальной буржуазии, латышской нации и ее культуры. Наиболее существенные моменты перечисленной проблематики получили сравнительно подробное освещение в соответствующих разделах «Истории Латвийской ССР» (том I, авторы — Т. Зейд, М. Степерман, Я. Зутис). Это не заменяет, конечно, их углубленной, монографической разработки. Общественность ждет от историков обобщающего труда по истории Риги (он предусмотрен в перспективном плане работ Института истории АН Латвийской ССР), поэтому и статья проф. Я. Зутиса — как программа исследований — вполне сохраняет свою актуальность.

Из популярных работ по истории городов Латвии феодальной эпохи отметим, прежде всего, книгу известного знатока рижских древностей Я. Страуберга, содержащую обзор социально-экономического развития Риги в XVI—XVIII вв. (территориальный рост города, укрепления и памятники архитектуры, борьба коренных жителей — латышей против господствующей немецкой верхушки и т. д.)¹⁰⁹. Появился и ряд краеведческих очерков о городах — явление чрезвычайно отрадное, так как инициативе «местных» историков в этом вопросе принадлежит особо важная роль. Лучшей из этих книг можно признать очерки по истории Цесиса¹¹⁰. Авторы двух первых разделов, посвященных эпохе феодализма (К. Озола и Г. Строд),

¹⁰⁹ J. Straubergs. Vecā Rīga. Red. T. Zeids. Rīgā, 1951. 100 lpp.

¹¹⁰ Cēsis senāk un tagad. Rīgā, 1960. 213 lpp. — История округа до XII в. изложена на 7—22 стр. книги, история Цесиса до середины XIX в. — на 23—57 стр.

дали действительно яркую, обобщающую картину истории этого города в экономическом, социальном и политическом плане. Серьезно подобранный материал излагается доступно и в то же время без скидки на «жанр», с использованием всей современной литературы предмета и даже архивных источников (отражающих, в частности, социальную демографию и состояние экономики города Цесиса в разное время). Достоинством этой работы являются также богатые иллюстрации и помещенные в конце хронология истории города и научная библиография. Иначе построена книга по истории Лиепай, где «феодальная» часть принадлежит перу Г. Фрейберга¹¹¹. Рассчитанная, как сказано в предисловии, на массового читателя, эта работа уделяет внимание почти исключительно лиепайскому порту. Приводимые здесь таблицы, показывающие число судов в гавани и объем экспорта—импорта Лиепай с конца XVII в. до 1860 г., представляют значительный интерес также и для исследователей морской торговли в этот период¹¹². Другие стороны городской жизни показаны в этой работе гораздо слабее; немало портит ее и стиль изложения, пожалуй, слишком «художественный» даже для популярных изданий. Вполне отвечают своему назначению краткие очерки по истории Риги¹¹³. Авторы (М. Вилсоне, Я. Сколис и Р. Ширант) мобилизовали огромный фактический материал, частично и архивный (в разделе о городском строительстве и культуре в XIII—XIX вв.), представляющий интерес как для широкого читателя, так и для исследователей. Можно лишь пожалеть, что чересчур сжатые рамки этой хорошей работы не позволили авторам раскрыть историческое значение рижской торговли и оценить его по достоинству.

Как показывает сопоставление этих работ, тип монографии по истории города лишь намечается. Однако известный опыт уже накоплен. В качестве лучшего образца пока можно назвать книжку о Цесисе, сочетающую простоту изложения с новизной излагаемого материала, а пропаганду науки — с научным исследованием.

Внимание большинства латвийских специалистов по истории городов привлекли их экономика и социальные отношения. Со-

¹¹¹ Гавань Янтарного моря. Лиепая, 1963. (На правах рукописи). 587 стр. («Первые вымпелы» — стр. 27—58, «Русское окно в Европу» стр. 59—158).

¹¹² Упомянутые материалы о лиепайской торговле 1698—1860 гг. заимствованы из неопубликованного труда местного немецкого краеведа Л. Розенкранца (что в книге и оговорено). Ввиду бесспорно высокой научной ценности этих данных для экономической истории Латвии их следовало бы, пожалуй, издать целиком.

¹¹³ Рига. Очерки по истории города. Рига, 1967. 316 стр.

держание конкретных исследований удобнее рассмотреть в порядке, соответствующем значению той или иной отрасли городской жизни в XIII—XIX вв.: торговли, цехового ремесла и мануфактуры, зарождения крупной промышленности.

б) Исследования по истории торговли

Большая часть научной продукции по этой тематике до недавнего времени сосредоточивалась на периоде господства Ливонского ордена (до 1561 г.). Торговля более раннего времени, как и последующей эпохи (до середины XIX в.), стала предметом усиленной разработки лишь в середине 60-х годов. Торговля Риги и других городов Прибалтики была основной формой реализации международных экономических связей в эпоху феодализма. Отсюда — живой интерес к этой проблеме не только историков Латвии и Эстонии, но и ученых других научных центров Советского Союза.

Главные направления и характер экономических связей Латвии с соседними землями в раннефеодальный период (X—XIII вв.) подробно рассмотрены в обобщающем труде Э. С. Мугуревича¹¹⁴. Значение этой работы охарактеризовано выше в связи с достижениями латвийской археологии. Огромная роль Прибалтики как посредника между Русью и другими европейскими странами в международной торговле того времени находит свое подтверждение также в исследованиях В. М. Потина (Ленинград), В. Т. Пашуто (Москва) и других советских историков.

Монография В. М. Потина¹¹⁵ основана на изучении нумизматических данных — западноевропейских (преимущественно германских) монет, найденных в раскопках на территории северо-западных районов страны. Наибольшие скопления серебра, до начала XII в. поступавшего в виде монет (денариев), обнаруживаются в Новгородской земле и в Прибалтике, служившей как бы «воротами» на территорию Древнерусского государства. Торговля в указанном регионе не прекратилась и в XII—XIII вв., когда поток серебра с Запада «иссяк» только по видимости, на деле же вместо денариев на Русь стало поступать серебро в слитках или изделиях. Замена монет слитковым серебром (на Руси — «гривны», в Рижской долговой книге XIII в. —

¹¹⁴ Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига, 1965. 145 стр.

¹¹⁵ В. М. Потин. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л., 1968. 238 стр.

«marca argenti»), смущавшая прежних исследователей, означала, как полагает В. М. Потин, не «свертывание» товарно-денежных отношений, а, наоборот, рост международного товарообмена. Увеличению массы русских товаров, направлявшихся через Прибалтику в Западную Европу, сопутствовало и возрастание массы ввозимого серебра. Однако в условиях феодальной раздробленности роль основного платежного средства в международных сделках стали играть не монеты, а серебро в слитках, по весу. Не «натурализация экономики», а изменение формы оплаты товаров, — вот в чем заключалась особенность европейской и, в частности, прибалтийской торговли в ее «безмонетный период» (XII—XIII вв.).

Как подчеркивается в работе В. Т. Пашуто, обобщившего письменный материал о внешней торговле Руси до середины XIII в.¹¹⁶, деятельность ганзейских купцов в Восточной Прибалтике началась не на пустом месте: «немецкие города и Ганза с помощью завоевания захватили древнейшие налаженные славянские пути». В пользу этого говорят и ареал внешнеторговых связей Великого Новгорода в XII в. (с Любеком, Готландом, Данией и т. д.), и активность в торговле с Европой таких городов, как Смоленск, Витебск и Полоцк (отразившаяся в договорах начала XIII в. и более поздних), и факт существования центров торговли в низовьях Даугавы (Зап. Двины) до появления там немецких захватчиков (Рига, Земгальская гавань, Ерсика)¹¹⁷.

Торговым сношениям Риги с русскими городами, расположенными по верхнему течению Зап. Двины, посвящены работы Н. Н. Усачева и Е. И. Муравской. Диссертация

¹¹⁶ А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.). — ИСССР, 1967, 3, стр. 81—108.

¹¹⁷ Некоторые вопросы русской торговли в районе Балтийского моря в «доганзейский» период хотя и получили широкое освещение в названных выше работах, требуют все же дальнейшего изучения. К ним относятся, в частности, вопрос о составе русского экспорта (в котором, по мнению В. М. Потина и В. Т. Пашуто, все большую роль начинали играть рядом с предметами роскоши «предметы первой необходимости» и сырье), о поездках русских купцов в заморские страны (поскольку источники XII—XIII вв. допускают только возможность таких поездок) и, наконец, об оценке значения этой торговли для экономического развития самих русских земель (что означал неизменно «активный внешнеторговый баланс?»). Имея в виду оценку крестовых походов в Прибалтику и на Русь, не следует, думается, ставить на одну доску политику папской курии и интересы германского купечества. Если папа и в самом деле стремился наладить блокаду язычников, то целью купцов была не «дезорганизация» торговых отношений (как пишет В. Т. Пашуто), а овладение всей торговлей в этом районе, установление своей монополии на посредничество между русскими и западноевропейскими городами.

Н. Н. Усачева¹¹⁸ была первой и, надо сказать, весьма слабой работой на эту тему. Не говоря уже о серьезных пробелах в списке использованной автором литературы, здесь отсутствует анализ такого первостепенного по важности документа, как Рижская долговая книга XIII—XIV вв. В статье, опубликованной позже¹¹⁹, Н. Н. Усачев выдвигает гипотезу о том, что известному договору смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой и Готландом (1229 г.) предшествовало более раннее соглашение между Смоленском и Ригой. Предположение автора, будто смоленские купцы установили торговые отношения с Готландом «вряд ли позже второй половины XII в.», т. е. до так называемого основания Риги немцами в 1201 г., представляется интересным, однако оно требует более убедительных доказательств.

Обширный комплекс вопросов рижской торговли с западно-двинскими городами (Полоцком, Витебском) и Смоленском в XIII—XIV вв. исследовала ученица проф. Я. Я. Зутиса Е. И. Муравская. Ее диссертация¹²⁰ основана на внимательной проработке всей печатной документации (торговые договоры, немецкие хроники и русские летописи, акты, рецессы ганзейских и ливонских городских съездов, протоколы ландтагов, Рижская долговая книга и др.) и отчасти архивных источников (отдел «*Moscovitica rutenica*»). В отдельных разделах диссертации, частью опубликованных в виде статей¹²¹, нашли отражение как вопросы торговой политики, так и развитие рижско-русской торговли по Даугаве (анализ известного договора 1229 г. и более поздних договоров, характер объединений купечества, предметы торговли и ее формы, система мер и весов, пошлины, роль кредита). Возможности дальнейшего изучения этой тематики расширяют две ценные публикации А. Л. Хорошкевича¹²², включающие ряд русских, в том числе полоцких, грамот XV в., хранившихся ранее в Рижском городском архиве.

¹¹⁸ Н. Н. Усачев. Торговля Смоленска с Висби, Ригой и северо-германскими городами в XII—XIV вв. Автореф. канд. дисс. М., 1952.

¹¹⁹ Н. Н. Усачев. К оценке западных внешнеторговых связей Смоленска в XII—XIV вв. — МеждСвязи, стр. 203—224.

¹²⁰ Е. И. Муравская. Торговля Риги с Полоцком, Витебском в XIII—XIV вв. Автореф. канд. дисс. Рига, 1961.

¹²¹ Е. И. Муравская. Торговые связи Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII—XIV вв. — ИАН ЛССР, 1961, 2, стр. 31—42; Е. И. Муравская. Организация торговли Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII—XIV вв. — УчЗ ЛатГУ, 40, 1961, стр. 299—330.

¹²² А. Л. Хорошкевич. Договоры Полоцка 1405—1406 гг. как источник по истории его внешней торговли и торговой политики. — АрхЕжг, 1962, стр. 79—87; А. Л. Хорошкевич. Русские грамоты 60—70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива. — АрхЕжг 1965, стр. 325—341.

Вопросы ганзейской торговли XIV—XV вв. в Прибалтике успешно разрабатывал видный специалист в этой области М. П. Лесников (Москва). Его содержательные статьи, насыщенные богатым конкретным материалом (в том числе и архивным), служат примером тонкого источниковедческого анализа и вносят немало нового в этот вопрос, раньше являвшийся, по существу, монополией немецких буржуазных историков. В противовес им М. П. Лесников пришел к заключению, что такой крупный торговый центр, как Новгород, переправлявший свои товары (пушнину, воск) на Запад, пользуясь посредничеством прибалтийских купцов, отнюдь не являлся «колониальной факторией» ганзейцев. Решающим фактором для суждений о характере новгородской торговли является уровень цен на экспортные товары. Как полагал автор, цены на эти товары в Новгороде, Ливонии и Фландрии разнились не очень значительно, торговля была взаимовыгодной. Купечество Новгорода, как и Прибалтики, было в XIV—XV вв. «достаточно сильным, чтобы держать цены на экспортные товары на высоком уровне, так что западноевропейский купец, покупатель их, вынужден был довольствоваться только весьма малой прибылью»¹²³. Заслуживает внимания (в особенности аграрных историков) и другое интересное положение М. П. Лесникова, касающееся роли хлебной торговли на Балтике к началу XV в.: значение хлеба как экспортного товара в тот ранний период было еще незначительным¹²⁴.

Сношениям Новгорода и других русских земель с Ливонией и Ганзой в XV в. были посвящены диссертация и статьи Н. А. Казаковой. Внимание автора привлекли вопросы торговой политики Русского государства в правление Ивана III, когда центр торговли Руси с западноевропейскими странами из Новгорода все больше перемещался в Ливонию (к примеру, в одном лишь Дерпте в 1501 г. было задержано 150 псковских

¹²³ М. П. Лесников. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV — начале XV в. — ИЗ, 39, 1952, стр. 278; М. П. Лесников. Ганзейская торговля пушниной в начале XV века. — УчЗ МоскПедИ, 8, 1948, стр. 61—93; M. Lesnikov. Der hansische Pelzhandel zu Beginn des 15. Jahrhunderts. — Hansische Studien. H. Stromberg zum 70. Geburtstag. Berlin, 1951, S. 219—272; M. Lesnikov. Die livländische Kaufmannschaft und ihre Handelsbeziehungen zu Flandern am Anfang des 15. Jahrhunderts. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1958, 2, S. 285—303; M. Lesnikov. Lübeck als Handelsplatz für osteuropäische Waren im 15. Jahrhundert. — Hansische Geschichtsblätter, 78, 1960, S. 67—86.

¹²⁴ М. П. Лесников. Нидерланды и Восточная Балтика в начале XV в. — ИАН СССР. Серия истории и философии, 1951, 5, стр. 451—459; М. П. Лесников. Некоторые вопросы балтийско-нидерландской торговли хлебом в конце XIV — начале XV века. — СВ, 7, 1955, стр. 112—134.

торговых людей!). Как полагает автор, стремление Русского государства устранить невыгодное для него посредничество ливонских купцов и овладеть побережьем Прибалтики вполне обозначилось уже на рубеже XV и XVI вв.¹²⁵ Экономические аспекты торговли Великого Новгорода с прибалтийскими городами и Ганзой в XIV—XV вв. тщательно (на сегодня можно сказать — исчерпывающе) прослеживаются в статьях и монографиях А. Л. Хорошкевич¹²⁶. Учитывая всю совокупность имеющихся источников (ливонских, русских, ганзейских), автор детально исследует структуру новгородского вывоза (пушнина, воск, кожи и т. п.) и ввоза (ткани, соль, серебро и цветные металлы), технику и организацию торговли, а также ее динамику и значение в экономике стран, ведущих эту торговлю. Если в XIV—XVI вв., — говорит автор, — из русских земель через Прибалтику вывозились главным образом продукты промысла, то к началу XVI в. вывоз пушнины и воска идет на убыль, и резко возрастает экспорт продуктов земледелия и других отраслей сельского хозяйства. Эта заметная перемена в структуре восточноевропейского экспорта — признак преодоления «некоторой застойности русского хозяйства» и роста производительных сил в области земледелия. В одной из своих последних статей¹²⁷ А. Л. Хорошкевич показывает значение ливонской торговли XV — начала XVI в. для развития северо-западных городов Руси. После закрытия Немецкого двора в Новгороде

¹²⁵ Н. А. Казакова. Сношения Новгорода с Ливонией и Ганзой в конце XIV и первой половине XV в. (автореф. канд. дисс.) — ВЛУ, 1947, 4, стр. 147—150; Н. А. Казакова. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в. — ИЗ, 28, 1949, стр. 111—131; Н. А. Казакова. Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в. — ИЗ, 47, 1954, стр. 259—290; Н. А. Казакова. Русь и Ливония 60-х — начала 90-х годов XV в. — МеждСвязи, стр. 306—338; Н. А. Казакова. Ганзейская политика русского правительства в последние годы XV в. — Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963, стр. 150—157; Н. А. Казакова. Русско-ганзейский договор 1514 г. — Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР, 5. М.—Л., 1963, стр. 557—586.

¹²⁶ А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой. М., 1963. 365 стр.; А. Л. Хорошкевич. Торговля иностранными тканями в Новгороде XIV—XV вв. — ИЗ, 63, 1958, стр. 206—243; А. Л. Хорошкевич. Из истории ганзейской торговли. (Ввоз в Новгород благородных металлов в XIV—XV вв.). — СВ, 20, 1961, стр. 98—120; А. Л. Хорошкевич. Вывоз воска из Великого Новгорода в XIV—XV вв. — МеждСвязи, стр. 278—304; А. Л. Хорошкевич. Внешняя торговля Руси XIV—XVI вв. в освещении современной буржуазной историографии. — ВИ, 1960, 2, стр. 104—117.

¹²⁷ А. Л. Хорошкевич. Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV — начале XVI в. — ЭСПР, стр. 14—33.

(1494 г.) ведущая роль в этой торговле перешла к Пскову. Активность самого Новгорода несколько возродилась лишь во втором десятилетии XVI в., однако подлинный расцвет получила торговля в новом центре — Ивангороде, воздвигнутом русскими в противовес Нарве.

Для понимания экономической сущности русско-ливонской торговли XIV—XV вв. решающее значение имеют такие вопросы, как система мер и весов, размеры торговой прибыли и ее источники, распределение барыша между отдельными контрагентами. Пристальное внимание к этой стороне дела отличает статья И. Э. Клейненберга¹²⁸, умеющего извлечь из, казалось бы, давно известных материалов и новые факты, и ценные заключения. Выше уже отмечалась точка зрения М. П. Лесникова, оценивавшего прибыль ганзейцев от русской торговли не выше 5—6% от стоимости товара и видевшего в этом зачатки «более прогрессивных» форм обмена, которые получают свое развитие в капиталистическую эпоху. Возражая против подобной оценки, автор разделяет традиционное (в свое время поддержанное и Ф. Энгельсом) мнение об очень высокой норме прибыли от заморской торговли, сохранявшей «типично феодальный» характер. Чтобы определить размер барыша, мало формального сопоставления цен при покупке-продаже товара, следует присмотреться и к разнице мер и весов на том длинном пути, который проходит товар от производителя к потребителю через руки многих посредников. Опираясь конкретными данными рижско-полоцкой и новгородско-таллинской торговли, И. Э. Клейненберг показывает «завуалированные» источники прибыли в виде более крупных мер при покупке товара и более мелких при дальнейших его продажах, всякого рода «наддач» при взвешивании и т. п. Неэквивалентный обмен, часто не отражавшийся в счетных книгах купцов, составлял существо этой торговли; что же касается унификации системы мер и весов, то она носила частичный характер и не отменяла феодальной природы торговых сделок, хотя бы и совершавшихся в очень крупных масштабах.

Современное состояние изучения рижской торговли в позднем средневековье позволяет считать неотложными такие проблемы, как состав экспорта—импорта, направление связей (восточных и западных), механизм товарообмена (включая цены

¹²⁸ И. Э. Клейненберг. Унификация вощаного веса в новгородско-ливонской торговле XV в. (Из истории внешнеторговой политики Иванского ста.) — АрхЕжг 1965, стр. 82—93; И. Э. Клейненберг. Цены, вес и прибыль в посреднической торговле товарами русского экспорта в XIV — начале XV в. — ЭСПР, стр. 34—48.

и прибыль) и, наконец, воздействие торгового капитала на жизнь феодальной деревни. Исследование этих вопросов осложняется тем, что имеющаяся документация до середины XVI в. очень скудна. Рассчитывать на находки в архивах нет оснований, приходится поэтому полагаться на публикации, но и они пока практически не освоены¹²⁹. Серьезным подспорьем мог бы служить богатейший архив города Таллина, сохранивший десятки купеческих книг, массу счетов, переписку торговых фирм и т. п. Именно эти материалы дают возможность проникнуть в «секреты» средневековой торговли, вскрыть экономический «смысл» сделок для их участников (купцов, помещиков или производителей товарной продукции — крестьян и ремесленников). К сожалению, после известного труда финского историка Г. Миквица (1938 г.), создавшего этим источникам мировую славу, внимание к ним заглохло.

Два пробных этюда по изучению оборотов таллинского купца Ольрика Элерса в 30-е годы XVI в., написанных В. В. Дорошенко¹³⁰, показывают целесообразность дальнейшего освоения этого фонда, особенно по линии связей торговли Таллина с обширнейшим русским рынком. Ранее уже упоминались статьи этого же автора о движении цен в Прибалтике XV—XVI вв.¹³¹, их следует рассматривать лишь как начало большой работы, которая предстоит всем прибалтийским историкам в этой исключительно важной, но запущенной области. В общих чертах — насколько позволили выявленные источники (регистр пошлины в Зундском проливе с 1562 г. и архивные данные о судоходстве и сборе «портория» в рижской гавани за 90-е годы XVI в.) — исследован ход рижской торговли в так называемое польское время вплоть до начала 30-х годов XVII в. Значение этой темы определяется тем, что именно в этот период рос (хотя и прерываемый войнами) экспорт Риги на Запад и оформлялась та структура товарного оборота, которая осталась характерной для Риги и в последующие столетия. В известных трудах Э. Дунс-

¹²⁹ Результаты примерных подсчетов, касающихся структуры ливонского ввоза и вывоза в XV — первой половине XVI в. (по данным публикаций), приведены в заметках В. В. Дорошенко о труде французского историка Ф. Долленже (см. В. В. Дорошенко. Ганза и Ливония. Проблемы торговли XIII—XVI вв. — ИАН ЛССР, 1965, 10, стр. 143—147).

¹³⁰ В. В. Дорошенко. Русские связи таллинского купца в 30-х годах XVI в. — ЭСПР, стр. 49—60; В. В. Дорошенко. Торговля крупного таллинского купца в XVI в. с Западной Европой и Скандинавией. — ТСканд, стр. 193—195.

¹³¹ В. В. Дорошенко. Цены на продукты сельского хозяйства в Ливонии XV века. — ИСССР, 1959, 2, стр. 158—169; В. В. Дорошенко. Действие «революции цен» в Восточной Прибалтике в XVI в. — ЕжеАгр 1961, Рига, 1963, стр. 114—125.

дорфа (1938 г.) и Г. Енша (1930 г.) торговля Риги была освещена лишь за «шведское время».

Пробел по предшествующему периоду восполняют статьи В. В. Дорошенко¹³², пытавшегося определить как уровень экспорта, так и перемены в его составе на протяжении 1562—1630 гг. Как удалось выяснить, размах рижского судоходства и внешней торговли был куда более внушительным, чем это показывают западные источники. Приблизительно $\frac{1}{3}$ кораблей, выходивших из Риги, совершала рейсы во внутренних водах Балтийского моря (главным образом в Любек) и, следовательно, не учитывалась на датской таможне (Sundzollregister). Мало того: грузы — например лен и пенька — тех кораблей, которые шли через Зунд в Западную Европу, также учитывались в зундских «таблицах» не полностью, регистрировалась всего лишь $\frac{1}{3}$ фактически провозимых количеств. Доминирующее значение Риги в системе прочих восточно-балтийских портов и решительное преобладание в ее экспорте льна и пеньки, а также семян этих культур можно считать установленным фактом по крайней мере для последней трети XVI в. Цикл названных выше работ о рижской торговле «позднеганзейской эпохи» замыкает статья того же автора об оборотах рижского порта после опустошительной польско-шведской войны¹³³. Здесь статистически обработаны данные пошлинной книги 1632 г., найденной в Рижском городском архиве. Этот источник — единственный в своем роде для Риги и поэтому он особенно ценен. Жизнь торгового порта отражена в нем, правда, в разрезе лишь одного года, но зато всесторонне и в определенных количественных показателях.

Торговля Риги — это не только ее заморские связи. Товары, которые она направляла в западноевропейские страны, в своей подавляющей массе приходили с востока. Этим восточным связям городов Латвии историки уделяют самое пристальное внимание. Начало их изучения в свое время было положено

¹³² В. В. Дорошенко. Экспорт сельскохозяйственной продукции Восточной Прибалтики в 1562—1620 гг. — *ЕжгАгр* 1963, Вильнюс, 1965, стр. 179—190; W. W. Doroszenko. Export Rygi na Zachód w okresie przynależności do Rzeczypospolitej (1562—1620). — *Zapiski historyczne*, 31, 1966, str. 7—44; V. Doroszenko. Lauksaimniecības preču eksports no Rīgas 1562.—1630. (statistiski dati). — *Grām.: Latvijas agrārā vēsture (XVI—XIX gs.)*. Lauksaimniecība un tirgus feodālisma laikā. Rīgā, 1966, 3.—32. lpp.

¹³³ В. В. Дорошенко. Заморская торговля Риги в 30 гг. XVII века. — *ИАН СССР*, 1968, 5, стр. 31—48. — О значении Риги в системе позднеганзейских торговых связей (отнюдь не утративших своей роли даже в период расцвета нидерландской торговли на Балтике в XVII в.) см.: В. В. Дорошенко. Новое в изучении позднеганзейской торговли (по поводу книги К. Ф. Олехновича). — *ИАН ЛССР*, 1968, 4, стр. 131—139.

Г. А. Еншем, работы которого, особенно его ценная монография о торговой политике Риги на Даугаве¹³⁴, послужили отправным пунктом для дальнейших исследований. Важные архивные данные об активности русских купцов (большей частью торговых людей из Пскова и Новгорода) в рижской торговле приведены в статье Г. А. Енша, опубликованной в 1947 г.¹³⁵ В ней кратко охарактеризованы торговые отношения между рижанами и «московитами» до 1655 г. и подробно, на цифровом материале, показана деятельность Московского торгового подворья в Риге в 80-е годы XVII в. В статье Я. Д. Пределе¹³⁶ рассматривается позиция правящей верхушки ливонского бюргерства в вопросе о русской торговле в период Ливонской войны, ее стремление не допустить прямых контактов между «московитами» и Западной Европой. К сожалению, автор ограничил свою задачу использованием уже известных материалов — городских хроник и актов, опубликованных Ф. Бинеманном. Привлечение мало изученных фондов Рижского городского архива позволило бы полнее раскрыть экономическую основу реакционной политики местного немецкого бюргерства в XVI в.

Ряд важных вопросов рижской торговли в XVII в. рассмотрен в докладе Я. Я. Зутиса на международном коллоквиуме по истории судоходства, состоявшемся в 1958 г. в Париже¹³⁷. Отмечая особенности в составе рижского экспорта (преобладание льна и пеньки при сравнительно малом удельном весе зерна), автор подчеркнул особо важную роль товарных поставок в Ригу из русских земель. Именно по этой причине «во второй половине XVII в. доступ к Балтийскому морю стал для России жизненной необходимостью». Как главную трудность исследования этой проблемы Я. Я. Зутис отметил отсутствие статистических данных о поставках в Ригу таких товаров, как пенька и конопляное семя, которые почти целиком поступали из русско-белорусских земель.

Торговля Риги с обширным районом, охватывающим среднее и верхнее течение Зап. Двины и верховья Днепра, получила свое отражение в протоколах Рижского торгового суда. Лишь для XVII в. (1613—1700 гг.) сохранилось 67 фолиантов, содержащих не только разбор споров рижских купцов с мещанами

¹³⁴ G. Jensch. Der Handel Rigas im 17. Jahrhundert. Riga, 1930. 140 S.

¹³⁵ Г. Енш. Московское торговое подворье в Риге в XVII веке. — ВИ, 1947, 11, стр. 74—79.

¹³⁶ J. Prēdele. Livonijas pilsētas Livonijas kara priekšvakarā. — ZAVēst, 1960, 5, 13.—20. lpp.

¹³⁷ J. Zutis. Riga dans le commerce maritime en Baltique en XVIIe siècle. — Le navire et l'économie maritime du Nord de l'Europe du Moyen-Âge au XVIIIe siècle. Travaux du Troisième Colloque international d'histoire maritime tenu les 30 et 31 mai 1958. Paris, 1960, p. 81—88.

или шляхтой Полоцка, Витебска, Смоленска и т. д., но и тексты контрактов на поставку ими товаров для нужд рижского экспорта. Эта ценная серия документов из Рижского городского архива, важная также для белорусских, литовских и русских историков, долго лежала втуне. В статье В. В. Дорошенко¹³⁸, представляющей как бы введение в изучение этих источников, показываются их возможности для выявления географии рижских торговых связей, количества и состава привозимых товаров, характера операций, социальной принадлежности поставщиков и т. д. Материал нескольких тысяч судебных конфликтов между «руссами» и рижанами позволяет воссоздать своего рода «торговые биографии» многих участников этой торговли, имевшей решающее значение для экономики Риги и, несомненно, большое значение также для экономики городов и помещичьего хозяйства на всей территории рижского хинтерланда. Как массовый источник, фиксирующий огромное множество индивидуальных явлений, притом однородных, данные этих судебных протоколов, особенно для последней четверти XVII в., оказываются доступными и для статистической обработки.

Успехи внешней и внутренней торговли, а также ее направления обуславливались в значительной мере состоянием путей сообщения и транспортных средств. Этот комплекс вопросов, стоящий как бы на стыке между историей торговли и материальной культуры и исторической географией, успешно разрабатывает В. В. Павулан. Его кандидатская диссертация (подготавливаемая к изданию)¹³⁹, в хронологическом отношении как бы продолжает работу Э. С. Мугуревича, о которой речь шла выше. Основываясь на изучении большого количества самых разнообразных источников, В. В. Павулан всесторонне характеризует экономические и политические условия, определившие направление и развитие путей сообщения на территории Латвии в XIII—XVII вв., реконструирует сеть важнейших дорог (транзитных и внутренних), показывает развитие средств сухопутного и водного транспорта и т. д. Огромный конкретный материал, приведенный в этой работе, особенно карты и схемы путей сообщения, представляется важным не только для изучения рыночных связей латышских земель, городов и поселений, но и для исследования процесса внутренней земледельческой колонизации тех или иных районов Латвии, развития их экономики и культуры. Помимо отдельных этюдов о состоянии сухопутных

¹³⁸ В. В. Дорошенко. Протоколы рижского торгового суда как источник для изучения экономических связей Риги с русскими, белорусскими и литовскими землями в XVII в. — ЭСПР, стр. 119—147.

¹³⁹ В. В. Павулан. Развитие внутренних и транзитных путей сообщения в Латвии в XIII—XVII вв. Автореф. канд. дисс. Рига, 1965.

торговых путей в разное время¹⁴⁰, перу В. В. Павулана принадлежит содержательная статья о судьбе множества местных (главным образом курземских) гаваней в XVI—XVII вв.¹⁴¹ Эти мелкие пристани, возникавшие там и сям вне рамок «официальной» торговли и в нарушение привилегий больших городов — членов Ганзы, играли, оказывается, серьезную роль в развитии помещичьего предпринимательства и отвлекали известную часть русско-литовских товаров, предназначенных для Риги. Но главным транзитным путем всегда оставалась, конечно, водная артерия по Даугаве. Разная интенсивность ее использования, в зависимости от складывавшейся политической обстановки в районе самой Риги или же «наверху» (т. е. в Великом княжестве Литовском), тщательно прослежена автором вплоть до присоединения Лифляндии к России. Судя по данным статьи В. В. Павулана на эту тему¹⁴², периоды подъема и спада в подвозе товаров по Даугаве сразу же отражались и на динамике рижского экспорта в Западную Европу.

Значительный вклад в изучение экономических связей Прибалтики вносят исследования Х. А. Пийримяэ, посвятившего свою диссертацию нарвской торговле в XVII в.¹⁴³ и опубликовавшего ряд ценных статей по тому же вопросу¹⁴⁴. В свои лучшие годы (середина и конец XVII в.) Нарва была торговым соперником не только Таллина, но отчасти и Риги, особенно по вывозу юфти и кож, сала и прочих русских товаров. Судя по новым работам того же автора, в круг его интересов входит также торговля Таллина и Восточной Прибалтики в целом. В статье о русском транзите через таллинский порт приводятся новые статистические материалы о судоходстве, привозе и вывозе за период 1609—1704 гг., полученные в результате обра-

¹⁴⁰ V. Pāvulāns. Vācu tirgotāju un feodālu uzbrukums Kursas un Zemgales satiksmes ceļiem XIII gs. — ZAVēst, 1964, 10, 13.—22. lpp.; V. Pāvulāns. Satiksmes ceļu attīstība Latvijā XVII gs. — ZAVēst, 1965, 10, 41.—54. lpp.; В. Павулан. Полигика шведской администрации относительно дорожного хозяйства, транзита и использования путей сообщения в Видземе в XVII в. — ТДЗ, стр. 53—56.

¹⁴¹ V. Pāvulāns. Latvijas ostas XVI—XVII gadsimtā. — ZAVēst, 1966, 10, 21.—30. lpp.

¹⁴² В. В. Павулан. Хозяйственное и политическое значение Даугавского торгового пути в XIII—XVII вв. — ЭСПР, стр. 77—96.

¹⁴³ Х. А. Пийримяэ. Русско-шведские экономические отношения и нарвская торговля в 1661—1700 гг. Автореф. канд. дисс. Тарту, 1962.

¹⁴⁴ Х. А. Пийримяэ. Состав, объем и распределение русского вывоза в 1661—1700 гг. через шведские владения в Прибалтике на примере торговли г. Нарвы. — ССб, 5, 1962, стр. 34—94; Х. А. Пийримяэ. Торговые отношения России со Швецией и другими странами Европы по материалам нарвского вывоза в 1661—1700 гг. — ССб, 7, 1963, стр. 44—86; Х. А. Пийримяэ. О состоянии нарвской торговли в начале XVII в. — ССб, 11, 1966, стр. 82—108.

ботки более десятка таможенных книг г. Таллина¹⁴⁵. Ставя более общий вопрос о сравнительной роли восточноприбалтийских портов в «шведское время», Х. А. Пийримяэ подробно прослеживает также динамику рижской торговли¹⁴⁶. Для латвийских историков особенно важны те показатели (абсолютные, а также в индексном выражении), которые характеризуют число кораблей, швартовавшихся в рижском порту, размеры ввоза и вывоза, а также доходы от пошлин («порторий», «лицента») за отдельные годы (между 1638 и 1704 гг.), поскольку в местных источниках части этих данных нет.

Торговые узы Риги с русскими и белорусскими городами обуславливают живой интерес латвийских историков к исследованиям о западноевропейских связях этих городов в XVI—XVII вв., которые в значительной мере осуществлялись через Прибалтику¹⁴⁷. К числу наиболее разработанных относится проблематика русско-шведских торговых сношений в этот период. Поскольку Рига в 1621—1710 гг. находилась под шведским владычеством, значение этих работ вполне очевидно. Помимо статей целого ряда московских и ленинградских авторов¹⁴⁸, особо отметим исследования И. П. Шаскольского,

¹⁴⁵ Х. А. Пийримяэ. Некоторые вопросы транзитной торговли России со странами Западной Европы через Таллин в XVII в. — ЭСПР, стр. 97—118.

¹⁴⁶ Х. А. Пийримяэ. Тенденция развития и объем торговли прибалтийских городов в период шведского господства в XVII веке. — ССб, 8, 1964, стр. 99—115; Х. А. Пийримяэ. Роль и удельный вес различных стран Западной Европы в торговле прибалтийских городов в XVII в. — ТСканд, стр. 197—200.

¹⁴⁷ Б. Н. Флоря. Из истории русско-фландрских торговых связей в XVI в. — СВ, 26, 1964, стр. 97—103; Е. В. Чистякова. Псковский торг в середине XVII в. — ИЗ, 34, 1950, стр. 198—135; А. Л. Хорошкевич. Из истории русско-немецких торговых и культурных связей начала XVII в. — МеждСвязи 1966, стр. 35—57; А. Л. Хорошкевич. Быт и культура русского города по словарю Тонни Фенне (1607 г.). — Новое о прошлом нашей страны. Сборник статей. М., 1967, стр. 200—217; М. И. Белов. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. — МеждСвязи 1966, стр. 58—83; К. Г. Митяев. Обороты и торговые связи Смоленского рынка в 70-х годах XVII в. — ИЗ, 13, 1942, стр. 54—83; А. Г. Карпачев. Города северо-западной окраины Русского государства как торгово-промышленные центры и участие в торговле и промыслах различных разрядов их населения в первой половине XVII в. (историко-статистический очерк). — Труды Института истории АН БССР, 3, Минск, 1958, стр. 66—90; В. И. Мелешко. Торговые связи Могилева с городами Польши и Прибалтики во второй половине XVI — первой половине XVII вв. — Acta Baltico-Slavica, 2, Białystok, 1965, str. 61—100; З. Ю. Копысский. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII вв. Минск, 1966. 227 стр.

¹⁴⁸ Г. А. Новицкий. Вопросы торговли в русско-шведских отношениях XVI в. — ССб, 2, 1957, стр. 38—46; А. С. Кан. Стокгольмский договор 1649 г. — ССб, 1, 1956, стр. 101—117; Э. Д. Рухманова. Русско-

давно и весьма плодотворно работающего над данной проблемой. Заслуживает внимания прежде всего его обстоятельное исследование о дипломатической истории Столбовского мира (1617 г.) между Россией и Швецией¹⁴⁹, где наиболее тщательному анализу подверглись именно вопросы торговли между обоими государствами. Этот договор, как известно, полностью отрезал Россию от Балтийского моря и таким образом направлял главный поток русского экспорта через владения шведов в Восточной Прибалтике. Выработанные в процессе переговоров нормы торговли (транзита) фактически оставались в силе на протяжении всего XVII в. Прямые контакты русских и шведских купцов в Стокгольме были для русской стороны наиболее выгодными (поскольку торговая прибыль не оседала в карманах посредников из Нарвы, Таллина или Риги), однако не этот путь был главным в русско-прибалтийской торговле¹⁵⁰. Основная масса русских товаров, по-видимому, уже во второй четверти XVII в. направлялась через Архангельск, куда приходили голландские и английские корабли. Но перенос главного направления внешней торговли Русского государства с Балтики на Белое море не означал «полного упадка» русского экспорта—импорта через восточно-прибалтийские порты, включая Ригу. «В действительности, — как пишет И. П. Шаскольский, — в XVII в. балтийская торговля сохранила важное значение в экономике России, в количественном отношении росла... и, по-видимому, не так уж сильно уступала по своим размерам архангельской торговле». Проблема соотношения указанных направлений русской торговли в XVII в. (Рига или Архангельск?), поставленная в статье И. П. Шаскольского¹⁵¹, думается, еще привлечет внимание латвийских исследователей.

шведская торговля на Балтике в середине XVII века. — ССб, 2, 1957, стр. 47—72. В последней работе использован, между прочим, интересный материал из Центрального государственного архива древних актов в Москве — так называемые обидные дела, т. е. жалобы русских купцов, отражающие, хотя и не полностью, товарный состав русско-шведской торговли.

¹⁴⁹ И. П. Шаскольский. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.—Л., 1964. 218 стр.; см. также И. П. Шаскольский. Строительство шведских гостиных дворов в городах России после Столбовского мира 1617 г. — ССб, 10, 1965, стр. 83—107; И. П. Шаскольский. Восстановление русской торговли со шведскими владениями в первые годы после Столбовского мира. — ССб, 11, 1966, стр. 61—80; И. П. Шаскольский. Установление прямых торговых сношений России со Швецией после Столбовского мира 1617 г. — СВ, 29, 1966, стр. 139—158.

¹⁵⁰ И. П. Шаскольский. Об основных особенностях русско-шведской торговли XVII в. — МеждСвязи, стр. 7—34.

¹⁵¹ И. П. Шаскольский. Торговля России с Прибалтикой и Западной Европой в XVII в. — ЭСПР, стр. 61—76.

Торговля городов Латвии в XVIII в. остается, можно сказать, чистой страницей в историографии. Тут кроме работы Г. А. Некрасова (лишь косвенно затрагивающей проблемы рижской торговли в 20-е годы XVIII в.)¹⁵² можно назвать статью Г. А. Енша о подготовке и проведении в жизнь Устава о рижской коммерции от 7 декабря 1765 г.¹⁵³ Нанеся серьезный удар по средневековым привилегиям рижского бюргерства (в основе которых лежала монополия бюргеров на посредничество в торговле между Россией и Западом), этот устав способствовал укреплению связей Риги с общероссийской торговлей и создавал более благоприятные условия для торговли крестьян, для подъема мануфактурного производства. Две содержательные статьи В. П. Павулане, базирующиеся в значительной степени на источниках XVIII в., представляют собой часть начатого ею исследования о торговле «лесными товарами» в Риге¹⁵⁴.

Проблеме воздействия торговой политики русского абсолютизма на экономику Латвии в XVIII в. посвящена статья Г. П. Строда¹⁵⁵. Проследивая «зигзаги» этой политики до и после 60-х годов (когда в угоду местным помещикам был разрешен вывоз зерна за границу), автор отмечает ее противоречивость. Она «полностью отвечала интересам дворянства и лишь отчасти — интересам буржуазии», причем такие ее аспекты, как стимулирование помещичьего предпринимательства, сохранение «устаревших таможенных барьеров», явное предпочтение растущему Петербургу и т. д., оборачивались для Латвии рядом определенно негативных явлений (свертывание крестьянской торговли, недостаточно интенсивный рост рижской торговли, сохранение изоляции от русских губерний и в результате — задержка развития капиталистического уклада). Эти отрицательные моменты, по мнению Г. П. Строда, были присущи и Уставу о рижской коммерции 1765 г., в оценке которого автор, как видим, сильно расходится с вышеприведенным мнением Г. А. Енша.

Внешнеторговые обороты Риги в первой половине XIX в. довольно подробно изучены Я. Я. Зутисом. Здесь имеется в виду статистический материал первой главы уже упоминав-

¹⁵² Г. А. Некрасов. Русско-шведские торговые отношения в связи с социально-экономическим положением Швеции после Ништадтского мира. Автореф. канд. дисс. М., 1949; Г. А. Некрасов. Внешняя торговля Швеции в 20—30 гг. XVIII в. — ССб, 2, 1957, стр. 72—92.

¹⁵³ J. A. Jen š s. 1765. gada Rīgas tirdzniecības likums. — ZAVēst, 1955, 4, 45.—64. lpp.

¹⁵⁴ V. Pāvulāne. Koku šķirošana un kokšķirotāju amati Rīgā feodālisma laikā. — ZAVēst, 1966, 11, 19.—28. lpp.; V. Pāvulāne. Mežsaimniecības preču veidi Rīgas tirgū XVIII gs. — ZAVēst, 1968, 11, 12.—23. lpp.

¹⁵⁵ Х. П. Строд. Влияние торговой политики Российской империи на развитие сельского хозяйства Латвии в XVIII в. — ЭСПР, стр. 148—174.

шейся монографии о Каугурском восстании 1802 г.¹⁵⁶ В этой главе автор привел множество ценных таблиц (к сожалению, без ссылок на источники), показывающих роль Риги во всероссийском экспорте—импорте 1801—1860 гг., а также динамику подвоза и экспорта отдельных товаров (мачтового леса, досок, льна и пеньки, льняного и конопляного семени, зерна). Впервые в историографии здесь рассмотрены и такие важные вопросы, как — откуда поступали в Ригу упомянутые товары и в какие европейские страны они направлялись. Бросается в глаза, между прочим, ничтожный удельный вес Лифляндской губернии (Видземе) в обеспечении рижского порта зерном. Если, к примеру, из Курземе доставлялось до 25% всей экспортируемой ржи и около половины ячменя, то Видземе обеспечивала лишь 1—5% всех хлебных поставок. Такое различие, представляющее большой интерес и для аграрной истории, нуждается в объяснении, поскольку и уменьшение роли зерна в посевах (связанное с введением многополья и плодосмена), и рост помещичьего винокуренного производства наблюдались в обеих губерниях.

Вплоть до постройки первых железных дорог в России поставки разных товаров в Ригу осуществлялись главным образом по Даугаве. Значение этой важнейшей торговой артерии с конца XVIII в. до начала 60-х годов XIX в. всесторонне освещено в диссертации и статьях И. Э. Грасмане¹⁵⁷. В плане количественной характеристики рижского экспорта эти работы содержат ценные дополнения к упомянутым выше выкладкам проф. Я. Я. Зутиса, особенно по 40—50-м годам XIX в. Теперь историография располагает четким и обоснованным документальным материалом, данными о структуре рижского вывоза (в абсолютных размерах и стоимостном выражении) на протяжении 1819—1860 гг. Но основное внимание И. Э. Грасмане сосредоточено на тщательном изучении товарных потоков, поступавших в Ригу по Даугаве из внутренних российских губерний. В третьей (цен-

¹⁵⁶ J. Zutis. Rīgas tirdzniecība kļaušu saimniecības sairšanas periodā. — Grām.: J. Zutis. Latvija kļaušu saimniecības sairšanas periodā un Kauguru nemieri 1802. gadā. Rīgā, 1953, 8.—44. lpp.

¹⁵⁷ И. Э. Грасмане. Значение водного пути по Даугаве для рижской экспортной торговли в конце XVIII и в первой половине XIX века. Автореф. канд. дисс. Рига, 1968; I. Grasmāne. Preču piegādes organizācija Rīgai pa Daugavu XVIII gs. beigās un XIX gs. pirmajā pusē. — Grām.: Latvijas agrārā vēsture (XVI—XIX gs.). Lauksaimniecība un tirgus feodālisma laikā. Rīgā, 1966, 163.—187. lpp.; I. Grasmāne. Krievijas kaņepāju eksports caur Rīgu XVIII gs. beigās un XIX gs. pirmajā pusē. — ZAVest, 1966, 9, 12.—28. lpp.; И. Э. Грасмане. Значение торгового пути реки Даугавы в доставке экспортных товаров в Ригу в конце XVIII и в первой половине XIX в. — ЭСПР, стр. 175—178; И. Э. Грасмане. Рижский экспорт сельскохозяйственных продуктов в конце XVIII — первой половине XIX в. — ТДЗ, стр. 56—59.

тральной) главе своей диссертации, содержащей 28 таблиц, она обобщила данные о подвозе льна и пеньки, семени и зерна, а также лесоматериалов, определила значение каждой группы товаров в рижской торговле и, насколько это оказалось возможным, их происхождение. Автор подробно изучает социально-политические условия рижской торговли (борьба против средневековых ограничений в торговле, за ликвидацию монополии гильдейского купечества), дает историко-географическую характеристику водного пути по Даугаве (включая средства речного транспорта), организации самих товарных поставок и, наконец, подготовки товаров к экспорту из рижской гавани (контракты, сортировка, взвешивание товаров, товарные пошлины и т. д.).

Важность конкретного изучения всей перечисленной проблематики станет понятной, если назвать хотя бы главные показатели экономического значения Даугавы в то время. Как установлено автором, по этой водной магистрали доставлялась в Ригу почти вся масса вывозимых из рижского порта пеньки (96,7%), льняного маслобойного семени (81,7%), все конопляное семя, зерна (60—90%), все лесоматериалы и т. д. Работы И. Э. Грасмане, разумеется, не «закрывают» этой тематики. Роль отдельных районов в поставке товаров для Риги требует уточнений (поскольку в имеющейся документации товары из Белоруссии обозначались нередко как «русские» или же «польские»), а социальный облик поставщиков (купцы, помещики, крестьяне), деятельность отдельных торговых домов, распределение торговой прибыли и некоторые другие вопросы нуждаются в специальном исследовании.

Успехи в области изучения внешней, особенно рижской, торговли Латвии вполне очевидны. Однако досадным пробелом является отсутствие надежных статистических данных по XVIII в. (после 1718 г.). Восполнить этот пробел возможно: необходимо поднять богатый материал рижских архивов и завершить обработку данных Зундского пошлинного регистра (1562—1783 гг.). Кроме того, давно ждут внимания специалистов торговля курземских гаваней, формы локального товарообмена в малых городах и местечках Латвии, масштабы и интенсивность «крестьянской торговли» в XVII—XIX вв.

в) От средневекового ремесла к капиталистической фабрике

Как и в других городах средневековой Европы, так и в Риге промышленность долгое время сосредоточивалась в рамках цехового устройства. Цехи — объединения мелких ремесленников — зародились здесь уже в XIII—XIV вв. (документ 1386 г.

фиксирует существование и «немецкого», т. е. латышского, «братства» разносчиков пива). В XVI в. в Риге был 21 цех, в начале же XVIII в. их насчитывалось уже 37. Огромнейшая документация по истории цехового ремесла, отложившаяся в фондах Рижского городского архива, в досоветское время оставалась фактически неизученной. Введение этих источников в научный оборот и их анализ является заслугой латышских советских историков — А. Берзинь (Зейда), М. Таубе и других.

Еще в 1951 г. была защищена кандидатская диссертация Е. Д. Гальпериной (Москва) по истории рижских цехов в XVI в.¹⁵⁸, в которой было кратко охарактеризовано положение в рижских цехах за период с XIV до середины XVI в. и подробно — социальная борьба в Риге (главным образом между магистратом и «бюргерской оппозицией») во второй половине XVI в., в связи с так называемыми календарными беспорядками в Риге 1585—1589 гг. Эта работа была известным шагом вперед в плане разоблачения господствовавших в остзейской литературе положений о «культуртрегерской роли» немецкой верхушки города и т. д. Но ряд утверждений автора представляется недоказанным. К ним относится прежде всего тезис о том, будто в среде рижского бюргерства и накануне (1557 г.), и после Ливонской войны (1585, 1599—1600 гг.) существовала сильная «московская партия», стремившаяся — вопреки политике магистрата — «идти под власть русского государства», т. е. прямо ориентирующаяся на присоединение Риги к Московскому государству. Судя по имеющимся источникам, торговые интересы рижских купцов (независимо от острых конфликтов, действительно происходивших между магистратом и обеими гильдиями) заставляли их выступать как против Речи Посполитой, так и против русского государства, ибо лишь автономия города обеспечивала сохранение выгод от посредничества в торговле обеих держав с Западной Европой¹⁵⁹.

В области истории рижского ремесла XIV—XIX вв. много лет успешно трудится А. Я. Берзиня (Зейда). Ее кандидатская диссертация была посвящена социальной структуре рижских (немецких) средневековых цехов, борьбе учеников и подмастерьев за улучшение своего положения до реформы городского управления в 1785 г.¹⁶⁰ Основные разделы этой работы

¹⁵⁸ Е. Д. Гальперина. Рижские цехи в XVI в. и «календарные беспорядки» в Риге. Автореф. канд. дисс. М., 1951.

¹⁵⁹ См. также: W. Küttler. Die Volksbewegung in Riga 1584—1589. — *Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und volksdemokratischen Länder Europas*, 6. Berlin, 1962, S. 267.—310.

¹⁶⁰ А. Я. Берзиня. Положение учеников и подмастерьев в рижском цеховом ремесле. Автореф. канд. дисс. Рига, 1958.

А. Берзини, часто дополненные новым архивным материалом, опубликованы в виде отдельных статей (1957—1968 гг.). Изучая ранний период борьбы подмастерьев и учеников против цеховых мастеров, автор приходит к выводу, что в Риге XIV—XV вв. по сравнению с ганзейскими городами Германии эта борьба протекала в менее острых формах: цеховой строй в Риге развивался замедленными темпами¹⁶¹. В XVII в. отношения этих прослоек обострились в Риге настолько, что можно говорить о классовой борьбе между ними¹⁶². Наиболее подробно автор обрисовал положение подмастерьев и учеников в XVI — первой четверти XVII в.¹⁶³ Используя разнообразный, преимущественно архивный, материал (цеховые статуты, постановления рижского рата, жалобы цехов и т. д., а начиная с 1614 г. такой совсем не исследованный источник, как протоколы Рижского ремесленного суда), автор показывает процесс «замыкания» рижских цехов (т. е. ограничения в приеме новых членов из числа подмастерьев), положение и роль так называемых странствующих подмастерьев (*Wandergesellen*), условия труда и оплату подмастерьев, регламентацию их труда и даже поведения в быту цеховыми статутами и, наконец, объединение подмастерьев и обострение их борьбы против цеховых мастеров в XVI в. В статье о строительном ремесле в Риге XIV—XVIII вв. освещается положение в двух цехах — плотников и каменщиков, которые рекрутировались главным образом из латышей; лишь в XVIII в. немецким ремесленникам при поддержке магистрата удалось добиться закрытия «ненемецкого» цеха каменщиков¹⁶⁴.

Совместно с Т. Я. Зейдом А. Я. Зейда написала статью о развитии ремесла в городе Цесисе¹⁶⁵. Уже в XVII в. там существовало по меньшей мере 16 отраслей ремесла, к концу же XVIII в. их насчитывалось более 25. Одна из наиболее обстоятельных работ А. Я. Зейды посвящена развитию такой важной и вместе с тем мало изученной отрасли латышского ремесла, как производство кирпича и извести в XIII — середине XIX в.¹⁶⁶ В отли-

¹⁶¹ A. Bērziņa. *Zellu un mācekļu stāvoklis Rīgas cunftu amatniecībā XIV un XV gs.* — *ZAVēst*, 1957, 4, 21.—39. lpp.

¹⁶² A. Bērziņa. *Šķiru ciņas attīstība Rīgas amatnieku vidū t. s. zviedru laikos.* — *ZAVēst*, 1958, 2, 35.—45. lpp.

¹⁶³ A. Bērziņa. *Rīgas cunftu amatnieku zelli un mācekļi XVI gs. un XVII gs. sākumā.* — *VP*, 2, 1958, 169.—238. lpp.

¹⁶⁴ A. Bērziņa. *Rīgas namdari un mūrnieki XIV—XVIII gs.* — *VP*, 3, 1960, 107.—130. lpp.

¹⁶⁵ A. Zeida, T. Zeids. *Amatniecības attīstība Cēsīs feodālisma laikmetā.* — *VP*, 4, 1961, 69.—116. lpp.

¹⁶⁶ A. Zeida. *Ķieģeļu un kaļķu cepļi Latvijā feodālisma laikā (no 13. gs. līdz 19. gs. 60. gadiem).* — *VP*, 5, 1962, 111.—180. lpp.; см. также: Ю. М.

чие от прежних своих работ, которые сосредоточивались на социальных проблемах, связанных с ремеслом, в этом исследовании автор уделяет пристальное внимание вопросам технологии и экономики данной отрасли производства, получившей особенно широкое развитие в Латвии на рубеже XVIII и XIX вв.

В докладе, прочитанном А. Я. Зейдой на научной сессии памяти академика Я. Я. Зутиса¹⁶⁷, подробно освещены проблемы социальной борьбы в среде городских ремесленников в период окончательного распада феодализма. В литературе предмета ранее были известны лишь два, правда, наиболее драматичных выступления городского плебса в Риге (1788 г.) и Елгаве (1792 г.). Новый документальный материал, поднятый из архивов, позволил выявить целый ряд забастовок подмастерьев, проводившихся в период 1798—1850 гг. Сравнительно с более ранней эпохой (XVII—XVIII вв.) в движении подмастерьев в конце XVIII — первой половине XIX в. наметился явный спад, обусловленный, как поясняет автор, глубоким упадком самого цехового ремесла. Это нашло отражение и в идеологии подмастерьев, в которой преобладали реакционные элементы, не имевшие ничего общего с классовым сознанием нарождавшегося пролетариата.

Две статьи М. А. Таубе освещают положение транспортных рабочих в феодальной Риге (XV—XVIII вв.). Это — латышские «братства» грузчиков, упаковщиков, извозчиков и др., которые подвергались особенно интенсивной эксплуатации и притеснениям со стороны немецкой верхушки города и отстаивали свои права в неустанной борьбе с купечеством Большой гильдии и магистратом¹⁶⁸. Перу того же автора принадлежит анализ постановлений рижских властей XVI—XVII вв., направленных против излишней роскоши городских жителей (*Kleider und Hochzeitsordnungen*) и представлявших собой, по сути дела, орудие социальной и национальной дискриминации «не-немецкого» населения со стороны патрициата г. Риги¹⁶⁹.

В условиях феодальной Латвии, когда масса крестьянства получала орудия труда и домашнюю утварь из рук сельских (т. е. негородских) ремесленников, а имение феодала распола-

Васильев. О производстве и применении кирпича в Латвии. — ИзИТ, 1, 1959, стр. 33—44.

¹⁶⁷ А. Зейда. Борьба рижских подмастерьев за улучшение своего положения в период разложения феодализма (конец XVIII — первая половина XIX в.). — ТДЗ, стр. 59—63.

¹⁶⁸ М. Таубе. Rīgas transportstrādnieki feodālisma un vēlā feodālisma posmā (XV—XVIII gs.). — ZAVēst, 1956, 10, 17.—32. lpp.; М. Таубе. Ormaņu amats feodālajā Rīgā. — VP, 3, 1960, 131.—173. lpp.

¹⁶⁹ М. Таубе. Greznības noliegums Rīgā XVI un XVII gadsimtā. — Latvijas PSR ZA Fundamentālās bibliotēkas Raksti, 1. Rīgā, 1960, 287.—318. lpp.

гало обычно всякого рода специальными службами (пивоварение, кузнечное дело и т. п.), особенно актуальным является изучение сельского ремесла — как крестьянского, так и мызного. Этой важной проблеме уделяется пока недостаточное внимание. Если не считать отдельных параграфов, отведенных сельскому ремеслу в книгах по аграрной истории, пока можно назвать в этой связи лишь статью Т. Я. Зейда. Основываясь главным образом на показаниях гаковых ревизий XVIII в., автор рисует положение кузнецов, ткачей, столяров, бондарей, плотников, токарей, мельников и других представителей сельского ремесла в период позднего феодализма ¹⁷⁰.

Существенным недостатком исследовательской работы по истории мелкой феодальной промышленности Латвии является то, что она ведется пока в отрыве от изучения аграрной истории, товарных связей между деревней и городом. В противоположность буржуазным историкам, сводившим историю ремесла к эволюции цехового устройства (Zunftwesen) и сосредоточивавшим свое внимание почти исключительно на документах институционального происхождения и нормативного характера (статуты цехов, распоряжения магистрата и т. п.), мы отдаем себе отчет в том, что средневековые цехи — это лишь одна форма тогдашней промышленности, рядом с которой существовали и городское внецеховое ремесло («портачество»), и ремесло в феодальной деревне — в крестьянском хозяйстве или на мызе. Каков был удельный вес каждой из названных форм ремесла в экономике, скажем, XIV и XVIII вв.? Откуда крестьянин брал сошники, колеса, кухонные котлы и прочую хозяйственную утварь? Кроме того, как работал ремесленник (городской или сельский), т. е. откуда он получал сырье, как он совершенствовал свои технические навыки, где и кому он сбывал готовые изделия? Как отразились на состоянии ремесла Латвии такие мощные факторы, как «революция цен» XVI—XVII вв. (когда цены на сельскохозяйственные продукты росли неизмеримо быстрее, чем цены на промышленные изделия), а также широкий импорт западноевропейских товаров (в том числе и промышленных) в тот же самый период? На эти вопросы, как и на ряд других, касающихся экономической стороны истории мелкой промышленности в феодальное время, латвийским историкам еще предстоит дать ответ.

Зачатки крупной промышленности в виде мануфактуры, базирувавшейся по-прежнему на ручном труде, но уже представлявшей собой «кооперацию, основанную на разделении труда»

¹⁷⁰ T. Zeids. Dažas Latvijas lauku amatniecības vēstures problēmas feodālisma laikmetā. — VP, 4, 1961, 49.—66. lpp.

(К. Маркс), раньше всего, а именно на рубеже XVI и XVII вв., начали появляться в Курляндском герцогстве. Этому вопросу уделено достаточное внимание в I томе «Истории Латвийской ССР» (авторы — Т. Зейд и Я. Зутис). Думается, однако, что степень развития курляндской крепостной мануфактуры в XVII в. тут определенно преувеличена. Это относится как к отдельным приведенным в книге конкретным примерам «мануфактур» (на деле являвшихся попросту отраслями мызного промысла), так и особенно к карте «Крепостная мануфактура Курляндского герцогства в XVII в.» (стр. 165), на которой показано... без малого 200 промышленных заведений якобы мануфактурного типа¹⁷¹.

Конкретному изучению ранних мануфактур в окрестностях Риги посвящена статья Д. Э. Лиепинь¹⁷². Здесь в XVII в. существовало несколько мельниц (мукомольных, красильных, сукновальных и лесопильных), верфей, медеплавильных заведений и некоторых других, которые можно считать мануфактурами, притом использовавшими наемный труд. Сколько было таких предприятий в XVII в.? Ясного ответа на этот вопрос нет, поскольку, как справедливо отмечает автор (стр. 122), «не всегда удастся отделить мануфактуру от мелкотоварного ремесленного производства». И вместе с тем едва ли правильно поступил автор данной статьи, взяв за критерий мануфактуры обозначение предприятия, встречающееся в источнике. «Мануфактурой» в источнике могло называться и мелкое ремесленное заведение с 1-2 работниками, подобно тому как на рубеже XVIII и XIX вв. термин «фабрика» применялся и к самым мелким ремесленным мастерским, если они принадлежали не цеховым мастерам, а купцам или же мещанам.

Вопросы развития местного ремесла и мануфактурной промышленности привлекали внимание также специалистов по

¹⁷¹ Так как упомянутая карта не сопровождается комментарием, принятый критерий отнесения промышленных заведений к разряду «мануфактур» остается неясным. Что же касается конкретных примеров, то нет достаточных оснований относить к «мануфактуре», скажем, кирпичное и известковое заведения, упоминаемые в известной описи комплекса имений герцогини Анны Курляндской к югу от Елгавы в 1566 г. Это — обычные промысловые заведения, составлявшие «придатки» (appertinentia) мызных хозяйств и в более ранний период, когда о мануфактурах речи вообще быть не может. Что касается масштабов производства в этих двух заведениях (100 тыс. кирпичей и 50 ластов извести ежегодно), то следовало бы учитывать, что речь идет не о фактической выработке указанного количества кирпича или извести, а о пожеланиях феодала (в данном случае — герцогини Курляндской), выраженных в форме устава для мызной администрации.

¹⁷² Dz. Liepiņa. Par manufaktūru attīstību Rīgas apkārtnē XVII gs. — VP, 4, 1961, 121.—144. lpp.

истории техники. В ряде статей и научных докладов приводятся ценные сведения о технологии производства и состоянии отдельных его отраслей в позднефеодальный период. Так, Я. П. Страдынь знакомит¹⁷³ читателя, правда, лишь на основе уже опубликованных документов, с уровнем производства дегтя, селитры, пороха, мыла, кирпича, извести, стекла и т. д., получившего широкое распространение на территории Курляндии в правление герцога Якова (1642—1682). Некоторые из перечисленных производств представляли собой крепостнические мануфактуры. Технология изготовления и обработки черных металлов, в частности производства пушек, до XVIII в. scrupuleзно изучена в ряде статей А. К. Антейна¹⁷⁴. В. Гравитис¹⁷⁵ подготовил интересный обзор по истории исследования и освоения полезных ископаемых (железо, сера, известь, силикаты, янтарь и др.) в феодальной Латвии.

Стесненная жесткими рамками барщинно-крепостнического режима местная промышленность в своем развитии тем не менее опиралась на лучшие достижения естествознания и инженерно-технической мысли того времени. В XVII—XIX вв. Прибалтика выполняла роль как бы посредника в осуществлении научных контактов между Россией и такими европейскими странами, как Германия, Польша, Швеция и т. д. Многие видные деятели прибалтийской науки были выходцами из Германии, а ряд уроженцев Прибалтики, в свою очередь, бывал за рубежом или же обосновывался в научных центрах царской России. Изучение этих связей, начатое трудами покойного академика П. И. Страдыня, сейчас продолжается и — как видно по многочисленным публикациям¹⁷⁶ — весьма продуктивно. Проблема посредничества Прибалтики в научных контактах между западной и восточной частями Европы явилась предметом широкого обсуждения на VII Прибалтийской конференции по истории науки (1968 г.), где было прочитано около 90 докладов. Суще-

¹⁷³ Я. П. Страдынь. Химические промыслы в системе курземской (курляндской) мануфактуры XVII в. — ИзИТ, 4, 1962, стр. 103—117.

¹⁷⁴ А. К. Антейн. Металл древних железных и чугунных пушек (до XVIII в.) — ИзИТ, 2, 1960, стр. 5—32; A. Anteins. Par melno metālu ražošanu un apstrādāšanu Latvijas PSR teritorijā laikā no 13. gs. beigām līdz 18. gs. sākumam. — ParTV, 3, 1962, 5.—44. lpp.

¹⁷⁵ В. Гравитис. Из истории исследования и освоения полезных ископаемых в Латвии (эпоха феодализма). — Научные связи Прибалтики в XVIII—XX вв. Материалы VII Прибалтийской конференции по истории науки (тезисы докладов). Рига, 1968, стр. 133—137.

¹⁷⁶ За 1959—1968 гг. издано семь сборников «Из истории техники». Последний из них: Из истории естествознания и техники Прибалтики, 1 (VII). Рига, 1968. 285 стр.

ство этой проблемы, как и пути дальнейшего ее изучения, намечены в докладе Я. П. Страдыня¹⁷⁷.

В конце XVIII — первой половине XIX в. большинство крепостнических мануфактур из рук дворян перешло в руки купцов. Развивалась капиталистическая мануфактура, где труд крепостных вытеснялся наемным трудом. В 30-х годах XIX в. в Латвии появились первые фабрики — крупные предприятия, применявшие паровые машины и другие механические устройства. Рига становилась не только одним из центров международной торговли, но и центром крупной промышленности, средоточием латвийского пролетариата. За очень короткий срок, в течение полувека (1801—1859 гг.), число промышленных пролетариев здесь выросло с 200 до 4000 чел., т. е. в 20 раз. К концу 50-х годов XIX в. в Риге концентрировалось 68% всех предприятий Лифляндской губернии, производивших почти $\frac{3}{4}$ (73%) всей промышленной продукции. Эти данные приводятся в монографии Г. А. Енша, которому принадлежит бесспорный приоритет в деле научного изучения латвийской промышленности в раннекапиталистическую эпоху¹⁷⁸.

В этом труде Г. А. Енш (1951 г.) ограничился рассмотрением генезиса капиталистической мануфактуры и ее постепенного (завершившегося уже после 60-х годов) превращения в фабрику на территории Лифляндской губернии (включая эстонские уезды). Вводя в оборот огромный архивный материал (в первую очередь, из фонда канцелярии лифляндского губернатора), автор дает развернутую историю мануфактуры в первой половине XIX в. с отдельными экскурсами вглубь XVIII в.

В трех основных разделах этой работы читатель найдет подробный анализ развития промышленных заведений по переработке минерального сырья (металлы, цемент, кирпич, известь, стекло), растительного сырья (зерновые продукты, сахар, табак, лес и т. п.) и, наконец, продуктов животноводства (шерсть, кожи, мыло и т. д.). Динамика роста лифляндской промышленности, выявленная Г. А. Еншем в результате обработки сохранившихся статистических данных, вкратце представляется так: в 1804 г. в Лифляндской губернии насчитывалось 47 предприятий с 665 рабочими, в 1815 г. — 54 предприятия с 1229 рабочими и в 1857 г. — 98 предприятий с 8207 рабочими. Автор прослеживает и структурные изменения в промышленности того времени (упадок одних отраслей и подъем других), подчеркивая, в част-

¹⁷⁷ Я. П. Страдынь. Роль Прибалтики в развитии научных контактов между Россией и странами северо-западной Европы в XVIII—XX вв. — Научные связи..., стр. 7—13.

¹⁷⁸ J. J. Enšs. Kapitālistiskā manufaktūra Vidzemē XVIII gadsimta beigās. Rīgā, 1951. 112 lpp.

ности, факт заметного укрупнения предприятий (после 1815 г.), особенно шерстяных и хлопчатобумажных мануфактур в Риге. Отдельный (к сожалению, слишком краткий) раздел монографии Г. А. Енша посвящен составу рабочей силы на предприятиях (в начале столетия — пришедшие из России оброчные крестьяне, с 40-х годов — в значительной мере выходцы из латышской деревни).

Отмечая замедленность по сравнению с Российской империей темпов развития капиталистических форм в промышленности Лифляндии (особенно до 20-х годов XIX в.), автор справедливо указывает на то, «что главной причиной, задерживавшей промышленное развитие, было и оставалось крепостничество со всеми вытекающими из него последствиями». Быстрому росту мануфактуры мешало не отсутствие капитала (как это считал, например, проф. Любомиров), а отсутствие благоприятных условий для его инвестирования в промышленность. Представители рижского торгового капитала, притом весьма мощного, долгое время предпочитали вкладывать свои деньги в приобретение миз и другой недвижимости. «Отсталость» лифляндской и, следует полагать, вообще прибалтийской мануфактуры объясняется, таким образом, общеизвестным фактом аграрной истории — господством барщинно-крепостнической системы в сельском хозяйстве Прибалтики. Несколько поколебленная реформами 1804—1819 гг. эта система не обеспечивала ни рынка свободной рабочей силы, ни возможности широкого сбыта изделий растущей промышленности.

Вторая монография Г. А. Енша (1962 г.) является попыткой обобщить весь имеющийся документальный материал о развитии крупной промышленности на территории Латвии с конца XVIII до 60-х годов XIX в.¹⁷⁹ Новые архивные документы (в частности, фонд Рижского мануфактурного комитета и новые «списки фабрик» 30—50-х годов) позволили автору значительно расширить и уточнить картину промышленного развития на территории Видземе и, кроме того, показать (правда, лишь в общих чертах) судьбы мануфактуры в Курземе и Латгале. Ввиду различной сохранности источников картина получилась неравномерная. Лучше всего известна промышленность Видземе, о которой имеются сводные цифровые данные за 1804, 1815, 1825, 1834 гг. и позднейшие — 40—50-е годы XIX в. Г. А. Енш изучает ее по отраслям, ибо только такой подход позволяет установить конкретно, когда крепостническая мануфактура становится полностью капиталистическим предприятием (в Видземе этот процесс

¹⁷⁹ J. Jēnšs. No Latvijas rūpniecības attīstības vēstures 18. gs. beigās — 1860. g. — VP, 5, 1962, 183.—296. lpp.

зашел далеко уже в первой четверти XIX в., хотя и здесь основную массу вольнонаемных рабочих вплоть до 60-х годов составляли русские оброчные крестьяне) и превращается в фабрику. В отличие от Л. А. Лооне, датирующей промышленный переворот в Эстонии 40-ми годами XIX в.¹⁸⁰, Г. А. Енш считает, что в Видземе период 1830—1850 гг. возможно определить лишь как начало промышленного переворота. Около середины столетия степень механизации видземских предприятий была в общем незначительной и не охватывала всех отраслей, и только в начале 60-х годов XIX в., когда основную часть промышленной продукции стали производить крупные механизированные предприятия, промышленный переворот стал приближаться к своему завершению.

Конкретных, особенно цифровых, данных о развитии мануфактуры в Курземе сохранилось гораздо меньше. Как установил Г. А. Енш, тут это развитие происходило значительно медленнее, чем в Видземе (подчеркивая тем самым искусственный, эфемерный характер «расцвета» крепостнической мануфактуры во времена герцогства). Так, в середине 40-х годов XIX в. в Курземе существовало всего лишь около 20 мануфактур, производивших продукции примерно на 100 тыс. рублей, т. е. в 28 раз меньше, чем в Видземе, где продукция в те же годы оценивалась в 2,7—2,8 млн. рублей серебром. В Латгале, если не считать нескольких предприятий (кирпичных, льнопрядильного и кожевенного заводов), крупных промышленных заведений фактически не было даже в середине XIX в.

Перу Г. А. Енша принадлежат также очерки истории производства бумаги в Латвии начиная с XV до середины XIX в.¹⁸¹ В системе латвийской промышленности это — довольно важная отрасль: еще в 1864 г. три бумажных мануфактуры давали продукции на 144 тыс. рублей, что составляло более 3% общей суммы промышленной продукции Видземе. В данной работе Г. А. Енш изучил также водяные знаки на бумаге (филиграни), имеющие большое значение для определения хронологии исторических документов позднефеодального периода.

В трудах Г. А. Енша, как и в диссертации Б. Я. Вилкс (изучавшей эти проблемы применительно ко второй половине XIX в.), рассматривается развитие лишь крупной капиталистической промышленности. Экономический рост Латвии, как и важнейший социальный процесс — формирование современного

¹⁸⁰ Л. А. Лооне. Из истории промышленного переворота в Эстонии. — ВИ, 1952, 5, стр. 77—96; см. также: В. К. Яцунский. Промышленный переворот в России. — ВИ, 1952, 12, стр. 46—70.

¹⁸¹ Г. А. Енш. Производство бумаги в Латвии до середины XIX в. — ИзИТ, 5, 1964, стр. 83—126.

пролетариата, определялись, в конечном счете, темпом промышленной революции, превращением мануфактуры в фабрику. Известно, однако, что передовые формы индустрии развивались с огромным трудом и даже в 60-е годы не стали господствующими. Рядом с крупной промышленностью продолжали существовать и городское цеховое ремесло, и деревенские кустарные промыслы и, наконец, «вотчинная» промышленность в крупных имениях. Сколько рабочей силы занято было в этих традиционных сферах промышленности, каков был их реальный вклад в общую массу производимой продукции, скажем, в начале и в середине XIX в.?

Ответить на этот вопрос с желаемой полнотой едва ли когда-либо удастся ввиду явно скудного содержания выявленных до сих пор источников. Но ряд отрывочных данных указывает и на живучесть названных форм промышленности, и на огромную их роль в экономике «переходной эпохи». Напомним только известные факты, приводимые в работах историков и этнографов от случая к случаю. В начале 20-х годов XIX в. в Лифляндской губернии насчитывалось лишь 1640 мануфактурных рабочих, в то время как в цеховом ремесле было занято около 3800 человек. В Риге, по данным 1860 г., на фабриках и мануфактурах было занято 4211 рабочих, которым противостояло 5146 цеховых ремесленников. И даже в области текстильного производства (которое в сфере крупной промышленности было наиболее развитым) в те же 60-е годы «по-прежнему господствовал ручной труд и решающее значение имели изделия сельских кустарей» (А. П. Алсупе). А «вотчинная» промышленность, которую Г. А. Енш сознательно (и в рамках поставленной им задачи вполне правомерно) исключил из своих подсчетов, касающихся объема и структуры крупной промышленности? Так называемые губернаторские отчеты показывают, что только в Лифляндии в 1847 г. существовало 565 винокурен и 298 пивоварен, 258 кирпичных и 161 известковых заведений, около 2 тысяч мельниц, лесопилен и т. п. Все эти предприятия были, конечно, мелкие, но приняв, что на каждом из них использовался труд 2-3 рабочих, получим общую цифру 7—10 тыс. работников, занятых в помещичьем предпринимательстве. Если учесть, что «крупные предприятия» (с числом рабочих более 6 человек) насчитывали даже несколько позже (1853 г.) 5160 рабочих, то важность «мызной промышленности» предстанет со всей очевидностью. Отметим, кстати, что в той же Лифляндской губернии эти помещичьи предприятия в 1853 г. давали свыше $\frac{1}{4}$ всей промышленной продукции, а одно лишь производство спирта и водки в 1860 г. давало в Лифляндии 10%, а в Курляндии даже свыше 50% продукции в стоимостном выражении.

Все это означает, что рост крупной промышленности не привел к вытеснению ремесла, деревенского промысла и промышленности имений, особенно в области переработки сырья и продуктов. Население обувалось и одевалось, обеспечивалось рабочим инвентарем и утварью пока еще не за счет мануфактуры и фабрики, а за счет старых форм промышленной деятельности. И объем их продукции в абсолютных размерах, пожалуй, не уменьшался, а возрастал; сокращался только удельный вес ремесла, промыслов и мелкотоварного производства по мере успехов новой крупной промышленности, пока еще лишь предвещавших полное торжество капиталистической эры. То обстоятельство, что Латвия в этом смысле не была исключением, подтверждают исследования ученых из братских республик, где подчеркивается такое же «сосуществование» капиталистических предприятий с цеховым ремеслом, деревенскими промыслами и помещичьим предпринимательством в России, Белоруссии и Литве¹⁸².

В латвийской литературе предмета роль этих «реликтов» в народном хозяйстве страны на всем протяжении первых двух третей XIX в., по-видимому, недооценивается. Такие явления, как успешная конкуренция мелкого ремесла с крупной промышленностью, рост числа цехов и даже периоды своеобразного «возрождения» цехового устройства (констатируемые и в русских губерниях, и в Литве) нельзя исключить и в Латвии. Следует учитывать также и то, что эти мелкие формы промышленности изменяли свое содержание: ремесло в городе и деревне превращалось в мелкотоварное производство для рынка, а помещичьи «экономии» — в капиталистические предприятия. Одним из существенных недостатков изучения этих процессов является отсутствие точек соприкосновения между исследователями мануфактур и фабрики, с одной стороны, и специалистами по истории цехов, с другой (поскольку последние уделяют внимание лишь социальным аспектам проблемы). Много может дать также сотрудничество историков города и аграрников, пока изучающих мызные и кустарные промыслы только в «сельскохозяйственном» плане. Практически неразработанной областью исторического исследования являются, наконец, такие

¹⁸² См., например, П. Г. Рындзюнский. Изучение городов России первой половины XIX в. — В кн.: Города России. М., 1966, стр. 65—74; В. В. Чепко. К вопросу о развитии промышленности в Белоруссии в период кризиса феодально-крепостнической системы. — ИАН БССР, 1961, I, стр. 37—49; М. Б. Болбас. Развитие промышленности в Белоруссии (1795—1861). Минск, 1966. 268 стр.; В. Ю. Меркис. Развитие промышленности и формирование пролетариата в Литве XIX в. Автореф. докт. дисс. Вильнюс, 1968.

вопросы, как экономика предприятий (связь с рынками и источниками сырья, капиталовложения и рентабельность), ранние формы самостоятельных выступлений пролетариата в Латвии и ряд других.

4. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭПОХИ

Успехи в области изучения отдаленного прошлого Латвии, достигнутые в советский период, стали возможными лишь благодаря применению марксистско-ленинской методологии. Одним из важнейших методологических требований является непрерывное расширение источниковедческой базы исследований, совершенствование приемов и техники обработки первоисточников. Применительно к изучению феодальной эпохи в Восточной Прибалтике важность этой задачи приходится подчеркнуть особо. Во-первых, в силу специфики средневековых источников, требующих немало усилий для их «прочтения» и тем более для надлежащей их интерпретации. И, во-вторых, в силу исключительного богатства балтийских архивов (особенно по периоду позднего феодализма), представляющих значительный интерес не только для изучения «прибалтийского варианта» феодальной формации, но также для выявления более общих закономерностей этой формации в Восточной Европе. Дальнейшее освоение этих ценнейших материалов, имеющих общесоюзное и даже мировое значение, требует усиленного внимания к проблемам источниковедения и других вспомогательных исторических дисциплин.

Задачей вспомогательных (специальных) исторических дисциплин является, как известно, выявление новых первоисточников, их научная систематизация, всесторонняя критическая оценка тех или иных документов с точки зрения формы (достоверность, происхождение, датировка и т. п.) и содержания (степень пригодности для исследования тех или иных проблем), разработка «техники и процедур» их изучения и, наконец, подготовка этих источников к публикации. Приходится с сожалением констатировать, что столь важный участок научного фронта оставался запущенным вплоть до последнего времени.

Здесь имеется в виду не то, в какой степени источниковедческие проблемы присутствуют в том или ином научном исследовании, посвященном конкретной исторической проблеме или эпохе. Обзоры использованных источников являются обязательной принадлежностью всех диссертаций, монографий и даже отдельных статей. Критика документов — не внешнее «украше-

ние», а важнейшая составная часть каждой серьезной научной работы, определяющая надежность полученных результатов. В какой-то мере можно считать закономерностью современной науки то обстоятельство, что в ходе исследования сплошь и рядом стирается грань, отделяющая «добычу» материала от его «обработки». Это, однако, не отменяет необходимости *специального* изучения вспомогательных исторических дисциплин, способных ставить и разрешать *самостоятельные* исследовательские задачи. Сейчас в Латвийской ССР источниковедческие проблемы изучаются от случая к случаю и, как правило, не включаются даже в планы исследовательской работы. Исторiku, особенно поднимающему архивный материал, приходится выступать в роли «мастера на все руки», владеющего не только палеографией изучаемых документов, но и геральдикой, сфрагистикой, хронологией, метрологией и т. д. Отчасти подобная роль, разумеется, неизбежна. К примеру, система мер и весов менялась не только во времени, но и в пространстве. То же самое с хронологией: в дошедшей до нас мызной документации начало и конец хозяйственного года определялись по-разному, и выяснять это приходится в каждом отдельном случае. Насколько, однако, решение подобных задач облегчило бы наличие специальных исследований по вспомогательным дисциплинам, разработанных на основе местных источников! Однако такие работы у нас, к сожалению, пока редкость: их можно, что называется, перечесть по пальцам.

В области выявления и научной характеристики богатейших материалов наших архивов выделяются статьи Г. А. Енша, содержащие обзоры источников по периодам польского и шведского господства в Лифляндии¹⁸³. В последние годы Г. А. Енш интенсивно работал над общей историей фондов Центрального государственного исторического архива Латвийской ССР; следует ожидать, что подготовленное им большое исследование будет опубликовано. Ценным пособием для историков техники и науки в Прибалтике (область исследования, в последние годы привлекающая все более пристальное внимание специалистов) является статья Г. А. Енша о соответствующей документации, хранящейся в ЦГИА Латвийской ССР¹⁸⁴. обстоятельная харак-

¹⁸³ Г. А. Енш. «Polonica» в Рижском государственном архиве. — УчЗ Инслав, 2, 1950, стр. 311—325; Г. А. Енш. Документы по истории Прибалтики шведского периода в архивах Риги. — ССб, 3, 1958, стр. 224—256; J. J e n š s. Zviedru perioda dokumentālie materiāli Latvijas PSR valsts arhīvos. Fondo vēsture un dokumentālo materiālu apskats. — VP, 2, 1958, 263.—295. lpp.

¹⁸⁴ Г. А. Енш. Обзор документальных материалов по истории техники, хранящихся в Центральном государственном архиве Латвийской ССР. — ИзИТ, 1, 1959, стр. 113—126; см. также Д. К. Зеленин. Обзор рукописных

теристика одного из мало изученных фондов бывшего Рижского городского архива (налоговое управление, 1782—1917 гг.) дается в статье Р. А. Ширанта¹⁸⁵. Картографическим материалам (старым картам и планам гор. Риги, а также схемам и картам Латгале XVIII—XIX вв.) посвящены статья Б. Р. Брежго¹⁸⁶ и доклад Р. А. Ширанта¹⁸⁷. В статье А. Янсона охарактеризованы изобразительные материалы по истории Латвии из Исторического музея АН Эстонской ССР¹⁸⁸, в докладе же С. Я. Цимерманиса дается анализ творчества А. Мейерберга и его спутников по путешествию в Московское государство (1661—1662 гг.), оставивших важные зарисовки сельского и городского быта на территории Латвии¹⁸⁹. Представляет большой интерес также доклад А. Я. Зейды (пока опубликованный в виде тезисов) об источниках по истории ремесла в городах Латвии феодальной эпохи. Автор подробно знакомит читателя с типами этих источников, с их распределением по фондам, степенью их сохранности и т. д.¹⁹⁰ Анализ актовых документов из фонда «Литовская метрика» (хранящегося в ЦГАДА, Москва), в той мере, в какой они касаются непосредственно Латвии и Эстонии, посвящены статьи В. В. Дорошенко¹⁹¹.

Ведется работа по изучению рукописных и первопечатных материалов, хранящихся в Фундаментальной библиотеке АН и Государственной библиотеке Латвийской ССР. М. А. Таубе опубликовала исчерпывающий обзор первых рижских газет, выходивших в XVII—XVIII вв. (древнейшая из них «*Zeitungen*» датируется 1606 г.) и содержавших подчас важную информацию о международных и местных событиях этой эпохи, а главным образом по различным аспектам истории Риги (политика магистрата, быт горожан, торговля, рост населения за счет притока

материалов Ученого архива Всесоюзного географического общества о народах Прибалтики. — СЭ, 6—7, 1947, стр. 254—274.

¹⁸⁵ R. Širants. Rīgas pilsētas nodokļu pārvalde no 1782. līdz 1917. g. (Rīgas pilsētas valsts arhīva 21. fonds). — VP, 3, 1960, 237.—263. lpp.

¹⁸⁶ B. Brežgo. Latgales XVIII gs. otrās puses un XIX gs. sākuma kartes. — ZAVēst, 1951, 2, 321.—331. lpp.

¹⁸⁷ Р. А. Ширант. Карты и планы Риги как исторический источник. — ТДИП, стр. 65—67.

¹⁸⁸ A. Jānsons. Izogrāfiskais materiāls par Latviju Igaunijas PSR ZA Vēstures muzejā. — AE, 3, 1961, 169.—173. lpp.

¹⁸⁹ С. Я. Цимерманис. Альбом путешествия А. Мейерберга как источник для изучения истории латышской культуры. — ТДИП, стр. 59—63.

¹⁹⁰ А. Я. Зейда. Источники по истории цехового ремесла (эпоха феодализма) в ЦГИА Латвийской ССР. — АС, стр. 48—53.

¹⁹¹ В. Дорошенко. Акты Литовской метрики как источник по истории Латвии. — ИАН ЛССР, 1957, 12, стр. 61—72; В. Дорошенко. Estōnīca в актах Литовской метрики. — ИАН ЭССР, 1958, 4, стр. 319—327.

беглых крепостных крестьян, обычаи и культура города)¹⁹². В большой статье А. Апиниса читатель знакомится с рукописной латышской литературой, самые ранние образцы которой сохранились, к сожалению, лишь начиная со второй половины XVIII в.¹⁹³ С каким трудом — в условиях крепостничества и национального гнета — пробивала себе дорогу в свет печатная латышская книга, показано в обстоятельном исследовании Ф. Карулисa, первая часть которого посвящена первоизданиям XVI—XVIII вв. и «борьбе между латышским автором и издателем» в первой половине XIX в., когда вопреки обструкции со стороны реакционных кругов было налажено более систематическое издание произведений латышских авторов¹⁹⁴. Значение русско-латышских словарей XVIII в. как памятников национальной культуры (и важных источников как для лингвистов, так и для историков) охарактеризовано в статье Н. Ф. Семеново́й¹⁹⁵.

Значительно хуже обстоит дело с изучением других вспомогательных исторических дисциплин. Совершенно отсутствуют исследования, например, по палеографии, сфрагистике, хронологии, геральдике и т. д. Если не считать полезной статьи Р. Малвеса о средневековых воцаренных табличках¹⁹⁶, заметное оживление наблюдается только в области изучения бумажных водяных знаков (филиграноведение), нумизматики и метрологии. Достоинством статей Г. А. Енша о водяных знаках на латвийской бумаге (облегчающих датировку исторических документов) является рассмотрение этой специальной проблемы в тесной связи с развитием бумажного производства на территории Латвии в XVII—XIX вв.¹⁹⁷

¹⁹² M. Taube. Rīgas pirmie laikraksti kā kultūrvēstures avots (XVII un XVIII gs.). — Grām: Grāmatas un to krātuves. Rīgā, 1966, 65.—128. lpp.; см. также: H. Gaillitis. Pirmās krievu avizes Latvijā. — Karogs, 1967, 2, 147.—150. lpp.; A. Jansons. Vēlreiz par pirmajiem periodiskajiem izdevumiem latviešu valodā. — Karogs, 1967, 12, 154.—155. lpp.

¹⁹³ A. Apinis. Rokraksta grāmatas 18. gs. otrajā un 19. gs. pirmajā pusē. Lappuse no latviešu grāmatniecības vēstures. — Latv. PSR Valsts bibliotēka. Raksti, 1, Rīgā, 1964, 71.—112. lpp.

¹⁹⁴ F. Karulis. Latviešu grāmata gadsimtu gaitā. Rīgā, 1967, 33.—88. lpp.

¹⁹⁵ Н. Ф. Семенова. Русско-латышские словари XVIII века. — В кн.: Вопросы языка и литературы. Рига, 1966, стр. 33—46.

¹⁹⁶ R. Malvess. Viduslaiku vaskotās plāksnītes Latvijā. — ZAVēst, 1949, 10, 129.—142. lpp.

¹⁹⁷ J. Jenšs. Papīrs un tā ūdenszīmes Latvijā XIX gs. pirmajā pusē. — VP, 3, 175.—236. lpp. — Целесообразность дальнейшего всестороннего изучения этой проблемы подтверждает хороший опыт литовских историков (см. Э. Лауцявичюс. Бумага в Литве в XV—XVIII вв. Атлас. Вильнюс, 1967. 289 стр.).

Монетное дело в средневековой Ливонии, главным образом на территории Эстонской ССР, давно и весьма плодотворно изучает А. Н. Молвыгин. Помимо ряда отдельных статей, помещенных в эстонских научных изданиях (1960—1965 гг.), большой интерес для историков Латвии представляет его диссертация¹⁹⁸. В этом серьезном труде дается научная периодизация истории монетного дела в Ливонии XIII—XVI вв., которое ставится в связь с ростом товарно-денежных отношений в хозяйстве страны, с усилением роли денежного обращения. Помимо эстонских монет (тартуских, таллинских) автор подробно исследовал эволюцию рижской марки, являвшейся основной единицей денежного счета на территории всей ливонской конфедерации; в работе приводится, между прочим, таблица реального (серебряного) содержания рижской счетной марки с середины XIV в. до 1557 г. Под редакцией того же А. Н. Молвыгина вышел в свет полезный альбом — определитель монет в Прибалтике XIII—XVIII вв. Автор указанного пособия Д. Я. Федоров¹⁹⁹ проделал огромный труд по собиранию этой монетной коллекции, включающей материал также и по латышским землям (Рига, архиепископство, орденовые владения, Курляндское герцогство, а для более позднего времени — обе губернии, Лифляндская и Курляндская). К сожалению, описание многих монет грешит существенными неточностями и потому требует от будущих исследователей осторожности²⁰⁰. Наиболее ценный вклад в латвийскую нумизматику феодальной эпохи внесла Р. Цеплите. Мы имеем в виду ее работы, опубликованные в недавно изданном сборнике трудов Исторического музея Латвийской ССР. В первой из них²⁰¹, являющейся, по существу, небольшой монографией, подвергнут тщательному анализу большой клад ливонских монет XV—XVI вв., обнаруженный в свое время в дер. Ружина (Резекненский р-н); самая ранняя

¹⁹⁸ А. Н. Молвыгин. Денежное обращение и монетное дело на территории Эстонской ССР в XIII — первой половине XVI вв. Автореф. канд. дисс. Таллин—Ленинград, 1967; см. также: А. Н. Молвыгин. Нумизматический материал Эстонии XIII—XV вв. как исторический источник. — ТДИП, стр. 51—54.

¹⁹⁹ Д. Федоров. Монеты Прибалтики XIII—XVIII столетий. Определение монет. Таллин, 1966. 422 стр.

²⁰⁰ Не будучи специалистом в области нумизматики, Д. Я. Федоров (врач по профессии) допустил много неточностей и ошибок в передаче транскрипции надписей на монетах, разделительных знаков и т. д. Часть этих оплошностей — однако, не все! — исправлена в «комментариях и дополнениях» А. Н. Молвыгина, появившихся в процессе печатания альбома.

²⁰¹ R. Ceplite. XV—XVI gs. Livonijas monētu depozīts Ružinas ciemā (jaunākā — 1564. gada monēta). — LVMR. Numismātika, 1968, 7.—100. lpp.

из монет датируется здесь 1564 г. Вторая статья того же автора ²⁰² посвящена изучению мелкой монеты рижской чеканки, находившейся в обращении в так называемое шведское время (1621—1701 гг.). Высокий методологический уровень обработки нумизматических данных и богатый, отлично подобранный иллюстративный материал (зарисовки монет — С. Элере, фотографии — Т. Ципарсона) позволяют считать названную публикацию образцовой во всех отношениях. Любопытный, хотя и преходящий эпизод из истории монетного дела на территории Латвии в XVII в. освещен в статье А. С. Мельниковой ²⁰³.

В области метрологии необходимо отметить заслуги Я. К. Земзариса. Опубликованное им в середине 50-х годов небольшое, но содержательное исследование по метрологии Латвии в период господства Ливонского ордена (содержащее экскурсы и в более позднее время) ²⁰⁴ несет свою полезную службу вот уже почти пятнадцать лет. Принципиальное значение — в смысле подхода к исследованию проблем метрологии феодальной эпохи — имеет также его статья о значении «мер» и «сверхмер» как средства для усиления эксплуатации крепостного крестьянства ²⁰⁵. Требуя от крестьян внесения продуктовых повинностей в мерах повышенной емкости (например, в «сельских» пурах, существенно превышавших «рижские» пуры) и всякого рода «надбавок», ломая в своих интересах традиционные меры объема, веса, длины и т. д., помещики навязывали крестьянам свою «метрологию», явно рассматривая ее как орудие классового господства. Такого рода попытки вскрыть социальную сущность изучаемого явления, увидеть за «техникой счета» явления социальной борьбы внутри феодального общества заслуживают всяческого внимания.

²⁰² R. Cepīte. Laikā no 1621. līdz 1701. gadam Rīgā kaltā sīknauda un tās apgrozība. — LVMR. Numismātika, 1968, 111.—142. lpp.

²⁰³ А. С. Мельникова. Чеканка монет в Куkenойсе в середине XVII в. — СА, 1964, 3, стр. 141—148. — Речь идет о попытке царя Алексея Михайловича учредить Денежный двор в Кокнесе после завоевания города в 1656 г., когда царское правительство сохраняло надежду, что приобретенные ливляндские территории останутся впредь за Россией. Чеканкой медных копеек в Кокнесе руководил известный государственный деятель А. Л. Ордин-Нащокин.

²⁰⁴ Я. К. Земзарис. Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII—XVI вв.). — Проблемы источниковедения, 4, М, 1955, стр. 177—222. — Перу Я. К. Земзариса принадлежит также обширная обобщающая работа по метрологии Латвии на всем протяжении феодальной эпохи, которая, к сожалению, лежит без движения в одном из издательств.

²⁰⁵ J. Zemzaris. Mērs un virsmērs kā feodālo zemnieku ekspluatācijas līdzeklis Latvijā. — ZAVēst, 1957, 8, 25.—35. lpp.

В последние годы оживляется интерес к проблемам собственно источниковедения, к анализу документов различного типа или отдельных памятников, к разработке методики их изучения и использования в трудах этнографов²⁰⁶, археологов²⁰⁷ и, конечно, историков самого различного профиля²⁰⁸. Определенное стимулирующее значение имеют встречи ученых специалистов из братских республик, заинтересованных в обсуждении общих проблем прибалтийского источниковедения. На состоявшейся в 1968 г. конференции было обсуждено более 30 докладов и сообщений, представленных историками Москвы, Ленинграда, Риги, Вильнюса и Таллина²⁰⁹. Часть этих материалов была упомянута выше. В числе других тем, имеющих ближайшее отношение к разработке источников по истории феодальной Латвии, отметим доклады Т. Я. Зейда («Характеристика изданий письменных источников по истории феодализма в Латвии»), Г. А. Мелдериса («Архивы учреждений города Елгава и их сохранность в настоящее время»), Д. Э. Лиепинь («Сельскохозяйственные трактаты XVII в. как источник по экономической истории Латвии»), В. В. Дорошенко («Хозяйственная документация лифляндских имений как источник по аграрной истории XVI—XVIII вв.») и Г. П. Строда («Обязательные инвентари частновладельческих имений Латгале 40—50-х годов XIX в. как исторический источник»). Существенный интерес для латвийских историков представляют также выводы и наблюдения, сделанные по аналогичным эстонским (Ю. Ю. Кахк, Х. Э. Палли), литовским (М. Я. Ючас, Ю. М. Юргинис, В. И. Неупокоев, А. Л. Хорошкевич) и русским (И. П. Шаскольский, С. М. Троицкий) источникам и доложенные на конференции. Встречи такого рода следовало бы устраивать систематически, а их материалы — публиковать. Как показывает пример ежегодных симпозиумов по аграрной истории, именно творческое сотрудничество ученых из братских республик лучше всего способствует разрешению «наболевших»

²⁰⁶ H. Strods. Vidzemes etnogrāfijas avotu un pētījumu apskats. — АЕ, 5, 1963, 5.—24. lpp.

²⁰⁷ Э. С. Мугуревич. Археологический материал Латвии XIII—XV вв. как исторический источник. — ТДИП, стр. 47—51.

²⁰⁸ См., например, В. Т. Пашуто. Рифмованная хроника как источник по русской истории. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей, посвященных М. Н. Тихомирову. М., 1963, стр. 102—108; Л. Е. Майстров, И. М. Рабинович «Рижская числительница». — Вопросы истории естествознания и техники, 22. М., 1967, стр. 46—52; Б. М. Шамардин, Х. А. Сахи. К истории медицинской письменности Ливонии в эпоху феодализма. — Из ИМ, 7, 1967, стр. 169—172.

²⁰⁹ Тезисы докладов и сообщений конференции по источниковедческим проблемам истории народов Прибалтики. Рига, 1968. 115 стр.

проблем науки. К такому явно отставшему от других участку, каким остается источниковедение, это относится в первую очередь.

Роль вспомогательных исторических дисциплин — не только «служебная». Помимо установления формы и происхождения документов (датировка, локализация, подлинность) они могут сказать свое слово и при анализе их содержания. Все более получает признание взгляд, что и «вспомогательным» дисциплинам присущи «не только специфические методы, но и особые, самостоятельные цели исследования»²¹⁰. Такая оценка задач и — подчеркнем — перспектив указанных дисциплин, их почетного места в системе исторических знаний заслуживает всемерной поддержки.

Сегодня уже не сто́ит, право, доказывать ту несомненную истину, что «ученые должны непрерывно обращаться к данным хронологии, метрологии, нумизматики, геральдики, сфрагистики и других вспомогательных исторических дисциплин», поскольку «информативное значение» их вполне очевидно для всех исследователей²¹¹. Как убедительно показал, например, С. М. К а ш т а н о в, даже такая, на первый взгляд, сугубо «подсобная дисциплина, как дипломатика (наука об актах) способна вносить самостоятельный вклад в изучение важных проблем истории. Специальное изучение актовых формуляров (с учетом их формы и содержания) приводит к существенным общим выводам относительно хода централизации Русского государства, формирования известной социально-экономической общности разных районов страны в XVI в. и т. д.»²¹² Возможность определенных, нередко новаторских исторических построений путем обращения, например, к материалам сфрагистики (В. Л. Янин), нумизматики (В. М. Потин) и т. д., демонстрировалась неоднократно. Это свидетельствует о том, что ряд вспомогательных исторических дисциплин — уже не просто «поставщики информации», — свои задачи они понимают гораздо шире.

Мера и вес, счет времени, монетное дело, материал для письма и даже формуляр документа — суть общественные явления, «продукты» своей эпохи и, следовательно, должны изучаться как таковые.

²¹⁰ С. М. К а ш т а н о в. Очерки русской дипломатики. Автореф. докт. дисс. М., 1968, стр. 3.

²¹¹ См. А. П. П р о н ш т е й н. Использование вспомогательных исторических дисциплин при работе над источниками. М., 1967, стр. 7; А. П. П р о н ш т е й н. Об информативном значении вспомогательных исторических дисциплин. — ТДИП, стр. 3—4.

²¹² С. М. К а ш т а н о в. Дипломатика как специальная историческая дисциплина. — ВИ, 1965, 1, стр. 39—44.

Так, например, метрология — отрасль науки, особенно актуальная для феодальной эпохи. Современная метрическая система, основанная на условных, абстрактных понятиях, появилась вместе с капитализмом. Для нас, по сути дела, не имеет значения, что «метр», «килограмм» и т. п. единицы связаны с определенными физическими явлениями, важен лишь их объективный характер и постоянство. Совершенно иную картину являет собой метрология древности или средневековья²¹³. Тут каждая мера имеет свое значение, притом совершенно конкретное, связанное с природой самих людей, с их производственной деятельностью и даже общественным положением. Некоторые из этих мер имели просто антропоморфный характер («шаг», «пядь», «локоть» и т. п.). Меры земельной поверхности были связаны с полевыми работами, обуславливались производительностью земледельческого труда, характером упряжи, количеством или качеством семенного материала и даже свойствами почвы. К примеру, «пурное место» имело в виду именно пуру посеянной ржи, так как посев ячменя или овса на таком же «месте» требовал больше одной пуры зерна. При этом и содержание самой «пуры» было неодинаковым, скажем, в Курляндии и Лифляндии. Явно агротехнический, притом опять же изменчивый характер имел и «сиекс» (лукошко сеятеля). Другие меры поверхности (например, «морг») определялись дневной нормой вспашки, причем в зависимости от множества факторов (упряжка лошади или вола, «тяжелая» или «легкая» почва, характер пашенного орудия) их реальное содержание считалось более или менее «определенным» только для данной местности и в данное время. С уровнем производства и его местности специфическими особенностями были теснейшим образом связаны и такие меры, как «воз» (с соответствующим ему «берковцем»), «миля» (варьировавшаяся в зависимости от транспортных средств), «камень» и т. д. Связь с производством вполне очевидна и в тех случаях, когда величина луга определялась по числу «кос», а ширина ткани (в «локтях») — по ширине ткацкого стана.

Еще более интересным представляется социальный аспект метрологии феодальной эпохи. Наиболее яркий тому пример — эволюция прибалтийского «гака» (и соответствующих ему русской «сохи», германской «гуфы» и т. д.). Попытки многих исследователей определить его «площадь» (хотя бы с учетом различных «типов» самого гака) не дали реальных результатов, хотя и принесли свою пользу. Именно неудача этих попыток

²¹³ См. W. Kuła. *Metrologia historyczna*. (Uwagi o jej zadaniach badawczych). — *Przegląd Historyczny*, 1959, 1, str. 248—272.

убеждает в том, что содержание «гака» попросту невозможно выразить сколько-нибудь адекватно в метрических единицах. Ставить такую задачу — это значит пытаться определить «квadrатуру круга»: старые и современные меры оказываются «несовместимыми» в силу их разной природы. Опыт, накопленный в области изучения «гака», отнюдь не снимает самой проблемы. Напротив, он позволяет ее формулировать шире и глубже. Вопрос о «поверхности» тех или иных «сошных» наделов (бытовавших в различных районах Латвии и изменявших свое содержание с течением времени) — это лишь часть проблемы и, может быть, не самая существенная. «Гак» — это не просто та или иная мера земли, но целый общественно-экономический институт, сложнейший из феноменов средневековой эпохи. При нынешнем уровне знаний мы можем представить себе этапы его развития лишь в общих чертах: земельный надел свободных крестьян в рамках соседской общины при раннем феодализме, с победой же феодального строя — надел («как бы заработная плата») зависимого и крепостного крестьянина, включавший в себя такие многообразные компоненты, как комплекс используемых угодий (с учетом не только их площади, но и качества, расположения и т. д.), совокупность лежавших на нем повинностей (сначала натурально-денежных, а потом, в первую очередь, барщины), а в более позднее время — также доходность «гака» или его долей, выраженную в деньгах (талерах). Изучение явлений ведется пока лишь в общих трудах по аграрной истории, исследующих систему крестьянских держаний и движение феодальной ренты. Думается, однако, что «гаковая проблема» заслуживает и специальных исследований — как проблема собственно метрологии, которая не ограничивала бы свои задачи «техникой исчисления», а включала в круг своих наблюдений также социальные функции «гака» как орудия феодальной эксплуатации.

В упоминавшейся выше работе Я. К. Земзариса продемонстрировано значение «меры» и «сверхмеры» как средства эксплуатации латышских крестьян. Работы такого плана представляются наиболее перспективными, их необходимо продолжить. Система мер, принятых в феодальном обществе, отражала столкновение экономических интересов не только между крестьянином и помещиком. Свои меры и вес навязывала крестьянам мыза, собственную метрологическую систему отстаивал практически каждый из городов в Прибалтике. Поскольку на рынке встречались помещики и крестьяне, купцы и ремесленники, в борьбу вовлекались все названные сословия и, разумеется, также органы государственной власти. Требуя от крестьян повинностный хлеб повышенной мерой («сельскими» пуроми),

феодал при продаже этого хлеба городскому купцу или уплате налогов в пользу казны («станции») предпочитал обходиться «нормальными», т. е. рижскими, пурами или ластами. В свою очередь, колебания в содержании самого ластва (42, 45 или 48 пур), наблюдаемые в источниках XVI—XVII вв., отражали конфликты между поставщиками товарной продукции (т. е. дворянством) и ее покупателями (купечеством), — так же, как и соперничество местных купцов с иностранными, но уже в сфере международной торговли, фиксировалось в неодинаковом содержании, например, рижского и амстердамского ластва. Каким образом разница в мерах, с одной стороны, при покупке, а с другой, при продаже товара маскировала неэквивалентный обмен и торговую прибыль ливонских купцов, — убедительно показал И. Э. Клейненберг. Другие подробности этой борьбы требуют изучения.

Будучи дополнительным инструментом давления на непосредственного производителя (страдающей стороной оказывались, как правило, крепостные или ремесленники), мера являлась также орудием политической власти. Многообразию местных, «традиционных» мер противостояли попытки государственных органов унифицировать системы мер и весов, денег и т. п. Та острота социальных конфликтов, которая сопровождала, к примеру, денежную реформу в 20-х годах XV в. (исследования А. Н. Молвыгина), наблюдалась и позже. Успехи и поражения таких унификационных попыток могут сказать очень многое по таким важным вопросам, как степень проникновения натурально-денежных отношений в феодальную экономику, интенсивность хозяйственных связей между отдельными землями (в местном и даже международном масштабе), наличие или отсутствие предпосылок для политической централизации и т. д. Процитируем в этой связи высказывание Витольда Кули, подчеркивающего необходимость более широкой (чем это делается обычно) трактовки задач метрологического исследования и его важное место в разработке общ исторической проблематики: «Дометрические системы мер... именно потому, что они являются атрибутом власти и орудием классовых привилегий, что вокруг них ведется подчас ожесточенная классовая борьба, наполнены богатейшим общественным содержанием, вскрытие которого должно стать главной задачей исторической метрологии».²¹⁴ К этому можно только добавить, что та же задача — *mutatis mutandis* — относится и к другим вспомогательным историческим дисциплинам, не исключая даже таких, как, скажем, геральдика или генеалогия.

²¹⁴ W. Kula. Problemy i metody historii gospodarczej. Warszawa, 1963, str. 625.

Многое предстоит сделать в области публикации исторических документов феодальной эпохи. Наши соседи — историки Эстонии и Литвы — в течение последнего десятилетия проделали довольно значительную работу по изданию ряда важнейших источников по аграрной истории XVI—XVIII вв. (судебные тяжбы и инвентари литовских имений), крестьянским движениям XIX в. («война в Махтра» 1858 г. в Эстонии), по истории Северной войны 1700—1721 гг. и т. д. Коллектив ленинградских и московских ученых выпустил в свет монументальную публикацию документов по истории русско-шведских экономических отношений в XVII в. Публиковались и комментировались источники по истории ганзейской торговли²¹⁵. Широкий отклик в кругах советских специалистов получили весьма квалифицированные издания древних актовых материалов, имеющих ближайшее отношение к истории народов Прибалтики и отчасти базирующихся на фондах рижских архивов. Так, за последние годы подверглись переизданию 15 смоленских грамот XIII—XIV вв. (с учетом всех сохранившихся списков), включая известные договоры русских князей с Ригой и немецким купечеством²¹⁶; введен в научное обращение ряд неизвестных ранее грамот Великого Новгорода²¹⁷; изданы новые псковские грамоты XIV—XV вв.²¹⁸; стали доступными для широкого круга исследователей и многие русские грамоты XV в. из бывшего городского архива²¹⁹. Но, говоря самокритично, все эти издания не являются заслугой историков Латвии. Если не считать спорадических выступлений на этом поприще²²⁰, латвийские специалисты не подготовили ни одной сколько-нибудь значительной публикации документов феодальной эпохи. Между тем, необходимость их вполне очевидна. Богатейшие фонды рижских архивов нашли

²¹⁵ М. Лесников. Торговая книга ганзейского купца начала XV в. — ИАрх, 1958, 2, стр. 134—153.

²¹⁶ Смоленские грамоты XIII—XIV вв. Подготовили к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1963; см. также: В. А. Кучкин. О древнейших смоленских грамотах. — ИСССР, 1966, 3, стр. 103—114.

²¹⁷ А. Л. Хорошкевич. Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. — АрхЕжг 1963, стр. 264—276; В. Л. Янин. Две неизданные новгородские грамоты XV века. — АрхЕжг 1959, стр. 333—340.

²¹⁸ Л. М. Марасинова. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966, 211 стр.

²¹⁹ А. Л. Хорошкевич. Русские грамоты 60—70-х годов из бывшего Рижского городского архива. — АрхЕжг 1965, стр. 325—341.

²²⁰ T. Zeids. Trīs dokumenti par feodālā īpašuma attīstību Kursā. — VP, 4, 1961, 3.—12. lpp.; G. Merķelis. Latvieši, sevišķi Vidzemē, filozofiskā gadsimtenā beigās. Tulk. no vācu valodas Ā. Feldhūna red. Rīgā, 1953. 224 lpp.; Н. Д. Боголюбова, Л. И. Таубенберг. О древнерусских памятниках Рижского архива. — УчЗ ЛатГУ 36, 1960, стр. 7—22.

отражение в старых изданиях лишь в очень незначительной степени; исключения составляют источники только древнейшего периода (до середины XVI в.) и отчасти более позднего времени. Пробелы в изданиях, предпринимавшихся в свое время в Прибалтике, объясняются, как известно, классовыми позициями дворянских и буржуазных историков в отборе источников, направлением их интересов и уровнем самой исторической науки. В свете задач марксистско-ленинской историографии представляется целесообразным издание главным образом таких документов, которые отражают жизнь народных масс, решающее значение их труда и борьбы в процессе общественного развития. Вопросы о том, какие источники предпочесть для публикации в первую очередь, как их издавать и т. д., требуют, разумеется, обсуждения в среде компетентных специалистов. Здесь нужно, по-видимому, учитывать стремление современной советской науки не к извлечению из первоисточников всякого рода «примеров» и «иллюстраций» (хотя бы и очень «ярких»), а к комплексному исследованию глубинных социальных процессов, обнаруживающих свои результаты на протяжении длительных периодов времени. Думается, что предпочтение следует отдавать большим, серийным изданиям, включающим документы с «массовой» информацией, позволяющей оценить («взвесить», «измерить») действительное значение тех или иных явлений в хозяйстве, общественно-политическом строе, культуре и быте народа. Говоря об источниках по истории Латвии феодальной эпохи, несомненно заслуживающих опубликования, можно назвать, например, актовый материал разнообразного содержания (включая «пожалования» земель), ревизионные описания и текущую хозяйственную документацию ряда имений XVI—XVIII вв., всякого рода вотчинные «уставы» и крестьянские жалобы, статистику рижской торговли и документацию ремесленных цехов, ряд не издававшихся ранее хроник, ценнейшие изобразительные материалы (в особенности коллекцию И. Х. Бротце) и многое другое.

Вводя в научный оборот новые материалы, малодоступные для более широкого круга специалистов или читателей, публикации исторических документов обеспечивают возможность проверки выводов из проведенных исследований. В науке нет и не может быть «окончательных» выводов. Никакой исследователь не в состоянии исчерпать всего богатства первоисточника. К проблемам, однажды «решенным», как правило, возвращаются вновь и вновь, и каждое поколение ставит и разрешает их заново — в свете задач своего времени, на более высоком методологическом уровне. Внимание к публикации исторических документов — это забота о завтрашнем дне науки.

IV. ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И БЫТА: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение материальной культуры народа — это результат общих усилий археологов, историков и этнографов. Важнейшей составной частью этой проблемы является история производительных сил — орудий труда и производственных навыков самих тружеников. «Экономические эпохи, — указывал К. Маркс, — различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»¹. История производительных сил в Латвии заняла подобающее ей место только в советской историографии.

Выше уже говорилось, как много сделали в этой области археологи: для древнейших периодов (включая ранний феодализм) их вклад имеет решающее значение. Проблему развития производительных сил в период феодализма и капитализма затрагивали, пожалуй, все опубликованные исследования по аграрной истории, в меньшей степени — существующая литература по истории ремесла и промышленности (тут явно преобладал социальный аспект). Чем ближе к концу феодальной эпохи, тем более существенное значение приобретает этнографический материал, особенно для изучения традиционных форм производства, культуры и быта. Изживание этих форм, связанных с патриархальным и мелкотоварным укладом, началось, как известно, уже в период капитализма. Бурные темпы социалистических преобразований во всех сферах общественной жизни уже на наших глазах ведут к окончательному исчезновению многих реликтов прошлого и в первую очередь — старой земледельческой техники, изживших себя приемов ручного труда и т. п. Но

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 191.

те же перемены ведут и к появлению новых видов хозяйства и трудовых навыков, новых особенностей культуры и быта, одним словом — новых национальных традиций. Вот этот сложный, подчас противоречивый процесс и призвана изучать этнография. Ее специфика состоит не столько в *предмете* науки (поскольку культуру и быт изучают также историки, социологи и представители других дисциплин), сколько в *методике* исследования, в своеобразных приемах собирания и обработки источников. Этнограф имеет дело обычно (хотя и не исключительно) с предметами материальной культуры (орудиями труда, постройками, одеждой) или явлениями общественной жизни на том или ином уровне (семья, этническая группа), сохранившимися и все еще бытующими или же зафиксированными в изображениях, устных рассказах и т. д.

По сбору и накапливанию такого рода источников значительная работа была проведена уже в буржуазный период: в латвийских музеях и архивах насчитывалось около 150 000 единиц хранения, часть из них была разграблена оккупантами в период второй мировой войны. Но буржуазная этнография использовала это богатство отнюдь не в интересах народа. Сколько-нибудь серьезных научных работ обобщающего характера она не оставила. Этнографы буржуазной Латвии в лучшем случае не поднимались над уровнем описания собранных фактов, в худшем — выискивали и поднимали на щит такие факты, которые были призваны подчеркнуть «исконно крестьянский» характер латышского народа, своего рода «консерватизм» его национальной специфики.

Новое поколение латвийских этнографов, воспитанное за годы советской власти, насчитывает в своем составе более двух десятков специалистов, в том числе 9 кандидатов наук. Этнографические исследования проводятся как в столичных музеях (среди которых следует подчеркнуть роль латвийского «Скансена» — Этнографического музея под открытым небом в гор. Риге), так и на местах — в Вентспилсе, Лиенае, Екабпилсе, Лудзе и т. д. Направляет и координирует эту работу группа высококвалифицированных специалистов, сосредоточенная в Институте истории АН Латвийской ССР. В результате систематических экспедиций, проводимых с 1947 г., фонд полевых этнографических материалов возрос по сравнению с довоенным уровнем почти вдвое и составляет теперь 280 000 единиц. За эти годы было опубликовано свыше двухсот научных статей (из которых наиболее ценные нашли свое место в серии сборников «Археология и этнография», 8 томов за 1957—1968 гг.), около десяти обобщающих монографий и ряд других публикаций научно-популярного характера — альбомов, путеводителей и т. д.²

Важнейшей особенностью этой многообразной продукции является стремление латвийских этнографов показать огромный творческий потенциал трудящихся масс — подлинных создателей материальных и духовных благ, хранителей и продолжателей прогрессивных традиций латышской национальной культуры. Этнография — историческая наука и в качестве таковой (вопреки этимологии самого термина) не может ограничиваться лишь «описательством». Интерпретируя данные этнографии в связи с общим ходом социально-экономического развития, работы латвийских ученых вносят свой вклад как в изучение исторических закономерностей, так и в практику коммунистического строительства. Тот специфический материал, с которым имеет дело этнограф, восходит, в общем, к концу XVIII в. Исключение составляют изографические источники, агрономические трактаты и ряд сельскохозяйственных описаний (в составе мызной документации): они имеются также для XVI—XVII вв., однако степень их «освоения» в плане истории материальной культуры пока, к сожалению, очень мала.

Говоря об уровне земледелия в период развитого феодализма, следует упомянуть работы историков, изучавших под этим углом зрения «обычную» письменную документацию. Данные средневековых хроник, жалованных поместных грамот, инвентарей и ревизий XIII—XVI вв. использованы в статьях В. В. Дорошенко³, специально рассматривающих вопрос о состоянии и эволюции производительных сил в сельском хозяйстве Латвии в так называемый орденский и отчасти «польский» периоды. Здесь охарактеризованы все компоненты тогдашнего многоотраслевого хозяйства: хлебопашество, выращивание технических культур, домашнее животноводство, огородничество

² Обзоры научных исследований по этнографии Латвии делались неоднократно: Н. Н. Чебоксаров. Этнографическая работа в Советской Прибалтике. — СЭ, 1949, 4, стр. 180—186; М. К. Степерманис. Развитие этнографической науки в Советской Латвии. — СЭ, 1960, 3, стр. 139—144; Г. Строд. Развитие и ближайшие задачи латышской советской этнографии. — СЭ, 1963, 2, стр. 61—71; Г. Строд. Основные направления в развитии этнографии Латвии. М., 1964. 10 стр. (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук); Х. Стродс. Латышская советская этнография за 25 лет (1940—1965). — Acta Baltico-Slavica, 5, Białystok, 1967, str. 203—228; H. Strods. Die Entwicklung der lettischen Ethnographie. — Das Deutsche Jahrbuch für Volkskunde, 11. 1965, 2, S. 326—332; H. Strods. Latviešu padomju etnogrāfija 25 gados (1940—1965). — AE, 8, 1968, 21.—28. lpp.

³ В. В. Дорошенко. К истории сельскохозяйственного производства в феодальной Прибалтике (XIII—XVI вв.). — ИАН ЛССР, 1953, 10, стр. 21—42; В. В. Дорошенко. Сельское хозяйство феодальной Лифляндии (Видземе) в XIII—XVI веках. — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, 3. М., 1959, стр. 41—88.

и разные промыслы. Известная неполнота общей картины (лучше освещено положение дел в мызном хозяйстве и хуже — в крестьянском, причем главным образом в Видземе, и гораздо беднее в Курземе и Латгале) объясняется состоянием сохранившейся документации. Но вот утверждение автора, что «во всяком случае к началу XIII в. в Восточной Прибалтике существовало и развивалось трехполье» (1953 г.) было, пожалуй, слишком категоричным. Вполне достоверные данные о широком распространении трехпольной системы имеются лишь для XV—XVI вв., причем господство ее не отменяло существенного значения подсечных приемов хозяйства и так называемого лесного перелога. Вопрос о генезисе трехполья и времени его появления пока лучше оставить открытым⁴.

Специальное изучение агротехнической стороны латвийского земледелия следовало бы распространить также на XVII—XVIII вв. Полезную работу в этом направлении вели Д. Э. Лиепиня и М. К. Аболиня; остается лишь пожелать скорейшего завершения и публикации этих важных исследований. А пока заинтересованному в этих вопросах читателю приходится перепрыгивать сразу в XIX в. Вопросам развития производительных сил в сельском хозяйстве Латвии в самом конце XVIII и первой половине XIX в. посвящено около десятка весьма содержательных статей Г. П. Строда. Рассматривающие именно технику и систему хозяйства (агротехнические приемы, инициативу местных умельцев в конструировании первых сельскохозяйственных машин, распространение новых культур и видов скота, попытки мелиорации, урожайность хлебов и т. д.) эти работы в своей совокупности составляют как бы единый комплекс исследований, не имеющий прецедента в предшествующей историографии. Богатый фактический материал (описательный, статистический и отчасти изографический), как и важные наблюдения автора, вызвали интерес не только у латвийских историков, но и широко обсуждались на сессиях межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в 1958—1964 гг.

Четыре работы Г. П. Строда посвящены распространению сельскохозяйственных машин в Латвии в конце XVIII — начале 60-х годов XIX в.⁵ Речь идет в основном о мызном хозяйстве,

⁴ Гипотеза о появлении в Восточной Прибалтике архаических, не вполне «регулярных» форм трехпольного севооборота до XIII в., выдвинутая в свое время Г. Ловмянским и встретившая потом поддержку Ю. М. Юргиниса и других авторов, думается, вполне сохраняет свою актуальность. Результаты новейших исследований, основанных на палеоботанических данных (как уже отмечалось, вовсе не однозначных), в любом случае не подрывают ценности этих сравнительно-исторических наблюдений.

⁵ H. Strods. *Latviešu amatnieki — labības plāvēju konstruktori XIX gs. pirmajā pusē.* — ZAVēst, 1955, 3, 133.—142. lpp.; H. Strods. *No kuļmašīnu*

где сравнительно широко применялись конные молотилки (с 1797 г.) и в меньшей мере — сеялки, сенокосилки, веялки и т. п. Внедрение механизмов в мызное земледелие тормозила барщинная система: даровой труд барщинника был для помещика выгоднее, чем дорогостоящая машина, требовавшая кроме того еще и бережного обращения. Что касается крестьянских хозяйств, то здесь на всем протяжении первой половины XIX в. преобладала рутинная техника и ручной труд; первые машины (веялки и льномялки) появились — и то лишь у некоторых зажиточных хозяев — лишь в 50—60-х годах XIX в. Усилия изобретателей и конструкторов — выходцев из народа, как и новаторские попытки самих крестьян, оставались втуне до тех пор, пока в деревне господствовал феодализм.

В других статьях того же автора рассматривается вопрос о переходе от паровой системы земледелия к плодосмену, и в связи с этим — о начале распространения таких культур, как картофель и клевер. Этот процесс быстрее происходил, опять-таки, в мызном хозяйстве и гораздо медленнее — в крестьянском. Так, в Курляндской губернии в начале 60-х годов плодосмен был введен приблизительно в 70—85% имений (казенных и частновладельческих), в то время как в большинстве крестьянских хозяйств господствовало традиционное трехполье. В Лифляндской губернии, по словам Г. П. Строда, «в 1863 г. паровая система сохранилась только в 17,87% имений»⁶. Точность приведенных цифр, по-видимому, относительна. Едва ли во всей массе имений «введение» плодосмена к указанной дате было завершено и привело к ликвидации паровой системы. Как подчеркивает сам автор, перемены осуществлялись с трудом, в разнообразных и сложных формах и чаще всего выражались «в присоединении некоторых элементов плодосмена к основе трехполья». В этих условиях приходится говорить не только о «переходе» от трехполья к плодосмену, но и об усовершенствовании

konstruēšanas un ieviešanas vēstures Latvijā XVIII gs. beigās un XIX gs. pirmajā pusē. — VP, 2, 1958, 137.—167. lpp.; Г. П. Строд. Начало применения сельскохозяйственных машин в Латвии (конец XVIII — начало 60-х гг. XIX в.) — *ЕжрАгр* 1961, Рига, 1963, стр. 296—305; Г. П. Строд. Из истории создания сельскохозяйственной техники в Латвии (конец XVIII — первая половина XIX в.). — *ИзИТ*, 5, 1964, стр. 31—53.

⁶ Г. П. Строд. Переход от паровой системы земледелия к плодосмену в Латвии в первой половине XIX века. — *ЕжрАгр* 1958, Таллин, 1959, стр. 43—60; см. также: H. Strods. Kartupeļu audzēšanas sākums Latvijā XVII gs. beigās — XIX gs. pirmajā pusē. — *ZAVēst*, 1958, 10, 45.—56. lpp.; H. Strods. Aboliņa audzēšanas sākumi Latvijā XVIII gs. beigās un XIX gs. pirmajā pusē. — VP, 4, 1961, 13.—48. lpp.; H. P. Strods. Changes in the composition of the traditional field crops in Latvia in the XIX century. Moscow, 1968, 12 p. (VIII International congress of antropological sciences.)

вании трехполья путем сокращения парового клина, применения занятых паров, все более широкого внедрения трав, корнеплодов и т. д. Стремление улучшить трехполье можно было бы приписать только «реакционной» части местных помещиков (как это делает автор) лишь в том случае, если бы удалось доказать, что трехполье уже тогда изжило себя окончательно. Как показывает сравнительно-исторический материал, высшая форма улучшенного трехполья — трехполье без пара — благополучно существовала в соседних с Прибалтикой странах даже в XX в. Как обстояло дело на территории Латвии, должны показать будущие исследования агротехнического прогресса в сельском хозяйстве после победы капитализма.

Г. П. Строд рассказал также о попытках лифляндских и курляндских помещиков в 40—50-х годах XIX в. создать в Латвии специализированную отрасль товарного животноводства, попытках в общем неудачных, но ускоривших разложение феодально-барщинного хозяйства⁷. Еще более неудачными — из-за сохранения помещичьих привилегий — были попытки осуществления в Латвии мелиорационных мероприятий в первой половине XIX в.⁸ Важный вопрос о производительности зернового хозяйства в тот же период поставлен Г. П. Стродом в его докладе на симпозиуме по аграрной истории в Минске⁹. В этом докладе говорится о заметном снижении как валовых сборов, так и урожайности зерновых в начале XIX в. (сравнительно с уровнем 80-х годов XVIII в.) и далее, вплоть до 40-х годов XIX в. Жаль, что этот весьма ответственный тезис не подкреплён в достаточной степени ни фактически (в виде таблиц, содержащих исходные данные об урожаях и сборах), ни аналитически¹⁰. Не только выкладки самого автора, но и данные «губернаторских отчетов» 1802—1860 гг., обработанные в свое время И. Д. Ко-

⁷ Г. П. Строд. Мериновое овцеводство в Латвии в первой половине XIX в. — *ЕжгАгр* 1960, Киев, 1962, стр. 378—389.

⁸ H. Strods. Zemes meliorācija Latvijā feodālisma sairšanas periodā (XVIII gs. 80. gadi — XIX gs. 60. gadi). — *ZAVēst*, 1961, 11, 29.—36. lpp.

⁹ Г. П. Строд. Сборы и урожайность хлебов в Латвии в 80-х годах XVIII — начале 60-х годов XIX в. — *ЕжгАгр* 1962, Минск, 1964, стр. 330—340.

¹⁰ В упомянутой статье Г. П. Строда приведены конкретные показатели урожайности лишь по курляндским казенным имениям «в 30-х годах XIX века», причем в уже обобщенной форме, в так называемых самах. Для Видземе и Латгале приводятся и сопоставляются либо данные за отдельные, случайные годы (1788, 1791, 1803 гг. и др.), либо весьма суммарные показатели для целых десятилетий (в тех же «самах»), фактическая основа которых и особенно методы получения «средних» цифр остаются неясными. Многочисленные отсылки на архивные фонды без указания на их содержание не в состоянии убедить читателя не только в достаточной репрезентативности, но и в элементарной надежности данных такого рода.

вальченко, пока не дают видимых доказательств того, будто именно во второй половине 40-х годов XIX в. «начался качественно новый этап», приведший в Видземе и Курземе «к росту валового сбора хлебов, повышению урожайности и чистого сбора на душу населения». Анализ местной хозяйственной документации, особенно отчетности феодальных имений (могущий внести серьезные коррективы в показания тех же губернаторских донесений), начатый Г. П. Стродом, требует самого тщательного подхода. Нуждается в изучении, разумеется, и динамика урожая в предшествующий период. В частности, подлежит проверке на латвийском материале гипотеза (поддерживаемая рядом ученых) о том, что в XVII — первой половине XVIII в. в Восточной Европе наблюдалось не повышение, а уменьшение урожайности главных видов хлебов.

Перу Г. П. Строда принадлежит, наконец, и научно-популярный очерк о развитии систем земледелия в Латвии с древнейших времен до XX в.¹¹ Опираясь на довольно обширный круг литературы и частично на неопубликованные источники, автор рассмотрел развитие земледелия в рамках трех главных периодов: 1) лесное или подсечное земледелие — от первых веков н. э. до XI в.; 2) паровая система — от ее возникновения на рубеже X и XI вв. и до середины XIX в., и 3) система плодосмена — вторая половина XIX в. — до 1940 г. Указанная периодизация представляется слишком схематичной, особенно в свете новейших исследований по этой тематике. Сам автор неоднократно (и правильно) указывает на то, что в конкретной исторической действительности развитие земледелия отнюдь не сводилось к замене одной «системы» другой, более прогрессивной, а выражалось также в совершенствовании каждой из них. При этом господство одной «системы» (например, трехполья) не только не исключало, но, напротив, предполагало использование отдельных приемов, свойственных для другой «системы» — более новой или, наоборот, более архаичной. Например, традиции той же подсечной системы продолжали существовать еще в XVIII—XIX вв. рядом с господствующим трехпольем и даже одновременно с распространением плодосмена (Wechselwirtschaft).

Особая важность этой проблемы обуславливает необходимость дальнейшего изучения истории земледелия с привлечением всей совокупности источников (особенно богатых начиная с XVI—XVII вв.) и с учетом специфики земледелия в отдельных районах Латвии. Хороший пример такого исследования подаю

¹¹ H. Strods. Zemkopības sistēmu attīstība Latvijā. Īss vēsturisks apskats no II gadu tūkstoša pirms mūsu ēras līdz mūsu dienām. Rīgā, 1957. 168 lpp.

эстонские историки, сочетающие анализ письменных документов (ревизий и т. п.) с данными картографии феодальной эпохи ¹².

Технику латвийского земледелия в период кризиса мызно-барщинного хозяйства (конец XVIII — 60-е годы XIX в.) изучала И. Лейна sare. Помимо ряда статей, посвященных орудиям земледельческого труда в этот период ¹³, ей принадлежит интересная монография обобщающего характера ¹⁴. В противоположность буржуазным этнографам автор не ограничивается лишь описанием тех или иных орудий труда (сохи, бороны, граблей и т. п.) или производственного процесса (вспашки, расчистки леса под пашню (подсеки), молотбы и т. д.), а анализирует их в тесной связи с общим развитием производства и производственных отношений. В труде И. Лейна sare использован как музейный материал (орудия труда, рисунки, описания и т. д.), так и разнообразные письменные источники, в том числе богатейшие собрания И. Х. Бротце и О. Гуна. Автор дает сперва очерк общего состояния земледелия в период кризиса феодальной системы, затем посвящает отдельные главы технике обработки земли, уборке урожая и молотбе. В заключении намечены общие линии роста производительных сил в земледелии, который задерживался на рубеже XVIII и XIX вв. господством барщинно-крепостнических отношений, а после реформ 1817—1819 гг. — системой барщинной аренды земли, поскольку земля оставалась собственностью помещиков. Новые сельскохозяйственные орудия (плуги, культиваторы) и приемы труда стали находить более широкое применение лишь в 30—50-х годах XIX в., когда в имениях начался переход от барщины к использованию наемной рабочей силы ¹⁵. В крестьянских хозяйствах,

¹² См., например, H. Ligi. Põllumajanduslik maakasutus Eestis XVI—XVII sajandil. Tallinn, 1963. 140 lk.

¹³ И. А. Лейна sare. Земледельческие орудия латышей в XVIII — первой половине XIX в. — СЭ, 1957, 6, стр. 19—30; И. А. Лейна sare. Земледельческие орудия латышей в XVIII и первой половине XIX века. Автореф. канд. дисс. М., 1958; И. Лейна sare. Земледельческие орудия в крестьянских хозяйствах Латвии в XIX в. — ТрПКЭ, 1, 1959, стр. 421—437; I. Leinasare. Zemkopības darba rīki kļaušu saimniecības sairuma posmā. — AE, 1, 1957., 99.—113. lpp.; I. Leinasare. Vidzemes lauku kalēji kļaušu saimniecības sairuma un kapitālisma nostiprināšanas posmā. — ZAVest, 1960, 10, 33.—43. lpp.; I. Leinasare. Zemkopības darba rīki kā Vidzemes etniskās vēstures avots. — AE, 5, 1963, 69.—75. lpp.

¹⁴ I. Leinasare. Zemkopība un zemkopības darba rīki Latvijā kļaušu saimniecības sairuma laikā. Rīgā, 1962. 168 lpp.

¹⁵ См. также: H. Strods. Die Rolle der deutschen Ackerbaugeräte beim Übergang zur industriellen Landwirtschaft in Lettland. — Kolloquium Balticum ethnographicum 1966. Vorträge und Berichte der internationalen Tagung in Berlin und Stralsund. Berlin, 1968, S. 137—150.

особенно в восточных (Латгале, Аугшземе) и центральных (Видземе, Земгале) районах Латвии, этот процесс протекал очень медленно: здесь прадедовские орудия труда преобладали почти до конца XIX в. Говоря, наконец, о локальных особенностях тех или иных орудий, И. Лейнасаре объясняет их главным образом общими экономическими условиями соответствующих территорий, характером почв и т. п. и лишь отчасти — этническими моментами.

Монография Л. А. Думпе¹⁶ посвящена более специальному изучению сельскохозяйственной техники латышей, но в широком хронологическом плане. Тут речь идет об истории традиционных орудий уборки зерновых культур и лугов и соответствующих трудовых навыков земледельцев начиная с древнейших времен (практически с III—IV вв. н. э.) до начала XX в. Это исследование выполнено весьма тщательно, с охватом всех доступных источников (археологических, этнографических, письменных и фольклорных) и на высоком методологическом уровне. В первой главе монографии показывается развитие и распространение основных уборочных орудий — серпа и косы — в период первобытнообщинного строя и при господстве феодализма. Вторая глава трактует тот же сюжет применительно к более позднему времени — конец XVIII и XIX в., когда в обстановке развивающегося капитализма менялись и типы орудий, и их локализация. Здесь прослеживается стремление заменить примитивные орудия более производительными (например, серп — косой-одноручкой, а одноручку — длинной косой), зачастую изготовленными фабричным способом. Наконец, в третьей главе Л. Думпе подробно исследует самый процесс уборки хлебов или сена (косьба, сушка, хранение и т. д.), соответствующие трудовые навыки (вплоть до укладки стогов) преимущественно на материале XIX — начала XX в. Внося существенный вклад в разработку истории материальной культуры в различных районах Латвии, книга Л. Думпе способствует вместе с тем выяснению как местной специфики (отсутствие серпа у куршей!), так и общих черт этой культуры, свидетельствующих о взаимосвязях между латышами и соседними народами.

Одной из древнейших отраслей производства на территории Латвии является рыболовство. По этнографическим данным XIX—XX вв. его изучали С. Цимерманис¹⁷ и отчасти

¹⁶ L. Dumpe. Ražas novākšanas veidu attīstība Latvijā (no senākiem laikiem līdz XX gs. sākumam). Etnogrāfisks apcerējums. Rīgā, 1964. 228 lpp.; см. также: L. Dumpe. Jautājumā par izkaptis attīstību Latvijā. — ZAVēst, 1958, 11, 17.—30. lpp.

¹⁷ S. Cimermanis. Saldūdeņu zveja Lejasciemā un Beļavā 19. gs. otrajā pusē un 20. gs. — AE, 4, 1962, 167.—180. lpp.; S. Cimermanis. Saldūdeņu

А. Шульц¹⁸. В работах обоих авторов нашли отражение организация рыбного лова в пресных водоемах Видземе (главным образом в нижнем течении рек Даугавы и Гауи) и на северном морском побережье Курземе, традиционные орудия лова и способы их изготовления и, наконец, типология этих орудий и методы их исследования. Эти работы имеют существенное значение не только для истории материальной культуры, но и для выяснения нерешенных вопросов этногенеза, культурных связей и т. п.

В области изучения латышских крестьянских построек эпохи разложения феодализма и победы капитализма необходимо отметить серьезные исследования А. Крастыни. Это прежде всего ее многочисленные статьи, анализирующие богатый материал полевых этнографических исследований на территории Видземе¹⁹, и затем ее диссертация²⁰, опубликованная в виде монографии²¹. Внимательно изучив традиции сельского зодчества (основные типы жилищ, их оборудование и использование), А. К. Крастыня выдвинула ряд обоснованных возражений против бытующего в литературе утверждения, будто древнейшим и самым распространенным типом жилища крестьян Видземе являлась жилая рига. Древнейшим типом крестьянской жилой постройки, характерным для балтов, автор считает дом, рига же начала использоваться под жилье лишь позже, в обстановке немецкого завоевания и установления крепостного права, обусловившего понижение жизненного уровня сельского населения. Окончательное решение вопроса о приоритете того или иного типа жилища требует, видимо, мобилизации всех имеющихся на этот счет данных, в том числе археологических и письменных.

zveja Vidzemē 19. gs. un 20. gs. — AE, 5, 1963, 77.—113. lpp.; S. Cimermanis. Nēgu zveja Carnikavā 19. gs. otrajā pusē un 20. gs. — AE, 6, 1964, 161.—178. lpp.; S. Cimermanis. Zvejas aizsposti un to pētīšana Latvijā. — RT 1968.

¹⁸ A. Šulcs. Jūras zvejniecības darba rīki Ziemeļkurzemē XIX gs. otrajā pusē. — AE, 3, 1961, 157.—167. lpp.

¹⁹ Л. Терентьева, А. Крастыня. Крестьянские поселения и жилища в Неретском и Акнистском районах Латвийской ССР. — Материалы балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952). М., 1954, стр. 89.—113; А. Крастиņa. Vidzemes zemnieku mājokļi klaušu saimniecības saīršanas periodā. — AE, 1, 1957, 75.—97. lpp.; А. Крастыня. Жилища латышских крестьян в Видземе в первой половине XIX в. — ТРПКЭ, 1, 1959, стр. 387—395; А. Крастиņa. Zemnieku celtnes Vidzemē XIX un XX gs. — AE, 5, 1963, 159.—192. lpp.

²⁰ А. К. Крастыня. Крестьянское жилище в Видземе в период разложения барщинного хозяйства и укрепления капитализма. Автореф. канд. дисс. Рига, 1958, стр. 22.

²¹ А. Крастиņa. Zemnieku dzīvojamās ēkas Vidzemē klaušu saimniecības saīršanas un kapitālisma nostiprināšanās laikā. Rīgā, 1959. 180 lpp.

Другие исследования А. К. Крастыни посвящены современному колхозному строительству жилых домов в разных районах Латвийской ССР²², а самые последние из них — сравнительно-историческому изучению типов жилищ, с одной стороны, в Латвии, а с другой — в соседних российских губерниях и в Скандинавии²³. Выявляя ряд локальных особенностей в народном строительстве (например, в Латгале или Видземе), автор подчеркивает самостоятельность форм местного крестьянского зодчества и вместе с тем обращает внимание на общие элементы в «строительном стиле» народов Северной и Восточной Европы, быть может, свидетельствующие об очень древних культурных взаимосвязях.

Существенные моменты истории латышской народной архитектуры нашли отражение и в ряде других исследований. Использование народных традиций в современном жилом строительстве была посвящена диссертация Б. Дорофеева²⁴. Некоторые этнографические особенности курземских ливов (планировка усадеб, комплекс строений, особенности жилья и домашнего инвентаря) по материалам второй половины XIX в. показаны в статье А. Шульца²⁵. Наконец, эволюции архитектурного облика «малого дома» в городах Латвии начиная с XVII в. посвящены две работы П. Ю. Берзкална²⁶.

Важным разделом истории материальной культуры является производство тканей и типы одежды. В приемах изготовления, формах или расцветке тканей, в орнаменте и украшениях латышской традиционной одежды, в способах ее ношения и т. д. отразилась как повседневная, так и праздничная сторона народного быта. Пожалуй, именно здесь специфика национальной культуры, складывавшаяся веками, нашла свое наиболее яркое, «зримое» отражение. Изучение этих материалов как свидетельств определенного уровня производительных сил и особенностей народного творчества представляет большой интерес уже

²² А. Крастыня. О строительстве жилых домов колхозников в Латвийской ССР. — СЭ, 1960, 3, стр. 52—64; A. Krastiņa. Lauku celtniecības veidošanās Gulbenes rajonā. — АЕ, 4, 1962, 77.—110. lpp.

²³ А. Крастыня. Par latviešu un krievu kultūras sakaru iezīmēm Latgales tautas celtniecībā (XIX gs. — XX gs. sāk.). — АЕ, 8, 1968, 161.—169. lpp.; А. К. Крастыня. О некоторых чертах в латышском и скандинавском народном жилище. — ТСканд., стр. 229—234.

²⁴ Б. Дорофеев. Архитектурное наследие народного жилища Латвии. Автореф. канд. дисс. М., 1956.

²⁵ A. Sulcs. Lībiešu dzīvojamā māja Ziemeļkurzemē (19. gs. — 20. gs. sākums). — АЕ, 2, 1960, 97.—109. lpp.

²⁶ П. Берзкалн. Развитие основных типов малого дома городов Латвийской ССР от XVII до середины XIX в. — УчЗ ЛатГУ, 13, 1957, стр. 119—175; P. Bērzkālns. Latvijas mazās dzīvojamās ēkas XVIII gs. — LVU ZR, 21, 1958, 47.—83. lpp.

само по себе. Кроме того, они являются превосходным источником для исследования таких проблем, как этногенез и культурные связи латышей с соседями, особенно литовцами и славянами. Наконец, изучение тканей или одежды давно прошедших времен имеет также прямое практическое значение для развития современной культуры и даже промышленности. Лучшие элементы народной традиции — это наше богатство, которое мы обязаны не только хранить, но и развивать дальше.

История ремесла, особенно деревенской домашней промышленности, в период смены феодализма капитализмом изучена в латвийской историографии недостаточно. В этой связи выделяются только работы А. П. Алсупе, посвященные ткачеству на территории Видземе в XIX — начале XX в. Ряд статей автора по этой тематике²⁷ лег в основу ее диссертации²⁸, посвященной сельскому ткацкому производству в условиях капитализма. В диссертации рассматриваются — на фоне капиталистического развития экономики Видземе — орудия и приемы ткачества, виды тканей и их использование в одежде сельского населения, а также социальное положение представителей ткацкого ремесла: крестьян, занимавшихся ткачеством как подсобным промыслом, специалистов-ремесленников и самой многочисленной группы кустарей, сосредоточенной в районах Пиебалги и Рауны. Как установлено автором, эпохой расцвета кустарного производства текстильных изделий в Видземе были 40—70-е годы XIX в. В новом значительном исследовании А. П. Алсупе использует этнографический материал по текстильным изделиям и орудиям ткачества для выяснения культурно-исторических связей латышского и славянского народов на всем протяжении феодальной и капиталистической эпохи²⁹.

История народной одежды, преимущественно XVIII—XX вв., получила всестороннее освещение в ценных работах М. К. С л а -

²⁷ A. Alsupe. Audēju arodapmācība Vidzemē kapitālisma periodā. — ZAVēst, 1959, 4, 11.—20. lpp.; A. Alsupe. Audumu veidi Vidzemē 19. gs. otrajā pusē un 20. gs. — AE, 2, 1960, 157.—186. lpp.; A. Alsupe. Lauku audēju darba rīki Vidzemē 19. gs. — AE, 3, 1961, 97.—112. lpp.; A. Alsupe. Mājaušana Gulbenes rajona teritorijā. — AE, 4, 1962, 137.—148. lpp.; A. Alsupe. Lauku audēju darinājumi Vidzemē 19. un 20. gs. — AE, 5, 1963, 139.—158. lpp.; A. П. Алсупе. Орудия труда сельских ткачей Видземе и Латгале в XIX в. — ИзИТ, 5, 1964, стр. 5—30; A. Alsupe. Šakotnējas tipoloģijas nozīme lauku amatniecības etnogrāfiskajā izpētē. — RT 1967.

²⁸ А. П. Алсупе. Кустарное производство текстильных изделий в Видземе в XIX в. и в начале XX в. Автореф. канд. дисс. Рига, 1963.

²⁹ A. Alsupe. Latviešu un slavu tautu kultūrvēsturiskie sakari XIX un XX gs. (Audumu un aušanas darba rīku materiāli.) — AE, 8, 1968, 149.—157. lpp.

вы³⁰. Изучая типы одежды и их эволюцию в разных районах Латвии, автор рассматривает этот процесс как отражение тех сдвигов и перемен, которые приносил в деревню капитализм. Оказывается, например, что еще в XVIII в. одежда населения Видземе в какой-то степени отражала следы древних племенных различий (автор выделяет 6 местных вариантов для позднефеодальной эпохи). С ростом капитализма фабричная ткань, естественно, вытесняла домотканые изделия, однако неравномерно. Модификация народного костюма под влиянием покупных изделий раньше всего намечалась у богатой сельской верхушки, а наиболее длительная сохранность традиционного комплекса одежды характерна как раз для более бедных слоев латышской деревни. Результаты этих исследований, основанных на музейных фондах и материалах полевых экспедиций 1951—1963 гг. обобщены в монографии М. Славы³¹. Здесь кратко рассмотрен характер народной одежды в период средневековья (XII—XVIII вв.) и очень подробно — ее последующая история: изготовление и обработка тканей, составные части одежды и техника ее украшения, отражение в народном костюме семейного и социального положения человека и, наконец, локальные варианты комплексов этого костюма, бытовавшие в Видземе, Латгале, Аугшземе, Земгале и Курземе. Поскольку коллекции и подробные описания сохранились лишь начиная с конца XVIII в., за исходный пункт сравнительного анализа (с экскурсами в прошлое и настоящее) принят народный костюм XIX в. Богато иллюстрированная (38 цветных таблиц!) книга содержит наглядный материал также для изучения хода культурных взаимосвязей между народами и ставит проблему использования традиций народной одежды в условиях современности.

Помимо ткачества и одежды в этнографическом отношении довольно полно изучена и такая отрасль древнего народного ремесла, как гончарное дело. Ему посвящены содержательные

³⁰ М. К. Слава. Крестьянская одежда латышей и орнамент на предметах домашнего убранства. — Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.). М., 1959, стр. 114—125; М. Слава. Латышская женская одежда и ее орнаментация (XVIII—XX вв.). Автореф. канд. дисс. М., 1955; М. Слава. Комплексы женской народной одежды латышей в конце XVIII и первой половине XIX вв. — ТрПКЭ, 1, 1959, стр. 487—509; М. Slava. Latviešu zemnieku kreklu tipi (18. gs. beigās — 19. gs. pirmajā pusē). — AE, 3, 1961, 83.—96. lpp.; M. Slava. Zemnieku apģērbs Gulbenes rajonā. — AE, 4, 1962, 111.—135. lpp.; M. Slava. Zemnieku apģērbs Vidzemē (18. gs. beigās — 20. gs.). — AE, 5, 1963, 193.—227. lpp.; М. Слава. Культурно-исторические связи прибалтийских народов по данным одежды. М. 1964. 11 стр. (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук).

³¹ М. Slava. Latviešu tautas tērpi. Rīgā, 1966. 168 lpp. (= AE, 7, 1966).

исследования Д. Фелдмане-Шимермане³². Следует, однако, сказать, что ряд других отраслей, в которых проявлялось замечательное мастерство латышских умельцев (поделки из дерева и янтаря, кузнечное ремесло, кожаные изделия и т. д.), не стал пока предметом специальных исследований, необходимых для воссоздания более полной картины развития материальной культуры на территории Латвии. Известным итогом большой работы, уже проделанной в этой области, является завершение монументальной серии (в трех томах) «Латышское народное искусство»³³. В этой публикации, выполненной под общей редакцией проф. М. К. Степермана (введения к отдельным разделам и подбор иллюстраций осуществили С. Цимерманис, А. Алсупе и Б. Зунде), получили свое отражение наиболее яркие, точнее, пока изученные лучше других, образцы народного художественного творчества.

Изучение быта, связанного с историей материальной культуры, дает обильный материал также для истории общественных отношений в самом широком смысле этого слова. Быт — это все, что входит в понятие «образа жизни». Это — и будни, и праздники, но прежде всего — отношения между людьми, складывающиеся в ходе общественной производственной деятельности. Исследование условий труда и уровня потребления разных прослоек трудового народа, взаимоотношений между помещиком и крестьянином, между хозяином и батраком, особенностей семейных порядков и многих других сторон бытовой повседневности, запечатленных в этнографических памятниках, выявляет массу существенных черт и подробностей, неуловимых в «обычных» письменных документах. В этой области латвийские этнографы также сделали немало.

Как уже отмечалось, необходимость глубокого изучения положения основной массы сельского населения Латвии, а именно батраков, подчеркнул уже Я. Я. Зутис. Он же и положил начало этому делу в рамках аграрной истории первой половины XIX в. В этнографическом плане и на более позднем материале этот почин продолжили С. Я. Цимерманис и Э. П. Чивкуле.

³² Dz. Feldmane. Keramikas rotāšanas darba rīki un darba paņēmieni Latvijā (19. gs. beigās un 20. gs.). — AE, 2, 1960, 111.—135. lpp.; Dz. Feldmane. Trauku apdedzināmie ceļi Latgales un Vidzemes lauku podniecībā (19. gs. otrā pusē — 20. gs.). — AE, 3, 1961, 133.—154. lpp.; Dz. Feldmane. Podniecība Lejasciemā. — AE, 4, 1962, 149.—165. lpp.; Dz. Feldmane-Cimermane. Podniecība Vidzemē XIX gs. otrajā pusē un XX gs. — AE, 5, 1963, 115.—138. lpp.

³³ Latviešu tautas māksla. Materiālu krājums. Trijos sējumos. Red. M. Stepermanis. 1. sēj. — Celtniecība. Koka un metāla izstrādājumi. Podniecība. Rīgā, 1961, 397 lpp.; 2. sēj. — Tekstilijas. Rīgā, 1962, 346 lpp.; 3. sēj. — Apģērbs. Rīgā, 1966, 409 lpp.

В статьях и диссертации первого из упомянутых авторов, развернутых потом в монографию³⁴, показано положение той части сельскохозяйственных рабочих, которые были заняты в крестьянских хозяйствах второй половины XIX в. на территории Курземе и в западной части Земгале. Используя данные полевых исследований, а также архивные документы, С. Я. Цимерманис прослеживает процесс формирования этой прослойки в обстановке капитализма и рост социальных противоречий между хозяевами и работниками в связи с интенсификацией труда в сельском хозяйстве, а, следовательно, и усилением эксплуатации. Автор приводит богатый и разнообразный материал о распределении работ между сельскохозяйственными рабочими в зависимости от пола и возраста, об уровне жизни (жилище, одежда, пища), их правовом положении в волостном обществе и т. д. Известную неудовлетворенность вызывает, правда, отсутствие не менее важных данных о социально-экономическом и бытовом положении безземельных, работавших в качестве батраков на помещичьих мызах, а также о заработной плате сельскохозяйственных рабочих в юго-западной части Латвии. Вопросам формирования, состава и положения сельскохозяйственного пролетариата в тот же период, но на территории Видземе, посвящены исследования Э. П. Чивкуле³⁵. В них представлен материал о разных группах рабочих, в том числе и занятых в крупном, мызном хозяйстве. Он определенно свидетельствует не просто о резких различиях (наметившихся уже и раньше), но о контрасте в условиях жизни, с одной стороны, безземельных и малоземельных, а с другой, усиливающейся сельской буржуазии.

Особая важность проблемы заставляет высказать пожелание, чтобы тот же самый процесс социального разложения старой деревни (включая формирование кадров сельскохозяйственных пролетариев) был специально изучен также по этнографическим данным более отсталых в то время восточных районов Латвии (Латгале и Аугшземе). Применительно к Латгале его изучали Л. С. Ефремова и А. А. Заварина, но в несколько ином

³⁴ S. Cimermanis. Laukstrādnieku iedalījums, dzīvokļi un darba apstākļi Kurzēmē un Zemgales rietumu daļā 19. gs. otrajā pusē. — AE, 1, 1957, 51.—72. lpp.; С. Я. Цимерманис. Быт сельскохозяйственных рабочих Курземе и Земгале во второй половине XIX века. Автореф. канд. дисс. Рига, 1958; S. Cimermanis. Laukstrādnieku dzīves veids Kurzēmē un Zemgalē 19. gs. otrajā pusē. Rīga, 1959. 236 lpp.

³⁵ E. Čivkule. Muižas kalpi Vidzemē 19. gs. otrajā pusē. — AE, 2, 1960, 197.—206. lpp.; E. Čivkule. Laukstrādnieku dzīves veids 19. gs. otrajā pusē. — AE, 4, 1962, 183.—190. lpp.; E. Čivkule. Jautājumā par lauku proletariāta veidošanos un sastāvu Vidzemē XIX gs. otrajā pusē. — AE, 5, 1963, 249.—258. lpp.; Э. П. Чивкуле. Положение и быт сельскохозяйственных рабочих в Видземе во II половине XIX в. Автореф. канд. дисс. М., 1964.

плане. В центре внимания интересных статей Л. С. Ефремовой³⁶ — исследование различных сторон семейного быта латгальских крестьян (латышей и русских) во второй половине XIX — начале XX в. Глубокая ломка общественных отношений под мощным воздействием усиливающегося капитализма затронула, как выясняется, даже инфраструктуру здешнего сельского общества: борьба старого с новым наложила свой отпечаток на формы и состав семьи, на взаимоотношения родственников и положение примакров, обусловила перемены в характере заключения браков, семейных традиций и т. п.

Своеобразием Латгале, как одной из культурно-исторических областей Латвии, является то, что коренное, латышское население на протяжении ряда столетий тут жило бок-о-бок с русскими, белорусами, поляками и эстонцами. Множественность взаимовлияний обуславливает необходимость исследования особенностей культуры и быта каждой из этих групп местного, старожильского населения. Одну из самых многочисленных групп представляют русские крестьяне — выходцы из России, начавшие переселяться в Латгале, быть может, уже в XIV—XV вв., а в более массовом порядке — с конца XVII и в XVIII в. В конце XIX в. в трех латгальских уездах проживало, согласно официальным данным, 55 624 русских (или 13,3% населения Латвии), в своем подавляющем большинстве (на $\frac{3}{4}$) старообрядцев. Судьбам русских переселенцев на новой их родине, их материальной культуре и семейному быту по этнографическим данным 70—80-х годов XIX — начала XX в. посвящены работы А. А. Завариной³⁷. Автор выясняет происхождение переселенцев (из северо-западных русских губерний) и особенности их быта, определившиеся, с одной стороны, таким общим и, очевидно, решающим фактором, как развитие капитализма, а с другой, — фактом длительного совместного проживания русских

³⁶ L. Jefremova. Dažas Latgales latviešu zemnieku ģimenes svinības 19. gadsimta otrajā pusē. — AE, 1, 1957, 115.—126. lpp.; Л. Ефремова. Наследование в семьях латгальских крестьян во второй половине XIX — начале XX веков. — ИАН ЛССР, 1959, 3, стр. 5—17; Л. Ефремова. Внутренний строй и взаимоотношения в семьях латгальских крестьян во второй половине XIX и начале XX веков. — ИАН ЛССР, 1959, 8, стр. 5—16; Л. С. Ефремова. Семья и семейный быт латгальских крестьян во второй половине XIX — начале XX века. Автореф. канд. дисс. Рига, 1960; L. Jefremova. Iegātņi Latgales zemnieku ģimenē 19. gs. otrajā pusē un 20. gs. sākumā. — AE, 2, 1960, 187.—194. lpp.

³⁷ А. А. Заварина. Семья и семейный быт русского старожильского населения Латгалии во второй половине XIX и начале XX вв. Автореф. канд. дисс. М. 1955; A. Zavarina. Latgales krievu tautības iedzīvotāju materiālā kultūra XIX gs. otrajā pusē un XX gs. sākumā (Mājoklis. Apģērbs. Ēdiens). — AE, 8, 1968, 171.—186. lpp.; А. А. Заварина. Из истории русского старожильского населения в Латгалии. — RT 1967.

и латышей на одной территории. В социально-экономическом плане значительный интерес представляет такое явление, как отходничество (результат малоземелья). Частый уход на заработки в другие районы и города усиливал роль контактов, взаимобмена и в сфере материальной культуры («городские» приметы жилищ и одежды, в меньшей степени — пищи). Ломка старого быта нашла свое выражение также в распаде больших семей, ослаблении патриархальных начал в строе семьи, изменении положения женщины и т. д. И все же определенный консерватизм культуры и быта несомненен, он ощущается даже в XX в. Отмечая эту черту, вполне объяснимую исторически (и это заслуга автора), мы хотим подчеркнуть важность изучаемого объекта также для русских этнографов и лингвистов: ряд черт чисто «русского» быта, включая язык и верования, сохранились в Латгале, может быть, лучше, нежели на Псковских и Новгородских землях, откуда когда-то пришло большинство старожилов.

Важным творческим достижением латвийских этнографов, историков и филологов является коллективный труд «Латыши», составляющий часть монументального академического издания «Народы мира»³⁸, в которой подытожены результаты многолетних исследований как дореволюционных прогрессивных авторов, так и советских ученых по вопросам происхождения, материальной и духовной культуры латышской социалистической нации. В этом издании краткий исторический очерк принадлежит перу Г. Строда, раздел о народном хозяйстве и материальной культуре написали И. Лейнасане, С. Цимерманис. А. Крастыня и М. Слава, очерк семейного быта и форм общественной жизни — Л. Ефремова и Э. Чивкуле, раздел об искусстве, литературе и фольклоре — Э. Андерсоне, А. Алсупе и О. Амбайнис. Очерк об этнографии ливов — потомков древнего финно-угорского племени, населявших районы западной части Латвии, — принадлежит перу известного эстонского ученого академика П. Аристе. Перед авторским коллективом стояла нелегкая задача — отобрать из огромного сохранившегося материала самое важное, отображающее вклад латышей в сокровищницу мировой человеческой культуры, их лучшие достижения в области материального производства, трудовых навыков, народного искусства. С этой задачей латвийские этнографы вполне справились. Раскрывая перед читателем богатство лучших национальных традиций латышского народа,

³⁸ Народы мира. (Этнографические очерки.) Под общей редакцией С. П. Толстова. Народы Европейской части СССР, 2, М., 1964, стр. 109—201 (Латыши), стр. 202—208 (Ливы).

упомянутый очерк показывает вместе с тем благотворность дружественных контактов между латышами, русскими и другими народами.

В области изучения материальной культуры и быта в период феодализма и капитализма, как видно, сделано многое. Помимо конкретных исследований, имеющих в виду культурно-исторические области Латвии или отдельные проблемы, обсуждаются вопросы музееведения, методики полевых изысканий, методологии этнографического исследования³⁹. Крупным событием является выход в свет обобщающего труда «Латышская этнография», подготовленного большим коллективом авторов⁴⁰. В качестве первой попытки систематического освещения всех основных вопросов истории материальной и духовной культуры латышского народа с древнейших времен до настоящего времени этот фундаментальный труд, несомненно, встретит теплый прием и у специалистов, и у массового читателя. В отличие от традиционного («тематического») построения работ этого типа «Латышская этнография» излагает материал строго хронологически, в рамках сменявших друг друга общественно-экономических формаций (первобытнообщинный строй, феодализм, капитализм, период строительства социализма и коммунизма). Это дало возможность более ярко показать те изменения, которые происходили в сфере материального производства (занятия, орудия труда, трудовые навыки), и духовной культуры латышского народа на всем протяжении его исторического развития. Как текст, так и богатые иллюстрации основаны на огромном материале архивов и полевых исследований. В заслугу авторам нужно поставить и то, что им удалось раскрыть также те стороны народного быта, которые в специальной литературе пока освещались меньше других: типы сельских поселений и перемены в их устройстве, жизнь горожан и городскую архитектуру, средства сообщения, питание, религиозные верования и самые разнообразные проявления духовного творчества латышей, включая музыку и фольклор. Вполне отражая сегодняшний уровень разработки тех или иных проблем,

³⁹ См., например, H. Strods. Latvijas etnogrāfiskais brīvdabas muzejs četrdesmit gados (1924.—1964.). — ZAVest, 1964, 6, 13.—23. lpp.; H. Strods. Daži etnogrāfisko materiālu vākšanas jautājumi buržuāziskajā Latvijā. — AE, 6, 1964, 141.—158. lpp.; H. Strods. Daži arheologu un etnogrāfu pētījumu metodikas jautājumi. — RT 1968.

⁴⁰ Latviešu etnogrāfija. Rīgā, 1968. 595 lpp. — Авторы отдельных разделов: А. Алсупе, О. Амбайнис, М. Арон, З. Балевитц, Ю. Васильев, Я. Витолинь, В. Гребле, Р. Денисова, Л. Ефремова, А. Заварина, А. Зейда, А. Крастынь, И. Лейнасаре, М. Слава, Г. Строд, Х. Суна, С. Цимерман, Э. Чивкуле. Приложенную к книге библиографию (пожалуй, исчерпывающую) составили А. Германис и З. Шакаре.

книга наглядно свидетельствует об огромных успехах латвийских этнографов, достигнутых за годы Советской власти.

Однако и впереди работы немало. Латвия — это не только хутора и деревни; густая сеть городов — больших, средних и особенно малых — существовала уже в феодальный период, и роль горожан в развитии техники, новых моделей быта или культуры еще более возросла с переходом к капитализму. Сколь бы ни были интересны те разделы «Латвийской этнографии», которые посвящены занятиям и образу жизни городского населения, — они не выходят за рамки предварительных обобщений. Сфера «городской» этнографии явно нуждается в *специальных* исследованиях. «Старое» вообще изучалось у нас лучше, полнее, чем «новое». Внимание к «традиционным» чертам (будь то в области производства, культуры или быта) не должно заслонять важности именно новых явлений: конкретная историческая действительность, которую изучает этнограф, представляет собою синтез того и другого. Из отдельных сторон этой действительности, пока не пользующихся должным вниманием латвийских этнографов, можно назвать целый ряд промыслов (лесной, в первую очередь) или ремесел, животноводство, всю обширную область внутренней торговли (кто изучал, например, формы торговли на сельских ярмарках и в местечках, типы странствующих торговцев?) и отчасти историю потребления. Этот последний вопрос исключительно важен: связь потребления с производством неразрывна. Дело не только в том, какую пищу или одежду употреблял, скажем, батрак или хозяин, но и в том, из чего их готовили, как спрос на соответствующие продукты или сырье стимулировал или задерживал рост той или иной отрасли производства. Явно неравномерно изучена территория Латвии: множеству экспедиций в Видземе и Латгале противостоят лишь отдельные вылазки в другие культурные области. Наконец, предстоит большая работа по подготовке «Историко-этнографического атласа народов Прибалтики». Начатая уже в середине 60-х годов и связанная со множеством трудностей, она требует четкой координации с учеными братских республик и освоения опыта коллег из других социалистических стран.

Заманчивая, благодарная задача латвийских этнографов — исследование современных процессов, происходящих в быту и культуре народа в обстановке развернутого строительства коммунизма. Определенный сдвиг в этой области, наметившийся в печатной продукции последнего десятилетия, будет охарактеризован ниже.

У. ЛАТЫШСКИЙ НАРОД ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В изучении проблем истории Латвии второй половины XIX — начала XX в. можно отметить следующие основные направления: 1) аграрные отношения и классовая борьба в деревне; 2) промышленно-торговое развитие и городское строительство, 3) формирование рабочего класса, его положение и борьба, 4) общественные движения: младолатышское, «Новое течение», распространение марксистско-ленинских идей, 5) формирование революционной партии латышского пролетариата и ее деятельность, 6) народное образование и культура.

Общая концепция советских историков по вопросам исторического развития Латвии второй половины XIX — начала XX в. изложена в обобщающих трудах по истории республики¹, в которых освещены важнейшие проблемы этого периода. Вторая половина XIX в. была периодом развития капиталистического хозяйства и формирования основных классов буржуазного строя — буржуазии и пролетариата, с конца XIX в. капитализм

¹ История Латвийской ССР, 2. Рига, 1954. 546 стр.; *Latvijas PSR vēsture*, 2. Rīgā, 1955. 445 lpp.; История Латвийской ССР. Сокращенный курс. Рига, 1955. 621 стр.; *Latvijas PSR vēsture. Saisināts kurss*. Rīgā, 1956. 552 lpp.; см. также: Очерки истории Коммунистической партии Латвии. 1. Рига, 1962. 533 стр.; *Latvijas Komunistiskās partijas vēstures apcerējumi*, 1. Rīgā, 1961. 461 lpp.; *Latviešu literatūras vēsture*, 2. *Latviešu nacionālās literatūras sākuma periods* (no 19. gs. 50. gadu vidus līdz 80. gadu vidum). Rīgā. 1963. 831 lpp.; *Latviešu literatūras vēsture*, 3. *Jaunās strāvas periods* (no 19. gs. 80. gadu beigām līdz gadsimtu mijai). Rīgā, 1956. 570 lpp. — Здесь же уместно указать, что в послевоенные годы очерк по истории Латвии второй половины XIX — начала XX в., в котором дана обобщенная характеристика данного периода, был написан Я. Крастынем (*J. Krastiņš. Latvija straujas kapitālisma attīstības laikā un imperiālisma laikmeta sākumā*. Rīgā, 1948. 37 lpp.). В этой связи следует отметить также статью Я. Рониса — одну из первых попыток историков Советской Латвии рассмотреть те перемены, которые произошли в Латвии в 60—70-х годах XIX в. (*J. Ronis. Kapitālisma attīstība Latvijā XIX gs. otrā pusē*. — *PadLsk*, 1948, 12, 18.—42. lpp.).

в Латвии перерастал в свою последнюю стадию — империализм. Во втором томе «Истории Латвийской ССР» рассмотрены такие вопросы, как крестьянские движения и реформы 60-х годов, развитие капитализма в промышленности и сельском хозяйстве, формирование латвийского промышленного пролетариата, развитие национальной культуры латышского народа, процесс образования латышской буржуазной нации и ряд других. В первом томе «Очерков истории Коммунистической партии Латвии» подробно рассказывается о формировании марксистской партии в Латвии — Латышской социал-демократической рабочей партии. Богатый фактический материал, использованный в «Очерках», позволил воссоздать конкретную картину сложной и многогранной деятельности партийных организаций. Здесь читатель найдет оценку тактической линии партии, форм агитационно-пропагандистской работы, партийного строительства и внутрипартийной борьбы.

Освещение внутривластного и международного аспекта балтийского вопроса в 60-х годах XIX в. — тема обстоятельных статей Я. Я. Зутиса и М. М. Духанова².

В своих статьях Я. Я. Зутис анализирует отношение различных политических групп и партий России и Германии к остзейскому вопросу, прослеживает ход полемики, развернувшейся по этому поводу в русской и прусской печати. Я. Я. Зутис приходит к выводу, что для Бисмарка остзейский вопрос никогда не имел самостоятельного значения, он играл лишь подчиненную роль в его большой дипломатической игре. Тем не менее, остзейский вопрос всегда служил своеобразным барометром, весьма чутко реагирующим на изменения в правящих сферах Петербурга и Берлина, а также в их взаимоотношениях. Как и в прежних работах академика Я. Я. Зутиса, в этих статьях его высокое исследовательское мастерство сочетается с непревзойденной публицистической остротой изложения.

М. М. Духанов³ в своей диссертации, уделив серьезное внимание выяснению сущности балтийского вопроса, убедительно показал, что хотя как и прежде балтийский вопрос охватывал

² Я. Я. Зутис. К истории германского «Дранг нах Остен». — УчЗ ЛатГУ, 11, 1956, стр. 7—53; Я. Я. Зутис. К истории остзейского вопроса в 60-х годах XIX века. — В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957, стр. 475—493; М. Духанов. Бисмарк и балтийский вопрос в 60-х годах XIX века. — УчЗ ЛатГУ, 16, 1957, стр. 183—217; М. Духанов. К вопросу о политической платформе царизма в балтийских губерниях в 60-х годах XIX в. — УчЗ ЛатГУ, 40, 1961, стр. 255—297; M. Duhanovs. Krievu brīvās preses organs «Kolokol» par Baltiju. — PadLsk, 1957, 7, 32.—38. lpp.

³ М. М. Духанов. Россия и балтийский вопрос в 60-х годах XIX века. Автореф. канд. дисс. Рига, 1962.

целую совокупность проблем, важнейшей его составной частью в 60-х годах XIX в. стала центральная для всей Российской империи, в том числе и для прибалтийских губерний проблема о путях капиталистического развития. В свою очередь, ориентация на один из двух объективно возможных путей развития капитализма приобрела в то время значение решающего критерия для оценки деятельности основных классов русского общества в балтийском вопросе. М. М. Духанов впервые подробно проанализировал общие принципы политики правительства в прибалтийских губерниях в 60-х годах XIX в. и мотивы, побуждавшие его к тесному взаимодействию с немецкими баронами, выяснил пределы совпадения политического курса царизма и остзейских баронов, проследил отношение к балтийскому вопросу либеральных и консервативных кругов России и особенно подробно остановился на позиции русских революционных демократов. Автор вскрыл полную научную несостоятельность и шаткость «теоретических» концепций немецко-прибалтийских историков, сводивших обострение балтийского вопроса либо к столкновениям в «верхах», либо, и чаще всего, к конфликту между «немецкой культурой» и «русским варварством».

Целый комплекс проблем политической истории Прибалтики середины XIX в. — характер немецкой экспансии в Прибалтике, особое ее положение в составе царской России, политические позиции остзейцев и представителей самых различных слоев российского общества в период проведения реформ 60-х годов — рассматривается в новом исследовании М. М. Духанова^{3а}. Обстоятельность, с которой написан этот историографический обзор, свидетельствует о том, что автор хорошо знает источники и литературу вопроса. М. М. Духанов прослеживает историческое развитие немецких привилегированных сословий в Прибалтике, широко воссоздает картину борьбы между различными группировками дворянства по аграрному вопросу, на конкретном материале показывает реакционную позицию немецких баронов. Большой интерес в книге представляют характеристики руководителей остзейского дворянства и их основных петербургских союзников.

Привлекает внимание двуплановость работы М. М. Духанова. С одной стороны, автор концентрирует внимание на воссоздании истинного облика рядившихся в тогу культуртрегеров остзейских дворян, раскрывая их крайнюю реакционность и шовинистическую спесь. С другой, он последовательно разоблачает современных защитников остзейского дворянства — западно-германских «остфоршеров», пытающихся обелить прошлое ост-

^{3а} М. М. Духанов. Остзейцы. Явь и вымысел. В печати.

зейцев и обосновать «теорию» об особой роли Германии на Востоке. Весьма ценно, что автор опрокидывает основные постулаты реакционной историографии, показывает вздорность культуртрегерских теорий, разоблачает попытки выдать сословные притязания остзейцев за защиту немцев и немецкой культуры. При анализе отношения прибалтийских баронов к коренному латышскому и эстонскому населению Прибалтики, а также к младолатышам М. М. Духанов вводит в научный оборот ряд новых архивных материалов.

Проблемой формирования латышской буржуазной нации занимался К. Страздинь⁴. Красной нитью через все его работы, посвященные этому вопросу, проходит мысль о том, что фактором, способствовавшим образованию латышской буржуазной нации, было воссоединение территории Латвии в составе Русского государства, создавшее благоприятные условия для экономического и культурного развития Латвии, обеспечившее продолжительное мирное развитие, еще больше сблизившее латышских и русских трудящихся в общей борьбе против царского самодержавия, помещиков и буржуазии. При этом одной из местных особенностей этого процесса К. Страздинь считает то, что латышская буржуазная нация складывалась в условиях двойного национального гнета — с одной стороны, гнета прибалтийско-немецких баронов и немецкой городской буржуазии, а с другой, — царского самодержавия. Переломным этапом процесса развития латышской народности в нацию К. Страздинь считает 60—70-е годы XIX в. — период подъема капитализма и буржуазно-национального движения.

1. АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ ЛАТВИИ ПЕРИОДА КАПИТАЛИЗМА

Аграрная история является важным разделом научно-исследовательской деятельности историков Советской Латвии. Еще в начале XX в. появились первые работы, принадлежавшие перу активных деятелей революционного движения Латвии (Фр. Розинь, П. Стучка, К. Ландер, Я. Янсон-Браун). В этих работах ряд сюжетов аграрной истории трактовался с марксистских позиций. Впервые в историографии Латвии, применив метод

⁴ K. Strazdiņš. Par latviešu buržuāziskās nācijas izveidošanos. — Grām.: Buržuāziskie nacionālisti — vēstures viltotāji. Rīgā, 1952, 65.—80. lpp.; 2. izd. Rīgā, 1953, 93.—115. lpp.; K. Strazdiņš. Latviešu buržuāziskā nācija. — Grām.: K. Strazdiņš. Latviešu sociālistiskā nācija. Rīgā, 1961, 15.—37. lpp.; К. Страздинь. К вопросу об образовании латышской буржуазной нации. — ИЗ, 45, 1954, стр. 163—182; К. Страздинь. К вопросу об образовании латышской буржуазной нации. — ИАН ЛССР, 1952, 3, стр. 46—58.

исторического материализма к проблемам аграрной истории и отбросив измышления прибалтийско-немецких историков, Фр. Розинь в своей книге «Латышский крестьянин»⁵ по-новому изложил историю латышского крестьянства. Книга Фр. Розиня — первое значительное произведение марксистской историографии Латвии — написана с ярко выраженных классовых пролетарских позиций. В ней вскрывается классовая сущность реформ, проведенных в 60-х годах XIX в., показывается, что от их реализации выиграли только помещики и богатые крестьяне-дворохозяева. Автор отмечает, что в аграрном строе Латвии в значительной мере сохранились феодальные пережитки, и прежде всего крупные баронские латифундии, и подчеркивает, что феодальные пережитки в Латвии тесно переплетались с национальным и политическим угнетением латышских трудящихся.

Советские историки дали высокую оценку труду Фр. Розиня. «На каждой странице книги Фр. Розиня, — писал, например, академик Я. Я. Зутис в предисловии к последнему изданию этой работы, — встречаются новые мысли и взгляды по основным вопросам истории Латвии. Написанные в большой спешке формулировки и оценки часто воспринимаются как смелые гипотезы, которые подчас недостаточно обоснованы анализом конкретно-исторического материала. Это хорошо понимал сам автор, который поставил перед последующими историками задачу написать монографии по истории Латвии»⁶.

Широкой популярностью у рабочих и прогрессивной интеллигенции пользовалась «История Латвии» К. Ландера⁷, в которой с достаточной основательностью и значительной самостоятельностью разработаны проблемы аграрных отношений второй половины XIX в. Рассматривая 60-е годы как коренной рубеж аграрной эволюции прибалтийских губерний, автор указывает на закономерность происходящих изменений.

Отметив, что реформы 60-х годов были тем последним радикальным шагом, который местное дворянство сделало для упорядочения на новых основах местных аграрных отношений, К. Ландер вскрывает классовую сущность этих реформ, показывает, что от их реализации выиграли прежде всего помещики и богатая прослойка крестьянства. Проследив ход про-

⁵ Fr. Roziņš. *Latviešu zemnieks*. Rīgā, 1958. 295 lpp.; Fr. Roziņš. *Rakstu izlase*, 1—3, 1894—1919. Rīgā, 1963—1965. 377, 405 un 397 lpp.

⁶ J. Zutis. *Ievadam*. — *Grām.: Fr. Roziņš. Latviešu zemnieks*. Rīgā, 1958, 6.—7. lpp.

⁷ K. Landers. *Latvijas vēsture*. *Kultūrvēsturiski apcerējumi*, 1—3. Pēterburgā, 1908—1909. 176, 195 un 288 lpp.

даже земли крестьянам, автор приводит данные о тех денежных суммах, которые выплатили крестьяне за выкупленные у помещиков земли, останавливается на рассмотрении сохранившихся в аграрном строе феодальных пережитков. И тем не менее, утверждает К. Ландер, «законы 60-х годов все же обеспечили латышским крестьянам-дворохозяевам хозяйственную самостоятельность и известную свободу экономического развития»⁸.

И в то же время основная масса трудящихся латышской деревни — батраки и безземельные крестьяне — оставалась бесправной, а ее материальное положение — тяжелым. К. Ландер отмечает, что осуществление реформ не прошло спокойно: то там, то здесь вспыхивали крестьянские волнения, на подавление которых властям приходилось посылать войсковые подразделения.

Ценно, что автор улавливает основные тенденции последующей аграрной эволюции: превращение помещичьих хозяйств к концу 80-х годов в подлинно капиталистические предприятия, ориентированные на животноводство (главным образом молочное); улучшение агротехники в хозяйствах богатых крестьян (на основе сведений об урожайности и поголовье скота); использование наемного труда как в мызных, так и в крестьянских хозяйствах.

Важно, что, отметив рост эксплуатации батраков и упомянув в этой связи о первых в Латвии забастовках мызных батраков, К. Ландер затронул и такие существенные вопросы, как усиление процесса дифференциации крестьянства и формирование в деревне новых классов капиталистического общества, быстрое увеличение удельного веса батраков и безземельных крестьян в сельском населении Латвии. «Увеличение сельского пролетариата — одна из важнейших черт новых производственных отношений»⁹ — вот вывод, к которому приходит автор. «Так, постепенно в Латвии, — отмечает он, — в деревне уясняются классовые отношения и на развалинах старого феодализма поднимаются два новых мощных класса — сельский пролетариат и сельская буржуазия»¹⁰.

К. Ландер сделал попытку определить общую численность латышской сельской буржуазии, а также пролетарского и полупролетарского населения деревни в Латвии в конце XIX в.

В этой связи нельзя не упомянуть работу Я. Янсона-Брауна

⁸ K. Landers. Latvijas vēsture. Kultūrvēsturiski apcerējumi, 3. Pēterburgā, 1909, 197. lpp.

⁹ Там же, стр. 205.

¹⁰ Там же, стр. 206.

«Революция в Прибалтике» (1912 г.)¹¹. В этой яркой политической брошюре, написанной в полемическом духе, в общих чертах прослеживаются аграрные отношения в латвийской деревне на протяжении почти целого полувека, предшествовавшего революции 1905—1907 гг. Вскрывая причины революции, Я. Янсон-Браун подчеркивает ее неизбежность и закономерность и, полемизируя с автором апологетического издания «Die lettische Revolution», показывает всю убогость и несостоятельность «аргументации» идеологических защитников прибалтийских баронов.

В брошюре приводятся данные о средних размерах имений и соотношении земель, находившихся в собственности помещиков и крестьян, перечисляются привилегии прибалтийских баронов, раскрывается служебная роль лютеранских священников — верных защитников помещиков. Автор затрагивает вопрос о хозяйственном и правовом положении сельскохозяйственных рабочих, приводит свои подсчеты численности батраков (по его данным, Курляндская и Лифляндская губернии по удельному весу сельскохозяйственных рабочих в земледельческом населении занимали одно из первых мест в России). Рассказывая о первых случаях социал-демократической агитации и пропаганды в латвийской деревне начала XX в., автор анализирует содержание первых социал-демократических воззваний к батракам. Говоря об участии крестьян и батраков в революции 1905 г., он характеризует крестьянские и батрацкие требования, рассказывает о различных формах борьбы (в частности, о так называемых церковных демонстрациях, забастовках сельскохозяйственных рабочих и т. д.).

Однако, сосредоточив все свое внимание на описании революционной борьбы в латышской деревне, Я. Янсон-Браун, к сожалению, дает однобокое представление о революции, преуменьшая роль революционной энергии промышленного пролетариата, и тем самым в известной мере искажает характер революции, сводя революционное движение в Латвии в основном к крестьянской войне.

Подводя итоги первого этапа марксистского освещения аграрной истории Латвии, необходимо сказать, что, хотя часть выводов авторов вышеназванных книг (непрофессиональных историков, к тому же не имевших возможности изучить архивные фонды) устарела, не выдержав испытания временем, тем

¹¹ J. Jansons (Brauns). Kopoti raksti, 1. Baltijas revolūcija, 1. Rīgā, 1921. 157 lpp.; И. Янсон-Браун. Латвия в первой половине 1905 г. — ПролРев, 1922, 12, стр. 3—53; Я. Янсон-Браун. Революция в Прибалтике. М., 1924, 237 стр.

не менее они сыграли определенную роль в развитии исторической мысли, заложив основы нового марксистского подхода к вопросам аграрной истории Латвии.

Анализ аграрных отношений в Латвии с позиций исторического материализма продолжался и в 20—30-х годах главным образом латвийскими исследователями, проживавшими тогда в СССР (П. Стучкой, Ю. Киршем, Я. Крастынем и др.). Источниковедческая база работ, опубликованных в этот период, несколько расширилась, раздвинулся диапазон освещавшихся вопросов. Тем не менее нередко аграрная история излагалась в слишком обобщенном и несколько схематизированном виде, большая часть работ все еще носила публицистический характер. Значительное внимание исследователи уделили изучению тех сдвигов, которые произошли в сельском хозяйстве Латвии в связи с развитием капиталистических отношений, и прежде всего росту дифференциации латышского крестьянства. Новым фактическим материалом они подтвердили вывод первых историков-марксистов о том, что в конце XIX в. латышское крестьянство раскололось на две социальные группы: прослойку экономически окрепших дворохозяев и многочисленный отряд сельскохозяйственных рабочих. Не ускользнула из их поля зрения и проявившаяся в начале XX в. тенденция к сближению интересов прибалтийских баронов и латышской сельской буржуазии. В работах советских авторов последовательно проводился тезис о том, что именно массы безземельного крестьянства, преимущественно сельскохозяйственные рабочие, являлись наиболее активным и революционным элементом в латвийской деревне, а также внимательно прослеживалась степень участия различных прослоек крестьянства в революционном движении 1905—1907 гг.

Известная роль в разработке аграрной проблематики Латвии принадлежит работам Ю. Кирша¹², изданным в конце 20-х — начале 30-х годов в СССР. В одной из важнейших своих книг — «Аграрная революция в Прибалтике» — Ю. Кирш, подчеркивая важность аграрного вопроса в историческом развитии Латвии, указывает на то, что для прибалтийских губерний были характерны наиболее прочно укоренившиеся пережитки феодальных отношений, очень крупное поме-

¹² Ю. Кирш. Аграрная революция в Прибалтике. М., 1931. 182 стр.; J. Kīršs. Latvijas laukstrādnieki un viņu revolucionārā cīņa. M., 1928. 26 lpp.; J. Kīršs. Piezīmes par agrārjautājumu Latvijā. M., 1925. 104 lpp.; J. Kīršs. Agrārjautājums Latgalē. M., 1927. 90 lpp.; Ю. Кирш. Грядущая война и крестьянство Прибалтики. М., 1933. 44 стр.; Ю. Кирш. Положение и борьба крестьян в Прибалтике. М., 1933. 63 стр.

щище землевладение и исключительная мощь баронства¹³, а также многочисленность сельского пролетариата.

Ю. Кирш раскрывает беспочвенность ряда важнейших тезисов прибалтийско-немецкой историографии, и прежде всего легенды о баронах-благотельцах, якобы бескорыстно освободивших латышских и эстонских крестьян от крепостной зависимости на полстолетия раньше, чем были освобождены крестьяне в остальной России. «Наша задача, — подчеркивает Ю. Кирш, — прежде всего показать, насколько лицемерны и лживы фразы буржуазных профессоров о „гуманности“ балтийских баронов, и лишний раз напомнить, что история Прибалтики не есть история балтийских немцев, а история кровавой борьбы латышского и эстонского крестьянства с немецким феодальным дворянством из-за каждой пяди земли, в буквальном смысле этого слова орошенной крестьянской, а затем и пролетарской кровью»¹⁴.

Весьма важно, что Ю. Кирш, освещая революционные события 1905—1907 гг. в латвийской деревне, затрагивает вопрос о степени участия различных прослоек крестьянства в революционном движении. Автор уделяет внимание и таким вопросам, как петиционная кампания в латышской деревне, требования крестьян и сельскохозяйственных рабочих, так называемые церковные демонстрации, вооруженные восстания в латышской деревне, создание сельской милиции и распорядительных комитетов.

Одним из первых среди латвийских советских историков автор отмечает тенденцию к блокированию баронов с богатым латышским крестьянством, ставшую особенно ощутимой после подавления революции 1905—1907 гг. Не осталось неподмеченным им и ускорение темпов рационализации хозяйств «серых» баронов, применение средств современной агротехники и широкое развитие сельскохозяйственной кооперации в начале XX в.

Несомненное достоинство рассмотренной работы Ю. Кирша — логичность общей концепции аграрной эволюции Латвии, ее слабость — в недостаточно тщательной проработке архивных фондов (из-за их недоступности для автора), некоторой конспективности изложения.

¹³ Например, он писал: «В прибалтийских губерниях сохраняется еще худшее средневековье, чем в остальной России. Прибалтийское баронство тесно связано с Петербургским двором российских императоров и является наиболее реакционным поклонником и агентом последних или „Wir sind Mameluken des Reiches“, как они сами себя любили величать» (Ю. Кирш. Аграрная революция в Прибалтике. М., 1931, стр. 27).

¹⁴ Ю. Кирш. Аграрная революция в Прибалтике..., стр. 7.

После окончания Великой Отечественной войны перед историками Советской Латвии встала острая необходимость создать на основе ленинской методологии обобщающий труд по истории республики. Именно поэтому ее аграрная история первоначально была освещена не в монографических исследованиях, а в трехтомном курсе истории Латвийской ССР. Во втором томе этого курса, изданном под редакцией Я. П. Кр а с т ы н я и посвященном периоду капитализма¹⁵, дана обобщающая характеристика развития сельского хозяйства Латвии во второй половине XIX — начале XX в., выделены этапы его развития, показаны разнообразные формы классовой борьбы в деревне, а также намечен круг проблем, требующих дальнейшего изучения. В первом томе истории Коммунистической партии Латвии¹⁶ должное освещение получили позиция СДЛК по аграрному вопросу, деятельность сельских партийных организаций, формирование боевого союза между рабочим классом и пролетарскими и полупролетарскими слоями латышской деревни.

Более глубоко основные проблемы аграрной истории Латвии периода капитализма охарактеризованы в ряде монографий и статей. Внимание историков-аграрников было обращено на выявление не только общих закономерностей исторического развития, но и его своеобразия, особенностей. Большое место в работах советских историков Латвии занял анализ аграрных отношений 60—80-х годов XIX в., что обусловлено значением этого периода в истории Латвии: именно в данное тридцатилетие складывался аграрный строй, предопределивший особую остроту социальных противоречий в латышской деревне. Наибольшее внимание исследователей привлекли характер крестьянских движений, изменения в правовом положении крестьян, замена барщинной аренды денежной, возникновение мелкобуржуазного крестьянского землевладения, капиталистическая эволюция помещичьего и крестьянского хозяйства. Безземельное освобождение крестьян, чрезвычайно высокие цены на землю, абсолютное преобладание в Латвии помещичьего землевладения над крестьянским (в отличие от многих других частей Российской империи) были теми особенностями, которые, по мнению латвийских советских историков, обусловили развитие аграрных отношений в Прибалтике не просто по прусскому пути, а по худшему варианту этого пути, более тяжелому

¹⁵ Latvijas PSR vēsture, 2. Rīgā, 1955. 445 lpp.; История Латвийской ССР, 2. Рига, 1954. 546 стр.

¹⁶ Latvijas Komunistiskās partijas vēstures apcerējumi, 1. Rīgā, 1961. 461 lpp; Очерки истории Коммунистической партии Латвии, 1. Рига, 1962. 533 стр.

для местных крестьян (большинство которых не имело земли), чем в остальных губерниях России. Следует также отметить и освещение борьбы партий вокруг аграрного вопроса, в частности связей лидеров младолатышского движения с крестьянством. Решению вышеуказанных проблем были посвящены работы Б. Р. Брежго, А. Ю. Миерини, И. Р. Грейтъяниса и особенно М. И. Козина.

Богатым документальным материалом насыщены исследования Б. Р. Брежго¹⁷, в которых обстоятельно рассмотрено положение и борьба крестьян в Латгале, восточной части Латвии. Большое внимание в них уделяется освещению таких вопросов, как осуществление закона от 19 февраля 1861 г. в Латгале, аренда крестьянами земли, ход столыпинской реформы, процесс дифференциации латгальских крестьян, выход на хутора, переселение в другие губернии, уход безземельных и малоземельных крестьян на заработки. Автору в основном удалось преодолеть наблюдавшуюся у него ранее тенденцию освещать исторические события в Латгале в отрыве от событий в остальной части Латвии. И хотя в его монографиях фактический материал местами доминирует над их анализом, в общем упомянутые работы явились несомненным шагом вперед в творческой деятельности Б. Р. Брежго.

Рассматривая крестьянские волнения в Латгале, вспыхнувшие в связи с осуществлением закона от 19 февраля 1861 г., Б. Р. Брежго, изучив конкретные материалы, пришел к выводу, что по силе сопротивления и числу столкновений с войсками крестьянское движение в Латгале весной 1861 г. может быть поставлено на одно из первых мест по Российской империи в целом. Говоря о волнениях латгальских крестьян в период польского восстания 1863 г., автор отмечает своеобразие ситуации в Латгале, наложившей отпечаток на весь ход развернувшихся событий.

¹⁷ Б. Брежго. Борьба латгальских крестьян в феодально-крепостное время. — ИАН ЛССР, 1952, 4, стр. 89—100; Б. Брежго. Отчуждение крестьян в Латгалии в крепостное время (1697—1860). — ИАН ЛССР, 1951, 4, стр. 651—666; Б. Р. Брежго. Волнения курземских государственных крестьян в 1832—1841 гг. — ИАН ЛССР, 1953, 2, стр. 135—156; Б. Р. Брежго. Шляхетские наезды и латгальские крестьяне. 1646.—1795. — ИАН ЛССР, 1956, 10, стр. 5—16; Б. Р. Брежго. Латгальские крестьяне в аренде и запасе в феодально-крепостное время. — ИАН ЛССР, 1957, 5, стр. 23—36; Б. Р. Брежго. Очерки по истории крестьянских движений в Латгалии. 1557—1907. Рига, 1956. 172 стр.; B. R. Brežgo. Latgales zemnieki pēc dzimtbūšanas atceļšanas. 1861.—1914. Rīgā, 1954. 125 lpp.; Б. Брежго. Волнения латгальских крестьян, вызванные реформой 19 февраля 1861 года. — ИАН ЛССР, 1955, 8, стр. 31—53; Б. Брежго. Бурлачество латгальских крестьян в XIX и начале XX столетия. — ИАН ЛССР, 1956, 4, стр. 4—18.

Одним из первых в советской историографии Б. Р. Брежго дал также целостное описание крестьянского движения в Латгале в годы первой буржуазно-демократической революции. В числе факторов, обусловивших обострение противоречий в Латгале, автор отмечает наряду с неразрешенностью аграрного вопроса и национальный гнет царского самодержавия (как известно, после польского восстания 1863 г. было запрещено печатание книг и газет на латгальском диалекте и введен ряд других ограничений).

Б. Р. Брежго¹⁸ подробно рассматривает вопрос об отходничестве латгальских крестьян. Он приводит солидный документальный материал, показывающий, в каких тяжелых условиях крестьянам приходилось работать на прокладке шоссе и железных дорог и каналов, мощении улиц и т. п. Весьма обоснован вывод автора о том, что в крепостное время почти всю заработную плату латгальских крестьян, работавших по контрактам, забирали помещики и администрация казенных имений, а после отмены крепостного права большая часть заработной платы уходила на покрытие не только выкупных платежей за надел, но и казенных и мирских сборов.

Существенный вклад в разработку аграрной истории Латвии внес М. И. Козин. Его книга «Крестьянское движение в Латвии в 60-х годах XIX века»¹⁹ написана на основе большого архивного материала, широкого использования данных периодической печати того времени и литературы предмета. По введенному в научный оборот новому материалу, по глубине и всесторонности анализа источников и, наконец, по количеству и широте поставленных вопросов содержание книги выходит за пределы ее наименования. В ней фактически освещен целый комплекс проблем, связанных с изучением аграрного вопроса в Латвии 60-х годов XIX в. (нарастание кризиса феодальной системы, переход помещиков к более интенсивному ведению хозяйства, рост эксплуатации крестьян, крестьянское движение и — впервые в советской исторической литературе так обстоятельно и подробно — вопрос о связях младолатышей с крестьянством).

¹⁸ Б. Р. Брежго. Бурлачество латгальских крестьян в XIX и начале XX столетия. — ИАН ЛССР, 1956, 4, стр. 5—18.

¹⁹ М. Козин. *Zemnieku kustība Latvijā XIX gs. 60. gados*. Rīgā, 1958. 270 lpp.; см. также: М. Козин. Развитие аграрных отношений в Лифляндской губернии в 60-х годах XIX века. Автореф. канд. дисс. Рига, 1952; М. Козин. Положение крестьян и крестьянское движение в Латвии в 60-х годах XIX века. — ИАН ЛССР, 1953, 7, стр. 7—20; М. Козин. Аграрная политика царизма в Прибалтике в 60-е годы XIX века. — *ЕжАгр* 1960, Киев, 1962, стр. 454—464.

Исследователь выявляет факторы, определившие прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве Лифляндии²⁰. На большом фактическом материале он показывает, как помещичьи латифундии, применяясь к требованиям рынка, постепенно перестраивались на капиталистический лад, прослеживает рост использования сельскохозяйственных машин в имениях, окончательное вытеснение к середине 80-х годов XIX в. трехполья на мызных землях многопольной системой, в результате чего изменилось и соотношение посевных площадей под различными культурами. Сравнивая уровень культуры земледелия в Прибалтике и в Европейской части России в целом, М. И. Козин приходит к выводу о том, что в Лифляндской губернии за счет сокращения паров процент посевной площади относительно всей пашни был выше, чем в Европейской части России, а процент посевов зерновых — ниже. В его работах приводятся сведения о развитии интенсивного молочного животноводства и об увеличении в стадах имений поголовья породистого молочного скота высокой удойности. В специализации имений на молочном животноводстве и развитии связанного с ним маслоделия автор справедливо видит их перестройку в капиталистические предприятия. В итоге М. И. Козин приходит к своему генеральному выводу о том, что к 80-м годам все отрасли хозяйства помещиков уже имели товарный, предпринимательский характер, что главной целью имений было производство продуктов сельского хозяйства для продажи на рынке.

Автор довольно подробно рассматривает также различные группы батраков и систему оплаты их труда в имениях Лифляндской губернии в 60—80-х годах. Весьма обоснован его тезис о том, что капиталистическая перестройка имений лифляндских помещиков происходила за счет беспощадной эксплуатации крестьянства. «Продажа крестьянской земли по ценам, превышавшим в три-четыре раза выкупные цены на крестьянскую землю в русских губерниях, — подчеркивает М. И. Козин, — а также рост арендной платы были главным источником средств, которых потребовало изменение системы помещичьего хозяйства. Наиболее сильной эксплуатации подвергались безземельные крестьяне. Именно наличие большого количества безземельных, а также раннее развитие товарно-денежных отношений позволило лифляндским помещикам

²⁰ М. И. Козин. Капиталистическая эволюция помещичьего хозяйства Лифляндской губернии во второй половине XIX века. — *ЕжАгр* 1959, М., 1961, стр. 261—273.

сравнительно быстро перестроить свое хозяйство на капиталистических началах»²¹.

По подсчетам М. И. Козина, сельскохозяйственный пролетариат в 1897 г. в Лифляндской губернии составлял 62,5%, в Курляндской — 63,5% всего земледельческого населения. Эти подсчеты автора представляют несомненную ценность. Бесспорной его заслугой является также разоблачение несостоятельности утверждений прибалтийско-немецких историков о росте оплаты наемного труда в Прибалтике в последнюю треть XIX в. Взяв за основу расчетов вместо денежного эквивалента такую важнейшую составную часть натуральной оплаты, как рожь, М. И. Козин доказал, что некоторое повышение оплаты труда батраков наблюдалось лишь в 60—70-х годах, начиная же с 80-х годов и до 1905 г. их заработная плата оставалась на одном и том же уровне. Это явление он объясняет, во-первых, падением цен на сельскохозяйственные продукты и, во-вторых, полным удовлетворением спроса на рабочую силу, несмотря на значительный отлив сельского населения из деревни в города.

Целый комплекс интересных вопросов возникает в связи с попыткой М. Козина осветить и такой аспект темы, как влияние экспорта хлеба из внутренних губерний России через латвийские порты на ход перестройки и специализации сельского хозяйства Курляндской и Лифляндской губерний²². Насколько велика была разница между ценами на хлеб на внутреннем и международном рынках? А разница между ценами в уездных центрах и портовых городах Прибалтики? Какова была взаимосвязь между ценой на зерно и издержками его производства? Мобилизовав источники (прежде всего издания статистических данных) и проведя сопоставление цен на хлеб с издержками на его производство в прибалтийских и конкурировавших с ними губерниях, М. И. Козин, с одной стороны, показывает неосновательность жалоб владельцев и арендаторов прибалтийских имений на их полное «разорение», а с другой, констатирует как несомненный факт понижение реальных доходов от полеводства, вызванное падением хлебных цен. «Возместить эти потери, — пишет он, — можно было уменьшением издержек производства за счет роста производительности труда — более широкого применения машин и улучшенных

²¹ М. И. Козин. Капиталистическая эволюция помещичьего хозяйства Лифляндской губернии во второй половине XIX века. — *ЕжАгр* 1959, М., 1961, стр. 273.

²² М. И. Козин. Влияние русского хлебного экспорта на сельскохозяйственное производство в Латвии (вторая половина XIX века). — *ЭСПр*, стр. 208—225.

орудий, а также минеральных удобрений и специализации сельского хозяйства Прибалтики на молочном животноводстве, цены на продукты которого в условиях быстрого роста городов и вообще неземледельческого населения были гораздо устойчивее, чем на продукты полеводства»²³.

Изучением аграрных отношений и социально-экономического положения крестьян в Курземе во второй половине XIX в. занималась А. Ю. Миериня²⁴. Исследованные ею новые материалы еще раз подтвердили вывод целого ряда советских историков о том, что, несмотря на отмену крепостного права в начале XIX в., поворотным моментом в развитии капитализма в сельском хозяйстве Курземе были 60-е годы, когда в результате реформ произошли существенные изменения как в поземельных отношениях, так и в правовом положении крестьян и волостном самоуправлении. Говоря о крестьянском движении, автор впервые в советской историографии подробно освещает одно из интереснейших явлений классовой борьбы — первые самостоятельные выступления батраков. Весьма существенно, что А. Ю. Миерине довольно четко удалось проследить процесс образования важнейших прослоек крестьянства, характерных для деревни капиталистического периода, а также выявить специфические особенности этого процесса в Курземе. Освобождение крестьян без земли и последующие аграрные преобразования серьезно повлияли на весь механизм классовообразования в курземской деревне. Здесь сельская буржуазия создавалась из сословия юридически безземельного крестьянства, меньшая часть которого становилась сначала арендаторами, затем и собственниками земли, а большая оставалась безземельной, представляя источник дешевой рабочей силы для развивающейся промышленности и сельского хозяйства.

А. Ю. Миериня высказывает мнение о том, что формированию богатой прослойки крестьянства в известной мере способствовали и существовавшие тогда порядки аренды и продажи

²³ М. И. Козин. Влияние русского хлебного экспорта... — ЭСПР, стр. 217.

²⁴ А. Ю. Миериня. Аграрные отношения и положение крестьян в Курляндии в 60—80-х годах XIX века. Автореф. канд. дисс. Рига, 1960; A. Mierīga. Par lauku proletariāta veidošanos Kurzemē. — ZAVēst, 1959, 8, 17.—26. lpp.; A. Mierīga. Par zemnieku sociālekonomisko stāvokli Kurzemē 19. gs. 60. gados. — VP, 1, 1957, 95.—129. lpp.; A. Mierīga. Zūras muižas zemnieku nemieri un kalpu streiks 1866. g. pavasarī. — ZAVēst, 1959, 6, 11.—20. lpp.; А. Миеринь. К вопросу о развитии капитализма в сельском хозяйстве Курляндской губернии во второй половине XIX века. — В кн.: Против идеализации младолатышского движения. Рига, 1960, стр. 179—224; A. Mierīga. Agrārās attiecības un zemnieku stāvoklis Kurzemē 19. gs. otrajā pusē. Rīgā, 1968, 255 lpp.

земли не мелкими, а сравнительно крупными участками (около 31—49 десятин). Отсюда ясно, что арендаторами и земельными собственниками могла стать лишь небольшая часть крестьян, главным образом бывшие дворохозяева. Автор проделал большую работу по анализу степени дифференциации крестьянства. Так, согласно приведенным им данным, в конце XIX в. в Курземе безземельные составляли 61% общей численности крестьян, бедняцкая прослойка — 10%, середняцкая — 7% и кулацкая — 22%.

В центре внимания исследований А. Ю. Миерини — широкие массы трудящихся курземской деревни. Шаг за шагом она прослеживает действительное положение тысяч крестьянских хозяйств, отмечает роль эксплуатации и углубление противоречий внутри самого крестьянства. Большое место ею отводится такому почти совсем до нее не исследованному вопросу, как многочисленные налоги и повинности, которыми облагались курземские крестьяне. Изучение новых архивных документов и других источников позволило А. Миерине сделать вывод о том, что в системе налогового обложения между отдельными прибалтийскими губерниями, в том числе Курляндской и Лифляндской, существовали известные различия. Указывает она и на систематический рост налогов: по сравнению с первой половиной столетия к концу XIX в. налоги увеличились примерно в 2,5 раза, а земский налог — даже в 4,5 раза. К тому же налоги и повинности распределялись между крестьянами и помещиками, а также между отдельными прослойками крестьянства крайне неравномерно. Например, налог на одну десятину крестьянской земли был в три раза больше, чем на одну десятину помещичьей. Основная тяжесть налогового бремени ложилась на плечи безземельных крестьян, которым приходилось до 15% своих заработков тратить на выплату налогов, в то время как богатое и зажиточное крестьянство выплачивало в виде налогов приблизительно 2—4% от доходов своих хозяйств.

Несомненны заслуги автора в исследовании и таких сложных процессов, как утечка рабочей силы из деревни в город, организация технической переработки сельскохозяйственного сырья и сбыта сельскохозяйственной продукции на внешних и внутренних рынках.

Кстати, недавно А. Ю. Миериня подняла вопрос о причинах более быстрого развития капитализма в сельском хозяйстве прибалтийских губерний по сравнению с рядом других районов Российской империи. Автор выделяет (правда, еще в порядке предварительной разработки) следующие три фактора, ускорившие, по его мнению, этот процесс в Прибалтике: во-первых, наличие огромного количества безземельных,

во-вторых, порядок сдачи земли крестьянам в аренду, а впоследствии и продажи ее сравнительно крупными участками и, в-третьих, выгодные географические условия, а следовательно, и наличие крупных рынков сбыта. Тем не менее, на наш взгляд, вопрос настолько сложен и многопланов, что для его исчерпывающего решения, по-видимому, потребуются многолетние изыскания широкого круга специалистов²⁵.

Наконец, как положительный момент следует отметить пробу сил автора в области источниковедения, все еще чрезвычайно слабо разработанного участка исторической науки. Анализируя перепись населения и живого инвентаря крестьянских и помещичьих хозяйств, проведенную Курляндским губернским статистическим комитетом 16 марта 1863 г., А. Миериня показывает ее ценность как источника исторических исследований. Весьма важно то, что ей удалось выделить положительные стороны этого источника: в результате данной переписи в Российской империи впервые были получены точные сведения о численности населения целой губернии, до тех пор определявшейся по материалам ревизий. Автор указывает также на отдельные недостатки источника — отсутствие двух чрезвычайно важных показателей: о сословной принадлежности и занятости населения, имеющих первостепеннейшее значение для экономико-демографических изысканий²⁶.

На анализе форм и методов борьбы крестьян против остатков феодализма в Латвии 80-х годов XIX в. сосредоточил свое внимание И. Р. Грейтъянис²⁷. Исследуя один из наименее изученных периодов истории крестьянского движения в Латвии, который буржуазные историки объявили «спокойным», он показал, что и в этот период говорить о каком-либо «покое» или «классовом мире» не приходится, ибо и тогда вспыхивал

²⁵ А. Миериня. Некоторые факторы ускорения развития капитализма в сельском хозяйстве Латвии второй половины XIX века. — ТДЗ, стр. 50—53.

²⁶ А. Ю. Миериня. Первая перепись населения и живого инвентаря крестьянских и помещичьих хозяйств Курляндской губернии (16. III. 1863) как источник для исследования состояния сельского хозяйства Латвии во второй половине XIX в. — ТДИП, стр. 74—76.

²⁷ И. Грейтъянис. Крестьянское движение 80-х годов XIX века в Латвии. Автореф. канд. дисс. Рига, 1962; I. Greitjānis. Daži jautājumi par zemnieku un muižnieku attiecībām XIX gs. 80. gados Vidzemē un Kurzemē. — LVU ZR, 26, 1959, 183.—204. lpp.; I. Greitjānis. Par dažām lauku iedzīvotāju cīņas formām pret feodālisma paliekām Latvijā XIX gs. 80. gados. — LVU ZR, 40, 1961, 227.—253. lpp.; И. Р. Грейтъянис. Формы протеста и борьбы крестьянского населения против остатков крепостничества в Латвии в 80-х годах XIX в. — ЕжеАгр 1961, Рига, 1963, стр. 481—486; И. Р. Грейтъянис. Сарканмуйжские волнения крестьян в 1883 г. — УчЗ ЛатГУ, 61, 1965, стр. 97—110.

стихийный протест крестьян, для подавления сопротивления которых иногда вызывались даже войска. И в этот период, как и раньше, в латышской деревне шла упорная классовая борьба, принимавшая формы, которые соответствовали условиям политической реакции. Отмечая возрастание классового антагонизма в деревне, И. Р. Грейтъянис рассматривает такие случаи и формы борьбы крестьян, которые до него почти совсем не освещались в исторической литературе Советской Латвии. Здесь и отказы принимать отрицательные ответы на прошения, возвращение в арендованные усадьбы после выселения из них, похищение из волостного суда документов о расторжении договоров, и решения сходов выборных, направленные против остатков крепостничества, выборы особых волостных правлений для отставных безземельных солдат и др. Представляется важным наблюдение, что во всех случаях крестьянского сопротивления в 80-х годах прошлого века самой активной силой были безземельные. Шаг вперед сделан автором и в изучении аграрных отношений и положения крестьян в Латвии в 80-х годах прошлого столетия.

Необходимо также указать, что известный вклад в разработку истории латышского крестьянства и аграрной истории Латвии второй половины XIX — начала XX в. внесли этнографы, в работах которых приводится новый материал, характеризующий как положение, быт и культуру латышского крестьянства, так и развитие производительных сил в деревне (прежде всего эволюцию сельскохозяйственных орудий).

Серьезным вкладом в изучение аграрной истории Латвии второй половины XIX в. являются «Очерки экономической истории Латвии», часть которых уже опубликована, а другая подготовлена к печати²⁸. До сих пор наименее изученным оставался именно процесс экономического развития Латвии. Ни немецкая дворянская, ни латышская буржуазная историография практически не занимались изучением вопросов экономики. Советские историки подошли к этой теме также не сразу. Потребовалось тщательное изучение источников, накопление опыта экономических исследований — сначала в форме отдельных статей — и только после этого можно было приступить к созданию такой обобщающей работы, какой явились «Очерки». Выполнению этой задачи способствовало активное участие историков Латвии в работе межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы и ряда других общесоюзных конференций.

²⁸ Очерки экономической истории Латвии (1900—1917). Рига, 1968. 346 стр.; Очерки экономической истории Латвии. (1860—1900). В печати.

Вопросам аграрной истории Латвии второй половины XIX в. в «Очерках» посвящены две главы, принадлежащие перу М. И. Козина²⁹. В первой главе, освещающей аграрное развитие Латвии в 60—70-х годах прошлого столетия, автор обобщил результаты своих многолетних исследований, изложенных в предшествующих публикациях, а некоторые вопросы разработал заново. Всесторонняя характеристика аграрного развития — аграрных отношений, роста производительных сил в полеводстве и животноводстве, обеспечения помещичьего и крестьянского хозяйства рабочей силой и ряда других вопросов — сделаны автором на основе добротного фактического материала. Остзейские бароны, а вслед за ними и немецкие историки утверждали, что культура земледелия в крестьянском хозяйстве росла благодаря советам помещика и его контролю. М. И. Козин, сравнивая уровень развития выкупленных и арендованных крестьянских хозяйств, в частности по такому показателю, как распространение многополья, приходит к выводу, что более успешно развивались хозяйства на выкупленных землях, и, стало быть, помещичья опека не ускоряла, а сдерживала рост культуры земледелия. Таким образом, попытка немецких историков представить прибалтийских баронов как носителей и проводников культуры не выдерживает критики.

В главе об аграрном развитии Латвии в 80—90-х годах XIX в. впервые с такой полнотой дается анализ процессов, происходивших в то время в сельском хозяйстве. Известно, что в Прибалтике, где не было земских органов, местные власти не интересовались состоянием крестьянского хозяйства. Поэтому и в республиканских архивах, где хранится достаточно много материалов о помещичьем хозяйстве, весьма скудно представлены сведения о хозяйстве крестьянском. В этом отношении историки-аграрники Прибалтики находятся в более неблагоприятных условиях, нежели историки России, в распоряжении которых имеются публикации земских обследований, а также иной, весьма многообразный материал, накопившийся в архивах в результате деятельности земских органов. Объективные трудности источниковедческого порядка М. И. Козину удалось в значительной мере преодолеть путем самого тщательного, критического анализа материалов, содержащихся в статистических изданиях, а также в фондах центральных правительственных учреждений Российской империи.

Проследивая развитие сельскохозяйственного производства, автор рассматривает два типа хозяйств: крупное, главным образом помещичье, и крестьянское. И приходит к выводу,

²⁹ Очерки экономической истории Латвии (1860—1900). В печати.

что хотя в конце XIX в. уровень сельскохозяйственного производства в помещичьих хозяйствах был выше, чем в крестьянских, существовавший ранее разрыв между ними заметно сократился.

Обстоятельному анализу М. И. Козин подверг влияние мирового сельскохозяйственного кризиса перепроизводства на сельское хозяйство Латвии. Он справедливо указывает, что кризис привел не только к значительному сокращению доходов от сельского хозяйства и разорению части хозяев, но и к тому, что в результате падения цен и трудностей сбыта продукции ускорились специализация сельскохозяйственного производства, распространение машин. Иными словами говоря — кризис ускорил капиталистическую перестройку сельского хозяйства. Сравнивая условия сельскохозяйственного производства в годы кризиса в Латвии и в ряде других областей России, автор приходит к выводу, что потери землевладельцев Латвии на производстве зерновых культур в годы кризиса были отнюдь не больше, чем в конкурирующих областях России. М. И. Козин подчеркивает, что разница в ценах на зерно в 30—50% в пользу Прибалтики была достаточной, для того чтобы его производство даже при пониженных ценах было безубыточным. Этот вывод раскрывает необоснованность жалоб прибалтийских помещиков на разорительность конкуренции на хлебном рынке.

Для сельского хозяйства Латвии второй половины XIX в. характерно не просто развитие традиционных отраслей, а изменение соотношения площадей посевов отдельных культур, изменение соотношения между полеводством и животноводством, вылившееся в конечном итоге в специализацию Латвии на молочном животноводстве. К выявлению этих процессов М. И. Козин отнесся с особым вниманием. По его подсчетам, в 60-х годах в Курляндской губернии на рынок поступало около 25% всего надоя молока, а в Лифляндской — около 7%; в 90-х годах товарной продукцией были уже 57% всего надоя молока³⁰. Это — достаточно яркий показатель степени проникновения капитализма в латышскую деревню и подчинения сельскохозяйственного производства рынку.

Немало новых сведений почерпнет читатель и из характеристики аграрных отношений в Латвии в конце XIX в., в частности о землевладении и характере землепользования на владельческой и крестьянской земле, о различии в уровне арендной платы в зависимости от размеров арендуемых участков, об

³⁰ Эта часть работы была прочитана на IX сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы и уже опубликована (см. М. Козин. Специализация Латвии на молочном животноводстве. 1860—1914. — ИАН ЛССР, 1968, 7, стр. 3—18).

отнодь не одинаковом обложении государственными и местными налогами владельческих и крестьянских земель и по ряду других вопросов.

Большой интерес представляют впервые предпринятые М. И. Козиным расчеты по росту объема производства и производительности труда в сельском хозяйстве Латвии с 1860 по 1900 г. Кстати, сопоставление роста производительности труда, достигавшегося в значительной мере за счет усиления эксплуатации женщин, с ростом заработной платы за тот же период позволяет сделать вывод, что опережающий рост производительности труда давал латышскому крестьянину возможность не только погашать высокие арендные платежи, но и укреплять свое хозяйство. Следовательно, общеизвестное положение о том, что основой крупного крестьянского хозяйства стала эксплуатация наемного труда, получило статистическое подтверждение.

Представляют интерес также расчеты автора по доходности лесов Латвии. Пользуясь данными лесного департамента, он показал не только рост доходов от эксплуатации казенных лесов, но и по аналогии рассчитал доходность частных лесов. Насколько известно, подобные расчеты также сделаны впервые. Методика этих расчетов может быть применена и для выявления доходности лесов в других районах России.

Вопросами развития капитализма в сельском хозяйстве Видземе и Курземе в начале XX в. занималась Л. Е. Балевиц³¹. В результате тщательного изучения архивных фондов (кассовых и хозяйственных книг, годовых отчетов, анкет об инвентаре и др.) автору удалось извлечь ценные сведения и на их основании высказать ряд заслуживающих внимания соображений и новых выводов. Анализируя структуру сельскохозяйственного производства в прибалтийских имениях, Л. Балевиц показывает, что по сравнению с другими губерниями России³²

³¹ Л. Е. Балевиц. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Видземе и Курземе накануне первой империалистической мировой войны (1908—1914 гг.). Автореф. канд. дисс. Рига, 1966; L. Balevica. Daži šķiru cīņas izpausmes veidi laukos Vidzemē un Kurzemē 1908.—1914. g. — ZAVēst, 1962, 1, 19.—27. lpp.; Л. Я. Балевиц. Сельскохозяйственные общества в Лифляндской и Курляндской губерниях в начале XX века. — ПроблИст, 6, 1962, стр. 165—198; L. Balevica. Muižu saimniecības Vidzemē un Kurzemē pirmā pasaules kara priekšvakarā. — ZAVēst, 1966, 1, 31.—43. lpp.; L. Balevica. Lauksaimniecība Vidzemē un Kurzemē pirmā pasaules kara priekšvakarā. Rīgā, 1970. 190 lpp.

³² Хозяйство помещичьих имений ряда губерний Российской империи исследовал целый ряд историков, и прежде всего — Л. П. Минарик и А. М. Анфимов (см., например, А. М. Анфимов. Крупное помещичье хозяйство Европейской России, конец XIX — начало XX века. Автореф. докт. дисс. М., 1966).

удельный вес имений в сельскохозяйственном производстве Прибалтики был высок и достигал примерно одной трети. К тому же, если в имениях Европейской части империи в целом преобладало и развивалось полеводство, то в Видземе и Курземе ведущей отраслью стало интенсивное молочное животноводство. Таким образом, даже при наличии пережитков крепостничества, тормозивших капиталистическую перестройку сельского хозяйства, большинство прибалтийских имений накануне первой мировой войны было уже капиталистически организованными многоотраслевыми хозяйствами. Автор показывает, что урожаи в имениях Видземе и Курземе были выше, чем в местных крестьянских хозяйствах и в имениях соседних губерний. Рассматривая вопрос о наемном труде в имениях, Л. Балевиц делает вывод о том, что в хозяйстве имений в этот период определяющую роль играли капиталистические формы эксплуатации наемного труда.

Значительное место в работах Л. Балевиц уделяется характеристике крестьянского хозяйства; ее исследования удачно дополняют известный труд проф. С. М. Дубровского (Москва), посвященный анализу развития российского крестьянского хозяйства³³. Проследивая углубление классового расщепления крестьянства, Л. Балевиц отмечает существенные сдвиги, происшедшие в начале XX в. в крепких кулацких хозяйствах: резкое увеличение применения сельскохозяйственной техники, изменения в структуре хозяйства, рост эксплуатации наемного труда и, введя впервые в научный оборот детально обработанные ею материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг., приходит к выводу, что коренные различия в организации производства в имениях и крупных кулацких хозяйствах исчезли.

Л. Балевиц существенно расширила представление о деятельности сельскохозяйственных кооперативов в Латвии в начале XX в. Вскрыв классовую сущность и показав экономическое значение кооперации в латвийской деревне, она подробно анализирует развитие и деятельность кооперативных учреждений. Значимость разработки данного вопроса определяется тем, что Прибалтика, особенно Лифляндская и Курляндская губернии, была единственным районом Российской империи, где имела широко разветвленная сеть кооперативных учреждений, оказывавшая существенное влияние на развитие крестьянского сектора.

³³ См. С. М. Дубровский. Столыпинская земельная реформа. М., 1968, 599 стр.

Из поля зрения автора не ускользает и анализ основных форм классовой борьбы в деревне Видземе и Курземе после революции 1905—1907 гг., причем главное внимание он уделяет классовой борьбе крестьянства с помещиками, а также вовлечению сельского пролетариата в революционную борьбу. Л. Балевиц, как и целый ряд исследователей до нее, подчеркивает ярко проявившуюся после революционных событий 1905—1907 гг. тенденцию к политическому сближению латышских гроссбауэров с прибалтийским немецким дворянством. Так, если еще в революции 1905—1907 гг. в основном все крестьянство боролось против помещиков, то накануне первой мировой войны картина в корне изменилась: богатая верхушка крестьянства — «серые бароны» — в борьбе широких масс трудящихся не только не участвовала, но и выступала в блоке с «голубыми» баронами.

Всестороннюю характеристику целого комплекса экономических и политических явлений, обусловивших революционную ситуацию в Латвии, дает Я. П. Крастынь³⁴. Анализируя аграрные отношения и развитие капитализма в сельском хозяйстве Латвии в конце XIX — начале XX в., он в своих работах приводит данные об обострении классовых противоречий в деревне и деятельности сельских социал-демократических организаций. Однако основное внимание автор уделяет воссозданию картины широкого крестьянского движения первой буржуазно-демократической революции: организации забастовок сельскохозяйственных рабочих, отказу крестьян исполнять повинности и платить налоги, их экономическим и политическим требованиям, проведению «церковных демонстраций», созданию новых революционных органов власти — крестьянских распорядительных комитетов и сельской милиции. «Через всю историю Латвии, — подчеркивает академик Я. П. Крастынь, — красной нитью проходила борьба крестьян с помещиками, а в 1905 г. в союзе с пролетариатом и под руководством социал-демократов она развернулась в широкое массовое революционное движение, в настоящую крестьянскую войну»³⁵.

Принципиальное значение имеет приведенный Я. П. Крастынем конкретный материал о тесной связи между революционным движением в городе и деревне, являющийся наглядным подтверждением известного ленинского тезиса о том, что пролетариат Латвии «больше, чем кто-либо другой, втянул в вели-

³⁴ Я. П. Крастынь. Сельское хозяйство Латвии накануне и в период революции 1905—1907 гг. — В кн.: Очерки экономической истории Латвии (1900—1917). Рига, 1968, стр. 40—89.

³⁵ Там же, стр. 84.

кую революционную борьбу против царизма и помещиков латышский сельскохозяйственный пролетариат и латышское крестьянство»³⁶.

Я. П. Крастынь проделал важную работу по систематизации материалов о вооруженных выступлениях в латышской деревне, в том числе о борьбе между сельскими милиционерами и войсковыми подразделениями в районах Скривери, Лиелварде и Вецпиебалги, о вооруженных восстаниях в Тукуме и Талсах. Заслуживают внимания и приведенные автором сведения о разгроме помещичьих имений, кстати, представляющие весьма убедительную иллюстрацию к высказыванию Витте о том, что «нигде в России „иллюминация” помещичьей собственности не приняла таких размеров, как в Прибалтике». Ряд важных наблюдений Я. П. Крастынь высказывает и в связи с оценкой аграрной политики ЛСДРП. Автор широко освещает борьбу так называемых лесных братьев в период отступления революции, показывая, что латышское крестьянство оказывало массовую поддержку партизанской борьбе революционеров.

Дальнейший шаг вперед в анализе состояния сельского хозяйства в восточной части Латвии — Латгале — делает Я. Бабрис. Подробнее, чем другие исследователи, он рассказывает о борьбе латгальских крестьян против помещиков в дни революции 1905—1907 гг. В монографии³⁷ автор прослеживает разнообразные формы крестьянского движения — массовую порубку помещичьих лесов, потраву помещичьих полей, самовольный выгон крестьянского скота на помещичьи пастбища, отказ платить налоги и арендную плату, выполнять повинности, разгром и поджог помещичьих имений, а также приводит новые, в основном почерпнутые из архивных фондов материалы о развернувшемся в латгальской деревне движении за смещение старост волостных правлений и создании революционных комитетов действия.

Работа З. Духановой «Борьба ЛСДРП за союз рабочего класса и крестьянства в 1905 году»³⁸, хотя и не вносит сколько-нибудь существенных коррективов в установившиеся в советской исторической литературе взгляды по данному вопросу, тем не менее сообщает отдельные новые материалы, которые расширяют представление о революционной борьбе, охватившей латышскую деревню в 1905 г. Интерес представляют страницы, посвященные деятельности распорядительных

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 306.

³⁷ J. Babris. 1905.—1907. g. revolūcija Latgalē. Rīgā, 1960. 188. lpp.

³⁸ З. Духанова. Борьба ЛСДРП за союз рабочего класса и крестьянства в 1905 году. Рига, 1961. 99 стр.

комитетов, а также такой специфической для Латвии и Эстонии форме политической борьбы в деревне, как «церковные демонстрации». Автор систематизировал материалы, относящиеся к позиции латышской социал-демократии по аграрному вопросу. З. Духанова отмечает, что под руководством партийных организаций забастовки сельскохозяйственных рабочих принимали характер упорной и решительной борьбы.

Первую попытку монографического освещения борьбы безземельных Латвии за Советскую власть предпринял Т. Я. Драудинь³⁹. Анализируя аграрные отношения в Латвии и отмечая большой удельный вес помещичьего землевладения, резко выраженную дифференциацию крестьянства, Т. Я. Драудинь подчеркивает исключительную обостренность классовых противоречий в латвийской деревне и на конкретном материале прослеживает, как в огне классовых битв выковывался союз между трудящимися города и деревни. Интерес представляют разделы книги, в которых рассказывается о работе большевиков в деревне и деятельности советов безземельных в волостях и уездах Видземе в период подготовки и проведения Октябрьской революции.

Характеризуя развитие сельского хозяйства Латвии в начале XX в., Т. Я. Драудинь выделяет следующие его черты: 1) сохранение за прибалтийско-немецкими баронами права наследственного владения более чем на половину всей полезной земельной площади, 2) существование небольшой, по сравнению с общей численностью сельского населения, прослойки латышских grossbauэров, 3) наличие массы безземельного крестьянства, составлявшего примерно $\frac{3}{4}$ сельского населения и, в отличие от крестьян центральных губерний России, не имевшего земельных наделов, 4) выделение сравнительно небольшой прослойки среднего крестьянства. Описывая тяжелое по-

³⁹ Т. Драудинь. Безземельное крестьянство Латвии в борьбе за землю и власть Советов в 1917—1919 годах. Рига, 1959. 223 стр.; T. Draudiņš. Latvijas bezzemnieki cīņā par zemi un Padomju varu 1917. gadā. Rīgā, 1957. 171 lpp.; Т. Драудин. Деревенская беднота — безземельные Латвии как союзники пролетариата в борьбе за власть Советов и за землю в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Автореф. канд. дисс. Рига, 1955; Т. Драудин. Остзейское дворянство и латышское крестьянство в революции 1905—1907 годов. — ИАН ЛССР, 1955, 11, стр. 5—19; T. Draudiņš. Latvija pirmā pasaules kara laikā. — PadLSk, 1947, 9, 16.—32. lpp.; 10, 24.—37. lpp.; T. Draudiņš. 1917. gads Latvijā. — PadLSk, 1947, 11, 17.—42. lpp.; 12, 32.—48. lpp.; Т. Драудин. Важное событие в подготовке Великой Октябрьской революции в Латвии. — ИАН ЛССР, 1957, 5, стр. 5—22; Т. Драудин. О ликвидации помещичьего землевладения в Латвии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. — ИАН ЛССР, 1953, 11, стр. 21—38.

ложение сельскохозяйственных рабочих в Латвии, автор рассматривает термин «безземельный» и, приводя данные о численности этого слоя, выделяет в нем три основные категории: мызных сельскохозяйственных рабочих, поденщиков и хозяйских батраков.

В итоге в книге справедливо подчеркивается, что безземельные и прежде всего мызные рабочие явились той революционной силой, которая в союзе с промышленным пролетариатом под руководством латышской социал-демократии обусловила высокий подъем и широкий размах революционного движения в Латвии. Важно то, что автору удалось раскрыть те внутренние социально-экономические причины, которые дали возможность пролетариату привлечь на свою сторону безземельное крестьянство и установить с ним прочный союз. Заслуживают внимания и сведения о распространении прокламаций и листовок СДЛК, обращенных к сельскохозяйственным рабочим, а также анализ аграрной программы латышской социал-демократии.

К сожалению, работы Т. Я. Драудиня написаны без достаточно широкого изучения архивных фондов, и поэтому ряд важных вопросов требует дальнейшей, более углубленной разработки. К тому же местами бросается в глаза конспективность изложения и некоторая его декларативность.

Наконец, трудно преуменьшить значимость итогового труда по истории экономики Латвии, ряд глав которого посвящен аграрной проблематике⁴⁰. Их автор Я. П. Крастынь, основываясь как на своих ранее изданных работах, так и на исследованиях других историков и экономистов, а также, правда в меньшей степени, на проработке архивных фондов, рисует достаточно полную картину состояния латышской деревни начала XX в. и прослеживает основные тенденции ее развития. Приведенные автором данные полнее, чем ранее, показывают размеры землевладения по группам помещичьих, кулацких и бедняцких крестьянских хозяйств, свидетельствуют о технической оснащенности сельскохозяйственного производства и уровне землепользования.

Несколько более широко, чем прежде, Я. П. Крастынь ставит вопросы, связанные с процессом формирования латышской сельской буржуазии. Однако и в этой области еще предстоит большая работа по мобилизации новых документальных материалов и углубленному анализу отдельных вопросов проблемы. Автор затрагивает также следующие важные аспекты темы:

⁴⁰ Очерки экономической истории Латвии (1900—1917). Рига, 1968, стр. 40—89, 155—208, 296—322.

рост эксплуатации сельскохозяйственных рабочих, многочисленность повинностей, обременявших крестьянские хозяйства, развитие сельскохозяйственной и кредитной кооперации.

С большей полнотой, чем прежде, в данной работе изучено состояние сельского хозяйства Латвии в период первой мировой войны. Ценно, что анализ социально-экономического состояния латвийской деревни органически связывается с классовой борьбой и политическими событиями, развернувшимися в начале XX в. «Аграрное развитие Латвии в начале XX в., — подытоживает свои изыскания Я. П. Крастынь, — вообще, отличалось острыми противоречиями. Латвия, с одной стороны, была районом, где дворянское землевладение сохранило наиболее прочные позиции, а с другой, — районом наиболее широкого применения наемной рабочей силы в сельскохозяйственном производстве. Небольшому числу крестьян-дворохозяев, в собственности или пользовании которых находилась вся крестьянская земля, противостояли безземельные, составлявшие подавляющее большинство земледельческого населения. Поэтому классовые противоречия в латвийской деревне были весьма сильными, а классовая борьба — массовой и острой»⁴¹.

Разоблачая антинаучные концепции немецко-прибалтийской (А. Тобин, А. Транзе-Розенек) и латышской буржуазной (А. Швабе) историографии, оправдывающей реакционную политику остзейского дворянства и пытающейся затушевать непримиримые противоречия между крестьянством и помещиками, советские исследователи вскрывают односторонность взглядов латышских буржуазных историков, не уделявших серьезного внимания ни широкому крестьянскому движению, ни тем важным экономическим сдвигам, которые привели к подъему антифеодального и национального движения латышского народа.

Советские ученые внесли существенный вклад в изучение аграрной истории Латвии. Они не только расширили представление о крестьянском движении и об аграрной эволюции Латвии второй половины XIX — начала XX в. и показали значение этого периода в истории латышского народа, но и обогатили историческую науку новыми важнейшими наблюдениями, ценными научными выводами и теоретическими положениями. Однако целый ряд вопросов все еще остается слабо изученным. Среди них — темпы развития производительных сил, влияние крупного помещичьего землевладения на их развитие; конкретные проявления реакционной роли крупного землевладения,

⁴¹ Очерки экономической истории Латвии (1900—1917). Рига, 1968, стр. 55.

особенно в начале XX в.; направленность классовой борьбы сельскохозяйственного пролетариата Прибалтики в начале XX в. в значительной степени на решение не пролетарских (оплата и условия труда), а крестьянских целей и т. д. И хотя историки Советской Латвии ведут работу как по названным выше, так и по некоторым не упомянутым проблемам, все настоятельней ощущается потребность в обобщающем труде, суммирующем исследования по аграрной истории Латвии в период капитализма на новом, научном уровне.

2. ИЗУЧЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ

Исследованию вопросов развития промышленности Латвии во второй половине XIX в. посвящены две главы «Очерков экономической истории Латвии (1860—1900 гг.)», написанные Б. Я. Вилкс. Автор прослеживает процесс развития промышленного производства Латвии, привлекая и анализируя новые документальные материалы за 60—80-е годы XIX в. и официальные издания торгово-статистического характера.

Изученные материалы позволяют автору сделать вывод, что в Латвии в 60-х и первой половине 70-х годов XIX в. на базе крупнопромышленного производства, на 85% сосредоточенного в Риге и близ нее, уже вполне сложилась капиталистическая машинная индустрия. Важнейшим социальным результатом этого процесса явилось формирование промышленного пролетариата, наиболее массовым резервом которого служило латышское батрачество.

Как показывает автор, в Риге и прилегающем к ней районе в середине 70-х годов прошлого века в основных чертах уже оформлялась отраслевая структура промышленности, характерная для Латвии эпохи капитализма, с преобладанием выпуска предметов производственного потребления (машин, транспортных средств, металлических изделий, лесоматериалов, цемента, минеральных масел и пр.).

Б. Я. Вилкс внимательно изучила общие условия, в которых в 60—70-х годах XIX в. складывался комплекс металлообрабатывающих производств Латвии. Автор прослеживает влияние таможенной политики царизма на процесс формирования металлообрабатывающей отрасли, влияние на структуру отрасли импорта металлов, в частности льготного; обеспеченность отрасли рынками сырья и сбыта; ее техническую оснащенность; роль первого «подъема» железнодорожного строительства в России в развитии рижского вагоностроения и т. д. Далее автор показывает, что под влиянием нового курса в таможенной

политике царизма (строгий протекционизм) с конца 70-х годов промышленный капитализм в Латвии вступил в полосу зрелости: за 80-е годы XIX в. усилилась концентрация капиталов и, преимущественно, производства средств производства: не без участия иностранного капитала шла централизация капиталов (учреждение акционерных и других промышленных обществ, например русско-французская фирма «Проводник»); формировались новые центры машинной индустрии — Лиепая, Елгава и Даугавпилс; создавались новые производства (электротехническое, инструментальное, железопрокатное, органических красителей и др.).

Б. Я. Вилкс считает, что в конце 80-х годов уже явно обозначилась переориентация латвийского металлообрабатывающего производства на отечественный металл. Свидетельством сравнительно высокого организационно-технического и общеэкономического уровня развития крупной промышленности Латвии явилось, по мнению автора, участие, хотя и кратковременное, ряда производств (проволочно-гвоздильного, игольного) в еще непрочных монополистических (в том числе региональных значения) соглашениях 80-х годов.

Важен вывод автора о том, что к 90-м годам XIX в. в Латвии произошли крупные социальные сдвиги в результате значительного роста численности промышленного пролетариата, который существенно пополнялся, особенно в связи с аграрным кризисом, за счет «избыточного» сельского населения латышской, а также русской и литовской деревни. Условия труда и жизни промышленного пролетариата Латвии на рубеже 80-х и 90-х годов XIX в. стали, по мнению автора, важным фактором общественной жизни края, в частности определившим широкий размах рабочего движения, которое к середине 90-х годов XIX в. приобрело систематический характер.

Б. Я. Вилкс уделяет внимание также таким общим условиям социально-производственного процесса, как средства сношений и транспорта, рассматривая, в частности, малоисследованные вопросы развития железнодорожного хозяйства Латвии. На основе анализа архивных, а также ведомственных статистических материалов и обзоров автор дает историко-экономическую характеристику частного железнодорожного предпринимательства, представленного прибалтийским, русским и иностранным капиталом, и усилий казны в сооружении и эксплуатации железных дорог, прокладывавшихся по территории Латвии. В работе дана также общая оценка хозяйственного значения и финансового состояния этих железных дорог.

В рамках промышленного подъема 90-х годов XIX в. и кризиса 1900—1903 гг., явившихся переломным моментом в про-

цессе перехода «капитализма к ступени монополистического капитализма, к финансовому капиталу» (В. И. Ленин), вниманием Б. Я. Вилкс охвачен прежде всего круг вопросов, непосредственно связанный с проблематикой зарождения в Латвии этой новейшей фазы в развитии капитализма⁴². Автор приводит данные о значительно усилившейся во второй половине 90-х годов XIX в. концентрации производства, особенно в отраслях тяжелой, в частности в транспортном машиностроении (вагоностроении), и электротехнической промышленности. Как показали результаты исследования, значительная централизация капитала проявилась прежде всего в многократно ускорившемся процессе акционирования промышленных предприятий, причем эта тенденция более всего сказалась в металлообрабатывающем производстве: на конец 1899 г. в этой отрасли была сосредоточена более чем половина совокупного основного (акционерного) капитала. Установленным фактом для промышленности Латвии 90-х годов можно считать неуклонное снижение доли иностранных акционерно-паевых капиталов относительно русских (по уставу) промышленных обществ — процесс, по России в целом начавшийся уже после кризиса 1900—1903 гг.

Проведенный Б. Я. Вилкс предварительный анализ выявленного совокупного материала по акционерным капиталам отдельных промышленных обществ, действовавших в конце XIX в. на территории Латвии, дает основание предполагать, что доля иностранных капиталов в русских (по уставу) обществах со смешанным капиталом к этому времени также уже потеряла тенденцию к возрастанию, хотя этот тезис и нуждается в дополнительном изучении.

В очерке приводится краткий перечень всех известных автору достоверных сведений о прямых связях промышленных предприятий Латвии 90-х годов XIX в. с монополиями российской промышленности. Как вышеуказанный аспект развития крупнопромышленного производства Латвии, так и, особенно, вопрос о его связях с крупнейшими коммерческими (преимущественно петербургскими) банками и их группами (помимо взаимоотношений с ведущими местными банками, особенно

⁴² Результатом многолетних исследований этой большой темы в масштабах промышленности России является монография В. И. Бовыкина «Зарождение финансового капитала в России» (М., 1957. 295 стр.), появлению которой предшествовал целый ряд специальных исследований в этой области. В заведомо неполном списке авторов этих работ, преимущественно историков Ленинграда и Москвы, следует назвать, помимо В. И. Бовыкина, И. Ф. Гиндина и К. Н. Тарновского, также Т. Д. Крупину, М. Я. Гефтера, П. В. Волобуева, В. А. Нардову, Л. Е. Шепелева, А. А. Фурсенко, Ю. Б. Соловьева, С. И. Потолова и В. С. Дякина.

рижскими — Коммерческим, Городским учетным и Биржевым) ждут специального изучения, которое уже выходит за рамки данного обобщающего исследования по истории промышленности Латвии.

Разработка социально-экономического аспекта темы промышленного подъема 90-х годов XIX в. выразилась в обращении автора к вопросам о занятости населения Латвии (по материалам переписи 1897 г.), т. е. к оценке качественной стороны тех социальных сдвигов, которые принесло с собой развитие промышленного капитализма к концу XIX в. Сопоставление специфических условий формирования промышленного пролетариата Латвии, пополнявшегося за счет беднейших слоев безземельного сельского населения (сравнительно раннее и интенсивное образование компактного ядра постоянных рабочих и — на этой основе — быстрый рост численности потомственных пролетариев) с таким фактором, как перманентный приток наиболее подвижных слоев пролетариата из других, в том числе центральных, районов России, приводит автора к выводу, что именно совокупность этих факторов наряду с конкретными условиями труда и жизни латвийского пролетариата обусловили быстрый рост его классового, свободного от национальной замкнутости самосознания, его боевых качеств, проявлявшихся уже во второй половине последнего десятилетия XIX в. в бурном стачечном движении и массовых политических выступлениях.

Весьма результативной оказалась разработка темы промышленного развития Латвии начала XX в. Здесь прежде всего необходимо указать на главы обобщающего труда по экономической истории Латвии, принадлежащие перу Ю. Н. Нетесина⁴³, а также на другие его исследования. В этих работах автор исследует процесс воспроизводства промышленного капитала Латвии в системе российского империализма, изучает циклический ход промышленного развития страны с точки зрения его социально-экономических последствий, рассматривает воздействие классовой борьбы, порожденной основными социально-экономическими противоречиями, на воспроизводство промышленного капитала⁴⁴. В них впервые в латвийской историографии тщательному анализу подверглась целая серия во-

⁴³ Очерки экономической истории Латвии (1900—1917). Рига, 1968, стр. 13—39, 90—141, 268—296.

⁴⁴ Ю. Нетесин. Из истории проникновения германского капитала в экономику России (по материалам акц. о-ва бр. Фельзер и К°, Рига). — ИАН ЛССР, 1960, 4, стр. 33—45; Ю. Н. Нетесин. Синдикаты «Гвоздь» и «Проволока» (1903—1914 гг.). — ИЗ, 70, 1961, стр. 113—146; Ю. Н. Нетесин. Эвакуация промышленности Латвии в первую мировую войну. —

просов, связанных с выяснением влияния русско-японской войны и первой буржуазно-демократической революции на развитие местной промышленности. Среди новых наблюдений, сделанных в ходе изучения данной темы, следует указать на вывод автора о том, что в результате русско-японской войны государственно-капиталистические тенденции в общественном хозяйстве Латвии усилились и что именно тогда была заложена основа для превращения латвийской тяжелой промышленности (особенно рижской) во второй по значению (после Петербурга) центр военной промышленности Российской империи⁴⁵. Рассматривая состояние промышленности в период революции 1905—1907 гг., Ю. Н. Нетесин указывает на дезорганизацию всех отраслей капиталистического производства и делает аргументированное заключение о том, что спад промышленного производства в Латвии был следствием именно политических событий 1905—1907 гг., а не нормальной кризисной фазой промышленного цикла.

Ю. Н. Нетесин выявляет уровень развития капитализма в Латвии, анализирует структуру ее промышленности, рассказывает о крупнейших латвийских промышленных предприятиях и определяет удельный вес латвийского промышленного района в народном хозяйстве Российской империи. Так, по подсчетам автора, население Латвии составляло 1,5% численности всех жителей Российской империи, а оборот фабрично-заводской промышленности этого района достигал в 1900 г. 5,7% промышленного оборота империи в целом. При этом большая степень концентрации промышленного производства в городах Латвии органически сочеталась с высокой концентрацией производства и капитала на крупных предприятиях.

Проникнув во внутреннюю «молекулярную» структуру капиталистической организации промышленности Латвии, автор подробно рассматривает воздействие мирового экономического кризиса 1900—1903 гг. на процесс монополизации промышленности и приходит к заключению, что во время кризиса и в последующий период монополии превращаются в одну из основ хозяйственной жизни края. В этой связи следует отметить, что конкретный материал, введенный усилиями автора в научный оборот, убедительно свидетельствует о том, что промышленность Латвии как по признакам производственно-технической

ПроблИст, 6, 1962, стр. 27—35; Ю. Нетесин. О всеобщем законе капиталистического накопления в империалистической России. — ИАН ЛССР, 1962, 10, стр. 19—31; Ю. Нетесин. Об иностранном капитале в обрабатывающей промышленности Латышского края. — ИАН ЛССР, 1964, 1, стр. 3—20.

⁴⁵ Очерки экономической истории Латвии (1900—1917). Рига, 1968, стр. 34.

кооперации, так и по источникам накопления была органической составной частью российской системы капитала. Шаг за шагом он прослеживает уровень концентрации производства и процесс сращивания финансово-промышленного капитала, показывая, кто был истинным владельцем ведущих предприятий Латвии, в чьих руках находились контрольные пакеты акций крупнейших промышленных гигантов края, а также приводит много интересных данных о развитии ведущих отраслей промышленности и объеме производства важнейших изделий. На основе подсчетов Ю. Н. Нетесин приходит к выводу о том, что во время экономического подъема 1909—1913 гг. промышленность стала давать уже более половины всей валовой продукции края, а удельный вес производства средств производства в совокупности промышленной продукции составил 63%.

Примером дальнейшего прогресса в разработке темы может служить предпринятый автором всесторонний анализ связей предприятий Латвии с ведущими российскими, а в отдельных случаях и с международными синдикатами и другими монополистическими объединениями, а также его итоговое заключение о том, что в годы промышленного подъема, наряду с расширением сферы деятельности картельно-синдикатных объединений, оставшихся господствующей формой капиталистической организации промышленности как в Латвии, так и в империи в целом, начался переход к монополиям высшего типа — трестам и концернам ⁴⁶.

Не менее результативными оказались и исследования экономических сюжетов периода первой мировой войны. Основываясь на самостоятельной проработке разнообразных источников, в том числе и архивных, и опираясь на исследовательский опыт виднейших советских специалистов по данной проблеме (А. Л. Сидорова, И. Ф. Гиндина, К. Н. Тарновского), Ю. Н. Нетесин, подробнее, чем кто бы то ни было ранее, проследил влияние войны на развитие латвийской промышленности, показал процесс ее перестройки, которая должна была обеспечить удовлетворение потребностей фронта, превращение Риги в один из важнейших центров оборонной промышленности империи, рассмотрел ход топливно-сырьевого кризиса, а также описал условия жизни трудящихся масс (обострение нищеты, рост безработицы и т. д.).

⁴⁶ «Своеобразие промышленного подъема 1909—1913 гг., — замечает Ю. Н. Нетесин, — состояло в том, что наряду с расширением сферы картельно-синдикатных соглашений, усилением и упрочением связи банков с промышленностью накануне войны возникали высшие формы монополистических союзов — тресты и концерны» (Очерки экономической истории Латвии (1900—1917). Рига, 1968, стр. 104).

Бесспорны также достижения автора в изучении комплекса вопросов, связанных с историей эвакуации латвийской промышленности во время первой мировой войны. Раскрывая конкретную сущность и ход эвакуации, автор, с одной стороны, отмечает полную неподготовленность военного руководства к ее осуществлению, а с другой — прослеживает ожесточенную борьбу отдельных группировок и слоев российской буржуазии, развернувшуюся вокруг эвакуации латвийской промышленности. «В обстановке натиска фрондирующей буржуазии на самодержавие летом 1915 г., — замечает Ю. Н. Нетесин, — эвакуация Риги явила яркий пример неспособности царского правительства обеспечить военно-экономическую мобилизацию страны»⁴⁷.

Автор показывает тяжелые условия, в которых оказались массы эвакуированных рабочих, и с горечью констатирует, что «весь несложный механизм „регулирования“ эвакуации и распределения рабочих „сообразно требованиям государственной обороны“ целиком и полностью опирался на нужду и лишения пролетарских масс, вынужденных на свой страх и риск, без копейки денег пускаться на поиски работы в незнакомые, истощенные войной края»⁴⁸. Тем не менее, отмечая негативные стороны эвакуации латвийской промышленности, Ю. Н. Нетесин вносит корректив в излишне прямолинейную традиционную оценку этой операции, подчеркивая ее необычный размах: «По масштабам, по сжатости сроков и организованности эвакуация Рижского промышленного района была единственным в своем роде военно-экономическим мероприятием не только в России, но и во всех странах, вовлеченных в первую мировую войну»⁴⁹.

Одному из частных вопросов темы посвящена статья А. И. Иванова⁵⁰. Однако ее публицистический стиль, фрагментарность приведенных данных свидетельствуют о необходимости дальнейшей разработки архивных фондов и углубленного изучения вопроса.

Развитие промышленности и сельского хозяйства сопровождалось расширением экономических связей между Латвией и многими другими районами Российской империи, а также

⁴⁷ Очерки экономической истории Латвии (1900—1917). Рига, 1968, стр. 284.

⁴⁸ Там же, стр. 288.

⁴⁹ Там же, стр. 290.

⁵⁰ А. И. Иванов. Возникновение и развитие предприятий сельскохозяйственного машиностроения Латвии в XIX и в начале XX века. — ИАН ЛССР, 1967, 2, стр. 66—76; см. также: А. И. Иванов. Возникновение и развитие предприятий сельскохозяйственного машиностроения Латвийской ССР. Автореф. канд. дисс. Рига, 1968.

значительным ростом оборота латвийских портов. Подобно тому как развитие промышленности Латвии было органически связано с развитием промышленности всей России, так и внешнеторговый оборот латвийских портов в значительной степени определялся состоянием всероссийского народнохозяйственного организма.

Немецко-прибалтийская историография всячески затушевывала первостепенную важность тесных экономических связей латвийских портовых центров с глубинными районами России, выпячивая на передний план деятельность отдельных немецких предпринимателей. Латвийская буржуазная историография в силу своего классового характера и апологетической сущности также не могла внести и не внесла ничего существенного в разработку этого вопроса. Основной политической линией, определявшей содержание подавляющего большинства работ латышских буржуазных историков, было отчетливо выраженное стремление к преуменьшению, а то и просто замалчиванию того огромного значения, которое имели для Латвии теснейшие экономические и культурные связи с Россией.

Советские историки убедительно доказали научную несостоятельность подобных взглядов и на основе детального анализа широкого круга источников показали, что экономический подъем латвийских портов во второй половине XIX и начале XX в. был обусловлен глубокими объективными причинами и прежде всего серьезными экономическими сдвигами внутри всего народнохозяйственного организма России, приведшими к усилению экономических связей и установлению железнодорожного сообщения между латвийскими портами и внутренними губерниями империи. Так, во втором томе «Истории Латвийской ССР»⁵¹ дается обобщенная картина развития портовой торговли в Латвии, подчеркивается важность экономических связей Прибалтики с Россией, в общих чертах прослеживается процесс упрочения единого общероссийского рынка и показывается рост значения латвийских портов во внешнеторговых операциях России. В этой связи нельзя не назвать такого видного историка, как В. К. Яцунский⁵², который на основе глубокого анализа большого фактического материала убедительно показал, что по мере развития капитализма в России

⁵¹ История Латвийской ССР, 2. Рига, 1954, стр. 41—90, 151—170; Latvijas PSR vēsture, 2. Rīgā, 1955, 34.—74., 121.—137. lpp.

⁵² В. К. Яцунский. Значение экономических связей с Россией для хозяйственного развития городов Прибалтики в эпоху капитализма. — ИЗ, 45, 1954, стр. 105—147; В. К. Яцунский. К вопросу о развитии промышленности Прибалтики во второй половине XIX века. — ИАН ЛССР, 1953, 9, стр. 48—70.

хозяйство отдельных ее частей спланировалось в единый организм, возрастала роль российского рынка для латвийской промышленности, росло значение латвийских портов как крупных транзитных центров и экономика Латвии приобретала всероссийское значение.

Однако вопрос о развитии латвийских портов до сих пор еще не стал в советской историографии темой специального исследования. Попытку рассмотреть отдельные аспекты этой широкой проблемы предпринял А. К. Бирон⁵³, который, опираясь на архивные источники и публикации статистических материалов, постарался воссоздать картину коренного переоборудования и расширения латвийских портов во второй половине XIX — начале XX в., установить причины и последствия осуществления этих строительных программ, проследить динамику внешнеторговых операций Риги, Лиепайи и Вентспилса, определить удельный вес в них тех или иных товаров, а также показать направление экспортно-импортных связей и выявить районы, питавшие экспортную торговлю Латвии.

И действительно, картина роста внешнеторгового оборота латвийских портов весьма внушительна. Если во второй половине 60-х годов XIX в. их общий внешнеторговый оборот составлял 47,7 млн. руб., то накануне первой мировой войны он достиг уже 584,9 млн. руб. Отчетливой оказалась также тенденция возрастания удельного веса латвийских портов во внешнеторговых операциях России: если в 1866—1870 гг. он составлял в среднем 9,7% российского внешнеторгового оборота, а в последнем пятилетии XIX в. — 16,6%, то в 1913 г. — уже 26,8%, причем особенно возрос их удельный вес в экспорте. Из портов Латвии вывозились лесоматериалы и сельскохозяйственные продукты: технические культуры, продукты животноводства и зерно. Ввозились важнейшие промышленные товары, сырье, искусственные удобрения, сельдь, а также так называемые колониальные товары. Возрастание значения Риги как одного из важнейших портов России и превращение Лиепайи и Вентспилса в крупные центры всероссийской внешней торговли сопровождалось существенными изменениями структуры их экспортных и импортных операций.

⁵³ А. Бирон. Экспорт сельскохозяйственной продукции из латвийских портов (1860—1900 гг.). — *ЕжгАгр* 1964, Кишинев, 1966, стр. 669—682; А. К. Бирон. Экспорт сельскохозяйственной продукции из латвийских портов в начале XX в. (1901—1913 гг.). — *ЭСПр*, стр. 226—245; А. К. Бирон. Портовое строительство в Латвии во второй половине XIX и начале XX в. — *ЭСПр*, стр. 246—284; А. К. Бирон. Внешняя портовая торговля Латвии. — В кн.: *Очерки экономической истории Латвии (1900—1917)*. Рига, 1968, стр. 209—267; см. также: Л. Я. Сотнивец. Расширение Рижского порта во второй половине XIX века. — *ИАН ЛССР*, 1969, 11, стр. 13—22.

Впервые в историко-экономической литературе А. К. Бирон прослеживает процесс концентрации капитала во внешней торговле Латвии. Автор приводит целый ряд весьма показательных цифр. Так, он подчеркивает, что в начале XX в. экспортной торговлей в латвийских портах занималось около 250 фирм, причем одну пятую из них составляли крупные торговые заведения, на долю которых приходилось почти $\frac{9}{10}$ всего латвийского экспорта. И в то же время доля более сотни мелких предприятий составляла менее одного процента всего экспорта.

К сожалению, степень разработки данного вопроса, а также характер известных источников не позволили окончательно выяснить все детали организационно-технического уровня портовой торговли Латвии и четко выявить, насколько удалось новым крупным капиталистически модернизированным фирмам, широко пользовавшимся банковским кредитованием, вытеснить старые торговые монополии, а также установить национальную принадлежность важнейших экспортно-импортных предприятий.

Анализ железнодорожной статистики позволил автору, с одной стороны, определить поток грузов, поступавших в латвийские порты из центральных и глубинных областей России и уяснить их роль в экспортных операциях, а с другой — проследить, куда направлялись прибывавшие из-за границы товары. Документально обоснован центральный тезис А. К. Бирона о том, что расцвет экспортной торговли латвийских портов был обусловлен прежде всего установлением железнодорожного сообщения между латвийскими портами и внутренними губерниями России и что именно широчайший поток сельскохозяйственных грузов из глубинных и западных ее районов стал определяющим фактором экономического подъема латвийских портов.

В начале XX в. быстро росли и развивались латвийские города. Если в 1897 г. в Латвии насчитывалось 1,9 млн. человек населения и из них 574,3 тыс., или 29,8%, составляли жители городов, то в 1914 г. численность населения увеличилась до 2,5 млн. человек, причем городское население составляло 951,7 тыс. человек, или 37,3%. Одновременно происходил процесс быстрой концентрации городского населения в крупнейших промышленных и торговых центрах края — Риге, Лиепае, Даугавпилсе, Елгаве и Вентспилсе, в которых накануне первой мировой войны проживало около 85% всех городских жителей.

Проведя кропотливое изучение источников, прежде всего архивных фондов, советские исследователи воссоздали достаточно детализированную картину развития коммунальных хозяйств важнейших городов Латвии, вскрыли классовую сущность и особенности деятельности городских самоуправлений,

проследив влияние различных группировок местной буржуазии на развитие городов. При этом детальной разработке, главным образом усилиями Д. Озолини⁵⁴, подверглись такие аспекты, как структура и динамика городских бюджетов, жилищное строительство, состояние транспортных средств, водоснабжения и канализационных систем. Заслуживает внимания вывод исследователей о том, что в 1908—1913 гг. темпы строительства в Риге превысили соответствующие показатели периода «строительной лихорадки», наблюдавшейся во время промышленного подъема 90-х годов прошлого столетия.

Развитие латвийских городов, как, впрочем, и всех городов в условиях капитализма, носило противоречивый характер и отличалось контрастностью: прежде всего благоустраивались кварталы, населенные богачами, а рабочие кварталы оставались в основном без электрического освещения, канализации, водопровода и газа; в городских центрах пустовали сотни прекрасных (естественно, дорогостоящих!) многокомнатных квартир, а рабочие в предместьях страдали от острого жилищного «голода», тесноты и грязи в бараках. «Деятельность городских самоуправлений Латвии накануне первой мировой войны, — справедливо заключает Д. Озолиня, — отличалась величайшим равнодушием к потребностям широких масс населения. Все глубже становились контрасты между благоустроенными центральными районами крупных городов и оставленными на произвол судьбы рабочими окраинами с их антисанитарными условиями и высокой смертностью населения»⁵⁵.

3. ФОРМИРОВАНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА, ЕГО РОСТ, ПОЛОЖЕНИЕ И БОРЬБА

Руководствуясь глубоким ленинским замечанием о том, что «для сознательных рабочих нет важнее задачи, как задача *познать* движение своего класса, его сущность, его цели и задачи, его условия и практические формы»⁵⁶, историки Советской Латвии уделили серьезное внимание научной разработке истории рабочего класса.

Проблеме формирования промышленного пролетариата в Латвии во второй половине XIX в. посвящена монография

⁵⁴ Д. К. Озолиня. О коммунальном хозяйстве Риги в 90-х годах XIX века. — ПроблИст, 6, 1962, стр. 137—164; Очерки экономической истории Латвии (1900—1917). Рига, 1968, стр. 141—154.

⁵⁵ Очерки экономической истории Латвии (1900—1917). Рига, 1968, стр. 154.

⁵⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 244.

Б. Я. Вилкс⁵⁷, в которой отражается процесс становления рабочего класса Латвии как органической составной части многонационального пролетариата России. Автор показал высокую степень сосредоточения торгово-промышленного населения, в том числе пролетариата Латвии, в индустриальных центрах — Риге, Лиепае и Елгаве, проследил быстрый процесс концентрации пролетариата на немногих очень крупных предприятиях, особенно в металлообрабатывающей и химической отраслях промышленности.

В книге анализируются численность и состав рабочего класса Латвии, освещаются условия его труда и жизни, ставится вопрос о периодизации рабочего движения в Латвии, о связи стачечной борьбы латвийских рабочих в последнем пятилетии XIX в. с общероссийским рабочим движением, в частности массовым забастовочным движением петербургского пролетариата. Автор показал деятельность первых марксистских и социал-демократических рабочих кружков и их роль в руководстве забастовками. В монографии приводится хроника рабочего движения в Латвии 70—90-х годов, составленная на основе выявленных автором новых документальных материалов, а также ранее опубликованных данных. То, что рабочий класс Латвии формировался из представителей разных национальностей — латышей, русских, белорусов, литовцев, поляков и т. д., — явилось залогом его верности принципам пролетарского интернационализма.

В советской исторической литературе видное место занимает освещение социально-экономического положения рабочего класса. В послевоенный период пионером исследования этого вопроса выступил Г. Енш, который еще в 1948 г. опубликовал содержательную статью о положении рижских фабрично-заводских рабочих в 70-х годах прошлого столетия⁵⁸. Статья насыщена свежим конкретным материалом, небольшая по объему, она по-новому освещает целую научную тему.

В результате исследовательской работы, проделанной советскими историками (и прежде всего А. А. Дризулом)⁵⁹, были

⁵⁷ Б. Вилкс. Формирование промышленного пролетариата в Латвии во второй половине XIX века. Рига, 1957. 276 стр.

⁵⁸ J. E n š s. Rīgas fabriku strādnieku stāvoklis 1870-os gados. — PadLSk, 1948, 7, 56.—72. lpp.

⁵⁹ История Латвийской ССР, 2. Рига, 1954, стр. 114—123; Latvijas PSR vēsture, 2, Rīgā, 1955, 92.—100. lpp.; История Латвийской ССР. Сокращенный курс. Рига, 1955, стр. 214—236; Latvijas PSR vēsture. Saīsināts kurss. Rīgā, 1956, 190.—210. lpp. А. А. Дризул. Из истории революционного движения 70—80-х гг. XIX в. в Латвии. — ИЗ, 1954, 45, стр. 201—207; А. А. Дризул. К вопросу о революционном движении 70—80-х гг. XIX в. в Латвии. — ИАН ЛССР, 1953, 1, стр. 87—105.

уточнены хронологические грани зарождения рабочего движения в Латвии. Новые материалы позволили сделать вывод, что начало рабочего движения в Латвии следует отнести к 70-м годам XIX в., а отнюдь не к 90-м или даже к 1899 г. (т. е. моменту так называемого Рижского бунта), которыми обычно его датировали. Советские историки показали, что уже первые выступления рабочих в 70—80-х годах прошлого столетия, несмотря на еще стихийный их характер, свидетельствовали о том, что на арену классовой борьбы вышла новая социальная сила — растущий пролетариат Латвии. С первых забастовок и рабочих волнений 70—80-х годов XIX в. росла и крепла боевая пролетарская солидарность латышских и русских рабочих.

Анализируя данные о росте латвийского пролетариата в начале XX в., Ю. Н. Нетесин⁶⁰ приходит к заключению, что Латвия была одним из наиболее «пролетарских» районов Российской империи (по его подсчетам, в этом районе не менее $\frac{3}{5}$ всего населения составляли наемные рабочие с членами семей, в то время как удельный вес российского пролетариата в населении страны колебался в тот период в пределах 10—11%), при этом доля городских наемных рабочих в массе пролетариата Латвии с 30% в 1897 г. повысилась до 43,5% в 1913 г. Численный рост рабочего класса сопровождался значительным увеличением степени его концентрации в отдельных промышленных центрах и на крупнейших предприятиях. При этом латвийский пролетариат интенсивно пополнялся в основном выходцами из литовских и латышских деревень и близлежащих русских губерний (к примеру, в 1908 г. литовских рабочих в массе рижского пролетариата было 27,5%).

Положение латвийского пролетариата остается темой, все еще недостаточно разработанной историками Советской Латвии. Однако в последние годы наметилось — правда, чрезвычайно робкое — продвижение вперед и в этой области, хотя и до сих пор приводимые исследователями материалы все еще носят иллюстративный характер и не дают достаточно четкого представления о картине в целом. Несколько детализирует представление о положении латвийского пролетариата в начале XX в. Ю. Н. Нетесин. Он прослеживает влияние кризиса 1900—1903 гг. на положение трудящихся масс, приводит данные об усилении репрессивных мер администрацией (в частности, о возникновении негласной системы черных списков), описывает рост эксплуатации (интенсификация труда и увеличение норм выработки, широкое применение сверхурочных работ

⁶⁰ Очерки экономической истории Латвии (1900—1917). Рига, 1968, стр. 278.

и увеличение штрафов, ухудшение жилищных условий и снижение реальных доходов пролетарского населения Латвии). «Жизненный уровень массы рабочих Латвии, — заключает Ю. Н. Нетесин, проанализировав бюджеты рабочих семей, — был сведен почти к уровню физического существования, причем жизненный уровень тысяч безработных, низкооплачиваемых поденщиков и чернорабочих, а также женщин оказался гораздо ниже этого уровня полуголодного существования»⁶¹. Не ускользнули от внимания исследователя и попытки местных фабрикантов расколоть рабочий класс Латвии: ухудшая положение основной массы трудящихся, они параллельно пытались создать прослойку привилегированных рабочих. В этой связи интерес представляют приведенные автором сведения о зарплате рабочих ряда предприятий латвийской промышленности. Однако полная картина динамики заработной платы в работах советских историков и экономистов республики все еще не воссоздана.

Более подробно, чем ранее, автор раскрывает положение рабочего класса Латвии в годы первой мировой войны, показывая резкое сокращение численности фабрично-заводских рабочих, рост безработицы и нищеты трудящихся масс. «Значительный рост пролетарского перенаселения позволил местным фабрикантам, — подытоживает Ю. Н. Нетесин, — создать для рабочих Латвии подлинно военную каторгу...»⁶².

4. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ (МЛАДОЛАТЫШСКОЕ, «НОВОЕ ТЕЧЕНИЕ», РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ, ФОРМИРОВАНИЕ ЛАТЫШСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ)

Впервые в послевоенный период вопросы истории младолатышского движения нашли отражение в статьях В. Самсона⁶³ и диссертации Э. Плауде⁶⁴, защищенной в 1954 г. Первая крупная печатная работа по истории младолатышского

⁶¹ Очерки экономической истории Латвии (1900—1917). Рига, 1968, стр. 29.

⁶² Там же, стр. 278.

⁶³ Г. Наан, В. Самсон. Передовая общественная и философская мысль у народов Прибалтики в XIX веке. — БСЛ, 1948, 9, стр. 55—64; V. Samsons. Progresīvās sabiedriskās un filozofiskās domas attīstība Latvijā 19. gadsimta otrā pusē. — PadLSk, 1951, 12, 25.—33. lpp.; 1952, 1, 4.—9. lpp.; 3, 8.—17. lpp.

⁶⁴ Э. К. Плауде. Борьба прогрессивной латышской общественности против остатков крепостничества и реакционной буржуазии во второй половине XIX века. Автореф. канд. дисс. Рига, 1954.

движения — монография Г. Либермана «Младолатыши»⁶⁵ — появилась в 1957 г. Автор монографии проделал большую работу по выявлению богатого литературного наследства младолатышей и в процессе подготовки книги к изданию изучил широкий круг источников начиная с произведений самих деятелей младолатышского движения, периодической печати того времени и воспоминаний современников и кончая материалами, хранящимися в архивах Риги, Тарту, Ленинграда и Москвы. Однако, характеризуя младолатышское движение, Г. Либерман допустил некоторую идеализацию как самого движения в целом, так и его отдельных деятелей, что послужило поводом для серьезной научной дискуссии по вопросам общей оценки характера и классовой сущности младолатышского движения.

Отметим, что известный разноречивой в оценке младолатышей в историографии и литературоведении Советской Латвии наблюдался и ранее, но особенно заметен он стал во второй половине 50-х годов. Часть исследователей (Г. Либерман, П. Дзерве и др.) социальной базой младолатышского движения считала все крестьянство и мелкую буржуазию городов, а идеологов этого движения представляла чуть ли не как предшественников революционной социал-демократии. Другие ученые (Я. П. Красынь, К. Я. Страздинь и др.) придерживались взгляда, что младолатышское движение, будучи для своего времени относительно прогрессивным, отражало интересы развивающейся латышской буржуазии, а его идеологи были обычными либералами.

Итоги дискуссии подведены в статье группы ученых, в которой дается научно обоснованная оценка исторической роли и классовой сущности младолатышского движения и намечаются основные линии дальнейшего изучения этой проблемы. В статье подчеркивается, что вопрос о правильной оценке характера младолатышского движения — это не академический вопрос, касающийся лишь специалистов-ученых. Это — принципиальный идеологический вопрос, имеющий большое политическое значение. При его обсуждении в советской историографии и литературоведении проявились две тенденции: первая вела к идеализации младолатышского движения и его деятелей, вторая — к преуменьшению их значения.

⁶⁵ G. Libermanis. Jaunlatvieši. No latviešu ekonomiskās domas vēstures. Rīgā, 1957, 302 lpp.; см. также: Г. Либерман. Экономические взгляды младолатышей. Автореф. канд. дисс. Рига, 1958; G. Libermanis. Feodālisma apkarotājs, apgaismotājs, tautsaimnieks. — Karogs, 1956, 12, 92.—100. lpp. G. Libermanis. Jūlijs Kalējs-Kuzņecovs kā latviešu sabiedriskās domas pārstāvis. — Karogs, 1957, 6, 81.—89. lpp.; G. Libermanis. Jaunlatviešu ekonomiskie uzskati. — ZAVēst, 1957, 6, 149.—158. lpp.

Авторы статьи пришли к единому мнению о том, что младолатыши являлись идеологами сельской и городской буржуазии и сыграли прогрессивную роль в борьбе против привилегий немецких баронов, за формирование и укрепление национального самосознания и национальной культуры латышского народа, что взгляды младолатышей объективно отражали классовые интересы развивающейся национальной латышской буржуазии, а их деятельность способствовала усилению ее экономических и политических позиций. Объективной основой младолатышского движения было становление буржуазного общества, освобождающегося от различных остатков феодализма. Будучи умеренными буржуазными реформистами, младолатыши были противниками революционных методов борьбы, они не ставили вопроса о коренных изменениях социального строя, а ориентировались на возможность и необходимость мирной перестройки общественных отношений посредством реформ.

В ходе дискуссии был опубликован ряд работ, способствовавших, на наш взгляд, уяснению классовой сущности и характера младолатышского движения. Среди них видное место занимает сборник статей, направленных против идеализации этого движения⁶⁶. В статьях К. Я. Страздиня⁶⁷ и Я. П. Крастыня⁶⁸ содержалась критика в адрес исследователей, оценивавших младолатышей как демократов, и новые аргументы, раскрывающие буржуазную природу младолатышского движения. Авторы в своих статьях последовательно проводили мысль о том, что именно изменения в хозяйственной жизни, произошедшие в 60—70-х годах XIX в. и повлекшие за собой формирование классов нового, т. е. буржуазного общества, явились основной причиной возникновения младолатышского движения. При этом оба автора подчеркивают вполне определенную либеральную направленность деятельности младолатышей. Однако этим исследователям не удалось во всей полноте проследить эволюцию взглядов младолатышей, показать их борьбу за развитие национальной культуры и их деятельность на поприще просвещения. Не поставлен ими также вопрос о том, какой резонанс получили идеи младолатышей среди латышского насе-

⁶⁶ Против идеализации младолатышского движения. Рига, 1960. 224 стр.

⁶⁷ К. Я. Страздинь. О младолатышском движении 60—70-х годов XIX века. — ВИ, 1958, 10, стр. 113—122; К. Я. Страздинь. О классовой сущности младолатышского движения. — В кн.: Против идеализации младолатышского движения. Рига, 1960, стр. 5—76.

⁶⁸ Я. П. Крастынь. К вопросу о младолатышском движении. — В кн.: Против идеализации младолатышского движения. Рига, 1960, стр. 77—102; Я. П. Крастынь. О характере младолатышского движения. — ИСССР, 1961, 1, стр. 62—70.

ления, т. е. не выявлена степень влияния младолатышей на различные слои латышского народа.

Обстоятельно проследил отношение младолатышей к крестьянскому движению М. И. Козин⁶⁹. Ему удалось ответить на вопросы об участии младолатышей в крестьянском движении, о проявлениях этого участия и его целях и, наконец, дать общую оценку отношения младолатышей к крестьянскому движению. Заслуживает внимания и вывод автора о том, что младолатыши не придавали самостоятельного значения крестьянскому движению как средству решения аграрного вопроса снизу, что они поддерживали лишь пассивные методы крестьянской борьбы. Отношение младолатышей к активной борьбе крестьян против помещиков М. И. Козин определяет как «сочувственный нейтралитет»: младолатыши считали, что крестьянские волнения вынуждают правительство, вопреки сопротивлению помещиков, проводить аграрные и другие реформы и тем самым облегчают их борьбу.

А. К. Бирон в своих статьях, посвященных деятельности одного из крупнейших представителей младолатышского движения и теоретиков мореходства Кр. Валдемара⁷⁰, на основе анализа его произведений пришел к выводу, что, будучи идеологом широкого слоя формирующейся средней и мелкой буржуазии, он рассматривал проблемы развития мореходства прежде всего сквозь призму интересов этого слоя. Разработанная Кр. Валдемаром программа развития торгового флота открывала простор для капиталистического развития одной из важных народнохозяйственных отраслей — мореходства — и поэтому была прогрессивной. Эта буржуазная программа со значительной примесью мелкобуржуазных утопических философствований и рецептов была рассчитана на «свободное» развитие промышленной деятельности в условиях проведения реформ сверху. Анализ показывает, что она базировалась на вере во всемогущество принципа свободной конкуренции, на вере в просвещение как одно из важных средств достижения промышленных успехов и на вере в возможность мирной перестройки общественных отношений посредством реформ. Автор подчеркивает большое значение деятельности Кр. Валдемара в развитии мореходного образования в России.

⁶⁹ М. И. Козин. Младолатыши и крестьянское движение в Латвии в 60-х годах XIX века. — В кн.: Против идеализации младолатышского движения. Рига, 1960, стр. 133—178.

⁷⁰ А. Бирон. Кришьян Валдемар как деятель мореходного образования России. — ИАН ЛССР, 1962, 2, стр. 3—17; А. Бирон. Деятельность К. Валдемара в области торгового мореплавания России. — ПроблИст, 6, 1962, стр. 89—135.

Предметом исследования А. Я. Салминя были два вопроса: социальные устремления идеологов младолатышского движения и полемика младолатышей с прибалтийско-немецкой реакционной прессой по аграрному вопросу в 60-х годах XIX в.⁷¹ Заостряя внимание на классовом характере младолатышского движения, А. Я. Салминь основной упор делает на анализ аграрной программы младолатышей. Он освещает взгляды Кр. Валдемара и А. Спагиса, выступления газеты «Pēterburgas avīzes» против привилегий немецких баронов, отношение младолатышей к переселенческому движению латышских крестьян.

В последнее время была предпринята также попытка углубленного исследования деятельности отдельных представителей младолатышского движения. В 1963 г. вышла работа М. Н. Сочнева «Каспар Биезбардис. Жизнь и мировоззрение»⁷², посвященная жизни и деятельности одного из участников младолатышского движения, оставившего заметный след в философской и общественно-политической жизни Латвии 50—80-х годов прошлого века. Автор показывает К. Биезбардиса как противника и критика крепостнических порядков и, отмечая прогрессивность его деятельности, подчеркивает буржуазно-ограниченный характер его требований, раскрывает противоречивость его философских взглядов.

Принципиальный шаг в исследовании младолатышского движения сделан. Впереди — серьезная и детальная научная разработка целого ряда аспектов этой большой и важной проблемы.

Определенный научный интерес представляют предпринятые академиком П. В. Валескалном исследования вопросов истории возникновения в Латвии революционно-демократической идеологии, и прежде всего революционной деятельности П. Д. Баллода⁷³. На конкретном материале автор достаточно убедительно показал, что в отличие от младолатышей, ограни-

⁷¹ А. Я. Салминь. Социальные устремления идеологов младолатышского движения. — В кн.: Против идеализации младолатышского движения. Рига, 1960, стр. 103—132; A. Salmiņš. Jaunlatviešu polemika ar baltvācu reakcionāro presi agrārajā jautājumā XIX gs. 60. gados. — LVU ZR, 26, 1959, 205.—240. lpp.

⁷² М. Н. Сочнев. Прогрессивная общественно-философская мысль в Латвии третьей четверти XIX века. Автореф. канд. дисс. Рига, 1966; M. Sočņevs. Kaspars Biezbārdis. Dzīve un pasaules uzskats. Rīgā, 1963. 132 lpp.

⁷³ П. И. Валескалн. Революционный демократ Петр Давыдович Баллод. Рига, 1957. 299 стр.; P. Valeskalns. Revolucionārais demokrāts Pēteris Balodis. Rīgā, 1961. 302 lpp.; П. И. Валескалн. Очерк развития прогрессивной философской и общественно-политической мысли в Латвии. Рига, 1967. 248 стр.

чивавших свою деятельность просветительством, П. Д. Баллод глубоко сознавал: единственно верный путь к прогрессу — это свержение царского самодержавия и переход власти в руки народа. Однако в связи с тем, что сохранилось чрезвычайно мало документальных материалов, ряд аспектов истории деятельности революционных демократов в Латвии требует дополнительного изучения, а отдельные ее моменты — более обстоятельной аргументации и уточнения.

Ряд серьезных работ, в том числе три диссертации, посвящен истории революционно-демократического движения «Новое течение» — самого значительного общественно-политического движения в Латвии конца XIX в. Марксистская концепция истории «Нового течения» утверждалась в острой борьбе со всякого рода фальсификацией и вульгаризацией этого движения буржуазной историографией⁷⁴. Советские историки показали, что «Новое течение» было революционно-демократическим движением латышской интеллигенции, деятельность которой определялась новой расстановкой классовых сил в латышском обществе. Общественно-политическую основу «Нового течения» составляла революционная борьба латышского промышленного пролетариата и обострение классовых противоречий в деревне, вызванное, с одной стороны, быстрым развитием капитализма в сельском хозяйстве, а с другой — сохранением феодальных пережитков, и прежде всего помещичьего землевладения. При этом советская историография отмечает, что на «Новое течение» оказали влияние революционные выступления российского пролетариата, деятельность русской социал-демократии и международное революционное движение.

Первые шаги по изучению этого движения были сделаны еще в 20-е годы, когда вышли в свет несколько статей бывших «новотеченцев»⁷⁵, а также разнообразные (в том числе и архив-

⁷⁴ Начав борьбу против «Нового течения» буквально с момента его возникновения, реакционная латышская буржуазия вела ее с позиций национализма, острей которого направлялось прежде всего против пролетарского классового подхода к характеристике буржуазного общества. Игнорируя социальные корни и общественнополитическую основу движения, апостолы буржуазного национализма показывали «новотеченцев» как людей, которые якобы оторвались от реальности и увлеклись чуждыми для латышского общества идеями, возникшими «чисто автоматически из журналистики и общественного направления других народов» (поэтому они «новотеченцев» называли «плохими переводчиками немецкого марксизма и русского нигилизма»).

⁷⁵ J. Jansons-Brauns. Pirmie soli. — Grām.: Proletāriskā revolūcija Latvijā, 1. M., 1924, 11.—20. lpp.; P. Stučka. «Jaunā strāva». — Там же, стр. 21—24; P. Dauge. Atmiņas par latvju sociālistiskās kustības bērnības gadiem. — Там же, стр. 25—33.

ные) материалы, относящиеся к «Новому течению»⁷⁶. Особое значение принадлежит статьям П. Стучки и Я. Янсона-Брауна, в которых дается марксистская характеристика «Нового течения», показывается, что оно было движением латышской демократической интеллигенции, которая вела марксистскую пропаганду, используя главным образом легальные возможности. П. Стучка дает также периодизацию «Нового течения», начиная ее с 1893 г., т. е. с того времени, когда к марксизму приобщились уже не отдельные интеллигенты, но целое течение демократической интеллигенции).

Связывая «Новое течение» с развитием рабочего движения (в 1893 г. в Лиенае возникли первые латышские рабочие кружки), П. Стучка указывал, что «Новое течение» было первым ростком марксистской партии латвийского пролетариата. П. Стучка и Я. Янсон-Браун считали, что период «Нового течения» был этапом перехода к марксизму, так как на взглядах новотеченцев кроме идей научного социализма сказалось также некоторое влияние утопического социализма. Естественно, что не прошли мимо истории «Нового течения» и авторы соответствующих разделов обобщающих трудов по истории Латвии и Коммунистической партии⁷⁷, изданных после Великой Отечественной войны; отдельные аспекты темы затронуты в ряде других работ⁷⁸.

Первая диссертация, посвященная анализу этого движения, — работа Г. Мартинсона «„Новое течение“ как прогрессивно-демократическое движение в Латвии»⁷⁹ — была защищена в 1949 г. Однако следует отметить, что в этой работе на трактовке целого ряда вопросов истории «Нового течения»

⁷⁶ Proletāriskā revolūcija Latvijā, 1. Strādnieku šķiras partijas sākotne. LKP vēstures materiāli. M., 1924. VI, 780 lpp.

⁷⁷ История Латвийской ССР, 2. Рига, 1954, стр. 180—189; Latvijas PSR vēsture, 2. Rīgā, 1955, 145.—152. lpp.; История Латвийской ССР. Сокращенный курс. Рига, 1955, стр. 230—233; Latvijas PSR vēsture. Saīsināts kurss. Rīgā, 1956, 205.—207. lpp.; Очерки истории Коммунистической партии Латвии, I, Рига, 1962, стр. 26—31; Latvijas Komunistiskās partijas vēstures apcerējumi, 1. Rīgā, 1961, 23.—27. lpp.

⁷⁸ V. Steinbergs, A. Vilsons. J. Jansona-Brauna dzīve. Rīgā, 1957. 153 lpp.; V. Steinbergs. F. Roziņš — marksistiskās filozofijas celmlauzis Latvijā. Rīgā, 1960. 298 lpp.; В. А. Штейнберг. Марксистско-ленинская философская мысль в Латвии в начале XX века. Автореф. докт. дисс. М., 1961; P. Dauge. P. Stučkas dzīve un darbs. Rīgā, 1958. 551 lpp.; K. Krauliņš. J. Raiņa dzīve un darbība. Rīgā, 1953. 276 lpp.; A. Vilsons. Eduarda Veidenbauma dzīve un darbs. — Grām.: E. Veidenbaums. Kopoti raksti, 1. Rīgā, 1961, 5.—203. lpp.; К. Краулиньш. Развитие общественно-философских взглядов Я. Райниса до кануна революции 1905 г. Автореф. канд. дисс. Рига, 1951.

⁷⁹ Г. Мартинсон. «Новое течение» как прогрессивно-демократическое движение в Латвии. Автореф. канд. дисс. Рига, 1949.

и на оценке его деятельности весьма ощутима печать культа личности. Кроме того, автор недостаточно использовал источники, особенно архивные фонды, что значительно снизило познавательную ценность его материала.

В работах И. Х. Киртовского⁸⁰ впервые в советской историографии подробно рассматриваются экономические взгляды новотеченцев. Анализируя эволюцию «Нового течения», И. Х. Киртовский отстаивает выдвинутое еще до него отдельными исследователями положение о двух этапах в развитии этого движения: первый из них охватывает период с середины 80-х годов до 1892 г., а второй — с 1893 по 1897 г.

Существенный вклад в разработку проблемы «Нового течения» внес П. Лайзан. В его работах⁸¹ не только выясняется вопрос о возникновении и истории этого движения, но и подробно характеризуются общественно-философские взгляды новотеченцев, прослеживается их борьба против идеализма за материалистическую философию и материалистическое понимание истории, показывается теоретическая деятельность виднейших представителей прогрессивной философской и общественно-политической мысли в Латвии конца XIX в. — Эд. Вейденбаума, П. Стучки, Фр. Розиня, Я. Плиекшана (Райниса), П. Дауге, Я. Янсона-Брауна.

Опираясь на новые материалы, а также на периодику того времени и воспоминания, П. Лайзан более подробно, чем кто-либо ранее, рассматривает историю «Нового течения», связи новотеченцев с рабочими кружками, с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и московским «Союзом рабочих», подчеркивает роль новотеченцев в пропаганде диалектического и исторического материализма и принципов классовой борьбы пролетариата. Анализируя характер движения, автор показывает, что «Новое течение» отражало тот период развития рабочего движения в Латвии, когда рабочие кружки были основной его организационной формой. Связывая «Новое течение» с предысторией образования партии латвийского пролетариата, П. Лайзан приходит к выводу, что раз-

⁸⁰ И. Х. Киртовский. Латышская прогрессивная экономическая мысль в 80—90-е годы XIX столетия. Автореф. канд. дисс. Рига, 1957; I. Kirtovskis. Latviešu progresīvās ekonomiskās domas attīstība XIX gadsimta 80. un 90. gados. Rīgā, 1956. 69 lpp.; И. Киртовский. Зарождение марксистской экономической мысли в Латвии (конец XIX века). — УчЗ РПИ, 13, 1964, стр. 199—219.

⁸¹ П. В. Лайзан. Развитие прогрессивной философской и общественно-политической мысли в Латвии в конце XIX века (90-е годы). Автореф. канд. дисс. Рига, 1961; P. Laizāns. Jaunstrāvnietu filozofiskie un sabiedriski-politiskie uzskati. — LVU ZR, 33, Rīgā, 1960. 5.—45. lpp.; P. Laizāns. Jaunstrāvnietu filozofiskie uzskati. Rīgā, 1966. 232 lpp.

вите взглядов «новотеченцев» характеризуется переходом от революционного демократизма к марксизму. Этот переход нашел рельефное отражение в философских, социологических и эстетических воззрениях новотеченцев. П. Лайзан справедливо подчеркивает, что новотеченцы защищали принципы научного социализма, хотя иногда их взгляды еще и не были свободны от некоторого влияния утопического социализма. В центре деятельности новотеченцев была теоретическая борьба против буржуазной идеологии, против всякого рода разновидностей буржуазной философии. И хотя новотеченцы все еще не могли соединить рабочее движение с научным социализмом, пропагандируя марксизм, они способствовали идейному пробуждению пролетариата Латвии.

Освещению отдельных моментов истории «Нового течения» посвящено, кроме того, несколько статей⁸². Здесь уместно отметить работу В. П. Самсона⁸³, в которой рассматриваются общественно-политические и философские взгляды «новотеченцев» (в основном Эд. Вейденбаума и Я. Райниса), статьи П. Кудрявцева⁸⁴ и И. Апиня⁸⁵. В своей первой статье П. Кудрявцев вводит в научный оборот ряд новых материалов, свидетельствующих о связях революционно настроенных новотеченцев с рабочим движением, во второй — показывает, какие методы использовали латышские буржуазные историки, начиная с Э. Бланка и кончая «социал-демократом» Б. Калнынем, для фальсификации истории «Нового течения».

И. Апиня впервые в латвийской историографии предприняла попытку систематически изложить взгляды новотеченцев по на-

⁸² A. Birkerts. Jānis Pelude, viņa revolucionārā un sabiedriskā darbība (1873.—1911. g.). — Karogs, 1957, 1, 102.—109. lpp.; A. Birkerts. Jaunā strāva un jaunstrāvnīki. — Karogs, 1957, 5, 96.—104. lpp.; P. Dauge. Par «Jaunās strāvas» laikmetu Latvijā. — PadLB, 1946, 11/12, 53.—63. lpp.; В. А. Штейнберг. К истории марксистской мысли в Латвии начала XX века. — ИАН ЛССР, 1957, 9, стр. 35—45; В. А. Штейнберг. Из истории марксистской мысли в Латвии начала XX века. — УчЗ РПЕДИ, 7, 1958, стр. 191—218; В. Штейнберг. Фр. Розинь (Азис) — выдающийся пропагандист марксистской философии. — КСЛ, 1960, 1, стр. 33—40.

⁸³ V. Samsons. Progresīvās sabiedriskās un filozofiskās domas attīstība Latvijā 19. gadsimta otrajā pusē. — PadLSK, 1951, 12, 25.—33. lpp.; 1952, 1, 4.—9. lpp.; 3, 8.—17. lpp.; В. Самсон. Общественно-философские взгляды Яна Райниса. — КСЛ, 1955, 9, стр. 22—29; V. Samsons. Jāņa Raiņa sabiedriski filozofiskie uzskati. — PadLK, 1955, 9, 22.—29. lpp.; V. Samsons. Rainis — revolucionārais domātājs. — ZAVest, 1965, 10, 3.—15. lpp.

⁸⁴ P. Kudrjavcevs. Revolucionāro jaunstrāvnīku sabiedriski politiskā darbība un viņu sakari ar strādnieku kustību. — VP, 1, 1957, 177.—205. lpp.; П. Кудрявцев. Критика буржуазных фальсификаторов «Нового течения» (1920—1940 гг.). — ИАН ЛССР, 1960, 12, стр. 5—14.

⁸⁵ И. Апиня. Национальный вопрос на страницах «Дниенас лапа». — УчЗ ЛатГУ, 62, 1964, стр. 3—29.

циональному вопросу. Автор приходит к выводу, что деятели «Нового течения» последовательно отстаивали научный марксистский подход к национальному вопросу, что даже в их ранних работах четко проявлялось стремление материалистически объяснить явления национальной жизни; резко расценивая националистическую болтовню идеологов латышской буржуазии, новотеченцы были свободны от всякой национальной ограниченности.

Однако, отмечая известные успехи в исследовании «Нового течения», тем не менее приходится признать, что до сих пор советские историки не пришли к единому мнению по ряду важных вопросов истории этого движения. Например, часть советских историков, начиная с Э. Эферта-Клусайса, считает, что «Новое течение» состояло из двух — революционного и реформистского крыльев, другая часть, оспаривая это положение, утверждает, что никакого реформистского крыла не существовало, а были лишь мелкобуржуазно-реформистские попутчики этого движения революционно настроенной интеллигенции. Известный разноречивостью наблюдается даже в определении хронологических рамок движения. Так, некоторые исследователи начало движения датируют второй половиной 80-х годов, другие — первыми годами последнего десятилетия XIX в. и т. д.

Вопросы борьбы рабочего класса Латвии в 90-х годах прошлого века и в первое пятилетие XX в., возникновения социал-демократических организаций, появления нелегальной рабочей печати, распространения марксистских идей и борьбы за создание в Латвии марксистской партии нашли научное освещение как в обобщающих трудах по истории Латвии и документальных публикациях, так и в специальных работах — диссертациях, брошюрах и статьях. В исследованиях советских историков Латвии воссоздается фактическая история этого периода, отмечается, что в конце XIX и начале XX в. по сравнению с предыдущим периодом, борьба рабочего класса в Латвии достигла более высокой ступени своего развития. На основе большого фактического материала показывается, что «первыми сеятелями марксистского семени» были латышские студенты Тартуского, Петербургского, Московского и Харьковского университетов. Ознакомившись с марксизмом в студенческих кружках, они стали пропагандировать марксистские идеи среди латышской интеллигенции и рабочих. Указывая на большое историческое значение образования революционной партии латышского пролетариата, советская историография всегда подчеркивала, что в создании единой социал-демократической организации и укреплении большевизма в Латвии решающую роль играли произведения В. И. Ленина.

Вопросы истории революционного движения рижских студентов рассматриваются в статьях М. Вестермана и В. Соболева⁸⁶. Группа историков рассказывает о том, как латышские трудящиеся в конце XIX — начале XX в. отмечали праздник международной солидарности пролетариата Первое мая⁸⁷. Описание первого массового выступления пролетариата Латвии — так называемого Рижского бунта, явившегося предвестником грядущих революционных боев 1905 г., — дано как в обобщающих трудах, так и в отдельных статьях.

Существенный шаг вперед в исследовании процесса развития марксистско-ленинской философской мысли в Латвии начала XX в. сделал В. Штейнберг, в работах которого подробно рассмотрена деятельность П. Стучки, Фр. Розиня, П. Дауге, Я. Янсона, Я. Берзиня по пропаганде и защите марксистской философии в Латвии⁸⁸. Анализируя ход борьбы марксистско-ленинской философии против ревизионизма, реформизма и буржуазной идеологии, В. Штейнберг показывает роль в пропаганде идей научного социализма таких печатных органов, как «Auseklis», «Latviešu Strādnieks», «Sociāldemokrāts». Как наиболее значительные моменты развития марксистско-ленинской философской мысли в Латвии в начале XX в. В. Штейнберг выделяет борьбу против ревизионизма, пропаганду диалектического материализма, активную борьбу за марксистско-ленинскую теорию революции и ее применение к конкретным условиям Латвии, защиту марксистско-ленин-

⁸⁶ M. Vestermanis. Studentu revolucionārā kustība Rīgas politehniskajā institūtā. — Karogs, 1951, 10, 937.—946. lpp.; В. Соболев. Рижские студенты-марксисты в вятской политической ссылке. — ИАН ЛССР, 1962, 3, стр. 13—24.

⁸⁷ M. Vestermanis, G. Grozova, M. Mistre. Pirmais Maijs Latvijā (1893.—1919.). Vēsturiska izziņa. Rīgā, 1957. 71 lpp.; K. Kauliņš. Pirmais Maijs Latvijas strādnieku šķiras revolucionārās cīņas vēsturē (1893.—1919.). — PadLB, 1946, 7/8, 69.—77. lpp.

⁸⁸ В. Штейнберг. Марксистско-ленинская философская мысль в Латвии в начале XX века (П. Стучка, Ф. Розинь, Я. Янсон, П. Дауге, Я. Берзинь). 1900—1917. Автореф. докт. дисс. М., 1961; В. Штейнберг. К истории марксистской мысли в Латвии начала XX века. — ИАН ЛССР, 1957, стр. 35—45; V. Steinbergs, A. Vilsons. Jansona-Brauna dzīve. Rīgā, 1957. 153 lpp.; V. Steinbergs, A. Vilsons. Jānis Jansons-Brauns. — Gram.: Latviešu revolucionārie darbinieki. Rīgā, 1958, 95.—103. lpp.; В. Штейнберг, А. Вилсон, Ян Янсон-Браун. — В кн.: Латышские революционные деятели. Рига, 1958, стр. 164—174; В. Штейнберг. Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в Латвии. — ВФ, 1960, 4, стр. 144—148; V. Steinbergs. F. Roziņš — marksistiskās filozofijas celmlauzis Latvijā. Rīgā, 1960. 298 lpp.; V. Steinbergs. Fr. Roziņš (Āzis) — izcilais marksistiskās filozofijas propagandists. — PadLK, 1960, 1, 32.—38. lpp.; В. Штейнберг. Из истории марксистской мысли в Латвии начала XX века. — УчЗ РПедИ, 7, 1958, стр. 191—218; V. Steinbergs, J. Jansona-Brauna filozofiskie uzskati. Rīgā, 1964. 123 lpp.

ского понимания национального вопроса. При этом автор подчеркивает, что в борьбе против ревизионизма латвийские марксисты неуклонно следовали за В. И. Лениным, возглавившим борьбу против ревизии марксизма не только в России, но и на международной арене. В. Штейнберг приводит также ряд новых материалов о том, как под руководством В. И. Ленина революционные социал-демократы Латвии боролись за создание партии нового типа. Распространение марксистско-ленинских философских идей в Латвии явилось закономерным процессом, который был определен конкретно-историческими условиями развития классовой борьбы. Деятельность П. Стучки, Фр. Розиня, Я. Янсона, П. Дауге и Я. Берзиня в области философии потому и оказалась в целом успешной, что она отвечала коренным требованиям общественного развития и была направлена на решение важнейших социальных вопросов.

Начальный этап борьбы за создание подлинно революционной марксистской партии в Латвии нашел дальнейшее освещение в работах А. Балбер⁸⁹. Рассматривая борьбу революционной социал-демократии Латвии против оппортунизма «экономистов», она на конкретном материале показывает историческую роль и силу идей ленинизма. Изучив большой перечень источников, автор приходит к выводу, что победа ленинско-искровских организационных начал в латышском социал-демократическом рабочем движении была одним из важных условий, обеспечивающих революционную активность, боеспособность и авангардную роль латышского пролетариата в революции 1905—1907 гг.

5. ШКОЛА, ПРОСВЕЩЕНИЕ, КУЛЬТУРА

К сожалению, явно недостаточное внимание уделялось изучению истории народного образования: до сих пор по данному вопросу нет ни одной специальной монографии. Среди работ, которые внесли некоторый вклад в разработку отдельных аспектов этой темы, следует отметить брошюру М. Дризуле, статьи Л. и Г. Строд, А. Салминя и Я. Руберта⁹⁰.

⁸⁹ А. К. Балбер. Пропаганда марксизма и распространение ленинско-искровских идей в социал-демократическом рабочем движении Латвии (1890—1904 гг.). Автореф. канд. дисс. Л., 1952; А. К. Балбер. Распространение ленинско-искровских идей в социал-демократическом движении Латвии (1900—1904 гг.) — УчЗ ЛатГУ, 11, 1956, стр. 55—119.

⁹⁰ J. Ruberts. Kurzemes tautskolu stāvoklis XX gs. sākumā. — LVU ZR, 40, 1961, 203.—206. lpp.; A. Salmiņš. Kurzemes tautskolas un to pārvalde XIX gs. pēdējā trešdaļā. — PadLSk, 1959, 9, 60.—70. lpp.; L. Stroda, H. Strods. No Latvijas tautskolu vēstures. XIX gs. otrajā pusē. — PadLSk,

В этих исследованиях использованы новые архивные материалы, позволяющие воссоздать сравнительно полную картину развития школьного образования в Латвии второй половины XIX и начала XX в. Вместе с материалами, собранными в общих курсах по истории республики и истории латышской литературы, они могут служить основой для подготовки обобщающего труда по истории народного образования в Латвии.

В своей статье Л. и Г. Строд указывают, что основная тяжесть по содержанию латышских народных школ во второй половине XIX в. ложилась на плечи местных крестьян (которые должны были вносить до $\frac{5}{6}$ требующихся средств). Жесткий контроль сначала со стороны прибалтийских баронов и лютеранских священников, а затем и со стороны царской администрации, финансовые трудности, плохие школьные помещения, почти полное отсутствие учебных пособий, низкая оплата труда учителей — все это чрезвычайно осложняло развитие школьной системы. Можно полностью согласиться с основным тезисом авторов о том, что в условиях капиталистического развития второй половины XIX в., когда в Латвии сооружались сотни промышленных предприятий, открывалось множество новых магазинов и увеселительных заведений, возводились тысячи многоэтажных домов, огромное число крестьянских детей не имело никаких возможностей получить даже минимум знаний.

Авторы останавливаются и на столкновении двух линий школьной политики в правительственном лагере: линии прибалтийско-немецкого дворянства, стремившегося сохранить свое влияние на школы и продолжать германизаторскую политику, и линии царской администрации, пытавшейся в интересах всей российской помещичьей империи проводить русификацию ее окраин и взять руководство школьным образованием полностью в свои руки. Однако антинародный курс школьной политики с каждым годом встречал все большее сопротивление латышской общественности, которая под руководством СДЛК решительно выступала с требованием демократизации школьной системы и введения обучения на родном языке.

А. Салминь сосредоточивает внимание на более детальном изучении состояния народных школ в Курземе в последней трети XIX в. Кропотливая проработка архивных фондов позволила ему ввести в оборот некоторые интересные данные, характеризующие, в частности, материально-техническую обеспеченность сельских школ (к примеру, по его сведениям, в 1880 г. 61 школа не имела книг для чтения на латышском языке, в не-

1957, 82.—91. lpp.; M. Drīzule. Latvijas skolu vēsture, 1. No senajiem laikiem līdz Lielajai Oktobra sociālistiskajai revolūcijai (lekciju konspekti) Rīgā, 1967. 100 lpp.

которых школах не было географических карт и глобусов, а в 17 школах — классных досок). Подробному анализу автор подвергает также содержание учебного процесса, учебные программы и показывает их идейную направленность и удельный вес тех или иных учебных дисциплин в системе обучения. Рассматривая процесс перестройки школьной системы, А. Салминь, как и другие советские исследователи, делает вывод о том, что даже осуществление школьной реформы 1875 и 1885—1888 гг. не обеспечивало царскому правительству достижения своих целей — в условиях нарастания классовых противоречий, распространения марксистско-ленинских идей все большее и большее число учителей проникалось симпатией к революции и все резче выступало с требованиями демократизации всей школьной системы.

Как бы естественным продолжением исследований А. Салминя являются работы Я. Руберта, посвященные истории народного образования в Курземе в начале XX в. В них наряду с традиционным описанием школ, анализом школьных программ, зарисовками из жизни учителей приводятся интересные сведения о деятельности Ирлавской и Балтийской учительских семинарий, анализируется социальный состав семинаристов.

Останавливаясь на вопросах истории школьного образования Латвии во второй половине XIX в., М. Дризуле, пожалуй, впервые в советской историографии в столь четкой форме и столь обстоятельно раскрывает вклад представителей младолатышского движения в развитие педагогической мысли и школьного образования в Латвии. Она подчеркивает значение их борьбы против влияния немецких баронов на школьное образование, важность их требований о введении обучения на родном языке, их конкретную деятельность на педагогической ниве. Проанализировав документальные материалы, она обоснованно выдвигает тезис о том, что в своих педагогических воззрениях младолатыши были очень близки к тому либеральному направлению русской педагогики, которое в 60-х годах XIX в. представлял К. Ушинский.

Оценивая школьную реформу 1885—1888 гг., М. Дризуле подчеркивает ее противоречивый характер: с одной стороны, включение латышских народных школ в общероссийскую школьную систему, несомненно, ослабило влияние местных немецких баронов и в какой-то мере способствовало лучшему ознакомлению латышских детей с русской культурой, а с другой — эта реформа проводилась царской администрацией в интересах монархии Романовых, и ее антинародное содержание было бесспорно. Несомненным достоинством работы М. Дризуле является и то, что в ней рассказывается (правда, излишне

конспективно) о возникновении и деятельности первых кружков социал-демократически настроенных учителей, а также описывается образование Социал-демократической организации учителей Латвии.

Хуже обстоит дело с публикацией источников по истории Латвии второй половины XIX — начала XX в. Необходимость в этом назрела давно. Существующие публикации документов, осуществленные немецкими и латышскими буржуазными историками, не удовлетворяют требованиям современной науки, да и к тому же давно стали библиографической редкостью. На сегодня мы можем назвать, к сожалению, лишь три ценные публикации документальных материалов, относящихся к названному периоду истории Латвии. Это — сборник материалов «Пролетарская революция в Латвии», издание документальных материалов о революционном демократе П. Баллоде и копии отчета сенатора Н. Манасеина о произведенной им ревизии в Лифляндской и Курляндской губерниях в 1882—1883 гг.

В первую публикацию⁹¹ вошли разнообразные материалы (воспоминания и выдержки из периодической печати, преимущественно социал-демократической), архивные документы и судебные дела, листовки и воззвания, отражающие деятельность «новотеченцев», выступления латвийского пролетариата в 1899 г. («Рижский бунт»), возникновение и работу партийных кружков и организаций, образование Латышской социал-демократической рабочей партии (в специальный раздел включен ряд документов, характеризующих процесс разработки первой программы ЛСДРП: ее проект, критические замечания к нему и, наконец, утвержденный съездом текст программы). Непреходящий научный интерес представляют и приведенные составителями сборника сведения о первых листовках и политических брошюрах, распространявшихся социал-демократическими организациями среди трудящихся Латвии.

Вторая публикация⁹² подготовлена академиком П. Валескалном. В предпосланной ей вводной статье П. Валескалн знакомит читателя с жизнью и деятельностью П. Баллода и подчеркивает его тесные связи с русскими революционными демократами 60-х годов XIX в. Материалы сборника (письма, воспоминания, отзывы) характеризуют П. Баллода как борца за интересы трудящихся, глубоко осознавшего значение дружбы латышского и русского народов.

⁹¹ Proletāriskā revolūcija Latvijā, 1. Strādnieku šķiras partijas sākotne. LKP vēstures materiāli. M., 1924. VI, 780 lpp.

⁹² П. П. Валескалн. Революционный демократ Петр Давыдович Баллод (1839—1918). Материалы к биографии. Рига, 1957. 299 стр.; P. Valeskalns. Revolucionārais demokrāts Pēteris Balodis. Rīgā, 1961. 302 lpp.

Важный источник для изучения социально-экономических условий в Латвии второй половины XIX в. представляет третья публикация⁹³. Изучение опубликованного документа облегчает предпосланная ему вступительная статья А. Дризула, в которой сообщаются необходимые сведения о политическом положении в стране накануне и во время проведения ревизии и указываются цели сенаторской ревизии, а также примечания к тексту сенаторского отчета и именной указатель.

Итак, советские латвийские историки внесли существенный вклад в изучение аграрной истории Латвии. Опубликованные и подготовленные ими работы не только расширили общее представление о крестьянском движении и аграрной эволюции Латвии второй половины XIX в., но и обогатили историческую науку новыми важными наблюдениями, ценными научными выводами и теоретическими положениями. Несомненные успехи достигнуты также в исследовании общественных движений (младолатышского и «Нового течения»). Несколько продвинулось вперед и изучение истории рабочего движения (хотя и явно ощущается недостаток крупных исследовательских работ). И тем не менее перед исследователями стоят большие задачи. Уже в ближайшем будущем необходимо подготовить обобщающий труд по аграрной истории Латвии XIX — начала XX в., написать монографии о рабочем движении в последней четверти XIX в., а также усилить внимание к изданию документальных материалов.

⁹³ Manaseina revīzija. Senatora N. Manaseina ziņojums par viņa izdarīto revīziju Vidzemes un Kurzemes guberņās no 1882. līdz 1883. gadam. Materiāli Latvijas PSR vēstures pētišanai. Red. A. Drizulis. Rīgā, 1949. 505 lpp. — Оригинал рапорта сенатора Н. Манасейна, считавшийся утерянным, удалось найти лишь в конце 50-х годов И. Грейтъянису в ЦГИАМ в личном фонде Александра III (см. J. Greitjānis. Par senatora N. Manaseina revīzijas ziņojumu. — LVU ZR, 26, 1958, 279.—286. lpp.).

VI. РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг. В ЛАТВИИ

1. ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ ПРИБАЛТИЙСКО-НЕМЕЦКИМИ И ЛАТЫШСКИМИ БУРЖУАЗНЫМИ ИСТОРИКАМИ

Концепция советских историков революции 1905—1907 гг. в Латвии утверждалась в острой борьбе со взглядами прибалтийско-немецких и латышских буржуазных исследователей. Советские историки решительно выступили против вулгаризации и фальсификации истории революционных событий, разоблачили служебный характер «теоретических» построений прибалтийско-немецкой и латышской буржуазной историографии, показали их классовую ограниченность и научную несостоятельность¹.

Так почему же история революции 1905—1907 гг. привлекала внимание исследователей самых различных политических направлений и толков? Это объясняется рядом причин и прежде всего историческим значением революции и важностью развернувшихся в ту пору в России событий, вовлекших в бурный водоворот политической жизни буквально все классы и социальные группы огромной страны. Кроме того, на уроках истории учатся, или во всяком случае, пытаются это делать представители всех классов и социальных групп. И естественно, что на методах «освоения» этих уроков сказывается классовая сущность историков, выступающих в качестве идеологических защитников того или иного класса или той или иной социальной группы. Так, прибалтийско-немецкие историки, не углубляясь в анализ хода революционных событий и полностью обходя

¹ В этой связи нельзя не привести слов П. И. Стучки: «Всякому писателю, поставившему себе задачу писать историю латышской революции, придется начать с опровержений и пояснений. Не было нигде и никогда вылиты столько лжи, как именно про революцию в Прибалтике, и в этом отношении объединились немецкий барон и русский чиновник, латышский буржуй и немецкий пастор, одинаково глали жандарм, прокурор, черносотенный, да и либеральный журналист» (ПролРев, 1922, 12, стр. 290).

вопрос о социально-экономических корнях революции, по существу, сводили причины революции лишь к «ошибочной» политике царского правительства и деятельности социалистических агитаторов. Латышская буржуазная историография, извращая характер революции в Латвии, в силу своей апологетической сущности и классовой ограниченности оценивала ее в духе буржуазного национализма, стремилась представить латышскую буржуазию в роли борца за национальную свободу и отвлечь внимание от революционной классовой борьбы пролетариата.

Наиболее четко концепция прибалтийско-немецких историков изложена в книге «Die lettische Revolution»². Автором этого анонимно изданного сочинения был известный реакционный прибалтийско-немецкий историк А. Транзе-Розенек. Суть «концепции» этого историка вкратце заключается в следующем: до 80-х годов XIX в. в остзейских провинциях все обстояло благополучно, но вот царское правительство под влиянием панславистов стало проводить политику русификации, направленную на подрыв немецкого влияния. В результате пошла на смарку многовековая «культуртрегерская» деятельность немцев в Прибалтике, а среди эстонского и латышского населения усилилось недовольство. Мало того, определенные русские общественные круги стали поддерживать младолатышей, выступивших против немецкого влияния. Недовольством воспользовались и местные социал-демократы, которые выступили не только против немецкого влияния, но и захотели низвергнуть весь политический строй. Итак, не социально-экономические условия, а лишь недальновидная политика царского правительства подготовила почву для революции. Этот типичный для всей прибалтийско-немецкой историографии взгляд обрел четкую и лаконичную формулировку: царская политика русификации 80-х годов породила революцию 1905 г. в Прибалтике.

Автор категорически выступает против тех, кто ищет причины революции в социально-экономических условиях или хотя бы в существовавших тогда аграрных отношениях. У него все получается очень просто: хорошо организованные и вездесущие социалистические агитаторы-горожане, разжигая страсти темной толпы крестьян, подстрекали их на беспорядки и насилия, направленные против вековых благодетелей невежественного и неблагодарного народа — прибалтийских баронов.

И естественно, как трубадур самой правой группировки контрреволюционного лагеря, А. Транзе-Розенек от души приветствовал посылку карательных экспедиций в Прибалтику.

² [A. Transche-Roseneek.] Die lettische Revolution, 1—2. 2. veränd. Aufl. Berlin, 1908. VII, 156 u. XII, 411 S.

Как и все прибалтийско-немецкие историки, автор безапелляционно утверждает, что в 1905—1907 гг. в Латвии разыгралась не классовая битва, не гражданская война, а национальная вражда, что в основе развернувшихся событий лежали лишь национальные трения и повинна в том политика царского правительства.

Показательно, что общая концепция прибалтийско-немецких историков со временем не претерпела никаких существенных изменений, о чем свидетельствуют, в частности, работы еще одного представителя этого направления — А. Тобина³. Он также последовательно проводит мысль о «виновности» царского правительства в революционных потрясениях начала XX в. При этом стремление царского правительства, действовавшего в интересах всего господствующего класса Российской империи, провести в Прибалтике некоторые реформы, затрагивавшие еще феодальные сословные привилегии остзейского дворянства, А. Тобин трактует как наступление русского шовинизма на немецкую культуру, а баронов представляет как борцов за культуру⁴. Автор подчеркивает, что целью политического курса царского правительства, руководствовавшегося принципом «*divide et impera*», было стремление поссорить между собой местные национальности Прибалтики и таким образом укрепить свое собственное положение. Налицо и тенденция показать, что лифляндское дворянство якобы всегда выступало за проведение реформ, а русская администрация их срывала.

Таким образом, по А. Тобину, политический курс царского правительства, принятый с 80-х годов XIX в., привел к обострению общей обстановки в прибалтийских губерниях, падению влияния лифляндского дворянства и лютеранской церкви, росту национальных противоречий и национального самосознания латышей и эстонцев, чем воспользовались местные социал-демократы, поднявшие массы на борьбу против самого царизма и его единственно верных защитников в этих губерниях — прибалтийских баронов. Из вышесказанного А. Тобин сделал вывод, что революция 1905 г. в Латвии означала крах русификаторской и пограничной (*Grenzmarkenpolitik*) политики правительства⁵.

На ниве фальсификации исторических событий 1905—1907 гг. немало потрудились и латышские буржуазные историки (Э. Бланк, А. Швабе, Ф. Циеленс и др.). Рассматривая

³ Alexander Tobien. Die livländische Ritterschaft in ihrem Verhältnis zum Zarismus und russischen Nationalismus, 1. Riga, 1925. XV, 523 S.; 2. Berlin, 1930. XVIII, 412 S.

⁴ Там же, т. 1, стр. 239, 307.

⁵ Там же, т. 2, стр. 190.

революцию 1905—1907 гг. как один из этапов в становлении «независимой» Латвии, они умалчивали при этом о наличии противоречий внутри самого латышского народа (т. е. отстаивали пресловутую идею «единого потока» в развитии Латвии), трактовали события в Латвии вне органической их связи с событиями в России, выступая, по существу, против тезиса о том, что революция в Латвии была частью первой русской буржуазно-демократической революции⁶. При этом проявлялась отчетливая тенденция либо к искажению самого понятия революции и ее политического и социального аспекта (А. Швабе)⁷, либо к прямому отрицанию необходимости революционных взрывов (социальных катастроф) и защите реформистского пути разрешения социальных конфликтов (Э. Бланк)⁸.

Протаскивая идею «консолидации латышского общества» в период революции, латышские буржуазные историки пытались уверить читателя, что решающей идеей революции в Латвии была национальная идея⁹. Затуманивая мысль о том, что революция была апогеем классовой борьбы, в которой размежевание борющихся лагерей проходило прежде всего по классовым признакам, они в угоду политическим целям представляли буржуазию наряду с крестьянством и рабочим классом как «борца» за свободу. При этом буржуазные историки особенно категорически отрицали руководящую роль рабочего класса в революции, отвергая идею гегемонии пролетариата в революционном движении.

2. СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

В основу концепции советских историков революционных событий 1905—1907 гг. в Латвии положены глубокие ленинские идеи об общем характере и движущих силах первой русской буржуазно-демократической революции. Опираясь на прямые оценки, которые В. И. Ленин дал революционному движению

⁶ Подробнее об этом см.: A. Bīrons. Baltvācu un latviešu buržuāziskā historiogrāfija par 1905.—1907. g. revolūciju Latvijā. — ZAVēst, 1968, 9, 13.—22. lpp.

⁷ Arveds Svābe. Latvijas vēsture. 1800.—1914. [Stockholm]. 1958. 752 lpp.

⁸ Ernests Blanks. 1905. gada revolūcija. Rīgā, 1930. 32 lpp.

⁹ К примеру, Э. Бланк безапелляционно заявлял: «В революции 1905 года принимал участие весь латышский народ, все его слои. В этом движении дружески встретились и наше молодое поколение сельских хозяев, и рабочие, и наша молодая, полная идеализма интеллигенция. Каждый из этих слоев в революционный вихрь внес свои идеалы, цели и неясные стремления» (Ernests Blanks. 1905. gada revolūcija, 14. lpp.).

Латвии¹⁰, советские ученые вскрыли закономерный характер революции, показали ее движущие силы и убедительно доказали, что в основе революционного движения в Латвии были те же причины, что и в основе революции в России, что как и во всей империи, так и в Латвии в центре внимания революции стоял аграрный вопрос. Советская историография целиком и полностью поддерживает идею о том, что революция 1905—1907 гг. в Латвии была составной частью первой русской буржуазно-демократической революции и по своему характеру и движущим силам не отличалась от нее. И хотя революции в Латвии были присущи свои особенности в методах и формах борьбы, ее гегемоном также был пролетариат, а в огне революции выковывался классовый союз между рабочим классом и крестьянством, закалялась классовая солидарность трудящихся разных национальностей.

Особое внимание советских исследователей привлек прежде всего тщательный научный анализ социально-экономических предпосылок революции, ее характера и причин (резкое обострение социальных противоречий, и в первую очередь классового антагонизма между рабочими и капиталистами, крестьянами и помещиками). При этом, исходя из конкретных условий Прибалтики начала XX в. (в деревне — господство прибалтийско-немецких помещиков, в городах — немецкой буржуазии), советские историки подчеркивали, что в таких условиях классовая борьба в Латвии неизбежно приобретала национальную окраску, но при этом указывали, что в основе революционных событий лежали прежде всего не национальные, а глубокие социальные и классовые противоречия.

*а) Первые издания документальных материалов
и воспоминаний о революции 1905—1907 гг.*

Работу советских латвийских историков по исследованию революции 1905—1907 гг. можно подразделить на два этапа: первый охватывает 20—30-е годы, второй — послевоенный период.

В первый период, главным образом благодаря усилиям комиссии по истории Коммунистической партии Латвии, в Советском Союзе был собран значительный фактический материал;

¹⁰ V. I. Ļeņins. Par revolucionāro kustību Latvijā un Latvijas revolucionārās sociāldemokrātijas darbību. Rakstu, vēstulu un dokumentu krājums. Rīgā, 1947. 363 lpp.; В. И. Ленин. О революционном движении в Латвии и деятельности революционной социал-демократии Латышского края. Сборник статей, писем и документов. Рига, 1948. 387 стр.

в результате издательства «Спартак» и «Прометей» опубликовали несколько ценных работ. Характерной особенностью первого периода было то, что основную работу вели не профессиональные историки, а главным образом сами участники революционных событий. И хотя квалифицированных специалистов-историков, могущих посвятить все свои силы и время исследовательской работе было мало, а фактический материал латвийских архивов для советских историков был недоступен (в то время в Латвии у власти находилась буржуазия), в Советском Союзе велась большая и плодотворная работа по исследованию революции 1905—1907 гг. в Латвии. К сожалению, она была прервана необоснованными репрессиями середины 30-х годов.

Одной из важнейших публикаций первого периода был сборник материалов «9 и 13 января»¹¹, в который вошли воспоминания участников революции, листовки и статьи из революционной нелегальной печати (главным образом из газеты «Сīņa»), а также архивные документы (в основном сообщения царских чиновников о положении в январские дни 1905 г. в Риге, Лиепае, Елгаве и Вентспилсе). В последнем разделе сборника собраны материалы о том, как латвийские трудящиеся в течение последующего двадцатилетия ежегодно отмечали дни 9 и 13 января. Книге предпослана вступительная статья П. Стучки.

Большое значение имели три публикации второй половины 20-х годов¹², которые дали возможность всесторонне ознакомиться с органами латышской революционной социал-демократической печати периода революции 1905—1907 гг., ставшими библиографической редкостью. В первую и вторую публикации вошли 50 номеров подпольной газеты «Сīņa» (с марта 1904 г. по сентябрь 1906 г.), в третью — 12 номеров легальной газеты «Pēterburgas Latvietis» за 1905 г. (тринадцатый номер газеты был конфискован и уничтожен царской полицией, составителям не удалось его обнаружить) и один номер этой газеты за 1906 г.

Ценнейшие сведения о многих эпизодах революционной борьбы и участниках революции, павших в борьбе за дело рабочего класса, содержатся в обширной публикации «Памяти павших борцов революции 1905 года»¹³, выпущенной в свет издательством «Прометей» в 1933 г. Это был первый том

¹¹ 9. un 13. janvāris. 1905. g. janvāra dienas un viņu pēcskaņas Latvijā. M., 1925. XIV, 399 lpp.

¹² «Сīņa», 1. 1904./5. g. 1.—24. M., 1927. 235 lpp.; 2. 1906. g. 25.—50. M., 1930. 250 lpp.; «Pēterburgas Latvietis». Latviešu sociāldemokrātiskās strādnieku partijas dienas avīze, 1905./6. g. M., 1927. 217 lpp.

¹³ Revolucionārās cīņas kritušo piemiņas grāmata, 1. 1905. g. revolūcija. (Sast.) R. Endrups un A. Feldmanis, P. Stučkas redakcijā. M., 1933. XXXI, 774 lpp.

задуманной латышскими коммунистами Советского Союза четырехтомной публикации материалов о павших борцах революции. Инициатором этого издания был П. Стучка. В подготовке этой публикации, работа над которой началась уже с 20-х годов, приняли участие многие коммунисты и беспартийные — активные участники революционных событий. В результате получилась ценная, насыщенная богатейшим материалом и в известном смысле уникальная книга, имеющая в настоящее время значение незаменимого источника. В книге опубликованы биографии более чем двух тысяч павших революционных борцов. По объему и содержанию материалы публикации очень разные: начиная с коротких справок в несколько строк и кончая развернутыми описаниями жизни и деятельности того или иного революционера. Здесь есть данные о революционерах, погибших еще в дореволюционный период, о жертвах расстрела рабочей демонстрации у железнодорожного моста в Риге 13 января 1905 г., о павших боевиках, участниках вооруженных восстаний и партизанах, а также о жертвах карательных экспедиций. Не потеряли ценности и предпосланные каждой главе вводные статьи, например: «Вооруженное восстание в Тукуме», «Вооруженное восстание в Талси», «Айзпутская битва» и др. Непреходящий интерес представляют приведенные в приложении данные о социальном происхождении и партийной принадлежности павших революционеров, а также иллюстрации.

Среди документальных материалов, освещающих деятельность партийных организаций во время революции 1905—1907 гг., следует отметить публикации «25 лет Коммунистической партии Латвии»¹⁴ и «II съезд социал-демократии Латвии»¹⁵.

Выпущенная издательством «Прибой» книга о карательной политике царского самодержавия в Латвии в 1905—1907 гг.¹⁶ является небольшим сборником документов и материалов II Государственной думы с вводной статьей и комментариями П. Янсона. В нее вошли протокол заседания комиссии по запросам от 6 апреля 1907 г., выдержка из срочного заявления социал-демократической фракции от 13 апреля 1907 г. и речь депутата И. Озола, содержащие сведения о пытках и издевательствах в полицейских и тюремных застенках, а также о зверствах карательных экспедиций на территории Латвии в 1905—1907 гг. Пониманию всей глубины классовых противоречий

¹⁴ LKP 25 gadi. Rakstu un materiālu krājums. Kongresu, konferenču un CK svarīgākie lēmumi un rezolūcijas. M., 1929. 674 lpp.

¹⁵ Latvijas Sociāldemokrātijas II kongress Londonā 3.—7. jūnijā 1907. g. M., 1935. 315 lpp.

¹⁶ П. Янсон. Карательные экспедиции в Прибалтийском крае в 1905—1907 гг. (По материалам II Государственной думы.) Л., 1926. 87 стр.

и уяснению социально-политического смысла больших революционных событий, развернувшихся в Латвии в 1905—1907 гг., способствуют также документальные материалы, опубликованные в журнале «Красный архив»¹⁷. Ряд любопытнейших записей и характерных подробностей, относящихся к действиям карательных экспедиций на территории Латвии, можно найти в опубликованных дневниках генерала Г. О. Рауха¹⁸ и поручика А. К. Линденвальда¹⁹.

Заметной вехой в разработке истории революции явился выпущенный в Москве издательством «Прометей» сборник «1905 год»²⁰, в который вошли воспоминания 23 активных участников революционных событий и нескольких статей. Эта первая столь обширная публикация воспоминаний участников революции 1905—1907 гг. открывается статьей Я. Лутера-Бобиса. О борьбе городского пролетариата Латвии в 1905 г. рассказывает в статье Я. Кажмер-Попса. Ю. Кирш в своей статье подчеркивает, что стачки сельскохозяйственных рабочих в Латвии во время революции проходили главным образом под руководством социал-демократических организаций, немало сделавших для укрепления классового союза трудящихся города и деревни. Несколько слабее статья М. Аверина и В. Петрова о революционной деятельности в армейских частях, размещенных в Латвии (правда, в ней есть представляющие несомненный интерес материалы о большевистской военной организации в Лиепае в 1907 г.). Из воспоминаний, включенных в сборник, следует отметить воспоминания Д. Бейки о революционных событиях в окрестностях Добеле, М. Лининя о жизни и революционной деятельности рабочих завода бр. Фельзер, Я. Паулса

¹⁷ КрАрх, 1925, 4—5 (11—12), стр. 263—288; 1930, 4—5 (41—42), стр. 213—215; 1940, 15 (102), стр. 114—156.

¹⁸ КрАрх, 1926, 6 (19), стр. 83—109. — Автор дневника в то время был очень близок к высшим сферам столицы, как генерал-квартирмейстер гвардейских войск и начальник штаба Петербургского военного округа он принимал самое активное участие в разработке и осуществлении мер, направленных на подавление революционного движения.

¹⁹ КрЛет, 1925, 2 (13), стр. 107—133. — Примечательна судьба этого документа — походного дневника карательного отряда графа Граббе, отправленного царским правительством для подавления революционного движения в северной части Латвии. Дневник вел адъютант отряда поручик Линденвальд и, очевидно, предназначал его для представления начальству как отчет в исполненном поручении. Однако позже автор опубликовал дневник и разослал высокопоставленным лицам. Естественно, что острые места дневника были смягчены и сглажены. Однако даже в приглаженном виде этот лаконичный и сухой на первый взгляд документ является конкретной иллюстрацией жестокости и беспощадности царских palачей и как исторический источник до сих пор не утратил своего значения.

²⁰ 1905. gads. M., 1936. 294 lpp.

о революционных событиях в Скривери. Интерес представляет также яркий рассказ С. Бергиса о сожжении Рудбаржского баронского замка, зарисовки-воспоминания К. Чоке о взаимоотношениях латышских политических эмигрантов, принадлежавших к различным партиям и переселившихся в Финляндию, воспоминания Э. Томсона о вооруженном восстании в Талсах и др. К сожалению, в сборнике не освещена деятельность таких руководящих центров, как Центральные Комитеты ЛСДРП и СДЛК, Рижский социал-демократический федеративный комитет, Рижский, Лиепайский и Елгавский комитеты СДЛК.

Интерес представляют и другие издания мемуарной литературы: яркие воспоминания Р. П. Рейна о революционных событиях в Руиене^{20а}, в которых приводятся типичные примеры чудовищного произвола царских опричников в дни неистовства карательных экспедиций; воспоминания двух юристов²¹, выступавших в качестве защитников на судебных процессах по делам участников революции 1905—1907 гг., и др.²²

Особое положение в историографии революции 1905—1907 гг. в Латвии занимают воспоминания Д. Бейки «Мемуары лесного брата»²³, первое издание которых вышло в Москве в 1937 г. Своеобразие книги заключается в сочетании овеянного революционной романтикой яркого литературного изложения с правдивым, основанным на реальных фактах историческим повествованием о тяжелой и героической борьбе народных мстителей с карательными отрядами царских опричников.

б) Работы П. Стучки и Я. Янсона-Брауна

Однако, подчеркивая мысль о том, что в первый период основное внимание уделялось публикации фактических материалов, нельзя не отметить, что в 20-х—30-х годах в Советском Союзе вышел из печати также ряд работ (главным образом ста-

^{20а} Р. П. Рейн. Полевой центр «Пламя». М., 1927. 98 стр.

²¹ С. Г. В тисках террора. Прибалтийский край перед судом самодержавия (1905—1907 гг.). Воспоминания и материалы. М., 1926. 104 стр.; В. В. Беренштам. 1905 год в Прибалтике. М., 1926. 28 стр.

²² Я. Кродер. К обвинительному акту по моему делу. — ПролРев, 1922. 12, стр. 251—255; А. Марцинковский. Воспоминания о 1905 г. в Риге. — ПролРев, 1922, стр. 326—330; П. Кобозев. Мои воспоминания о 1905 г. в гор. Риге. — КрЛет, 1923, 5, стр. 295—298; K. Landers. 1905. gada priekšvakarā. Atmiņas un raksturojumi. M., 1925. 55 lpp.; Я. Пече. Рабочая молодежь в подполье. М.—Л., 1930. 63 стр.

²³ Второе издание книги вышло через 20 лет: D. Beika. Meža brāļu gads. Memuāri. Cīņas un cilvēki Piekta gada revolūcijā. Rīgā, 1956. 548 lpp.; в этой связи см. также: Я. Страуян. Лесные братья. М., 1918. 44 стр.; J. Straujāns. Mežabrāļi. Rīgā, 1957, 87 lpp.

тей), посвященных описанию и анализу революционных событий 1905—1907 гг. в Латвии и представляющих несомненный научный интерес²⁴. Среди них одно из первых мест занимают работы П. И. Стучки. Однако в связи с тем, что взгляды П. И. Стучки на характер революции (и кстати, впервые так обстоятельно) рассмотрены Е. И. Рипой в ее содержательной статье, опубликованной в сборнике «П. Стучка — революционер, мыслитель и государственный деятель»²⁵, нам остается лишь сослаться на этого исследователя и в общих чертах ответить на ряд вопросов, а именно: что же в многогранной проблематике истории революции привлекло особое внимание П. Стучки и к каким общим выводам пришел он в процессе изучения опыта революционной борьбы 1905—1907 гг.?

В своих работах П. Стучка прежде всего поднимал вопрос о социально-экономических предпосылках революции, показал ее закономерный характер, причину революции он видел в резком обострении классовых противоречий (между рабочим

²⁴ J. Jansons-Brauns. Kopoti raksti, 1. Baltijas revolūcija, 1. Rīgā, 1921. 157 lpp.; И. Янсон-Браун. Латвия в первой половине 1905 г. — ПролРев, 1922, 12, стр. 3—53; Я. Янсон-Браун. Революция в Прибалтике. М., 1924. 237 стр.; Я. Петерс. 1905 год в Либаве и ее окрестностях. — ПролРев, 1925, 11, стр. 194—203; P. Stučka. 1905. gads Latvijā. — Darba kalendārs 1926. gadam. М., 1926, 35.—70. lpp.; П. Стучка. 1905 год в Латвии. — В кн.: 1905. История революционного движения в отдельных очерках. Под ред. М. Н. Покровского. Т. 3, вып. 1. М., 1927, стр. 183—238; П. Стучка. 1905 год и проблема революционной власти. — Революция права, 1927, 1, стр. 175—183; С. Иванов. В Кронштадте, в Архангельске, в Либаве. — КрЛет, 1922, 5, стр. 317—328; Я. Пече. Либава в 1905 г. — ПролРев, 1925, 11, стр. 174—193; А. Паулиш. Забастовочное движение на Риге-Орловской железной дороге (1905 г.). — ПролРев, 1925, 11, стр. 152—173; А. Дрезен. Революция во флоте. Балтийские моряки в восстании 1905—1907 гг. Л., 1926. 83 стр.; Я. Пече. Боевые дружины в Латвии в 1905 году. — ПролРев, 1926, 3, стр. 174—183, с приложением: Брауэр [т. е. Лутер-Бобис]. Современная инквизиция, стр. 183—196; М. Ахун, В. Петров. Революционная работа среди войск в Латышском крае в 1905—1907 гг. — КрЛет, 1928, 3, стр. 192—212; А. Дрезен. Морские карательные охранные батальоны в Прибалтийском крае в 1905 г. — ПролРев, 1928, 10, стр. 99—127; Я. Пальвадре. Характер революции 1905 г. в Прибалтике. — ПролРев, 1930, 6, стр. 103—123; И. Торф. К истории нападения на Рижскую центральную тюрьму в 1905 году. — КатСс, 1931, 1, стр. 189—193; П. Дауге. Революция 1905 г. в Латвии. — СтБ, 1932, 2, стр. 85—91; П. Грауздин. К истории революционного движения в Латвии в 1905 г. — КатСс, 1932, 7, стр. 61—116; К. Ландер. Из истории революции 1905 г. в Латвии. — ПролРев, 1930, 12, стр. 110—156; Е. Лусс. Некоторые факты из истории революции 1905 г. в Прибалтийском крае. — СтБ, 1932, 2, стр. 191—193; Я. Пече. 1905 г. в Либаве. — СтБ, 1932, 2, стр. 185—190; Х. Трейман. Нападение на Рижскую тюрьму. М., 1932. 51 стр.

²⁵ Е. Рипа. П. И. Стучка о революции 1905—1907 гг. в Латвии. — В кн.: П. Стучка — революционер, мыслитель и государственный деятель (УчЗ ЛатГУ, [73]. Труды кафедры истории КПСС, вып. 3). Рига, 1965, стр. 75—96.

классом и капиталистами, между крестьянством и помещиками). При этом П. Стучка, исходя из конкретных условий Прибалтики начала XX в. (в деревне господство прибалтийско-немецких помещиков, в городах — немецкой буржуазии), подчеркивал, что хотя и классовая борьба в Латвии неизбежно принимала национальную окраску, тем не менее революционные события в Латвии были вызваны не национальными, а глубокими социальными и классовыми противоречиями (см. например, его статью под весьма характерным названием «Национальная или классовая борьба?»)²⁶. Это был ясный и четкий ответ идеологическим защитникам прибалтийских баронов и немецкой буржуазии, а также идеологам латышской буржуазии, стремившимся трактовать события 1905 г. в чисто национальной плоскости. Одновременно П. Стучка охарактеризовал и буржуазию, указав на ее слабость и нерешительность. П. Стучка настойчиво обосновывал мысль о том, что революция 1905—1907 гг. продемонстрировала возросшую мощь и авторитет пролетариата, что в горниле революционных битв закалилась интернациональная сплоченность между трудящимися многонациональной России, неизмеримо возросла классовая солидарность рабочего класса Латвии с пролетариатом Петербурга, Москвы и других крупнейших промышленных центров страны.

Однако наряду с интересными наблюдениями и ценными обобщениями в работах П. Стучки есть и нечеткие формулировки, а иногда и спорные или даже неверные утверждения (например, его тезис о дуализме революции)²⁷.

Нельзя не упомянуть также работу Я. Янсона-Брауна «Революция в Прибалтике»²⁸, увидевшую свет, правда, еще в 1912 г., но на русском языке изданную в Советском Союзе в 1924 г. Эта яркая политическая, написанная в полемическом духе брошюра дышит ненавистью к извечным угнетателям ла-

²⁶ Atvases, 1. Pēterburgā, 1907, 35.—58. lpp.

²⁷ Так, в середине 20-х годов, когда уже широко были известны все произведения Ленина о первой русской буржуазно-демократической революции, П. Стучка выдвинул тезис о двух параллельных революциях: «В действительности это были две параллельные (рядом идущие) революции: в городах — городская буржуазно-политическая революция, в деревне — сельская или крестьянская, тоже буржуазная, но не только политическая, а и социальная революция. Большая социальная противоположность — город и деревня — делит и революцию на две части, с совершенно разными особенностями... (P. Stučka. 1905—1925. g. — Cīņas Biedrs, 1926, 1., 7. lpp.); «В 1905 г. под руководством пролетариата совершались две буржуазные революции одновременно: городская и сельская или крестьянская, причем последняя протекала на много быстрее и зашла дальше, чем первая» (там же, стр. 10).

²⁸ J. Jānsons (Brauns). Kopoti raksti, 1. Baltijas revolūcija, 1. Rīgā, 1921, 157 lpp.

тышских трудящихся — прибалтийским баронам. Прослеживая в общих чертах аграрные отношения в латвийской деревне на протяжении почти целого полустолетия, автор вскрывает причины революции, подчеркивает ее неизбежность и закономерность, а полемизируя с составителями апологетической книжки «Die lettische Revolution», раскрывает всю убогость и несостоятельность «аргументации» идеологических защитников прибалтийских баронов. Однако, сосредоточив все свое внимание на описании революционной борьбы в латышской деревне, Я. Янсон-Браун, к сожалению, дает однобокое представление о революции, преуменьшает роль революционной энергии промышленного пролетариата и тем самым, по существу, искажает характер революции²⁹.

3. МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБОБЩАЮЩИЕ ТРУДЫ

Второй период в исследовании революции 1905—1907 гг. в Латвии начался после ее освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Советские историки получили доступ к архивным материалам, находившимся в Латвии. Появился целый ряд содержательных статей, брошюр и крупных исследований, первое место среди которых, несомненно, принадлежит фундаментальному труду академика Я. П. Красыня. После XX и XXII съездов КПСС перед историками Советской Латвии, как и Советского Союза в целом, открылись широкие возможности для углубленного, всестороннего исследования революционной борьбы трудящихся в 1905—1907 гг.

В этот период история революционных событий 1905—1907 гг. в Латвии изучалась по трем направлениям: прежде всего обстоятельно и широко разрабатывались коренные вопросы революции, во-вторых, подготавливались работы научно-популярного характера и, в-третьих, публиковались документальные материалы и воспоминания участников революционного движения.

²⁹ Хотя, по мнению Я. Янсона-Брауна, без январских генеральных стачек в городах Прибалтики, без экономической и политической борьбы рабочих не было бы и забастовок батраков, и «крестьянской войны», тем не менее это не мешало ему утверждать, что не «борьба городского пролетариата наложила свой отпечаток на революцию 1905 года, а движение демократических масс деревни против прибалтийских помещиков... Историческая драма революции Латвии развернулась не на баррикадах улиц, а на дымящихся развалинах и пепелищах баронских гнезд» (Я. Янсон-Браун. Революция в Прибалтике. М., 1924, стр. 15).

а) Изучение проблемы в целом

Прежде всего необходимо отметить сборник статей, писем и документов В. И. Ленина «О революционном движении в Латвии и деятельности революционной социал-демократии Латышского края»³⁰, подготовленный Институтом истории партии при ЦК КП Латвии. В статьях сборника, относящихся к революции 1905—1907 гг., дается глубокое обобщение опыта борьбы рабочего класса и его авангарда — революционной социал-демократии за весь период первой буржуазно-демократической революции и оценка тактической линии латышской социал-демократии, выясняется роль партизанской борьбы в Латвии.

Большой вклад в научную разработку истории революции 1905—1907 гг. внес академик Я. П. Крастынь, исследование которого в 1952 г. было удостоено Государственной премии СССР. Книга Я. П. Крастыня и поныне остается ценнейшей научно-исследовательской работой по истории революции 1905—1907 гг. в Латвии³¹. Она отличается насыщенностью фактическим материалом, точным анализом различных источников, стройностью и логичностью общей концепции и, наконец, ясностью, четкостью и простотой изложения.

В книге на основе обширного и разнообразного фактического материала разоблачаются антинаучные концепции латышских буржуазных историков, изображавших революцию в Латвии как «чисто национальное» движение, как этап становления буржуазной Латвии и стремившихся «доказать», что латышское революционное движение того времени не имело ничего общего с борьбой русского пролетариата и крестьянства. Одновременно Я. П. Крастынь убедительно раскрывает ленинское положение о том, что «во время революции латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее видных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя»³². В монографии всесторонне охарактеризован целый комплекс экономических и политических явлений, обусловивших революционную ситуацию в Латвии.

³⁰ V. I. Ļeņins. Par revolucionāro kustību Latvijā un Latvijas revolucionārās sociāldemokrātijas darbību. Rakstu, vēstuļu un dokumentu krājums. Rīga, 1947, 363 lpp.; В. И. Ленин. О революционном движении в Латвии и деятельности революционной социал-демократии Латышского края. Сборник статей, писем и документов. Рига, 1948. 387 стр.

³¹ J. Krastiņš. 1905. gada revolūcija Latvijā. Rīgā, 1950. 355 lpp.; 2. papild. izd. Rīgā, 1955, 336 lpp.; Я. П. Крастынь. Революция 1905—1907 гг. в Латвии. М., 1952. 243 стр.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 305.

подробно описаны важнейшие революционные выступления латвийского пролетариата и трудового крестьянства.

В первой части книги показана яркая картина подъема революции. На основе большого и, в значительной степени, нового фактического материала автор показывает мощный размах революционных событий, описывает грандиозные стачки и демонстрации рабочих, выступления матросов и солдат, борьбу крестьян и безземельных. Особенно большую работу проделал Я. П. Крастынь по исследованию революционного движения в войсковых частях, дислоцированных на территории Латвии, и в изучении борьбы боевых дружин с силами контрреволюции. Именно эти два вопроса до выхода в свет его монографии были менее всего исследованы советскими историками. В книге подробно рассказывается о вооруженных восстаниях в ряде уездных городов (Тукуме, Талсах и др.), указывается на причины их поражений и недостатки в руководстве восстаниями. Анализируя работу важнейших партийных организаций, автор большое внимание уделяет русской большевистской организации в Риге, деятельность которой до него почти совсем не была изучена.

Во второй части исследования Я. П. Крастыня рассматривается период отступления революции, описывается кровавый произвол карательных экспедиций и борьба «лесных братьев» против контрреволюции. Здесь также подробно освещается борьба между революционными социал-демократами и оппортунистами внутри ЛСДРП, деятельность представителей латышской социал-демократии в Государственной думе. В заключении автор подчеркивает большое историческое значение революции 1905—1907 гг. в Латвии — первой подлинно массовой революции, развернувшейся под руководством пролетариата. Ход революции убедительно подтвердил правильность большевистской стратегии и тактики. В Латвии четко проявилась роль пролетариата как гегемона революции, а также другие характерные особенности первой русской буржуазно-демократической революции, отличающие ее от прежних буржуазных революций.

Высоко оценивая фундаментальную работу Я. П. Крастыня в целом, нельзя не отметить и некоторые ее пробелы. Во-первых, хотелось бы, чтобы в такой крупной монографии больше места было уделено критике латышской буржуазной историографии. Во-вторых, автор совершенно игнорировал прибалтийско-немецкую историографию. В-третьих, автор, обстоятельно исследуя события в Курземе и Видземе, значительно меньше осветил ход событий в восточной части Латвии — Латгале, которая в то время входила в состав Витебской губернии. Однако вышесказанное отнюдь не умаляет научного достоинства фундаментального труда Я. П. Крастыня.

*б) Исследование важнейших событий революции
1905—1907 гг. в Латвии*

В центре внимания монографии Б. П. Сурикова³³ — исследование революционного движения солдат и матросов в Латвии в период революции 1905—1907 гг. Значительна источниковедческая база работы — архивные документы, периодическая печать, всевозможные материалы, статьи и книги. В монографии описываются наиболее важные массовые выступления в воинских гарнизонах, дислоцированных на территории Латвии. В научный оборот вводится ряд новых данных о восстании матросов лиепайских флотских экипажей в июне 1905 г., убедительно раскрывается роль революционного движения солдат и матросов в укреплении боевого содружества русского и латышского народов в борьбе против самодержавия, капиталистов и помещиков. Подчеркивая мысль о том, что борьба партии за армию в тех условиях являлась одной из важнейших составных частей революционной деятельности большевиков, Б. П. Суриков рассматривает многогранную деятельность партийных организаций среди солдат, матросов, новобранцев и запасных, раскрывает содержание и формы военной работы большевиков Латвии, выясняет ее значение для революционного движения солдатских масс.

Несмотря на несомненные успехи, достигнутые в исследовании революции 1905—1907 гг. в Латвии, до 1960 г. почти не изученной была история революционного движения в восточной части Латвии — Латгале, где оно имело свои особенности. Этот пробел в значительной мере восполняется книгой Я. Бабриса «Революция 1905—1907 гг. в Латгалии»³⁴. Книга написана на основе большого документального материала, собранного автором в архивах Москвы, Ленинграда, Гомеля, Минска, Вильнюса, Риги и Даугавпилса. Этапы революции, ее движущие силы определены в книге на основе общих теоретических установок. Рассматривая революцию в Латгале как составную часть общероссийской революции, автор изучает события в этом крае в тесной связи с основными событиями в России, подчеркивает влияние латышской социал-демократии на революционное движение в Латгале.

³³ B. Surikovs. Zaldātu un matrožu revolucionārā kustība Latvijā 1905.—1907. Rīgā, 1957. 158 lpp.

³⁴ J. Babris. 1905.—1907. g. revolūcija Latgalē. Rīgā, 1960, 189 lpp.; см. также: J. Babris. Revolucionārā kustība Latgalē 1905. gada rudenī. — VP, 1, 1957, 131.—175. lpp.; J. Babris. Zemnieku kustība Latgalē 1905. gadā. — Grām.: 1905. gads Latvijā. Rīgā, 1966, 169.—193. lpp.

В начале своей работы Я. Бабрис подробно рассматривает социально-экономические предпосылки революции. Автор анализирует состояние сельского хозяйства, прослеживает развитие капитализма в сельскохозяйственном производстве, отмечает особенности землевладения и сохранение феодальных пережитков в Латгале, показывает тяжелое положение латгальских крестьян. В монографии широко освещается развитие революционной борьбы в Латгале в 1905—1907 гг.: массовые демонстрации, митинги протеста и забастовки, которые нередко перерастали в вооруженные столкновения с полицией и войсками. Автор убедительно показывает, что революционным движением народных масс Латгале руководили организации РСДРП, которые организовывали рабочих и крестьян и вели их на борьбу против царизма, капиталистов и помещиков. Подчеркивая ведущую роль рабочего класса в революционном движении, Я. Бабрис показывает огромное влияние борьбы пролетариата на борьбу крестьян, интеллигенции и городской буржуазии.

Подробно и увлекательно в книге рассказывается о борьбе крестьян против помещиков, о разнообразных формах крестьянского движения — массовых порубках помещичьих лесов, потравках помещичьих полей, самовольном использовании помещичьих пастбищ для выпаса крестьянского скота, отказах платить налоги, арендную плату и выполнять повинности, разгромах и поджогах помещичьих имений. Автор приводит новые интересные материалы о развернувшемся в латгальской деревне движении за смещение старост волостных правлений и создание революционных комитетов действия. Я. Бабрис останавливается и на вопросе о работе большевиков в воинских частях, об агитации среди солдат.

В монографии характеризуется также период отступления революции. Перед читателем раскрывается полная драматизма картина яростного разгула карательных экспедиций. На конкретных примерах показывается беспощадность царских палачей и предательство латгальской буржуазии. Однако автор подчеркивает, что, несмотря на террор, трудящиеся Латгале отступали постепенно, с боями. Отмечая многонациональный состав населения латгальских городов и деревень, Я. Бабрис приводит немало ярких примеров самоотверженной борьбы против самодержавия трудящихся разных национальностей (латышей, русских, белорусов, евреев, поляков) и рассказывает о героической борьбе латгальских партизан — «лесных братьев». В книге раскрывается значение и особенности революции 1905—1907 гг. в Латгалии и анализируются причины ее поражения.

К сожалению, в монографии Я. Бабриса недостаточно освещена борьба большевиков с меньшевиками в партийных

организациях Латгале, слабо показана деятельность профсоюзов, нет историографического очерка. Но эти погрешности не умаляют научного и политического значения книги, являющейся ценным вкладом в изучение истории революции 1905—1907 гг. в Латвии.

Статья Я. Бабриса «Айзпутская битва 1905 года» посвящена одному из важнейших эпизодов революционной борьбы в Латвии³⁵. В ней подробнее чем до сих пор проанализирована совместная борьба пролетариата и сельскохозяйственных рабочих в Айзпутском уезде. Автор умело показал широкий размах борьбы, на основе документов воссоздал ход революционных событий и охарактеризовал руководителей движения. Вооруженное восстание в Тукуме в конце 1905 г. — одно из важнейших революционных событий в Латвии — нашло освещение в содержательных статьях Т. Вилциньша³⁶.

Для изучения целого ряда аспектов рассматриваемой проблемы определенное значение имеет сборник статей «1905 год в Латвии»³⁷. В нем широко отражена Всероссийская Октябрьская политическая стачка в Латвии, на новом материале подробно рассмотрено развитие вооруженного восстания в Тукуме, освещаются малоизвестные эпизоды революционной борьбы в латгальской деревне, показывается роль и место народных учителей в бурные дни революции, а также дается обзор советской исторической литературы, посвященной революции 1905—1907 гг. в Латвии.

Освещение конкретных сторон революционной проблематики нашло дальнейшее развитие в статье Я. П. Крастыня, вышедшей в связи с 50-летием первой русской буржуазно-демократической революции³⁸.

Известным вкладом в разработку истории революции 1905—1907 гг. в Латвии явились и посвященные данной теме диссертационные работы³⁹, но так как основные положения ряда дис-

³⁵ J. Babris. Aizputes kauja. — ZAVēst, 1966, 5, 33.—40. lpp.

³⁶ T. Vilciņš. Bruņotā sacelšanās Tukumā. — Grām.: 1905. gads Latvijā. Rīgā, 1966, 116.—168. lpp.; T. Vilciņš. Bruņotā sacelšanās Tukumā 1905. g. revolūcijā. — Grām.: 1905.—1907. gada revolūcijas notikumi skolu pētījumā. Rīgā, 1957, 11.—32. lpp.

³⁷ 1905. gads Latvijā. (Rakstu krājums.) Rīgā, 1966. 215 lpp.

³⁸ Я. П. Крастынь. Революция 1905—1907 гг. в Латвии. — В кн.: Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России. Сборник статей. М., 1955, стр. 240—309.

³⁹ К. Д. Мартинсон. Революционное движение в Латвии в годы первой русской революции. Автореф. канд. дисс. Рига, 1949; Б. П. Суриков. Борьба большевиков Латвии за армию в период революции 1905—1907 гг. Автореф. канд. дисс. Рига, 1955; М. И. Кудрявский. Большевики — руководители Октябрьской политической стачки в Латвии в 1905 г. Автореф. канд. дисс. Л., 1955; З. В. Духанова. Борьба революционной

сертаций отражены в уже рассмотренных исследованиях (Я. П. Крастыня, Б. П. Сурикова и Я. Л. Бабриса), то здесь ограничимся характеристикой лишь тех диссертаций, которые все еще опубликованы только частично.

Первой кандидатской диссертацией, защищенной по данной теме в Советской Латвии, была работа К. Д. Мартинсона⁴⁰, в которой в общих чертах рассмотрен ход революционных событий в Латвии в годы первой русской революции. Включив в исследуемую проблему весь период революции, диссертант, естественно, не смог достаточно углубленно разработать выбранную им тему. Этим и объясняется известный схематизм изложения и недостаточность свежего фактического материала. К тому же в диссертации ощутимы недостатки, обусловленные влиянием культа личности.

Анализу стачечной борьбы латвийского пролетариата в октябрьские дни 1905 г. посвящена диссертация М. И. Кудрявского⁴¹.

Диссертант подробно рассмотрел известное ленинское положение о массовой политической стачке как средстве революционной мобилизации масс и ее роли в переходе к высшей форме классовой борьбы — вооруженному восстанию, шаг за шагом прослеживает воплощение этой ленинской идеи в решениях партийных съездов и конференций. Показывая конкретный ход Октябрьской политической стачки в Латвии на широком фоне общероссийских событий, М. И. Кудрявский подчеркивает органическую связь между выступлениями латвийского и российского пролетариата. Однако, на наш взгляд, диссертация не лишена и некоторых недостатков. Прежде всего возражения вызывает ее структура: по существу, непосредственное отношение к теме диссертации имеет последняя, третья глава,

латышской социал-демократии за союз рабочего класса с крестьянством в период русской революции. Автореф. канд. дисс. М., 1956; Я. Л. Бабрис. Революция 1905—1907 гг. в Латгалии. Автореф. канд. дисс. Рига, 1957; И. А. Ионане. Руководство Социал-демократии Латышского края партизанским движением в революции 1905—1907 гг. Автореф. канд. дисс. Рига, 1963.

⁴⁰ Кроме уже упомянутой диссертации К. Д. Мартинсона см. также: К. Мартинсон. Январские революционные бои 1905 года в Латвии. — БСЛ, 1950, 1, стр. 45—55; К. Мартинсон. Восстание лиепайских (либавских) матросов и рабочих 15 июня 1905 года. — БСЛ, 1950, 10, стр. 41—45; К. Д. Мартинсон. Революционное движение в октябре 1905 года в Латвии. — БСЛ, 1950, 19, стр. 35—40.; К. Мартинсон. Стаечная борьба рижских рабочих в 1905 г. — ВИ, 1955, 7, стр. 99—102; К. Мартинсон. О борьбе пролетариата в январские дни 1905 г. в Риге. — ИАН ЛССР, 1960, 2, стр. 5—10.

⁴¹ По теме диссертации М. Кудрявский опубликовал также статью: М. Kudrjavisks. Viskrieijas politiskais streiks 1905. gada oktobrī Latvijā. — Grām.: 1905. gads Latvijā. Rīgā, 1966, 58.—86. lpp.

посвященная описанию Октябрьской политической стачки в Латвии. Нет в ней и серьезного историографического обзора

Борьба революционной латышской социал-демократии за союз рабочего класса с крестьянством в период первой русской революции — тема диссертационной работы З. В. Духановой. Основные положения этой диссертации опубликованы в статьях автора⁴², а также в изданной в 1961 г. брошюре, которая подробно будет рассмотрена ниже.

В центре внимания диссертации И. А. Ионане⁴³ — партизанская борьба, развернувшаяся на территории Латвии в годы первой русской революции. Диссертант подняла и обобщила новые, еще не освещенные в историко-партийной литературе данные о том, как партийные организации руководили боевыми действиями партизанских отрядов. Кроме того, в работе исследуются формы и методы борьбы боевиков и «лесных братьев», показывается организация и вооружение, социальный и национальный состав и интернациональные связи партизанских отрядов, дается периодизация партизанского движения, освещается борьба большевиков против оппортунизма меньшевиков по вопросам партизанской борьбы. Вообще, материалы диссертации еще раз подтверждают известное ленинское положение о том, что партизанское движение в революции 1905—1907 гг. в Латвии, как и в других местах России, являлось составной частью всенародной вооруженной борьбы.

Кроме того, различные аспекты большой проблемы истории революции 1905—1907 гг. в Латвии затрагивались во многих статьях⁴⁴.

⁴² З. Духанова. Борьба латышской социал-демократии за союз рабочего класса с крестьянством летом и осенью 1905 г. — УчЗ ЛатГУ, 26, 1959, стр. 153—182; З. Духанова. Борьба большевиков за марксистскую аграрную программу на IV (Объединительном) съезде РСДРП и ее влияние на эволюцию аграрных взглядов СДЛК. — УчЗ ЛатГУ, 40, 1960, стр. 173—202.

⁴³ По теме диссертации И. А. Ионане опубликовала статьи: I. Jonāne. Partizāņu cīņas pret kontrrevolūciju 1905.—1907. g. revolūcijā Latvijā. — LVU ZR, 26, 1959, 123.—152. lpp.; I. Jonāne. Par partizāņu cīņas noslēguma posmu 1905.—1907. gada revolūcijā Latvijā. — LVU ZR, 50, 1963, 73.—81. lpp.

⁴⁴ К. Каулинь. Январские дни 1905 года в Латвии. — БСЛ, 1946, 1/2, стр. 27—35; Р. Дауге. 1905.—1907. g. revolūcija Baltijā. — PadLSk, 1947, 1, 19.—29. lpp.; 2, 32.—47. lpp.; 3, 35.—47. lpp.; В. Мишке. Первая русская революция (к 50-летию революции 1905—1907 гг.). — КСЛ, 1954, 12, стр. 23—32; А. Балбер. Роль «Цини» в проведении ленинской тактики в революции 1905—1907 гг. — КСЛ, 1955, 4, стр. 30—36; Я. Крастынь. Январские события 1905 года в Латвии. — КСЛ, 1955, 1, стр. 22—25; Б. Суриков. Революционное движение в армии и флоте в Латвии в период первой русской революции. — КСЛ, 1955, 8, стр. 39—45; А. Drīzulis. Revolucionārā kustība un brupotā sacelšanās Latvijā 1905. g. beigās. — Karogs, 1955, 12, 91.—98. lpp.; J. Jenšs. Revolucionārā kustība Latvijas lielāko

Серьезный анализ революционных событий 1905—1907 гг. дан также в обобщающих трудах по истории Латвийской ССР⁴⁵. Шаг за шагом прослеживая обострение классовых противоречий и стремительное нарастание широкого революционного движения в Латвии, авторы этих трудов вскрывают закономерный характер революции, разоблачают попытки буржуазных латышских националистов исказить историю революционных событий и на большом конкретном материале убедительно показывают, как латышский народ под руководством большевиков самоотверженно боролся вместе с русским и другими народами России за свержение царизма и гнета капиталистов и немецких баронов. Кроме того, отдельные моменты революционной борьбы латвийских трудящихся нашли отражение в ряде книг и брошюр, посвященных общим вопросам истории Латвийской ССР. Так, например, в одной из глав книги «Революционная Лиепая»⁴⁶ рассказывается о ходе революционной борьбы в 1905—1907 гг. в этом крупном промышленном и торговом центре Латвии, а в книге «Цесис прежде и теперь»⁴⁷ приводятся сведения о событиях первой буржуазно-демократической революции в Цесисе и его окрестностях.

Немало материалов, относящихся к революционным событиям 1905—1907 гг. в Латвии, читатель найдет в исследовании

pilsētu vidusskolās 1905. g. — PadLSk, 1955, 6, 83.—89. lpp.; Г. Драудин. Остзейское дворянство и латышское крестьянство в революции 1905—1907 годов. — ИАН ЛССР, 1955, 11, стр. 5—19; А. Розенштейн. Боевые дружины в Латвии в годы первой русской революции. — КСЛ, 1955, 10, стр. 15—19; К. Каулинъ. Важный этап в истории Коммунистической партии Латвии. (К 50-летию I съезда СДЛК.) — КСЛ, 1956, 8, стр. 64—79; Я. Крастынь. Совместная борьба народов Прибалтики и России в революции 1905—1907 гг. — Доклады и сообщения Ин-та истории АН СССР, 9, 1956, стр. 64—79; Г. Фрейберг. Латвия — родина первых большевистских военных газет в России. — КСЛ, 1958, 4, стр. 65—70; M. Andersons. 1905. gada liesmās rūditais. (Revolucionārs J. Andersons). — Karogs, 1960, 10, 94.—103. lpp.; В. Раевский. Начало революционной деятельности Я. А. Берзиня-Зиемелиса. — УчЗ ЛатГУ, 50, Рига, 1963, стр. 61—71; Я. П. Крастынь. Значение революции 1905—1907 гг. в истории латышского народа. — ИАН ЛССР, 1966, 4, стр. 6—13.

⁴⁵ Latvijas PSR vēsture, 2. Rīgā, 1955, 223.—286. lpp.; История Латвийской ССР, 2. Рига, 1954, стр. 278—356; История Латвийской ССР. Сокращенный курс. Рига, 1955, стр. 251—291; Latvijas PSR vēsture. Saīsināts kurss, Rīgā, 1956, 224.—252. lpp.; Latvijas Komunistiskās partijas vēstures apcerējumi, 1. Rīgā, 1961, 83.—159. lpp.; Очерки истории Коммунистической партии Латвии, 1. Рига, 1962, стр. 94—171.

⁴⁶ I. Pīnķis, H. Freibergs, V. Lejiņš. Revolucionārā Liepāja. Rīgā, 1955, 28.—46. lpp.; И. Пинкис, Г. Фрейберг, В. Леинь. Революционная Лиепая. Рига, 1956, стр. 30—51.

⁴⁷ Cēsis senāk un tagad. Rīgā, 1960, 64.—70. lpp.

П. Дауге о П. Стучке⁴⁸, а в книге Б. Брежго⁴⁹ около трех десятков страниц посвящено описанию крестьянских выступлений в Латгале во время первой буржуазно-демократической революции. Сведения о деятельности нелегальной газеты «Cīņa» во время революции 1905—1907 гг. приводятся в юбилейном издании, посвященном 50-летию со дня выхода в свет первого номера этой газеты⁵⁰.

О том, как в огне революционных битв 1905—1907 гг. в Латвии возникли такие массовые организации, как профсоюзы, рассказывается в брошюрах А. Спреслиса и Ю. Нетесина⁵¹. На основе материалов, главным образом из периодической печати того времени, авторы освещают возникновение и деятельность профсоюзов во время революции в крупнейших городах Латвии — Лиепae, Даугавпилсе и особенно в Риге, приводят интересные сведения о профсоюзе металлистов, являвшемся одним из самых крупных союзов в металлообрабатывающей промышленности не только Латвии, но и всей России, о профсоюзах текстильщиков, рабочих деревообделочной и пробочной промышленности, рабочих химической и резиновой промышленности и т. д. Отмечая большое значение того, что профсоюзы руководила революционная социал-демократия, авторы показывают, какую существенную помощь партии оказывали профсоюзы Латвии, особенно Риги, в организации экономических и политических выступлений латвийского пролетариата.

Появились и работы научно-популярного характера, среди которых одно из первых мест принадлежит брошюрам Я. П. Крастыня⁵² и П. Г. Дауге⁵³. Несколько подробнее остановимся на работе П. Г. Дауге. В основу его брошюры легли главным образом материалы периодической печати, а также воспоминания участников революции и документальные материалы, опубликованные в 20—30-х годах в Советском

⁴⁸ P. Daugē. P. Stučkas dzīve un darbs. J. Vilka redakcijā. Rīgā, 1958. 551 lpp.

⁴⁹ Б. Брежго. Очерки по истории крестьянских движений в Латгалии. 1577—1907. Рига, 1956, стр. 138—167.

⁵⁰ «Cīņa». Piecdesmitai gadadienai kopš pirmā numura iznākšanas. Rīgā, 1954, 230 lpp.; «Циня». К пятидесятилетию со дня выхода первого номера. Рига, 1954. 259 стр.

⁵¹ А. Спреслис, Ю. Нетесин. Профсоюзное движение в Латвии до Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1958, стр. 7—37; A. Sprēslis, J. Netjosins. Proletariāta interešu sardzē. Arodkustība Latvijā no 1905. līdz 1919. gadam. Rīgā, 1960, 10.—40. lpp.

⁵² J. Krastiņš. 1905. gada revolūcija Latvijā. (1905.—1907.). Rīgā, 1948. 87 lpp.; Я. Крастынь. Революция 1905—1907 гг. в Латвии. Краткий исторический очерк. Рига, 1950. 64 стр.

⁵³ П. Г. Дауге. Революция 1905—1907 гг. в Латвии. Рига, 1949. 63 стр.; P. Daugē. 1905.—1907. g. revolūcija Latvijā. Rīgā, 1949. 63 lpp.

Союзе (в частности, в журнале «Красный архив»). В ней в популярной форме освещаются события в Риге, а также — но в меньшей степени — в латышской деревне, рассказывается о наиболее ярких моментах революции, приводится ряд интересных фактов из деятельности партийных организаций.

Революционная борьба трудящихся многонациональной России убедительно показала необходимость объединения национальных социал-демократических организаций с РСДРП. В июле 1906 г. в Риге состоялся съезд латышской социал-демократии, принявший историческое решение об объединении ЛСДРП с РСДРП. О работе этого съезда рассказывается в брошюре В. К. Мишке⁵⁴. В брошюре В. К. Мишке⁵⁵, посвященной высшему этапу революции, приводятся отдельные новые материалы о революционной борьбе в Латвии. Научно-популярное изложение истории вооруженных восстаний в Латвии во время революции 1905—1907 гг. дано в брошюре Г. Строда⁵⁶.

Темой участия учителей и учащейся молодежи в революции 1905—1907 гг. занимались несколько исследователей (П. Прейс, С. Зиемелис и Я. Руберт). Одной из первых работ по истории народной школы в Латвии является очерк П. Прейса⁵⁷, в котором использовано сравнительно мало архивных документов: автор главным образом базировался на материалах периодической печати и воспоминаниях. Бросается в глаза схематизм в изложении темы; кроме того, автор не раскрыл связи революционной деятельности народных учителей со всей революционной борьбой народных масс.

В брошюре С. Зиемелиса⁵⁸, изданной в 1956 г., содержатся материалы (в основном почерпнутые из Партийного архива ЦК КП Латвии), которые несколько расширяют и конкретизируют представление об участии латышских учителей в революции 1905—1907 гг. Автор вкратце останавливается на всех сторонах революционной деятельности учительства, начиная с уничтожения портретов царя в школах и кончая созданием революционных организаций и участием в вооруженной борьбе. Он совершенно справедливо подчеркивает значение той

⁵⁴ V. Miške. Latvijas Sociāldemokrātijas pirmais kongress (sakarā ar piecdesmito gadadienu). Rīgā, 1956. 32 lpp.

⁵⁵ V. Miške. 1905.—1907. g. revolūcijas augstākā pakāpe Latvijā. Rīgā, 1955. 28 lpp.; В. К. Мишке. Высшая ступень революции 1905—1907 гг. в Латвии. Рига, 1955. 32 стр.

⁵⁶ H. Strods. Bruņotā sacelšanās Latvijā 1905.—1907. g. revolūcijas laikā. Rīgā, 1955. 63 lpp.

⁵⁷ P. Preiss. Latvijas tautskola rusifikācijas laikmetā. Populārs apcerējums par latvju tautskolas vēsturi. (1882.—1917.) M., 1932. 138 lpp.

⁵⁸ S. Ziemeļis. Latvijas tautskolotāji Krievijas pirmajā revolūcijā (1905.—1907. g.). Rīgā, 1956. 51 lpp.

большой политико-воспитательной работы, которую вели народные учителя среди учащихся. В брошюре приводятся примеры участия учителей в деятельности социал-демократических организаций и распорядительных комитетов, в выступлениях дружин и партизанской борьбе, описывается движение за демократизацию школьного образования. Несколько страниц посвящено деятельности съезда учителей Видземе и Курземе, состоявшегося в ноябре 1905 г. в Риге, показана руководящая роль революционной социал-демократии в движении народных учителей Латвии.

Вопросу о роли латышских народных учителей и учащейся молодежи в событиях первой буржуазно-демократической революции в России посвящена также работа Я. Руберта⁵⁹. Используя много новых материалов, почерпнутых в архивных фондах Латвийской и Эстонской ССР и Ленинграда, автор дал обстоятельный очерк о положении народной школы и учителей в Курземе и Видземе, об упорной борьбе революционно настроенной молодежи за демократизацию школы и ее активном участии в массовом революционном движении.

Характеризуя экономическое и правовое положение латышских народных учителей, Я. Руберт подчеркивает, что большая часть самоотверженных работников народного просвещения материально была недостаточно обеспечена, страдала от политических репрессий. Реакционная русификаторская политика царского правительства вызывала протест народов России, в том числе и латышского. В работе показано, что стремления широких народных масс были близки латышским народным учителям, что марксистские идеи нашли у них широкое признание — эти обстоятельства и определили активность учителей в дни революции. Большое внимание автор уделит подготовке и работе съезда народных учителей в 1905 г., показу значения решений этого съезда и отражению той отрицательной позиции, которую заняли по отношению к съезду и его решениям представители латышской и немецкой буржуазии, а также царские чиновники. В книге подчеркивается организующая и руководящая роль ЛСДРП в преобразовании народного просвещения и в руководстве деятельностью Центрального бюро союза латышских учителей. Много места в работе отведено активному участию народных учителей в создании и деятельности новых органов революционной власти — распорядительных комите-

⁵⁹ J. Ruberts. *Latvijas skolotāji un skolu jaunatne 1905.—1907. gada revolūcijā*. Rīgā, 1965. 134 lpp.; J. Ruberts. *Zem LSDSP cīņas karoga*. — Grām.: 1905. gads Latvijā. Rīgā, 1966. 87.—115. lpp.; Я. А. Руберт. *Учителя и учащая молодежь Латвии накануне и в период революции 1905—1907 гг.* Автореф. канд. дисс. Рига, 1966.

тов. В отдельной главе рассмотрена борьба революционно настроенных учителей против наступления реакции, против беспощадной расправы немецких баронов и самодержавия с активнейшими работниками народного просвещения, в результате которой примерно треть учителей Видземе и Курземе пострадала от разного рода репрессий. На новых архивных материалах автор показывает, как, несмотря на разгул реакции, широко развернуло свою деятельность нелегальное бюро социал-демократических учителей, которое упорно боролось за интересы преследуемых реакцией учителей, организовывало нелегальные учительские конференции и создало свой союз, в который в 1907 г. входило около 200 учителей.

Значительное внимание в книге уделяется также революционной деятельности учащейся молодежи в 1905—1907 гг., теме, которая почти совсем не рассматривалась в исторической литературе Советской Латвии. Лучшая часть воспитанников учительских семинарий и средних учебных заведений энергично выступала против царской системы просвещения, поддерживала своими забастовками революционное движение пролетариата.

К сожалению, в работе Я. Руберта значительно меньше приводится материалов по вопросам истории народного образования в восточной части Латвии — Латгале. По-видимому, ограниченный объем книги обусловил и то, что сведения о народных школах в Видземе и Курземе иногда также излагаются довольно конспективно. И тем не менее автору в общем хорошо удалось показать, что борьба народных учителей и учащейся молодежи против системы просвещения того времени и самодержавного национального гнета была одновременно и борьбой против царизма в целом, и способствовала развитию революции.

В брошюре А. Андерсона и Я. Знотыня⁶⁰ на основе кропотливо собранных фактических материалов воссоздана картина революционных боев в Талсах и его окрестностях. Авторы рассказывают о местных революционерах — активных участниках описываемых событий, приводят интересные эпизоды из истории революционной борьбы. Привлекают внимание страницы, посвященные описанию церковных демонстраций, конфискации оружия у баронов, деятельности распорядительных комитетов и особенно вооруженного восстания в Талсах. Авторам удалось, главным образом благодаря опросу очевидцев, уточнить некоторые моменты и детали из истории вооруженной борьбы жителей города и окрестностей с карательной экспедицией генерала Хорунженко и тем самым исправить

⁶⁰ A. Andersons, J. Znotiņš. 1905.—1907. gada revolūcija Talsu novadā. Rīgā, 1957. 66 lpp.

отдельные неточности, допущенные исследователями при освещении хода вооруженного восстания в Талсах в работах общего характера.

Брошюра З. Духановой⁶¹ содержит ряд новых материалов и положений, расширяющих представление о революционной борьбе, охватившей латышскую деревню в 1905 г. В первом разделе работы дается развернутый анализ экономических и политических предпосылок союза рабочего класса и крестьянства, во втором и третьем освещается массовое крестьянское движение. Наибольший интерес представляют страницы, посвященные деятельности распорядительных комитетов. Особое внимание привлекают примеры специфической для Латвии и Эстонии формы политической борьбы — «церковных демонстраций». Автор широко использует материалы периодической печати, особенно листовки. Однако содержание брошюры не совсем отвечает ее названию, так как именно конкретная деятельность партии по укреплению союза рабочего класса и крестьянства в 1905 г. в ней полностью не раскрыта.

4. ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И ВОСПОМИНАНИЯ

Начиная с середины 50-х годов значительная работа была проведена по изданию документальных материалов — в научный оборот введен новый обширный фактический материал, существенно расширяющий представление о ходе революционной борьбы в Латвии в 1905—1907 гг.

Первой в послевоенный период и самой значительной (к тому же охватывающей все важнейшие вопросы) публикацией документов по истории революционного движения этого периода является сборник «Революция 1905—1907 гг. в Латвии»⁶². Сборник представляет собой итог творческого содружества двух коллективов — Института истории АН Латвийской ССР и ЦГИА Латвийской ССР, работающих под руководством академика Я. П. Крастыня. Хронологические грани сборника определяются периодизацией революции (январь 1905 — июнь 1907 г.). Включенные в сборник документы (367) выявлены главным образом либо в местных архивах, либо в архивах Москвы и Ленинграда, Белоруссии и Эстонии. Бóльшая часть этих документов публикуется впервые, но есть и такие мате-

⁶¹ З. Духанова. Борьба ЛСДРП за союз рабочего класса и крестьянства в 1905 г. Рига, 1961. 99 стр.

⁶² Революция 1905—1907 гг. в Латвии. Документы и материалы. (Отв. ред. Я. П. Крастынь). Рига, 1956. XXXV, 487 стр.

риалы, которые уже ранее были изданы. Так, часть архивных документов, отражающих партизанскую борьбу «лесных братьев», в свое время была опубликована в журналах «Каторга и ссылка» и «Красный архив». Тем не менее их публикация в сборнике полностью оправдана и несколько не снижает его ценности, так как издания, в которых они увидели свет ранее, в настоящее время являются библиографической редкостью и уже поэтому недоступны широкому читателю.

Первые два раздела сборника посвящены гегемону революции 1905—1907 гг. — рабочему классу и его союзнику — крестьянству. Здесь содержатся интереснейшие документы, характеризующие различные стороны рабочего движения и свидетельствующие о необыкновенно высокой революционной энергии, развитой пролетариатом Латвии (и прежде всего Риги). Научный интерес представляют прокламации социал-демократических организаций, экономические и политические требования рабочих, губернаторские и жандармские донесения Министерству внутренних дел и т. д. Документы убедительно показывают, как первая волна революции охватила крупнейшие центры Латвии. Особенно ярко они отражают события в Риге — расстрел рабочих 13 января 1905 г. у железнодорожного моста и всеобщую январскую забастовку в знак протеста против расправы с рабочими Петербурга. Широко освещена и вторая волна стачек, поднимавшаяся летом 1905 г., октябрьская и ноябрьская всеобщие стачки, а также вооруженные восстания в конце ноября и начале декабря в Тукуме, Талсах, Айзпите и других местах. Очень ценно, что в сборник включены документы, рассказывающие о революционном движении в армии и на флоте, о борьбе дружинников и «лесных братьев» против контрреволюционных сил. В документах нашло свое отражение и революционное движение среди учителей и учащейся молодежи, а также такая специфическая форма революционной борьбы, как так называемые церковные демонстрации. В заключительный раздел сборника вошли документы, рассказывающие о переходе контрреволюции в наступление. Они свидетельствуют о кровавом, беспощадном подавлении революции, о зверском произволе карательных экспедиций и военно-полевых судов в Латвии.

В 1955—1956 гг. вышла из печати еще одна публикация источников — «Листовки социал-демократических организаций в Латвии в период первой русской революции»⁶³. Сборник составила научный сотрудник Института истории партии при ЦК

⁶³ Latvijas sociāldemokrātisko organizāciju lapīnas Krievijas pirmās revolūcijas laikā. Rīgā, 1955. 236. lpp.; Листовки социал-демократических организаций Латвии в период первой русской революции. Рига, 1955. 261 стр.

КПЛ Л. Креслинь. В публикации собрано 74 листовки, напечатанные социал-демократическими организациями Латвии в нелегальных типографиях в 1904—1907 гг. Листовки повествуют о важнейших событиях кануна и периода революции — о русско-японской войне, январской всеобщей стачке 1905 г., революционной борьбе латвийских сельскохозяйственных рабочих и крестьянства летом 1905 г., революционных выступлениях в армии (в частности, о восстании матросов лиепайских флотских экипажей в середине июня 1905 г., вспыхнувшем почти одновременно с выступлением матросов-черноморцев на броненосце «Потемкин»), всероссийской политической стачке в октябре и вооруженной борьбе в конце 1905 г., созыве Государственной думы, объединении Латышской социал-демократической рабочей партии с Российской социал-демократической рабочей партией. Очень ценно, что в сборнике опубликован ряд ленинских работ, изданных в период революции в виде листовок.

Интересные документальные материалы о революционном движении в Латвии (точнее, в Лифляндской губернии) помещены также в сборнике «Документы по истории революционного движения сельских рабочих и крестьян в Прибалтике в период первой русской революции 1905—1907 гг.», подготовленном к печати филиалом Центрального государственного военно-исторического архива в Ленинграде совместно с Институтом истории АН СССР и изданном под редакцией академика Я. П. Крестыня⁶⁴. Сборник является частью многотомного издания материалов по истории СССР. Опубликованные в нем документы дают достаточно широкое представление о многообразии форм борьбы сельскохозяйственных рабочих и крестьян как латышской, так и эстонской части бывшей Лифляндской губернии. Они показывают нарастание революционного движения в деревне, подробно освещают высший этап революции — вооруженные столкновения в конце ноября — декабре 1905 г. В последний раздел сборника вошли документы, характеризующие период отступления революции и раскрывающие страшную картину кровавых злодеяний карателей, а также рассказывающие о деятельности «лесных братьев» — партизан, которые давали отпор подразделениям карателей, предавали революционному суду провокаторов, сжигали волостные книги со списками недоимщиков и т. д.

Ряд архивных материалов был опубликован также в журнале «Исторический архив». Так, например, документы, поме-

⁶⁴ Документы по истории революционного движения сельских рабочих и крестьян в Прибалтике в период первой русской революции 1905—1907 гг. (Материалы по истории СССР, 4.) М.—Л., 1957. 474 стр.

щенные в первом номере этого журнала за 1955 г., довольно разносторонне освещают революционные события, развернувшиеся в Латвии в ноябре—декабре 1905 г., и дают представление как о борьбе рабочих и крестьян и движении в армии, так и о карательной политике царизма⁶⁵.

Революционным событиям в Латвии в 1905—1907 гг. посвящены и сборники воспоминаний, подготовленные Институтом истории партии при ЦК КП Латвии⁶⁶. В две книги сборника вошли воспоминания примерно 50 участников революции и один очерк о вооруженном восстании в Тукуме, написанный в 1907 г. на основе рассказов очевидцев и участников революционных событий в этом городе. Бóльшая часть воспоминаний опубликована впервые.

Воспоминания участников революции воссоздают яркие картины революционной борьбы пролетариата Риги, Лиепая и Елгавы, бурного движения батраков и трудящихся крестьян в волостях Видземе и Курземе. Они повествуют о героических подвигах боевиков и вооруженных схватках народной милиции с полицией и карательными войсками, о деятельности многих замечательных революционеров — пламенных и самоотверженных борцов за счастье трудового народа. Во многих воспоминаниях рассказывается об ужасных злодеяниях карательных экспедиций, о звериной ненависти царских сатрапов к трудовому народу. Воспоминания обрисовывают руководящую роль Коммунистической партии в революционной борьбе трудящихся города и деревни, показывают, как в огне революции выковывался нерушимый союз рабочего класса и крестьянства, закалялась интернациональная сплоченность трудящихся разных национальностей. Авторы ряда воспоминаний живо описывают январские события в Риге, яркую картину расстрела рабочей демонстрации у железнодорожного моста 13 января 1905 г., рассказывают о героической борьбе рижских рабочих. Значительная часть воспоминаний посвящена революционным событиям в деревне. Много интересных эпизодов приводится о деятельности распорядительных комитетов, организации народных дружин и борьбы «лесных братьев». Один из авторов — Р. Пельше — посвятил свои воспоминания «церковным демонстрациям». В большинстве воспоминаний удачно передается накал борьбы, раскрывается тяжелое положение батраков, рассказывается об остроте классовых противоречий в деревне, приводятся эпизоды сожжения баронских замков. Вообще,

⁶⁵ Революционное движение в Прибалтике (ноябрь — декабрь 1905г.). — ИАрх, 1, 1955, стр. 194—228.

⁶⁶ 1905. Revolūcijas dalībnieku atmiņas, 1, 2. Rīgā, 1955, 1956. 232 un 259 lpp.

эти воспоминания являются еще одной яркой иллюстрацией к ленинской мысли о том, что в дни революции 1905—1907 гг. союз между пролетариатом и крестьянством в Латвии был наиболее прочен и что трудящиеся массы деревни принимали активнейшее участие в важнейших революционных акциях рабочего класса, направленных против самодержавия и помещиков⁶⁷.

Но, к сожалению, на качестве многих воспоминаний сказалось то обстоятельство, что большая их часть была написана лишь через длительный отрезок времени (почти через полстолетия). Поэтому ряд моментов, естественно, стерся в памяти, многие факты требуют уточнения и даже критического подхода. По совершенно непонятным причинам в сборник не вошло ни одно воспоминание, отражающее революционные события в восточной части Латвии — Латгале. Явно недостаточен справочный аппарат сборника. Совершенно не раскрывает содержания сборника и предпосланное ему введение.

Продолжением вышеназванной публикации воспоминаний является сборник «Пройденный путь», изданный в связи с 60-летием первой буржуазно-демократической революции в России⁶⁸. Вошедшие в сборник воспоминания очевидцев и активных участников революционных боев 1905—1907 гг. конкретизируют представление о событиях начала XX в.

Немало интересных сведений о революционных событиях 1905—1907 гг. в Латвии содержится и в публикациях общего характера, посвященных более широкому историческому периоду. В этой связи прежде всего следует отметить следующие сборники: «Резолюции и решения съездов, конференций и пленумов ЦК Коммунистической партии Латвии»⁶⁹, «Революционное Задвинье»⁷⁰, «Без борьбы нет победы»⁷¹, «Янис Лутер-Бобис»⁷², «Янис Ленцманис»⁷³, «Фридис Розинь»⁷⁴ и др.

⁶⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 306.

⁶⁸ Noietais ceļš. Atmiņu krājums, veltīts Krievijas pirmās revolūcijas 60. gadskārtai. Rīgā, 1965. 359 lpp.

⁶⁹ Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, 1. 1904.—1940. Rīgā, 1958. 642 lpp.

⁷⁰ Revolucionārā Pārdaugava. Cīnītāju atmiņas, 1. 1899.—1919. Rīgā, 1960. 496 lpp.

⁷¹ Bez cīņas nav uzvaras. Atmiņu un materiālu krājums par Komunistiskās partijas organizāciju sākotni Latvijā. Rīgā, 1963. 237 lpp.

⁷² Jānis Luters-Bobis. Lappuses no revolucionārā pagrīdnieka dzīves. Sastādījis A. Luters. Rīgā, 1960. 324 lpp.; Янис Лутер-Бобис. Страницы жизни революционера-подпольщика. Сборник статей и воспоминаний. Составитель А. Лутер. Рига, 1962. 420 стр.

⁷³ Jānis Lencmanis. Biogrāfisks apcerējums un laikabiedru atmiņas. Rīgā, 1965. 188 lpp.

⁷⁴ V. Millers, Ē. Stumbiņa. Fricis Roziņš. 1870.—1919. Dzīve un darbs. Rīgā, 1965. 345 lpp.

Итак, историки Советской Латвии добились бесспорных успехов в изучении революции 1905—1907 гг. И тем не менее, перед ними стоит целый ряд неотложных задач, которые предстоит решить в ближайшее время. Прежде всего, до сих пор еще нет обобщающей историографической работы по истории революции. Необходима также углубленная разработка и написание обобщающих монографий по истории крупнейших партийных организаций, о деятельности распорядительных комитетов, боевиков и «лесных братьев», необходим также глубокий анализ деятельности ЦК ЛСДРП, а также Рижского федерального комитета, основательного изучения требует периодическая печать того времени.

VII. ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ, НОВЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Важнейшие направления исследований истории Латвии в десятилетие, последовавшее после революции 1905—1907 гг., — изучение революционного движения (главным образом промышленного пролетариата) и деятельности Социал-демократии Латышского края, освещение экономической истории и общих событий в годы столыпинской реакции, нового революционного подъема и первой мировой войны.

Марксистский принцип подхода к рассматриваемой проблематике был сформулирован еще латышскими революционными деятелями. Затем в ее разработку включился более широкий круг исследователей, в результате чего в 20-х — первой половине 30-х годов в Советском Союзе вышел в свет целый ряд статей и воспоминаний о революционном движении в Латвии в годы столыпинской реакции, о новом революционном подъеме и первой мировой войне.

Одной из первых статей о деятельности латышской социал-демократии в годы первой мировой войны была статья К. Печача¹, затем в 20-х годах появилось еще несколько работ, среди которых следует отметить статьи Фр. Линде (Кашкиса) и Э. Эферта (Клусайса)². Анализируя деятельность СДЛК во время первой мировой войны, К. Печак отмечает как успехи, так и недостатки в работе партийных организаций, большое внимание уделяет борьбе большевиков с оппортунистами и ликвидаторами. Фр. Линде более подробно рисует широкое революционное движение в первые месяцы войны (июль — октябрь 1914 г.). Едва ли не впервые в латвийской

¹ К. Pečaks. Sociāldemokrātija 1914. un 1915. gadā. — Darbs, 1919, 5, 83.—95. lpp.

² Kašķis. Latvijas Komunistiskā partija pasaules karā. — Cīņas Biedrs, 1924, 25, 75.—97. lpp.; Klusais. Latvijas bezzemnieks. — Cīņas Biedrs, 1927, 3, 92.—118. lpp.

историографии он характеризует настроения широких слоев населения Латвии и дает объяснение временного патриотического угара, охватившего определенные слои латышского народа в начале войны. В общей оценке деятельности СДЛК Фр. Линде полностью присоединяется к К. Печаку, конкретизируя лишь отдельные аспекты этой широкой темы. Ряд заслуживающих внимания мыслей об аграрной программе СДЛК высказал Э. Эферт-Клусайс (например, о том, что СДЛК вплоть до Февральской революции не выдвигала требования о конфискации помещичьих земель).

Особый интерес представляют обзорные статьи Р. Пельше, Р. Эйхе и К. Печака, помещенные в публикации документальных материалов «25 лет Коммунистической партии Латвии». Небольшая по объему статья Р. Пельше³ представляет собой едва ли не первую в советской историографии попытку освещения деятельности СДЛК в годы столыпинской реакции. Она содержит интересные сведения о деятельности партии в этот чрезвычайно бедный источниками исторический отрезок времени: о борьбе большевистски настроенных рядовых партийных масс против меньшевиков, о тактической линии партии и прежде всего об отношении к думе и т. д.

Новым материалом насыщена статья Р. Эйхе⁴, посвященная деятельности СДЛК в годы нового революционного подъема. В ней приводятся интересные подробности, связанные с попыткой созыва съезда СДЛК в Финляндии в 1911 г., ценные данные о численном социальном и возрастном составе Рижской партийной организации, важные сведения из истории работы IV съезда СДЛК. Впервые в латвийской историографии автор говорит о создании в Риге в июне 1912 г. нелегального большевистского центра в составе Я. Шилфа-Яунземе, Э. Звирбулиса-Путнса, Р. Эйхе, К. Озолия и М. Новова. Выдержала испытание временем и та оценка, которую дал Р. Эйхе IV съезду СДЛК.

Представление о конкретной деятельности СДЛК во время первой мировой войны расширяет статья К. Печака⁵. Наряду с интересным фактическим материалом она содержит заслуживающие внимания наблюдения, оценки и характеристики. Особенно тщательному анализу автор подвергает деятельность

³ R. Pelše. Cauri pusnaktij (1907.—1910.). — LKP 25 gadi. Rakstu un materiālu krājums. Kongresu, konferenču un CK svarīgākie lēmumi un rezolūcijas. M., 1929, 83.—89. lpp.

⁴ R. Eihe. Dažas piezīmes par Latvijas Sociāldemokrātijas darbību no 1911.—1914. gadam. — LKP 25 gadi..., 189.—198. lpp.

⁵ K. Pečaks. Cīņa pret imperiālismu un šovinismu. — LKP 25 gadi..., 263.—272. lpp.

партии, и прежде всего по таким вопросам, как отношение СДЛК к войне, тактическая линия партии в борьбе с милитаризмом и т. д.

Нельзя не отметить и доклад Я. Берзиня-Зиемелиса⁶, посвященный 30-летию Коммунистической партии Латвии. В этом докладе акцентируется внимание на одном из кардинальнейших вопросов истории КПЛ — на ее большевизации. Выделив основные этапы большевизации СДЛК, Я. Берзинь-Зиемелис едва ли не один из первых в латвийской историографии подробно останавливается на роли В. И. Ленина в утверждении большевистских принципов в партии латышского пролетариата, приводит целый ряд ленинских высказываний и оценок революционного движения в Латвии и деятельности СДЛК, рассказывает о личных связях и контактах вождя мирового пролетариата с латышскими революционными деятелями. Характеризуя деятельность партии в десятилетие, последовавшее после революции 1905—1907 гг., автор описывает внутрипартийную борьбу, указывает на отдельные ошибки, допущенные латышскими большевиками, вводит в научный оборот новые фактические сведения.

Богатым источником сведений по истории революционной борьбы в Латвии рассматриваемого периода является второй том книги «Памяти павших революционных борцов»⁷. В него вошли 663 биографии латышских революционеров, причем некоторые из этих биографических описаний носят характер подлинных исследований и насыщены кропотливо собранным фактическим материалом (например, статьи о Э. Звирбулисе-Путнсе, Я. Асаре и др.). Определенный интерес представляют очерки истории царских тюрем, ссылок и каторг, описание условий жизни политзаключенных, сведения об их возрастном, национальном и партийном составе. Заслуживают внимания и очерки-воспоминания о жизни латышских политэмигрантов, в которых подчеркивается роль В. И. Ленина в большевизации СДЛК, рассказывается о личных контактах вождя мирового пролетариата с латышскими революционерами, приводится ряд интересных фактов о выборах делегатов от заграничных социал-демократических групп на IV съезд СДЛК.

Несколько слабее написаны обзорные статьи сборника — «Годы реакции (1907—1910)», «Годы революционного подъема (1911—1914)», «Латышская социал-демократия в период империалистической войны». Кроме того, на них явно сказалась по-

⁶ J. Bērziņš-Ziemelis. Par lieliniecisma attīstību Latvijā. — Latvijas Komunistiskās partijas trīsdesmit gadi. M., 1935, 11.—52. lpp.

⁷ Revolucionārās cīņās kritušo piemiņas grāmata, 2. (1907.—1917.). M., 1936. 727 lpp.

литическая обстановка, сложившаяся в СССР во второй половине 30-х годов. И тем не менее эти статьи представляют интерес как первые попытки обобщения исторического материала и свидетельствуют о некотором продвижении вперед в сборе фактических данных. Сохраняют свое значение и документальные материалы данной публикации.

Дальнейшие попытки дать обобщенную картину рассматриваемого десятилетия предпринимались и в послевоенный период — в конце 40-х — начале 50-х годов⁸. Однако лишь с выходом в свет второго тома «Истории Латвийской ССР» и первой части «Очерков истории Коммунистической партии Латвии» в распоряжении историков появилось достаточно широкое и систематическое изложение истории латышского народа за данный период.

Во втором томе «Истории Латвийской ССР» теме «Латвия в годы столыпинской реакции» посвящена отдельная глава⁹, в которой дается систематическое изложение важнейших исторических событий, характеристика экономического развития, в том числе экономических связей Латвии с остальными районами России, затрагиваются вопросы городского строительства, прослеживается наступление буржуазии на пролетариат; подробно описывается усиление политического гнета, рост полицейских преследований. В этой главе уделено также место вопросам революционной борьбы и деятельности латышской социал-демократии. Однако естественно, что глава отражала достигнутый к моменту ее написания уровень разработки данной проблематики. Поэтому не все вопросы могли получить в ней одинаковое освещение.

Важным достоинством главы «Латвия в годы подъема рабочего движения»¹⁰ является всестороннее рассмотрение как социально-экономических аспектов темы, так и истории классовой борьбы. В ней приводится значительный конкретный материал о революционном движении, дается немало цифровых данных о стачечной борьбе латвийского пролетариата, показывается укрепление интернациональных связей трудящихся Латвии, описывается деятельность партийных организаций,

⁸ T. Draudiņš. Latvija pirmā pasaules kara laikā. — PadLSk, 1947, 9, 16.—32. lpp.; 10, 24.—37. lpp.; J. Krastiņš. Latvija Stolipina reakcijas gados. (1908.—1912.) Rīgā, 1949. 55 lpp.; J. Krastiņš. Latvija strādnieku kustības uzplūdu gados. (1912.—1914.) Rīgā, 1949. 71 lpp.; A. Drīzulis. Latvija imperiālistiskā kara un februāra buržuāziski demokrātiskās revolūcijas periodā. (1914.—1917.) Rīgā, 1953. 80 lpp.

⁹ История Латвийской ССР, 2. Рига, 1954, стр. 356—386; Latvijas PSR vēsture, 2. Rīgā, 1955, 286.—311. lpp.

¹⁰ Там же, стр. 312—347.

борьба за большевизацию рядов СДЛК, работа IV съезда СДЛК и роль В. И. Ленина в борьбе за укрепление революционной партии латышского пролетариата.

Систематическое изложение получила и тема «Латвия в период империалистической войны»¹¹. В параграфах, посвященных этому вопросу, показывается конкретная ситуация, которая создалась в Латвии в первые годы войны, рассказывается о борьбе большевиков за превращение империалистической войны в войну гражданскую, говорится о создании латышских стрелковых батальонов и о деятельности первых солдатских ячеек партии, приводятся конкретные факты, свидетельствующие о систематическом нарастании революционного кризиса.

Авторы первой части «Очерков истории Коммунистической партии Латвии», изданной в начале 60-х годов, могли уже использовать материалы как систематического курса по истории Латвии, так и появившихся к тому времени исследований. К тому же они и сами проделали определенную самостоятельную работу по сбору, систематизации и обобщению конкретного материала. Кроме того, первая часть «Очерков» была издана уже после исторического XX съезда КПСС, и поэтому не удивительно, что она отражала как дальнейшее развитие исторической науки, так и общую обстановку в стране, для которой было характерно стремление освободиться от наслоений культа личности и связанного с ним методологического подхода к историческому прошлому народов многонационального Советского Союза. В результате страницы «Очерков», посвященные рассматриваемой теме¹², насыщены большим фактическим материалом, относящимся непосредственно к деятельности СДЛК и ее крупнейших партийных организаций. Подробнее рассказано и о партийной печати, о борьбе СДЛК за использование легальных возможностей, о думской тактике, об участии в выборах органов волостного самоуправления, о работе профсоюзов и других массовых легальных организаций трудящихся. Рельефнее, чем это делалось раньше, показана организационная работа партии, ее борьба против войны, буржуазного национализма и оборонцев, обстоятельнее освещены и партийная работа в оккупированной немцами Курземе в 1915—1916 гг., деятельность ЦК СДЛК во время войны и некоторые другие вопросы.

¹¹ История Латвийской ССР, 2. Рига, 1954, стр. 430—469; Latvijas PSR vēsture, 2. Rīgā, 1955, 347.—379. lpp.

¹² Latvijas Komunistiskās partijas vēstures apcerējumi, 1. Rīgā, 1961, 240.—274. lpp.; Очерки истории Коммунистической партии Латвии, 1. Рига, 1962, стр. 218—251.

В главе о СДЛК в годы нового революционного подъема¹³ дается уже более правильная хронология периода нового революционного подъема (1910—1914 гг., а не 1912—1914 гг., как было принято раньше), приводятся новые данные о социальном и возрастном составе партии, подробнее, чем ранее, освещается, например, такой вопрос, как борьба внутри СДЛК против меньшевистского ЦК по вопросу об участии в VI Всероссийской (Пражской) конференции РСДРП, рассказывается о создании по инициативе местных организаций СДЛК большевистского центра, упоминается значительно больше имен активных революционных деятелей того периода, в частности, отмечается роль П. Стучки в большевизации СДЛК, приводятся дополнительные сведения о личных связях В. И. Ленина с большевиками Латвии, детальнее описывается работа IV съезда СДЛК.

Останавливаясь на деятельности СДЛК в годы войны, авторы «Очерков» подчеркивают и документально подтверждают, что в вопросе об отношении к империалистической войне СДЛК твердо стояла на ленинских позициях. Они приводят новые материалы, характеризующие антивоенные выступления латвийского пролетариата, руководящую роль партии и деятельность ее печатных органов.

Однако, сравнивая второй том «Истории Латвийской ССР» и первую часть «Очерков истории Коммунистической партии Латвии», необходимо отметить, что основные оценки и характеристики рассматриваемого периода в этих обобщающих трудах в основном совпадают. Таким образом, дальнейшее развитие науки шло в основном по линии конкретизации, более детальной разработки и насыщения новым конкретным материалом. К чести авторского коллектива второго тома «Истории Латвийской ССР» следует отметить, что общая трактовка исторических событий в этом труде подверглась сравнительно небольшим изменениям, а общая концепция потребовала лишь отдельных коррективов.

За последнее десятилетие ощутимые результаты достигнуты в исследовании рабочего движения. Монографическую разработку истории рижских рабочих в годы столыпинской реакции предпринял Ю. Н. Нетесин¹⁴. В его книге показано, как

¹³ Latvijas Komunistiskās partijas vēstures apcerējumi, 1. Rīgā, 1961, 194.—239. lpp.; Очерки истории Коммунистической партии Латвии, 1. Рига, 1962, стр. 176—217.

¹⁴ Ю. Н. Нетесин. Рабочее движение в Риге в период столыпинской реакции. Рига, 1958. 192 стр.; Ю. Н. Нетесин. Рабочее движение в Риге в период столыпинской реакции (1907—1912). Автореф. канд. дисс. Рига, 1955; Ю. Нетесин. О рабочем движении в Риге в период столыпинской реакции (1907—1912 гг.). — ИАН ЛССР, 1956, 5, стр. 5—14.

в процессе промышленного развития Риги складывалась определенная классовая структура ее населения. Ведущей силой трудящихся Риги были фабрично-заводские рабочие. Автор приводит данные о национальном и профессиональном составе рижского пролетариата, рассказывает об условиях жизни трудящихся. При этом он подчеркивает, что гнет капиталистической эксплуатации на рижских фабриках и заводах обострялся национальным неравенством, так как подавляющее большинство предприятий города было собственностью немецких финансовых групп и фирм. Анализируя политическую обстановку, сложившуюся в годы столыпинской реакции, Ю. Н. Нетесин на конкретных примерах показывает сотрудничество рижской буржуазии с царизмом, подчеркивает, что черносотенная реакция обрушила главные свои удары на рабочий класс и его авангард — революционную социал-демократию. В книге освещается тактика и стратегия большевиков и их борьба со всякого рода оппортунизмом. Ценно, что автору удалось всесторонне показать различные формы рабочего движения и руководящую роль партии в этот тяжелый период вынужденного отступления. Обоснован также вывод Ю. Н. Нетесина о том, что и в годы реакции рижский пролетариат был самым сознательным, передовым отрядом рабочего класса Латвии.

Представление о деятельности Лиепайской организации СДЛК в годы реакции несколько конкретизируют воспоминания Н. Полянского¹⁵ и статья В. Раевского¹⁶.

Борьбе большевиков против различного рода оппортунизма, за чистоту марксизма-ленинизма посвящены статьи К. Каулина¹⁷, И. Апине (Рутман)¹⁸ и других¹⁹. Выяснением

¹⁵ Н. Полянский. Судебное дело Либавской организации Социал-демократии Латышского края. — УчЗ ЛатГУ, 62, 1964, стр. 37—48.

¹⁶ В. Раевский. Деятельность Лиепайской организации СДЛК в годы реакции. — УчЗ ЛатГУ, 62, 1964, стр. 49—56.

¹⁷ К. Каулин. Борьба большевиков против ликвидаторства в рядах социал-демократии Латышского края в период 1911—1913 гг. — БСЛ, 1948, 15, стр. 44—52.

¹⁸ И. Рутман. Борьба большевиков Латвии за партию нового типа в годы подъема рабочего движения перед империалистической войной (1912—1914). — КСЛ, 1956, 2, стр. 34—40; И. Рутман. IV съезд Социал-демократии Латышского края. Переломный момент в процессе окончательного оформления марксистской партии нового типа в Латвии. — УчЗ ЛатГУ, 16, 1957, стр. 129—147; И. Апине. Пражская конференция РСДРП и Социал-демократии Латышского края. — КСЛ, 1962, 1, стр. 28—33; И. Апине. Борьба П. И. Стучки против проявлений буржуазного национализма в СДЛК в годы нового революционного подъема. — УчЗ ЛатГУ, 50, 1963, стр. 3—19.

¹⁹ С. Зиёмелис, О. Споге. Письма Н. К. Крупской латышским большевикам. — ВИ КПСС, 1961, 4, стр. 148—150; В. Г. Миронова-Шпаковская. Борьба П. И. Стучки за создание партии нового типа

сложного вопроса о преодолении федерализма в латышской социал-демократии специально занималась И. К. Апине²⁰. Проанализировав важнейшие партийные документы, а также конкретную деятельность ЛСДРП, она показала, как латышская социал-демократия на опыте революционной борьбы, особенно революции 1905—1907 гг., пришла к пониманию ленинской идеи демократического централизма.

История борьбы рабочего класса Латвии в годы революционного подъема освещена в работах ряда исследователей²¹, причем важнейшим исследованием по этому вопросу является коллективная монография Е. Рипы и И. Апине «Новый революционный подъем в Латвии (1910—1914)»²². Книга написана на основе многолетнего изучения широкого круга источников. В ней освещен целый комплекс вопросов: положение трудящихся, рабочее движение, деятельность СДЛК, ее состав, структура местных организаций и руководящие органы, кампании по выборам в IV Государственную думу, работа партии в легальных рабочих организациях. Насыщен фактическим материалом раздел о легальной рабочей печати. Специальная глава посвящена IV съезду СДЛК. Много внимания авторы уделили связям В. И. Ленина с латышскими революционными социал-демократами, в частности полнее, чем когда-либо раньше, показано участие вождя мирового пролетариата в подготовке IV съезда СДЛК, сыгравшего большую роль в разгроме позиций ликвидаторов в руководящих органах СДЛК. Вообще, вопрос об укреплении и победе большевизма в СДЛК занимает достойное место в книге. Правильно показаны позиция

в Латвии, за марксистско-ленинскую теорию и тактику. — УчЗ РПедИ, 7, 1958, стр. 69—92.

²⁰ И. К. Апине. Борьба за преодоление федерализма в латышской социал-демократии на опыте революции 1905—1907 гг. — В кн.: Научная сессия, посвященная 60-летию революции 1905—1907 гг. в России (тезисы докладов). М., 1965, стр. [169—178]. — В этой связи первостепенное значение имеет впервые опубликованное в 1964 г. письмо В. И. Ленина И. А. Пятницкому, в котором подчеркивается принципиальная разница между федерализмом Бунда и СДЛ, ибо «латышские рабочие с.-д. всегда стояли за единство снизу, всегда были за территориальную автономию, т. е. стояли на антисепаратистской, антинационалистической точке зрения» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 147).

²¹ Е. Рипа. Из истории боевого содружества рижского пролетариата с пролетариатом Петербурга в годы революционного подъема. — УчЗ ЛатГУ, 16, 1957, стр. 103—128; J. Rīpa. Strādnieku apdrošināšanas kampaņa Latvijā revolucionārās kustības uzplūdu gados. — LVU ZR, 26, 1959, 91.—121. lpp.; J. Rīpa. IV Valsts domes vēlēšanu kampaņa Latvijā. — LVU ZR, 40, 1961, 115.—141. lpp.; Я. П. Крастынь. Рабочее движение в Латвии в годы нового революционного подъема. — ИАН ЛССР, 1962, 7, стр. 25—35.

²² J. Rīpa, I. Apīne. Jaunie revolucionārie uzplūdi Latvijā, 1910.—1914. Rīgā, 1964. 234 lpp.

Я. Янсона-Брауна и колебания этого честного революционера, борьба П. Стучки, Я. Берзиня-Зиемелиса и других руководящих работников СДЛК за победу марксизма-ленинизма в рабочем движении Латвии. Авторы книги широко освещают также революционное движение накануне первой мировой войны и борьбу в СДЛК за объединение с партией большевиков. Впервые в советской историографии Е. Рипа и И. Апини критически подошли к оценке деятельности СДЛК, которая была дана в середине 30-х годов под влиянием культа личности, в частности — они вскрыли необоснованность заявления Я. Берзиня-Зиемелиса, сделанного в 1935 г. на страницах журнала «Пролетарская революция», о том, что СДЛК якобы не была большевистской ни в 1917 г., ни в 1919 г.²³

Важным достоинством исследования Е. Рипы и И. Апини является и то, что в нем с одинаковой основательностью освещена как деятельность партии, так и рабочее движение, т. е. историко-партийная тематика органически сливается с чисто историческим сюжетом. К сожалению, в монографии уделено значительно меньшее внимание революционному движению в латвийской деревне.

В центре очерка В. А. Штейнберга²⁴ — революционное движение в Латвии в период первой мировой войны и Февральской революции. Автор характеризует общую ситуацию в Латвии в период первой мировой войны, рассматривает борьбу большевиков против милитаризма и рост революционных настроений среди народных масс. В работе раскрывается организующая и мобилизующая роль партии революционного пролетариата и излагается ход революционных событий в Латвии вплоть до марта 1917 г.

Рабочие Риги, эвакуированные вместе со своими фабриками и заводами во время первой мировой войны в различные города России, влились в ряды пролетариата этих городов и приняли активное участие в его революционной борьбе. Среди статей, посвященных этому еще совсем не изученному советскими историками вопросу, необходимо отметить работы В. И. Савченко, В. В. Суздальцева, В. Раевского и Л. Дрибина²⁵. В двух первых статьях рассматривается

²³ ПролРев, 5, 1935, стр. 55.

²⁴ В. А. Штейнберг. Революционное движение в Латвии в период первой мировой войны и Февральской революции (1914 г. — март 1917 г.). Рига, 1954, 127 стр.

²⁵ В. Савченко. К вопросу об участии латышских рабочих в революционном движении в г. Харькове в годы первой мировой войны. — ИАН ЛССР, 1959, 2, стр. 5—14; В. В. Суздальцев. Рабочее движение на заводе «Всеобщей компании электричества» в годы первой мировой войны. — ПроблИст, 6, 1962, стр. 199—239; V. Rajeviskis. KSDSP(b) «Tveras

рабочее движение на эвакуированном летом 1915 г. в Харьковском заводе «Всеобщей компании электричества», воссоздается картина деятельности заводской большевистской организации, показывается роль заводского коллектива рабочих в активизации революционного движения во всем городе. В статье В. Раевского приводятся отдельные факты из деятельности организации латышских большевиков в Москве в 1915 г. (так называемой «Тверской группы» РСДРП), почерпнутые главным образом из публикаций, изданных в Советском Союзе в 20—30-х годах. В статьях Л. Дрибина освещается деятельность Латышского района Петроградской организации большевиков в 1915—1917 гг.

Анализу классовой борьбы в латышской деревне накануне и в годы первой мировой войны, а также хозяйства имений Видземе и Курземе в первой половине второго десятилетия XX в. посвящены статьи Л. Балевиц и Я. Крастыня²⁶.

Исследование вопросов истории революционной эмиграции СДЛК продолжила Л. Э. Дума, защитившая на эту тему кандидатскую диссертацию и опубликовавшая несколько статей²⁷. Автор освещает деятельность крупнейшей эмигрантских групп СДЛК в Европе за период с 1907 по 1914 г., раскрывает связи этих групп с местными социал-демократическими рабочими организациями, показывает роль В. И. Ленина и Бюро заграничных групп СДЛК в укреплении большевизма в рядах революционной партии латышского пролетариата. На основе новых материалов автору удалось подробно осветить условия жизни и работы политических эмигрантов, показать идеологическую и организационную работу западноевропейских групп СДЛК, расширить представление о связях отдельных заграничных

grupa». — LVU ZR, 34, 1960, 95.—109. lpp.; L. Dribins. Vēsturiskā pagrieziena dienās. (KSDS(b)P Petrogrādas organizācijas Latviešu rajona darbība 1917. gada februārī — aprīlī). — RPI ZR, 13, 1964, 147.—168. lpp.; Л. Дрибин. Под знаменем пролетарского интернационализма. (Латышские большевики в Петроградском подполье в 1915—1917 гг.) — КСЛ, 1963, 6, стр. 37—44.

²⁶ L. Balevica. Daži šķiru cīņas izpausmes veidi laukos Vidzemē un Kurzemē 1908.—1914. g. — ZAVēst, 1962, 1, 19.—27. lpp.; L. Balevica. Muižu saimniecības Vidzemē un Kurzemē pirmā pasaules kara priekšvakarā. — ZAVēst, 1966, 1, 31.—43. lpp.; Я. П. Крастынь. Положение и борьба крестьян Латвии в годы первой мировой войны. — ЕжАгр 1961, Рига, 1963, стр. 52—62.

²⁷ Л. Э. Дума. Латышские революционные социал-демократы — эмигранты в Западной Европе (1907—1914 гг.). Автореф. канд. дисс. Рига, 1968; L. Dūma. Latvijas Sociāldemokrātijas grupas Rietumeiropā cīņā pret oportūnismu un likvidatorismu partijā (1907.—1914. g.). — Grām.: Cīņas un uzvaras gadi. Rīgā, 1968, 23.—44. lpp.; L. Dūma. LSD pulciņu ārzemēs internacionālie sakari (1907.—1914. g.). — Asp ZR, 5, 1966, 7.—17. lpp.

групп СДЛК и их членов с выдающимися руководителями рабочих партий Западной Европы Ф. Платтенном, К. Либкнехтом, А. Бебелем, К. Цеткин и др. Ряд новых материалов, относящихся к деятельности Бюро заграничных групп, автор вводит в научный оборот впервые. Диссертация и статьи Л. Э. Думы удачно дополняют ряд сравнительно недавних исследовательских работ об эмигрантских организациях РСДРП и их интернациональных связях²⁸.

В годы первой мировой империалистической войны социал-демократия Латышского края проделала большую работу по организации трудящихся масс на борьбу против царизма и войны. С первых же дней войны латышские большевики по вопросам войны, мира и революции заняли принципиально правильную, интернационалистическую, ленинскую позицию и широко развернули издание нелегальной и легальной литературы. По выпуску нелегальных печатных изданий СДЛК в годы войны занимала одно из первых мест в России. Известное представление об этом дает целый ряд работ, среди которых необходимо отметить диссертацию и статьи О. Ниедре²⁹ о печати СДЛК в 1914—1915 гг. и публикацию (главным образом листовок ЦК и Рижского комитета СДЛК), подготовленную И. М. Дажиной³⁰.

Опираясь на архивные материалы, часть из которых ранее не была известна историкам, О. Ниедре в своей диссертации и статьях дает широкую характеристику легальным и нелегальным изданиям СДЛК, выходившим во время первой мировой войны, указывает место и даты их издания, тираж. Оценивая

²⁸ См.: Н. В. Ершков. Деятельность заграничных большевистских групп содействия партии и создание заграничной организации РСДРП. Автореф. канд. дисс. М., 1967; А. П. Якушина. Заграничные организации РСДРП (1905—1917 гг.). Большевики в эмиграции. М., 1967. 132 стр.; В. Brachmann. Russische Sozialdemokraten in Berlin. 1895—1914. Berlin, 1962. X, 216 S.

²⁹ О. Niedere. LSD legālā prese pirmā pasaules kara laikā (1914.—1915. g.). — LVU ZR, 40, 1961, 85.—114. lpp.; О. М. Ниедре. Борьба против империалистической войны в работе Ю. Данишевского «Прусские юнкера в Латвии в 1912—1914 гг.» — УчЗ ЛатГУ, 61, 1965, стр. 111—120; О. М. Ниедре. Деятельность Социал-демократии Латышского края в изданиях демократической мелкобуржуазной прессы в годы первой мировой войны (1914—1916 гг.). — УчЗ ЛатГУ, 61, 1965, стр. 121—141; О. М. Ниедре. Деятельность социал-демократии Латышского края в нелегальных и легальных изданиях во время первой мировой империалистической войны (VII 1914 — II 1917 г.). Автореф. канд. дисс. Рига, 1966.

³⁰ Листовки большевиков Латвии в годы первой мировой войны. — ИАрх, 1958, 4, стр. 39—66; см. также: И. М. Дажина. О нелегальной большевистской печати в годы первой мировой войны. — ВИ КПСС, 1961, 2, стр. 113—123.

программу антивоенной борьбы, которую пропагандировала латышская социал-демократическая печать, автор анализирует лозунги СДЛК, сравнивая их с лозунгами, выдвинутыми другими организациями РСДРП. Он прослеживает, как под влиянием ленинских идей в нелегальной литературе СДЛК ширится борьба против оппортунистических взглядов меньшевиков-интернационалистов, а также против чисто пацифистских призывов. Автор столь же обстоятельно показывает, какое важное место на страницах нелегальной латышской социал-демократической печати занимала пропаганда идей пролетарского интернационализма и борьба против шовинизма и национализма.

В ходе разработки обобщающего труда по экономической истории Латвии некоторые отдельные результаты этой большой исследовательской работы были оформлены как самостоятельные статьи. Так, например, появились статьи Ю. Н. Нетесина³¹, посвященные анализу финансово-капиталистических связей с российскими и германскими монополистическими группами, выяснению влияния иностранных капиталов в обрабатывающей промышленности Латвии, освещению форм и методов рыночной политики российских монополий, в руководящую группу которых входили и латвийские заводы. Автор сделал также шаг вперед в освещении вопроса об эвакуации промышленности Латвии во время первой мировой войны³².

Интересные, хотя и фрагментарные сведения по истории той или иной отрасли промышленности или транспорта можно почерпнуть из тематических сборников статей «Из истории техники Латвийской ССР». Так, например, в них опубликованы конкретные материалы о выпуске первых автомобилей, создании телефонной сети и трамвайного сообщения и газификации Риги, о развитии локомотивного парка на железных дорогах Латвии и др.³³

³¹ Ю. Нетесин. Из истории проникновения германского капитала в экономику России. — ИАН ЛССР, 1960, стр. 33—45; Ю. Н. Нетесин. Синдикаты «Гвоздь» и «Проволока» (1903—1914 гг.). — ИЗ, 70, 1961, стр. 113—146; Ю. Нетесин. Об иностранном капитале в обрабатывающей промышленности Латышского края. — ИАН ЛССР, 1964, 1, стр. 3—20.

³² Ю. Нетесин. Эвакуация промышленности в первую мировую войну (1915—1917 гг.). — ПроблИст, 6, 1962, стр. 27—75.

³³ А. П. Иванов. Первый автомобильный завод в России. — ИзИТ, 2, 1960, стр. 59—72; В. Я. Янсон. Развитие телефонной связи в Латвии (период от первых попыток передачи звука на расстояние до конца первой мировой войны). — ИзИТ, 2, 1960, стр. 73—87; М. Л. Раман. Газификация города Риги. — ИзИТ, 2, 1960, стр. 47—58; Р. А. Кронитс. Краткий очерк развития локомотивного парка железных дорог Латвии. — ИзИТ, 4, 1962, стр. 39—66; M. Pāvele. Tramvaju satiksmes attīstība Rīgā laikā no 19. gs. beigām līdz 1914. gadam. — ParTV, 3, 1962, 133.—146. lpp.

Т. Я. Драудин в серии статей³⁴ предпринял попытку систематического изложения событий в Латвии 1914—1917 гг., причем центральное место в них занимает освещение революционного движения среди латышских стрелков.

Итак, от небольших статей, написанных главным образом на основе личных наблюдений, к итоговым монографиям, базирующимся на широкой источниковедческой основе, от зарисовок отдельных эпизодов к воссозданию целостной картины исторического процесса, от конкретных описаний к обобщениям — таков путь советских исследователей в изучении рассматриваемого периода. Однако предстоит еще углубленная разработка ряда сюжетов, еще более широкое выявление документальных материалов и их тщательный научный анализ, обмен мнениями по спорным или еще не решенным наукой вопросам и серьезная работа по повышению уровня научной критики. Будем откровенны — еще до сих пор далеко не все историографические обзоры отличаются достаточной аналитической глубиной, иногда они так и не дают точного представления о том, что же нового вносят в науку вновь изданные труды, в чем наметился прогресс, а где еще есть отставание или повторения. К сожалению, до сих пор вообще слабо раскрывалась творческая лаборатория историков, недостаточно освещались общие и отличительные черты их исследовательской методики, не всегда отмечался приоритет того или иного ученого в разработке проблемы в целом или ее отдельных аспектов, в использовании источников. Короче говоря, не всегда с достаточной точностью выделялись новаторские элементы в деятельности историков. Хотелось бы, чтобы в будущем в историографических обзорах было больше деловитости и меньше «парадности». Нечего и говорить, что повышение уровня историографических изысканий будет способствовать развитию всей исторической науки.

³⁴ Т. Драудиņš. Latvija pirmā pasaules kara laikā. — PadLSk, 1947, 9.—10. lpp.; Т. Драудиņš. 1917. gads Latvijā. — PadLSk, 1947, 11, 17.—42. lpp.; 12, 32.—48. lpp.; Т. Драудинъ. Важное событие в подготовке Великой Октябрьской революции в Латвии. — ИАН ЛССР, 1957, 5, стр. 5—22.

VIII. ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЛАТВИИ

1. БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Политические установки латышской националистической буржуазии, вставшей в 1920 г. у кормила правления с помощью иностранных интервентов, требовали, чтобы история Латвии трактовалась в совершенно определенном направлении, т. е. в отрыве от истории России. Взгляды латышских буржуазных историков, которые легко проследить как по их обобщающим трудам, так и по отдельным монографиям и даже школьным учебникам, составили целостную систему, правда, не отличающуюся оригинальностью. Большинство латышских буржуазных историков придерживается тезиса о виновности царизма в своем собственном падении, о политике самоубийства режима, проводимой царем и его ближайшим окружением. Они не отрицают причинной обусловленности Февральской революции, но явно стремятся ограничить ее характер рамками борьбы против царского самодержавия, за демократические свободы или, как они пишут, борьбой против изолированной бюрократии и царя.

Часть латышских буржуазных историков, по существу, даже не утруждает себя серьезным осмысливанием характера Февральской революции и выяснением ее движущих сил, просто-напросто ограничиваясь заявлением, что в результате развернувшихся в февральские дни 1917 г. событий в России было свергнуто царское самодержавие и власть перешла к назначенному Государственной думой Временному правительству. Большинство же отмечает чисто буржуазный характер революции и как ее решающую движущую силу представляют либеральную буржуазию.

Типичен для буржуазной историографии и тезис о том, что прогнивший царизм был «уронен» в результате стихийного и спонтанного выступления народных масс. Так, некоторые из

буржуазных историков, определяя революцию как народное восстание против самодержавного правления, сразу же спешат подчеркнуть, что движение масс в феврале 1917 г. было независимым ни от одной политической партии¹. Например, У. Германис категорически утверждал: «Февральская революция возникла неожиданно. Это было народное восстание и ни одна политическая партия им не руководила»².

Часть историков (прежде всего меньшевистского направления), не скупясь на эпитеты и старательно подчеркивая международное значение Февральской революции, упорно акцентирует внимание читателя на том, что, по их мнению, после этой революции наступил, хотя и кратковременный, но единственный в истории России период настоящего демократизма, период больших потенциальных возможностей в условиях широкого парламентаризма. Политическая подоплека такой оценки февральских событий органически вытекает из общих установок буржуазных историков и прежде всего из их ненависти к коммунизму. Называя Февральскую революцию великой, национальной и подлинно демократической революцией, они противопоставляют ее демократизм так называемому антидемократизму Октября, который, как известно, они трактуют просто-напросто как «большевистский переворот».

Некоторые меньшевистские историки, по-видимому, в демагогических целях были склонны даже трактовать Февральскую революцию как буржуазно-демократическую, главной решающей силой которой был пролетариат³. Однако, по-существу, это были чисто декларативные заявления, так как при конкретном освещении событий 1917 г. именно деятельность широких народных масс, их настроения, чаяния, политическая организация почти не затрагиваются. Внимание историков этого толка

¹ При этом буржуазные историки использовали бытовавшую в прошлом в советской историографии некоторую схематическую упрощенность в трактовке ряда аспектов Февральской революции в России (например, такую крайность, как отрицание элементов стихийности в массовом движении февральских дней). Поэтому установление правильного, соответствующего объективной действительности соотношения элементов стихийности и организованности, имевших место во второй буржуазно-демократической революции в России, является важной задачей исследователей. Заметим, что советские специалисты по истории Февральской революции за последние годы достигли определенных успехов в поисках научного решения данной проблемы (см. История Коммунистической партии Советского Союза, 2. М., 1966; Е. Д. Черменский. Февральская буржуазно-демократическая революция в России в 1917 г. М., 1959; И. П. Лейберов. Петроградский пролетариат во всеобщей политической стачке 25 февраля 1917 года. — В кн.: Октябрь и гражданская война в СССР, М., 1966; и др.).

² U. Gērmānis. *Latviešu tautas piedzīvojumi*. Uppsala, 1959, 230. lpp.

³ F. Cielēns. *Laikmetu maiņa. Atmiņas un atziņas*, 1. Lidingo (Sweden), 1961. 420 lpp.

концентрируется на описании политических маневров «верхов», и прежде всего представителей либеральной оппозиции и других буржуазных группировок.

Латышские буржуазные историки отмечали слабость Временного правительства, его неспособность разрешить важнейшие проблемы, поставленные жизнью⁴. И, пожалуй, чаще всего они затрагивали вопросы национальной политики Временного правительства, упрекая его в проведении старой великодержавной шовинистической политики⁵, подчеркивая, что эта политика Временного правительства способствовала переходу широких слоев нерусского населения страны под знамена большевизма. При этом они указывали, что латышские буржуазные круги приветствовали Февральскую революцию и выражали полную готовность сотрудничать с органами Временного правительства⁶.

Естественно, что латышские буржуазные историки не могли не отметить две тенденции, наблюдавшиеся после свержения самодержавия в политической жизни России: усиление сплоченности революционного лагеря, возглавляемого большевиками, и возрастание смятения и разногласий в противоположном лагере. И несмотря на свою тенденциозность, они нередко были вынуждены признать постоянный рост влияния большевиков на массы и действенность их лозунгов⁷.

Львиную долю вины за поражение контрреволюции в 1917 г. латышские буржуазные историки взваливают на плечи А. Керенского, провозглашая его чуть ли не основным виновником

⁴ U. Gērmānis. *Latviešu tautas piedzīvojumi*. Uppsala, 1959. 231. lpp.

⁵ «Если не ошибаюсь, — замечает К. Озолинь, — то министру иностранных дел первого состава Временного правительства России Милюкову принадлежит полная высокомерия фраза: если латыши требуют себе прав на автономию, то такие же права надо предоставить самоедам и остальным подобным им народностям России» (K. Ozoliņš. *Divas revolūcijas*. Rīgā, 1934. 35. lpp.). «О том, насколько мало Временное правительство хотело идти навстречу требованиям нерусских народов, свидетельствует его сопротивление стремлению Латгале объединиться с остальной Латвией, нежелание ввести латышский язык как язык обучения в местных средних школах и т. д. На требования нерусских народов о национальной автономии русская кадетская печать отвечала вздором, презрением и насмешками» (Pasaules vēsture, 4. Rīgā, 1930. 568. lpp.). Вспоминают они и об отказе Керенского объединить восемь латышских полков.

⁶ Līgotņu Jēkabs. *Latvijas valsts dibināšana*. Rīgā, 1925. 27. lpp.

⁷ В этой связи весьма примечателен вывод У. Германиса: «Они (большевики. — А. Б.) требуют немедленного прекращения войны, улучшения положения рабочих и крестьян и предоставления прав угнетенным народам России самим определять свое будущее. Большевистские агитаторы — эластичны и закалены, их лозунги просты и выразительны — „за мир, за хлеб, за свободу народа!“, „Вся власть рабочим и солдатским Советам!“» (U. Gērmānis. *Latviešu tautas piedzīvojumi*. Uppsala, 1959. 232 lpp.).

победы пролетарской революции в России⁸. Политическая подоплека такого методологического приема не нуждается в комментариях. Протаскивая идейку о том, что победа большевистской стратегии объясняется, мол, исключительно близорукостью тактики их политических противников, буржуазные историки, по существу, стремятся убедить читателя в случайном характере пролетарской революции в России, «опровергнуть» ее закономерность и причинную обусловленность.

Питая лютую ненависть к коммунизму, буржуазные историки правого направления не гнушаются даже повторений уже давно набивших оскомину клеветнических побасенок и измышлений самой махровой белогвардейщины о том, что большевики якобы были подкуплены германскими генералами.

Итак, характерной чертой латышской буржуазной историографии в освещении данной темы является, с одной стороны, стремление видеть в революционных событиях прежде всего насильственную сторону и стихийность движения⁹, а с другой, нежелание замечать великую гуманистическую миссию революции, направленной против угнетения миллионов людей и ставящей своей конечной целью создание более справедливого социального строя.

В истории Латвии 1917 г. внимание латышских буржуазных историков привлекают прежде всего вопросы консолидации сил самой буржуазии (возникновение политических партий латышской буржуазии, деятельность различных общественных организаций, находившихся под буржуазным влиянием), создание земских советов в Видземе, Курземе и Латгале, оформление контрреволюционного (главным образом офицерского) союза латышских стрелков и т. д. При этом рост революционных настроений среди солдатской массы и переход латышских стрелков под знамена пролетарской революции они изображали как «заблуждение» измученных войной и мечтавших о мире солдат, избегая анализа деятельности революционных организаций в латышских стрелковых полках.

События 1917 г. в Латвии буржуазная историография трактует с националистических позиций и, фальсифицируя и подтасовывая факты, пытается свести все к борьбе за «независимую» Латвию. Методологическое кредо буржуазных историков

⁸ F. Cielēns. Laikmetu maiņa. Atmiņas un atziņas, 1. 1961, 437.—438. lpp.

⁹ Так, например, Ф. Циеленс провозглашает: «Война и революция — эти грубые близнецы представляют подлинных легальных незаконников, не признающих ни правового кодекса, ни морального голоса, а только силу, всегда и везде материальную силу и власть» (F. Cielēns. Laikmetu maiņa. Atmiņas un atziņas, 1. 1961, 437. lpp.).

аккумулируется в простой формуле: в основе событий 1917 г. в Латвии была не классовая борьба, а национальная. Идея независимости, родившаяся еще в середине XIX в. и постоянно с тех пор пропагандируемая буржуазными деятелями, по их мнению, в 1917 г. была подхвачена всем латышским народом, который и поднялся на борьбу за свою независимость. Однако, как известно, латышские буржуазные деятели на самом деле вели трусливую антинародную политику и постоянно подчеркивали свою верность монархии Романовых. О «независимой» Латвии буржуазные лидеры заговорили лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда они в борьбе против Советской власти, против нового общественного строя, посягнувшего на неприкосновенность священной для них частной собственности, приняли на свое идеологическое вооружение лозунг о национальной независимости.

2. СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

В марксистской историографии можно выделить три этапа изучения проблематики Февральской революции. На первом этапе — 1917 г. — появились очень важные статьи (главным образом публицистического характера), написанные по горячим следам бурно развивавшихся событий и принадлежавшие перу таких замечательных руководителей революционного движения в Латвии, как П. Стучка, Фр. Розинь, Я. Берзинь-Зиемелис и др. В этих статьях давалась принципиальная оценка многим ключевым вопросам политической жизни страны. Не удивительно, что эти небольшие, но чрезвычайно содержательные работы заложили прочный фундамент дальнейшей исследовательской деятельности латышских советских историков. На втором этапе — 20—30-е годы, — к сожалению, изучение Февральской революции в Латвии продвинулось незначительно. Не было издано ни одной, даже небольшой специальной работы, в которой более или менее полно исследовались бы главные вопросы этой революции в совокупности. В изданных в этот период в Советском Союзе статьях и воспоминаниях участников революционного движения 1917 г. о февральских событиях говорилось, как правило, лишь мимоходом и очень скупо. В этом, на наш взгляд, сказалась известная недооценка Февральской революции, характерная для всей советской историографии 20—30-х годов, недопонимание того, что история свержения самодержавия в России представляет собой вполне самостоятельную и очерченную определенными хронологическими границами исследовательскую проблему.

Наибольший интерес представляют соответствующие разделы книги Ю. Кирша «Аграрная революция в Прибалтике»¹⁰, в которых приводятся некоторые сведения о положении в латышской деревне в начале 1917 г., и очерка И. Г. Ринга «Латвия»¹¹, а также работы М. И. Ахуна, Д. Мазайса, Я. Мирамма, В. Мишке и др.¹² Ряд эпизодов из революционной борьбы латышских стрелков в период Февральской революции читатель может найти в известных публикациях по истории латышских стрелков¹³. О совместных выступлениях против самодержавия петроградского пролетариата и латышских рабочих, эвакуированных в годы первой мировой войны в столицу, повествуют страницы сборника статей и воспоминаний «Десять лет»¹⁴.

Началом третьего этапа в изучении этой важной проблемы следует считать момент восстановления Советской власти в Латвии в 1940 г. Однако принципиально важные результаты в этой области дали исследования, выполненные после окончания Великой Отечественной войны. В результате упорной и кропотливой работы советские историки ввели в научный оборот значительный и многосторонний материал и на его основе воссоздали целостную, научную картину развития исторических событий в Латвии в феврале — марте 1917 г. Они убедительно показали, что борьба за победу буржуазно-демократической революции развертывалась в условиях глубоких экономических и политических противоречий в стране. На основе анализа социально-экономических предпосылок революции, ее характера

¹⁰ Ю. Кирш. Аграрная революция в Прибалтике. М., 1931. 182 стр.

¹¹ И. Г. Ринг. Латвия. Л., 1936. 281 стр.

¹² М. И. Ахун, В. А. Петров. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. 120 стр.; Революционное движение в армии накануне буржуазно-демократической революции (документы). Вступ. статья М. И. Ахуна. — ИЖ, 1937, 1, стр. 40—95; Я. Яунзем. Февраль в эмиграции (Восп.). — В кн.: На волю! Л., 1927, стр. 45—48; Д. Мазайс (Ш. Дволайший-млад.). Военная организация XII армии. — Прол. Рев, 1922, 9, стр. 187—190; Mazaiss. Latviešu strēlnieks marta revolūcijā. Atmiņas no latviešu strēlnieku rezerves pulka 1917. gadā Valmierā. — Krievijas Cīņa, 1922, 52—55 (17. VI — 27. VI); Г. Мерэн. Октябрь в V-ой армии Северного фронта. — Знамя, 1933, 11, стр. 132—148; Я. Мирам. Октябрь в Латвии. — Интернационал молодежи, 1932, 20, стр. 20—21; В. Мишке. Подготовка Октября в Латвии. — ПролРев, 1928, 1, стр. 37—66; М. Лацис (Дядя). В последней схватке с царизмом. М., 1935, 107 стр. и др.

¹³ Latvju strēlnieku vēsture, 1. 1. un 2. d. M., 1928. VII, 249 un XXIII, 823 lpp.; 2. d. M., 1934, 416 lpp.; Latvju revolucionārais strēlnieks, 1—2. M., 1934, 1935. 377 un 599 lpp.

¹⁴ Desmit gadi. Ziemeļ-Rietumu apgabala latvji Oktobra revolūcijā. Ļ., 1927. 96 lpp.

и движущих сил они последовательно проводят мысль о том, что Февральская революция в Латвии составляла органическую часть революции в России и ни по своему характеру, ни по движущим силам не отличалась от революции в целом, хотя и имела свои специфические особенности. В то время Латвия была прифронтовой областью (фронтовая линия разрезала ее территорию на две части), в которой концентрировалось большое количество войск. Естественно, что в таких условиях на развитие событий значительное влияние оказывали политические настроения широких солдатских масс. Кроме того, в результате эвакуации рижской промышленности летом 1915 г. значительно уменьшилась численность кадрового промышленного пролетариата. И, наконец, революционные преобразования в начале 1917 г. коснулись лишь части Латвии, расположенной на востоке и северо-востоке от линии фронта. Курземе еще некоторое время была отгорожена от революции германскими штыками.

В послевоенной историографии Советской Латвии первые борозды в изучении Февральской революции проложили А. А. Дризул, опубликовавший в начале 50-х годов два очерка¹⁵, и В. А. Штейнберг, изучивший ряд новых источников и воссоздавший более детализированную картину развития революционных событий в Латвии в 1914—1917 гг.¹⁶ Обобщенная характеристика революционного процесса и деятельности СДЛК в период Февральской революции дана в систематических курсах по истории республики и по истории Коммунистической партии Латвии¹⁷.

Известное освещение в исторической литературе Советской Латвии получили вопросы образования и укрепления Советов. Попытку показать конкретно-историческую картину формирования союза рабочего класса и беднейшего крестьянства Латвии и деятельности большевиков в деревне предпринял

¹⁵ A. Drīzulis. Latvija imperiālistiskā kara un Februāra buržuāziski-demokrātiskās revolūcijas periodā (1914.—1917.). Rīgā, 1953. 80 lpp.; A. Drīzulis. Latvija Lielās Oktobra sociālistiskās revolūcijas sagatavošanas un norises periodā. Rīgā, 1951. 88 lpp.

¹⁶ В. А. Штейнберг. Революционное движение в Латвии в период первой мировой войны и Февральской революции (1914 г. — март 1917 г.). Рига, 1954. 128 стр.

¹⁷ История Латвийской ССР, 2. Рига, 1954, стр. 451—469; Latvijas PSR vēsture, 2. Rīgā, 1955, 365.—379. lpp.; Latvijas PSR vēsture. Saisināts kurss. Rīgā, 1956, 295.—306. lpp.; История Латвийской ССР. Сокращенный курс. Рига, 1955, стр. 332—345; Latvijas Komunistiskās partijas vēstures apcerējumi, 1. Rīgā, 1961, 268.—274. lpp.; Очерки истории Коммунистической партии Латвии, 1. Рига, 1962, стр. 309—316.

Т. Я. Драудин¹⁸. В его работах показывается углубление противоречий в латышской деревне, рост политической активности сельской бедноты, отмечается, что в условиях двоевластия особое усердие и упорство в деле захвата власти на местах, а также получения права распоряжаться местными земельными фондами проявила латышская сельская буржуазия. Т. Я. Драудин вскрывает антидемократический характер съезда волостных старшин, Видземского и Курземского земских советов. Центральное же место в его работах занимает период подготовки и проведения социалистической революции.

Однако самым важным разделом советской историографии, несомненно, было изучение революционных событий в воинских частях Северного фронта, и прежде всего в XII армии, в состав которой входили полки латышских стрелков. Большой вклад в изучение этого вопроса внесли А. Шелюбский, Д. Гразкин, А. Шурыгин, М. Капустин, Я. Кайминь, Т. Драудин, А. Дризул и др. Внимание, которое уделяли и уделяют советские историки революционному движению на Северном фронте в 1917 г., не случайно, оно объясняется важностью этого фронта в развитии революционных событий не только в Латвии, но и во всей стране в целом.

В послевоенный период первым серьезным успехом советской историографии в изучении революционных событий на Северном фронте было появление обстоятельных, базирующихся на глубоком изучении архивных фондов статей А. Шелюбского¹⁹. Приведенные автором документальные и цифровые материалы прочно вошли в научный оборот и использовались многими советскими историками. Проследивая развертывание большевистской работы на фронте, А. Шелюбский справедливо подчеркивает деятельность партийных организаций СДЛК и отмечает тесную связь латышских большевиков с русскими партийными организациями, действовавшими в частях Северного фронта.

Революционному движению на Северном фронте в период Февральской революции посвящена также одна из глав дис-

¹⁸ Т. Драудинš. *Latvijas bezzemnieki cīņā par zemi un padomju varu 1917. gadā*. Rīgā, 1957. 171 lpp.; Т. Драудинь. *Безземельное крестьянство Латвии в борьбе за землю и власть Советов в 1917—1919 годах*. Рига, 1959. 223 стр.

¹⁹ А. Шелюбский. *Большевистская пропаганда и революционное движение на Северном фронте накануне 1917 г.* — ВИ, 1947, 2, стр. 67—80; А. П. Шелюбский. *Большевистская работа на Северном фронте в первый период подготовки Октябрьской революции (март — апрель 1917 г.)*. — ИАН СССР. Серия истории и философии, 1948, 5, стр. 437—450.

сертации З. М. Громовой²⁰, в которой была предпринята попытка дальнейшей систематизации и обобщения ранее накопленного фактического материала, а также введены в научный оборот некоторые новые документы, главным образом почерпнутые из фондов Центрального государственного военно-исторического архива, освещающие деятельность солдатских комитетов и большевистских военных организаций в частях и подразделениях XII армии.

Новый шаг вперед был сделан во второй половине 50-х годов, когда вышли в свет монографические исследования Ф. Шурыгина, М. И. Капустина, Д. И. Гразкина и Я. Кайминя²¹, существенно расширившие конкретное представление об участии солдатских масс Северного фронта в февральской революции. Большой фактический материал, относящийся к революционным событиям начала 1917 г. в латышских стрелковых полках, систематизирован и обобщен в монографии Я. Кайминя. Некоторые дополнительные материалы приводятся в статье А. А. Дризула²².

С каждым годом возрастает интерес к изучению участия трудящихся Латвии, эвакуированных в годы первой мировой войны, в революционном движении многих городов России. Несмотря на сложность темы, распыленность и разбросанность источников и необходимость в связи с этим изучения архивных фондов, находящихся в различных концах нашей страны, уже сейчас достигнуты определенные результаты в разработке данной темы. Так, например, несколько исследователей (Макон, П. Дауге и особенно Л. Дрибин²³) проделали большую работу по изучению революционной деятельности латышских ра-

²⁰ З. М. Громова. Борьба большевиков за солдатские массы на Северном фронте в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Автореф. канд. дисс. Рига, 1955.

²¹ Ф. Шурыгин. Революционное движение солдатских масс Северного фронта в 1917 году. М., 1958. 132 стр.; М. И. Капустин. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957. 320 стр.; Д. И. Гразкин. «Окопная правда». М., 1958. 197 стр.; J. Kaīmiņš. Latviešu strēlnieki cīņā par Oktobra revolūcijas uzvaru. 1917.—1918. Rīgā, 1957, 416 lpp.; Я. Кайминя. Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции 1917—1918 гг. Рига, 1961. 422 стр.

²² А. А. Дризул. Революционное движение солдатских масс Северного фронта в период двоевластия в России. — ИАН ЛССР, 1965, 11, стр. 3—19.

²³ Mākonis. Latvju lielnieku organizācijas darbība 1917.—1919. gadā Petrogradā. — Grām.: Desmit gadi. L., 1927, 7.—12. lpp.; P. Daugē. P. Stučkas dzīve un darbs. Rīgā, 1958, 467.—477. lpp.; L. Dribins. Vēsturiskā pagrieziena dienās (KSDS(b) Petrogradas organizācijas Latviešu rajona darbība 1917. gada februārī—aprīlī). — RPI ZR, 13, 1964, 147.—168. lpp.; Л. Дрибин. Под знаменем пролетарского интернационализма. (Латышские большевики в петроградском подполье в 1915—1917 гг.). — КСЛ, 1963, 6, стр. 37—44.

бочих в начале 1917 г. в Петрограде. В опубликованных ими статьях приводятся данные об эвакуированных из Латвии заводах, о численности прибывших в столицу латышских пролетариев, рассказывается о создании при Петроградской большевистской организации латышского района «Прометей», о совместной борьбе трудящихся разных национальностей, в том числе русских и латышских рабочих, под руководством большевиков против царского самодержавия, капиталистов и помещиков. Участию рижских рабочих в революционном движении Харькова в годы первой мировой войны и Февральской революции посвящены статьи В. Савченко и В. Суздальцева²⁴. И тем не менее в исследовании данной темы сделаны лишь первые шаги.

Известный интерес представляют также главы книги А. Спреслиса и Ю. Нетесина, в которых авторам удалось проследить возобновление деятельности целого ряда профсоюзов на неоккупированной немецкими войсками территории Латвии в начале 1917 г.²⁵ Введены в научный оборот новые документальные материалы, относящиеся к периоду Февральской революции²⁶. Важной стороной деятельности историков Советской Латвии после XX съезда КПСС была подготовка к печати воспоминаний участников революционного движения. И хотя подавляющее большинство изданных за последнее десятилетие книг мемуарного характера относится к периоду подготовки и проведения Октябрьской революции, тем не менее в них можно найти некоторые сведения и о событиях периода Февральской революции²⁷.

²⁴ В. Савченко. К вопросу об участии латышских рабочих в революционном движении в г. Харькове в годы первой мировой войны. — ИАН ЛССР, 1959, 2, стр. 5—14; В. В. Суздальцев. Рабочее движение на заводе «Всеобщей компании электричества» в годы мировой войны. — ПроблИст, 6, стр. 199—239.

²⁵ А. Спреслис, Ю. Нетесин. Профсоюзное движение в Латвии до Великой Октябрьской социалистической революции. [М.], 1958. 110 стр.; A. Sprēslis, J. Netjosins. Proletariāta interešu sardzē. Arodkustība Latvijā no 1905. gada līdz 1919. gadam. Rīgā, 1960. 151 lpp.

²⁶ Октябрьская революция в Латвии. Документы и материалы. Рига, 1957. 459 стр.; Latvijas Komunistiskā partija Oktobra revolūcijā. 1917. Dokumenti un materiāli. (1917. g. marts — 1918. g. februāris). Rīgā, 1957. 624 lpp.; Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции. 1917. Документы и материалы (март 1917 — февраль 1918 г.). Рига, 1963. 864 стр.; Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, 1. Rīgā, 1958. 642 lpp.

²⁷ См., например: 1917. gads Latvijā. Revolūcijas dalībnieku atmiņas. Rīgā, 1957. 372 lpp.; Grūst vecā pasaule... (Oktobra revolūcijas dalībnieku atmiņu krājums). Sastādījis J. Biezais. Rīgā, 1957. 327 lpp.; J. Biezais. Liesmainie gadi. Atmiņas un pārdomas. Rīgā, 1957. 208 lpp.; K. Gailis. Atmiņas par Oktobra revolūcijas sagatavošanu un tās norisi Latvijā. — LOKTSR, 1957, 257.—267. lpp.; I. Bīrzgalis. Atmiņas par Valmieras Strādnieku, zaldātu

Таким образом, советская историческая наука на основе марксистско-ленинской методологии и глубокого изучения источников составила ясное и аргументированное представление о Феврале 1917 г. как о буржуазно-демократической революции, в которой основной движущей силой был рабочий класс, руководимый большевистской партией. Со всей глубиной научной аргументации советские историки Латвии вскрыли методологическую порочность основных концепций буржуазной латышской историографии и убедительно показали подлинный характер Февральской революции. За последнее десятилетие наибольшие успехи достигнуты учеными в исследовании борьбы широких народных масс: революционного движения на Северном фронте, деятельности массовых организаций трудящихся (Советов, солдатских комитетов, профсоюзов) и партийных организаций. В меньшей степени изучены положение в контрреволюционном и либерально-буржуазном лагерях, политическое маневрирование партий латышской буржуазии и их программы.

В опубликованных после XX съезда КПСС работах были использованы новые документальные материалы, которые позволили их авторам глубже, чем прежде, выявить расстановку политических сил и полнее дать картину революционной борьбы. В них ощутимо проявилась также тенденция к преодолению известного схематизма и односторонности в трактовке отдельных вопросов Февральской революции, свойственных работам предшествующего периода, наблюдалось расширение источниковедческой базы. И тем не менее исследователям этого периода в истории Латвии предстоит большая и кропотливая работа как по дальнейшему выявлению архивных материалов, так и по освещению целого ряда все еще неясных вопросов. Им предстоит дать более углубленный историографический и источниковедческий анализ конкретных вопросов данной проблемы, подготовить обобщающий научно-исследовательский труд, а также специальную публикацию документов и материалов по истории Февральской революции в Латвии.

un bezzemnieku deputātu padomi 1917. gadā. — LOKtSR, 1957, 268.—302. lpp.; J. Biezais. Bezzemnieku padomes Vidzemē 1917. gadā. — LOKtSR, 1957, 303.—323. lpp.; Lielā Oktobra sociālistiskā revolūcija un ārzemju militārā intervencija Latvijā. Rīgā, 1957. 324 lpp.; Latvijas komjaunatnes cīņu sākums. (1917.—1919.). Atmiņas. Rīgā, 1960. 244 lpp.

IX. ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЛАТВИИ

1. ОБЩАЯ ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Изучение проблем, связанных с Великой Октябрьской социалистической революцией, которая ознаменовала начало новой эры в истории человечества, эры гибели капитализма и торжества социализма и коммунизма, является одной из важнейших задач советской исторической науки. Великая Октябрьская социалистическая революция с абсолютной очевидностью продемонстрировала мощь Коммунистической партии, вооруженной передовой революционной теорией и неразрывно связанной с широчайшими массами трудящихся города и деревни, несокрушимость союза рабочего класса и беднейшего крестьянства, убедительно показала всепобеждающую силу великих идей ленинизма. Вот почему она нашла живейший отклик во всем мире, зажгла надеждой и верой в светлое будущее сердца сотен миллионов тружеников во всех частях земного шара и вызвала растерянность, ненависть и ужас господствующих классов и их идеологов, стремящихся любой ценой не только задержать, но и повернуть вспять закономерное развитие истории человечества. Поистине огромная научная, политическая и воспитательная значимость разработки истории этого выдающегося события бесспорна. Понятна и острота той борьбы, которая развернулась вокруг проблем истории Великого Октября буквально с первых же дней существования Советской власти между марксистско-ленинской исторической наукой и буржуазной историографией.

Классовая сущность буржуазной историографии, ее ярко выраженный антикоммунизм определили то, что латышские буржуазные историки, старательно обходя вопросы революционной борьбы народных масс, деятельности массовых организаций трудящихся и мероприятий Советской власти в Латвии, акцентировали свое внимание на зарождении латвийского буржуазного государства и борьбе буржуазии против Советской

власти и Советской России. Игнорируя всемирно-историческое значение Октября 1917 г., они стремились представить пролетарскую революцию как всего лишь удачную политическую акцию группы по-военному организованных большевиков, как «большевистский переворот». При этом они упорно развивали мысль о преждевременности и экономической неподготовленности социалистических преобразований в России. Трактую Великую Октябрьскую социалистическую революцию как «чисто русское» или «азиатское» явление, буржуазные идеологи искусственно отчленяли события 1917 г. в Латвии от революционных событий в России в целом.

Идеализм в общем толковании исторического процесса, яркий национализм и политическая тенденциозность, нередко переходящая в прямую фальсификацию конкретных исторических событий, антисоветская и антирусская направленность — вот характернейшие черты работ латышских буржуазных авторов.

Вооруженные марксистско-ленинской философией советские историки на основе тщательного изучения разнообразнейших источников раскрыли социально-экономические корни пролетарской революции, убедительно показали ее классовый характер и движущие силы. В своей совокупности работы советских историков воссоздают цельную и правдивую картину революционных процессов, происходивших в Латвии в Октябре 1917 г.

Первыми марксистскую оценку важнейших событий в Латвии в период Великой Октябрьской социалистической революции еще в водовороте событий того времени дали в своих выступлениях, статьях, брошюрах и книгах крупнейшие латышские революционные деятели П. Стучка, Фр. Розинь, Ю. Данишевский, Я. Берзинь-Зиемелис и др.

Следующий шаг вперед сделали латышские революционеры, эмигрировавшие в Советскую Россию после поражения Советской власти в Латвии в 1919 г. Созданные в 20-х годах комиссии по истории Коммунистической партии Латвии и красных латышских стрелков явились важными координирующими центрами по сбору и систематизации фактических материалов об истории революционного движения в Латвии.

После победы социалистической революции в 1940 г. в Латвийской ССР были созданы все условия для развития советской исторической науки. Однако процесс реорганизации научных учреждений и подготовки к изданию работ советских историков был прерван: на территорию СССР вероломно вторглись немецко-фашистские полчища, и Советская Латвия была временно оккупирована. После освобождения территории республики и окончания Великой Отечественной войны подготовка трудов по истории Октябрьской революции возобновилась.

Новый этап в исследовании этого периода начался после XX съезда КПСС, когда значительно расширилась источниковедческая база исследовательской работы советских историков. В этот период вышел из печати ряд фундаментальных изданий ценнейших документальных материалов, а также интересных книг и сборников мемуарного жанра. Возросшая исследовательская зрелость латвийских советских историков позволила широко развернуть обстоятельную разработку ключевых вопросов проблематики 1917 г.

2. ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ И МЕМУАРОВ

Как уже отмечалось, первыми начали исследование революционных событий 1917 г. в Латвии революционеры старшего поколения; их работы заложили серьезную основу изучения и обобщения истории революционной борьбы латышского пролетариата и его Коммунистической партии¹.

Первую попытку дать оценку событиям Октября 1917 г. латышские коммунисты предприняли уже в 1918 г., когда в Москве на латышском языке был издан сборник статей «Годовщина Октябрьской революции»². Этот сборник открывается статьей П. Стучки «Буржуазная и пролетарская революция», в которой автор разъясняет принципиальное различие между этими двумя типами революции, подчеркивает причинную обусловленность и закономерность Октябрьской революции.

Среди первых документальных публикаций, освещающих события 1917 г. в Латвии, нельзя не назвать издание «Дикта-

¹ В этой связи прежде всего необходимо указать на статьи П. Стучки, которые публиковались в период подготовки и проведения социалистической революции в большевистской печати — в газетах «Правда», «Сіпа» и «Brīvais Strēlnieks» — и были посвящены важнейшим вопросам революционного движения в России и Латвии. Лучшие из этих статей вошли в специальный сборник, подготовленный Институтом истории партии при ЦК КПЛ: П. Стучка. В борьбе за Октябрь. Сборник статей. Рига, 1960. 234 стр. P. Stučka. Sīpa par Oktobri. Rakstu izlase. Rīgā, 1957. 202 lpp. — Кроме того, следует отметить ряд других статей и книг: П. Дауге. Мои воспоминания. — ПролРев, 1928, 11/12, стр. 181—222; И. Вацетис. Латышские стрелки в Октябрьской революции. — Война и революция, 1927, 10/11, стр. 133—142; J. Vācietis. Latviešu strēlnieki Oktobra revolūcijā. — Krievijas Sīpa, 1927. g. 5. nov., 128. nr.; 10. nov., 129. nr.; 12. nov. 130. nr.; J. Vācietis. Latviešu strēlnieki Oktobra revolūcijā. — Zvaigzne, 1957, 21, 7.—8. lpp.; Т. Драудин. Рижский фронт в Октябре 1917 г. (Факты и документы.) М., 1922. 64 стр.; Ю. Кирш. Аграрная революция в Прибалтике. М., 1931. 182 стр.

² Oktobra revolūcijas gada svētkos. 1917.—1918. М., 1918. 95 lpp.

тура пролетариата в Латвии»³, материалы которого отражают работу Советов, созданных после свержения царского самодержавия в неоккупированной части Латвии, а также деятельность органов Советской власти (главным образом Исколата) в ноябре 1917 — феврале 1918 г. Важнейшие партийные документы (резолуции V съезда социал-демократии Латвии, партийных конференций и т. д.), характеризующие деятельность партии в период подготовки и проведения Октябрьской революции, вошли в публикацию «25 лет Коммунистической партии Латвии»⁴. Этому сборнику предпослана интересная статья Ю. Данишевского, в которой дается анализ деятельности СДЛ в 1917—1918 гг., подчеркивается ее руководящая роль в революционном движении в Латвии и органическая связь с РСДРП(б).

Значительное количество документальных материалов, относящихся главным образом к положению в латышских стрелковых полках и деятельности массовых солдатских революционных организаций в 1917 г., было введено в научный оборот публикациями по истории латышских стрелков⁵. Эти издания и по сей день являются важнейшими источниками для изучения истории красных латышских стрелков. Из опубликованных в этих изданиях воспоминаний участников гражданской войны наибольший интерес представляют мемуары И. Вацietиса, К. Дозитиса, К. Жубита, Я. Бале, Я. Лаубе, К. Урбановича, П. Апара, А. Лайцена, А. Кронькална и П. Берзиня, привлекают внимание также статьи И. Вацietиса, А. Фелдмана и Р. Баузе.

Здесь уместно напомнить, что воспоминания непосредственных и активных участников революционных событий представляют определенный интерес и несомненную научную ценность. Каждое воспоминание отдельно — это, как правило, рассказ о каком-либо эпизоде событий, реалистическая зарисовка деталей и характеристик. Однако в своей совокупности воспоминания зачастую позволяют достаточно цельно воссоздать колоритную картину событий. И вместе с тем следует помнить, что они требуют осторожного, а подчас и критического подхода, тщательной проверки и сопоставления с другими документальными источниками.

Среди публикаций 20-х годов следует отметить также сборник

³ Proletariāta diktatūra Latvijā. M., 1919. 135 lpp.

⁴ L K P 25 gadi. Rakstu un materiālu krājums. Kongresu, konferenču un SK svarīgākie lēmumi un rezolūcijas. M., 1929. 674 lpp.

⁵ Latvju strēlnieku vēsture, 1. 1. un 2. d. M., 1928. VII, 249 un XXIII, 823 lpp.; 2. 2. d. M., 1934. 416 lpp.; Latvju revolucionārais strēlnieks, 1, 2. M., 1934, 1935, 377 un 599 lpp.

«Десять лет»⁶, изданный в связи с 10-летием Октябрьской революции, центральное место в котором занимает повествование о совместных выступлениях петроградских пролетариев и эвакуированных латышских рабочих, о деятельности латышских большевистских организаций в Петрограде в 1917 г., об участии латышских рабочих в вооруженном восстании и штурме Зимнего, об охране красными латышскими стрелками Советского правительства в Смольном.

Ряд сведений об участии латышских революционеров в вооруженном восстании в октябре 1917 г. в Москве приводится в брошюре Я. Пече⁷.

Процесс накопления документальных и мемуарных материалов о революционной борьбе трудящихся Латвии за власть Советов и работа по их изданию были приостановлены почти на два десятилетия.

Одну из первых попыток собрать, систематизировать и осмыслить материалы, относящиеся к аграрным проблемам и классовой борьбе в латышской деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции предпринял Ю. Кирш⁸. В его работах прослеживается обострение классовых противоречий в латышской деревне, отмечается стремление сельской латышской буржуазии после Февральской революции захватить власть на местах и отстранить широкие массы сельских трудящихся, прежде всего безземельных крестьян и батраков, от активного участия в политической жизни, описывается деятельность партии в деревне, выясняется роль Советов безземельных в мобилизации широких масс на борьбу за победу социалистической революции. Анализируя аграрную политику партии, в частности решения V съезда социал-демократии Латвии и другие партийные документы, автор наряду с ее огромным революционизирующим значением отмечает и некоторые ошибочные положения этой политики, которые, по его мнению, сказались уже в 1919 г. (например, ориентация исключительно на создание крупных социалистических хозяйств в деревне и отрицание необходимости передачи части конфискованной у помещиков земли в непосредственное пользование батрацких и середняцких масс латышской деревни и т. д.).

Таким образом, типичной формой публикаций в 20-х — первой половине 30-х годов были издания смешанного характера

⁶ Desmit gadi. Ziemeļrietumu apgabala latvji Oktobra revolūcijā. Ļ., 1927. 96 lpp.

⁷ Я. Пече. Красная гвардия в Москве в боях за Октябрь. М.—Л., 1929. 184 стр.

⁸ J. Kīršs. Piezīmes par agrārjautājumu Latvijā. (М.), 1925. 104 lpp.; Ю. Кирш. Аграрная революция в Прибалтике. М., 1931. 182 стр.

в виде сборников статей, воспоминаний и документов. Это определялось как общим состоянием самой исторической науки, так и необходимостью быстрее доведения до широкой читательской массы разнообразнейших источников и сведений о революционных событиях недавнего прошлого.

В 1940 г. в связи со вступлением Латвийской ССР в состав Советского Союза на страницах «Исторического журнала» появилась статья П. Дауге⁹, несколько обзорного и даже очеркового характера. В этой статье, правда, весьма схематично, рассказывается о борьбе за Советскую власть в Латвии в 1917—1919 гг., последовательно проводится мысль о том, что победа Советов в Латвии была органической частью победы Великой Октябрьской социалистической революции, должное внимание уделяется деятельности СДЛ. Оценивая работу V съезда социал-демократии Латвии, автор указывает, что хотя принятые съездом резолюции в целом и соответствовали «Апрельским тезисам», в отдельных вопросах (и прежде всего в аграрном) были допущены ошибки. «В условиях, — писал он, — когда еще шла борьба за власть, когда крестьянство еще не было прочно завоевано, когда для социалистического преобразования деревни еще не были созданы ни экономическая база, ни политические предпосылки, курс партии на немедленное преодоление мелкособственнических отношений в деревне был опасен»¹⁰. Существенным недостатком этой статьи является ее «безликость». В ней не приводятся имена активнейших участников и руководителей исторических событий 1917 г. (лишь мельком упоминается П. Стучка). Нельзя также согласиться с утверждением П. Дауге о том, что в Латвии «двоевластие» создано лишь в конце июля 1917 г. после образования «Исколата».

3. ВАЖНЕЙШИЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

После окончания Великой Отечественной войны брошюры А. Дризула и К. Каулиня¹¹ были первыми работами научно-популярного характера, в которых давалось описание (естественно, очень обобщенное) революционных событий в Латвии в 1917 г. Этой же теме были посвящены защищенные в тот

⁹ П. Дауге. Октябрьская революция в Латвии. — ИЖ, 1940, 11, стр. 33—44.

¹⁰ Там же, стр. 36.

¹¹ А. Drīzulis. Latvija Lielās Oktobra sociālistiskās revolūcijas sagatavošanas un norises periodā. Rīgā, 1951. 87 lpp.; K. Kauliņš. Latvijas darbaļaužu cīņa boļševiku vadībā par padomju varu. Rīgā, 1950. 85 lpp.

же период две диссертации — Я. Д. Пределе и В. А. Штейнберга¹². Отмечая своеобразие обстановки, создавшейся в Латвии накануне Октябрьской революции, оба автора доказывают, что общий ход развития классовой борьбы в Латвии в 1917 г. шел по тому же пути, как и в остальных частях России. Большое внимание они уделяют исследованию деятельности партийных организаций по подготовке вооруженного восстания, прослеживают процесс большевизации Советов, а В. А. Штейнберг впервые в советской исторической литературе рассматривает вопрос о том, почему в июле 1917 г. в Латвии не был временно снят лозунг «Вся власть Советам!». К сожалению, познавательную ценность этих работ снижают отдельные тезисы, на которых сказались установки, типичные для исторической литературы второй половины 40-х — начала 50-х годов.

Подготовка и проведение социалистической революции в Латвии, первые шаги Советской власти во внутренней и внешней политике, борьба против иностранной интервенции и контрреволюции обстоятельно разработаны советскими историками в обобщающих трудах — третьем томе «Истории Латвийской ССР» и первой части «Очерков истории Коммунистической партии Латвии»¹³.

Среди книг, посвященных революционным событиям в Латвии в 1917 г. и опубликованных после XX съезда КПСС, наибольший научный интерес представляют работы В. А. Штейнберга, Т. Я. Драудина, А. А. Дризула и Я. Я. Кайминя. Центральная идея этих исследований, ставшая аксиомой для исторической науки Советской Латвии, — это идея о том, что социалистическая революция в Латвии была составной частью Великой Октябрьской социалистической революции, что она была подготовлена всем предыдущим экономическим и политическим развитием, была объективной закономерностью и протекала по тем же основным законам и этапам развития, какие были характерны для этой революции в России в целом.

В монографии В. А. Штейнберга¹⁴ на широкой источни-

¹² Я. Д. Пределе. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Латвии. Автореф. канд. дисс. Рига, 1951; В. А. Штейнберг. Подготовка Великой Октябрьской социалистической революции в Латвии (март — август 1917 г.). Автореф. канд. дисс. Рига, 1951.

¹³ История Латвийской ССР, 3. Рига, 1958. 798 стр.; Latvijas PSR vēsture, 3. Rīgā, 1959. 664 lpp.; Latvijas Komunistiskās partijas vēstures apceļējumi, 1. Rīgā, 1961. 461 lpp.; Очерки истории Коммунистической партии Латвии, 1. Рига, 1962. 533 стр.

¹⁴ V. Steinbergs. Latvijas darbaļaužu cīņa par padomju varu 1917. gadā. Rīgā, 1957. 270 lpp.

коведческой основе описывается создание Советов в северной, неоккупированной немецкими войсками части Латвии, анализируется состав Советов. Серьезное внимание уделяется рассмотрению деятельности большевистских организаций, приводятся сведения о росте рядов партии, анализируется тактика большевиков Латвии, отмечается огромное значение «Апрельских тезисов» В. И. Ленина, освещается борьба большевиков за массы. Автор показывает происки контрреволюции, предательство генералитета, рассматривает бои за Ригу, особенно у Малой Юглы. Заключительные страницы книги рассказывают о первых мероприятиях Советской власти в Латвии. По сравнению с ранее изданными работами, монографии В. А. Штейнберга присуща еще и та положительная черта, что в ней упоминаются имена революционеров, которые в годы культа личности были преданы забвению. Это оживило и конкретизировало освещение событий, а также позволило освободиться от схематизма, столь характерного, к сожалению, для многих работ, изданных до XX съезда КПСС.

Первую попытку широкого монографического освещения борьбы безземельных крестьян Латвии за Советскую власть предпринял Т. Я. Драудин¹⁵. Анализируя аграрные отношения в Латвии и отмечая большой удельный вес помещичьего землевладения, резко выраженную дифференциацию крестьянства, огромное число безземельных, представлявших целую армию сельского пролетариата, Т. Я. Драудин подчеркивает исключительную обостренность классовых противоречий в латвийской деревне и на конкретных, нередко впервые введенных в научный оборот материалах прослеживает, как в огне классовых битв выковывался союз между трудящимися города и деревни. Особый интерес представляют разделы книги, в которых рассказывается о работе большевистских организаций в деревне, а также освещается деятельность Советов безземельных в волостях и уездах Видземе в период подготовки и проведения

¹⁵ Т. Draudiņš. Latvijas bezzemnieki cīņā par zemi un padomju varu 1917. gadā Rīgā, 1957. 171 lpp.; Т. Драудинь. Безземельное крестьянство Латвии в борьбе за землю и власть Советов в 1917—1919 годах. Рига, 1959. 223 стр.; см. также: Т. Драудинь. Деревенская беднота — безземельные Латвии как союзники пролетариата в борьбе за власть Советов и за землю в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Автореф. канд. дисс. Рига, 1955; Т. Драудинь. Безземельное крестьянство Латвии в борьбе за власть Советов и за землю в 1917 г. — ИЗ, 51, 1955, стр. 45—83; Т. Д. Драудинь. О ликвидации помещичьего землевладения в Латвии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. — ИАН ЛССР, 1953, 11, стр. 21—38; Т. Draudiņš. Latvijas bezzemnieki kā strādnieku šķiras sabiedrotie cīņā par padomju varu un zemi Lielās Oktobra sociālistiskās revolūcijas sagatavošanas un norises periodā. — ZAVēst, 1955, 1. 25.—54. lpp.

Октябрьской революции. Следует отметить, что содержание книги выходит за пределы, зафиксированные ее названием (исследование хронологически охватывает период от начала XX в. до середины 1919 г.).

На разнообразном конкретном материале, с использованием научных достижений всей советской историографии Октябрьской революции в Латвии написаны работы А. А. Дризула¹⁶, в которых показывается нарастание политического кризиса, растерянность правящих кругов и рост влияния большевиков, освещается положение в армии, и прежде всего в латышских стрелковых полках, описывается ход вооруженного восстания на неоккупированной немецкими войсками территории Латвии. Несомненным научным достижением А. А. Дризула является обобщение конкретного материала, относящегося к деятельности Советов, в том числе крупнейшего в Латвии Рижского совета рабочих депутатов, а также к революционным выступлениям в латышской деревне. Очень ценно, что автор значительное внимание уделяет освещению связей латышских революционеров с В. И. Лениным, анализу конкретного влияния ленинских идей на сплочение широких трудящихся масс латышского народа для решающих битв за победу Великого Октября.

Однако ценность вышеназванных работ снижается тем, что в них значительно меньше внимания уделяется революционным событиям в восточной части Латвии — Латгале.

Появление со второй половины 50-х годов исследований, обобщивших итоги разработки истории Октябрьской революции в Латвии и — что наиболее важно — значительно повысивших научную аргументированность и исследовательскую методику, а также выдвинувших комплекс вопросов, изучение которых ранее находилось в зачаточном состоянии, отразило вступление историографии проблемы в новую, более высокую фазу развития.

Широко освещает деятельность ЦК СДЛ и местных партийных организаций по подготовке и проведению Октябрьской социалистической революции в Латвии Э. Я. Дижгалвис. В его диссертации и статьях¹⁷ более подробно, чем ранее, рас-

¹⁶ А. Дризулис. Великая Октябрьская социалистическая революция в Латвии. Рига, 1957. 124 стр.; A. Drīzulis, J. Krastiņš. Cīņa par Padomju varu Latvijā. 1917.—1920. Rīgā, 1967. 388 lpp.

¹⁷ Э. Я. Дижгалвис. Борьба СДЛ за победу Великой Октябрьской социалистической революции и упрочение Советской власти в неоккупированной части Латвии. (Конец авг. 1917 — февр. 1918 г.) Автореф. канд. дисс. Елгава, 1964; Э. Дижгалвис. Борьба трудящихся неоккупированной части Латвии под руководством СДЛ против предательской контрреволюционной буржуазии за упрочение Советской власти (ноябрь 1917 — февраль 1918). — УчЗ ЛатГУ, 64, 1962, стр. 77—88.

сма­три­ва­ет­ся де­я­тель­ность пар­тий­ных ор­га­ни­за­ций по даль­ней­шей боль­ше­виза­ции мест­ных ад­ми­ни­стра­тив­но-хо­зяй­ствен­ных ор­га­нов, ра­бо­та Во­ен­но-ре­во­лю­ци­он­но­го ко­ми­те­та рай­она XII ар­мии и мест­ных во­ен­но-ре­во­лю­ци­он­ных ко­ми­те­тов. Зна­чи­тель­ное вни­ма­ние ав­тор уде­ля­ет рас­смот­ре­нию ру­ко­во­дя­щей ро­ли ЦК СДЛ и мест­ных пар­тий­ных ор­га­ни­за­ций в осу­ществ­ле­нии со­ци­а­ли­сти­че­ских пре­об­разо­ва­ний: соз­да­нии но­во­го, со­вет­ско­го го­су­дар­ствен­но­го ап­па­ра­та, на­ци­о­на­ли­за­ции про­мыш­лен­ных и тор­го­вых пред­при­ятий, транс­порт­ных средств, боль­ших до­мов, кон­фис­ка­ции по­ме­щи­чьих имений и соз­да­нии круп­ных го­су­дар­ствен­ных хо­зяйств в де­рев­не.

О де­я­тель­но­сти це­ло­го ря­да за­ме­ча­тель­ных латышских ре­во­лю­ци­он­е­ров в ис­то­ри­че­ские дни Ок­тяб­ря 1917 г. по­ве­ст­вуют ста­ни­цы це­лой се­рии книг био­гра­фичес­ко­го ха­рак­те­ра, из­дан­ных в ре­спу­бли­ке по­сле XX съез­да КПСС¹⁸. Ва­ж­ным их до­сто­ин­ством яв­ля­ет­ся то, что ха­рак­те­ри­сти­ка учас­тни­ков ре­во­лю­ции да­ет­ся в них на ши­ро­ком об­ще­ис­то­ри­че­ском фо­не. И не­смот­ря на то, что эти кни­ги ве­сь­ма раз­лич­ны как по ха­рак­те­ру из­ло­же­ния, так и по глу­бине и уров­ню ис­то­ри­че­ско­го ис­сле­до­ва­ния, все они име­ют боль­шое на­уч­но-по­ли­ти­че­ское и вос­пи­та­тель­ное зна­че­ние.

А. И. Спрес­лис и А. Смир­нов рас­сма­три­ва­ют еще не­до­ста­точ­но изу­чен­ный со­вет­скими ис­то­ри­ка­ми во­прос о ре­во­лю­ци­он­ном дви­же­нии в восточ­ной ча­сти Лат­вии — Лат­га­ле¹⁹.

¹⁸ Латышские революционные деятели. Рига, 1958. 175 стр.; *Latviešu revolucionārie darbinieki*. Rīgā, 1958. 153 lpp.; Н. Кондратьев. Сыны народа. Рига, 1956. 359 стр.; Н. Kondratjevs. Tautas dēli. Rīgā, 1957. 367 lpp.; Н. Кондратьев. Товарищ Петерсон. Рига, 1959. 355 стр.; Н. Kondratjevs. Biedrs Pētersons. Rīgā, 1960. 324 lpp.; Н. Кондратьев. Гори, мое сердце... Рига, 1961. 242 стр.; Н. Kondratjevs. Dedz, mana sirds. Rīgā, 1962. 222 lpp.; Н. Кондратьев. Человек долга. М., 1966. 112 стр.; V. Millers, E. Stumbiņa. Fricis Roziņš. 1870—1919. Dzīve un darbs. Rīgā, 1965. 345 lpp.; Jānis Lencmanis. Biogrāfisks apcerējums un laikabiedru atmiņas. Rīgā, 1965. 188 lpp.; S. Ziemeļis, A. Gusevs. Dāvids Beika. Rīgā, 1963. 240 lpp.; С. Зиёмелис, И. Гусев. ... и вечный бой. Рига, 1964. 254 стр.; E. Līdace. Lūzt, bet neliekties... Revolucionāra Augusta Bērces dzīves stāsts. Rīgā, 1961. 170 lpp.; Э. Лидаце. Несгибаемый. Рига, 1962. 186 стр.; J. Kiršentāle. Ernests Eferts-Klusais. Rīgā, 1962. 172 lpp.; Г. А. Трукан. Ян Рудзутак. М., 1963. 96 стр.; G. Trukāns. Leņina gvardes kareivis. Rīgā, 1965. 122 lpp.; J. Kipers, M. Šacs. Kvēlais tribūns. Viļa Dermaņa dzīves un cīņu ceļš. 1875—1939. Rīgā, 1964. 166 lpp.; P. Dauge. P. Stučkas dzīve un darbs. Rīgā, 1958. 551 lpp.; Cīnitāji par Oktobri. Biogrāfiskie apraksti. Rīgā, 1967. 542 lpp.

¹⁹ A. Sprēslis. Latgale Oktobra sociālistiskās revolūcijas sagatavošanas un norises periodā. — LOKTSR, 1957, 87.—108. lpp.; А. Спреслис. Латгалия в период Октябрьской революции. — КСЛ, 1957, 10, стр. 19—27; А. М. Смирнов. Борьба трудящихся Латгалии за власть Советов в 1917—

За последний период определенный шаг вперед сделан и в изучении истории революционной печати, которая нашла освещение как в обобщающих трудах, монографиях и диссертациях, так и в специальных статьях.

В обзорной статье В. А. Штейнберга²⁰ отмечается боевой, наступательный характер газеты «Окопная правда», показывается, как газета разоблачала антинародную политику Временного правительства, контрреволюционные действия командования и соглашательских партий. Однако в статье, по-видимому, из-за ее ограниченного размера не нашли должного отражения такие важные аспекты, как борьба «Окопной правды» за выход из войны, демократизацию армии, сплочение солдат вокруг лозунга «Вся власть Советам». Деятельность газеты «Cīņa» в период подготовки и проведения социалистической революции рассматривается в юбилейном сборнике, посвященном 50-летию со дня выхода в свет ее первого номера. В очерке Р. Кисиса, опубликованном в этом сборнике, повествуется о том, как газета отвечала на самые злободневные вопросы действительности, отмечается ее роль в мобилизации трудящихся масс на свержение власти буржуазии, рассказывается о том, как газета помогала партии осуществлять первые мероприятия по строительству социализма²¹.

Статья А. Спреслиса²², посвященная двум фронтовым газетам — «Окопной правде» и «Brīvais Strēlnieks», — носит в основном справочный характер.

В этой связи несомненный интерес представляют воспоминания одного из основателей и редакторов газеты «Окопная правда» Д. И. Гразкина²³, по существу, являющиеся одним из главнейших источников подробных сведений об этом печатном органе. Живо описывая события, автор сумел не только

1919 годах. Автореф. канд. дисс. Л., 1969; А. Смирнов. Трудящиеся Латгалии и солдаты V армии Северного фронта в борьбе за Советскую власть в 1917 году. — ИАН ЛССР, 1963, 11, стр. 5—19; А. Смирнов. Борьба за Советскую власть в Даугавпилсе в 1917 г. — Красное знамя (Даугавпилс), 1964, 1 и 3 ноября.

²⁰ В. А. Штейнберг. Роль «Окопной правды» в завоевании солдатских масс на сторону социалистической революции. — ИАН ЛССР, 1952, 9, стр. 147—162.

²¹ Р. Кисис. В борьбе за победу социалистической революции и Советскую власть. — В кн.: «Cīņa». К пятидесятилетию со дня выхода первого номера. Рига, 1954, стр. 75—105; R. Kīsis. Cīņa par socialistiskās revolūcijas uzvaru un padomju varu. — Grām.: «Cīņa». Piecdesmitai gadadienai kopš pirmā numura iznākšanas. Rīgā, 1954, 67.—93. lpp.

²² А. Спреслис. «Окопная правда» и «Бривайс стрелниекс» в период подготовки Великого Октября. — КСЛ, 1957, 6, стр. 35—43.

²³ Д. И. Гразкин. «Окопная правда». М., 1958. 197 стр.

зафиксировать в хронологической последовательности факты, но и передать колорит эпохи.

Обзор латышской революционной прессы 1917 г. дан также в статьях В. Эглите²⁴. Систематизировав уже ранее известные материалы, а также некоторые новые документы, почерпнутые главным образом из архива Института истории партии при ЦК КПЛ, она воссоздала картину деятельности революционных органов печати — газет «Cīņa», «Окопная правда», «Brīvais Strēlnieks», «Laukstrādnieku Cīņa» — и показала их значение в борьбе за победу социалистической революции в Латвии. Детальностью разработки темы отличается диссертация М. И. Алексеевой²⁵. Серьезного внимания заслуживает выдвинутый ею тезис о том, что во время вынужденного перерыва в издании фронтовой газеты «Окопная правда» (август — сентябрь 1917 г.) газета Венденского комитета РСДРП(б) «Отклики правды» была прямой ее преемницей и продолжательницей ее дела. Интересен также обстоятельный анализ работы редакции газеты «Отклики правды». И тем не менее в изучении революционной печати того времени сделаны лишь первые шаги. Совершенно очевидно, что систематические исследования в этой области необходимо продолжить, а их результаты обобщить в специальной монографии.

Яркой страницей в истории революционного союза русских и латышских трудящихся является участие латышских большевиков и рабочих в Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде. Изучением этого вопроса плодотворно занимается Л. Г. Дрибин²⁶, который, проделав кропотливую работу по выявлению документальных материалов, на их основе написал несколько статей, существенно расширивших конкретное

²⁴ V. Eglīte. No latviešu revolucionārās preses vēstures. (1917. g. febr. — 1917. g. okt.). — RPI ZR, 1, 1961. 173.—189. lpp.; V. Eglīte. LSD prese cīņā par sociālistiskās revolūcijas uzvaru. — Grām.: Par Oktobra uzvaru. Raksti un atmiņas par Latvijas komunistu cīņu Lielās Oktobra sociālistiskās revolūcijas un pilsoņu kara laikā. — 1917.—1919. Rīgā, 1967, 62.—73. lpp.

²⁵ М. И. Алексеева. Большевистская фронтовая газета «Окопная правда» в борьбе за солдатские массы в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Автореф. канд. дисс. М., 1966.

²⁶ L. Dribins. KSDS(b)P. Petrogradas organizācijas latviešu rajons «Prometejs» Oktobra revolūcijas sagatavošanas un norises laikā. — Grām.: Par Oktobra uzvaru. Rīgā, 1967, 152.—174. lpp.; Л. Г. Дрибин. На пути к Октябрю (участие латышских большевиков в борьбе Петроградской организации РСДРП(б) за массы весной—летом 1917 г.). — УчЗ ЛатГУ, 90, стр. 27—45; Л. Дрибин. На страже Октября (участие латышских большевиков в борьбе Петроградской организации РСДРП(б) против внутренней и внешней контрреволюции в первые месяцы Советской власти). — В кн.: Годы борьбы и побед. Рига, 1968, стр. 3—22.

представление о многосторонней деятельности латышских большевиков и рабочих в Петрограде в период подготовки и проведения Великого Октября. Некоторое продвижение вперед наметилось и в разработке истории участия латышских рабочих в революционном движении других городов России. Так, деятельность Тверской и Северной групп, а также работа латышской секции Московской организации РСДРП(б) нашла отражение в двух статьях²⁷. Важным достоинством статьи К. Ратниека и Я. Страумитса является систематизация фактического материала, характеризующего работу латышских большевиков среди беженцев и подготовку к вооруженному восстанию. Весьма ценно, что в статье приводятся имена активных участников событий и освещается их деятельность. В своей работе авторы использовали печать того времени, историческую литературу (особенно 20—30-х годов) и — в значительно меньшей степени — архивные материалы.

Прочной основой для творческого подхода к освещению кардинальных вопросов истории Октябрьской революции в Латвии явился сборник статей, писем и документов В. И. Ленина о революционном движении в Латвии и деятельности ее революционной социал-демократии²⁸. Изданный во второй половине 50-х годов сборник воспоминаний революционеров Латвии о В. И. Ленине²⁹ содержит воспоминания как уже ранее опубликованные (в том числе воспоминания П. Стучки, Я. Берзиня-Зиемелиса, П. Дауге, Я. Рудзутака), так и написанные в послевоенный период. В них рассказывается о глубоком интересе вождя мирового пролетариата к революционным событиям в Латвии, о его связях с латышскими революционерами, приводятся яркие примеры, свидетельствующие о безграничном доверии вождя мировой революции к латышским стрелкам, охранявшим Смольный в Петрограде и Кремль в Москве.

Освещению различных аспектов истории Октябрьской революции в Латвии посвящено большое количество научных статей. И хотя они неравноценны по своей научной значимости, тем не менее каждая из них вносит что-то новое в разработку

²⁷ V. Rājevskis. KSDSP(b) «Tveras grupa». — LVU ZR, 1960, 95.— 109. lpp.; K. Ratnieks, J. Straumīts. KSDS(b)P Maskavas organizācijas latviešu sekcijas. (1915.—1917.) — Par Oktobra uzvaru. Rīgā, 1967, 175.—192. lpp.

²⁸ V. I. Ļeņins. Par revolucionāro kustību Latvijā un Latvijas revolucionārās sociāldemokrātijas darbību. Rakstu, vēstulu un dokumentu krājums. Rīgā, 1947. 363 lpp.; В. И. Ленин. О революционном движении в Латвии и деятельности революционной социал-демократии Латышского края. Сборник статей, писем и документов. Рига, 1948. 387 стр.

²⁹ Par Ļeņinu. Latvijas revolucionāru atmiņas. Rīgā, 1957. 272 lpp.; О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии, Рига, 1959. 320 стр.

данной проблемы. Эти статьи можно подразделить (весьма относительно, конечно) на три группы: статьи, посвященные анализу социально-экономических предпосылок пролетарской революции в Латвии и освещению конкретного хода событий в 1917 г.³⁰, работы, освещающие руководящую роль большевистской партии и деятельность отдельных партийных организаций в период подготовки и проведения пролетарской революции³¹, и, наконец, статьи, раскрывающие историческое значение революции³².

После XX съезда КПСС произошел коренной перелом в издании мемуарной литературы — словно поток вешних вод, сбросивших ледяные оковы, одно за другим стали выходить в свет многочисленные воспоминания, которые поведали немало нового и интересного о революционных событиях 1917 г. в Латвии и которые уже оказывают и в дальнейшем будут

³⁰ П. Е. Эльвих. Экономические предпосылки буржуазно-демократической и социалистической революции в Латвии в 1917 г. — ИАН ЛССР, 1959, 1, стр. 5—14; В. Мишке. Подготовка Октября в Латвии. — ПролРев, 1928, 1, стр. 37—66; Т. Драудин. О ликвидации помещичьего землевладения в Латвии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. — ИАН ЛССР, 1953, 11, стр. 21—38; Ф. Шурьгин. Из истории борьбы за победу Великой Октябрьской революции. — КСЛ, 1955, 11, стр. 32—39; А. Дризул. Борьба трудящихся Латвии за Советскую власть. — КСЛ, 1957, 10, стр. 11—18; A. Drīzulis. Lielā Oktobra sociālistiskā revolūcija Latvijā. — LOKtSR, 1957, 22.—86. lpp.; Г. Енш. Из истории архивного дела в Латвии в дни Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти в 1917—1940 гг. — ИАН ЛССР, 1958, 8, стр. 21—26.

³¹ В. Штейнберг. Борьба большевиков Латвии за власть Советов в 1917 году. — КСЛ, 1952, 16, стр. 51—62; И. Рутман. Борьба большевиков Латвии против оппортунизма в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. — КСЛ, 1956, 11, стр. 10—17; К. Каулин. Укрепление большевистских партийных организаций в Латвии в 1917 году. — КСЛ, 1957, 6, стр. 29—34; K. Kauliņš. Latvijas Komunistiskā partija — darbaļaužu vadītāja cīņā par Lielās Oktobra sociālistiskās revolūcijas uzvaru Latvijā. — ZAVest, 1957, 10, 99.—102. lpp.; П. Макеев. Деятельность большевиков Латвии в период подготовки и осуществления Октябрьской социалистической революции. — В кн.: Годы борьбы и побед. Рига, 1968, стр. 23—40.

³² В. Лацис. Октябрьская революция и исторические судьбы латышского народа. — КСЛ, 1957, 9, стр. 12—25; Я. Э. Калнберзинь. Великая Октябрьская социалистическая революция и народы Советской Прибалтики. — ИАН ЛССР, 1957, 11, стр. 5—20; K. Strazdiņš. Lielā Oktobra Sociālistiskā revolūcija Latvijā. — ZAVest, 1957, 10, 19.—30. lpp.; K. Strazdiņš. Lielās Oktobra Sociālistiskās revolūcijas 40 gadi. — LOKtSR, 1957, 3.—21. lpp.; А. Рашкевич. Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции. — КСЛ, 1957, 11, стр. 22—28; E. Eglaņš. Lielais Oktobris un Latvija. — PadLK, 1958, 10, 25.—30. lpp.; К. Мамаева. Октябрьская социалистическая революция и развитие национальной государственности народов СССР. — ИАН ЛССР, 1957, 10, стр. 17—24.

оказывать все большее влияние на развитие всей историографии³³. Среди них следует особо отметить книгу Я. Б и е з а й с а «Пламенные годы», в которой приводится много ярких фактов из деятельности Малиенской партийной организации СДЛ и Северной группы Московской организации РСДРП, а также характеризуется ряд виднейших латышских революционеров (Я. Берзинь-Зиемелис, Э. Эферт-Клусайс, Э. Зандрейтер, Я. Круминь-Пилатс, Ю. Данишевский и др.). Очень интересны страницы книги, посвященные описанию положения, создавшегося в северной части Латвии после Февральской революции.

В последнее десятилетие серьезное внимание уделялось изданию архивных материалов, характеризующих революционное движение в Латвии в 1917 г. Значительную ценность как по содержанию и новизне введенных в научный оборот документов, так и по качеству их археографического оформления представляют публикации источников, подготовленные Институтом истории АН Латвийской ССР и Институтом истории партии при ЦК КПЛ совместно с ЦГИА Латвийской ССР³⁴. Документы

³³ 1917. gads Latvijā. Revolūcijas dalībnieku atmiņas. Rīgā, 1957. 372 lpp.; Grūst vecā pasaule... (Oktobra revolūcijas dalībnieku atmiņu krājums). Sastādījis J. Biezais. Rīgā, 1957. 327 lpp.; Par Padomju Latviju. Cīņtāju atmiņas, 1918.—1919. 1—2. Rīgā, 1958, 1959. 421 un 432 lpp.; За Советскую Латвию. Воспоминания борцов. 1918—1919. Рига, 1960. 600 стр.; K. Gailis. Atmiņas par Oktobra revolūcijas sagatavošanu un tās norisi Latvijā. — LOKTSR, 1957, 257.—267. lpp.; J. Birzgalis. Atmiņas par Valmieras strādnieku, zaldātu un bezzemnieku deputātu padomi 1917. gadā. — LOKTSR, 1957, 263.—302. lpp.; J. Biezais. Liesmainie gadi. Atmiņas un pārdomas. Rīgā, 1957. 208 lpp.; J. Biezais. Bezzemnieku padomes Vidzemē 1917. gadā. — LOKTSR, 1957, 303.—323. lpp.; Я. Вилкс. Памятные дни. (Из воспоминаний о 1917 г.). — КСЛ, 1957, 4, стр. 31—35; Я. Пойш. В дни борьбы за власть Советов. — КСЛ, 1957, 8, стр. 30—35; П. Кимен. Мы никогда не забудем тех героических дней. — КСЛ, 1957, 8, стр. 30—35; Latvijas komjaunatnes cīņu sākums. (1917.—1919.) Atmiņas. Rīgā, 1960. 244 lpp.; Р. Казак. В рядах революционных борцов. — КСЛ, 1957, 11, стр. 37—38; Я. Бунгш. Пламенные годы. — КСЛ, 1957, 9, стр. 26—30; Я. Бирзгалис. Лозунги победившей революции. — КСЛ, 1957, 11, стр. 33—36; Д. И. Грязкин. «Окопная правда». — ИАрх, 1957, стр. 168—183; K. Laukmanis. Kaujinieka gaitas. (1917.—1919.) — Revolucionārā Pārdaugava. Rīgā, 1960, 317.—335. lpp.; P. Maļkovs. Kremļa komandanta piezīmes. Rīgā, 1960. 348 lpp.; П. Мальков. Записки коменданта Московского кремля. 3-е изд. М., 1967. 264 стр.

³⁴ Октябрьская революция в Латвии. Документы и материалы. Рига, 1957. 459 стр.; Latvijas Komunistiskā partija Oktobra revolūcijā. 1917. Dokumenti un materiāli. (1917. g. marts — 1918. g. februāris). Rīgā, 1957. 624 lpp.; Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции. 1917. Документы и материалы (март 1917 — февраль 1918 г.). Рига, 1963, 864 стр. (Из материалов, опубликованных на русском языке, наибольший научный интерес представляют резолюции, постановления и выписки из протоколов

в этих публикациях систематизированы по тематически-хронологическому принципу и распределены по разделам, соответствующим основным этапам истории Латвии 1917—1919 гг. Они воссоздают картину героической борьбы латышского народа за Советскую власть, против внутренней контрреволюции и сил международного империализма, свидетельствуют о руководящей роли Коммунистической партии в революционной борьбе, раскрывают многогранную деятельность большевиков, говорят об огромном их авторитете в массах. Документы убедительно показывают, что быстрому успеху вооруженного восстания в Латвии способствовали замечательные победы трудящихся России, потрясшие всю систему мирового капитализма. Многие документы повествуют о безграничной преданности латышских стрелков советской власти, о той высокой оценке, которую дали В. И. Ленин, большевистская партия и Советское правительство революционной роли латышских стрелковых полков. И наконец, документы вскрывают предательскую сущность латышских буржуазных националистов, разоблачают вмешательство западноевропейских империалистов во внутренние дела Латвии, свидетельствуют о их ненависти к Советской власти и к латышскому трудовому народу.

Ряд важных материалов, в том числе и воспоминаний, относящихся к периоду Октябрьской революции, приводится в известной публикации о борьбе латышских стрелков за Советскую власть³⁵.

Важнейшие партийные документы, относящиеся к 1917 г., опубликованы в таком издании, как «Резолюции и решения съездов, конференций и Пленумов ЦК Коммунистической партии Латвии»³⁶. Начало историографического изучения темы Октябрьской революции в Латвии положили Т. Я. Драудин и А. А. Дризул³⁷. В их статьях раскрывается антинаучность

ЦК СДЛ, протоколы Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии и его Исполнительного Комитета — Исколата, протоколы Валмиерского уездного Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов и его Исполкома и др.

³⁵ Latviešu strēlnieki cīņā par padomju varu 1917.—1920. gadā. Atmiņas un dokumenti. Rīgā, 1960. 566 lpp.; Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917—1920 гг. Воспоминания и документы. Рига, 1962. 527 стр.

³⁶ Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, 1. 1904.—1940. Rīgā, 1958. 642 lpp.

³⁷ Т. Драудинš. Kā latviešu buržuāziskie vēsturnieki viltoja Latvijas vēsturi. — Grām.: Buržuāziskie nacionālisti — Latvijas vēstures viltotāji. 2. izd. Rīgā, 1953, 135.—156. lpp.; А. А. Дризулис. Извращение истории социалистической революции в Латвии в эмигрантской буржуазной историографии. — В кн.: Зарубежная литература об Октябрьской революции. М., 1961, стр. 299—305.

воззрений латышской буржуазной историографии, в том числе и современной эмигрантской, приводятся примеры прямой фальсификации истории событий Октябрьской революции буржуазными историками, вскрывается классовая сущность их писаний. Известное представление о степени изученности проблематики Октябрьской революции в Латвии дают работы Л. Э. Кришьянсон³⁸. В этой связи необходимо отметить также статью Я. Кайминя и тезисы доклада С. Зиемелиса³⁹, представляющие содержательные обзоры источников по истории революционных событий в Латвии в 1917 г.

Вышеизложенный материал убедительно свидетельствует о том, что процесс изучения истории Октябрьской революции в Латвии в целом шел по восходящей линии. Однако ясна и необходимость дальнейшей творческой разработки данной проблематики и прежде всего исследования вопросов, все еще не получивших достаточного освещения в советской исторической литературе (например, революционная деятельность трудящихся Латвии, эвакуированных в годы первой мировой войны в глубь России и принимавших активное участие в установлении Советской власти во многих местностях и городах России, работа латышских секций при местных комитетах РКП(б) и др.). В работах по истории Октябрьской революции в Латвии все еще значителен удельный вес уже известных исследователям материалов и повторений, явно недостаточно число оригинальных по своей методике разработок отдельных конкретных вопросов, не достигнута также ритмичность в изучении этой большой темы: ее исследование усиливается с приближением юбилейных дат, а затем ослабевает. До сих пор недостаточно глубоко изучена политика латышской буржуазии и ее отдельных группировок, а также соглашательских партий. Нет также крупных исследований, специально посвященных выяснению комплекса проблем, связанных с аграрным и националь-

³⁸ Л. Э. Кришьянсон. Историография истории Коммунистической партии Латвии с 90-х годов XIX века до 1919 года. Автореф. канд. дисс. Л., 1965; Л. Э. Кришьянсон. Историографический обзор истории Коммунистической партии Латвии с 90-х годов XIX века до 1919 года. — ВЛУ, 14, 1965, стр. 51—61; Л. Э. Кришьянсон. Обзор литературы по некоторым вопросам истории Коммунистической партии Латвии. — УчЗАсп, 4, 1965, стр. 167—181.

³⁹ А. Кайминь. Борьба партии за победу социалистической революции в Латвии в 1917—1919 гг. (Обзор источников). — ВИ КПСС, 1966, 10, стр. 126—133; С. Зиемелис. Изучение источников Великой Октябрьской социалистической революции в Латвийской ССР. — Тезисы докладов научной конференции по вопросам охраны и использования памятников культуры в коммунистическом воспитании трудящихся. Рига, 1967, стр. [37—40].

ным вопросам в Латвии в 1917 г. Необходимо продолжить систематическое изучение печати того времени и прежде всего революционной, издание работ о выдающихся латышских революционерах — активных участниках Октябрьской революции, а также усилить изучение богатейших фондов архивных материалов и подготовить новые публикации источников. Чрезвычайно ценной сферой творческой деятельности ученых может стать и создание работ источниковедческого характера, которые были бы посвящены глубокому и всестороннему анализу многочисленных исторических источников, относящихся к событиям 1917 г. в Латвии. В этой связи уместно подчеркнуть, что ныне специалист-историк, стремящийся работать на современном профессиональном уровне, должен всерьез заниматься решением источниковедческих проблем. Нельзя, как это нередко было в прошлом, уделять им внимание лишь «время от времени», «в свободные от основной работы часы». Период дилетантства, к счастью, уже кончился. Назрела настоятельная необходимость в систематической разработке источниковедческих тем с участием широких коллективов исследователей. Это, несомненно, позволит повысить качество научных трудов наших историков.

Х. БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ В ЛАТВИИ В 1918—1920 гг.

1. ПЕРВЫЕ ШАГИ В ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМЫ

Советские исследователи на широкой документальной основе убедительно доказали, что все социально-экономическое развитие Латвии подготовило необходимые предпосылки для революционной ломки отживших свой век условий, что ликвидация старых общественных отношений в Латвии, как и во всех других частях бывшей Российской империи, стала исторической неизбежностью, что центральной осью, вокруг которой разворачивались события в Латвии, были антагонистические противоречия между эксплуатируемыми и эксплуататорами, т. е. классовая борьба. При этом советские историки никогда не отрицали и национально-освободительного аспекта в борьбе социальных сил в Латвии 1917—1919 гг.

Богатое литературное наследие, по существу, явившееся основой изучения истории Латвии этого периода, оставили руководящие деятели и крупные партийные работники Советской Латвии 1919 г. Существенный вклад в разработку темы внес П. Стучка, перу которого принадлежит множество статей (в основном публицистического характера). Большая часть этих статей в свое время была опубликована в большевистских газетах «Сīņa» и «Наша правда». В них П. Стучка предпринял первые попытки осветить деятельность Советского правительства и его органов, проанализировать тактику Коммунистической партии Латвии, показать историческое значение Советской Латвии 1919 г., вскрыть отдельные недостатки и, опираясь на опыт предшествующих событий, сделать определенные выводы. Значительную часть этих статей П. Стучка включил в книгу «Пять месяцев Социалистической Советской Латвии»¹, в при-

¹ П. Стучка. Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, 1. Сборник статей и заметок. [М.] 1919. 190 стр.; 2. Сборник документов и важнейших декретов. Псков, 1921. 70 стр.

ложении к которой он намеревался опубликовать важнейшие документы. Однако потом, чтобы ускорить издание книги, он решил опубликовать ее первую часть без приложения, а документальные материалы включить в ее вторую часть².

Статьи этой книги разъясняют целый ряд мероприятий, предпринятых в Советской Латвии 1919 г. по радикальной перестройке всей общественной жизни начиная с вопросов советского строительства, налоговой политики, дипломатических отношений и кончая аграрной политикой. Книга П. Стучки всегда будет привлекать интерес историков, так как в ней содержится целый ряд почти неуловимых по другим источникам исторических деталей, о которых мог поведать лишь непосредственный (и к тому же проницательный, честный и весьма широко информированный) участник событий. Интересны воспоминания автора, опубликованные под названием «Наша внешняя политика». Привлекают внимание также сведения о состоянии рижской промышленности в 1919 г., продовольственном положении в Риге, деятельности Советского правительства и структуре государственных учреждений. Статьи хорошо передают напряженность обстановки, в которой развернулась ожесточенная борьба между силами старого и нового мира, убедительно показывают накал классовой борьбы в Латвии, всесторонне характеризуют первые шаги Советской власти по пути социалистического строительства. Книга дает обильный материал для размышлений, заставляет читателя еще раз осмыслить историческую значимость установления диктатуры пролетариата в Латвии в 1919 г.

Однако, высоко оценивая книгу П. Стучки, которая в наши дни в значительной мере приобрела характер исторического источника, следует отметить, что с некоторыми его выводами нельзя согласиться (например, хотя бы с тем, что профсоюзы после установления Советской власти должны превратиться в производственные организации, и т. д.). Вообще, используя материалы этой книги, надо проявлять максимальную

² В предисловии к книге П. Стучка разъяснял цель ее опубликования: «Не имея под рукой материалов и цифровых данных, целиком попавших в руки контрреволюции при падении Риги, не имея в своем распоряжении достаточно времени для систематического изложения истории этих пяти месяцев, я вынужден ограничиться сборником более или менее случайных статей и заметок, отчасти набросанных заново, отчасти же написанных мною за эти пять месяцев и напечатанных в наших периодических изданиях в Латвии. Я старался быть кратким, искренним, откровенным и спокойным... Я за себя и за своих товарищей могу со спокойной совестью ручаться, что если мы в своих опытах и ошибались и заблуждались, то мы всегда оставались верными своим коммунистическим идеалам и с этой стороны мы неуязвимы» (П. Стучка, Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, 1. Сборник статей и заметок. [М.], 1919, стр. 3—4).

осторожность, так как некоторые тезисы П. Стучки отмечены печатью своего времени и, по существу, представляют уже пройденный этап в теоретическом познании тех задач, которые встали перед нашей страной при ее вступлении на путь социалистических преобразований.

2. ИССЛЕДОВАНИЯ 20-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 30-х ГОДОВ

В 20-х — первой половине 30-х годов в Советской России вышел из печати целый ряд статей и книг, публикаций документов и воспоминаний, подготовленных главным образом латышскими коммунистами — активными участниками недавних революционных событий в Латвии. Внимание авторов этих работ привлекали комплекс вопросов, связанных с аграрной политикой Коммунистической партии Латвии, мероприятия Советской власти в области промышленности и транспорта, вопросы государственного и военного строительства, ход военных операций на территории Латвии и, наконец, выяснение причин поражения Советской власти в Латвии в 1919 г. Заметим, что подавляющее большинство работ, изданных в этот период, носило, как правило, ярко выраженный полемический характер. Особенно острые дискуссии разгорелись по вопросам аграрной политики, государственного и военного строительства. Появление такого рода работ было закономерным явлением и объяснялось необходимостью для Коммунистической партии Латвии извлечь уроки из опыта прошлого и на этой основе разработать новые программные установки на будущее.

В этой полемике определились две точки зрения, причем, по существу, центр тяжести разногласий перемещался на вопрос о том, какое значение имели допущенные ошибки для дальнейших судеб Советской власти в Латвии. Группа участников дискуссии (Ю. Данишевский³, Ю. Кирш⁴, П. Виксне и др.), не отрицая ошибок, допущенных в 1919 г., считала, что главной причиной поражения Советской Латвии в 1919 г. были не эти ошибки, а вмешательство международного империализма, бросившего на подавление социалистической революции в Латвии значительные силы. Другая же группа (К. Сомс, О. Дзенис, Я. Ларозе, Карнитис и др.) утверждала, что именно ошибки, допущенные Советским правительством Латвии и привели к падению диктатуры пролетариата в молодой Советской республике в 1919 г.

³ J. Daniševskis. Padomju Latvijas saimnieciskais stāvoklis. (1919. gads). — Latvju revolucionārais strēlnieks, 1. 1934, 91.—120. lpp.; J. Daniševskis. Cīņa par Padomju Latviju. [M.], 1929. 24 lpp.

⁴ Ю. Кирш. Аграрная революция в Прибалтике. М., 1931. 182 стр.

Наиболее характерным представителем второй группы участников дискуссии является К. Сомс (К. П. Кауфманис), выступивший с двумя сугубо полемическими брошюрами: «Вопросы аграрной программы Коммунистической партии Латвии» и «Ленинизм и каутскианство в аграрном вопросе. Критика каутскианства и аграрной политики КПЛ»⁵. Пытаясь проанализировать аграрную программу социал-демократии Латвии с момента возникновения партии и дать оценку ее деятельности в целом, автор, высказав ряд заслуживающих внимание мыслей, отстаивает ряд принципиально ошибочных утверждений и голословных оценок. Нельзя согласиться и с его утверждением, что основной причиной поражения Советской власти в 1919 г. были ошибки в аграрной политике.

В этот период появилась и историческая литература, освещавшая основные мероприятия Советской власти в Латвии в 1919 г. Так, А. Вецгайлс⁶ в своем очерке предпринял первую попытку систематически осветить мероприятия Советского правительства Латвии по коренному преобразованию системы народного образования и дать анализ новой советской системы просвещения. Я. Ленцманис в своей статье «Десять лет тому назад»⁷ рассказывает о VI съезде Коммунистической партии Латвии, характеризует главные выступления на съезде, в том числе дискуссии о внутренней организации армии Советской Латвии, о деятельности Центрального Комитета партии, о взаимоотношениях между партией, Советами и профсоюзами.

Первой серьезной специальной работой по истории борьбы латышских трудящихся с иностранной интервенцией была книга В. Штрауса⁸. Прежде всего отметим, что эта содержательная работа, созданная непрофессиональным историком, удачно сочетает в себе глубокую партийность и научность, ясность и простоту изложения с серьезными научными обобщениями. Книга В. Штрауса и до сих пор остается одной из лучших работ, посвященных исследованию истории иностранной интервенции в Латвии в 1918—1920 гг., в ней дан лучший в советской историографии анализ военных операций в Латвии того

⁵ K. Som s. L.K.P. agrārpolitikas un agrārprogrammas jautājumi. Kritiskas piezīmes agrārjautājumā sakarā ar P. Stučkas «Darbs un zeme». [M.], 1930. 162 lpp.; K. Som s. Ļeņinisms un kautskisms agrārjautājumā. Kautskisma un LKP agrārpolitikas kritika. [M.], 1935. 160 lpp.

⁶ A. Vecgailis. Skolas revolūcija. Rakstu kopojums par skolas organizācijas un audzināšanas jautājumiem, 1. Viens gads skolas darbā Padomju Latvijā (1919. gads). M., 1921. 117 lpp.

⁷ J. Lenčmanis. Pirms desmit gadiem. — LKP 25 gadi. Rakstu un materiālu krājums. M., 1929, 451.—467. lpp.

⁸ V. Strauss. Padomju Latvija un starptautiskā kontrevolūcija. M., 1931. 168 lpp.

периода. Книга создана на основе солидной источниковедческой базы, и прежде всего на основе изучения архивных материалов и большого количества работ, изданных на латышском, русском, немецком, польском, французском, английском, литовском и эстонском языках. Привлекает внимание глубокий анализ международной обстановки и умение автора связать события, происходившие в Латвии, с событиями на мировой арене.

Четко и ясно излагая ход военных действий, приводя операционные и стратегические расчеты, автор сообщает ценные сведения о численном составе как красноармейских частей, так и сражавшихся против них контрреволюционных сил. С большой проницательностью В. Штраус характеризует классовую сущность политики той или иной социальной группы, показывает сложные зигзаги политической линии и маневры крупнейших империалистических хищников в балтийском вопросе. На конкретных примерах автор показывает полнейшее бессилие латышских буржуазных деятелей, разоблачает их антинародную предательскую политику, в частности вскрывает всю неприглядность истории с провозглашением «независимой» Латвии. При этом его оценки не голословны, а органически вытекают из анализа конкретного материала. Автор, показывая всю сложность обстановки того времени, не скрывает трудностей борьбы с контрреволюционными силами, не замалчивает отдельных ошибок или фронтовых неудач. Центральное место в книге занимает анализ военных операций; очень ценны (даже уникальны) приведенные в конце книги карты и схемы. Вообще книга В. Штрауса богата мыслями, в подавляющем большинстве правильными, но иногда и спорными. Необходимо подчеркнуть, что ряд принципиальных положений, высказанных автором этой книги, затем лег в основу дальнейших исследований советских историков.

Серьезное внимание в 20-х — первой половине 30-х годов было уделено изданию документальных материалов, характеризующих революционное движение в Латвии, в том числе и установление Советской власти в 1919 г. Так, в этот период были опубликованы протоколы VI съезда Коммунистической партии Латвии и сборник документов, изданный как вторая часть книги П. Стучки⁹. Публикация протоколов VI съезда КПЛ дала возможность проследить не только ход работы самого съезда, но и уяснить целый ряд моментов по истории государственного, партийного и военного строительства в 1919 г. Во вторую часть своей книги П. Стучка включил несколько

⁹ Latvijas Komunistiskās partijas VI kongresa protokoli. [Pleskava], 1920. 104 lpp.; П. Стучка. Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, 2. Сборник документов и важнейших декретов. [Псков], 1921, 70 стр.

ценных документальных материалов, относящихся главным образом к деятельности центральных правительственных органов (манифест Советского правительства Латвии от 17 декабря 1918 г., декрет о признании независимости Советской Латвии, подписанный В. И. Лениным и Вл. Бонч-Бруевичем, постановление ВЦИК о признании советских республик — Эстонии, Литвы и Латвии, Конституция Советской Латвии, ноты, радиogramмы, инструкции и важнейшие декреты Советского правительства Латвии).

Ряд партийных документов (резолюции VI съезда КПЛ и двух партийных конференций), относящихся к рассматриваемому периоду, вошли также в сборник «25 лет Коммунистической партии Латвии»¹⁰.

Серьезное значение имели публикации протоколов и резолюций VII и VIII съездов Коммунистической партии Латвии¹¹, благодаря которым исследователи получили важные сведения о деятельности партийных организаций и смогли ознакомиться с конкретными наблюдениями активных участников революционных событий, их мнениями и оценками. Как известно, именно на этих партийных съездах широко обсуждалась деятельность Советского правительства и Центрального Комитета Коммунистической партии Латвии и мероприятия Советской власти в Латвии в 1919 г.; на этих съездах были вскрыты ошибки, допущенные по аграрному и другим вопросам, а также предприняты попытки выяснить причины поражения Советской власти в Латвии в 1919 г.

Итак, к середине 30-х годов в советской исторической литературе утвердилась точка зрения о том, что Советское правительство Латвии и ее Коммунистическая партия в 1919 г. допустили серьезные ошибки в аграрном вопросе, военном и государственном строительстве. Однако четко выявить значение отдельных факторов в поражении Советской Латвии в 1919 г. советским историкам того периода не удалось.

3. РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМЫ

В ПЕРИОД С 1940 г. ДО СЕРЕДИНЫ 50-х ГОДОВ

После вступления Советской Латвии в 1940 г. в состав СССР появилось несколько обзорных статей, затрагивавших

¹⁰ LKP 25 gadi. Rakstu un materiālu krājums. Kongresu, konferenču un CK svarīgākie lēmumi un rezolūcijas. M., 1929, 674 lpp.

¹¹ Latvijas Komunistiskās partijas VII kongress. 16. II — 23. II 1923. g. Protokoli un rezolūcijas. [M.], 1924. 88 lpp.; Latvijas Komunistiskās partijas VIII kongress. Marts 1931. g. Protokoli un rezolūcijas. [M.], 1931. 717 lpp.

рассматриваемую проблематику. Так, в статье П. Дауге¹² в очерковой форме рассказывается о победе пролетарской революции в Латвии в 1919 г., о мероприятиях, проведенных Советской властью по коренному преобразованию экономики и культуры. В статье А. Блюмфельда¹³ в хронологической последовательности излагается развитие событий в Латвии в 1918—1919 гг. Однако эта статья страдает также существенными недостатками, свойственными исторической литературе того периода. Этой статьей в журнале «Красный архив» предваряется публикация документальных материалов, которые отражали как деятельность центральных правительственных учреждений Советской Латвии 1919 г., так и проведение в жизнь важнейших решений Советской власти на местах. Часть этих документов была уже ранее опубликована, но так как их издания к тому времени стали уже библиографической редкостью, повторная их публикация полностью оправдывалась. К сожалению, отдельные документы были даны с сокращениями и без указания подписавших их лиц.

В первое послевоенное десятилетие первую попытку продолжить исследование истории Советской Латвии предприняла А. Я. Зиле¹⁴. В той или иной мере останавливались на описании событий в Латвии в 1918—1920 гг. и авторы работ, посвященных популярному изложению истории революционного прошлого латышского народа¹⁵. Однако параграфы, которые относились к рассматриваемой тематике, как правило, были написаны на узкой источниковедческой основе, почти без привлечения архивных материалов. В очерковой форме и, естественно, очень кратко описываются события 1919 г. в сокращенном курсе «Истории Латвийской ССР».

Книга А. И. Лейта¹⁶, в которой автор акцентирует внимание на экономических аспектах вопроса, написана главным

¹² П. Дауге. Октябрьская революция в Латвии. — ИЖ, 1940, 11, стр. 33—44; см. также: П. Дауге. Прибалтика в 1917—1940 годах. — ИМ, 1941, 1, стр. 3—42.

¹³ Мероприятия Советского правительства Латвии. (1918—1919). Вводная статья А. Блюмфельда. — КрАрх, 1940, 6, стр. 45—84.

¹⁴ А. Я. Зиле. Экономические мероприятия Советского правительства Латвии в 1919 году. Автореф. канд. дисс. Рига, 1950.

¹⁵ Я. Крастынь. Борьба латышского народа против немецких захватчиков и поработителей. М., 1946. 196 стр.; А. Drīzulis. Latvija ārvalstu militārās intervences un pilsoņu kara posmā (1918.—1920.). Rīgā, 1948. 25 lpp.; R. Ķīsis. Oktobra revolūcija un latviešu strēlnieki. Rīgā, 1948. 96 lpp.; Р. Кисис. Латышские стрелки в период гражданской войны. Рига, 1951. 126 стр.; K. Kauliņš. Latvijas darbaļaužu cīņas bolševiku vadībā par Padomju varu. Rīgā, 1950. 87 lpp.

¹⁶ А. Лейт. Агрессия империалистических держав в Латвии. (1917—1920 гг.) Рига, 1952. 124 стр.

образом на основе анализа публикаций стенографических отчетов Учредительного собрания и сейма, научной и мемуарной литературы. В этой работе использованы также отдельные материалы исследований советских авторов, посвященных общим проблемам внешней политики главнейших империалистических держав и особенно вопросам их интервенции в СССР. К сожалению, в меньшей степени автор изучил архивные материалы. Рассматривая вмешательство крупнейших империалистических держав во внутренние дела латышского народа, А. И. Лейт последовательно проводит мысль о том, что подавление революции в Латвии было, по существу, лишь отдельным звеном в общей цепи борьбы международной реакции против Советской России. В книге освещается «деятельность» всевозможных американских, английских, французских и германских миссий и комиссий, обосновавшихся на территории Латвии, приводятся примеры предательской политики латышской буржуазии, рассказывается, как империалисты опутали Латвию сетью кабальных договоров.

Мало нового в разработку темы внесла диссертация С. К. Граужиниса¹⁷, в которой слишком велик удельный вес уже известных материалов, а также неаргументированных утверждений.

Тема борьбы трудящихся Латвии за свою независимость нашла освещение и в сборнике статей «Агрессия американских и западно-европейских империалистов в Латвии»¹⁸. Статьи сборника в целом политически заострены, написаны в боевом, наступательном стиле, но, к сожалению, без глубокого самостоятельного изучения архивных материалов.

Свидетельством дальнейшего прогресса советской исторической науки в освещении рассматриваемой темы явились статьи Я. П. Крастыня¹⁹, в которых глубже, чем ранее, обосновывается вопрос об истоках происков империалистов в Прибалтике, убедительно показывается, что иностранная интервенция против Латвии была составной частью походов империалистов против Советской России, и фактически впервые в советской исторической литературе разрабатывается методология изучения этапов иностранной интервенции в Латвии.

¹⁷ С. К. Граужинис. Агрессия империалистов США и западно-европейских государств в Латвии (1918—1920 гг.). Автореф. канд. дисс. Рига, 1953.

¹⁸ Amerikāņu un Rietumeiropas imperiālistu agresija Latvijā. Rīgā, 1954. 151 lpp.

¹⁹ Я. П. Крастынь. Американо-английская интервенция в Латвии в 1918—1920 гг. — ИЗ, 45, 1954, стр. 235—256; J. Krastiņš. Amerikāņu-angļu intervencija Latvijā. (1918.—1920.) — Grām.: Cīņa par Padomju varu. Latvijā. Rīgā, 1955, 23.—55. lpp.

а) *Исследования обобщающего характера*

Труды обобщающего характера по истории Советской Латвии в 1919 г., в том числе и работа Я. П. Крастыня²⁰, вышли в свет только в 1957 г. Характерно, что в этой книге Я. П. Крастынь излагает материал в нескольких аспектах — рассматривает экономическое и политическое положение, создавшееся в Латвии во второй половине 1918 г., ход вооруженных восстаний и установление Советской власти на большей части территории Латвии, описывает многогранную деятельность Советской власти по социалистическому преобразованию экономики и культуры, прослеживает важнейшие этапы борьбы латышских трудящихся против внутренней и внешней контрреволюции. В работе подчеркивается историческое значение установления Советской власти в Латвии, показывается закономерный характер пролетарской революции в Латвии в 1919 г., подчеркивается, что она была неотъемлемой частью Великой Октябрьской социалистической революции. При этом, рассматривая аграрную политику Советского правительства Латвии в 1919 г., Я. П. Крастынь останавливается на разборе тех ошибок, которые были допущены в аграрном вопросе (запрещение рабочим совхозов иметь свою корову и небольшой приусадебный участок, отказ от наделения сельских трудящихся частью помещичьей земли, объявление всех крестьянских хозяйств арендными хозяйствами, принадлежащими советскому государству, и т. д.).

Необходимо отметить, что исторические события 1919 г. в целом нашли обстоятельное освещение и на страницах третьего тома «Истории Латвийской ССР»²¹. Здесь систематизирован большой фактический материал, дающий достаточно широкое представление по важнейшим вопросам данной тематики начиная с описания хода военных операций и вооруженных восстаний в конце 1918 — начале 1919 г., созыва Первого съезда Советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов объединенной Латвии и кончая вмешательством империалистических держав во внутренние дела латышского народа. Большое место занимает описание деятельности трудящихся Латвии под руководством Коммунистической партии по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства и преобразованию его на новых социалистических основах. Приведенный конкрет-

²⁰ Я. П. Крастынь. Советская Латвия в 1919 году. Рига, 1957. 134 стр.

²¹ История Латвийской ССР, 3. Рига, 1958, стр. 133—160; Latvijas PSR vēsture, 3. Rīga, 1959, 108.—180. lpp.

ный материал убедительно свидетельствует о том, в каких чрезвычайно тяжелых условиях послевоенной разрухи и напряженной международной обстановки проходило хозяйственное строительство в Советской Латвии. Здесь отмечается также, что Коммунистическая партия Латвии в своей аграрной политике не учла в полной мере ленинских указаний по крестьянскому вопросу и допустила ряд ошибок.

В этом обобщающем труде подробно рассматриваются мероприятия Советской власти в области культуры, народного образования, здравоохранения и социального обеспечения. На конкретном документальном материале здесь убедительно показано, что Советская власть в Латвии опиралась на рабочих и безземельных крестьян, на подавляющее большинство трудового народа. При этом революционная борьба латышских трудящихся органически связывается с революционным движением во всем мире и прежде всего с героической борьбой рабочего класса и беднейшего крестьянства России. Отметив, что пролетариату Латвии в установлении Советской власти и проведении социалистических преобразований оказывал помощь победивший в революции русский пролетариат, автор соответствующей главы этого труда Т. Я. Драудин указывает, что трудящиеся Латвии, установив Советскую власть, сковали довольно значительные силы интервентов и этим ослабили их натиск на Советскую Россию. Тем самым латышский трудовой народ, в свою очередь, оказал посильную помощь Советской России, находившейся в то время в окружении врагов.

Руководящая роль Коммунистической партии Латвии в мобилизации трудящихся масс на борьбу за Советскую власть и проведении коренных преобразований в политической, экономической и культурной сферах жизни Латвии нашла подробное освещение в первой части «Очерков истории Коммунистической партии Латвии»²². Заслуживают внимания приведенные здесь данные о численном составе партии, сведения о деятельности ЦК и крупнейших партийных организаций. Остановившись на рассмотрении партийно-организационной работы, автор соответствующей главы «Очерков» Р. Трейс вводит в научный оборот ряд новых фактов, характеризующих перестройку структуры партийных организаций в соответствии с административно-территориальным делением республики, а также организацию политического воспитания. Не менее содержательны

²² Очерки истории Коммунистической партии Латвии, 1. Рига, 1962, стр. 472—529; *Latvijas Komunistiskās partijas vēstures apcerējumi*, I., Rīgā, 1961, 409.—458. lpp.; см. также: Р. Э. Трейс. Коммунистическая партия Латвии — организатор и руководитель Советской власти в 1919 году. Автореф. канд. дисс. Рига, 1966.

страницы, рассказывающие о работе и решениях VI съезда Коммунистической партии Латвии. Автор показывает роль партийных организаций в осуществлении важнейших мероприятий Советской власти, политику Советского правительства в Латвии в 1919 г. он определяет как политику военного коммунизма, целью которой было путем полной централизации производства и распределения мобилизовать и рационально использовать материальные ресурсы республики в интересах обороны и строительства социализма. Подчеркнув большое значение мероприятий, проведенных Советской властью в деревне, автор главы отмечает и допущенные ошибки. При этом главную причину этих ошибок он правильно усматривает в переоценке уровня развития капитализма в латвийской деревне. В «Очерках» дается объяснение причин поражения революционных сил в Латвии в 1919 г.

*б) Разработка общей концепции событий
1918—1920 гг. в Латвии*

Серьезной итоговой работой по данной проблематике явилась коллективная монография «Борьба за Советскую власть в Латвии. 1917—1920»²³, вторая часть которой, принадлежащая перу академика Я. П. Крастыня, всецело посвящена истории Советской Латвии 1919 г. и борьбе латышских трудящихся с иностранной интервенцией. Опираясь на изданные в последнее время крупные публикации источников и свои ранее вышедшие работы, а также на важнейшие труды других советских авторов, Я. П. Крастынь впервые в советской историографии воссоздал широкую картину развития событий на территории Латвии в 1918—1920 гг. Обстоятельнее, чем прежде, описано положение на оккупированной немецкими войсками территории Латвии в 1918 г., подробнее рассмотрены военные операции, ход вооруженного восстания в Риге, деятельность органов советской власти и правительственных учреждений в Латгале во второй половине 1918 г., борьба красных партизан в тылу германских войск и белолатышей. Серьезную ценность представляют и впервые введенные в научный оборот данные о конкретной деятельности созданных в 1919 г. совхозов. В книге дается краткая, но достаточно точная оценка расстановки классовых сил в Латвии, показывается внутренняя слабость местной контрреволюции, освещается предательская политическая

²³ A. Drīzulis, J. Krastiņš. Cīņa par Padomju varu Latvijā. 1917.—1920. Rīgā, 1967. 388 lpp.; см. также: Борьба за Советскую власть в Прибалтике. М., 1967. 627 стр.

линия латышской буржуазии и обострение противоречий внутри контрреволюционного лагеря. Весьма завидную черту работы представляет простота изложения сложных вопросов исторического прошлого. Серьезным достоинством книги является и то, что в ней рассказывается о многих активных участниках революционной борьбы, а события в Латвии освещаются в органической связи с событиями во всей России. С интересом читаются страницы, посвященные героическим подвигам красных латышских стрелков. К недостаткам работы можно отнести отсутствие историографического обзора и слабое привлечение зарубежной исторической литературы (особенно новейшей).

Многогранной деятельности Коммунистической партии Латвии в 1919 г. посвящена книга Р. Трейса²⁴. Полнее, чем в работах других авторов, здесь рассматривается деятельность СДЛ осенью 1918 г., борьба партии за восстановление Советов. Основываясь на новых архивных материалах, автор исследует роль Русского бюро ЦК СДЛ в борьбе за победу социалистической революции в Латвии. Он приводит ряд интересных деталей, относящихся к образованию временного Советского правительства Латвии и составлению его манифеста, датированного 17 декабря 1918 г. В книге подробно анализируется организаторская и политическая работа КПЛ в первой половине 1919 г., а также экономическая и военная политика партии. Определенный шаг вперед сделан в исследовании аграрного вопроса: Р. Трейс впервые столь обстоятельно рассматривает вопрос о коммунах в Латвии, о деятельности советских хозяйств, анализирует отношение сельских трудящихся к крупным социалистическим хозяйствам, их позицию по вопросам запрета работникам совхозов держать скот и иметь приусадебный участок. В этой связи весьма уместно его замечание о том, что аналогичные запреты в это время имели место и в совхозах РСФСР. Естественно, что Р. Трейс не претендует на исчерпывающее разрешение всех вопросов, связанных с аграрной проблематикой, тем не менее надо признать, что без приведенных им материалов в дальнейшем не сможет обойтись ни один исследователь событий 1919 г. Заключительная часть монографии посвящена деятельности КПЛ в Латгале во второй половине 1919 г. Широко используя новые архивные материалы, Р. Трейс оценивает качественный и количественный состав партийных организаций, анализирует проведение первого коммунистического субботника, а также приводит новые факты о позиции КПЛ по вопросу заключения мирного договора между Советской Россией и буржуазной Латвией.

²⁴ R. Treijs. Latvijas Komunistiskā partija 1919. gadā. Rīgā, 1968. 223 lpp.

После XX съезда КПСС в разработку проблематики 1919 г. с каждым годом включается все новый круг исследователей, ведется важная, хотя внешне и не всегда заметная работа по изучению архивных фондов, в научный оборот вводятся все новые и новые документальные материалы. Расширение источниковедческой базы повлекло за собой повышение исследовательского уровня работ, усилило их аргументированность и научную зрелость. На основе большого документального материала исследователи показали конкретную деятельность Коммунистической партии Латвии и ее руководителей и решительно отвергли как необоснованные обвинения КПЛ в «каутскианстве» и «троцкизме», выдвинутые авторами некоторых работ, появившихся в первой половине 30-х годов. В результате творческих усилий ряда историков, и прежде всего академика Я. П. Крастыня, латышским советским исследователям во второй половине 50-х годов удалось дать целостную концепцию истории Советской Латвии 1919 г., хотя, естественно, отдельные аспекты этой широкой проблемы еще требуют дальнейшего изучения.

в) Освещение важнейших вопросов периода

Как известно, в феврале 1918 г. германские войска, возобновив наступление на Советскую Россию, заняли также ранее неоккупированные районы Латвии: Цесисский, Валмиерский и Валкский уезды, а также Латгале. Таким образом в 1918 г. вся территория Латвии оказалась в руках германских империалистов. Группа советских историков (Т. Я. Драудин, Я. П. Крастынь, Д. П. Шмидре, Г. А. Стороженко и др.) свои работы²⁵ посвятила борьбе трудящихся против германских оккупантов. Эти авторы прежде всего остановились на характеристике германского оккупационного режима, анализе

²⁵ Т. Draudiņš. 1918. gads Latvijā. — PadLSk, 1948, 19.—35. lpp.; Я. Крастынь. Борьба латышского народа в 1918 году за восстановление Советской власти в Латвии. — ИАН ЛССР, 1957, 10, стр. 75—84; Я. П. Крастынь. Борьба за Советскую власть в Латвии в годы военной интервенции и гражданской войны. (1918—1919 гг.) — ВИ, 1959, 1, стр. 59—80; А. Я. Салминь. Крушение колонизаторских планов германского империализма в Латвии в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Автореф. канд. дисс. Рига, 1952; Д. П. Шмидре. Борьба большевиков Латвии против немецких оккупантов и американо-английских империалистов в 1918 году. Автореф. канд. дисс. Рига, 1953; Г. Стороженко. СДЛ во главе социалистической революции в Латвии (ноябрь 1918 — январь 1919 г.). — УчЗ ЛатГУ, 62, 1964, стр. 89—110; Г. А. Стороженко. Коммунистическая партия Латвии в борьбе против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции (ноябрь 1918 — январь 1920 г.). Автореф. канд. дисс. Рига, 1965.

политики реакционной латышской буржуазии, вступившей в предательское сотрудничество с захватчиками, и исследовании нарастания революционного кризиса. Им удалось собрать и систематизировать значительный конкретный материал, свидетельствующий о героической борьбе латышских трудящихся под руководством Коммунистической партии против оккупантов, существенно детализировать картину многогранной деятельности местных партийных организаций по подготовке к вооруженным восстаниям.

Предметом специального исследования М. Вестермана²⁶ был анализ революционных протестов матросов германских военных кораблей, базировавшихся в 1918 г. в лиепайском, вентспилсском и таллинском портах, а также солдат VIII немецкой армии, дислоцированной на территории Латвии и Эстонии. В своих работах автор показывает, как под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, а затем и ноябрьской революции в Германии в немецких войсках стремительно нарастали антивоенные настроения и усиливался революционный протест. Он прослеживает массово-агитационную работу подпольных латышских большевистских организаций среди немецких солдат. Вместе с тем автор отмечает, что немецким правым социал-демократам, взявшим на себя незавидную роль спасителя германской буржуазии, удалось повлиять на значительную часть немецких солдат и серьезно ослабить революционный порыв широких солдатских масс. Заслуживают внимания приведенные М. Вестерманом факты о том, что небольшая часть немецких революционных солдат осталась в Прибалтике и весной 1919 г., создав немецкое подразделение — «легион Либкнехта», сражалась в составе армии Советской Латвии на Курземском фронте против войск генерала Гольца и белолатышей. Однако в брошюре и статьях М. Вестермана подчас ощущается ограниченность использованных источников, приведенные автором факты нередко носят фрагментарный характер.

Исследованием освобождения территории Латвии от немецких оккупационных войск и белолатышей в конце 1918 —

²⁶ M. Vestermanis, *Ar Lībknehta Vāciju, Latvijas un Vācijas proletariāta kopīgās revolucionārās cīņas 1917.—1919. g.* Rīgā, 1960. 117 lpp.; см. также: M. Vestermanis, *Mit dem anderen Deutschland. Zur Geschichte der Beziehungen zwischen der lettischen und der deutschen Arbeiterbewegung. — Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*, 1965, 6, S. 990—1001; М. А. Вестерман, *Революционизирование германской VIII армии под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции.* (1917—1918 гг.) — ТДОкт, стр. 41—44; M. Vestermanis, *Der Rote Oktober und die Revolutionierung der 8. Deutschen Armee im Baltikum 1917—1918.* — *Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung*, 1969, 1, S. 87—101.

начале 1919 г. занимались А. Зиле и В. Берзиньш²⁷, подготовившие несколько обстоятельных статей. Представление о решениях Первого съезда Советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов объединенной Латвии и главных выступлениях его делегатов дает брошюра С. Зиемелиса²⁸. Подчеркивая историческую значимость этого съезда, автор показывает, как этот съезд, облеченный полномочиями всего латышского трудового народа, его именем провозгласил Советскую власть на всей территории Латвии и, заложив основы советской государственности, принял программу социалистического строительства. Детальному рассмотрению первой Конституции Советской Латвии, утвержденной Первым съездом Советов объединенной Латвии 15 января 1919 г., и показу ее исторического значения посвящены исследования В. О. Миллера и Э. Я. Стумбиной²⁹. Работа VI съезда Коммунистической партии Латвии, состоявшегося в марте 1919 г. в Риге, подробно освещена в брошюре Р. Трейса³⁰. Автор приводит сведения об участниках съезда, наметившего практические задачи партии по вопросам обороны и организационно-политической работы и принявшего ряд важнейших решений, свидетельствовавших о неразрывном организационном и идейном единстве КПЛ с РКП(б).

Серьезнейшее внимание советские исследователи уделили освещению большой созидательной работы, которая велась в Советской Латвии 1919 г. в труднейших условиях хозяйственной разрухи и гражданской войны. Этой теме посвящена статья А. Зиле³¹, в которой прослеживается создание нового аппарата управления хозяйством республики и деятельность Совета народного хозяйства и комиссариата промышленности. В брошюре П. Аллена «Основы экономической политики Советской

²⁷ A. Zīle. *Ausa jauna diena. Padomju varas atjaunošana Latvijā. 1918.—1919.* Rīgā, 1958. 83 lpp.; V. Bērziņš. *Latviešu strēlnieku cīņa par Latvijas atbrīvošanu no vācu okupācijas jūga 1918. g. beigās un 1919. g. sākumā.* — ZAVēst, 1964, 11, 3.—13. lpp.; V. Bērziņš. *Latviešu strēlnieki cīņā par Kurzemes atbrīvošanu no vācu okupantiem 1919. g. janvārī.* — ZAVēst, 1965, 1, 23.—31. lpp.

²⁸ S. Ziemelis. *Apvienotās Latvijas Padomju pirmais kongress 1919. g. 13.—15. janvārī.* Rīgā, 1959. 52 lpp.

²⁹ V. Millers, E. Stumbiņa. *Latvijas pirmā padomju Konstitūcija.* Rīgā, 1959. 111 lpp.; В. О. Миллер. *Первая Советская Конституция Латвии.* — УчЗ ЛатГУ, 12, 1957, стр. 23—42.

³⁰ R. Treijs. *Latvijas Komunistiskās partijas VI kongress.* Rīgā, 1959. 50 lpp.

³¹ А. Зиле. *Восстановление и строительство промышленности и транспорта в Советской Латвии в 1919 г.* — УчЗ ЛатГУ, 16, 1957, стр. 65—102.

власти в Латвии в 1919 году»³² затрагивается целый круг вопросов начиная с мероприятий по восстановлению промышленности и преобразованию сельского хозяйства и кончая продовольственной и финансовой политикой Советского правительства.

г) Аграрная политика Советского правительства Латвии и КПЛ в 1919 г.

У советских историков, несмотря на спорадически возникавшие разногласия³³, в общем утвердилась следующая точка зрения: Советское правительство Латвии в 1919 г. допустило ряд ошибок в аграрном вопросе, причем их причина кроется главным образом в переоценке капиталистического развития сельского хозяйства Латвии. Однако эти ошибки, несмотря на всю их серьезность, не оказали решающего влияния на судьбы Советской власти. Основной причиной поражения Советской Латвии в 1919 г. было то, что против нее выступили значительно превосходящие объединенные силы международного империализма и внутренней контрреволюции. В утверждении этой точки зрения наибольшее значение сыграли труды Я. П. Крастыня. Важной вехой в исследовании рассматриваемого вопроса явилась его статья³⁴, в которой он, отмечая большую созидательную работу, проделанную Советами в экономической, политической и культурной сферах жизни народа, объясняет возникновение этих ошибок отсутствием опыта и новизной проводившейся реконструкции сельского хозяйства, а также переоценкой степени капиталистического развития Латвии, которая обусловила не совсем правильное определение классов и соотношения классовых сил. Коммунистическая партия Латвии считала, что капиталистическое развитие края и дифференциация крестьянства в нем зашли уже так далеко, что промежуточные прослойки между пролетариатом и буржуазией почти исчезли. К тому же план социализации сельского хозяйства строился из расчета на быструю победу международной революции. Автор дает четкое объяснение причин

³² P. Allens. Padomju varas ekonomiskās politikas pamati Latvijā 1919. gadā. Rīgā, 1960. 56 lpp.

³³ См., например: Я. П. Крастынь. К вопросу об аграрной политике Коммунистической партии Латвии. — ВИ КПСС, 1959, 4, стр. 73—87; Я. П. Крастынь. О земельных преобразованиях в Советской Латвии в 1919 году. — ИАН ЛССР, 1967, 12, стр. 3—14.

³⁴ Я. П. Крастынь. К вопросу об аграрной политике Коммунистической партии Латвии. — ВИ КПСС, 1959, 4, стр. 73—87.

поражения Советской власти в Латвии в 1919 г. Он подчеркивает, что «главной причиной падения Советской власти были не ошибки в аграрном вопросе, а иностранная интервенция. Советскую власть в Латвии подавили превосходящие силы иностранных интервентов»³⁵.

Эта же точка зрения приводится во всех крупнейших исследованиях, в том числе и в обобщающих трудах по истории республики и Коммунистической партии Латвии.

Гораздо реже в исторической литературе послевоенного периода встречается другой взгляд, согласно которому в 1919 г. в аграрном вопросе вообще не было допущено никаких ошибок. Так, Я. Кайминь³⁶, основываясь на не замеченных другими исследователями архивных материалах, последовательно отстаивает тезис о том, что аграрная политика Советского правительства Латвии и КПЛ в 1919 г. полностью соответствовала ленинским принципам и что при ее проведении в Советской Латвии учитывались все важнейшие решения РКП(б), в том числе постановления ее VIII съезда. В некоторых перегибах, факт которых Я. Кайминь не отрицает, повинны исключительно местные советские и партийные работники. Ликвидация старой аграрной системы, конфискация и национализация баронских имений, создание советских хозяйств и объявление остальных земель арендными отвечало как интересам сельскохозяйственных рабочих, так и интересам беднейшей и середняцкой прослойки крестьянства. Ссылаясь на свои расчеты, относящиеся к Валмиерскому уезду, Я. Кайминь выдвигает тезис о том, что те конфискованные у баронов земли, которые не использовались вновь созданными совхозами, местные органы Советской власти сдавали в аренду крестьянам, в связи с чем в 1919 г. значительно возросло число крестьянских хозяйств. К сожалению, Я. Кайминь не раскрывает методику своих подсчетов, а ссылки в его статьях не дают возможности в достаточной степени оценить ту источниковедческую базу, на которой основываются его выводы. Поэтому приведенные им цифры требуют весьма осторожного подхода и в отдельных случаях — даже уточнения, а вся его концепция нуждается в более убедительной аргументации. К тому же нельзя не отметить, что Я. Кайминь весьма субъективно интерпретирует мысли других авторов (например, П. Стучки) об

³⁵ ВИ КПСС, 1959, 4, стр. 87.

³⁶ См., например, Я. Кайминь. Борьба партии за победу социалистической революции в Латвии в 1917—1919 гг. (Обзор источников.) — ВИ КПСС, 1966, 10, стр. 126—133; J. Kaimiņš. Strādnieku šķiras savienība ar zemniecību sociālistiskajā revolūcijā Latvijā 1917.—1919. gadā. — Grām.: Par Oktobra uzvaru. Rīgā, 1967, 74.—114. lpp.

аграрной политике КПЛ в 1919 г. или же вообще их замалчивает. Тем не менее его статьи еще раз свидетельствуют о необходимости проделать большую изыскательскую работу, в основу которой должен быть положен глубокий анализ документальных источников, а не абстрактные рассуждения.

д) Вопросы культурного строительства

Вопросами радикальной перестройки системы народного образования и культурного строительства в Советской Латвии 1919 г. занимался целый ряд исследователей (Э. Андерсоне, Р. Микельсон, Э. Плауде, Р. Трейс, С. Зиемелис и др.)³⁷. Подробное освещение тема социалистического преобразования школы в 1919 г. получила в работах В. А. Усиньша³⁸ и брошюре Р. Трейса «Первые всходы»³⁹. Через работы советских авторов красной нитью проходит идея о том, что победа Советской власти ознаменовала коренной поворот не только в экономике и политике, но и в культуре и просвещении, что новая, социалистическая по своему содержанию культура развивалась в тесной связи с общими задачами социалистического строительства, на базе критического освоения всех достижений демократической культуры прошлого. На основе систематизации нового фактического материала советские исследователи воссоздали картину перестройки высшей школы. Так, в статье В. О. Миллера⁴⁰ анализируется декрет правительства

³⁷ E. Plaude. Tautas izglītība Latvijā 1917.—1919. gadā. — PadLSk, 1959, 5, 78.—85. lpp.; E. Plaude. Cīņa par padomju skolu Latvijā 1919. gadā. — PadLSk, 1959, 5, 65.—70. lpp.; S. Ziemeļis. Padomju Latvijas Izglītības komisariāts un tā vadītāji 1919. gadā. — PadLSk, 1959, 1, 19.—25. lpp.; R. Mikelsons. Padomju Latvijas skolu 20 gadi. Rīgā, 1960. 149 lpp.; E. Andersons. Padomju Latvijas skolas attīstība. — SocUzv, 1960, 131.—161. lpp.

³⁸ В. А. Усиньш. Борьба за демократизацию и социалистическое преобразование школы Латвии в 1917—1919 гг. Автореф. канд. дисс. Рига, 1962; V. Ušiņš. Darba apmācības sākumi Padomju Latvijas skolā 1919. gadā. — PadLSk, 1960, 6, 62.—66. lpp.; V. Ušiņš. Cīņa par pedagogisko kadru nostiprināšanu Padomju Latvijā 1919. gadā. — PadLSk, 1960, 8, 64.—67. lpp.; V. Ušiņš. Mācību un audzināšanas darba satura pārkārtošana Padomju Latvijas skolās 1919. gadā. — PadLSk, 1960, 9, 74.—77. lpp.; V. Ušiņš. Mācību un audzināšanas metodu aktivizēšana Padomju Latvijas skolās 1919. gadā. — PadLSk, 1961, 2, 59.—64. lpp.; V. Ušiņš. Pirmsskolas vecuma bērnu audzināšanas sākumi Padomju Latvijā 1919. gadā. — PadLSk, 1961, 7, 76.—79. lpp.; V. Ušiņš. Cīņa par Latvijas skolas demokratizāciju 1917.—1918. gadā. — PadLSk, 1961, 12, 55.—59. lpp.; V. Ušiņš. Padomju skolas sākumi Latvijā. Rīgā, 1965. 76 lpp.

³⁹ R. Treijs. Pirmie asni. (Sociālistiskās kultūras celtniecība Padomju Latvijā 1919. g.). Rīgā, 1959. 78 lpp.

⁴⁰ В. О. Миллер. Создание и деятельность высшей школы Латвии. — ИАН ЛССР, 1958, 12, стр. 39—46.

Советской Латвии и положение Комиссариата просвещения о высшей школе в Латвии, рассказывается о работе по приему нового контингента студентов, комплектованию штатов преподавателей, разработке учебных программ и подготовке к занятиям, о налаживании научной работы среди преподавателей и студентов, о создании органов студенческого самоуправления и т. д. Автор подчеркивает, что созданная Советской властью высшая школа была первым в Латвии высшим учебным заведением нового типа — советским пролетарским вузом, задачей которого было подготовить из среды трудящейся молодежи квалифицированные кадры специалистов — строителей социализма в республике.

в) Становление советской государственности в Латвии

Определенный вклад в изучение важной в научном и политическом отношении проблемы внесли советские юристы⁴¹, в работах которых становление советской государственности в Латвии рассматривается не только в историко-правовом, юридическом аспекте, но и в тесной связи с развитием конкретных исторических событий. Подробнее, чем другие юристы, основные этапы процесса становления советской государственности в Латвии прослеживает В. О. Миллер. Он анализирует систему организации государственной власти и управления, детально рассматривает законодательную деятельность Советов в Латвии в 1919 г. Несомненной его заслугой является и то, что он акцентирует внимание на изучении текста Конституции Социалистической Советской Республики Латвии — одной из первых советских конституций. Как известно, в обстановке культа

⁴¹ А. А. Тилле. Советская власть в Латвии в 1917—1919 гг. Автореф. канд. дисс. М., 1951; В. Калнынь. История государства и права Советской Латвии. Автореф. канд. дисс. Рига, 1954; L. Bīrziņa. Latvijas PSR vietējo padomju attīstība. Rīgā, 1960. 219 lpp.; Л. К. Бирзинь. Развитие местных Советов Латвийской ССР. Автореф. канд. дисс. М., 1961; G. Kļava. Padomju varas revolucionārā likumdošana Latvijā 1919. gadā. — LVU ZR, 34, 1960, 63.—93. lpp.; В. О. Миллер. Создание Конституции Латвийской ССР. Автореф. канд. дисс. Рига, 1954; В. О. Миллер. Первая Советская Конституция Латвии. — УчЗ ЛатГУ, 12, 1957, стр. 23—42; В. Миллер. Строительство местных Советов в Латвии в 1918—1919 гг. — УчЗ ЛатГУ, 34, 1960, стр. 111—143; В. О. Миллер. Развитие советской государственности в Латвии. М., 1961. 176 стр.; В. Миллер. Петр Иванович Стучка — председатель Советского правительства Латвии. — В кн.: П. Стучка — революционер, мыслитель и государственный деятель. (УчЗ ЛатГУ [73]). Рига, 1965, стр. 40—53; В. О. Миллер. П. Стучка о советской государственности в Латвии. — В кн.: О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке. Рига, 1965, стр. 59—72; В. О. Миллер. Создание советской государственности в Латвии. Рига, 1967. 528 стр.

личности текст конституции Советской Латвии 1919 г. практически был предан забвению, а роль П. Стучки в издании первых советских законодательных актов вообще и данного документа в частности замалчивалась или извращалась. Поэтому трудно переоценить значение повторной публикации текста этой Конституции, предпринятой после XX съезда КПСС ⁴².

Весьма интересно наблюдение В. Миллера о развитии идеи автономии в работах латышских большевиков, а также анализ взглядов П. Стучки на вопрос автономии и федерации Латвии. Одним из первых В. Миллер прослеживает эволюцию соответствующих взглядов СДЛ — от идеи автономии до мысли о независимости Советской Латвии. В связи с конкретно-исторической обстановкой, сложившейся в конце 1918 г., латышские большевики на основе марксистско-ленинского учения разработали свою тактическую линию и указали трудящимся Латвии новый, диаметрально противоположный буржуазному путь решения национального вопроса — советский путь к независимости. Вместе с тем В. Миллер обоснованно указывает, что лозунг независимой Латвии ни в коем случае не означал ее отрыва от остальных советских республик, и подчеркивает, что руководители Советской Латвии делали все возможное, чтобы установить с ними самые тесные взаимоотношения. В. Миллер подробно анализирует положительные и отрицательные моменты государственного строительства Советской Латвии в 1919 г., а рассматривая экономические мероприятия Советской власти, высказывает заслуживающую внимания мысль о том, что аграрная политика КПП не противоречила политике РКП(б), как иногда пытаются утверждать, что КПП в своей аграрной политике руководствовалась теми же идеями, на которых базировалось соответствующее законодательство РСФСР в 1919 г. Автор считает, что коммунисты Латвии излишне абсолютизировали эти идеи и не всегда в достаточной степени правильно применяли их в существенно изменившейся в условиях войны обстановке Латвии.

Вопросам истории создания советской судебной системы в Латвии 1919 г. занималась Э. Я. Стумбина ⁴³, в работах которой прослеживаются основные принципы организации и деятельности нового революционного суда, анализируются

⁴² Padomju varas konstitucionālie akti Latvijā. 1917.—1957) Rīgā, 1957, 131.—138. lpp.; Советская Латвия в 1919 году. Документы и материалы, 1. Рига, 1959, стр. 253—256.

⁴³ Э. Я. Стумбина. Некоторые вопросы организации и деятельности советского суда в Латвии в 1917—1919 годах. — УчЗ ЛатГУ, 12, 1957, стр. 43—65; Э. Стумбина. Padomju tiesas pirmie soļi Latvijā. (1917.—1919.) Rīgā, 1957. 59 lpp.

постановления и инструкции, уточняющие положения декрета о суде применительно к местным условиям, приводятся примеры, показывающие, что советский суд с первых же дней своего существования являлся одним из самых острых, действенных орудий пролетарской диктатуры в подавлении сопротивления свергнутых эксплуататорских классов. К сожалению, отдельные положения, выдвигаемые Э. Я. Стумбиной, носят декларативный характер и не подтверждаются фактическими материалами. Нередко большее внимание в работах уделяется юридическим аспектам темы, меньшее — ее конкретно-историческому освещению.

Ряд фактов из деятельности аппарата Комиссариата государственного контроля и ревизии и его уездных и волостных комиссий в Советской Латвии 1919 г. привел А. Андриксон⁴⁴, вопросы трудового законодательства рассмотрел О. Зонне⁴⁵.

ж) Изучение других важнейших вопросов проблемы

С каждым годом возрастает число работ, освещающих историю революционной борьбы трудовой молодежи Латвии. Участие молодежи в борьбе за Советскую власть в 1917—1919 гг. показано в брошюре А. Хениня⁴⁶. Возникновению и деятельности крупнейшей сельской организации трудовой молодежи Латвии — Видиенской комсомольской организации — посвящена брошюра Г. Раузана⁴⁷.

Историю борьбы трудящихся масс Латгале за Советскую власть в 1918—1919 гг. изучали А. Смирнов, Я. Бабрис и Р. Трейс⁴⁸. В статьях А. Смирнова и Я. Бабриса дается краткая характеристика германского оккупационного режима

⁴⁴ А. Андриксон. Из истории государственного контроля Советской Латвии в 1919 году. — ИАН ЛССР, 1965, 5, стр. 37—44.

⁴⁵ О. Зонне. Из истории трудового законодательства Советской власти Латвии в 1918—1919 гг. — В кн.: Вопросы гражданского и трудового законодательства Советской Латвии. (УчЗ ЛатГУ, 70.) Рига, 1965, стр. 111—155.

⁴⁶ А. Хениņš. Tā dzima Latvijas komjaunatne. Rīgā, 1958. 86 lpp.; А. Хенинь. Так рождался комсомол Латвии. Рига, 1959. 99 стр.

⁴⁷ G. Rauzāns. Saulei pretim rokas sniegsim. Lappuses no komjaunatnes Vidienas organizācijas vēstures. (1917.—1919.) Rīgā, 1963. 116 lpp.

⁴⁸ А. М. Смирнов. Борьба трудящихся Латгалии за власть Советов в 1917—1919 годах. Автореф. канд. дисс. Л., 1969; А. Смирнов. Трудящиеся Латгалии в борьбе за Советскую власть в 1918—1919 гг. — ИАН ЛССР, 1964, 5, стр. 3—17; А. Смирнов. Хозяйственное строительство в Латгалии в период Советской власти в 1919 году. — ИАН ЛССР, 1966, 2, стр. 19—31; J. Babris. Latgale 1918. un 1919. gadā. — Grām.: 1919. gads Latvijā. Rīgā, 1969, 131.—158. lpp.; Р. Трейс. Партийно-организационная и политическая работа Коммунистической партии Латвии в Латгалии во второй половине 1919 г. — Большевики Латвии в борьбе за победу Октября. (УчЗ ЛатГУ, 90). Рига, 1967, стр. 83—102.

в Латгале, на основе новых материалов прослеживается нарастание революционного кризиса. Авторы отмечают, что в целом ряде мест еще до прихода Красной Армии трудящиеся захватывали власть в свои руки и изгоняли белогвардейцев. Они подчеркивают, что в центре внимания органов Советской власти в Латгале была организация помощи фронту, формирование новых воинских частей и отрядов. Несомненный интерес представляют впервые введенные в научный оборот А. Смирновым конкретные данные об итогах проведения в жизнь на территории Латгале закона о единовременном чрезвычайном налоге, которым облагались имущие классы, а также страницы, посвященные описанию аграрных преобразований, и прежде всего национализации помещичьих имений и созданию совхозов. Автор впервые детально анализирует хозяйственную политику органов Советской власти, рассматривает первые мероприятия по преобразованию экономики Латгале, которая была самой отсталой частью Латвии, на новых социалистических началах.

Кропотливая работа в архиве и внимательное изучение печати того времени позволили Р. Трейсу привести в своей статье интересные данные о составе партийных организаций, отдельные факты из деятельности ЦК КП Латвии, а также ряд фактических деталей, связанных с историей проведения партийной недели. Весьма аргументирован и его центральный тезис о том, что вся организационная и политическая работа Коммунистической партии Латвии в Латгале во второй половине 1919 г. была направлена к одной цели — мобилизовать силы коммунистов и всех трудящихся Советской Латвии на защиту завоеваний пролетарской революции, на социалистическое строительство.

Особого внимания заслуживает разработка истории борьбы красных партизан в тылу белогвардейцев в Курземе в 1919—1920 гг., предпринятая В. Самсоном и Т. Вилциньшем⁴⁹. Используя новые архивные источники, они ввели в научный оборот содержательный фактический материал и впервые в советской исторической литературе дали подробное описание истории борьбы красных партизан в 1919—1920 гг. В их работах описываются боевые операции народных мстителей — рабочих и безземельных крестьян, поднявшихся на борьбу с контрреволюционными силами и иноземными захватчиками, рассказывается о руководителях партизанского движения в Курземе.

⁴⁹ V. Samsons. Sarkano partizāņu cīņa par padomju varu Kurzēmē 1919. gadā. — LOKTSR, 1957, 87.—108. lpp.; V. Samsons. Kurzemes partizāņi. 2. izd. Rīgā, 1959, 19.—102. lpp.; T. Vilciņš. Kretulieši. Partizāņu kustība Tukuma un Talsu novadā 1919. un 1920. gadā. Rīgā, 1961. 188 lpp.; Vilis Samsons. 1919. — sarkano partizāņu gads. Rīgā, 1970. 588 lpp.

Ряд важнейших вопросов рассматриваемой проблемы нашел свою дальнейшую конкретизацию и детализацию на страницах юбилейного сборника «1919 год в Латвии»⁵⁰. Среди них прежде всего необходимо отметить углубленную разработку истории коммунистической печати того времени, вопроса партийной и культурно-просветительной работы в латышских стрелковых полках, событий в восточной части Латвии — Латгале, революционной борьбы красных партизан Курземе и, наконец, серьезную историографическую характеристику литературы проблемы.

Значительным шагом вперед в разоблачении империалистической политики Германии, Англии, США и Франции в Прибалтике, а также преступной сделки латышской буржуазии с иностранными интервентами в 1918—1920 гг. является написанная на основе обширных источников работа В. Я. Сиполса⁵¹. Ее автор первым из советских историков широко использовал архивные материалы Министерства иностранных дел буржуазной Латвии и, тщательно изучив документы внешней политики США и Англии, впервые в историографии Латвии ввел в научный оборот значительное количество новых, ценных материалов, почерпнутых из таких крупных иностранных публикаций дипломатических документов, как «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States» и «Documents on British Foreign Policy 1919—1939». Кроме того, источниковедческую базу исследования В. Сиполса составляют архивные документы, выявленные автором в фондах ЦГИА Латвийской ССР и Архиве Института истории партии при ЦК КП Латвии, многочисленные советские публикации документов и материалов, работы советских авторов, книги (главным образом мемуарного характера) буржуазных деятелей и военачальников, периодическая печать на латышском, русском, английском и немецком языках.

В книге раскрывается не только общее направление антисоветской политики иностранных интервентов в 1918—1920 гг., но и те извилистые пути, по которым шла борьба между ними в Латвии. Описывая ход интервенции в Латвии, автор конкретными примерами иллюстрирует обострение противоречий между ее организаторами Германией, Англией, США и Францией, каждая из которых преследовала помимо общих и свои особые цели. Так, Англия, желая использовать немецкие войска для уничтожения советского строя, тем не менее была против уси-

⁵⁰ 1919. gads Latvijā. Rīgā, 1969. 239 lpp.

⁵¹ V. Sīpols. Arzēmju intervencija Latvijā un tās aizkulises. 1918.—1920. Rīgā, 1957. 276 lpp.; В. Я. Сиполс. За кулисами иностранной интервенции в Латвии. М., 1959. 224 стр.

ления влияния Германии в Латвии, так как считала ее сферой своего влияния. США менее подозрительно относились к экспансии Германии, полагая возможным использовать ее в своих интересах. В книге приведен богатый фактический материал, показывающий, как буржуазное правительство Латвии, маскируясь фразами о борьбе за независимость и самостоятельность, предавало национальные интересы латышского народа. В последней части книги, посвященной заключению советско-латвийского мирного договора, рассматривается как политика Советской России, неуклонно борющейся за мир с Латвией, так и политика империалистических держав, стремившихся во что бы то ни стало сорвать мирные переговоры. В заключение отметим, что монография В. Сиполса до сих пор остается важнейшей исследовательской работой по истории иностранной интервенции в Латвии в 1918—1920 гг.

Основное достоинство научно-популярной книги К. М. Граудиня и Г. А. Стороженко⁵² — в доходчивости изложения. Кроме того, ее авторы вводят в научный оборот отдельные новые материалы и документы, разоблачающие антисоветские происки империалистических кругов. В книге последовательно проводится мысль о том, что англо-американские империалисты были главными организаторами антисоветской интервенции в Латвии. К сожалению, книга подчас несколько хаотична, часть затронутых в ней многочисленных вопросов не имеет непосредственного отношения к теме, а часть из них излагается без должной основательности; недостаточно использованы также архивные фонды.

На показ несостоятельности основных положений так называемого доклада комиссии Керстена, в том числе его тезиса о якобы «агрессии Советской России по отношению к Латвии в декабре 1918 г.», направлена статья Я. Вилниса (т. е. В. Сиполса)⁵³. Автор тщательно анализирует содержание данного документа, раскрывает его тенденциозность, классовую направленность и показывает, как в угоду правящим кругам США явно искажается освещение конкретного хода исторических событий в Латвии в 1918—1920 гг. Насколько односторонне в этом документе трактуется история рассматриваемого периода, говорит хотя бы тот факт, что в нем умалчивается об установлении Советской власти в конце 1917 г. в неоккупированной немецкими войсками части Латвии и создании

⁵² К. Граудин, Г. Стороженко. В огне интервенции. Рига, 1958. 162 стр.

⁵³ Я. Вилнис. О попытках вмешательства во внутренние дела народов Прибалтики. — Международная жизнь, 1956, 9, стр. 27—37.

Советского правительства во главе с Фр. Розинем, не упоминается о стремлении латышской буржуазии прийти к власти прежде всего с помощью иностранных штыков, ничего не говорится о подлинных целях активного вмешательства империалистов Запада во внутренние дела латышского народа. Зато в докладе комиссии Керстена много места отводится деятельности различных буржуазных организаций, в частности латышского временного национального совета и народного совета, и акцентируется внимание на так называемом провозглашении «независимости» Латвии и образовании временного буржуазного правительства во главе с К. Ульманисом.

В этой связи нельзя не отметить и научно-популярную брошюру В. Мишке⁵⁴, в которой рассказывается о важнейших событиях в Латвии в 1917—1919 гг., причем автор концентрирует внимание на анализе политики местной латышской буржуазии. В качестве иллюстративного материала автор широко использует выдержки из сочинений буржуазных лидеров, цитаты из их выступлений и мемуаров. В брошюре использованы также подпольные революционные издания того времени и — в меньшей степени — архивные документы. Однако значимость этой работы несколько снижают конспективность изложения и большой удельный вес уже известных читателю материалов. Заслуживает внимания наблюдение В. Мишке о том, что та часть латышской буржуазии, которая была на оккупированной немецкими войсками территории Латвии, почти вплоть до конца 1918 г. и не заикалась о создании «независимой» Латвии, а наоборот, всеми силами старалась высказать свое одобрение идее включения Латвии в состав Германской империи.

Определенный вклад в разработку рассматриваемой темы внесли также авторы ряда научных статей⁵⁵.

История борьбы трудящихся Латвии против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции в 1919—1920 гг. привлекла внимание многих исследователей, в результате работы которых эта тема стала одной из наиболее изученных.

⁵⁴ В. Мишке. Этого нельзя забывать. Как латышская националистическая буржуазия предавала родину и народ в 1917—1919 годах. Рига, 1968. 135 стр.; V. Miške. Tas jāzina! Kā latviešu nacionālistiskā buržuāzija nodeva dzimteni un tautu. 1917.—1919. Rīgā, 1968. 116 lpp.

⁵⁵ T. Draudiņš. ASV imperialistiskā politika Baltijā 1919. un 1920. gadā. — ZAVest, 1950, 11, 137.—141. lpp.; Е. Бродский. Из истории сговора американских агрессоров с германскими милитаристами. — КСЛ, 1955, 1, стр. 41—49; А. С. Гронский, О. В. Рисс. Порты Прибалтики — объект экспансии империалистов в 1918—1920 гг. — ВИ, 1955, 7, стр. 92—98; В. Я. Сиполс. К вопросу об иностранной интервенции в Латвии в 1918—1919 гг. — ИСССР, 1958, 6, стр. 30—53.

и) Публикации источников

Существенную научную ценность как по содержанию и новизне введенных в научный оборот документов, так и по качеству их археографического оформления представляют публикации, которые вышли в свет в конце 50-х — начале 60-х годов⁵⁶. Документы, собранные в этих публикациях, систематизированы по тематически-хронологическому принципу и распределены по разделам, соответствующим основным этапам истории Латвии 1917—1919 гг. Они воссоздают картину героической борьбы латышского народа за Советскую власть, против внутренней контрреволюции и сил международного империализма, свидетельствуют о руководящей роли Коммунистической партии в революционной борьбе, раскрывают многогранную деятельность большевиков, говорят об их авторитете в массах трудящихся. Документы этих сборников показывают, как в тяжелых условиях немецкой оккупации Коммунистическая партия Латвии руководила подготовкой к вооруженному выступлению трудящихся масс, содержат важные сведения о деятельности созданного в декабре 1918 г. Советского правительства Латвии, освещают работу Первого съезда Советов объединенной Латвии, дают возможность проследить процесс формирования армии Советской Латвии, ее структуру и организационные принципы, отражают ход социалистического строительства и руководящую роль Коммунистической партии Латвии в процессе социалистических преобразований социально-общественного устройства, экономики и культуры молодой Советской республики.

Материалы публикаций убедительно отражают борьбу красных латышских стрелков против превосходящих сил иностранной интервенции и внутренней контрреволюции, говорят об их нерушимой верности Советской власти, о той высокой оценке, которую дали В. И. Ленин, партия большевиков и Советское правительство революционной роли латышских стрелковых полков. И, наконец, документы разоблачают предательскую сущность латышских буржуазных националистов, вмешательство западноевропейских империалистов во внутренние дела Латвии и показывают их неистребимую ненависть к Советской власти и латышскому трудовому народу. ✓

Документальные материалы специального сборника «Как

⁵⁶ Социалистическая Советская Республика Латвии в 1919 г. и иностранная интервенция. Документы и материалы. 1, 2. Рига, 1959, 1960. 583 и 544 стр.; *Latvijas Komunistiskā partija 1918. un 1919. gadā. Dokumenti un materiāli*. Rīgā, 1958. 634 lpp.

это было»⁵⁷ объективно и убедительно показывают, как создавалось буржуазное правительство Латвии, при каких условиях и как 18 ноября 1918 г. была «провозглашена» независимая буржуазная Латвия, каково было подлинное отношение к ней широких слоев латвийских трудящихся. Часть документов этого сборника была уже ранее опубликована, другая впервые вводится в научный оборот. Материалы публикации, представляющие большую ценность для разоблачения империалистов и их местных буржуазных прислужников, сообщают сведения о многочисленных военных, политических и экономических миссиях Англии, Франции и США в Латвии и об их хозяйничании на латышской земле, характеризуют те средства, с помощью которых временное буржуазное правительство Латвии защищало интересы местной буржуазии и беспощадно расправлялось с революционно настроенными массами латышского трудового народа, показывают, как трудящиеся Латвии под руководством КПЛ боролись против иностранных интервентов и временного буржуазного правительства.

Ряд документов, относящихся к рассматриваемому периоду, вошел в сборники «Резолюции и решения съездов, конференций и пленумов ЦК Коммунистической партии Латвии» и «Конституционные акты Советской власти в Латвии (1917—1957)»⁵⁸.

После XX съезда КПСС и особенно в связи с 40-летием (1959 г.) установления Советской власти в Латвии в 1919 г. активизировалось издание мемуарной литературы. В ознаменование этого выдающегося события в жизни латышского народа был издан ряд воспоминаний, представляющих немалый познавательный интерес. Среди них нельзя не отметить воспоминания Я. Мирама о вооруженном восстании рижских рабочих 3 января 1919 г. и сборник «За Советскую Латвию»⁵⁹. Картины борьбы за Советскую власть в 1918—1919 гг. в Пардаугаве (задвинской части г. Риги) воссоздают воспоминания целого ряда ветеранов подпольного движения, вошедшие в сборник «Революционное Задвинье»⁶⁰. Обобщенное представление о борьбе красных латышских стрелков за Советскую Латвию

⁵⁷ Kā tas bija? Dokumentu un materiālu krājums. Rīgā, 1968. 313 lpp.

⁵⁸ Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, I. 1904.—1940. Rīgā, 1958. 642 lpp.; Padomju varas konstitucionālie akti Latvijā. (1917.—1957.) Rīgā, 1957. 417 lpp.

⁵⁹ Я. Мирам. Вооруженное восстание в Риге 3 января 1919 г. (Воспоминания.) Рига, 1959. 117 стр.; J. Mirāms. Brūnā sacelšanās Rīgā 1919. gada 3. janvārī. (Atmiņas.) Rīgā, 1958. 106 lpp.; Par Padomju Latviju. Cīnītāju atmiņas. 1918.—1919. 1, 2. Rīgā, 1958, 1959. 421 un 432 lpp.; За Советскую Латвию. Воспоминания борцов. 1918—1919. Рига, 1960. 600 стр.

⁶⁰ Revolucionārā Pārdaugava. Cīnītāju atmiņas, I. 1899.—1919. Rīgā, 1960. 496 lpp.

существенно дополняют воспоминания, помещенные в публикации «Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть»⁶¹.

Важное научное и политическое значение имело издание сборника статей П. Стучки⁶². В статьях этого издания освещаются отдельные вопросы истории борьбы латышского пролетариата за восстановление Советской власти в Латвии, неотложные задачи и проблемы строительства новой жизни и целый комплекс вопросов, связанных с борьбой против объединенных сил иностранной и внутренней контрреволюции. Всего в сборник вошло сто статей П. Стучки, которые в своей совокупности дают достаточно полную картину событий в Латвии в 1919—1920 гг. Можно лишь полностью согласиться с общей оценкой этого издания, которую дал академик А. Дризулис в предисловии к книге: «Статьи сборника, являясь свидетельством современника великой революционной эпохи, дороги нам — строителям коммунистического общества. Они доносят до нас дыхание тех исторических дней, пафос революционной борьбы и созидания, время зарождения, исканий и становления новой эры человечества»⁶³.

Таким образом, все вышеизложенное свидетельствует о несомненном росте научной зрелости трудов историков Советской Латвии и прогрессе в области исследовательской методики, в результате чего им удалось, преодолев целый ряд тенденциозных наслоений, создать целостную концепцию исторических событий в Латвии в 1918—1920 гг. Анализ исторической литературы о Советской Латвии 1919 г. позволяет сделать вывод о том, что наряду с развитием исследований в сторону охвата все большего количества тем происходил процесс углубленной разработки важнейших вопросов данной проблемы. И тем не менее до сих пор все еще не создан обобщающий фундаментальный труд, в котором были бы объединены все аспекты этой многогранной и сложной темы. Более детальной разработки требуют и отдельные вопросы (например, аграрный, национальный, положение в контрреволюционном лагере, печать того времени и т. д.). Очевидна также потребность в специальных источниковедческих исследованиях и подготовке дальнейших публикаций источников, а также в продолжении издания

⁶¹ Latviešu strēlnieku cīņa par Padomju varu 1917.—1920. gadā. Atmiņas un dokumenti. Rīgā, 1960, 217.—300. lpp.; Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917—1920 годах. Воспоминания и документы. Рига, 1962, стр. 193—280.

⁶² П. Стучка. За Советскую власть в Латвии. 1918—1920. Сборник статей. Рига, 1964. 732 стр.

⁶³ А. А. Дризулис. Предисловие. — В кн.: П. Стучка. За Советскую власть в Латвии. 1918—1920. Сборник статей. Рига, 1964, стр. 15.

работ биографического содержания об активнейших участниках революционного прошлого и рассматриваемых событий.

Важную роль в поступательном движении исторической науки играет тщательный историографический анализ того, что уже создано советскими учеными, и выявление достоинств и недостатков исторической литературы. Необходимо всемерно поощрять также развитие историографических изысканий, направленных против реакционных концепций буржуазной исторической науки. Борьба с лженаучными, задрапированными в тогу буржуазного объективизма концепциями требует от советских историков высокой профессиональной подготовки, хорошего знания источников и глубокой идейной убежденности. И, наконец, следовало бы подготовить и издать на одном из иностранных языков небольшую по объему, но яркую по содержанию и изложению научно-популярную работу по истории Советской Латвии и борьбы латышских трудящихся против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции.

ХІ. ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ В АВАНГАРДЕ БОРЬБЫ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

1. ПЕРВЫЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ЛАТЫШСКИХ СТРЕЛКОВ

Серьезное научное и политическое значение имеет изучение и освещение истории красных латышских стрелков, вписавших незабываемые страницы в героическую летопись борьбы трудящихся нашей страны за Советскую власть. Первые статьи о боевой деятельности латышских стрелков появились на страницах газет и журналов еще в годы гражданской войны. Много внимания боевому пути и революционной роли латышских стрелков уделяли виднейшие деятели революционного движения Латвии — П. Стучка, Ю. Данишевский, Я. Ленцман и др.

Одним из первых правильную оценку организации латышских стрелковых батальонов во время первой мировой войны (летом 1915 г.) дал П. Стучка¹. Он убедительно показал, что латышская буржуазия, ратовавшая за формирование «национальных» частей, преследовала свои узкоклассовые цели, надеясь нажить политический капитал на крови своих соотечественников — рабочих и крестьян Латвии, одетых в солдатские шинели, выслужиться перед царским троном и его окружением. П. Стучка высоко оценивал значение II съезда латышских стрелковых полков (17 мая 1917 г.) и принятых им решений, свидетельствовавших о политической зрелости стрелков: латышские стрелки открыто перешли в ряды борцов за социалистическую революцию. П. Стучка описал и тот переполох в буржуазном лагере, который был вызван переходом стрелков на

¹ P. Stučka. Latvju strēlnieku goda dienā. — Krievijas Cīņa, 1924, 31. maijā; P. Stučka. Ievadam, — Latvju strēlnieku vēsture, 1. sēj., 1. d. M., 1928, III—VII lpp.; П. Стучка. Ленин полагался на латышских стрелков. — В кн.: О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии. Рига, 1959, стр. 13—16; П. Стучка. Письмо из Риги. — В кн.: П. Стучка. В борьбе за Октябрь. Рига, 1960, стр. 65—70; П. Стучка. Падение «красной» Риги. (Записки очевидца.) — В кн.: П. Стучка. В борьбе за Октябрь. Рига, 1960, стр. 148—154.

сторону большевистской партии². Он постоянно подчеркивал, что стрелки — это труженики города и деревни, одетые в солдатские шинели, это вооруженные рабочие.

Во многих статьях П. Стучки затрагивались вопросы положения на фронте, анализировался ход военных операций, обсуждались принципы организации вооруженных сил Советов. И всегда в этих статьях акцентировалась мысль о важности чувства локтя между бойцами самых различных национальностей, о необходимости интернациональной спайки. П. Стучка не раз также подчеркивал преданность латышских стрелков Советской власти, идеям социалистической революции и пролетарского интернационализма. Он отмечал, что латышские стрелки охраняли советское правительство в Петрограде и Москве, принимали участие в подавлении контрреволюционных мятежей, сражались на решающих участках гражданской войны. «Трижды в критические моменты, — писал П. Стучка, — у нас шла речь о верности латышских стрелков (в Петрограде — в Смольном в период разгона Учредительного собрания, в Москве — во время эсеровского восстания и, наконец, когда Деникин приближался к Орлу, а Юденич — к Петрограду). Во всех этих трех случаях наши стрелки оказались достойны доверия Ленина»³.

Перу Ю. Данишевского⁴ принадлежит несколько статей, посвященных работе II съезда латышских стрелков. Одним из первых он, естественно, очень кратко и весьма схематично, дал описание участия латышской стрелковой дивизии в разгроме деникинских войск осенью 1919 г. и правильную оценку Орловско-Кромской операции как поворотного момента в событиях на Южном фронте, отметил, что латышская дивизия и Конная армия были основными ударными силами вооруженных сил молодого Советского государства, подчеркнул важность тесного боевого взаимодействия, которое установилось

² П. Стучка. Письмо из Риги. — В кн.: П. Стучка. В борьбе за Октябрь. Рига, 1960, стр. 66.

³ П. Стучка. Ленин полагался на латышских стрелков. — В кн.: О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии. Рига, 1959, стр. 14.

⁴ J. Daniševskis. [Viņa uzstāšanās Padomes 1917. g. 12.—17. maija sēdē]. — Grām.: Latvju strēlnieku vēsture. 1. sēj., 2. d. M., 1928, 577.—600. lpp.; J. Daniševskis. Latviešu strēlnieku divīzijas kaujas darbība. (Izšķirošu kauju dienas Dienvidu frontē no 10. līdz 21. oktobrim 1919. gadā). — Cīņas Biedrs, 1919, 23., 25. dec.; J. Daniševskis. Par latviešu strēlnieku divīzijas kaujas darbību. (Izšķirošu kauju dienas Dienvidu frontē no 10. līdz 21. oktobrim 1919. gadā) — Strēlnieks, 1920, 1/2, 40.—42. lpp.; J. Daniševskis. Latviešu strēlnieki — sociālās revolūcijas armija. — Grām.: Latvju strēlnieku vēsture, 1. sēj., 2. d. M., 1928, I—XXIII lpp.

между латышской дивизией и частями эстонской дивизии, бригадами Павлова и Примакова.

Здесь уместно заметить, что в исторической литературе 20-х и первой половины 30-х годов⁵, посвященной гражданской войне и изданной в Советском Союзе, упоминания о боевой деятельности красных латышских стрелков были нередки. Так, В. А. Антонов-Овсеенко⁶ приводит отдельные эпизоды о пребывании латышских стрелков в Петрограде и об их участии в разгроме контрреволюционного мятежа Каледина. В. Д. Бонч-Бруевич⁷ высоко оценивает боевые качества латышских стрелков, подчеркивает их преданность пролетарской революции, исключительную дисциплинированность и самообладание. Он рассказывает об участии латышских стрелков в укреплении революционного порядка в Петрограде, национализации частных банков и разоружении анархистов, описывает переезд Советского правительства в марте 1918 г. из Петрограда в Москву, во время которого правительственный поезд охраняли латышские стрелки. Некоторые факты из истории совместной борьбы чекистов и латышских стрелков против контрреволюции читатель может найти в статьях М. Лациса (Судрабс) и Я. Петерса⁸.

Значительное внимание боевой деятельности латышских стрелков на Южном фронте осенью 1919 г. было уделено в монографическом исследовании известного советского военного историка К. Галицкого⁹ и в книге видного военачальника периода гражданской войны А. Егорова¹⁰. Анализ большого количества источников, а также прекрасное знание конкретного хода событий на Южном фронте позволили авторам высказать ряд интересных и ценных соображений о всей операции в целом и дать обоснованную оценку боевой подготовленности и оперативному мастерству латышской стрелковой дивизии в целом и ее отдельных полков в частности. Эти труды, написанные в духе хорошей историографической традиции, не потеряли своего значения и поныне.

⁵ См., например: Гражданская война 1918—1921 гг. Под ред. А. Бубнова, С. Каменева и Р. Эйдемана. М., 1928; Ф. Попов. Чехословацкий мятеж и самарская «учредилка». М.—Самара, 1933.

⁶ В. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне, 1, 2. М., 1924.

⁷ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения. 3. М., 1963.

⁸ М. Лацис (Судрабс). Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921. 62 стр.; Я. Х. Петерс. Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции. — ПролРев, 1924, 10 (33), стр. 5—32.

⁹ К. Галицкий. Орловско-Кромское сражение. М., 1932. 249 стр.

¹⁰ А. Егоров. Разгром Деникина. М., 1931. 232 стр.

Одной из первых работ, в которой освещалось участие латышской стрелковой дивизии в боях против Врангеля, была статья А. Корка¹¹. Приведенные в ней данные о количественном составе латышской дивизии, а также оценка ее боевой деятельности до сих пор представляют непреходящую ценность. В этой связи необходимо подчеркнуть большую работу, которую проделала созданная в 1926 г. в Советском Союзе Комиссия по истории латышских стрелков, ставшая важным координирующим центром по сбору и изучению материалов, относящихся к данной проблематике.

Первую попытку широко показать боевой путь латышских стрелков с момента образования латышских национальных батальонов в 1915 г. до конца гражданской войны предпринял бывший командир Латышской стрелковой советской дивизии и первый главнокомандующий вооруженными силами РСФСР И. Вацietис, написавший книгу «Историческое значение латышских стрелков»¹². В этой работе на богатом фактическом материале освещалась боевая деятельность латышских стрелков, и прежде всего 5-го Земгальского полка, которым одно время командовал автор, подробно рассказывалось об августовском наступлении германских войск на рижском плацдарме, детально и обстоятельно описывались бои на Малой Югле. И. Вацietис ярко охарактеризовал обстановку, сложившуюся на Северном фронте в первые месяцы после Октябрьской революции. Он подробно описал операцию по освобождению Валки от контрреволюционных войсковых подразделений и первым рассказал о том, как Советское правительство в ноябре 1917 г. вызвало в Петроград 6-й латышский стрелковый полк, как была сформирована прославленная сводная рота латышских стрелков, охранявшая Смольный и Кремль.

Говоря об участии латышских стрелков в разгроме контрреволюционных мятежей Каледина и Довбор-Мусницкого, автор привел сведения о формировании Латышской стрелковой советской дивизии и ее боевой деятельности на различных фронтах гражданской войны. Непреходящую ценность представляют страницы, где рассказывается об участии латышских стрелков в подавлении левозеро-серовского мятежа в Москве. В книге приводится немало интересных наблюдений и заслуживающих внимания рассуждений (подчас верных, а иногда и ошибочных) по вопросам международной и внутренней об-

¹¹ А. Корк. Взятие Перекопско-Юшуньских позиций войсками 6-й армии в ноябре 1920 г. — *Революционная армия*, 1921, 1, стр. 17—31.

¹² J. Vācietis. *Latviešu strēlnieku vēsturiskā nozīme*. 1. un 2. d. [Pleskavā, M.], 1922, 1924. 164 un 41 lpp.

становки того времени. Эта книга — типичное воспоминание, написанное по горячим следам недавних событий. Ее автор — непосредственный участник этих событий — честный, демократически настроенный офицер (бывший полковник царской армии), которому были близки настроения солдатской массы и безразлична судьба страны. Опытный военный специалист, он безоговорочно перешел на сторону Советской власти и отдал все свои силы и знания служению трудовому народу и его вооруженным силам.

В очерке Т. Драудина¹³, правда, еще в весьма обобщенном виде, освещен ход событий в районе XII армии и особенно положение в латышских стрелковых полках осенью 1917 г.

Следующим шагом в разработке истории латышских стрелков явились статьи И. Вацетиса, в которых рассказывается об их участии в Октябрьской революции, дается краткая, но содержательная справка о боевой деятельности латышских стрелковых полков, защищавших Советскую власть во многих районах страны в конце 1917 — начале 1918 г., а также об их участии в подавлении левоэсеровского мятежа в Москве¹⁴.

Дальнейшим продвижением в изучении данной проблематики была статья П. Виксне «Историческая роль латышских стрелков»¹⁵, в которой освещается общий ход событий в латышских стрелковых полках во время вооруженного восстания в Петрограде. Подчеркивая историческое значение резолюции 17 мая 1917 г., автор показывает обострение классовой борьбы на фронте, и прежде всего между широкой массой латышских стрелков, вставшей под знамена пролетарской революции, и офицерским составом, в основном выступившим в защиту Временного правительства. До сегодняшнего дня не потеряли значения приведенные в статье данные об итогах выборов в Учредительное собрание в латышских стрелковых полках, а также во всей XII армии. Отмечая революционность латышских стрелков, П. Виксне подчеркивает, что латышские стрелковые полки были первыми регулярными частями старой армии, влившимися в состав созданной в начале 1918 г. Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

¹³ Т. Драудин. Рижский фронт в Октябре 1917 г. (Факты и документы.) М., 1922. 64 стр.

¹⁴ И. Вацетис. Латышские стрелки в Октябрьской революции. — Война и революция, 1927, 10/11, стр. 133—142; J. Vācietis. Latviešu strēlnieki Oktobra revolūcijā. — Krievijas Cīņa, 1927, 5. nov., 128. nr.; 10. nov., 129. nr.; 12. nov., 130. nr.; И. Вацетис. Выступление левых эсеров в Москве. — Война и революция, 1927, 10/11, стр. 95—108.

¹⁵ P. Vīksne. Latvju strēlnieku vēsturiskā loma. — Darba kalendārs 1928. gadam. М., 1928, 50.—66. lpp.

С публицистической страстью написана статья Т. Драудина¹⁶, в которой рассказывается о положении в латышских стрелковых полках в 1917 г., отмечается историческое значение II съезда латышских стрелков, вводится в научный оборот ряд новых документальных материалов, впервые в исторической литературе дается описание майского пленума «Искосола 12».

Наиболее интересной стороной статьи Ю. Данишевского¹⁷, предпосланной сборнику «25 лет Коммунистической партии Латвии», является анализ работы партийных организаций в латышских стрелковых полках. Отмечая, что латышские стрелки были в первых рядах борцов за социалистическую революцию на всем Северном фронте, Ю. Данишевский приводит факты о посылке пропагандистов из латышских полков в части V армии и об установлении контактов с большевистскими организациями в Петрограде, Кронштадте и Финляндии.

Ряд новых фактов содержат также статьи Р. Баузе¹⁸, рассказывающие о событиях в латышских полках в 1917 г. и о первых боях стрелков с врагами пролетарской революции на фронтах гражданской войны в начале 1918 г. (войсками генералов Каледина и Довбор-Мусницкого).

Однако необходимо отметить, что основой вышеназванных статей были наблюдения их авторов — непосредственных участников описываемых событий. В меньшей степени изучались материалы прессы, а архивные документы, как правило, использовались лишь для иллюстрации.

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ЛАТЫШСКИХ СТРЕЛКОВ И ПОДГОТОВКА КРУПНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ДОКУМЕНТОВ И ОБОБЩАЮЩИХ ТРУДОВ (20-е — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 30-х ГОДОВ)

Крупнейшим результатом научной разработки темы «Латышские стрелки на страже завоеваний Октября» является издание «Истории латышских стрелков» и публикации «Латышский революционный стрелок»¹⁹. Программа работы по подго-

¹⁶ Т. Драудин. Латышские стрелки в 1917 г. — СтБ, 4, 1933, стр. 128—152; T. Draudiņš. Latvju strēlnieki 1917. gadā. — Grām.: Latvju strēlnieku vēsture, 1. sēj., 2. d. M., 1928, 5.—44. lpp.

¹⁷ J. Daniševskis. Latvijas sociāldemokrātija 1917.—1919. gados. — Grām.: LKP 25 gadi. M., 1929, 303.—333. lpp.

¹⁸ Р. Баузе. Ветераны Красной Армии — латышские стрелки. — ПролРев, 1922, 12, стр. 330—337; R. Bauze. Pirmie latviešu strēlnieku pulki Krievijas pilsoņu kara frontēs. — Darbs, 1925, 5, 46.—53. lpp.

¹⁹ Latvju strēlnieku vēsture, 1. sēj., 1. un 2. d. M., 1928. VII, 249 un XXIII, 823 lpp.; 2. sēj., 2. d. M., 1924, 1935. 416 lpp.; Latvju revolucionārais strēlnieks, 1, 2. M., 1934, 1935. 377 un 599 lpp.

товке этих изданий наиболее полно изложена Комиссией по истории латышских стрелков²⁰.

В этой связи нельзя не сказать вкратце об этой комиссии. Как известно, после окончания гражданской войны по инициативе латышских коммунистов в Советском Союзе был создан координирующий центр по сбору и подготовке к печати материалов, относящихся к истории латышских стрелков. В 1923 г. был создан Инициативный комитет по вопросам истории латышских стрелков при Латсекции Коминтерна²¹, в который вошли ветераны гражданской войны — К. Стуцка, Р. Апин, Т. Драудин, Р. Баузе, О. Дзенис, Ж. Зонберг и А. Васильев, а с мая 1926 г. этот комитет был преобразован в Комиссию по истории латышских стрелков при Латсекции ЦК ВКП(б)²², в ее состав входили Ю. Данишевский, Я. Ленцман, П. Блюмфельд (Свирис), Ц. Целминь, А. Фелдман, К. Янелис, К. Стуцка, В. Штраус, П. Вискне и др. Этот центр проделал огромную работу: создал авторские коллективы, организовал сбор материалов и воспоминаний, систематически рассказывал на страницах печати о своей деятельности, выносил на обсуждение проспекты задуманных исторических трудов и публикаций. Комиссия по истории латышских стрелков привлекла к своей работе созданную в конце 20-х годов при Союзе Осовиахима СССР организацию бывших латышских стрелков, объединявшую более тысячи человек.

В своем программном документе Комиссия по истории латышских стрелков подчеркивала, что задуманный коллективный труд ни в коем случае не будет всего лишь суммой статей, анализирующих боевую деятельность латышских стрелков в чисто оперативном аспекте, он даст широкое представление прежде всего о тех важнейших операциях, которые имели большой общественно-политический резонанс. Предполагалось, что каждый том задуманного трехтомного издания «Истории латышских стрелков» будет состоять из трех частей: статей, воспоминаний и документов. Материалы первого тома должны были охватывать период с момента образования латышских национальных формирований до конца 1918 г., т. е. империалистическую войну, Февральскую революцию, Великую Октябрьскую социалистическую революцию и первый год гражданской войны. Второй том предполагалось посвятить исследованию борьбы стрелков за Советскую Латвию (ноябрь 1918 — август

²⁰ Latvju strēlnieku vēstures jautājumā. — Grām.: Latvju strēlnieku vēsture, 1. sēj., 1. d. M., 1928, 239.—241. lpp.

²¹ Krievijas Cīņa, 1923. g. 23. martā.

²² V. Štrauss. Par latviešu strēlnieku vēstures komisijas darbību. — Krievijas Cīņa, 1926. g. 31. aug.

1919 г.): освобождению территории Латвии от немецких захватчиков и их латышских приспешников, боям на Видземском, Курземском и Латгальском фронтах, а также боевому пути важнейший отдельных латышских стрелковых подразделений. В третьем томе — середина 1919—1920 г. — было задумано осветить боевую деятельность латышской стрелковой дивизии на Южном фронте, ее участие в разгроме Деникина и Врангеля, а затем участие 5-го латышского полка в отражении наступления белогвардейских войск Юденича на Петроград.

Однако уже в самом начале работы пришлось внести существенные коррективы: первый том разделить на две части, а второй — даже на три. Первая часть первого тома посвящалась только периоду империалистической войны, вторая его часть — Февральской революции, Великой Октябрьской социалистической революции и первому году гражданской войны. В первую часть второго тома решено было включить статьи общеполитического характера и разбор отдельных военных операций, во вторую — воспоминания и небольшие очерки о боевых эпизодах и отдельных подразделениях и в третью — важнейшие документы, относящиеся к борьбе за Советскую власть в Латвии в 1919 г.

Из запланированных трех томов «Истории латышских стрелков», как уже отмечалось, были изданы первая и вторая часть первого тома и вторая часть второго тома. К 1934 г. в портфеле издательства «Прометей» уже было несколько больших статей о снабжении армии Советской Латвии в 1919 г., о борьбе красных партизан в Курземе и Видземе, а также оперативный обзор военных действий на территории Латвии и другие материалы (общим объемом в 16 печатных листов), предназначенные для первой части второго тома. К сожалению, творческая разработка этой важной в научном и политическом отношении проблемы сначала затормозилась, а потом и вовсе была прекращена. Таким образом, это издание, еще и сейчас поражающее смелостью и новизной замысла, размахом организационной работы и принципиальным отличием от дореволюционных исторических работ, не было завершено. И тем не менее даже увидевшие свет три его части (общий объем которых, кстати, достигает ста печатных листов) оставили заметный след в латвийской исторической науке и явились существенным подспорьем для советских исследователей послевоенного периода, занимавшихся изучением и дальнейшей разработкой истории латышских стрелков.

В начале 30-х годов Комиссия по истории латышских стрелков приступила к подготовке новой публикации: в 1934 г. изда-

тельство «Прометей» выпустило ее первый том, а через год — второй. Вот как Комиссия по истории латышских стрелков объясняла причины появления нового издания: «С выходом в свет сборника „Латышский революционный стрелок“ историческая комиссия начинает публикацию новой серии статей по вопросам истории, ставя перед ней две основные задачи: во-первых, быть трибуной для разрешения спорных вопросов и, во-вторых, дать возможность опубликовать те новые исследования, воспоминания и документы, которые появились в распоряжении комиссии уже после выхода соответствующих разделов истории латышских стрелков»²³. В своем обращении к читателям комиссия выражала уверенность, что за первым томом немедленно последуют второй и третий. Однако удалось издать только два тома, причем их материалы уже отмечены печатью тенденциозности, изменился не только тон статей, но и их тематика, все чаще и чаще акцентировалось внимание на «ошибках» и «недостатках» (иногда действительных, а зачастую и мнимых).

В обзорных статьях «Истории латышских стрелков» их авторы Ю. Данишевский, Т. Драудин, Ф. Фелдман, Я. Янсон-Браун и др. весьма обстоятельно рассматривают целый ряд важнейших аспектов и ключевых вопросов темы. Видное место в этих статьях занимает освещение руководящей роли партии и деятельности массовых организаций трудящихся, анализ обстановки, сложившейся в латышских стрелковых полках. Авторы последовательно подчеркивают, что переход латышских стрелков в мае 1917 г. на сторону пролетарской революции явился результатом систематической работы социал-демократии Латвии, поднявшей широкие солдатские массы на борьбу за Советскую власть, отмечают гибкость тактической линии большевиков, рассказывают о партийной конференции, состоявшейся в Валке 16 октября 1917 г., о том, как латышские большевики обсуждали общий план вооруженного восстания с прибывшим в Латвию посланцем Петроградского штаба революции В. А. Антоновым-Овсеенко.

В статьях подчеркивается, что латышские большевики во всей полноте понимали, насколько важен Северный фронт для судеб вооруженного восстания в колыбели пролетарской революции — Петрограде, раскрывается ведущая роль латышских стрелковых полков в борьбе за победу социалистической революции в северной, не оккупированной немецкими войсками, части Латвии, приводится немало ярких эпизодов, которые впоследствии прочно вошли в советскую историческую литературу.

²³ Latvju revolucionārais strēlnieks, 1. d. M., 1934, 376. lpp.

Очерк А. Фелдмана «Комитет коммунистической организации латышских стрелковых полков»²⁴ явился первой попыткой целостного освещения возникновения и деятельности партийных организаций в латышских стрелковых подразделениях. Непреходящую ценность представляют приведенные в нем сведения о численном составе партийных организаций, характеристика их деятельности, а также описание работы партийных конференций. Проследивая день за днем, факт за фактом развертывание событий на фронте, автор приходит к выводу о важности работы, проделанной Комитетом коммунистической организации совместно с Исколастрелом по мобилизации стрелков на защиту завоеваний Великого Октября.

Первостепенное значение имеет и небольшая статья П. Стучки²⁵, в которой он прежде всего указывает на революционность латышских стрелков и их безграничную преданность делу пролетарской революции. Отмечая пролетарский состав латышских стрелковых полков, он напоминает о том, что в самые решающие моменты революции латышские стрелки были в первых рядах революционных борцов рабочего класса. Автор рассказывает также об отношении В. И. Ленина к латышским стрелкам, о том, что Ильич внимательно следил за событиями в латышских полках и дал высокую оценку переходу стрелков в мае 1917 г. на сторону партии большевиков, что он доверял латышским стрелкам выполнение важнейших правительственных заданий. П. Стучка подчеркивает нерушимое единство латышских стрелков и всех бойцов Красной Армии. «Подобно тому, как латышский революционный рабочий класс связан кровными узами с российским пролетариатом и рабочим классом всего Советского Союза, — писал он — так и латышские стрелки — исторически нераздельная часть великой и славной Красной Армии — являлись первыми ее бойцами»²⁶.

Статья К. Иокума «Как возникли латышские стрелковые батальоны»²⁷ — одна из первых обзорных работ, посвященных созданию латышских национальных формирований и их первым боям на фронтах первой мировой войны. Автор вскрывает подлинные причины создания этих подразделений, разоблачает весьма меркантильные стремления латышских буржуазных кру-

²⁴ A. Feldmans. Latviešu pulku komunistiskās organizācijas komiteja. — Grām.: Latvju strēlnieku vēsture, 1. sēj., 2. d. M., 1928, 73.—125. lpp.

²⁵ P. Stučka. Ievadam. — Grām.: Latvijas strēlnieku vēsture, 1. sēj., 1. d. M., 1928, III—VII lpp.

²⁶ Latvju strēlnieku vēsture, 1. sēj., 1. d. M., 1928, VII lpp.

²⁷ K. Jokums. Kā radās latvju strēlnieku bataljoni. — Grām.: Latvju strēlnieku vēsture, 1. sēj., 1. d. M., 1928, 23.—65. lpp.

гов выслужиться перед царем и нажать политический «капитал» на крови одетых в шинели латышских рабочих, батраков и крестьян. В статье приводятся интересные факты и подробности. К. Иокум не скрывает, что в начале первой мировой войны шовинистический угар охватил известные (главным образом мелкобуржуазные) слои латышского народа, но объясняет это конкретными социально-экономическими условиями Латвии. Автор описывает боевые действия латышских стрелков, приводит данные о численном составе латышских полков в 1916 г., перечисляет командиров бригад и полков, показывает неспособность царских генералов руководить операциями, рост недовольства среди стрелков. Весьма интересны приведенные К. Иокумом документы (в основном переписка) о боях в Тирельских болотах и у Пулеметной горки, а также о «рождественском сражении».

В большой статье К. Озолина-Томаса впервые в исторической литературе обстоятельно освещается деятельность газеты «Brīvais Strēlnieks» в период подготовки и проведения социалистической революции, рассказывается о борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными элементами внутри редакции и переходе газеты на сторону большевистской партии, приводятся примеры, иллюстрирующие, что новая политическая линия редакции получила полную поддержку широких масс латышских стрелков, анализируется, как на страницах газеты освещались важнейшие вопросы политической жизни того времени.

Несомненным достоинством вышеназванных статей является реалистическое освещение общей обстановки, сложившейся осенью 1917 г. в районе XII армии, показ трудностей борьбы за влияние на широкие массы солдат Северного фронта.

Включенные в публикацию статьи И. Вацietиса являются фрагментами уже рассмотренной его книги «Историческая роль латышских стрелков».

Одну из первых попыток целостного описания боевой деятельности латышских стрелков на фронтах гражданской войны в 1918 г. предпринял Р. Баузе. В его обзорной статье «Латышские стрелки в 1918 г.»²⁸ рассматривается вопрос о проекте создания латышского корпуса, рассказывается, что Керенский категорически не согласился на это, что проект был утвержден уже после победы пролетарской революции в декабре 1917 г. В статье приводятся примеры из истории 6-го Тукумского полка, охранявшего революционный порядок в Петрограде,

²⁸ R. Bauze. *Latviešu strēlnieki 1918. g.* — Grām.: *Latvju strēlnieku vēsture*, 1. sēj., 2. d. M., 1928, 45.—72. lpp.

и борьбы латышских стрелков с белопольским корпусом Довбор-Мусницкого и отрядами генерала Каледина. Автор сообщает сведения о дислокации латышских стрелковых полков в марте 1918 г. (Москва, Петроград, Бологое, Старая Русса и т. д.). Р. Баузе развенчивает легенду, созданную латышскими буржуазными историками о единстве интересов офицеров и солдат латышских стрелковых полков и на основе конкретных материалов показывает, что большая часть латышских офицеров перешла на сторону контрреволюции и активно боролась против Советской власти, а масса латышских стрелков в своем подавляющем большинстве осталась верной идеям социалистической революции и влилась в первые соединения Красной Армии. Он подчеркивает важность работы, проделанной полковыми комитетами под руководством партийных организаций, по переформированию частей и созданию Латышской стрелковой советской дивизии — первой дивизии РККА и, отметив особенности внутренней структуры латышских полков, последовательно проводит мысль о том, что их полковые комитеты на протяжении всего 1918 г. играли положительную роль, обеспечивая рост боеспособности латышских национальных формирований.

В статье К. Иокума, посвященной участию латышских стрелков в борьбе с белочехами на Восточном фронте²⁹, рассказывается об отдельных эпизодах боев за Казань в августе 1918 г. и приводится несколько интересных документов (к сожалению, как нередко в изданиях того времени, без ссылок на источники).

Важным источником по истории латышских стрелков являются включенные в эти сборники воспоминания К. Дозитиса, А. Фелдмана, Д. Ларозе-Мазайса, П. Апарса, К. Гайлиса, Я. Бале, К. Жубита и др.

В публикации «Латышский революционный стрелок» заслуживают внимания статьи Р. Апины о латышской дивизии на Врангелевском фронте, К. Стуцки о боях латышских стрелков на Перекопском перешейке и В. Примакова об Орловско-Кромском сражении.

Невозможно дать однозначную оценку статье Р. Берзиня «Управление армией Советской Латвии и Исколастрел»³⁰, опубликованной в порядке дискуссии. На наш взгляд, в статье явен налет тенденциозности и даже некоторой предвзятости, хотя в ней излагается также ряд правильных мыслей и наблю-

²⁹ K. Jokums. Latviešu strēlnieku cīņas austrumu (čehoslovaku) frontē. — Grām.: Latvju strēlnieku vēsture, 1. sēj., 2. d. M., 1928, 306.—331. lpp.

³⁰ R. Bērziņš. Padomju Latvijas armijas pārvalde un Iskolastrels. — Grām.: Latvju revolucionārais strēlnieks, 1. M., 1934, 121.—141. lpp.

дений. Бросается в глаза, что автор концентрирует свое внимание на негативной стороне деятельности и внутренней организации армии Советской Латвии, забывая подчас, что именно латышские стрелки, несмотря на чрезвычайно сложную обстановку, в течение нескольких месяцев сдерживали напор объединенных сил контрреволюции — германских войск генерала Гольца, белолатышей, белоэстонцев и белополяков, а затем, сохранив всю свою артиллерию, отступили на оборонительные рубежи в Латгале. В статье рассказывается о борьбе мнений в рядах Коммунистической партии Латвии по вопросам внутренней структуры армии Советской Латвии. Весьма субъективен и, кстати, совсем не аргументирован вывод автора о том, что Исколастрел в послеоктябрьский период сыграл отрицательную роль в становлении армии Советской Латвии, что он уменьшил ее боеспособность и ослабил дисциплину, мешал повышению культурного уровня стрелков и внес неразбериху в руководство армией. Не учитывая во всей полноте конкретно-историческую обстановку в Латвии того времени и прежде всего наличие прочных революционных традиций в деятельности выборных органов латышских стрелковых полков, Р. Берзинь, по-видимому, не сознавал, что сложившаяся в 1919 г. внутренняя структура армии Советской Латвии была обусловлена объективными причинами и объяснялась своеобразным переплетением целого ряда реальных факторов, а отнюдь не одними лишь «ошибками» и «недооценками» руководства.

По значимости сообщаемых фактов и яркости зарисовок воспоминания Я. Лаубе, А. Апарса, Я. Бривкална, Я. Гредзенса и У. Бралитиса, несомненно, выходят за рамки рядовых очерков. Из них исследователь может почерпнуть немало сведений о том, как латышские стрелки в конце 1917 г. выполняли ответственные правительственные задания. Особенно привлекают внимание воспоминания А. Лайцена, который с подлинным литературным мастерством воспроизвел эпизоды из жизни и деятельности латышских стрелков. Чрезвычайную ценность представляет подробный рассказ автора о выступлении В. И. Ленина перед латышскими стрелками в Смольном в феврале 1918 г. Увлекательно написаны воспоминания К. Урбановича, который повествует о боевой деятельности Витебского латышского кавалерийского полка в конце 1918 г.

Однако, высоко оценивая эти документальные издания по истории латышских стрелков, необходимо подчеркнуть, что они еще не представляют цельного исторического труда, а скорее всего являются материалом для его создания. Три тома «Истории латышских стрелков» и два тома публикации «Латышский революционный стрелок» — это прежде всего серия отдельных

статей по некоторым, как правило, чрезвычайно важным вопросам проблемы, сумма весьма интересных и важных для науки воспоминаний непосредственных участников и очевидцев событий и, наконец, целый массив документальных материалов, а не органически единое обобщающее исследование, рассматривающее боевой путь латышских национальных формирований с момента их создания и до их ликвидации. Большим вкладом в разработку истории латышских стрелков явилась книга В. Штрауса «Советская Латвия и международная контрреволюция»³¹, о которой уже говорилось в предыдущей главе. Здесь остается лишь подчеркнуть, что центральное место в книге занимает анализ военных операций с привлечением ценных сведений о численности армии Советской Латвии и ее противников и сводных данных о протяженности фронтов и вооруженности советской армии. Автор подчеркивает, что стратегическая обстановка, сложившаяся весной 1919 г. в результате общего наступления сил международной контрреволюции и падения Советской власти в Эстонии и Литве, была для Советской Латвии весьма невыгодной. Серьезно аргументируется и подтверждается неоспоримым фактическим материалом важнейший вывод В. Штрауса о том, что вооруженным рабочим и крестьянам Латвии в 1919 г. пришлось сражаться в основном не против сил внутренней контрреволюции, а против объединенных сил международного империализма, войск германского генерала Гольца, белополяков и белоэстонцев. Важным достоинством книги является и то, что развитие военных событий в Латвии рассматривается в тесной связи с военными операциями на соседних территориях Литвы и Эстонии. Очень ценны и тщательно составленные автором схемы военных операций.

3. ПОСЛЕВОЕННЫЙ ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

После Великой Отечественной войны первую попытку рассказать об участии латышских стрелков в Октябрьской революции предприняла А. Федяева³². Характерны схематизм и конспективность этой статьи, узость ее источниковедческой базы: автор не исследовал ни новых архивных документов, ни прометеевских изданий, ни материалов латышской прессы (в том числе и революционной). К тому же статья безлика: в ней не упоминается ни один революционный деятель Латвии,

³¹ V. Štrauss. Padomju Latvija un starptautiskā kontrrevolūcija. M., 1931. 168 lpp.

³² А. Федяева. Латviešu strēlnieku pulki Lielajā Oktobra revolūcijā Latvijā. — PadLSk, 1945, 8/9, 21.—30. lpp.

за исключением Нахимсона. Пестрит она и казусами «переводческого» мастерства, и фактическими неточностями (например, в статье фигурирует мифическая личность барона Дундаго!).

Лишь в 1948 г. вышла брошюра Р. Кисиса «Октябрьская революция и латышские стрелки», которая через три года с некоторыми дополнениями была издана и на русском языке (правда, под несколько иным названием)³³. Ее автор — в прошлом революционный латышский стрелок — первым в послевоенный период попытался, правда, очень схематично, напомнить широкому читателю о славном боевом пути латышских стрелков, представлявших боевой революционный отряд трудящихся Латвии и сыгравших большую роль в борьбе за Советскую власть. Однако этим, к сожалению, и исчерпывается положительное значение брошюры, весьма скудной по фактическому содержанию, написанной почти без привлечения новых материалов. Имена замечательных большевиков — действительных руководителей и организаторов революционного движения в латышских стрелковых полках — в брошюре даже не упоминаются.

После XX и XXII съездов КПСС характерной чертой работ по истории латышских стрелков стало преодоление ошибочных положений, утвердившихся в предшествующий период и трактовок, противоречивших историческим фактам. Доступность богатейших архивных фондов позволила расширить круг изучаемых вопросов, повысить научный уровень исследований, усилить их действенность и политико-воспитательную значимость. В работах по истории гражданской войны более всесторонне и глубоко, на широкой историкоисследовательской основе стали освещаться события борьбы трудящихся страны Советов против сил внутренней и внешней контрреволюции, а на страницах исторических книг, выходящих в самых различных местах Советского Союза, начало появляться все больше новых материалов о латышских стрелках³⁴.

Историки Советской Латвии, получив возможность широко развернуть исследования по истории красных латышских стрелков, подготовили целый ряд содержательных работ.

³³ R. Kīsis. Oktobra revolūcija un latviešu strēlnieki. Rīgā, 1948. 96 lpp.; Р. Кисис. Латышские стрелки в период гражданской войны. Рига, 1951. 126 стр.

³⁴ См. например: П. Г. Соффинов. Очерки истории ВЧК, М., 1960, стр. 95—107; А. Л. Фрайман. Революционная защита Петрограда в феврале—марте 1918 г. М.—Л., 1964. 324 стр.; С. М. Кляцкин. На защите Октября. М., 1965. 475 стр.; Герои гражданской войны. М., 1964. 538 стр.; Комиссары. М., 1964, 424 стр. и др.

Т. Я. Драудин³⁵ в своих новых работах, значительно расширив источниковедческую базу прежних статей, прослеживает процесс большевизации латышских стрелковых полков, подчеркивает огромное значение резолюции 17 мая 1917 г., отмечает единство борьбы латышских стрелков с революционной борьбой рабочего класса и трудового крестьянства. Книгу Т. Драудина отличает от брошюры Р. Кисиса более верное и всестороннее освещение проблем истории латышских стрелков, а также более солидная источниковедческая основа. Тем не менее автор не уделил должного внимания кропотливому изучению богатейших архивных фондов. Поэтому в его работах ощущается недостаток новых документальных материалов, этим же, по-видимому, обусловлен и некоторый схематизм, присущий работам автора. Умелое сочетание новых конкретных материалов, почерпнутых из различных архивных фондов, с данными других источников характерно для серьезного исследования Я. Кайминя³⁶. Эта монография — результат многолетнего труда автора — является существенным шагом вперед в разработке истории подготовки и проведения вооруженного восстания в латышских стрелковых полках и других частях XII армии. Хронологические рамки исследования, насыщенного новым конкретным материалом и отличающегося детальностью разработки основных вопросов темы — от начала первой мировой войны до февраля 1918 г. В книге убедительно показана руководящая роль большевиков в революционной борьбе латышских стрелков, подробно освещается их участие в подготовке и проведении социалистической революции, в закреплении ее завоеваний. Автор раскрывает антинародную сущность латышской буржуазии, считавшей латышских стрелков пушечным мясом и рассчитывавшей формированием латышских национальных батальонов заслужить благосклонность царского правительства. Проследив нарастание революционных настроений среди латышских стрелков и их переход на сторону пролетарской революции, Я. Кайминь приходит к обоснованному выводу о том, что латышские стрелковые полки были в числе первых частей

³⁵ Т. Драудин. Боевой путь Латышской стрелковой дивизии в дни Октября и в годы гражданской войны (1917—1920 гг.). Рига, 1960. 155 стр.; T. Draudiņš. Latviešu strēlnieku cīņu ceļš. 1917.—1920. Rīgā, 1961. 152 lpp.

³⁶ J. Kaīmiņš. Latviešu strēlnieki cīņā par Oktobra revolūcijas uzvaru. 1917.—1918. Rīgā, 1957. 416 lpp.; Я. Кайминь. Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. 1917—1918 гг. Рига, 1961. 422 стр.; см. также: Я. Я. Кайминь. Латышские стрелки в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Автореф. канд. дисс. Рига, 1953; Я. Кайминь. Латышские стрелки в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. — КСЛ, 1954, 10, стр. 21—28.

царской армии, которые в самый короткий срок присоединились к большевикам как сознательная, дисциплинированная и закаленная в боях вооруженная сила.

Большая заслуга автора и в том, что работу большевиков в латышских полках он описывает в тесной связи с деятельностью других большевистских организаций XII армии, Рижского Совета ЦК РСДРП(б) и СДЛК. В книге приводятся немало примеров, свидетельствующих о дружбе между трудовым народом Латвии и России. История латышских стрелков, подчеркивает автор, убедительно показывает, что главным условием свободы и счастья латышского народа является его неразрывная дружба и братское сотрудничество с русским и другими народами СССР, дружба, закаленная в огне боев за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Большое место в книге отводится освещению той роли, которую латышские стрелки играли в поддержке вооруженного восстания в Петрограде. Как и любой исследовательской работе, так и книге Я. Кайминя присущи некоторые недостатки (не все вопросы освещены с одинаковой полнотой), есть в ней и спорные утверждения. Однако это отнюдь не снижает ее общего положительного значения.

Участие латышских стрелков в борьбе за Советскую власть освещено в целом ряде обобщающих трудов. Среди них прежде всего необходимо упомянуть третий том «Истории Латвийской ССР», первую часть «Очерков истории Коммунистической партии Латвии»³⁷, книги М. И. Капустина³⁸, Ф. А. Шурыгина³⁹ и Д. И. Гразкина⁴⁰, также диссертацию З. М. Громовой⁴¹.

Толчком к дальнейшему исследованию вопроса о латышских стрелках и заговоре Локкарта явилось принципиальное выступление на страницах журнала «Коммунист Советской Латвии» старых коммунистов Т. Драудина, Р. Кисиса, А. Диж-

³⁷ Latvijas PSR vēsture, 3. Rīgā, 1959. 664 lpp.; История Латвийской ССР, 3. Рига, 1958. 798 стр.; Latvijas Komunistiskās partijas vēstures apcerējumi, 1. Rīgā, 1965. 461 lpp.; Очерки по истории Коммунистической партии Латвии, 1. Рига, 1962. 533 стр.

³⁸ М. И. Капустин. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957. 320 стр.; см. также М. И. Капустин. К вопросу о победе Великой Октябрьской социалистической революции на Северном фронте. — ИАН ЛССР, 1953, 6, 13—35 стр.

³⁹ Ф. А. Шурыгин. Революционное движение солдатских масс Северного фронта в 1917 году. М., 1958. 132 стр.

⁴⁰ Д. И. Гразкин. «Окопная правда», М., 1958. 197 стр.; см. также Д. И. Гразкин. «Окопная правда». — ИАрх, 1957, 4, стр. 168—183.

⁴¹ З. М. Громова. Борьба большевиков за солдатские массы на Северном фронте в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Автореф. канд. дисс. Рига, 1955.

бита и Я. Кайминя⁴². В письме в редакцию они вскрыли полную беспочвенность и надуманность версии, получившей известное хождение в условиях культа личности. По этой версии, латышские стрелки и командир первого легкого артиллерийского дивизиона латышской дивизии Эд. Берзинь были сообщниками Локкарта. Приведя документальные данные и выдержки из сообщений советской печати того времени, авторы письма сделали первый шаг в восстановлении исторической правды относительно «посольского заговора» и роли латышских стрелков в его раскрытии.

Существенный шаг вперед в изучении героической борьбы латышских стрелков за власть Советов в первый год гражданской войны (ноябрь 1917 — ноябрь 1918 г.) сделали Б. Тома и А. Спреслис⁴³. Посвятив несколько лет сбору архивного материала, Б. Тома в своей диссертации и статьях впервые ввел в научный оборот ряд новых документов. Заслуживают внимания приведенные им данные о национальном и социальном составе латышских стрелковых подразделений. Большую ценность в его работах представляют сведения о численности состава латышских воинских частей. Наиболее обстоятельно автор освещает процесс формирования Латышской стрелковой советской дивизии, работу партийных организаций в подразделениях дивизии, участие латышских стрелков в подавлении левоэсеровского мятежа в Москве в июле 1918 г.

В монографии А. Спреслиса воссоздана цельная картина боевого пути латышских стрелков в самый трудный год гражданской войны, когда рождалась и крепла Красная Армия, создавались ее первые дивизии и армии, складывались фронты. Полнее, чем прежде, в книге освещается участие латышских стрелков в подавлении левоэсеровских мятежей в Москве и Петрограде, а также антисоветских выступлений в Ярославле, Муроме и Рыбинске. С интересом читаются страницы, посвященные первым боям латышских стрелков против белочехов и белогвардейцев под Самарой, Сызранью и Симбирском. Освещающая бои V армии Восточного фронта за освобождение Казани в сентябре 1918 г., автор использовал ряд новых документаль-

⁴² Т. Драудин, Р. Кисис, А. Дижбит, Я. Кайминь. Латышские стрелки и заговор Локкарта. — КСЛ, 1957, 6, стр. 68—70.

⁴³ Б. А. Тома и А. Спреслис. Борьба латышских стрелков за Советскую власть в 1918 г. Автореф. канд. дисс. М., 1966; Б. А. Тома и А. Спреслис. Страница из истории латышских стрелков. Ликвидация мятежа левых эсеров в Москве 6—7 июля 1918 г. — ТрМГИАИ, 16, 1961, стр. 181—191; B. Tomanis. Latviešu strēlnieki cīņā par padomju varas aizstāvēšanu un nostiprināšanu 1918. gadā. — Grām.: Par Oktobra uzvaru. Rīga, 1967, 193.—219. lpp.; А. И. Спреслис. Латышские стрелки на страже завоеваний Октября. 1917—1918 гг. Рига, 1967, 243 стр.

ных материалов. Он подробно описывает военные действия II и III армий Восточного фронта, в рядах которых сражалось несколько латышских полков и отдельных отрядов. В частности подробнее, чем где бы то ни было, в книге рассказывается об освобождении Ижевска и Воткинска, о боях под Екатеринбургом и Кунгуром и впервые воссоздается обобщенная картина борьбы III латышской бригады и приданных ей частей и подразделений на Южном фронте — под Поворином и Косаркой. Несомненным достоинством книги является и то, что в ней рассказывается о многих командирах, комиссарах и бойцах латышских стрелковых подразделений. Весьма обоснован вывод А. Спреслиса о том, что выборные комитеты стрелков действовали под руководством партийных организаций и являлись проводниками политики партии в латышских полках. В меньшей степени в работе отражены политико-массовая работа, вопросы военной тактики и вооружения. Однако уже теперь ясно, что книга А. Спреслиса послужит отправной базой для изучения тех вопросов, которые автор затронул лишь мимоходом.

Тема освобождения территории Латвии от немецких оккупантов и белолатышей в конце 1918 — начале 1919 г. привлекла внимание А. Зиле и В. Берзиньша⁴⁴. В их статьях анализируется военно-стратегическая обстановка, сложившаяся в конце 1918 г., прослеживается продвижение латышских стрелковых и других подразделений Красной Армии, освобождение Цесиса, Валмиеры, Риги, Тукума, Елгавы и других городов. Анализируя военные действия, авторы подчеркивают, что в целом ряде мест еще до прихода регулярных частей Красной Армии латышские трудящиеся своими силами изгоняли оккупантов и устанавливали Советскую власть. В этой связи должное внимание уделяется восстанию рижских рабочих 3 января 1919 г. Рассказывая об участии латышских стрелков в освобождении южных уездов Эстонии, В. Берзиньш первым в советской исторической науке послевоенного периода ставит вопрос о том, почему после взятия Валки основные усилия не были направлены на освобождение территории Эстонии и разгром белогвардейского северного корпуса, почему части Красной Армии двинулись на юг. Правда, исчерпывающего ответа он не дает. К сожалению, исследования советских историков все еще не дают полного представления о соотношении вооруженных

⁴⁴ A. Zīle. *Ausa jauna diena. Padomju varas atjaunošana Latvijā. 1918.—1919.* Rīgā, 1958. 83 lpp.; V. Bērziņš. *Latviešu strēlnieku cīņa par Latvijas atbrīvošanu no vācu okupācijas jūga 1918. g. beigās un 1919. g. sākumā.* — ZAVēst, 1964, 11, 3.—13. lpp.; V. Bērziņš. *Latviešu strēlnieku cīņa par Kurzemes atbrīvošanu no vācu okupantiem 1919. g. janvārī.* — ZAVēst, 1965, 1, 23.—31. lpp.

сил в конце 1918 — начале 1919 г., о тактических и стратегических замыслах советского и германского командования. Одна из причин этого кроется, по-видимому, в недостаточном изучении немецких архивных документов, а также исторической литературы, изданной в Германии.

Вопросы организации и строительства армии Советской Латвии в 1919 г. дальнейшую разработку получили в статьях А. Зиле и В. Берзиньша⁴⁵, которые на основании новых, нередко впервые введенных в научный оборот материалов описывают процесс формирования новых воинских частей начиная с пехотных подразделений и кончая авиадивизионом. Несомненную ценность представляют сведения о численности армии Советской Латвии, ее национальном составе, количестве добровольцев и коммунистов. В этих статьях полнее и шире, чем раньше, освещается деятельность войсковых партийных организаций, комитета коммунистической организации и полковых комитетов. Отмечая большую работу, которая была проведена коммунистами и всей партийной организацией в подразделениях армии Советской Латвии, авторы вместе с тем не замалчивают серьезных трудностей, с которыми пришлось столкнуться членам партии, не скрывают недостатков в партийной работе в армии. Проследив два этапа в формировании вооруженных сил Советской Латвии, А. Зиле приходит к выводу, что даже на первом этапе, когда армия создавалась на основе добровольности, она была регулярной, строго централизованной армией, ядро которой составляли красные латышские стрелковые полки, героически сражавшиеся против белогвардейцев на многих участках и фронтах гражданской войны. В статьях описываются дискуссии, развернувшиеся при обсуждении важнейших принципов построения армии Советской Латвии, в частности на третьей конференции коммунистических организаций латышских стрелковых полков, отмечаются особенности внутренней структуры латышских стрелковых подразделений. Заслуживает внимания подтвержденный фактами и хорошо обоснованный вывод В. Берзиньша о том, что как полковые комитеты и Исколастрел, так и комитет партийной организации проделали большую работу по увеличению боеспособности войсковых подразделений и мобилизации рядовых стрелков на борьбу с врагами Советской власти. Тем не менее в отдельных случаях в статьях ощущается увлечение иллюстративным методом. Так, например, недостаточное внимание к необходимости суммировать кон-

⁴⁵ А. Я. Зиле. Организация и строительство армии Советской Латвии в 1919 г. — УчЗ ЛатГУ, 61, 1965, стр. 143—189; V. Berziņš. Latviešu strēlnieku komunistiskā organizācija Padomju Latvijas sardzē. — Grām.: Par Oktobra uzvaru. Rīgā, 1967, 220.—234. lpp.

кретные материалы привело к тому, что А. Зиле, рассказывая о мобилизациях населения, даже не попыталась ответить на вопрос, сколько же всего было призвано человек в армию Советской Латвии в 1919 г.

Усилиями главным образом В. Берзиньша за последнее время существенно конкретизировалось представление также о борьбе латышских стрелков на территории Латгале во второй половине 1919 — начале 1920 г.⁴⁶ В его статье дается как описание военных операций, так и подробные сведения о численном составе стрелковых подразделений и частей. Достоинством статьи является и то, что в ней боевые операции латышских стрелков рассматриваются в органической связи с развитием событий в районах действия соседних VII и XVI армий.

В этой же связи необходимо указать на диссертационную работу и созданную на ее основе монографию В. Берзиньша⁴⁷, в которых на базе широкого круга источников (архивных материалов, документальных публикаций, воспоминаний и печати того времени), а также всей предшествующей исторической литературы вопроса всесторонне освещена борьба латышских стрелков за Советскую власть в Латвии в 1919 г., выявлены этапы этой борьбы, воссоздана картина международной и внутренней обстановки того времени и показана роль армии Советской Латвии в защите завоеваний Великого Октября. Наряду с детальным анализом оперативных планов В. Берзиньш проследил ход формирования вооруженных сил Советской Латвии, дал оценку внутренней организации ее армии, в которой наряду с институтом комиссаров существовала система выборных полковых комитетов во главе с Исколастрелом, а работой коммунистов руководил Комитет организации СДЛ армии, избираемый на конференции коммунистов-стрелков. В его диссертации и монографии впервые подробно освещены такие вопросы, как сражения латышских стрелков в районе Валки и образование Видземского фронта, бои за Ригу в мае 1919 г. и боевой путь латышских стрелков в Латгале. Значительное внимание в работах уделено характеристике численного, национального и социального состава подразделений армии Советской Латвии. Несомненной заслугой автора является то, что ему удалось показать сотрудничество латышских стрелков с другими частями Красной Армии при защите Советской Латвии, а также их совместную борьбу за Советскую власть в юж-

⁴⁶ V. Bērziņš. Latviešu strēlnieku cīņas Latgalē 1919. gada otrajā pusē. — ZAVēst, 1966, 3, 21.—30. lpp.

⁴⁷ В. М. Берзиньш. Латышские стрелки в борьбе за Советскую Латвию (1919 г.). Автореф. канд. дисс. Рига, 1965; V. Bērziņš. Latviešu strēlnieki cīņā par Padomju Latviju 1919. gadā. Rīgā, 1969. 265 lpp.

ной части Эстонии, на севере Литвы и в Псковской области, документально подтвердить, что иностранные интервенты составляли главную силу в борьбе против Советской Латвии, а также показать полную зависимость внутренней контрреволюции от империалистов Запада и тем самым нанести еще один удар по фальсификаторским приемам латышских буржуазных историков.

Вопрос об участии латышской стрелковой дивизии в боях против деникинцев на Южном фронте затрагивался многими исследователями и прежде всего Р. Кисисом, Т. Драудиным, Я. Крастынем, П. В. Макеевым. Специально этому вопросу посвящена работа П. В. Макеева⁴⁸.

Автор ввел в научный оборот ряд новых архивных документов, использовал отдельные воспоминания участников этих боев и, в меньшей степени, богатое историографическое наследие 20-х — первой половины 30-х годов. Воссоздавая картину перехода ударной группы войск Южного фронта в контрнаступление, П. Макеев рассказывает о героизме многих бойцов и командиров латышской дивизии, в том числе знакомит читателя с подвигами П. Шведе, Я. Вицкуса, Я. Кришьяна и К. Стуцки. Заслуженное внимание в книге уделяется освещению политико-массовой и партийной работы, а также деятельности политотдела Латышской стрелковой дивизии.

И тем не менее участие латышских стрелков в борьбе против войск Деникина требует дальнейшего изучения. Необходимо, учитывая все достижения советской исторической науки, уже в ближайшие годы подготовить по данной теме капитальное исследование, основанное на глубоком и всестороннем изучении источников.

В этой связи следует упомянуть обстоятельные работы Т. Я. Драудина⁴⁹ и Я. П. Крастыня⁵⁰, в которых сделан немалый шаг вперед в исследовании данной тематики. В них полнее, чем где бы то ни было, воссоздана конкретная картина участия латышских стрелков в Орловско-Кромском сражении. Весьма ценно, что статьи написаны с учетом как последних достижений советской исторической науки, так и историографического наследия 20-х — первой половины 30-х годов (в частности,

⁴⁸ П. В. Макеев. На Деникина! Роль латышских стрелков в разгроме деникинских полчищ. Рига, 1960. 120 стр.

⁴⁹ T. Draudiņš. Latviešu strēlnieki cīņās pret Deņikinu. — ZAVest, 1959, 10, 5.—14. lpp.; см. также: Т. Драудин. Боевой путь латышской стрелковой дивизии в дни Октября и в годы гражданской войны. (1917—1920 гг.). Рига, 1960. 155 стр.; T. Draudiņš. Latviešu strēlnieku cīņu celš. 1917.—1920. Rīgā, 1961, 152 lpp.

⁵⁰ Я. Крастынь. Участие латышских стрелков в Орловско-Кромских боях. — ИАН ЛССР, 1960, 7, стр. 119—127.

в них широко использован труд К. Галицкого «Орловско-Кромское сражение»). Но, к сожалению, новые архивные материалы привлечены недостаточно широко.

Результатом творческих усилий группы историков — Я. Крастыня, А. Дризулиса, Я. Руберта, Б. Томана, В. Берзиньша, А. Спреслиса и А. Бирона — явился обобщающий труд «История латышских стрелков»⁵¹ (от создания первых национальных подразделений в 1915 г. до расформирования Латышской стрелковой дивизии в 1920 г.). В работе использованы документы, выявленные в архивах Москвы, Ленинграда, Риги и Таллина, материалы советской исторической литературы, посвященной Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне, в том числе публикации Комиссии по истории латышских стрелков, а также периодической печати. В этом обстоятельном исследовании детальнее, чем раньше, освещаются вопросы истории возникновения латышских батальонов, должное внимание уделяется боевым действиям латышских стрелков на Северном фронте первой мировой войны в 1916 и начале 1917 г., показывается процесс революционизирования латышских стрелков и их переход на сторону социалистической революции. В книге говорится о героической борьбе латышских стрелков на фронтах гражданской войны в 1918 г., приводится немало новых материалов об их участии в подавлении контрреволюционных мятежей и борьбе на Восточном, Северном и Южном фронтах.

Особенно детально освещаются вопросы борьбы латышских стрелков за Советскую Латвию в конце 1918 и в 1919 г. Здесь приводятся новые и малоизвестные материалы о боях с интервентами в Курземе и северной части Литвы, в южных уездах Эстонии и на севере Латвии в 1919 г., рассматриваются вопросы военного строительства, впервые обобщаются данные о численном и боевом составе 1-й и 2-й дивизий армии Советской Латвии. Шире, чем прежде, освещается политическая работа коммунистов в армии, раскрывается органическая связь боевых действий стрелков на территории Латвии с общей военной обстановкой на Западном и Северо-Западном фронтах. В книге подробно повествуется также об одной из наиболее славных страниц из истории латышских стрелков — об их участии в разгроме белогвардейской армии Деникина. На большом фактическом материале, часть которого впервые вводится в научный оборот, выясняется значение Латышской стрелковой дивизии в достижении перелома в Орловско-Кромском сражении и окончательном разгроме деникинских войск, не обойдена

⁵¹ *Latviešu strēlnieku vēsture*. Atb. red. J. Krastiņš. В печати.

здесь и такая сложная проблема, как план разгрома Деникина (план И. Я. Вацетиса и план С. С. Каменева).

Достаточно полное отражение нашел в этой работе и последний, самый трудный этап истории красных латышских стрелков — их героическая борьба против белогвардейских войск Врангеля в степях Северной Таврии. Авторский коллектив проделал немалую работу по выявлению новых и систематизации уже известных сведений о возникновении врангелевского фронта и первых штурмах Перекопа частями Красной Армии и впервые в послевоенной советской исторической науке дал обобщающий анализ боевого пути Латышской стрелковой дивизии на этом фронте. Немало ярких страниц посвящено созданию Каховского плацдарма и его защите.

Важным достоинством «Истории латышских стрелков» является то, что боевые действия латышских стрелковых подразделений освещаются на широком фоне событий всего периода гражданской войны и в органической связи с ратными делами основных формирований РККА. Не менее ценно и то, что авторский коллектив не только ввел в научный оборот немало новых материалов, но и проделал большую работу по систематизации и обобщению широкого круга разнообразных источников.

Значение данного труда, несомненно, выходит за рамки местной историографии и очевидно, что он будет способствовать дальнейшей разработке и конкретизации целого ряда вопросов истории гражданской войны и прежде всего послужит делу дальнейшего изучения участия народов нашей страны в Великой Октябрьской социалистической революции и защите ее завоеваний от посягательств контрреволюции.

Темы «В. И. Ленин и латышские стрелки» касались многие исследователи. Как известно, еще в 20-х годах этому вопросу было посвящено несколько статей и выступлений П. Стучки. В работах, появившихся после XX съезда КПСС, приводится немало фактов и эпизодов, свидетельствующих об отношении вождя мировой революции к латышским стрелкам ⁵².

⁵² Т. Драудин. Боевой путь латышской стрелковой дивизии в дни Октября и в годы гражданской войны. (1917—1920 гг.) Рига, 1960. 155 стр.; Т. Драудинš. Latviešu strēlnieku cīņu ceļš. 1917.—1920. Rīgā, 1961. 152 lpp.; J. Kaimiņš. Latviešu strēlnieki cīņā par Oktobra revolūcijas uzvaru. 1917.—1918. Rīgā, 1957. 416 lpp.; Я. Кайминь. Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. 1917—1918 гг. Рига, 1961. 422 стр.; R. Treiņš. Ļeņins un revolucionārā kustība Latvijā. Rīgā, 1960. 151 lpp.; А. А. Дризул. В. И. Ленин и латышские стрелки. — В кн.: Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966, стр. 289—295; С. Зиёмелис. Перед решительным штурмом (В. И. Ленин о революционном движении в Латвии в 1914—1917 гг.). — КСЛ, 1967, 5, стр. 34—41; А. Дризулис, J. Kras-tiņš. Cīņa par Padomju varu Latvijā. 1917. — 1920. Rīgā, 1967. 388 lpp.

В последние годы рассматривалась также тема «П. Стучка и латышские стрелки»⁵³.

4. ИЗДАНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Ценные воспоминания современников и документальные материалы, характеризующие важнейшие этапы борьбы латышских стрелков по защите завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, опубликованы в сборнике «Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917—1920 гг.»⁵⁴ Это первый и до настоящего времени единственный, изданный в послевоенный период сборник материалов, специально посвященный боевому пути латышских стрелков во время гражданской войны. В нем опубликованы интересные и главным образом новые архивные материалы (военно-оперативные документы, решения партийных собраний и конференций), воспоминания и биографические очерки о командирах и политработниках латышских национальных формирований. Материалы сборника отражают борьбу латышских стрелков за победу Октябрьской революции, рассказывают о том, как они охраняли Советское правительство в Смольном и Кремле, боролись против войск Каледина и белочехов на Восточном фронте, принимали участие в подавлении левозсеровского мятежа в Москве в июле 1918 г., повествуют о борьбе латышских стрелков за Советскую Латвию в 1918—1919 гг. и их борьбе на Южном фронте в 1919—1920 гг.

Среди опубликованных документов особенно интересны адресованное Я. М. Свердлову донесение комиссара дивизии К. Петерсона о заговоре Локкарта и участии стрелков в его ликвидации, описание боевых действий дивизии за период с 9 по 16 ноября 1920 г. (освобождение Крыма), выдержка из резолюции VI съезда Коммунистической партии Латвии об основных принципах коммунистической организации армии Советской Латвии и др. В сборник включены выступления Я. Свердлова, С. Буденного и А. Егорова, в которых дается высокая оценка боевых действий красных латышских стрелков на фронтах гражданской войны. Яркостью изложения, интересными зарисовками и содержательностью отличаются воспоминания П. Плаудиса, В. Примаква, Я. Балодиса, К. Заула и т. д.

⁵³ См., например: P. Dzērve. Pēteris Stučka. Rīgā, 1957. 168 lpp.; Pēteris Stučka. Laikabiedru atmiņas. 1865.—1965. Rīgā, 1965. 227 lpp.; S. Ziemeļis. Pēteris Stučka un latviešu strēlnieki. — Padomju karogs (Talsos), 1965, 29. maijā и др.

⁵⁴ Latviešu strēlnieki cīņā par padomju varu 1917.—1920. gadā. Atmiņas un dokumenti. Rīgā, 1960. 566 lpp.; Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917—1920 гг. Воспоминания и документы. Рига, 1962. 527 стр.

Воспоминания, опубликованные в сборнике «1917 год в Латвии», отражают положение в латышских стрелковых полках 1917 г.⁵⁵ Часть из них (воспоминания А. Анскина, Р. Баузе, А. Фелдмана и др.) была ранее опубликована издательством «Прометей», другая (мемуары А. Муцениека, К. Жубите, Р. Кисиса и др.) — издана впервые. Среди воспоминаний латышских стрелков, составивших сборник «Рушится старый мир...»⁵⁶, следует отметить мемуары Я. Витола, Ф. Маркуса, К. Парумса и И. Ласмана. Ряд дополнительных исторических деталей читатель может почерпнуть из воспоминаний, включенных в сборник «За Советскую Латвию»⁵⁷. И, наконец, нельзя обойти книгу воспоминаний П. Д. Малькова⁵⁸ — живое и красочное описание исторических событий. Партийность и интернационализм, пронизывающие всю книгу от ее первой и до последней страницы, ясный и простой язык и та теплота, с которой автор описывает своих боевых товарищей, отдавших все свои силы служению революционному делу, выдвигают эту книгу в разряд лучших произведений мемуарной литературы, посвященной Великому Октябрю и первым годам существования Советского государства.

Ценность книги П. Д. Малькова состоит в том, что в ней дана правдивая картина борьбы трудящихся за Советскую власть, восстанавливается правда о латышских стрелках, охранявших Советское правительство в Смольном и Кремле. Выполняя вместе с балтийскими моряками, вооруженными рабочими Петрограда и латышскими стрелками ответственной поручения партии, П. Д. Мальков видел, как в огне суровой борьбы с классовыми врагами выковывалась интернациональная сплоченность революционных бойцов, как крепла дружба между трудящимися России и Латвии, как шаг за шагом латышские стрелки своими боевыми делами завоевывали славу гвардейцев Великого Октября. Автор подчеркивает преданность латышских стрелков Советской власти, их сплоченность и дисциплинированность.

Немало важных документальных материалов, относящихся к истории латышских стрелков, введено в научный оборот советскими исследователями, подготовившими после XX съезда

⁵⁵ 1917. gads Latvijā. Revolūcijas dalībnieku atmiņas. Rīgā, 1957. 372 lpp.

⁵⁶ Grūst vecā pasaule... (Oktobra revolūcijas dalībnieku atmiņu krājums.) Sastādījis J. Bērziņš. Rīgā, 1957. 327 lpp.

⁵⁷ За Советскую Латвию. Воспоминания борцов. 1918—1919. Рига, 1960. 600 стр.; Par Padomju Latviju. Cīnītāju atmiņas. 1918.—1919. 1, 2. Rīgā, 1958, 1959. 421 un 432 lpp.

⁵⁸ P. Maļkovs. Kremļa komandanta piezīmes. Rīgā, 1960. 348 lpp.; П. Мальков. Записки коменданта Московского Кремля. 3-е изд. М., 1967. 264 стр.

КПСС ряд серьезных публикаций по истории революционного движения в Латвии⁵⁹.

Работы советских исследователей по истории латышских стрелков наносят удары по лженаучным концепциям буржуазных националистов, которые или прямо извращают исторические факты о латышских стрелках, боровшихся за Советскую власть, или стремятся выхолостить из этой борьбы революционное содержание и придать ей националистический характер. Латышские буржуазные историки упорно проводят идею о том, что националистические идеи были доминирующим фактором всех действий латышских стрелков, что они, под какими бы знаменами не стояли, всегда боролись только за «независимую» Латвию. Буржуазные авторы или пытались представить латышских стрелков как далеких от политики храбрых вояк, присягнувших в верности сначала царю, а затем и Советскому правительству, поскольку, мол, и царское, и Временное правительство были свергнуты, или навязывали мысль о решающей роли национально-психологических особенностей латышей и их извечной ненависти к немцам.

Таким образом, трактовка истории латышских стрелков в буржуазной историографии в конечном счете служила «историческим обоснованием» появления на свет латвийского буржуазного государства и глорификации его создателей. Старательно обходя вопросы нарастания революционности латышских стрелков и деятельности их организаций, их перехода на сторону большевиков, буржуазные историки либо акцентируют свое внимание на описании боевых операций латышских стрелковых батальонов и полков на полях сражений первой мировой войны, либо «расписывают» борьбу белолатышских частей в 1918—1920 гг. О борьбе латышских стрелков за Советскую власть на фронтах гражданской войны они упоминают чрезвычайно односторонне и крайне тенденциозно, допуская подчас даже прямую фальсификацию, особенно в характеристике руководителей красных латышских стрелков и прежде всего командира латышской стрелковой дивизии и первого главкома РККА И. Вацетиса. Задача советских историков — ответить на эти

⁵⁹ Октябрьская революция в Латвии. Документы и материалы. Рига, 1957. 459 стр.; *Latvijas Komunistiskā partija Oktobra revolūcija*. 1917. Dokumenti un materiāli (1917. g. marts — 1918. g. februāris). Rīgā, 1957. 624. lpp.; Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции. 1917. Документы и материалы (март 1917 — февраль 1918 г.). Рига, 1963. 864 стр.; Социалистическая Советская Республика Латвии в 1919 г. и иностранная интервенция, 1, 2. Рига, 1959, 1960. 583 и 544 стр.; *Latvijas Komunistiskā partija 1918. un 1919. gadā*. Dokumenti un materiāli. Rīgā, 1958. 634 lpp.

фальсификации серьезными, хорошо документированными исследованиями биографий латышских военачальников.

Основанные на большом документальном материале работы советских историков широко освещают ряд важнейших этапов истории латышских стрелков и аргументированно объясняют причины перехода подавляющего большинства латышских стрелков на сторону пролетарской революции. Таким образом, подъем исторической науки, наметившийся после XX съезда КПСС, ознаменовался реально ощутимыми успехами и в разработке истории красных латышских стрелков.

Но тем не менее боевой путь латышских стрелковых полков в годы гражданской войны все еще изучен недостаточно. К сожалению, почти совсем не наметился прогресс в исследовании деятельности стрелков в 1920 г. (борьба с Врангелем), слишком медленно идет также изучение ряда аспектов первого периода существования латышских национальных формирований (июль 1915 — февраль 1917 г.).

Ряд вопросов до сих пор остается дискуссионным (например, вопрос об оценке внутренней структуры Латышской стрелковой советской дивизии и армии Советской Латвии, в частности оценка деятельности Исколастрела в послеоктябрьский период). В дальнейшем советские историки, на наш взгляд, должны сосредоточить свое внимание на углубленной разработке кардинальных вопросов истории красных латышских стрелков и подготовке публикаций документальных материалов. Вместе с тем необходимо продолжить работу, начатую еще Комиссией по истории латышских красных стрелков в 20-х годах, по написанию истории отдельных латышских стрелковых подразделений и приступить к составлению широкой и обстоятельной хроники событий из истории латышских стрелков.

ХІІ. ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ (1920—1940 гг.)

1. ПЕРВЫЙ ЭТАП РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ

Задачи политической борьбы требовали от латышских революционеров пристального внимания к важнейшим аспектам экономической, социальной и политической истории буржуазной Латвии. Большую ценность для исследователей представляют опубликованные в 20-х — первой половине 30-х годов работы латышских революционных деятелей, экономистов и историков, проживавших в Москве, Ленинграде и других городах Советского Союза. Небольшие по объему, эти работы были написаны по горячим следам недавних событий и, как правило, носили ярко выраженную публицистическую окраску. В них рассматривались отдельные аспекты революционного движения в буржуазной Латвии и задачи Коммунистической партии, положение трудящихся масс города и деревни, а также перспективы экономического развития. И естественно, что эти работы создавались на узкой источниковедческой основе, без привлечения архивных материалов. Поэтому им не чужды элементы схематизма и упрощенчества, а некоторые приведенные в них данные нуждаются в уточнении. Тем не менее их положительная роль бесспорна.

Специальной исторической работы, посвященной истории буржуазной Латвии, П. Стучка не оставил, но в его политических статьях, брошюрах и выступлениях рассматривались самые животрепещущие вопросы новейшей истории Латвии и прежде всего деятельность революционной партии латышского пролетариата¹. Для современного историка работы

¹ См., например: P. Stučka. Darbs un zeme. Agrārrevolūcija un komunisms. [Pleskavā], 1920. 332 lpp.; P. Stučka. Latvijas krīze. [Pleskavā], 1921. 20 lpp.; P. Stučka. Latvijas Komunistiskā Partija un vēlēšanas. [Pleskavā], 1921. 24 lpp.; P. Stučka. Latvijas «vislielākās partijas» politiskais bankrots. [Pleskavā], 1920]. 36 lpp.; П. Стучка. Коммунистическая партия Латвии к выборам. [Псков], 1922. 31 стр.; P. Stučka. Ko gaida lauki no komu-

П. Стучки представляют двойную ценность: прежде всего они содержат немало интересных наблюдений, принципиальных оценок и метких характеристик политических партий буржуазной Латвии и их лидеров, фактических данных о том или ином историческом событии и, наконец, теоретических обобщений, и поныне не утративших своего значения, а затем — они сами, как документ определенной эпохи, стали объектом изучения эволюции взглядов руководителей КПЛ на тот или иной вопрос недавнего исторического прошлого латышского народа.

Как подлинный марксист-диалектик П. Стучка понимал, что поражение революции в Латвии в 1919 г. носило временный характер, все его работы полны веры в революционную энергию латвийского пролетариата. Круг вопросов, привлекавших внимание П. Стучки, значителен: тут и анализ соотношения классовых сил в первые годы господства националистической буржуазии, и разоблачение модных идеек буржуазных апологетов о «независимости» Латвии, и показ классовой сущности буржуазного демократизма и парламентаризма, и разоблачение предательской линии латышских меньшевиков. В ряде работ П. Стучка затрагивает также вопрос о буржуазной аграрной реформе, подчеркивая при этом, что в конкретных условиях буржуазной Латвии полностью разрешить аграрный вопрос не удастся. В этих работах П. Стучки вообще доминирует мысль о необходимости прочного союза рабочего класса и широких слоев трудового крестьянства и уверенность, что только такой союз может добиться свержения капиталистического строя и установления диктатуры пролетариата. Высказывания П. Стучки проливают дополнительный свет на положение в Коммунистической партии Латвии, на происходившую в ней борьбу различных точек зрения по отдельным вопросам тактики и стратегии партии в изменившихся условиях Латвии 20-х — начала 30-х годов.

В брошюре Я. Берзиня - Андерсона «Государственные основы «демократической» Латвии и ее будущее»² кратко излагается история создания буржуазной Латвии, приводятся отдельные документальные материалы, свидетельствующие об антинародной, предательской политике латышских буржуазных националистов в 1918—1919 гг., вскрывается классовая сущ-

nistiem? (VII LKP kongresa agrārrezolūcija ar paskaidrojumiem). [M.], 1925. 56 lpp.; P. Stučka. Pār pilsonisko demokrātiju — uz padomju varu. (Uz nākošām saeimas vēlēšanām.) [M.], 1925. 36 lpp.; P. Stučka. «Jaunais kurss» Latvijā. — Cīņas Biedrs, 1927, 1, 20.—40. lpp.; P. Stučka. Strādnieku apvienība ar darba zemniecību. [M.], 1930. 23 lpp.

² J. Bērziņš - Andersons. «Demokrātiskās» Latvijas valsts pamati un viņas nākotne. [M.], 1923. 112 lpp.

ность возникшей государственной системы и показывается нарастание социальных противоречий. К числу страниц, и поныне привлекающих внимание, относится описание положения основных национальных меньшинств в буржуазной Латвии, а также характеристика внешнеполитического курса ее правящих кругов.

Особый интерес представляет брошюра Ю. Данишевского «Внутреннее и международное положение Латвии»³. В этом ярком политическом произведении автор, оценивая события в основном правильно, хотя и, пожалуй, слишком прямолинейно и даже категорично предупреждает об угрозе фашистского переворота, подчеркивает, что фашизм становится политическим идеалом латышской буржуазии. Отметив, что во внутренней политике Латвии борьба за и против фашизма стала главнейшей проблемой, он призывает к объединению всех прогрессивных сил для борьбы с фашизмом.

Подробно рассматривая вопросы экономического развития, автор приводит данные, свидетельствующие о вторжении иностранных капиталов в народное хозяйство буржуазной Латвии, анализирует ее внешнюю торговлю, экономические связи с Литвой, Эстонией и Польшей. Вскрывая классовую сущность экономической политики правящих кругов, Ю. Данишевский показывает, во что обходится латвийской экономике нарушение естественных экономических связей с Советским Союзом. В заключение автор останавливается на тех задачах, которые встали, по его мнению, перед Коммунистической партией Латвии, а также на ее важнейших политических лозунгах.

Немало материала для раздумий, сопоставлений и анализа дают работы Я. Круминя-Пилата⁴, в которых оценивается соотношение классовых сил в буржуазной Латвии, даются краткие, но достаточно четкие характеристики ее основных политических партий. Видное место в работах автора уделяется разоблачению демагогии латышских меньшевистских лидеров, прикрывавших свое служение интересам латышской буржуазии социалистической фразеологией. Я. Круминь-Пилат вскрывает беспочвенность надежд социал-демократов на «оздоровление»

³ J. Daniševskis. Latvijas iekšējais un starptautiskais stāvoklis. [M.], 1928. 46 lpp.

⁴ Pilāts [J. Krūmiņš]. Politiskās partijas Latvijā. [Pleskavā], 1921. 44 lpp.; J. Pilāts. Sociāldemokrātu kapitālisma glābšanas programma un revolucionārās strādniecības uzdevumi Latvijā. [M.], 1931. 44 lpp.; J. Pilāts. Pret labpusējo un «kreiso» oportunistu Latvijas Komunistiskā partijā. [M.], 1933. 68 lpp.; Pilāts. Fašisms, demokrātija un tautas fronte. [M.], 1936. 18 lpp.; Pilāts. Politiski dienas jautājumi. [M.], 1936. 62 lpp.; Pilāts. Ulmaņa fašistiskā diktatūra un strādnieku šķiras uzdevumi. [M.], 1934. 52 lpp.; J. Krūmiņš (Pilāts). Baltijas valstu neatkarība un hitlerisms. [M.], 1935. 22 lpp.

капиталистической экономики без коренной ломки всего политического строя и антинаучность их рассуждений о государственном капитализме. Работы автора помогают уяснить тактическую линию Коммунистической партии Латвии, проливают свет на сложность внутрипартийной обстановки и свидетельствуют о решительной борьбе КПЛ за правильный курс. Заслуживает внимания и анализ задач, вставших перед партией латышского пролетариата после установления в стране фашистской диктатуры Ульманиса.

До сих пор не потеряло своей ценности научно-литературное наследие К. Печака, статьи и брошюры которого посвящены главным образом важнейшим проблемам экономической эволюции буржуазной Латвии⁵. Важной заслугой К. Печака является то, что он одним из первых в советской историко-экономической литературе дал развернутую марксистскую характеристику экономического кризиса в буржуазной Латвии. Он показал, что рассуждения латышских буржуазных и меньшевистских экономистов о том, будто кризис в Латвии является исключительно следствием кризиса в крупнейших западноевропейских странах, неосновательны. Приведенные автором материалы подтверждают мысль о том, что больше всего от кризиса пострадали широкие массы трудящихся. Пальма первенства принадлежит К. Печаку и в изучении экономики Латвии периода фашистской диктатуры, а его оценки и характеристики экономической политики латвийского фашизма до сих пор представляют определенный интерес. В заключение отметим, что ряд положений, высказанных К. Печаком, был использован при выработке политической линии КПЛ и подготовке постановлений ее руководящих органов.

Большое значение для мобилизации трудящихся на борьбу против диктатуры буржуазии имели выступления, статьи и брошюры Фр. Деглава⁶, посвященные широкому кругу вопросов начиная от анализа процессов, происходивших в результате проведения буржуазной аграрной реформы и кончая описанием борьбы трудящихся Латвии против фашизма и характеристикой тактической линии КПЛ.

Публицистическая направленность свойственна и работам В. Мишке⁷, в которых острому критическому анализу подвер-

⁵ K. Pečaks. Rakstu izlase. Rīgā, 1959. 364 lpp.

⁶ Fr. Deglavs. Rakstu izlase, I. Rīgā, 1959. 279 lpp.; см. также: Fr. Deglavs. Par buržuāziskās Latvijas šķietamo neatkarību. Rīgā, 1945. 24 lpp.; Fr. Deglavs. Kas bija tiešie saimnieki buržuāziskajā Latvijā? Rīgā, 1947. 28 lpp.

⁷ V. Miške. Buržujiskās Latvijas pirmā sociāldemokrātiskā valdība. [M.], 1928. 255 lpp.; V. Miške. Dažas piezīmes par soc.-dem. strād. partijas organizāciju. — Cīņas Biedrs, 1926, 5/6, 58.—88. lpp.; V. Miške. Dažas pie-

гаются теоретические концепции и практическая деятельность руководящих кругов латышской меньшевистской партии, показывается, какая огромная разница была между декларативными заявлениями меньшевистских лидеров и их реальными делами, а также характеризуется деятельность профсоюзов и положение широких трудящихся масс. В центре внимания его основной работы того периода — брошюры «Первое социал-демократическое правительство буржуазной Латвии» — характеристика состава и деятельности правительственного кабинета М. Скуениека. Читатель найдет здесь интересные материалы о внутривнутриполитическом и внешнеполитическом курсе этого правительства, многочисленные высказывания социал-демократических министров и лидеров меньшевистской партии по целому кругу актуальнейших вопросов политической жизни того времени. Интересны страницы, рассказывающие о политике социал-демократии по отношению к СССР и о той борьбе, которая развернулась в господствующих кругах буржуазной Латвии в связи с подписанием торгового договора 1927 г. между СССР и Латвией. На основе своих наблюдений В. Мишке приходит к выводу, что правительственная декларация латвийских меньшевиков была по своей сущности не чем иным, как программой стабилизации латвийской капиталистической экономики и буржуазного государства, т. е. программой, предающей интересы пролетариата Латвии.

Определенный вклад в разработку аграрной истории Латвии, в том числе и буржуазной, внес Ю. Кирш, опубликовавший в 20-х годах несколько статей, брошюр и книг⁸. Его

zīmes par vienotu fronti mūsu arodkustībā. — Cīņas Biedrs, 1926, 9/10, 38.—60. lpp.; V. Miške. Bezdarba pieaugšana Latvijā. — Cīņas Biedrs, 1927, 1, 41.—57. lpp.; V. Miške. S.-d. lideri un fašisms Latvijā. — Cīņas Biedrs, 1927, 2, 65.—82. lpp.; V. Miške. Kreisā iespaida pieaugšana Latvijas sociāldemokrātiskās arodbiedrībās un mūsu uzdevumi. — Cīņas Biedrs, 1928, 4/5, 26.—52. lpp.; V. Miške. Par uzdevumiem arodkustības laukā. — Cīņas Biedrs, 1930, 3/4, 54.—78. lpp.

⁸ J. Kīršs. Piezīmes par agrārjautājumu Latvijā. [M.], 1925. 104 lpp.; J. Kīršs. Agrārjautājums Latgalē. [M.], 1927. 90 lpp.; J. Kīršs. Latvijas laukstrādnieki un viņu revolucionārā cīņa. [M.], 1928. 26 lpp.; Ю. Кирш. Аграрная революция в Прибалтике. М., 1931. 182 стр.; Ю. Кирш. Грядущая война и крестьянство Прибалтики. М., 1933. 44 стр.; Ю. Кирш. Положение и борьба крестьянства Прибалтики. М., 1933. 63 стр.; J. Kīršs. Dažas piezīmes par vidējās zemniecības un partijas attiecībām Latvijā. — Cīņas Biedrs, 1925, 29, 58.—69. lpp.; J. Kīršs. Pilsoniskās demokrātijas krīze un partijas uzdevumi Latvijā. — Cīņas Biedrs, 1926, 4, 1.—25. lpp.; J. Kīršs. Sīksaimnieki un partijas uzdevumi Latvijā. — Cīņas Biedrs, 1925, 28, 102.—116. lpp.; J. Kīršs. Lauki un komunistiskā propaganda. — Cīņas Biedrs, 1929, 4, 44.—72. lpp.; J. Kīršs. Laukstrādnieku jautājums un partijas tuvākie uzdevumi Latvijā. — Cīņas Biedrs, 1926, 2, 22.—37. lpp.; J. Kīršs. Laukstrādnieki

работы не являются монографиями в строгом понимании этого слова, это, скорее, историко-политические очерки, рассчитанные на широкие читательские круги и знакомящие их с основными этапами аграрной эволюции латышской деревни начиная с XIX в. В них большое внимание уделяется классовой борьбе в деревне в такие переломные периоды истории латышского народа, как революционные события 1905—1907, 1917 и 1919 гг. Ю. Кирш стремился нарисовать также общую картину состояния латвийской деревни в 20-х годах этого столетия и дать целостную характеристику аграрной политике Коммунистической партии Латвии.

Несомненной заслугой Ю. Кирша является то, что он одним из первых советских историков попытался проследить аграрный вопрос в Латвии на протяжении всего капиталистического периода и первый воссоздал картину аграрных отношений в ее восточной части — Латгале. Достоинством работ Ю. Кирша является то, что в них аграрные вопросы рассматриваются в органической связи с практическими задачами и тактическими принципами Коммунистической партии Латвии.

Наибольшую ценность представляют две работы Ю. Кирша — «Аграрная революция в Прибалтике» и «Аграрный вопрос в Латгале». Рассматривая результаты аграрной реформы, проведенной в буржуазной Латвии, автор конкретным материалом подтверждает справедливость центрального вывода советской исторической науки о том, что эта реформа не ликвидировала противоречий в аграрном строе Латвии. Пристальное внимание Ю. Кирш уделял освещению вопросов истории аграрного кризиса в Латвии. В его работах наглядно показано, как в поисках выхода из кризиса латышская буржуазия перекладывала его основную тяжесть на плечи трудящихся. Несомненную ценность представляют те страницы работ Ю. Кирша, на которых анализируются основные тактические принципы различных буржуазных партий Латвии.

Большая работа по сбору, систематизации и анализу материалов, относящихся к аграрной истории Латвии нового и новейшего времени, а также ряд серьезных наблюдений позволили автору сделать заслуживающие внимания выводы, важнейшие из которых и поныне не потеряли своего значения. И вместе с тем в работах Ю. Кирша насчитывается немало декларативных заявлений и неаргументированных утверждений, а в отдельных случаях — даже преувеличений и упрощений.

kā šķira pagātnē. — Cīņas Biedrs, 1929, 8/12, 159.—166. lpp.; J. Kiršs. Kā Latvijā domā atrisināt inteliģences pārprodukcijas jautājumu. — Komunāru Cīņa, 1932, 21. martā.

Чрезвычайно слаб также их справочный аппарат, допущены неточности, цифровой материал требует проверки, нельзя не отметить также элементов компилятивности в изложении отдельных исторических сюжетов.

Серьезную научную ценность представляют публикации партийных документов и прежде всего материалов конференций и съездов КПЛ⁹. Документы этих сборников свидетельствуют о многогранной деятельности партии, характеризуют соотношение классовых сил в стране, внутреннее и международное положение Латвии.

Детали жизни и борьбы политических заключенных в буржуазной Латвии воссоздают материалы сборника «За решеткой»¹⁰, в котором приводятся краткие биографические сведения о ряде революционеров, погибших в тюрьмах буржуазной Латвии, описание тюрем и отдельные зарисовки из быта политзаключенных. Наибольший интерес представляют рассказы о голодовках и протестах политзаключенных против бесчеловечных условий, царивших в тюрьмах, об издании нелегального журнала «Сквозь тьму» и о том, как политзаключенные, несмотря на репрессии, отмечали революционные праздники. О революционной деятельности Я. Шилфа-Яунземе, А. Арайса-Берце и других коммунистов, погибших в застенках буржуазной Латвии, повествуют материалы посвященного им сборника¹¹.

Особое место в советской исторической литературе занимает книга И. Г. Ринга¹², которой присущ главным образом справочный характер. Центральное место в ней отведено рассмотрению отдельных аспектов истории буржуазной Латвии: экономического кризиса, внутренней и внешней политики правящих кругов. В книге освещаются также основные факты из деятельности КПЛ. Автор в общих чертах прослеживает развитие промышленности буржуазной Латвии: приводит данные об объеме промышленной продукции, численности рабочих и сырьевом балансе; прослеживает изменение структуры внешнеторговых операций латвийских портов, рассказывает о постоянной безработице. Отмечая рост числа мелких предприятий, И. Г. Ринг вместе с тем выявляет тенденцию к постепенной концентрации и рационализации производства и повышению

⁹ Latvijas Komunistiskās partijas VII kongress. 16. II.—23. II. 1923. g. Protokoli un rezolūcijas. [M.], 1924. 88 lpp.; Latvijas Komunistiskās Partijas VIII kongress. Marts, 1931. g. Protokoli un rezolūcijas [M.], 1931. 717 lpp.; Šķ. arī: LKP 25 gadi. M., 1929, 509.—665. lpp.

¹⁰ Aiz restēm. Latvijas politisko ieslodzīto rakstu krājums. [M.], 1929. 192 lpp.

¹¹ J. Šilfa-Jāniša, A. Berzes-Makša un citu 10. jūnija 1921. g. upuru piemiņai. [M.], 1926. 96 lpp.

¹² И. Г. Ринг. Латвия. Л., 1936. 281 стр.

производительности труда. Это не мешает автору сделать основной вывод о том, что для небольшого латвийского буржуазного государства была характерна общая экономическая и политическая неустойчивость. В книге дается краткая оценка аграрной буржуазной реформы и раскрываются ее цели — застраховать латвийское буржуазное государство от пролетарской революции и передать основные земельные богатства страны в руки латышской сельской буржуазии. Автор отмечает, что реформа не решила аграрного вопроса, не сняла социальных конфликтов в латышской деревне.

Как известно, часть советских историков и экономистов 40-х — первой половины 50-х годов более упрощенно подходила к освещению промышленной эволюции буржуазной Латвии, отмечая лишь сплошной ее регресс, измельчание промышленных предприятий и аграризацию страны. И только после XX съезда КПСС в советской исторической науке возрождается более многосторонний подход к оценке данных процессов и явлений.

Остановливаясь на экономических связях буржуазной Латвии, И. Г. Ринг указывает, что несмотря на прямую выгоду тесного экономического сотрудничества с СССР, правящие круги буржуазной Латвии, исполненные ненависти к стране социализма, всячески тормозили развитие этих связей. Рассматривая ход экономического кризиса в Латвии, сокращение промышленного производства, рост безработицы и резкое падение жизненного уровня трудящихся, автор анализирует соотношение классовых сил, характеризует важнейшие партии и дает суммарную оценку внутренней и внешней политики фашистского правительства Ульманиса. К числу наиболее интересных принадлежат, пожалуй, те страницы книги, которые посвящены характеристике латвийской буржуазной армии (ее боевой подготовке, численности, вооружению, организационному построению) и сведениям о военном бюджете буржуазной Латвии.

И. Г. Ринг предпринял первые попытки периодизации истории буржуазной Латвии, в частности он выделяет периоды относительно стабилизации капитализма, экономического кризиса, депрессии и оживления особого рода. К сожалению, книга создавалась без привлечения архивных источников, главным образом на основе материалов периодической печати. Этим и обусловлены некоторая ее декларативность и схематизм, фрагментарность приведенных данных, а в ряде случаев — даже преувеличения. Естественно, что некоторые положения, типичные для исторической литературы середины 30-х годов, ныне уже устарели, часть приведенных сведений требует уточнения, а подчас и исправления.

Менее значимы популярные очерки И. Ринга¹³, ряд разделов которых посвящен положению трудящихся масс, нарастанию внутреннего кризиса в стране и деятельности Коммунистической партии Латвии в деревне. К сожалению, эти брошюры компилятивны, некоторые явления социально-экономической и политической жизни буржуазной Латвии трактуются в них декларативно и упрощенно.

М. Г. Бах¹⁴ в своей книге одним из первых дал конкретное представление об экономических взаимоотношениях между СССР и Прибалтикой. Используя данные Латвийского статистического управления и материалы Главного таможенного управления СССР, автор выявил удельный вес Советского Союза во внешнеторговом балансе Латвии, проанализировал структуру экспортно-импортного товарообмена, показал значение советского транзита для экономики буржуазной Латвии и, наконец, охарактеризовал основные экономические соглашения между СССР и Латвией, в том числе латвийско-советский торговый договор 1927 г.

К числу работ явно справочного характера следует отнести также брошюры Л. Каннера и М. Жирмунского¹⁵, которые, несмотря на то, что на них в полной мере сказалась конкретная обстановка времени их издания, тем не менее сообщают некоторые сведения о государственном строе, экономическом положении и классовой борьбе в буржуазной Латвии.

2. ОТ ПОПУЛЯРНЫХ БРОШЮР К МОНОГРАФИЯМ

Советские историки проделали значительную работу по изучению важнейших проблем истории буржуазной Латвии (1920—1940 гг.). В послевоенный период пионерами в исследовании этой проблематики явились Г. Клява, А. Яблонский, Фр. Деглав, А. А. Дризул и Я. П. Крастынь¹⁶, подготовившие уже в 1946—1949 гг. несколько брошюр научно-

¹³ И. Ринг. Как живут крестьяне Латвии. Л., 1934. 92 стр.; И. Ринг. Латвийский фашизм в подготовке интервенции. М.—Л., 1932. 88 стр.

¹⁴ М. Г. Бах. Политико-экономические взаимоотношения между СССР и Прибалтикой за десять лет. (1917—1927.) М., 1928. 167 стр.

¹⁵ Л. Каннер. Латвия. Л., 1936. 44 стр.; М. Жирмунский. Латвия. М., 1940. 83 стр.; Латвия и ее армия. М., 1938. 91 стр.

¹⁶ Г. Клява. Kas bija tā saucamā «demokratija» buržuāziskajā Latvijā. Rīgā, 1946. 32 lpp.; A. Jablonskis. Buržuāziskās Latvijas rašanās un sabrukums. Rīgā, 1947. 72 lpp.; Фр. Деглав. Кто были подлинные хозяева буржуазной Латвии? Рига, 1947. 31 стр.; А. Drizulis. Buržuāziskās Latvijas pirmie gadi. (1920.—1923.) Rīgā, 1948. 22 lpp.; J. Krastiņš. Latvija buržuāziskās republikas laikā. (1923.—1934.) Rīgā, 1949. 95 lpp.; J. Krastiņš. Latvija fašistiskās diktatūras laikā. (1934.—1940.) Rīgā, 1949. 86 lpp.

популярного характера. Однако дальнейший шаг в исследовании вышеназванного периода был сделан позже — с выходом в свет третьего тома «Истории Латвийской ССР» и второй части «Очерков истории Коммунистической партии Латвии». В этих трудах на основе большого фактического материала дана обобщающая картина истории буржуазной Латвии, разработана ее периодизация, поставлены важнейшие вопросы. В них широко рассмотрено экономическое развитие буржуазной Латвии, раскрыты внутренняя и внешняя политика ее правящих кругов, освещены революционное движение и деятельность Коммунистической партии Латвии, должное внимание уделено также разоблачению реакционных концепций латышской буржуазной историографии.

Изучение истории буржуазного периода велось по трем основным направлениям: прежде всего исследовалась экономическая история Латвии (ее промышленность, сельское хозяйство, торговля и финансы), затем революционное движение и деятельность Коммунистической партии Латвии и, наконец, внутренняя и внешняя политика буржуазной Латвии.

а) Состояние промышленности, торговли и финансов

Разработкой проблем экономической истории занимались главным образом экономисты. Наибольший научный интерес представляют исследования Л. Стародубского, А. Лейта, П. Дзерве и др. Центральное место в работах советских авторов занимает мысль о том, что на экономике буржуазной Латвии пагубно сказался ее насильственный отрыв от народного хозяйства России: даже в лучшие годы своего развития экономика буржуазной Латвии едва достигала уровня 1913 г.

В послевоенный период первое систематическое (правда, в обобщенном виде) описание истории промышленности буржуазной Латвии дал И. Маркон¹⁷, в работе которого затронут ряд вопросов начиная от налоговой и таможенной политики правительства буржуазной Латвии и кончая характеристикой положения латвийского пролетариата. К сожалению, очерки И. Маркона написаны без широкого привлечения архивных материалов; им присущи схематизм, упрощенность трактовки отдельных проблем, а в некоторых случаях — даже элементы волюнтаризма.

Не претендуя на исчерпывающее освещение всех вопросов и проблем истории промышленного производства буржуазной

¹⁷ И. Маркон. Очерки по истории промышленности Латвии. Рига, 1951. 127 стр.

Латвии, Л. Стародубский¹⁸ в своих работах дает сжатый, но достаточно четкий критический обзор данных буржуазной статистики, прослеживает формы зависимости латвийской промышленности от иностранного капитала, показывает, что подлинными хозяевами в экономической жизни буржуазной Латвии были крупные иностранные монополии, и вскрывает противоречивость промышленной эволюции буржуазной Латвии. Однако направив удар против апологетов латышской буржуазии, восхвалявших промышленные успехи буржуазной Латвии, автор впал в другую крайность и преуменьшил достигнутый уровень промышленного развития страны в конце 30-х годов. С его легкой руки в латвийской исторической науке в конце 40-х — начале 50-х годов получили широкое хождение упрощенные взгляды на развитие промышленности Латвии в 1920—1940 гг.

Видное место в исследовании экономической истории Латвии принадлежит работам А. И. Лейта¹⁹, которые являются существенным вкладом прежде всего в разработку вопроса об экономической экспансии империалистических держав в Латвии (в период с 1920 по 1940 г.). Ведя изучение экономики в широком плане, А. И. Лейт вскрывает зависимость буржуазной Латвии от монополий и правительств империалистических держав, выявляет размеры и формы иностранных инвестиций, анализирует методы, при помощи которых экономика Латвии подчинялась интересам иностранных империалистов и превращалась в аграрно-сырьевой придаток империалистических государств. При этом как одну из характерных черт экономики буржуазной Латвии автор отмечает рост государственно-монополистического капитализма. Рассматривая советско-латвийские

¹⁸ Л. В. Стародубский. Упадок фабрично-заводской промышленности в буржуазной Латвии. Рига, 1952. 223 стр.; Л. В. Стародубский. Статистика буржуазной Латвии на службе реакции. Рига, 1953. 103 стр.; Л. В. Стародубский. Развитие и упадок фабрично-заводской промышленности в Латвии при капитализме. Автореф. канд. дисс. Рига, 1951; Л. В. Стародубский. О подлинном уровне промышленного производства буржуазной Латвии. — ИАН ЛССР, 1951, 1, стр. 1703—1717.

¹⁹ A. Leits. Buržuāziskā Latvija ārzemju kapitāla jūgā. (1921.—1929.) Rīgā, 1957. 158 lpp.; A. Leits. Buržuāziskās Latvijas ekonomika un saimnieciskie sakari. (1929.—1939.) Rīgā, 1958. 237 lpp.; А. И. Лейт. Экспансия империалистических держав в Латвии. (1917—1929.) Автореф. канд. дисс. Л., 1952; А. И. Лейт. Иностранный капитал в Латвии. (1919—1939 гг.) Автореф. докт. дисс. Рига, 1956; А. Лейт. К вопросу о советско-латвийском торговом договоре 1927 г. — ИАН ЛССР, 1951, 9, стр. 1365—1388; А. Лейт. К вопросу о господстве иностранного капитала в буржуазной Латвии (1920—1929 гг.). — ИАН ЛССР, 1952, 5, стр. 89—110; А. Лейт. О государственных долгах буржуазной Латвии. — ИАН ЛССР, 1955, 11, стр. 37—51; А. Лейт. Монополии и государственно-монополистический капитализм в буржуазной Латвии. — ИАН ЛССР, 1956, 8, стр. 5—27.

экономические связи, А. И. Лейт показывает их благоприятное воздействие на всю экономику Латвии.

История проникновения иностранного (главным образом американского) капитала в экономику буржуазной Латвии освещена также в диссертации А. В. Латковскиса²⁰.

В работах П. Дзерве²¹ прослеживается эволюция экономики буржуазной Латвии с 1920 по 1933 г., однако центральное место в них занимают вопросы возникновения и развития экономического кризиса 1929—1933 гг. Автор показывает зависимость буржуазной Латвии от империалистических стран, прослеживает структурные изменения в промышленности, выясняет местные особенности хода кризиса, в частности, объясняет, почему кризис в Латвии начался позже, чем в других капиталистических странах мира. Анализируя динамику кризиса в различных отраслях промышленности, П. Дзерве прослеживает усиление конкурентной борьбы между капиталистами, рост концентрации капитала, разорение мелких собственников и резкое ухудшение положения трудящихся. Показывая, как различные группы буржуазии искали выхода из кризиса, автор разоблачает политику буржуазного правительства, направленную на то, чтобы тяжесть кризиса переложить на плечи трудящихся масс. Для историков несомненную ценность представляет также разработка вопроса о том, как экономический кризис и вызванные им изменения в экономике буржуазной Латвии сказались на взаимоотношениях классов и партий, как в зависимости от этих экономических изменений складывались те социальные силы, которые стали опорой фашизма.

Вопросы истории Латвии периода экономического кризиса 1929—1933 гг. в общем плане затронуты и в диссертации К. И. Гинтера²², в которой, к сожалению, мало приводится новых фактических материалов.

Исследованию экономики буржуазной Латвии и положению трудящихся в период диктатуры Ульманиса посвящена диссертация Л. Я. Яунземе²³. Важен проделанный автором анализ

²⁰ А. В. Латковскис. Экспансия США в Прибалтике (после первой мировой войны). Автореф. канд. дисс. Л., 1954.

²¹ P. Dzērve. 1929.—1933. g. ekonomiskā krīze buržuāziskajā Latvijā un tās īpatnības. Rīga, 1953. 240 lpp.; П. П. Дзерве. Экономический кризис и его особенности в буржуазной Латвии в 1929—1933 гг. Автореф. канд. дисс. Л., 1953; П. Дзерве. Буржуазная Латвия в системе империализма. — ИАН ЛССР, 1956, 2, стр. 27—44.

²² К. И. Гинтер. Латвия в период мирового экономического кризиса. (1929—1933 гг.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1953.

²³ Л. Я. Яунземе. Экономика буржуазной Латвии в период фашизма. (1934—1940 гг.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1953.

динамики промышленного производства и численности рабочих по важнейшим отраслям промышленности. Л. Я. Яунземе освещает состояние внутренней и внешней торговли, показывает систематический рост прибылей иностранных и местных капиталистов, а также увеличение налогового бремени. В итоге автор делает вывод о том, что в годы диктатуры Ульманиса крайне обострились экономические и политические противоречия и прежде всего усилился антагонизм между трудом и капиталом, латвийским пролетариатом и буржуазией.

Экономика буржуазной Латвии в обобщенном виде охарактеризована в диссертации Я. К. Аболиня²⁴, центральное место в которой отводится анализу структурных сдвигов в промышленности буржуазной Латвии, выяснению удельного веса важнейших отраслей в общем промышленном производстве. Автор подчеркивает сложность и противоречивость промышленной эволюции буржуазной Латвии и отмечает, что наряду с общим процессом увеличения удельного веса мелких промышленных предприятий усиливался и другой, противоположный процесс — процесс концентрации и централизации производства и капитала. Заслуживает внимания и основной вывод Я. К. Аболиня о том, что промышленность буржуазной Латвии всегда отличалась неустойчивостью, которая после экономического кризиса 1929—1933 гг. еще больше возросла.

Большее внимание исследователи уделяют также отдельным отраслям промышленности. Одной из немногих отраслей, получивших в буржуазной Латвии серьезное развитие, была радиопромышленность, начало которой следует искать в первой половине 20-х годов, когда появились первые предприятия, приступившие к изготовлению радиоаппаратуры. На их базе выросли ныне широко известные завод ВЭФ и радиозавод им. А. Попова. В результате организационной перестройки и совершенствования технологии производства радиопромышленность Латвии во второй половине 30-х годов выпускала радиоприемники нескольких новых конструкций, которые по своему качеству не отставали от радиопродукции других стран Европы (достаточно отметить, что в 1935 г. на Брюссельской и в 1937 г. на Парижской всемирных выставках изделиям завода ВЭФ были присуждены «Grand Prix»)²⁵. Определенное представление о производстве цемента, гипса, шифера и других строительных материалов и их использовании в буржуазной Латвии дают

²⁴ Я. К. Аболинь. Деградация и упадок промышленности буржуазной Латвии. Автореф. канд. дисс. Рига, 1951.

²⁵ Р. Д. Юкна. Развитие радиопромышленности в Латвии (до 1941 г.). — ИзИТ, 4, 1962, стр. 21—38.

статьи Ю. Эйдука, И. Гросвальда и Р. Гравельсиньша²⁶.

Признавая, что советские ученые достигли несомненных успехов в исследовании экономики буржуазной Латвии, тем не менее следует отметить, что до сих пор все еще полностью не преодолена наблюдавшаяся в конце 40-х — начале 50-х годов тенденция упрощенно трактовать отдельные вопросы экономической эволюции буржуазной Латвии и усматривать в хозяйственной жизни Латвии только «непрерывный упадок», «деградацию» ее сельского хозяйства и «дальнейшее разрушение производительных сил», хотя на самом деле в экономике Латвии происходили куда более сложные процессы. Насильственный отрыв Латвии от России тяжело сказался на всем народном хозяйстве Латвии и резко затормозил его развитие. Иностранный капитал все больше закабалял экономику буржуазной Латвии, и она превратилась в аграрный придаток главнейших капиталистических стран. Тем не менее в отдельные периоды наблюдалось и поступательное движение — рост сельскохозяйственного и промышленного производства, хотя ему и были присущи все черты, характерные для страны, попавшей в экономическую и политическую зависимость от крупнейших империалистических держав.

Таким образом, вопросы промышленного развития буржуазной Латвии в трудах советских авторов освещены сравнительно широко. И в то же время состояние финансов еще совсем недавно почти не изучалось²⁷. Лишь благодаря работам М. Шмулдера²⁸ этот пробел отчасти ликвидирован. В его диссертации и статьях анализируется финансовая политика правящих кругов буржуазной Латвии, причем автор рассматривает такие финансовые проблемы, как расходы на вооружение, полицию, суд и администрацию, расходы на дотации частным предпринима-

²⁶ Ю. Я. Эйдук, И. Я. Гросвальд. Развитие производства и применения гипса и гипсовых вяжущих веществ на территории Латвийской ССР. — ИзИТ, 3, 1964, стр. 134—154; J. Grosvalds, R. Grāvelsinš. Šīfera ražošanas attīstība Latvijas PSR. — ParTV, 6, 1964, 43.—63. lpp.

²⁷ В 50-х годах финансам буржуазной Латвии была посвящена только диссертация: Р. К. Розе. Реакционная роль кредитной и эмиссионной деятельности Государственного банка буржуазной Латвии. (1922—1930 гг.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1954.

²⁸ М. Шмулдер. Роль финансовой политики государства буржуазной Латвии в перераспределении национального дохода в пользу эксплуататорских классов и в ограблении трудящихся. Автореф. канд. дисс. Рига, 1963; M. Smulders. Valsts kapitālisma tendenci pastiprināšanās fašistiskajā Latvijā. — ZAVēst, 1958, 8, 5.—13. lpp.; M. Smulders. Buržuāziskās Latvijas valsts reakcionārā politika nacionālā ienākuma pārdalīšanā starp šķirām. (1919.—1929.) — ZAVēst, 1961, 10, 25.—36. lpp.; М. Шмулдер. Антинародная финансовая политика буржуазной Латвии. — КСЛ, 1962, 10, стр. 34—40.

телям, просвещение, здравоохранение и социальное обеспечение, налоги, финансы государственных предприятий, государственные займы и перераспределение национального дохода между классами в результате государственной финансовой политики.

б) Аграрные отношения

В исследовании истории сельского хозяйства Латвии центральное место занимал анализ буржуазной аграрной реформы и ее социальных и политических последствий. Это и понятно, так как без анализа этой реформы невозможно с должной основательностью выяснить ни общий путь развития сельского хозяйства, ни классовую структуру крестьянства, ни его расслоение в буржуазной Латвии. Несмотря на то что мнения советских историков и экономистов послевоенного периода полностью сходятся в общей оценке характера и классовой сущности буржуазной аграрной реформы, в ее трактовке наблюдаются некоторые нюансы. Так, большая часть советских авторов²⁹ подчеркивает реакционный характер этой реформы, другие ученые, например С. А. Удачин³⁰, отмечают главным образом то, что она была шагом назад по сравнению с мероприятиями по аграрному вопросу, осуществленными Советской властью в 1919 г., третьи же, например Фр. Деглав³¹, подчеркивают, что буржуазная аграрная реформа «еще шире открыла двери для развития капитализма в сельском хозяйстве» и т. д.

В большой монографии С. А. Удачина широко рассматриваются аграрные отношения в буржуазной Латвии. Анализируя буржуазную аграрную реформу, автор приходит к выводу, что реализовать ее латышскую буржуазию вынудили объективные условия, сложившиеся в той конкретно-исторической ситуации. Осуществляя реформу, латышская буржуазия ставила целью предотвращение революции, надеялась «успокоить» крестьянство наделением земли и посулами, усилить свое политическое и экономическое господство, всемерно развить и укрепить слой кулачества как опору капиталистического строя в деревне. На основе документального и статистического материала автор исследует и социально-экономические последствия

²⁹ Например, К. С. Грашман. Аграрная реформа в буржуазной Латвии в период 1920—1922 гг. Автореф. канд. дисс. М., 1949; Я. Офманис. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Латвийской ССР. Автореф. канд. дисс. М., 1952.

³⁰ С. А. Удачин. Земельная реформа в Советской Латвии. Рига, 1948. 448 стр.

³¹ Фр. Dadzis. Agrārā krīze un zemniecības noslāpošanās Latvijā. [М.], 1931, 160 lpp.

буржуазной аграрной реформы. Отдельная глава книги посвящена особенностям аграрных отношений в Латгале.

Второй крупной работой, специально посвященной анализу аграрного вопроса в буржуазной Латвии за период с 1920 по 1934 г., является монография А. Свикиса³². В этой книге заслуживает внимания освещение идейно-политической борьбы буржуазных и мелкобуржуазных партий, развернувшейся вокруг аграрной реформы. Отмечая, что буржуазная земельная реформа не смогла разрешить аграрного вопроса, автор тем не менее считает, что, удовлетворив (естественно, лишь частично) потребность крестьян в земле, аграрная реформа способствовала укреплению как экономических, так и политических позиций латышской буржуазии. И в то же время, изменив распределение земельной собственности в пользу буржуазии, она способствовала развитию всех свойственных капитализму противоречий. Короче говоря, А. Свикис приходит к следующему обобщающему выводу: по своему характеру аграрная реформа, проведенная в Латвии, была буржуазной, она была направлена на уничтожение феодальной собственности и дворянских привилегий, а тем самым и на укрепление земельной собственности буржуазии, чтобы, не затрагивая принципа частной собственности, усилить экономическую и политическую власть сельской буржуазии. В экономическом отношении буржуазная аграрная реформа была шагом вперед по сравнению с тем аграрным укладом, который господствовал в Латвии до Великой Октябрьской социалистической революции. Уничтожив крупные помещичьи латифундии, ликвидировав класс помещиков с его привилегиями, буржуазная аграрная реформа способствовала развитию сельского хозяйства Латвии по американскому пути. Одновременно буржуазная аграрная реформа была направлена против революционного движения трудящихся. А. Свикис прослеживает капиталистическую эволюцию сельского хозяйства буржуазной Латвии, показывает его зависимость от мирового капиталистического рынка, приводит большой фактический материал, характеризующий аграрную политику буржуазных правительств Латвии, зорко охранявших интересы сельской буржуазии.

³² A. Sviķis. Agrārais jautājums buržuāziskajā Latvijā. (1920.—1934.) Rīgā, 1960. 264 lpp.; см. также А. Свикис. Сельское хозяйство буржуазной Латвии в период частичной стабилизации капитализма и экономического кризиса 1929—1933 гг. Автореф. канд. дисс. Рига, 1958; A. Sviķis. Zemniecības šķiriskā struktūra un zemniecības noslāņošanās buržuāziskajā Latvijā kapitalisma daļējās stabilizācijas periodā. (1923.—1929. g.) — ZAVest, 1958, 6, 5.—14. lpp.; A. Sviķis. Agrārās reformas raksturs buržuāziskajā Latvijā. — LVU ZR, 18, 1958, 99.—114. lpp.

В диссертации Д. Я. Калнынь³³ анализируются производительные силы и производственные отношения в сельском хозяйстве буржуазной Латвии в годы фашистской диктатуры. Автор подробно рассматривает вопросы, которые затрагивают аграрный кризис, внешний рынок для сбыта сельскохозяйственной продукции Латвии, деятельность монополий по сбыту этой продукции, характеризует важнейшие отрасли сельского хозяйства Латвии — структуру полеводства и животноводства, динамику их развития и размещения по районам страны, прослеживает обострение классовых противоречий в деревне.

Видное место в диссертации А. Я. Унгуре³⁴ занимает анализ потребительской кооперации в буржуазной Латвии. Рассматривая динамику кооперативного движения, А. Я. Унгуре отмечает, что в буржуазной Латвии потребительская кооперация не приняла характера широкого общественного движения, что, будучи одной из форм капиталистического хозяйства, она прежде всего соответствовала интересам буржуазии.

в) Революционное движение

Наиболее серьезных успехов советская историческая наука достигла в изучении революционного прошлого латышского народа, причем самые ценные работы по этому вопросу вышли в свет после XX съезда КПСС. Очерки по истории революционного движения в буржуазной Латвии и целый ряд работ, освещающих борьбу пролетариата под руководством Коммунистической партии Латвии, принадлежат перу А. А. Дризула³⁵.

³³ Д. Я. Калнынь. Аграрный вопрос в буржуазной Латвии в годы фашистской диктатуры. (1934—1940.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1955; Dz. Kalniņa. Kapitālistiskie lauksaimniecības ražojumu noieta monopoli buržuāziskajā Latvijā. (1934.—1940. g.) — LVU ZR, 1958, 99.—114. lpp.

³⁴ А. Я. Унгуре. Развитие потребительской кооперации в Латвийской ССР. Автореф. канд. дисс. Рига, 1955.

³⁵ А. Спреслис, А. Дризул. Из истории рабочего движения в буржуазной Латвии в годы послевоенного экономического кризиса и революционного подъема. (1920—1923 гг.) — БСЛ, 1951, 14, стр. 31—41; А. Спреслис, А. Дризул. Из истории рабочего движения в буржуазной Латвии в период частичной стабилизации капитализма. (1924—1928 гг.) — БСЛ, 1952, 8, стр. 14—16; А. Спреслис, А. Дризул. Рабочее движение в буржуазной Латвии в годы мирового экономического кризиса. (1929—1933 гг.) — БСЛ, 1952, 9, стр. 16—31; А. Дризул, А. Спреслис. Из истории борьбы рабочего класса Латвии за свержение фашистской диктатуры. (1934—1940 гг.) — КСЛ, 1953, 11, стр. 18—30; А. Дризул. Политические выступления и стачечная борьба пролетариата Латвии в годы временной частичной стабилизации капитализма. (1925—1929 гг.) — ИАН ЛССР, 1955, 11, стр. 21—35; А. Дризул. Борьба трудящихся масс Латвии за мир с Советской Россией. — ИАН ЛССР, 1956, 7, стр. 5—12; A. Drizulis. Cīpa

Положение рабочего класса освещается в работах А. М. Вейнберга³⁶. На основе главным образом статистических материалов автор показывает ухудшение положения трудящихся в буржуазной Латвии, рост безработицы, снижение реальной заработной платы, увеличение интенсификации труда, рост производственного травматизма и снижение квалификации промышленных рабочих.

Специально вопросами истории рабочего движения занимался А. Спреслис³⁷, в работах которого отражено главным образом обострение классовых противоречий в буржуазной Латвии в годы мирового экономического кризиса (1929—1933 гг.). Автор показывает, как Коммунистическая партия спланировала пролетариат и широкие слои трудящихся масс против наступления капитала, вела постоянную борьбу против предательской политики социал-демократии, расколовшей единство рабочего класса. В работах А. Спреслиса охарактеризованы разные формы рабочего движения, наряду со стачечной борьбой показаны выступления безработных и политические демонстрации. Автор удачно связывает борьбу рабочего класса Латвии с международным рабочим и коммунистическим движением, показывает то влияние, которое первое в мире социалистическое государство самим фактом своего существования оказывало на борьбу пролетариата Латвии.

По истории Коммунистической партии Латвии этого периода научный интерес представляют работы целого ряда исследова-

par brīvību. Rīgā, 1956. 180 lpp.; А. Дризул. Очерки истории рабочего движения в Латвии. (1920—1940 гг.) М., 1959. 168 стр.; А. Drīzulis. Latvija fašisma jūgā. Rīgā, 1959. 322 lpp.; А. Дризул. Латвия под игом фашизма. Рига, 1960. 388 стр.; А. Drīzulis. Antifašistiskās tautas frontes cīņa pret fašistisko diktatūru, par padomju varas nodibināšanu Latvijā. — SocUzv, 1960, 27.—63. lpp.

³⁶ А. М. Вейнберг. Обнищание рабочего класса в буржуазной Латвии. — ИАН ЛССР, 1950, 5, стр. 5—24; А. М. Вейнберг. Обнищание пролетариата в буржуазной Латвии. Автореф. канд. дисс. Рига, 1952; А. Veinbergs. Proletariāta grimšana nabadzībā buržuāziskajā Latvijā. Rīgā, 1959. 193 lpp.; А. М. Вейнберг. Обнищание пролетариата в буржуазной Латвии. Рига, 1961. 247 стр.

³⁷ А. Sprēslis. Buržuāzisko nacionālistu viltojumi par proletariāta stāvokli un cīņu kapitālistiskajā Latvijā. — Grām.: Buržuāziskie nacionālisti — Latvijas vēstures viltotāji. Rīgā, 1952. 109.—120. lpp.; А. Спреслис. Рабочее движение в Латвии в период буржуазно-националистической диктатуры. (1920—1940 гг.) — ИЗ, 45, 1954, стр. 5—42; А. Спреслис. Рабочее движение в буржуазной Латвии в годы мирового экономического кризиса. (1929—1933 гг.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1955; А. Sprēslis. Strādnieku kustība buržuāziskajā Latvijā pasaules ekonomiskās krīzes gados. (1929.—1933. g.) Rīgā, 1958. 172 lpp.

телей и прежде всего — С. Зиемелиса, Э. Лидаце, А. Дризула и И. Штеймана.

Центральное место в работах Э. Р. Лидаце³⁸ занимает исследование возникновения, деятельности и тактики нелегальных организаций Коммунистической партии Латвии в первые годы буржуазной диктатуры (1920—1923 гг.). Эти работы, насыщенные новым фактическим материалом, написаны на основе широкого круга источников — как архивных, так и опубликованных. Интерес представляют приведенные Э. Р. Лидаце данные о численности членов партии и ее составе, обзор нелегальной печати КПЛ, характеристика экономического и политического положения городского и сельского пролетариата и освещение вопроса об использовании легальных возможностей для организации революционной борьбы и воспитания трудящихся в духе коммунистических идей. Автор ввел в научный оборот ряд новых материалов об участии представителей Коммунистической партии Латвии в работе II, III и IV конгрессов Коминтерна.

Существенный шаг вперед в изучении деятельности Коммунистической партии Латвии в период экономического кризиса сделал С. В. Зиемелис³⁹, работы которого написаны на широкой источниковедческой базе. Автор проанализировал материалы съездов, конференций и пленумов ЦК КП Латвии, отчеты и информации местных партийных организаций, документы рабоче-крестьянской фракции сейма и рабочих организаций, периодическую печать, а также воспоминания участников революционного движения и документы государственных учреждений и судебных органов буржуазной Латвии. Большую ценность представляют приведенные им данные о численности,

³⁸ Э. Р. Лидаце. Коммунистическая партия Латвии в первые годы буржуазной диктатуры. (1920—1923 годы.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1964; E. Līdace. Latvijas Komunistiskās partijas nelegālās organizācijas izveidošana buržuāziskās diktatūras pirmajos gados, (1919.—1922. g.) — ZAVēst, 1959, 2, 15.—26. lpp.; Э. Лидаце. Их не забудет народ. — КСЛ, 1961, 6, стр. 31—36; [Э. Р. Лидаце]. Коммунистическая партия Латвии в первые годы буржуазной диктатуры. — КСЛ, 1963, 4, стр. 25—35; 5, стр. 53—70; 6, стр. 45—54; 7, стр. 22—33. — К этой теме примыкают и книги: E. Līdace. Lūzt, bet neliekties. Rīgā, 1961. 170 lpp.; Э. Лидаце. Несгибаемый. Рига, 1962. 186 стр., в которых рассказ о жизни и деятельности замечательного латышского революционера Августа Берце ведется на широком фоне политической жизни и деятельности КПЛ.

³⁹ С. В. Зиемелис. Коммунистическая партия Латвии в период экономического кризиса и накануне фашистского переворота (1930—1934 гг.). Автореф. канд. дисс. Рига, 1964; [С. В. Зиемелис]. Коммунистическая партия Латвии в период экономического кризиса в капиталистическом мире. (1930—1934 гг.) — КСЛ, 1964, 2, стр. 54—55; 3, стр. 30—37; 4, стр. 43—49; 5, стр. 43—50; 6, стр. 45—50; 7, стр. 61—67; 8, стр. 45—50; 9, стр. 41—46.

составе и структуре областных партийных организаций, динамике роста рядов КПЛ, исследование форм классовой борьбы пролетариата и анализ решений руководящих органов Коммунистической партии Латвии, определивших тактику в борьбе против господства буржуазии в условиях экономического кризиса. С. В. Зиёмелис по-новому трактует ряд вопросов, связанных с VIII съездом КПЛ, он впервые расшифровал имена большинства участников этого съезда. Несомненный научный интерес представляет и его разбор вопроса о борьбе Коммунистической партии Латвии против угрозы фашизма, за единство рабочего класса, а также анализ результатов выборов в сейм и деятельности рабоче-крестьянской фракции как в сейме, так и вне его.

В 1957 г. вышла из печати книга И. Штеймана «Коммунистическая партия Латвии в борьбе за большинство рабочего класса (1920—1940)»⁴⁰. Не ставя своей задачей проанализировать все проблемы истории Коммунистической партии Латвии, ее автор постарался указать лишь на те факты из истории партии, которые лучше всего характеризуют борьбу за сплочение латвийского промышленного пролетариата вокруг Коммунистической партии, а также дать анализ и оценку этих фактов. Наиболее тщательно И. Штейман исследовал деятельность КПЛ в период частичной стабилизации капитализма (с 1924 по 1929 г.) и показал рост рабочего движения. Он подробно описал политическую забастовку протеста, состоявшуюся 22 августа 1928 г. в связи с закрытием революционных профсоюзов, и определил историческое значение этой забастовки. Ряд свежих, еще не опубликованных материалов содержит последняя глава книги, в которой характеризуются успехи Коммунистической партии Латвии в борьбе за единство рабочего класса и создание антифашистского народного фронта.

Итогом дальнейшей разработки данной проблематики явилась монография И. Штеймана «Тактика Коммунистической партии Латвии в борьбе за восстановление Советской власти (1920—1940 гг.)»⁴¹. В этой работе на основе широкого изучения многочисленных источников и литературы впервые в советской историографии дается обобщенная характеристика тактики КПЛ за весь период господства националистической буржуа-

⁴⁰ J. Šteimanis. Latvijas Komunistiskā partija cīņā par strādnieku šķiras vairākumu (1920.—1940.). Rīgā, 1957. 141 lpp.

⁴¹ J. Šteimanis. Latvijas Komunistiskās partijas taktika cīņā par padomju varas atjaunošanu. 1920.—1940. Rīgā, 1965. 260 lpp.; см. также: И. А. Штейман. Тактика Коммунистической партии Латвии в борьбе за восстановление Советской власти. (1920—1940 гг.) Автореф. докт. дисс. М., 1965.

зии в Латвии. Работа богата новыми наблюдениями, в ней по-новому трактуется ряд аспектов тактической линии партии, критикуются отдельные ее ошибки. Проследившая деятельность партии в конкретных условиях Латвии, И. Штейман убедительно показал, как в борьбе за свержение диктатуры буржуазии Компартия Латвии определяла свою тактику в соответствии с важнейшими тактическими положениями марксизма-ленинизма, что с изменением конкретно-исторических условий партия шла на изменение своей тактики и форм борьбы. Ценность книги увеличивается и тем, что ее автор сосредоточил свое внимание на менее освещенных советскими историками вопросах тактики Компартии Латвии. Не допуская упрощений в освещении боевого пути партии революционного пролетариата, автор вскрывает всю сложность ее деятельности в тяжелых условиях господства националистической буржуазии. Должное место в книге уделено вопросу о сочетании нелегальных и легальных форм борьбы. Особенно тщательно автор рассмотрел следующие три проблемы: тактика коммунистов в борьбе за единство рабочего класса, борьба за демократические свободы и ее значение и особенности тактики Компартии Латвии в ходе социалистической революции 1940 г. Большой интерес представляют приведенные в книге данные о составе Коммунистической партии Латвии. В книге по-новому оцениваются некоторые пункты резолюции VIII съезда КПЛ. Серьезное внимание автор уделяет разоблачению предательской политики лидеров социал-демократии, характеризуя различные течения в Социал-демократической партии Латвии, проанализирована тактика КПЛ по отношению к социал-демократическому правительству. В книге приводятся интересные материалы, позволяющие полнее, чем когда-либо ранее, проследить эволюцию Социалистической рабоче-крестьянской партии Латвии (СРКПЛ). И. Штейман критикует отдельные сектантские тенденции в деятельности КПЛ, но при этом вполне обоснованно подчеркивает, что тактическая линия партии в общем была правильной. Однако, на наш взгляд, первая часть книги написана более основательно, чем вторая, в которой значительно меньше новых мыслей и новых материалов. Следовало бы более подробно показать формы деятельности Коммунистической партии Латвии, способствовавшие привлечению широких масс трудящихся к активному участию в политической жизни в июне — июле 1940 г., шире осветить тактику партии по отношению к средним слоям города и деревни, больше использовать фонды ЦГИА Латвийской ССР.

Деятельности Коммунистической партии Латвии на окраине буржуазной Латвии — в Латгале в 20-х годах посвящены

статьи А. Була⁴², в которых сообщаются подробные сведения о численном составе Латгальской организации КПЛ и ее активнейших членах.

Борьба Коммунистической партии Латвии за создание единого фронта пролетариата против фашистской диктатуры (1934—1938 гг.) рассматривается также в диссертации К. М. Медведевой⁴³. Внимания заслуживает описание создания и деятельности комитетов единства, включившихся в борьбу против фашизма на основе программы, изложенной Коммунистической партией Латвии в платформе единого фронта, а также рассмотрение взаимоотношений между КПЛ и возникшей в июле 1934 г. нелегальной Социалистической рабоче-крестьянской партией Латвии. Автором предпринята также систематизация материалов, свидетельствующих о вкладе революционной молодежи в дело создания и укрепления единого фронта рабочего класса Латвии.

Анализу форм и методов борьбы трудящихся и тактической линии Коммунистической партии Латвии в значительной степени посвящены работы Б. Ц. Берковича⁴⁴.

Нельзя не отметить как большой шаг вперед книгу Я. Калныня «Экономическая платформа Коммунистической партии Латвии в 1920—1940 гг.»⁴⁵, автор которой поставил перед собой задачу на основе анализа важнейших партийных документов, высказываний руководящих деятелей КПЛ и партийной прессы показать, как экономическая платформа партии помогла ей мобилизовать широкие массы трудящихся на борьбу против господства буржуазии. Изучив широкий круг источников, автор прослеживает эволюцию взглядов Коммунистической партии Латвии по отдельным экономическим вопросам. Специальный параграф работы посвящен изложению дискуссии, которая развернулась в партии по вопросу аграрной политики КПЛ в 1919 г. В конце книги приводятся отдельные биографические справки о 13 выдающихся деятелях КПЛ.

⁴² A. Buls. Latvijas Komunistiskās partijas Latgales apgabala organizācijas darbība pēckara revolucionārās krīzes gados (1920.—1923. g.) — LVU ZR, 50, 1963, 133.—159. lpp.; А. Буль. Латгальская организация Коммунистической партии Латвии в период временной, частичной стабилизации капитализма. — УчЗ ЛатГУ, 62, 1964, стр. 127—143.

⁴³ К. М. Медведева. Борьба Коммунистической партии Латвии за создание и проведение единого фронта пролетариата против фашистской диктатуры. (1934—1938 годы.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1954.

⁴⁴ B. Berkovičs. Fašistiskais apvērsums Latvijā un LKP taktika. Rīgā, 1960. 194 lpp.; Б. Ц. Беркович. Фашистский переворот в Латвии и тактика КПЛ. Автореф. канд. дисс. Рига, 1961.

⁴⁵ J. Kalniņš. Latvijas Komunistiskās partijas ekonomiskā platforma 1920.—1940. g. Rīgā, 1959. 205 lpp.

Большое принципиальное значение для дальнейшего изучения важнейших вопросов истории Коммунистической партии Латвии второй половины 30-х годов имела статья «За правильное освещение истории Компартии Латвии», опубликованная на страницах журнала «Коммунист» в 1964 г.⁴⁶ Как известно, в 1936 г. под влиянием культа личности появились необоснованные утверждения, что партия латышского революционного пролетариата будто бы переживала глубокий политический и организационный кризис, который якобы парализовал всю ее деятельность. В результате были распущены руководящие органы КПЛ и образован Временный секретариат. Была также проведена проверка всех членов партии, в итоге которой вне рядов КПЛ оказались многие честные коммунисты. В статье убедительно показано, что отрицательная оценка положения в Коммунистической партии Латвии была неправильной, а связанные с ней практические мероприятия — ошибочными, принесшими партии и революционному движению Латвии большой ущерб. Одновременно в статье также отмечается, что ни эти ошибки, ни необоснованные репрессии, которые коснулись многих живших в Советском Союзе латышских коммунистов, не остановили развития революционного движения в Латвии, не столкнули латышских революционеров с ленинского пути.

Исследованием и обобщением опыта работы Коммунистической партии Латвии в левых профсоюзах занималась А. Я. Арнте⁴⁷, в работах которой в большей степени, чем в исследованиях других историков, освещается борьба КПЛ и левых профсоюзов за организационное единство профдвижения, показывается их роль в экономической и идеологической борьбе пролетариата и связь профсоюзов Латвии с рабочим классом страны Советов.

Достаточно полное представление о деятельности профсоюзов в период с 1920 по 1940 г. дает книга И. Штеймана «В борьбе против капитала»⁴⁸. На основе кропотливо собран-

⁴⁶ Коммунист, 1964, 12, стр. 65—69; затем данная статья появилась и в республиканской печати: *Ціпа*, 1964, г. 3, sept., 209. nr.; КСЛ, 1964, 9, стр. 2—7; *PadLК*, 1964, 9, 2.—6. lpp.

⁴⁷ А. Я. Арнте. Коммунистическая партия Латвии — руководитель борьбы левых профсоюзов за единство рабочего класса. (1920—1929.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1964; A. Arnte. Latvijas kreiso arodbiedrību sakari ar Padomju zemes strādnieku šķiru. (1920.—1929.) — *ZAVest*, 1964, 6, 3.—12. lpp.; А. Я. Арнте. Коммунистическая партия Латвии в борьбе за организационное единство профсоюзного движения в 1920—1928 гг. — *УчЗ ЛатГУ*, 62, 1964, стр. 111—125; A. Arnte. Latvijas kreisās arodbiedrības un strādnieku vienotā rīcība ekonomiskajā cīņā ar kapitālu 1924.—1928. g. — *RPI ZR*, 13, 1964, 171.—197. lpp.

⁴⁸ J. Steimanis. *Cīņa pret kapitālu. Arodkustība Latvijā no 1920. līdz 1940. gadam*. Rīgā, 1959. 192 lpp.

ного и систематизированного фактического материала, почерпнутого из периодической печати того времени и архивных фондов, автор освещает работу Компартии Латвии в профсоюзах, показывает, как левые профсоюзы под руководством КПЛ упорно отстаивали интересы трудящихся, разоблачает предательскую политику руководства социал-демократической партии, стремившегося отвлечь трудящихся от революционной борьбы против буржуазии и выступавшего против «увлечения» стачками. Детально разработаны главы, в которых описывается деятельность профсоюзов в период частичной стабилизации капитализма (1924—1929 гг.). Интерес привлекают и те страницы, где прослеживается ход всеобщей политической стачки 22 августа 1928 г. В книге показана роль левой профсоюзной печати в пропаганде среди трудящихся масс марксистско-ленинских идей и достижений социалистического строительства в СССР. К сожалению, слабее отражена деятельность коммунистов и профсоюзных активистов в 30-х годах, особенно после того, как буржуазное правительство в 1931 г. закрыло левые профсоюзы.

Истории деятельности рабоче-крестьянской фракции Латвийского сейма посвящена работа Б. Гиршфельда⁴⁹. Автор рассматривает деятельность фракции в тесной связи с теми важнейшими социально-экономическими факторами, которые обусловили остроту ситуации в сейме. Он подробно описывает практическую деятельность депутатов фракции — единственных представителей трудящихся в буржуазном парламенте Латвии, рассматривает их тактику и материалы печатного органа фракции газеты «Darbs un maize». К сожалению, книге присущ очевидный недостаток — в ней весьма слабо использованы архивные материалы.

Углубленную разработку одного из важных аспектов деятельности рабоче-крестьянской фракции сейма предприняла И. Капениеце⁵⁰, статья которой дополняет картину работы фракции по воспитанию трудящихся в духе идей пролетарского интернационализма.

Разработка истории коммунистической (подпольной и легальной) печати — целое направление в исследовательской деятельности советских историков. Причем эта тематика при-

⁴⁹ B. Hirsfelds. Latvijas saeimas strādnieku-zemnieku frakcija. Rīgā, 1958. 131 lpp.; Б. С. Гиршфельд. Рабоче-крестьянская фракция Латвийского сейма. Рига, 1960. 144 стр.

⁵⁰ I. Kapeniece. Proletāriskā internacionālisma principu garā (LKP vadītās Strādnieku-zemnieku frakcijas darbība III Saeimā, audzinot Latvijas darbaļaudis proletāriskā internacionālisma garā). — Grām.: Cīņas un uzvaru gadi. (AspZR). Rīgā, 1968, 62.—83. lpp.

влекла главным образом внимание С. А. Левитана, П. Я. Крупникова и В. Н. Никитина.

С. А. Левитан⁵¹ первым из советских исследователей дал обзор важнейших печатных изданий Коммунистической партии и комсомола Латвии за период буржуазной диктатуры. В его диссертации и статьях показывается роль коммунистической печати в борьбе трудящихся за Советскую власть, приводятся сведения об изданиях, их тираже, распространенности, о подпольных типографиях и работниках подпольной печати. Большой интерес представляют собранные им данные о нелегальных изданиях произведений В. И. Ленина в буржуазной Латвии.

Работы В. Н. Никитина⁵² посвящены в основном обзору коммунистической нелегальной печати Латвии за период с 1920 по 1929 г. В них воссоздается история нелегальных типографий, анализируется пропагандистская и агитационная работа печати по разоблачению буржуазной идеологии и воспитанию трудящихся в духе пролетарского интернационализма и социализма, приводятся сведения о распространении ленинских работ в Латвии.

Легальная революционная печать Латвии в период временной стабилизации капитализма (1924—1929 гг.) рассматривается в диссертации и статьях П. Я. Крупникова⁵³, который

⁵¹ S. Levitāns. Piezīmes par komunistiskās preses pagrīdes izdevumiem Latvijā 1919.—1940. g. — LVU ZR, 16, 1957, 37.—64. lpp.; S. Levitāns. Latvijas komunistiskā prese cīņā par Latvijas brīvību un neatkarību fašistiskās diktatūras laikā (1934.—1940. g.) — LVU ZR, 26, 1959, 21.—49. lpp.; S. Levitāns. Latvijas Komunistiskās partijas un Latvijas Komunistiskās jaunatnes savienības prese buržuāziskās Latvijas laikā. — Grām.: Cīņas balsis. Rīgā, 1959, 7.—42. lpp.; S. Levitāns. Nelegālā komunistiskā prese cīņā par strādnieku šķiras ikdienas prasībām buržuāziskajā Latvijā. (1920.—1940.) — LVU ZR, 40, 1961, 3.—42. lpp.; С. А. Левитан. Коммунистическая нелегальная печать Латвии в борьбе за советскую власть в 1919—1940 гг. Автореф. канд. дисс. Рига, 1965.

⁵² В. Н. Никитин. Из истории Коммунистической нелегальной печати Латвии. (1919—1928 гг.) — УчЗ РПедИ, 7, 1958, стр. 51—92; В. Н. Никитин. Коммунистическая нелегальная печать Латвии как пропагандист и агитатор идей ленинизма. (1919—1928 гг.) — УчЗ ДаугПедИ, 1, 1958, стр. 25—44; В. Н. Никитин. Коммунистическая нелегальная печать и выборы в буржуазной Латвии. (1919—1928 гг.) — УчЗ ДаугПедИ, 3, 1959, стр. 21—43; В. Никитин. Коммунистическая нелегальная печать Латвии и воспитание масс в духе пролетарского интернационализма. (1920—1929 гг.) — КСЛ, 1959, 8, стр. 18—23; В. Н. Никитин. Коммунистическая нелегальная печать Латвии в 1919—1929 годах. Автореф. канд. дисс. Даугавпилс — Рига, 1962.

⁵³ П. Крупников. Легальная революционная печать в буржуазной Латвии. — КСЛ, 1960, 10, стр. 25—32; P. Krupņikovs. Latvijas revolucionārā nelegālā prese buržuāziskās republikas pirmajos gados. — Karogs, 1961, 5, 122.—130. lpp.; P. Krupņikovs. LKP cīņā par legālās revolucionārās preses organizēšanu kapitālisma daļējās stabilizācijas periodā. —

по сравнению с другими исследователями делает несомненный шаг вперед в изучении практической деятельности Коммунистической партии Латвии в легальной печати и прежде всего в показе роли ЦК КПЛ в издании легальных газет и журналов и определении их содержания. Автор подробно рассмотрел такие вопросы, как пропаганда в легальных изданиях основных положений марксистско-ленинской теории и успехов социалистического строительства в Советском Союзе, борьба легальной коммунистической печати за укрепление союза рабочего класса и трудового крестьянства, ее выступления против фашизма и милитаризма. П. Я. Крупников вводит в научный оборот ряд новых материалов, отражающих борьбу буржуазного аппарата против рабочей печати.

Исследовательская проблема А. Страуме — это деятельность Коммунистической партии Латвии по интернациональному воспитанию трудящихся. В его статье⁵⁴ определенный интерес представляет анализ обсуждения международного положения на VII и VIII съездах КПЛ, а также на ряде партийных конференций.

Несколько работ⁵⁵, в том числе три диссертации, было посвящено деятельности комсомола в период господства националистической буржуазии. Борьба Коммунистического союза молодежи Латвии под руководством КПЛ против диктатуры буржуазии в 1919—1929 гг. рассматривается в диссертации Ю. Ю. Спружа⁵⁶. Изучением истории Коммунистического союза молодежи Латвии в годы мирового экономического кри-

ZAVēst, 1961, 11, 15.—27. lpp.; P. Krupņikovs. Latvijas komjaunatnes legālā prese. — PadLSk, 1962, 5, 12.—15. lpp.; П. Я. Крупников. Легальная революционная печать Латвии в период временной стабилизации капитализма. (1924—1929) Автореф. канд. дисс. Рига, 1962; P. Krupņikovs. Latvijas Komunistiskās partijas palīdzība legālai revolucionārai presei kapitālisma daļējās stabilizācijas pirmajos gados (1924.—1926.). — LVU ZR, 50, 1963, 155.—178. lpp.

⁵⁴ A. Straume. LKP darbība tautas masu solidaritātes jūtu audzināšanā ar kapitālistisko zemju darbaļaudīm (1920.—1934.). — Grām.: Cīņas un uzvaru gadi. Rīgā, 1968, 45.—61. lpp.

⁵⁵ Z. Eiduss. Valmieras varoņi. Rīgā, 1948. 79 lpp.; З. Эйдус. Вальмиерские герои. Рига, 1950. 80 стр.; G. un F. Fridmaņi. Latgales revolucionārā jaunatne. Rīgā, 1957. 220 lpp.; Г. и Ф. Фридман. Революционная молодежь Латгалии. Рига, 1959. 291 стр.

⁵⁶ Ю. Ю. Спруж. Борьба Коммунистического союза молодежи Латвии под руководством Коммунистической партии против диктатуры буржуазии в 1919—1929 годы. Автореф. канд. дисс. Рига, 1954; J. Spružs. Mēs, cīņas jaunā gvardē... Latvijas komjaunatne cīņā par darba jaunatnes masām 1919.—1929. g. Rīgā, 1958. 58 lpp.; Ю. Спруж. Мы, молодая гвардия... Комсомол Латвии в борьбе за трудовую молодежь в 1919—1929 гг. Рига, 1959. 58 стр.

зиса занималась Б. Ю. Ланцер⁵⁷. Большое внимание в ее работах уделено вопросам борьбы комсомола Латвии за улучшение экономического и политического положения трудящейся молодежи. Б. Ю. Ланцер анализирует структуру, численность и состав комсомольских организаций, в частности прослеживает организационную перестройку комсомола, завершенную в 1931 г. — переход от построения комсомольских организаций по территориальному принципу к построению по принципу производственному.

На изучении борьбы революционной молодежи Латвии в годы фашистской диктатуры сконцентрировала свое внимание Г. Райнес⁵⁸. Ее работы конкретизируют и расширяют представление о борьбе комсомола Латвии за создание единого фронта рабочей молодежи против наступления фашизма, за идейное и организационное единство трудовой молодежи — Союза трудовой молодежи Латвии (СТМЛ). При этом Г. Райнес подчеркивает, что, объединившись в одну организацию с социалистической молодежью, комсомол Латвии остался верен своим революционным принципам, идеям социалистической революции и диктатуры пролетариата, что создание СТМЛ осуществлялось на базе комсомола, а идейным, политическим руководителем СТМЛ была Коммунистическая партия Латвии. Должное внимание автор уделяет и освещению деятельности СТМЛ в условиях подъема рабочего движения, участием молодежи в борьбе народных масс за свержение фашистской диктатуры и восстановление Советской власти, а также показу первых шагов легальной деятельности СТМЛ и основанию Союза коммунистической молодежи Латвии летом 1940 г.

⁵⁷ Б. Ю. Ланцер. Борьба Коммунистического Союза молодежи Латвии под руководством Коммунистической партии против диктатуры буржуазии во время мирового экономического кризиса в 1929—1933 годы. Автореф. канд. дисс. Рига, 1956; B. Lāncere. Cīņa turpinās. Latvijas komjaunatne cīņā pret buržuāzijas kundzību ekonomiskās krīzes gados. (1930.—1934.) Rīgā, 1959. 54 lpp.; Б. Ланцер. Борьба продолжается. Комсомол Латвии в борьбе против господства буржуазии в годы экономического кризиса. (1930—1934.) Рига, 1959. 58 стр.

⁵⁸ Г. Райнес. Комсомол Латвии под руководством Коммунистической партии в борьбе против фашизма. (1934—1940 гг.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1959; G. Rainese. Latvijas komjaunatne cīņā pret fašistisko diktatūru. (1934.—1940) Rīgā, 1958. 96 lpp.; Г. Райнес. Борьба комсомола Латвии против фашистской диктатуры. 1934—1940. Рига, 1959. 110 стр.; G. Raines. Latvijas darba jaunatne cīņā par padomju varu. — Karogs, 1957, 9, 101.—106. lpp.; G. Raines. Latvijas komjaunatnes cīņa par strādnieku šķiras vienoto fronti. (1934.—1936.) — RPedIR, 7, 1958, 309.—338. lpp.; G. Raines. Drosmīgo pulkā. — Grām.: Par brīvi un dzīvi, 2. Rīgā, 1957, 75.—98. lpp.; Г. Райнес. В строю смелых. — В кн.: За свободу и жизнь, 2. Рига, 1958, стр. 475—501.

К сожалению, научную ценность вышеназванных диссертаций снижает то, что местами в них ощущается известная декларативность и схематизм. К тому же не всегда выводы диссертантов вытекают из приведенного ими конкретного материала.

Из поля зрения советских историков, естественно, не могла ускользнуть и такая важная проблема, как выявление классовой сущности фашистской диктатуры Ульманиса. Среди книг, посвященных этой теме, наибольший научный интерес представляют исследования А. А. Дризула и Б. Ц. Берковича.

Как уже отмечалось, в центре внимания книги Б. Ц. Берковича «Фашистский переворот в Латвии и тактика КПЛ» — методы и формы борьбы трудящихся Латвии, а также тактика Коммунистической партии. Проанализировав большой фактический материал, Б. Ц. Беркович показал внутренние и внешние факторы, определившие распад буржуазного парламентаризма и способствовавшие установлению в стране диктатуры Ульманиса. В книге последовательно проводится мысль о том, что фашистский переворот в Латвии, несмотря на некоторые его особенности, предопределили те же социально-экономические условия, что и в других капиталистических странах.

г) Внутренняя и внешняя политика правящих кругов

Свидетельством определенных достижений исторической науки в деле марксистского исследования периода фашистской диктатуры в Латвии является монография А. А. Дризула⁵⁹, в которой на основе большого фактического материала вскрывается классовая сущность фашизма, разоблачается предательская политика латышской националистической буржуазии, показывается зависимость фашистской Латвии от германского империализма, воссоздается картина тяжелого положения трудящихся и их борьбы с фашизмом. В книге приводится много интересных сведений, ранее нигде не опубликованных, об экономике Латвии, ее внутренней и внешней политике. Анализируя последствия кризиса 1929—1933 гг., А. А. Дризул выявляет причины краха буржуазного парламентаризма и перехода к открытой фашистской диктатуре, раскрывает сущность политики буржуазии, пытавшейся амортизировать удары кризиса за счет ограбления трудящихся. Автор приходит к выводу, что установление фашистского режима в стране являлось выражением не только силы, но и слабости латвийской буржуа-

⁵⁹ А. А. Drīzulis. Latvija fašisma jūgā. Rīgā, 1959. 322 lpp.; А. Дризул. Латвия под игом фашизма. Рига, 1960. 388 стр.

зии, вынужденной в целях сохранения господствующего положения прибегнуть к открытой диктатуре. В книге дается оценка роли монополистических объединений, вскрываются причины роста государственно-монополистического капитализма, показывается значение смешанных акционерных обществ. Много места в монографии отводится исследованию рабочего движения в годы фашистской диктатуры и борьбы Коммунистической партии Латвии за единство масс, за единый народный фронт против фашизма. Автор приводит новые материалы из истории образования Союза трудовой молодежи Латвии в 1936 г. Сделан шаг вперед и в исследовании истории возникновения и деятельности Социалистической рабоче-крестьянской партии Латвии.

Раскрытию классовой сущности политики правящей верхушки буржуазной Латвии в области просвещения посвящена диссертация Г. А. Бергман⁶⁰, в которой для историка интересны материалы, характеризующие состояние народного образования в буржуазной Латвии и показывающие борьбу КПЛ и комсомола за демократизацию школы.

Работы А. Ю. Рудевца⁶¹ содержат интересный фактический материал, разоблачающий предательскую политику латышских меньшевиков и раскрывающий истинное лицо буржуазной Латвии. О коррупции, процветавшей в буржуазной Латвии, рассказывается в брошюре Б. Гиршфельда «В пору жульничества и коррупции»⁶².

Определенная работа была проделана за последние годы по изучению истории церкви в буржуазной Латвии, причем наибольший вклад в разработку этого почти совсем не исследованного в советской историографии вопроса внес З. Балевиц. Его книга «Католики и католическое духовенство в буржуазной Латвии»⁶³ является оригинальным исследованием, в котором автор в научно-популярной форме раскрывает методы деятельности католической церкви в годы буржуазной диктатуры в Латвии (1920—1940). Монография З. Балевица

⁶⁰ Г. А. Бергман. Народная школа буржуазной Латвии как орудие реакционной антинародной политики латвийской буржуазии. Автореф. канд. дисс. Рига, 1953.

⁶¹ A. Rudevics. Meņševisma bankrots Latvijā. (1903.—1944.). Rīgā, 1957. 143 lpp.; A. Rudevics. Kas bija Latvijas buržuāziskā demokrātija? Rīgā, 1959. 170 lpp.; A. Rudevics. Fašistiskā diktatūra Latvijā. Rīgā, 1961. 186 lpp.

⁶² B. Hiršfelds. Blēdību un korupciju valstī. Rīgā, 1960. 99 lpp.

⁶³ Z. Bālevis. Katoļticīgie un baznīckungi buržuāziskajā Latvijā. Rīgā, 1964. 167 lpp.

«Церковь и государство в буржуазной Латвии»⁶⁴ посвящена главным образом изучению политической истории церкви (лютеранской, католической и православной). Известно, какое большое значение придавал В. И. Ленин разоблачению связей церкви с буржуазией, считая этот вопрос одной из составных частей истории религии и атеизма⁶⁵. Значимость книги повышается еще и тем, что отношения церкви и государства автор рассматривает на основе исчерпывающего фактического материала, анализируя конкретные формы проявления кризиса капитализма. Поэтому в книге, хотя она непосредственно и не затрагивает революционного движения рабочего класса Латвии, ощущается дыхание классовой борьбы, в конечном счете определявшей как церковную политику правящих кругов, так и отношение религиозных центров к государству. Центральная проблема исследования З. Балевица — изучение тенденций развития отношений церкви и государства в условиях обострения общего кризиса капитализма. Латышская буржуазия, которая пришла к власти лишь благодаря вмешательству западноевропейских и американских империалистов, не имела опыта государственного строительства, и поэтому она широко использовала практику капиталистических государств Западной Европы, развивая при этом в местных условиях наиболее реакционные элементы их опыта. Аналогичным образом опыт церквей зарубежных буржуазных государств осваивался и лютеранской, и католической церквями Латвии. Освещая эти особенности исторического развития буржуазной Латвии, исследование З. Балевица помогает лучше понять и тенденции развития отношений между церковью и государством в современном капиталистическом мире, и формы проявления все углубляющегося кризиса церкви.

Третья работа этого автора — «Латгалия и католическая церковь»⁶⁶ представляет тематически объединенный сборник статей по истории католической церкви в восточной части Латвийской ССР (Латгале) и хронологически охватывает период от XVIII в. до восстановления Советской власти в 1940 г., причем основное внимание уделено именно буржуазной Латвии.

Публикации документальных материалов по истории церкви в буржуазной Латвии подготовил Центральный Государственный исторический архив Латвийской ССР и составил З. Бале-

⁶⁴ Z. Balevics. Baznīca un valsts buržuāziskajā Latvijā. 1920.—1940. Rīgā, 1964. 270 lpp.

⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 210.

⁶⁶ Z. Springovičs. Latgale un katoļu baznīca. Rīgā, 1961. 183 lpp.

виц⁶⁷. Эти сборники агитационно-пропагандистского характера рассчитаны на широкий круг читателей. Опубликованные в них документы беспощадно разоблачают антинародную политику служителей церкви и сектантских проповедников Латвии, раскрывают лицемерие и лживость ханжеской религиозной морали. Сборникам предпосланы введения — краткие очерки из истории конфессий в буржуазной Латвии.

Предмет исследований К. Я. Поча, П. Б. Бамбитиса и В. Я. Сиполса — внешняя политика буржуазной Латвии, причем первый из них анализировал попытки создать в первой половине 20-х годов польско-балтийский антисоветский союз⁶⁸, второй сосредоточил внимание главным образом на внешнеполитическом курсе правящих кругов Латвии в 1939—1940 гг., в том числе на выявлении значения советско-латвийского пакта взаимопомощи от 5 октября 1939 г.⁶⁹, а третий исследовал внешнюю политику буржуазной Латвии за весь период ее существования⁷⁰. Кроме того, внешнеполитические вопросы освещались в обобщающих трудах по истории Латвии, в том числе в книгах А. А. Дризула⁷¹.

⁶⁷ Katoliķu garīdzniecība Latvijā 1920.—1940. Dokumentu krājums. Rīgā, 1961. 189 lpp.; Католическое духовенство в Латвии. 1920—1940. Сборник документов. Рига, 1961. 207 стр.; Старообрядчество в Латвии без прикрас. 1920—1940. Сборник документов. Рига, 1951. 162 стр.; Православное духовенство в Латвии. 1920—1940. Сборник документов. Рига, 1962. 192 стр.; Reliģiskais sektantisms Latvijā. 1920.—1940. Dokumentu krājums. Rīgā, 1962. 191 lpp.

⁶⁸ К. Ро́с. Cetur valstu ārlietu ministru Helsinku konference 1925. g. janvārī un imperiālistisko valstu mēģinājums iesaistīt Latviju pretpadomju savienībā. — ZAVēst, 1965, 8, 33.—44. lpp.; К. Ро́с. Pretpadomju Polijas-Baltijas valstu savienības jautājums buržuāziskās Latvijas ārpolitikā 1920.—1923. g. — ZAVēst, 1966, 1, 21.—29. lpp.; К. Я. Почс. Вопрос о польско-балтийском антисоветском союзе во внешней политике буржуазной Латвии. (1920—1925 гг.). Автореф. канд. дисс. Рига, 1966.

⁶⁹ П. Б. Бамбитис. Борьба СССР против агрессивных планов империалистических держав в отношении Латвии (1939—1940 гг.). Автореф. канд. дисс. М., 1958; П. Бамбитис. Дружба советских народов — оплот независимости Латвии. — КСЛ, 1957, 9, стр. 31—38; П. Б. Бамбитис. Советско-латвийский пакт взаимопомощи 5 октября 1939 г. — В кн.: Вопросы новой и новейшей истории. М., 1958, стр. 371—391; П. Бамбитис. Угроза захвата Латвии фашистской Германией в 1939 г. — УчЗ ЛатГУ, 18, 1958, стр. 149—178.

⁷⁰ В. Сиполс. Борьба СССР за мир в Прибалтике в 1933—1940 гг. — КСЛ, 1959, 9, стр. 25—32; В. Сиполс. Как клика Ульманиса предавала латышский народ. — КСЛ, 1962, 8, стр. 50—56; В. Я. Сиполс. Внешняя политика правящих кругов буржуазной Латвии — политика измены народу (1939—1940 гг.). — ИСССР, 1963, 1, стр. 48—64; V. Sīpols. Dzimtenes nodevība. Buržuāziskās Latvijas ārpolitika no 1933. līdz 1940. gadam. Rīgā, 1963. 262 lpp.; В. Я. Сиполс. Антинародная внешняя политика правящих кругов буржуазной Латвии 1918—1940 гг. Автореф. докт. дисс. М., 1965.

⁷¹ См. А. А. Дризул. Советско-латвийские отношения в 1939—1940 гг. Автореф. канд. дисс. М., 1947.

Заслуживают внимания и работы А. Я. Варславана⁷², посвященные исследованию политики английского империализма в буржуазной Латвии в 1920—1923 гг. Автор довольно подробно рассматривает вопросы дипломатической ориентации правящих кругов буржуазной Латвии. На большом фактическом материале А. Я. Варславан разоблачает миф о «независимости» и самостоятельности буржуазной Латвии и показывает, что она была орудием в руках капиталистических держав. Раскрыв антисоветскую направленность политики Англии и проследив ее участие в создании империалистического фронта против Советской России, на основе анализа большого числа источников он сделал вывод об усилении политико-дипломатического влияния английского империализма в буржуазной Латвии. В период с 1920 по 1923 г. Англии удалось добиться определяющей роли в буржуазной Латвии. Латышская буржуазия в эти годы придерживалась в основном проанглийской ориентации, а правительство буржуазной Латвии считало Англию своим главным советчиком. Заслуживает внимания и сделанное на основе анализа конкретного материала наблюдение А. Я. Варславана о том, что Латвия была тем местом, где после первой мировой войны американский империализм в Европе впервые начал в противовес Англии и Франции выдвигать Германию.

Большим фактическим материалом насыщена книга В. Я. Сиполса «Тайная дипломатия»⁷³, посвященная характеристике внешней политики буржуазной Латвии за 1919—1940 гг. На ярких примерах автор показывает, как классовая ненависть латышской буржуазии к Советской власти, страх перед «своими» трудящимися и экономическая зависимость от империалистических стран толкали ее на послушное участие в антисоветских происках крупнейших держав капиталистического мира. Серьезное внимание в книге уделяется попыткам создания антисоветских союзов и прежде всего планам образования военного блока прибалтийских государств и Польши. Должное место отведено и анализу советско-латышских отношений. Советское государство неуклонно и последовательно проводило политику укрепления мира и развития добрососед-

⁷² А. Я. Варславан. Политика английского империализма в отношении буржуазной Латвии. (1920—1923.) Автореф. канд. дисс. Л., 1963; A. Varšlavāns. Anglijas cīņa par buržuāziskās Latvijas iesaistīšanu kopējā imperiālisma pretpadomju frontē. (1920.—1923.) — ZVēst, 1962, 8, 18.—23. lpp.; А. Я. Варславан. К вопросу о влиянии английского капитала на экономику Латвии. (1920—1923 гг.) — УчЗ ЛатГУ, 50, 1963, стр. 83—131; А. Варславан. Политика английского империализма в отношении буржуазной Латвии. (1920—1923.) Рига, 1966, 181 стр.

⁷³ V. Sīpols. Slepenā diplomātija. Rīgā, 1965, 258 lpp.; В. Сиполс. Тайная дипломатия. Рига, 1968. 347 стр.

ских отношений с другими странами. По инициативе Советского правительства в марте 1922 г. была созвана Рижская конференция, в которой приняли участие РСФСР, Латвия, Польша и Эстония и которая продемонстрировала возможность плодотворного и взаимовыгодного экономического сотрудничества. С осени 1923 г. в течение ряда лет велись переговоры о заключении договора о ненападении и нейтралитете. Большое значение для экономики Латвии имел торговый договор между СССР и Латвией, заключенный в июне 1927 г. Автор справедливо подчеркивает, что отношения между Советским государством и Латвией, как и другими прибалтийскими странами, явились первым опытом мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Интересны также страницы книги, рассказывающие о большом внимании, которое уделял один из выдающихся организаторов советской дипломатии Г. В. Чичерин укреплению советско-латвийских добрососедских отношений. Однако не все вопросы нашли в этой работе должное освещение. Так, фактически обойден вопрос о деятельности дипломатов буржуазной Латвии в Лиге Наций, хотелось бы, чтобы более детально было показано развитие англо- и франко-латвийских отношений, а также взаимоотношений между прибалтийскими буржуазными государствами, особенно в вопросе о латвийско-эстонском таможенном союзе.

Книга В. Сиполса «Измена Родине»⁷⁴ и поныне остается единственной монографией по истории внешней политики правительства Ульманиса. Главным источником, на котором базируется исследование В. Сиполса, являются документальные материалы, почерпнутые автором как из архивных фондов Москвы и Риги, так и из советских и иностранных публикаций дипломатических документов. На основе большого фактического материала автор рассматривает важнейшие внешнеполитические акции правительства Ульманиса в тесной связи с внутренним положением в стране. Немало места в монографии уделяется миролюбивой политике Советского Союза, его упорному стремлению создать эффективную систему коллективной безопасности. В. Сиполс показывает агрессивный характер политики империалистических держав, цитирует ряд интересных документов, вскрывающих гнусные планы правящих кругов гитлеровской Германии, рассматривавших Латвию либо как объект своей непосредственной экспансии, либо как разменную монету в своих авантюристических сделках. Вообще, в монографии взаимоотношения между гитлеровской Германией

⁷⁴ V. Sīpols. Dzimtenes nodevība. Buržuāziskās Latvijas ārpolitika no 1933. līdz 1940. gadam. Rīgā, 1963. 262 lpp.

и правительством Ульманиса уделено должное внимание, но, к сожалению, в меньшей степени проанализированы отношения правительства буржуазной Латвии с другими странами.

За последнее время несколько продвинулось вперед издание документальных материалов, главным образом относящихся к деятельности Коммунистической партии Латвии⁷⁵. Сравнительно много сделано также по публикации воспоминаний революционеров, работавших в глубоком подполье⁷⁶. Изданная мемуарная литература знакомит читателей с важнейшими моментами революционного движения, с деятельностью партийных и комсомольских организаций, живо рассказывает об отдельных эпизодах борьбы трудящихся. Нельзя не отметить выход в свет интересного сборника воспоминаний и документов о латышских революционерах — участниках гражданской войны в Испании⁷⁷. Его яркие материалы воссоздают атмосферу тех лет, рассказывают, какой резонанс получили испанские события в Латвии, как под руководством КПЛ разворачивалось движение солидарности с испанским народом. Среди документальных материалов сборника наибольший интерес представляют воззвания Рижского комитета КПЛ, сообщения о ходе сбора средств для борцов республиканской Испании, характеристики латышских добровольцев и выписки из отдельных партийных документов.

Итак, научно-исследовательская работа по изучению истории буржуазной Латвии (1920—1940 гг.) велась широким планом, причем участвовали в ней как историки, так и экономисты. Особенно эта работа активизировалась с середины 50-х годов,

⁷⁵ LKP, LKJS un Sarkanās palīdzības revolucionārās lapīnas. 1920.—1940. 1—3. Rīgā, 1959.—1963. 816, 806 un 721 lpp.; Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, 1. 1904.—1940. Rīgā, 1958. 642 lpp.

⁷⁶ Par brīvi un dzīvi. Komjauniešu pagrīdnieku atmiņas, 1, 2. Rīgā, 1956, 1957. 440 un 408 lpp.; За свободу и жизнь. Воспоминания комсомольцев-подпольщиков. Рига, 1958. 583 стр.; Revolucionārā Pardaugava. Cīnītāju atmiņas, 2. 1920.—1940. Rīgā, 1963. 352 lpp.; Cīņas balsis. Apcerējumu un atmiņu krājums par revolucionāro presi latviešu nacionālistiskās buržuāzijas kundzības laikā. 1920.—1940. Rīgā, 1959. 576 lpp.; Коммунисты Латгалии в годы подполья. 1920—1940. Воспоминания. Рига, 1960. 330 стр.; Latgales komunisti pagrīdes gados. 1920.—1940. Atmiņas. Rīgā, 1962. 320 lpp.; В. Е. Невлер (Вилин). Дни и годы в революционном подполье. Рига, 1962. 114 стр.; M. Sverdlovs. 12 gadu revolucionārās pagrīdes tipogrāfijās. Rīgā, 1960. 159 lpp.; Ф. Фридман. Революционная молодежь Латгалии. Рига, 1959. 290 стр.; G. Rapports. Pagrīdes ikdiena. Rīgā, 1961. 295 lpp.

⁷⁷ Latvijas cīnītāji Spānijā. 1936.—1939. Atmiņas un dokumenti. Rīgā, 1966. 560 lpp.; см. также: Viva [la] republica! Воспоминания участников антифашистской войны в Испании. Рига, 1957. 392 стр.

когда историки республики получили возможность более глубоко исследовать этот период, так как открылся доступ к большому количеству документов и архивных материалов. В результате появилось несколько серьезных и обстоятельных исследований, ряд интересных диссертаций, много содержательных статей, воспоминаний, научно-популярных книг и брошюр, в которых широко освещается целый комплекс важнейших вопросов истории буржуазной Латвии.

Повысилась научная ценность работ. В них все меньше ощущается схематизм и упрощенчество в трактовке проблем, все реже встречаются «общие» места. Все явственней становится стремление вскрыть действительные, объективные связи исторического процесса, порвать с шаблонным подходом к рассмотрению того или иного исторического события или явления, отойти от безликости исторического повествования и рассказать о деятельности многих активных участников революционной борьбы. При этом наибольшее внимание историки Советской Латвии уделили изучению славных революционных традиций латышского народа — деятельности Коммунистической партии Латвии, ее тактике и стратегии, рабочему движению, интернациональным связям латышского пролетариата, анализу подпольной коммунистической и рабочей печати, а также исследованию экономической истории Латвии. В настоящее время едва ли не самым изученным этапом в истории буржуазной Латвии является период с 1929 по 1933 г., т. е. период экономического кризиса. Менее исследованы торговля, финансы и отчасти внешняя политика буржуазной Латвии. Отрадно отметить также рост качества диссертационных работ. Они стали менее описательны и более проблемны и, как правило, являются результатом многолетних изысканий.

ХІІІ. ЛЕТОПИСЬ СОВРЕМЕННОСТИ. ПЕРИОД СОЦИАЛИЗМА И РАЗВЕРТЫВАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

1. ОБРАЗОВАНИЕ ЛАТВИЙСКОЙ ССР И ПЕРВЫЕ ШАГИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

(июль 1940 — июнь 1941 г.)

Восстановление Советской власти в Латвии в 1940 г., провозглашение Латвийской ССР и ее вступление в Союз Советских Социалистических республик имело огромное значение в истории латышского народа и именно поэтому привлекло внимание многих ученых. Эту тему изучали А. Дризул, В. Канале (Гудзука), И. Штейман, С. Удачин, Э. Жагар, Г. Райнес, В. Скултинь, О. Споге, А. Вейнберг, В. Савченко и др., причем наибольшие заслуги в этой области принадлежат А. Дризулу. Усилия советских ученых были направлены как на разработку целостной концепции, так и на изучение важнейших событий 1940—1941 гг. В центре внимания советской исторической науки был целый комплекс сюжетов социально-экономического и общественно-политического порядка.

В работах историков Советской Латвии последовательно проводится мысль о том, что восстановление Советской власти в Латвии в 1940 г. явилось результатом героической борьбы трудящихся, которую они вели против буржуазии более 20 лет, что социалистическая революция в Латвии, как и революции в Литве и Эстонии, была одной из первых революций в мире, в которой пролетариат одержал победу над буржуазией без вооруженного восстания. Это объяснялось благоприятно сложившейся к тому времени международной обстановкой и тем, что соседом Латвии была мощная социалистическая держава — СССР, которая одним лишь фактом своего существования парализовала внутренние контрреволюционные силы, не дав им возможности поднять оружие против трудящихся.

Общее представление о создании Латвийской ССР и первых шагах социалистического строительства дают соответствующие разделы третьего тома и сокращенного курса «Истории Латвийской ССР». В этих трудах разработана периодизация исто-

рии латышского народа, выявлены перспективы развития социалистической революции, рассмотрен ход социалистических преобразований в Латвии в 1940—1941 гг.

К числу основных и притом наиболее сложных проблем истории рассматриваемого периода относится вопрос о предпосылках социалистической революции. Этот сюжет полнее всего рассмотрен А. Дризулом¹, в работах которого большое внимание уделяется анализу деятельности Коммунистической партии Латвии по руководству революционным движением и созданию единого антифашистского народного фронта, назревания революционной ситуации и обострения классовых противоречий. Автор описывает выступления трудящихся в крупнейших центрах Латвии, направленные против диктатуры Ульманиса, рассказывает об образовании Народного правительства во главе с профессором А. Кирхенштейном и о массовых демонстрациях в поддержку этого правительства в Риге, Лиенае, Даугавпилсе, Резекне и других городах. Приведенные им материалы показывают, как Коммунистическая партия, выйдя из подполья, всемерно поддерживала Народное правительство, требуя от него проведения коренных революционных преобразований: осуществления контроля над производством и банками, создания рабочей милиции, ликвидации организации айзсаргов, демократизации армии, улучшения материального положения рабочих и служащих, ликвидации безработицы, конфискации крупных земельных владений с передачей их безземельным крестьянам, введения 8-часового рабочего дня, установления дружественных отношений с СССР. Требования Компартии Латвии, их реализация укрепили союз рабочего класса и трудового крестьянства; их широко поддерживали трудящиеся. Рассказывая о ходе выборов в Народный сейм и победе кандидатов избирательного блока трудового народа Латвии,

¹ А. Дризул. Советско-латышские отношения в 1939—1940 гг. Автореф. канд. дисс. М., 1947; A. Drīzulis. Cīņa par fašistiskās diktatūras gašanu un Padomju Latvijas nodibināšanu 1940. gadā. Rīgā, 1951. 75 lpp.; A. Drīzulis. Padomju Latvijas sociālistiskās celtniecības pirmie soļi. (1940.—1941.). Rīgā, 1952. 84 lpp.; A. А. Дризул. Установление Советской власти и первые шаги социалистического строительства в Латвии (1940—1941 гг.). — ИЗ, 45, 1954, стр. 43—79; A. Drīzulis. Padomju varas nodibināšana un sociālisma celtniecības pirmie soļi Latvijā (1940.—1941.). — Grām.: Cīņa par Padomju varu Latvijā. Rīgā, 1955, 79.—238. lpp.; A. А. Дризул. Восстановление Советской власти в Латвии в 1940 г. — Доклады и сообщения Института истории АН СССР, 4, 1955, стр. 68—84; A. Drīzulis. Cīņa par brīvību. Rīgā, 1956. 180 lpp.; A. Дризул. Борьба Компартии Латвии за восстановление Советской власти. Первый период социалистического строительства в Латвии. — КСЛ, 1959, 10, стр. 67—71; A. Drīzulis. Latvija fašisma jūgā. (1934.—1940.). Rīgā, 1959. 322 lpp.; A. Дризул. Латвия под игом фашизма. Рига, 1960. 388 стр.

А. Дризул подчеркивает историческое значение заседания Народного сейма 21 июля 1940 г., провозгласившего Советскую власть и принявшего ряд других важнейших решений, сыгравших поворотную роль в истории латышского народа. В своих работах А. Дризул рассматривает также первые социалистические преобразования. Отмечая особенности развития революционных событий в Латвии, он вскрывает причины, обусловившие восстановление Советской власти в Латвии без вооруженной борьбы.

Дальнейшую попытку углубленного рассмотрения социально-экономических предпосылок революции предприняла В. Канале (Гудзука)². В ее работах большое место отводится освещению экономического и политического положения буржуазной Латвии накануне восстановления Советской власти в 1940 г., а также показу процесса назревания предпосылок свержения диктатуры Ульманиса. Автор вводит в научный оборот ряд новых материалов, свидетельствующих о росте безработицы, забастовочного движения, нарастании экономических трудностей, обострении классовой борьбы, усложнении международной обстановки и растерянности правящих кругов буржуазной Латвии. В. Канале несколько конкретизирует представление также о ходе революционных событий в 1940 г., ознаменовавшемся победой Советской власти в Латвии.

Л. Химельрейх³, основываясь главным образом на ранее опубликованных работах советских историков (А. Дризула, И. Штеймана, В. Канале, Э. Жагара и др.), а также на отдельных новых архивных документах и материалах периодической печати, показывает руководящую и мобилизующую роль КПЛ, сумевшей в тяжелых условиях подполья и в сложной международной обстановке конца 30-х годов поднять широкие массы латышского народа на победоносную борьбу против фашистского режима Ульманиса, за демократию и социализм. К сожалению, в работах Л. Химельрейха допущен ряд фактических неточностей и есть неудачные формулировки, а также ощущается увлечение автора иллюстративным методом.

Центральное место в брошюре И. Штеймана «Июньские

² В. Я. Гудзука. Восстановление Советской власти в Латвии в 1940 г. Автореф. канд. дисс. Рига, 1955; V. Gudzuks. Padomju varas nodibināšanās Latvijā 1940. gadā. — LVU ZR, 16, 1957, 7.—36. lpp.; V. Kanāle. Fašistiskās diktatūras sabrukums Latvijā. Rīgā, 1960. 103 lpp.

³ Л. П. Химельрейх. Коммунистическая партия Латвии — вдохновитель и организатор борьбы трудящихся за победу социалистической революции в 1940 году. Автореф. канд. дисс. М., 1966; L. Himmelreih. Tā ausa brīvības rīts. Latvijas Komunistiskās partijas cīņa par sociālistiskās revolūcijas uzvaru 1940. gadā. Rīgā, 1966. 149 lpp.

дни»⁴ занимает описание июньских событий 1940 г. в Латвии. Автор показал рост недовольства народных масс политикой правительства Ульманиса, массовые демонстрации и выступления трудящихся в крупнейших городах Латвии, победу трудового народа и проведение мероприятий по демократизации общественно-политической жизни.

В государственно-правовом аспекте вопрос о восстановлении Советской власти в 1940 г. рассматривают юристы — В. Скултынь, В. Миллер, Л. Бирзинь, Э. Стумбинь и С. Граужинис⁵. В своих работах они показывают, как в ходе революции складывалась новая государственность, как создавались органы советского социалистического государства и как государственный аппарат в руках руководимого партией пролетариата стал основным орудием построения социализма. Описывая ломку старого государственного аппарата и создание нового, исследователи подчеркивают, что на работу в государственный аппарат были выдвинуты сотни лучших представителей рабочего класса, трудового крестьянства и трудовой интеллигенции, заменивших буржуазных чиновников. Одновременно с созданием центральных органов государственной власти и управления, суда и прокуратуры в республике создавались и местные государственные органы, принимавшие деятельное участие в осуществлении всех без исключения государственных функций. Особенно подробно авторы этих работ освещают деятельность городских и уездных исполкомов, являвшихся в 1940—1941 гг. важнейшими государственными органами на местах, через которые непосредственно осуществлялись мероприятия по укреплению Советской власти.

Важные мероприятия были проведены по ликвидации старого, капиталистического базиса в Латвии. Национализацией крупных промышленных и торговых предприятий, банков и многоэтажных домов, введением в обращение советской валюты были заложены основы развития советской экономики. Этим

⁴ J. Šteimanis. Jūnija dienās. 1940. gada jūnija notikumi Latvijā. Rīgā, 1960. 76 lpp.; см. также: И. А. Штейман. О восстановлении Советской власти в Латвии. — УчЗ ДаугПедИ, 3, 1959, стр. 5—20.

⁵ В. Скултынь. Как производились выборы в Народный сейм в Латвии в 1940 году. — КСЛ, 1957, 7, стр. 65—71; Э. Стумбина. Создание органов советской юстиции в Латвии в 1940—1941 гг. — УчЗ ЛатГУ, 24, 1958, стр. 101—117; Л. Бирзина. Pašvaldības iestāžu demokratizācija Latvijā pēc fašistiskās diktatūras gāšanas 1940. gadā. — ZAVest, 1959, 10, 15.—24. lpp.; Л. Бирзина. Latvijas PSR vietējie valsts orgāni 1940.—1941. gadā. — ZAVest, 1960, 2, 19.—30. lpp.; В. А. Скултынь. Образование Латвийской ССР в 1940 году. Автореф. канд. дисс. М., 1960; S. Graužinis. Piezīmes par Latvijas PSR prokuratūras izveidošanos un attīstību 1940. un 1941. gadā. — LVU ZR, 44, 1962, 185.—201. lpp.; В. О. Миллер. Государственность Советской Латвии в 1940—1941 годах. — УчЗ ЛатГУ, 64, 1964, стр. 21—76.

сюжетам посвящен, не считая уже упомянутые работы А. Дризула, целый ряд брошюр и статей⁶. Новым фактическим материалом насыщены исследовательские работы Э. Жагара⁷, в которых подробно и обстоятельно рассматривается ряд аспектов вышеназванной темы. В этих работах дан глубокий анализ состояния промышленности буржуазной Латвии накануне социалистической революции 1940 г., показаны подготовка и проведение социалистической национализации — одного из важных звеньев революционного преобразования экономики и культуры Латвии. Пионером освещения вопросов социалистического строительства в Советской Латвии в 1940—1941 гг. выступил Фр. Деглав⁸, в работах которого рассказывается о первых мероприятиях по социалистическому преобразованию промышленности.

Пальма первенства в разработке вопроса о развитии экономических и культурных связей Латвийской ССР с братскими республиками в 1940—1941 г. принадлежит Э. Жагару⁹. Отметив, что задачи народнохозяйственного плана Латвийской ССР могли быть успешно решены лишь с помощью других республик СССР, он выявляет особенности этих экономических связей в первые месяцы существования Советской Латвии (август — октябрь 1940 г.). Аргументированно звучит тезис автора о том, что почти все важнейшие отрасли промышленности Латвийской ССР перешли на отечественное сырье.

Весьма результативными оказались исследования по истории аграрных преобразований в Советской Латвии. Среди них прежде всего отметим монографию С. А. Удачина¹⁰. Анали-

⁶ См., например: В. Миллерс. Роль Конституции Латвийской ССР в строительстве социалистической экономики республики в 1940—1941 гг. — УчЗ ЛатГУ, 24, 1958, стр. 153—172; В. Скултыня. Экономические мероприятия Народного правительства Латвии в июне—июле 1940 года. — ИАН ЛССР, 1959, 6, стр. 5—10 и др.

⁷ Э. А. Жагар. Подготовка социалистической национализации промышленности Латвии в 1940—1941 гг. — ИАН ЛССР, 1967, 9, стр. 17—30; Э. А. Жагар. Проведение социалистической национализации промышленности Латвии в 1940—1941 гг. — ИАН ЛССР, 1967, 10, стр. 16—36.

⁸ Ф. Деглав. План первого года социалистического строительства. — В кн.: Советская Латвия, 1. Рига, 1940, стр. 129—132; Fr. Deglavs. Sociālistiskās celtniecības pirmie soļi Padomju Latvijā. — ZAVēst, 1955, 7, 19.—32. lpp.; Fr. Deglavs. Sociālistiskās celtniecības sākums Padomju Latvijā. — Grām.: Padomju Latvijas 15 gadi. Rīgā, 1955, 27.—36. lpp.

⁹ Э. Жагар. Укрепление и развитие связей Латвийской ССР с братскими республиками Советского Союза. (1940—1941 гг.) — ИАН ЛССР, 1968, 3, стр. 81—84.

¹⁰ С. А. Удачин. Земельная реформа в Советской Латвии. Рига, 1948. 448 стр.; см. также: В. Савченко. О некоторых мероприятиях по социалистическому строительству в сельском хозяйстве Латвийской ССР в 1940—

зируя аграрную политику Советской власти, С. А. Удачин показывает, что в отличие от буржуазной аграрной реформы, сохранившей в неприкосновенности и еще более укрепившей частнокапиталистическую земельную собственность, советские земельные преобразования привели к глубокому изменению земельного строя и всех аграрных отношений в целом. Советская власть осуществила национализацию земли, полностью отменила выкупные платежи за землю, налоговую задолженность и штрафы, тяжелым бременем лежавшие на бедняцко-средняцких крестьянских хозяйствах, и провела земельные преобразования. Основная задача этих преобразований состояла в том, чтобы подорвать экономическую мощь кулачества, создать в лице деревенской бедноты, получившей землю, надежную опору Советской власти в деревне, положить начало организации крупных социалистических хозяйств.

Мероприятия, проведенные Советской властью по перестройке народного образования и культурной жизни, явились темой целого ряда статей¹¹. Результатом дальнейшего изучения вопроса была диссертация Я. Н. Партизпанян¹². Отметив, что культурные преобразования в Латвии в 1940—1941 гг. осуществлялись на базе переустройства экономической и политической жизни республики и одновременно с ним, автор последовательно проводит мысль о том, что руководящей и направляющей силой социалистического культурного строительства была Коммунистическая партия. В диссертации приводится новый фактический материал, показывающий, как велась перестройка школьной системы, работы высших учебных заведений, музеев, библиотек и театров, раскрывающий роль советской периодической печати и литературы того времени в коммунистическом воспитании трудящихся. Автор рассматривает многообразные формы культурно-массовой работы, а также выявляет особенности культурной революции в Советской Латвии, обусловленные ее историческим развитием.

1941 гг. — ИАН ЛССР, 1958, 3, стр. 9—16; К истории первых аграрных преобразований в Прибалтике. (1940—1941 гг.) Подготовили Ю. И. Дамберг [и др.]. — ИАрх, 1960, 3, стр. 35—60.

¹¹ P. Valeskalns. Darbs izglītības laukā Padomju Latvijā 1940.—1941. gadā. — PadLSK, 1957, 10, 17.—19. lpp.; A. Skroderis. Darbs Latgales skolās 1940. gadā. — PadLSK, 1960, 7. 91. lpp.; J. Partizpanjana. Partijas rūpes par izglītības darbinieku izaugsmi. 1940. g. jūnijs — 1941. g. jūnijs. — PadLSK, 1963, 8, 88.—90. lpp.; J. Partizpanjana. Padomju varas pasākumi tautas izglītības sistēmas pārkārtošanā Latvijā 1940.—1941. g. — RPI ZR, 13, 1964, 57.—83. lpp.

¹² Я. Н. Партизпанян. Культурное строительство в Советской Латвии в 1940—1941 годах. Автореф. канд. дисс. Рига, 1965; J. Partizpanjana. Latvijas Komunistiskās partijas un Padomju valdības pasākumi augstskolu darba reorganizācijā 1940/1941. gadā. — ZAVest, 1965, 1, 3.—13. lpp.

К источниковедческой разработке рассматриваемой проблемы одним из первых среди историков Советской Латвии приступил Э. Жагар¹³. Выявляя значение периодической печати Латвии как источника исследования истории республики за 1940—1941 гг., он привел ряд заслуживающих внимания наблюдений и дал несколько ценных рекомендаций.

Свидетельством дальнейших успехов советских историков в разработке рассматриваемого периода являются публикации Э. Жагара¹⁴. И дело не только в том, что их появлению предшествует многолетняя кропотливая работа автора над изучением широкого круга источников, и прежде всего архивных документов. Главное в том, что Э. Жагар по-новому трактует ряд важных вопросов этого периода истории, что его работы свободны от схематизма и шаблона, характерных для публикаций конца 40-х — начала 50-х годов. И, наконец, впервые в историографии Латвии автор основательно рассматривает классовую борьбу в Латвийской ССР в 1940—1941 гг.

В брошюре О. Споге¹⁵ рассказывается о деятельности Союза трудовой молодежи Латвии в 1940—1941 гг., об организации и налаживании идейно-политической и воспитательной работы, о перестройке рядов комсомола в связи с его вступлением в октябре 1940 г. во Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи. Автор приводит сведения о работе комсомольских организаций среди сельской молодежи, отмечает большую роль, которую сыграла в воспитании молодого поколения в духе коммунизма молодежная газета «Jaunais Komunārs», описывает участие комсомольцев в строительстве новой жизни и важнейших мероприятиях партии и правительства.

Отдельные аспекты рассматриваемой темы затронуты и в работах общего характера, а также во многих статьях и брошюрах¹⁶.

¹³ Э. Жагар. Периодическая печать Латвии как источник по истории социалистической революции и социалистического строительства в 1940—1941 гг. — ТДИП, стр. 100—104.

¹⁴ Э. А. Жагар. Некоторые вопросы классовой борьбы в Латвийской ССР накануне Великой Отечественной войны. — В кн.: В дни войны. Рига, 1964, стр. 27—56.

¹⁵ О. Spoģe. Pirmie soļi sociālisma celtniecībā. Latvijas komjaunatnes cīņa par padomju varas atjaunošanu un sociālisma celtniecību Latvijā 1940.—1941. g. Rīgā, 1959. 74 lpp.; О. Споге. Первые шаги социалистического строительства. Комсомол Латвии в борьбе за восстановление Советской власти и строительство социализма в Латвии в 1940—1941 гг. Рига, 1960. 84 стр.

¹⁶ См. например: Padomju Latvijas pirmie stahanovieši. Rīgā, 1941. 64 lpp.; К. Каулиņš. Latvijas darbaļaužu cīņas pret buržuāzisko diktatūru un padomju varas nodibināšana 1940. gadā. — PadLSk, 1950, 48.—55. lpp.; А. Курпnieks. Latvijas darbaļaužu cīņa par padomju varas nodibināšanu un nostiprināšanu.

Серьезная база для дальнейшей исследовательской работы была создана с выходом в свет публикации архивных и других документальных источников «Победа социалистической революции в Латвии в 1940 г.»¹⁷. Это первое серьезное издание документов и материалов о событиях 1940 г. в Латвии содержит документы о деятельности Коммунистической партии Латвии — организатора борьбы трудящихся республики за Советскую власть, материалы, показывающие работу Народного правительства Латвии и деятельность трудящихся и их организаций. Материалы сборника свидетельствуют о том, что трудящиеся широко поддерживали политику Коммунистической партии. Несомненный интерес представляют документы сборника о подготовке выборов в сейм в 1940 г., материалы первой сессии Народного сейма, провозгласившего в Латвии Советскую власть и принявшего решение о воссоединении с народами СССР, а также документы о проведении национализации промышленности, начале аграрных преобразований, демократизации общественной жизни и т. д. Всего в сборник вошло 636 документов, пользование которыми облегчается благодаря научно-справочному аппарату: примечаниям, указателю и хронике событий.

Итак, советские историки едины в общей оценке событий 1940 г. в Латвии. Тем не менее по отдельным вопросам данной проблемы есть и некоторые разногласия. Так, большинство исследователей считает, что революция 1940 г. в Латвии уже с самого начала имела социалистический характер. Другие ученые выдвигают тезис о двух этапах революции: буржуазно-демократическом и социалистическом. Третья группа авторов, в общем соглашаясь, что в революции 1940 г. в Латвии не было буржуазно-демократического этапа, тем не менее считает необходимым выделить период с 17 июня по 21 июля 1940 г. как особый этап революции, на котором еще не решались социалистические задачи, а происходила перегруппировка сил с тем, чтобы уже потом перейти к решению этих задач.

Таким образом, из краткого обзора ясно, что историки Советской Латвии уже собрали и, в известной мере, обобщили фактический материал, характеризующий движущие силы, характер

(1940. jūnija dienu atcerei). — PadLSK, 1952, 6, 7.—15. lpp.; Э. Жагар. Победа социалистической революции в Латвии в 1940 году. — ИАН ЛССР, 1965, 8, стр. 3—17; Э. А. Жагар. История организации совхозов в Латвийской ССР (1940—1941 гг.) — ИАН ЛССР, 1968, 7, стр. 19—31; Э. А. Жагар. Создание производственных кооперативных объединений в сельском хозяйстве Латвии в 1940—1941 гг. — ИАН ЛССР, 1969, 1, стр. 68—86 и др.

¹⁷ Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā. (20. VI—5. VIII). Dokumenti un materiāli. Rīgā, 1963. 543 lpp.

и особенности социалистической революции в Латвии в 1940 г. Однако следует отметить, что некоторые вопросы еще мало изучены, что все еще нет специальной обобщающей работы, в которой на основе выявленного документального массива все-сторонне освещались бы события 1940 г. в Латвии.

2. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Едва ли есть необходимость доказывать научную значимость и политическую важность разработки истории Великой Отечественной войны. За минувшие годы историки Советской Латвии уже проделали определенную работу по изучению проблем истории республики в период Великой Отечественной войны. Первым, кто попытался дать краткий обзор борьбы латышского народа против немецко-фашистских захватчиков, был Я. Крастынь¹⁸. Затем в исследование этого периода включились В. Самсон, Р. Тизенберга, А. Рашкевиц, М. Вестерман, Д. Генкина, В. Савченко, Э. Блюмфельд, Я. Дзинтарс, А. Удрис и др. Так появились соответствующие главы третьего тома и сокращенного курса «Истории Латвийской ССР», а также немало статей и книг.

Во многих работах, посвященных Великой Отечественной войне или специально ее начальному периоду¹⁹, рассказывается о событиях в Латвии в первые дни войны. Особое внимание исследователей привлекла героическая оборона Лиепай — одна из ярчайших страниц борьбы трудящихся Латвии против немецко-фашистских захватчиков в начальный период войны.

М. Эджинь, впервые в советской исторической литературе поставив вопрос о значении обороны Лиепай, попытался в общих чертах воссоздать картину героической борьбы защитников города против превосходящих сил врага²⁰. Однако в его статье допущен ряд фактических неточностей, которые, к сожалению, впоследствии фигурировали и в других публикациях (например,

¹⁸ Я. Крастынь. Борьба латышского народа против немецких захватчиков и поработителей. М., 1946. 196 стр.

¹⁹ R. Tizenberga. Latviešu tauta cīņā pret vācu okupantiem Lielā Tēvijas kara laikā. (1941.—1945.) — Grām.: Cīņa par Padomju varu Latvijā. Rīgā, 1955. 139.—168. lpp.; Д. Генкина. В боях за Советскую Родину. — КСЛ, 1958, 2, стр. 21—26; В. И. Савченко. Гвардейская Латышская. Рига, 1961. 166 стр.; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., 2. М., 1961. 686 стр.; В. А. Анфилов. Начало Великой Отечественной войны. М., 1962. 222 стр.; В дни войны. [Сборник статей. Под ред. А. А. Дризула]. Рига, 1964. 294 стр.

²⁰ М. Эджинь. Патриотический подвиг трудящихся Лиепай. — БСЛ, 1946, 11/12, стр. 34—40.

неверное утверждение о том, что защитники Лиепай не имели тяжелых орудий, преувеличение численного состава немецких войск и их потерь и т. д.).

Дальнейшая попытка систематизировать материалы, относящиеся к обороне Лиепай, предпринята авторами книги «Революционная Лиепая»²¹, которым удалось на основе воспоминаний участников событий и документов местного архива показать руководящую роль коммунистов в борьбе трудящихся города с врагом. В значительно меньшей степени им удалось осветить боевые действия регулярных частей Красной Армии и Балтийского флота, оборонявших Лиепаю. Этот пробел в известной мере восполнен рядом статей, в которых на основе новых архивных документов и воспоминаний освещается участие в обороне Лиепай частей Советской Армии и Военно-Морского флота²².

В известной книге В. Самсона²³ о партизанской борьбе в Курземе есть специальная глава, посвященная описанию героической обороны Лиепай. В ней события в Лиепае излагаются в хронологической последовательности на широком фоне событий того времени, анализируется тактика борьбы защитников города, подробно рассказывается о деятельности Иманта Судмалиса.

В документальном очерке Р. Белевитнева и А. Лося «Защитники Лиепай»²⁴ конкретнее, чем в других работах, описывается ход обороны города и приводится ряд новых интересных фактов (например, о боевых делах бойцов и командиров 67 стрелковой дивизии и 43 отдельной гидроэскадрильи, базировавшейся на озере Дурбе, и т. д.). Много новых материалов, связанных с участием рабочих в обороне Лиепай, использовано в очерке Г. Лялика²⁵.

Интересные фактические сведения о Лиепайской военно-морской базе в начале войны приводятся в статье П. Матвеева

²¹ I. Pinksis, H. Freibergs, V. Lejiņš. *Revolucionārā Liepāja*. Rīgā, 1955. 266 lpp.; И. Пинкис, Г. Фрейберг, В. Леинь. *Революционная Лиепая*. Рига, 1956. 292 стр.

²² М. Маяцкий. Героическая оборона Лиепай. — КСЛ, 1961, 6, стр. 37—42; М. Маяцкий. Героическая оборона Лиепай. — Коммунист (Лиепая), 5, 6 и 8 июля 1960 г.; Р. Белевитнев, А. Лось. У стен Лиепай. — Коммунист (Лиепая), 11, 13, 14, 15, 17, 18 и 20 июня 1958 г.

²³ V. Samsons. *Kurzemes partizāni*. Rīgā, 1956, 23.—39. lpp.

²⁴ Р. Белевитнев, А. Лось. Защитники Лиепай. Документальный очерк. Рига, 1963. 162 стр.; R. Belevitņevs, A. Loss. *Liepājas aizstāvji. Dokumentāls apraksts*. Rīgā, 1964. 150 lpp.; см. также Р. Белевитнев, А. Лось. Крепость без фортов. М., 1966. 216 стр.

²⁵ Г. Лялик. Стражи родного города в рабочих блузах. — Коммунист (Лиепая), 30 и 31 мая, 3, 4, 9, 10 и 11 июня 1961 г.

и А. Силыничева²⁶. Обороне Лиепай посвящены и специальные главы в воспоминаниях бывшего народного комиссара Военно-Морского Флота СССР Н. Г. Кузнецова и бывшего начальника штаба Краснознаменного Балтийского флота Ю. А. Пантелеева²⁷. Авторы книг, рассказывая о военной обстановке на Балтике в начале Великой Отечественной войны, приводят отдельные характерные детали, относящиеся к обороне Лиепай.

В этой связи нельзя не упомянуть статью В. Савченко и С. Леви²⁸, в которой дан обстоятельный анализ литературы, посвященной героической обороне Лиепай. Отметив успехи, достигнутые советскими историками в освещении этого события, авторы указывают на целый ряд неточностей, спорных, а иногда даже ошибочных утверждений, которые встречаются в отдельных публикациях. Авторы статьи рекомендуют исследователям более строго проверять факты, освободиться от тенденции к приукрашиванию исторического прошлого и намечают основные направления дальнейшего изучения героической обороны Лиепай.

Яркой страницей начального периода Великой Отечественной войны являются боевые действия воинов-латышей в боях за Таллин и в борьбе за Ленинград в 1941—1942 гг. Этой теме посвящен ряд содержательных работ²⁹.

О боях, которые вели моряки-балтийцы в Рижском заливе, рассказывается в документальном очерке Ю. Виноградова и С. Лепешкова³⁰ и книге В. Ачкасова и Б. Вайнера³¹. Подвигам латвийских моряков торгового флота, которые сражались бок о бок с военными моряками против немецко-фашистских захватчиков, участвовали в эвакуации людей и материалов из Латвии и совершили на своих судах героический

²⁶ П. Матвеев, А. Силыничев. Балтийский флот в начале Великой Отечественной войны. — ВИЖ, 1962, 4, стр. 33—51.

²⁷ Ю. А. Пантелеев. Морской фронт. М., 1965, стр. 47—55; Н. Г. Кузнецов. Годы войны. — Октябрь, 1968, 8, стр. 139—141.

²⁸ В. Савченко, С. Леви. Больше внимания изучению героической обороны Лиепай. — ИАН ЛССР, 1966, 2, стр. 3—17.

²⁹ Я. Г. Райд. Боевые действия латышских добровольческих полков против немецко-фашистских захватчиков на территории Эстонской ССР и Ленинградской области в 1941 г. — В кн.: Вторая мировая война, 2. М., 1966, стр. 176—183; И. Захаров. Борьба у Ленинграда. — КСЛ, 1966, 11, стр. 60—62; В. И. Савченко. Участие воинов-латышей в боях за Ленинград в 1941—1942 гг. — ИАН ЛССР, 1970, 1, стр. 5—23.

³⁰ Ю. Виноградов, С. Лепешков. В сорок первом под Ригой. — СовЛ, 1961, 15 окт., 15, 16, 17 ноября; 1962, 5 янв.

³¹ В. Ачкасов, Б. Вайнер. Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне. М., 1957. 400 стр.

переход в Ленинград, посвящен ряд очерков, брошюр и статей³².

Начальный период войны на территории Латвийской ССР все еще изучен далеко не полно, в его освещении есть и недостатки, и просто пробелы, так как и до сих пор некоторые вопросы истории обходят молчанием, а в отображении других допускают приукрашивание истины.

Центральное место в исследованиях истории Латвии периода Великой Отечественной войны несомненно должны занять такие работы, которые освещают деятельность Коммунистической партии Латвии, являвшейся вдохновителем и организатором борьбы латышского народа против немецко-фашистских захватчиков. Важным источником для изучения деятельности КПЛ в годы войны являются публиковавшиеся в периодической печати статьи и выступления руководителей Коммунистической партии Латвии и правительства республики Я. Калнберзина, А. Пельше, В. Лāциса³³. В них разъяснялись задачи латышского народа по борьбе против немецко-фашистских захватчиков, отражались разные стороны деятельности партийных организаций на фронте и в тылу, обобщался опыт их работы. Теме борьбы коммунистов Латвии против немецко-фашистских захватчиков посвящена диссертация В. Мироновой - Шпаковской³⁴. К сожалению, существенным недостатком данной работы является узость источниковедческой основы. Ряд важных вопросов в диссертации освещен конспективно и разбросанно, недостаточно раскрыты особенности деятельности коммунистов Латвии, встречаются элементы упрощенчества. Таким образом, из вышеизложенного ясно, что задача фундаментального исследования деятельности КПЛ в годы Великой Отечественной войны ждет своего решения.

Первую попытку проанализировать характер антифашистской борьбы на территории Латвии, оккупированной гитлеров-

³² Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне. Кн. 3. Завершающий этап. Рига, 1969, стр. 155—183; *Pierakstiānās osta — Rīga. Rīga, 1961, 131 lpp.*; Порт приписки — Рига. Рига, 1961. 149 стр.; С. Ф. Эдлинский. Балтийский транспортный флот в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1957. 150 стр.

³³ J. Kalnbērziņš, V. Lācis. *Raksti un runas. Padomju Latvijas tauta Lielajā Tēvijas karā. M., 1942. 60 lpp.*; J. Kalnbērziņš. *Pie ieročiem. LK(b)P CK sekretāra rādioreģions Latvijas tautai. — Par Padomju Latviju, 1942. g. jūn., 8. nr.*; V. Lācis. *Mūsu uzdevumi. — Par Padomju Latviju, 1942. g. nov., 26. nr.*; A. Pelše. *Par latviešu nacionālo lepnumu un padomju patriotismu. — Cīņa, 1944. g. 15. febr.*; A. Pelše. *Celsim savu politisko līmeni. — Cīņa, 1943. g. 14. jūl.*

³⁴ В. Г. Миронова - Шпаковская. Коммунисты Латвии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг. Автореф. канд. дисс. Рига, 1953.

цами, вскрыть ее движущие силы, выявить основные этапы развития партизанских отрядов и показать их партийный и социальный состав предпринял В. П. Самсон в серии статей о партизанском движении в северной части Латвии³⁵. Им же исследованы вопросы классовых отношений и классовой борьбы в Латвии в годы войны³⁶. Возникновение и деятельность коммунистического и комсомольского подполья на территории Латвии рассмотрены в статье М. Вестермана и Р. Тизенберга³⁷, в очерках, посвященных истории Даугавпилса и Лиепая³⁸, в брошюрах М. Вестермана и В. Мироновой-Шпаковской³⁹. Однако при освещении истории комсомольского подполья из-за некритического подхода к источникам в некоторых работах были допущены досадные ошибки. Так, некоторые журналисты и историки описали «деятельность» никогда не существовавшей так называемой Даугавпилсской нелегальной комсомольско-молодежной организации имени Островского.

В статье М. Вестермана «Некоторые заметки о большевистской подпольной печати в Латвии в годы фашистской оккупации»⁴⁰ рассказывается, как под руководством ЦК КПЛ коммунисты, комсомольцы и беспартийные активисты, находясь на оккупированной гитлеровцами территории, выпускали газеты, листовки, воззвания и распространяли их среди населения.

Существенный шаг вперед в разработке истории антифашистской подпольной борьбы на территории Латвии в годы немецко-фашистской оккупации сделан Я. Дзинтарсом⁴¹,

³⁵ V. Samsons. Piezīmes par partizāņu kustību Ziemeļlatvijā Lielajā Tēvijas karā. (1941.—1944.) — Karogs, 1948, 7, 732.—745. lpp.; 8, 811.—819. lpp.; 9, 933.—943. lpp.; 10, 1021.—1041. lpp.; 11, 1121.—1237. lpp.; 12, 1224.—1235. lpp.

³⁶ V. Samsons. Šķiru attiecības un šķiru cīņa Latvijā Lielajā Tēvijas kara periodā. — ZAVēst, 1962, 12, 3.—16. lpp.

³⁷ М. Вестерманис, Р. Тизенберг. Из истории борьбы коммунистического подполья в Латвии в тылу немецко-фашистских захватчиков. — КСЛ, 1954, 9, стр. 18—32.

³⁸ Наряду с уже упомянутой книгой «Революционная Лиепая» здесь следует назвать также работу, посвященную Даугавпилсу: И. Штейман, Я. Музыкантис, Я. Пакалн. Даугавпилс в прошлом и настоящем. Рига, 1959. 119 стр.; J. Šteimanis, J. Muzikantiks, J. Pakalns. Daugavpils senāk un tagad. Rīgā, 1959. 106 lpp.

³⁹ М. Вестерман. Фронт без линии фронта. Рига, 1959. 54 стр.; В. Миронова-Шпаковская. За свободу Родины. Рига, 1959. 52 стр.

⁴⁰ М. Vestermanis. Dažas piezīmes par bolševistisko pagrīdes presi Latvijā vācu fašistiskās okupācijas gados. — Karogs, 1952, 8, 888.—902. lpp.

⁴¹ Я. Дзинтарс. Антифашистское подпольное движение на оккупированной гитлеровцами территории Латвийской ССР. (1941—1945 гг.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1968; Я. К. Дзинтарс. Развитие подпольной антифашистской борьбы на территории Латвийской ССР в период немецко-фашистской оккупации. (1941—1943 гг.) — В кн.: В дни войны. Рига, 1964,

которому удалось в результате многолетних упорных поисков ввести в научный оборот значительное количество новых сведений о борьбе латышских подпольщиков, а также разоблачить легенды латышских буржуазных националистов о так называемой национальной оппозиции.

В работах историков Советской Латвии, посвященных Великой Отечественной войне, достойное место занимало описание партизанского движения, развернувшегося в тылу врага. Это вполне закономерно, так как освещение истории партизанского движения в Латвии с позиций марксизма-ленинизма особенно необходимо именно потому, что латышские буржуазные националисты как во время второй мировой войны, так и после нее, угодливо прислуживая империалистам Запада, нагло фальсифицировали и фальсифицируют историю этого движения. Подлинная история латышского партизанского движения опровергает все клеветнические измышления буржуазных националистов. Она ярко свидетельствует о ненависти трудового народа Латвии к гитлеровским захватчикам, об ожесточенной борьбе, развернувшейся на территории республики между народными мстителями, с одной стороны, и немецкими оккупантами и их латышскими буржуазными прислужниками, с другой. Большая заслуга в разработке истории партизанского движения в Латвии принадлежит В. Самсону⁴². Значительный вклад в изучение этого вопроса внесли также А. Рашкевиц⁴³, Г. Якобсоне-Райне⁴⁴ и др.

В первой книге В. Самсона — непосредственного участника описываемых событий — рассказывается о тесном сотрудничестве латышских партизан с отрядами народных мстителей, действовавшими в Ленинградской, Калининской и Витебской областях⁴⁵, о героических подвигах советских людей, поднявшихся

стр. 86—142; J. Dzintars. Pret ko bija vērsta latviešu buržuāzijas «nacionālā opozīcija». — ZAVēst, 1968, 9, 3.—12. lpp.; J. Dzintars. Neredzamā fronte. Rīgā, 1968. 222. lpp.

⁴² V. Samsons. Partizāņu kustība Ziemeļlatvijā Lielajā Tēvijas karā. Rīgā, 1950. 164 lpp.; В. Самсон. Партизанское движение в Северной Латвии в годы Великой Отечественной войны. Рига, 1951. 224 стр.; V. Samsons. Kurzemes partizāni. (1941.—1945.) Rīgā, 1956, 234 lpp.; V. Samsons. Kurzemes partizāni. Pārstr. un papild. 2. izd. Rīgā, 1959. 387 lpp.

⁴³ A. Raškevičs. Partizāņu piezīmes. Rīgā, 1952. 124. lpp.; Pārstr. un papild. 2. izd. Rīgā, 1961. 304 lpp.; А. Рашкевиц. Записки партизана. Рига, 1963. 336 стр.; А. К. Рашкевиц. За Советскую Латвию. — В кн.: Советские партизаны. М., 1961, стр. 590—629.

⁴⁴ G. Jakobsons-Raine. No pirmās latviešu partizāņu brigādes pirmās vienības vēstures. Rīgā, 1953. 87 lpp.

⁴⁵ Между прочим, специально этому вопросу посвящена его статья: В. П. Самсон. Совместные действия витебских, калининских и латвийских партизан в боях против гитлеровских карательных экспедиций в начале 1943 г. — В кн.: В дни войны. Рига, 1964, стр. 143—157.

на борьбу с фашистскими захватчиками. На основе разнообразного и малоизвестного фактического материала автору книги удалось впервые в советской историографии подробно осветить такие вопросы истории народного сопротивления, как организация партизанского движения в северной части Латвии, партийно-политическая работа среди партизан и местного населения, а также описать важнейшие боевые операции партизан.

Вторая книга В. П. Самсона «Курземские партизаны» является первым серьезным исследованием боевых действий курземских партизан как в годы гражданской, так и во время Великой Отечественной войны. На основе архивных документов, партизанских записей, воспоминаний участников движения и материалов периодической печати автор показал героическую борьбу народных мстителей Курземе в тылу немецких войск фон дер Гольца и белолатышей в 1919—1920 гг. и против фашистских захватчиков в 1941—1945 гг. Книга разоблачает латышских буржуазных националистов, сотрудничавших с гитлеровцами и помогавших оккупантам угонять в Германию тысячи мирных жителей Латвии, и наносит удар по зарубежным фальсификаторам истории Великой Отечественной войны.

Естественным продолжением систематической творческой деятельности В. Самсона явилось его новое исследование «В Курземском котле»^{45а}, посвященное деятельности курземских партизан и групп фронтовой разведки в последний год Великой Отечественной войны. Автор проделал большую работу по сбору документальных материалов, а также широко использовал воспоминания участников описываемых событий. Изучив целый ряд архивных фондов, в том числе и документы штаба немецко-фашистской группы армий «Север», В. Самсон впервые в советской историографии систематизировал разрозненные данные о деятельности разведывательных групп Советской Армии на территории «Курземского котла». Автору удалось найти интересные сведения о борьбе ранее не известных историкам партизанских отрядов и групп, уточнить и конкретизировать картину хода боевых операций курземских партизан.

В книге широко освещается обстановка, сложившаяся в то время в Курземе, scrupuleзно прослеживается процесс формирования и деятельность важнейших партизанских отрядов и примерно пятидесяти групп фронтовой разведки, приводятся сведения об их численности, подчеркивается руководящая роль коммунистов и комсомольцев в борьбе с немецко-фашистскими

^{45а} V. Samsons. Kurzemes katlā. Partizāņu un frontes izlūku cīņas 1944.—1945. Rīgā, 1969. 426 lpp.

захватчиками. Автор приводит немало ярких наблюдений и эпизодов, тепло характеризует народных мстителей и советских разведчиков. Особенно яркие страницы посвящены легендарным подвигам уполномоченного Оперативной группы ЦК КПЛ, руководителя западнокурземских партизан А. Мацпанса и его боевых товарищей.

В. Самсон последовательно проводит мысль о том, что успешная деятельность групп фронтовой разведки была обусловлена их тесной связью и сотрудничеством с местными антифашистами. Интересны также новые материалы, характеризующие степень разложения латышского легиона в последние месяцы войны. Впервые в исторической литературе автор подробно описывает случаи перехода легионеров на сторону партизан, столкновения групп дезертировавших латышских легионеров с подразделениями гитлеровцев (например, совместные бои 180 легионеров лейтенанта Зелмениса и групп советских фронтовых разведчиков с немецкими карательными подразделениями в Энгурских лесах, установление связи между батальоном лейтенанта Рубениса и партизанским отрядом «Саркана булта» и т. д.). К достоинствам книги относится и то, что в ней не обойдены молчанием трудности, которые испытывали партизаны. В частности, отмечены недостатки в руководстве партизанским движением в Курземе, вызванные преждевременной ликвидацией Латвийского штаба партизанского движения.

Приведенный в работе новый фактический материал наносит еще один удар по всевозможным фальсификациям буржуазных (прежде всего западногерманских и латышских эмигрантских) историков, умалчивавших о партизанской борьбе в Курземе, позволяет на основе широкого обобщения раскрыть всю специфику народной борьбы против немецко-фашистских захватчиков на территории «Курземского котла».

Вообще в книгах В. Самсона наряду с общими закономерностями партизанского движения в Латвии отмечены и его особенности, определявшиеся местными социально-экономическими условиями. Научная и познавательная ценность этих книг повышается тем, что они созданы автором на основе тщательного изучения широкого круга источников и прежде всего богатых материалов местных и центральных архивов.

Книга А. К. Рашкевича «Записки партизана» существенно расширяет представление о действиях партизан в северо-восточной части Латвии. Использование архивных документов, периодической печати и воспоминаний позволило автору ввести в научный оборот много новых материалов о борьбе латышских партизан против немецких оккупантов. Деятельности двух замечательных руководителей партизанской борьбы с гитлеров-

скими захватчиками — Оттомара Ошкарна и Иманта Судмалиса — посвящены статьи А. Рашкевича⁴⁶.

Однако, отмечая плодотворную работу советских историков по освещению партизанского движения в Латвии, приходится признать, что сводного, обобщающего труда по этому вопросу все еще нет.

Вместе с другими частями Советской Армии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны героически сражались и латышские национальные формирования: 201-я Латышская (с осени 1942 г. — 43-я гвардейская) стрелковая дивизия, с июня 1944 г. — 130-й Латышский стрелковый корпус, а также 1-й Латышский авиационный полк и две батареи 1579-го зенитного артиллерийского полка. Освещению боевого пути этих воинских формирований посвящены работы Р. Тизенберга⁴⁷, Р. Варкална⁴⁸, В. Савченко⁴⁹, П. Баумана⁵⁰, А. Райнса, В. Рейзина, П. Эльвиха⁵¹, Г. К. Шпонберга⁵² и др. Здесь необходимо отметить книгу В. И. Савченко «Гвардейская Латышская», которая явилась одной из первых удачных попыток освещения всего боевого пути, пройденного латышскими гвардейцами во время Великой

⁴⁶ А. Рашкевиц. Отец латышских партизан (Оттомар Петрович Ошкарн). — В кн.: Люди легенд, 3. М., 1968, стр. 296—309; А. Рашкевиц. Наш Имант (Судмалис). — В кн.: Люди легенд, 3. М., 1968, стр. 458—469.

⁴⁷ R. Tīzenberga. Latviešu tauta cīņā pret vācu okupantiem Lielā Tēvijas kara laikā (1941.—1945.). — Grām.: Cīņa par padomju varu Latvijā. Rīgā, 1955, 139.—168. lpp.; A. Drizulis, R. Tīzenberga. Latvijas PSR Padomju Savienības Lielā Tēvijas kara laikā. (1941.—1945.) Rīgā, 1954, 138 lpp.; История Латвийской ССР, 3. Рига, 1958, стр. 514—585; Latvijas PSR vēsture, 3. Rīgā, 1959, 414.—472. lpp.

⁴⁸ Р. Варкалн. В боях за Родину. — В кн.: 15 лет Советской Латвии. Рига, 1955, стр. 44—79.

⁴⁹ В. Савченко. Гвардейская Латышская. Рига, 1961. 166 стр.; В. Савченко. Участие Латышского корпуса в боях против немецко-фашистских войск в Курляндии в декабре 1944 — мае 1945 года. — ИАН ЛССР, 1961, 10, стр. 13—24; В. Савченко. 1591-й зенитный артиллерийский полк в боях против немецко-фашистских захватчиков. (1943—1945 гг.) — В кн.: В дни войны. Рига, 1964, стр. 238—252; В. И. Савченко. Участие трудящихся Латвии в организации и боевой деятельности Вооруженных сил Советского Союза (к 50-летию Советской Армии). — ИАН ЛССР, 1968, 2, стр. 3—15.

⁵⁰ П. О. Бауман. Частная операция 22-й армии по окружению и уничтожению Крустпилской группировки немцев. — БюлВНО, 5, 1962, стр. 19—33; П. Бауман. 130-й Латышский СК в декабрьской операции 2-го Прибалтийского фронта. — БюлВНО, 6, 1962, стр. 28—47.

⁵¹ A. Rains, V. Reizins, P. Elvihs. Lai ātrāk atāst rīts. Rīgā, 1963, 280 lpp.; А. Райнс, В. Рейзин, П. Эльвих. В воздухе Латышский Режизкий... Латышские летчики в Великой Отечественной войне. Рига, 1965. 269 стр.

⁵² Г. К. Шпонберг. Заметки о 1-ом отдельном запасном Латвийском стрелковом полке. — В кн.: В дни войны. Рига, 1964, стр. 215—237.

Отечественной войны. Книга В. И. Савченко написана на основе документов и материалов из фондов архивов ЦК КП Латвии и Министерства обороны СССР. Подавляющее большинство этих документов вводится в научный оборот впервые и представляет несомненный интерес. В книге освещается боевой путь 201-й Латышской стрелковой, а с октября 1942 г. — 43-й гвардейской Латышской стрелковой дивизии, основного латышского национального формирования Советской Армии в годы Великой Отечественной войны. Последняя часть книги посвящена операциям 130-го Латышского стрелкового корпуса по освобождению территории Советской Латвии от немецко-фашистских захватчиков. П. О. Бауман рассмотрел две операции Латышского стрелкового корпуса — в районе Крустпилса (август 1944 г.) и у Джуксте (декабрь 1944 г.). Определенный интерес представляет и работа А. Райнса, В. Рейзина и П. Эльвиха, посвященная боевому пути латышских летчиков. Будучи участниками боевых действий Латышского авиационного полка, авторы сообщают ценные сведения, почерпнутые как из личных воспоминаний, так и из архивных фондов.

Здесь уместно отметить, что работа историков была облегчена тем обстоятельством, что ЦК КПЛ еще в годы войны уделял внимание сбору документальных материалов об участии латышского народа в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. В 1942 г. была создана специальная комиссия ЦК КПЛ для изучения истории Великой Отечественной войны, комиссию возглавил секретарь ЦК А. Я. Пельше. Комиссия собрала много ценных документов, которые сейчас хранятся в фондах Партийного архива ЦК КПЛ.

Предмет исследования А. Удрис — деятельность граждан Латвийской ССР в эвакуации. В своих статьях она рассказывает о Государственном художественном ансамбле Латвийской ССР, о латвийской школе медсестер в Тирлянском (в Башкирии), о подготовке советско-партийных работников Латвийской ССР и их деятельности в оперативных группах на освобожденной от гитлеровских оккупантов территории республики⁵³.

⁵³ А. В. Удрис. Государственный художественный ансамбль Латвийской ССР. (1942—1944 гг.) — В кн.: В дни войны. Рига, 1964, стр. 268—293; А. В. Удрис. Латвийская школа медсестер в Тирлянском. (1942 г.) — В кн.: В дни войны. Рига, 1964, стр. 253—267; А. Удрис. Издание латышской художественной, политической и учебной литературы в советском тылу. (1941—1944 гг.) — ИАН ЛССР, 1965, 1, стр. 133—140; А. В. Удрис. Подготовка советско-партийных работников Латвийской ССР и их деятельность в оперативных группах на освобожденной от гитлеровских оккупантов территории республики. (1944 г. — начало 1945 г.) — ИАН ЛССР, 1966, 12, стр. 16—32.

Борьба латвийских железнодорожников против немецко-фашистских захватчиков — тема, на разработке которой сконцентрировал свое внимание А. М. Смирнов⁵⁴.

За последнее время опубликовано несколько ценных книг, которые дают более полное представление о чудовищных злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их подручных — латышских буржуазных националистов на временно оккупированной территории Латвии⁵⁵. Результат многолетнего изучения широкого круга источников — содержательные работы Э. А. Блюмфельда⁵⁶, отличающиеся новизной использованного большого архивного материала, фактически являются первой серьезной попыткой проанализировать экономическую политику гитлеровских оккупационных властей в Латвии. В них содержится немало заслуживающих внимания наблюдений, оценок и выводов. Следует также отметить статью А. Рашкевича⁵⁷ о зверствах гитлеровских оккупантов в Латвии.

Летом 1944 г. советские войска начали освобождение латышского народа от ига оккупантов. Территория Латвии, Литвы и Эстонии стала ареной крупных сражений, в ходе которых была разгромлена одна из главнейших группировок гитлеровских вооруженных сил — группа армий «Север». Следует отметить, что в сентябре и октябре 1944 г. в пределах Латвии вели боевые действия войска 2-го, 3-го и частично 1-го Прибалтийских фронтов, а также одна из армий Ленинградского фронта. С обеих сторон на территории Латвии сражалось более миллиона солдат и офицеров, которые были вооружены 4 тыс. тан-

⁵⁴ А. М. Смирнов. Латвийские железнодорожники в борьбе против немецко-фашистских захватчиков на территории Латвии. — В кн.: В дни войны. Рига, 1964, стр. 193—214.

⁵⁵ Мы обвиняем. Документы и материалы о злодеяниях гитлеровских оккупантов и латышских буржуазных националистов в Латвийской Советской Социалистической Республике. 1941—1945. Рига, 1967. 316 стр.; Mēs apsūdzam. Dokumenti un materiāli par hitlerisko okupantu un latviešu buržuāzisko nacionalistu ļaundarībām Latvijas Padomju Sociālistiskajā republikā. 1941.—1945. Rīgā, 1965. 277 lpp.; B. Arklāns, I. Dzirkālis, I. Silabriedis. Viņi bez maskas. Rīgā, 1966. 207 lpp.; Salaspils nāves nometnē. Atmiņu krājums. Rīgā, 1962. 281 lpp.; 2. papild. izd. Rīgā, 1963. 358 lpp.; В Саласпилском лагере смерти. Сборник воспоминаний. Рига, 1964. 389 стр.; A. Raškevičs. Viņu istā seja. Pārstr. un papild. 2. izd. Rīgā, 1962. 150 lpp.

⁵⁶ Э. А. Блюмфельд. Экономическое ограбление народного хозяйства Советской Латвии немецко-фашистскими захватчиками. — В кн.: В дни войны. Рига, 1964, стр. 57—85; Э. А. Блюмфельд. Гитлеровский оккупационный режим в Латвии. (1941—1945 гг.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1967.

⁵⁷ А. К. Рашкевич. Террор и преступления нацистов в Латвии. (1941—1945 гг.) — В кн.: Немецко-фашистский оккупационный режим. (1941—1944 гг.) М., 1965, стр. 340—351.

ков, 20 тыс. орудий и т. д.⁵⁸ До конца войны гитлеровская группа армий «Курлянд» находилась в Курземе.

В Латвии советские войска в 1944 г. провели ряд стратегических и тактических наступательных операций: Резекненско-Даугавпилсскую, Елгавско-Шауляйскую, Рижскую, Мадонскую и Крустпилсскую, а в мае 1945 г. завершили операцию в Курземе. Общий ход этих операций наиболее полно освещен в четвертом и пятом томах «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза». Действия армий 1-го Прибалтийского фронта на Елгавско-Шауляйском направлении и их прорыв к Балтийскому морю характеризует бывший командующий этим фронтом маршал Советского Союза И. Х. Баграмян⁵⁹.

Об освобождении территории Латвийской ССР в 1944 г. подробно рассказывают в своих воспоминаниях бывший командующий 2-м Прибалтийским фронтом маршал Советского Союза А. И. Еременко и бывший начальник штаба этого фронта генерал-лейтенант Л. М. Сандалов⁶⁰. Их книги — это первые работы в серии воспоминаний советских военачальников, которая практически вся посвящена боевым операциям последнего года Великой Отечественной войны в Латвии. Эти книги знакомят читателя со многими интересными эпизодами тех незабываемых дней. Ценность книг не умаляют отдельные вкравшиеся неточности, например в описании освобождения задвинской части Риги.

Ценные сведения о боях танкистов 3-го гвардейского механизированного корпуса, действовавшего в составе 1-го Прибалтийского фронта, содержатся в книге А. М. Самсонова⁶¹. В ней подробно анализируются бои за Елгаву, выход танкистов на берега Рижского залива, оборонительные бои под Жагаре, сентябрьские сражения на Рижском направлении. О рейде 8-й гвардейской механизированной бригады этого корпуса к берегу Рижского залива пишет ее бывший командир С. Н. Кремер⁶²; он приводит интересные факты о том, как население Латвии оказывало помощь советским танкистам. Некоторые данные

⁵⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., 4. М., 1962, стр. 343, 344; см. также: История Прибалтийского военного округа. 1940—1967. Рига, 1968. 460 стр.

⁵⁹ И. Х. Баграмян. Шауляйско-Митавская операция войск 1-го Прибалтийского фронта. — ВИЖ, 1962, 10, стр. 3—23; И. Х. Баграмян. Прорыв к морю. — К берегам Янтарного моря. М., 1969, стр. 23—45.

⁶⁰ Л. М. Сандалов. Трудные рубежи. М., 1965. 143 стр.; А. И. Еременко. Годы возмездия. 1943—1945. М., 1969. 597 стр.; см. также: А. Т. Стученко. Завидная наша судьба. М., 1964, стр. 216—248.

⁶¹ А. М. Самсонов. От Волги до Балтики. М., 1963. 450 стр.

⁶² С. Н. Кремер. Прорыв к Рижскому заливу. — БюлВНО, 3, 1961, стр. 56—64; см. также: И. Д. Королев. Прорыв к морю. — БюлВНО, 4, 1961, стр. 29—39.

о боях войск Ленинградского фронта в Курземе весной 1945 г. содержатся в книге «Битва за Ленинград»⁶³. В статьях В. И. Савченко описывается освобождение территории Латвийской ССР от немецко-фашистских захватчиков в июле — августе 1944 г. и ход Рижской операции⁶⁴.

Результатом дальнейшей творческой работы советских исследователей является удостоенный в 1967 г. Государственной премии Латвийской ССР обобщающий труд «Борьба латышского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»⁶⁵ (ответственный редактор — В. Самсон, авторы — Э. Жагар, В. Савченко, Э. Блюмфельд, В. Самсон, Я. Дзинтарс, А. Удрис, В. Калнача). Эта книга является первой работой, в которой рассматриваются не только отдельные проблемы истории войны, но и история Латвийской ССР за целый исторический период, причем главное внимание уделяется вооруженной борьбе латышского народа против немецко-фашистских захватчиков как на фронте, так и в тылу.

Авторы книги тщательно изучили архивные документы, воспоминания участников Великой Отечественной войны, периодическую печать того времени и другие материалы, что позволило им выявить немало важных фактов и по-новому подойти к ряду вопросов истории Латвии этого периода. Так, в книге впервые столь конкретно и подробно рассказано об антифашистском движении сопротивления на территории Латвии, дана развернутая характеристика гитлеровского оккупационного режима, широко освещены военные операции против немецко-фашистских войск в «Курляндском котле» в 1944—1945 гг.

Авторы этой работы прежде всего стремились лучше показать тот вклад, который внес латышский народ в общее дело разгрома фашистской Германии. Научную ценность книги повышает то, что история войны в ней изложена не безлично — авторы рассказывают не только о событиях, но и о людях, самоотверженно боровшихся с вероломным врагом за свободу и независимость своей Родины, при этом борьба латышского народа рассматривается в органической связи с борьбой всех народов Советского Союза против гитлеровских захватчиков.

В ней дается цельная и динамическая картина развития со-

⁶³ В. П. Свиридов, В. П. Якутович, В. Е. Василенко. Битва за Ленинград. Л., 1961, стр. 531—545.

⁶⁴ В. Савченко. Ход освобождения Латвийской ССР от немецко-фашистских захватчиков в июле—августе 1944 г. — ИАН ЛССР, 1964, 7, стр. 17—26; В. И. Савченко. Освобождение Риги в октябре 1944 г. — В дни войны. Рига, 1964, стр. 157—192; В. И. Савченко. 130-й латышский корпус в боях за Ригу. — ИАН ЛССР, 1969, 10, стр. 30—43.

⁶⁵ *Latviešu tautas cīņa Lielajā Tēvijas karā. (1941.—1945.)* Rīgā, 1966. 654 lpp.

бытий в Латвии начиная с 1940 г. Значительное место отводится описанию военных действий на территории Латвии в первые недели войны, рассказывается о героических защитниках Лиепаи, о боях рижской рабочей гвардии, о самоотверженности моряков торгового флота и пограничников. Подробно показан боевой путь латышских национальных формирований Советской Армии, рассмотрены все важнейшие военные операции, осуществлявшиеся на территории республики в последний год войны. Шаг за шагом в книге прослеживается боевая деятельность партизан в Латвии, подробно рассказывается о помощи, которую латышские партизаны получали от русских и белорусских партизанских отрядов.

В отдельной главе книги всесторонне освещается гитлеровский оккупационный режим в Латвии. В широком обобщающем плане разоблачая кровавые преступления гитлеровцев и их подручных — латышских буржуазных националистов на временно оккупированной территории Советской Латвии, авторы книги во всей полноте раскрывают методы экономической политики оккупантов, направленной на всемерное использование экономического потенциала Латвии для продолжения агрессивной войны. Новые материалы разоблачают предательскую роль латышских буржуазных националистов, вступивших на путь тесного сотрудничества с гитлеровцами в административных органах так называемого самоуправления Латвии.

На основе широкого круга материалов и опросов многих участников подпольной борьбы в книге впервые дано обобщенное освещение отдельных периодов антифашистского подпольного движения на временно оккупированной территории Латвийской ССР, изучена патриотическая деятельность многих, до сих пор неизвестных антифашистских подпольных организаций и групп, выявлены имена многих долгое время оставшихся неизвестными героев подполья. В книге рассказывается также об участии латышей и граждан Латвийской ССР иных национальностей в подпольном и партизанском движении в тылу гитлеровцев в других областях Советского Союза, а также в движении сопротивления как на оккупированной гитлеровцами территории европейских стран, так и в самой фашистской Германии. В отдельном разделе рассмотрен вопрос о так называемой национальной оппозиции и на основе анализа конкретного фактического материала показано, что измышления бежавших на Запад латышских буржуазных националистов о «национальном движении сопротивления» в оккупированной гитлеровцами Латвии противоречат исторической правде.

В книге впервые столь широко освещена жизнь и деятельность населения Латвийской ССР, эвакуированного в советский

тыл. Опираясь на новые архивные материалы, авторы рассказывают о большой помощи Советского правительства эвакуированным, многогранной деятельности уполномоченных ЦК КПЛ и правительства Латвийской ССР среди эвакуированных во многих областях СССР. Тщательно прослеживается участие эвакуированного населения республики в патриотическом труде советского народа в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте. Подробно рассматриваются массовая политическая работа с эвакуированными и трудовой путь латышской творческой интеллигенции в советском тылу. Серьезное внимание отводится той огромной работе, которую проделала КПЛ по подготовке кадров для освобожденной Латвии.

В подразделе, посвященном ходу восстановительных работ на освобожденной территории Латвийской ССР, на основе архивных материалов показано, как тотчас же после изгнания врага с территории республики началась работа по восстановлению партийного и советского аппарата, сельского хозяйства, промышленности, транспорта, средств связи и культурно-просветительных учреждений. Освещены и такие вопросы, как идеологическая и организационная работа партийных и советских учреждений, помощь, оказанная Советской Армией, патриотизм населения, проявленный при восстановлении разрушенных войной предприятий.

Серьезный вклад в исследование событий Великой Отечественной войны на территории Латвийской ССР вносит военно-исторический очерк⁶⁶, подготовленный коллективом ветеранов войны — генералами, адмиралами и офицерами Советской Армии — совместно с научными сотрудниками институтов истории при ЦК Коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии и институтов истории республиканских академий наук.

Широко используя архивные материалы и воспоминания участников войны, авторы излагают историю героической борьбы советских Вооруженных Сил на одном из важнейших стратегических направлений советско-германского фронта — Прибалтийском направлении и на Балтийском море. Отдельные главы посвящены борьбе трудящихся советских республик Прибалтики против фашистов. В них довольно подробно отображены боевые действия латышских национальных формирований, а также подвиги латышских партизан и подпольщиков. В этих книгах шаг за шагом воссоздается картина оборонительных боев с превосходящими силами противника на первом этапе войны,

⁶⁶ Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941—1945. В 3-х книгах. Кн. 1. Первые годы. Рига, 1966. 371 стр.; Кн. 2. К Балтийскому морю. Рига, 1967. 373 стр.; Кн. 3. Завершающий этап. Рига, 1969. 320 стр.

анализируются состав войсковых соединений, их численность, вооружение, тактические замыслы командования. Подробно рассматривается обстановка на Прибалтийском направлении летом и осенью 1944 г., детальнее, чем где бы то ни было, освещается ряд наступательных операций, в том числе Резекненско-Даугавпилсская операция 2-го Прибалтийского фронта и наступление войск Прибалтийских фронтов на Рижском направлении, на широком фактическом материале убедительно показывается зрелость советского военного искусства. Ряд новых фактов приводится и в разделах, посвященных освобождению Риги. Весьма ценно, что авторскому коллективу этого труда в значительной мере удалось восполнить имевшийся в нашей военно-исторической литературе пробел в освещении боевых действий Советской Армии в Курземе (октябрь 1944 — май 1945 гг.), описать наступление войск Прибалтийских фронтов в конце октября и ноября 1944 г., наступательные бои на Тукумском, Лиепайском и Салдусском направлениях и др. Весьма обоснованными представляются также важнейшие оперативно-тактические выводы и теоретические обобщения исследователей. Тем не менее приходится признать, что в отдельных случаях авторам не удалось избежать некоторых неувязок и противоречивых оценок.

К сожалению, в республике вышло мало мемуарной литературы, отражающей события Великой Отечественной войны на территории Латвии. В этой связи упомянем сборники «На правый бой, на смертный бой»⁶⁷ и «Дорогами победы»⁶⁸, воспоминания В. Паэгле⁶⁹ и Д. Каупужа⁷⁰.

Наиболее важным из них является первый сборник, в котором приводятся ценные воспоминания и документальные материалы. Авторы воспоминаний и дневников, составители рапортов и донесений — руководители батальонов рабочей гвардии К. Жубит, Г. Брозинь, Ж. Грива, организаторы партизанской борьбы в тылу врага Герои Советского Союза И. Судмалис, О. Ошкани, В. Самсон, командиры и бойцы Латышской стрелковой дивизии Я. Вейкин, И. Чаша, И. Урбан, И. Паэгле и др. Много новых фактов содержится в вос-

⁶⁷ Reiz cēlās strēlnieks sarkanais. Atmiņu un dokumentu krājums par latviešu tautas bruņotu cīņu pret fašistiskajiem iebrucējiem. 1. 1941. gada jūnijs — 1943. gada decembris. Rīgā, 1965. 454 lpp.; На правый бой, на смертный бой. Сборник воспоминаний и документов о вооруженной борьбе латышского народа против немецко-фашистских захватчиков, 1. Июнь 1941 — декабрь 1943. Рига, 1968. 475 стр.

⁶⁸ Uzvaras ceļos. Rīgā, 1951. 434 lpp.

⁶⁹ V. Paeglis. Partizāni. Stāsts. Rīgā, 1957. 254 lpp.

⁷⁰ D. Kaupūžs. Ugunsgrāvis blāzmā. Rīgā, 1958. 145 lpp.

поминаниях о начальном периоде войны — о боях курсантов Рижского пехотного училища, воинов 24-го территориального стрелкового корпуса и рабоче-гвардейцев Елгавы. Яркие страницы посвящены формированию Латышской стрелковой дивизии, ее упорным и кровопролитным боям под Москвой и Старой Руссой в 1941—1943 гг. Интересно рассказывается о зарождении и развитии партизанского движения на временно оккупированной фашистами территории Латвии, подчеркнута роль Коммунистической партии в мобилизации трудящихся на борьбу с захватчиками. Среди документальных материалов сборника живой интерес вызывают дневники участников событий, выписки из боевых журналов партизанских отрядов, а также отдельные донесения.

Как весьма отрадное и важное в научном отношении явление следует отметить первые попытки источниковедческой разработки материалов по истории Латвии в период Великой Отечественной войны. Так, В. И. Савченко обстоятельно охарактеризовал источники по одному из ярчайших эпизодов начального периода войны — обороне Лиепай в июне 1941 г., Э. А. Блюмфельд дал оценку документальных источников, относящихся к гитлеровскому оккупационному режиму на территории Латвии, а Я. К. Дзинтарс проанализировал кропотливо собранные за последнее время воспоминания об антифашистском подпольном движении⁷¹.

Из сказанного видно, что ученые Советской Латвии, изучая историю Великой Отечественной войны, проделали значительную работу по сбору фактического материала, опубликовали ряд заслуживающих внимания исследований и научно-популярных работ. И тем не менее целый ряд вопросов все еще мало изучен. Так, недостаточно освещенным остается вопрос о рабочей гвардии, о деятельности Коммунистической партии Латвии по подготовке и воспитанию кадров, о политико-воспитательной и культурно-массовой работе политических органов латышских национальных формирований Советской Армии и деятельность граждан Латвийской ССР в эвакуации. Следует расширить работу по изданию мемуаров участников войны, документальных публикаций и других материалов.

⁷¹ В. И. Савченко. Источники по истории обороны Лиепай в июне 1941 г. — ТДИП, стр. 105—108; Э. А. Блюмфельд. Документальные источники для исследования гитлеровского оккупационного режима в Латвии в период Великой Отечественной войны. — ТДИП, стр. 108—111; Я. К. Дзинтарс. Воспоминания как источник по изучению антифашистского подпольного движения на временно оккупированной гитлеровцами территории Латвийской ССР. — ТДИП, стр. 111—113.

3. ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ПОБЕДА СОЦИАЛИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ

а) *Значение проблемы*

Историография Латвийской ССР послевоенного периода еще очень молода. И тем не менее этому периоду посвящен целый ряд диссертаций, книг, брошюр и научных статей, которые составляют несомненный вклад в изучение актуальных проблем современности.

Прежде всего общие вопросы истории послевоенного развития республики серьезно систематизированы в таких трудах, как третий том и сокращенный курс «Истории Латвийской ССР». На основе большого фактического материала в них принята попытка отобразить процесс социалистического строительства в Советской Латвии в целом, в органической взаимосвязи его отдельных частей и сторон, в неразрывной связи с борьбой всех народов СССР за подъем своей страны; здесь последовательно подчеркивается значимость послевоенного периода в дальнейших исторических судьбах латышского народа, показывается, что именно в этот период произошли кардинальные изменения как в народном хозяйстве и культуре Латвийской ССР, так и во всей жизни латышского народа. В этих обобщающих трудах вскрыта закономерность достигнутых успехов, показано, что в основе достижений латышского народа лежат объективные законы развития социалистического общества, отмечено, какое большое значение имеет помощь братских республик, прослежена органическая связь между достижениями всей Советской страны и развитием Советской Латвии, подчеркнута, что всеобщий расцвет народного хозяйства и культуры Советского Союза является базой, главной и решающей предпосылкой успехов трудящихся Латвийской ССР.

В этой связи следует указать также на юбилейные издания, среди которых необходимо отметить книгу Я. Калнберзиня⁷², а также ряд сборников статей⁷³. В этих работах довольно большое внимание уделяется успехам трудящихся Латвийской ССР, достигнутым на пути восстановления разрушен-

⁷² Я. Э. Калнберзинь. Десять лет Советской Латвии. Рига, 1950. 172 стр.; J. Kalnbērziņš. Pdomju Latvijas 10 gadi. Rīgā, 1950. 148 lpp.

⁷³ Pdomju Latvijas desmit gadi. Rakstu krājums. Rīgā, 1950. 268 lpp.; Pdomju Latvijas 15 gadi. Rakstu krājums. Rīgā, 1955. 239. lpp.; Расцвет народного хозяйства Советской Латвии. Сборник статей под ред. К. Г. Толмаджева. Рига, 1958. 287 стр.; Sociālisma uzvara Latvijā. Rīgā, 1960. 233 lpp.; Развитие народного хозяйства Латвийской ССР. Сборник статей. Рига, 1961. 463 стр.; Ziedi, Pdomju Latvija! Rīgā, 1965. 323 lpp.; Цвети Советская Латвия! Рига, 1965. 353 стр.

ного войной народного хозяйства и строительства социализма, показу мобилизующей и руководящей роли Коммунистической партии — признанного вождя трудового народа. В них читатель найдет сведения о развитии различных отраслей промышленности и сельского хозяйства на основе широкого внедрения новой техники и современной технологии.

Большое политическое значение имеют работы, посвященные дружбе народов и принципам пролетарского интернационализма. В этой связи следует отметить прежде всего статьи руководящих работников республики. Так, в статье А. Пельше «Об интернациональном воспитании трудящихся»⁷⁴ последовательно проводится мысль о том, какое огромное значение имеет установление дружественных и братских связей между трудящимися разных народов нашей страны; в статье А. Восс⁷⁵ рассматриваются вопросы воспитания трудящихся в духе пролетарского интернационализма и дружбы народов.

✓ Одной из первых работ по истории восстановительного периода была диссертация А. К. Рашкевича⁷⁶, в которой на конкретном фактическом материале дана обобщенная характеристика состояния народного хозяйства республики после ее освобождения от немецко-фашистских захватчиков, освещена борьба трудящихся Латвии под руководством Коммунистической партии за восстановление и реконструкцию промышленности и социалистическое преобразование сельского хозяйства.

✓ Участие комсомола Латвии в восстановлении народного хозяйства республики явилось темой статей, брошюр и диссертации Г. А. Думберг⁷⁷. Приведенный ею материал расширяет представление о практическом участии молодежи Латвии в восстановлении промышленности республики, в частности Круст-

⁷⁴ А. Пельше. Об интернациональном воспитании трудящихся. — КСЛ, 1959, 9, стр. 8—17.

⁷⁵ А. Восс. Вопрос воспитания трудящихся в духе пролетарского интернационализма и дружбы народов. — СПриб, 1, стр. 7—34.

⁷⁶ А. К. Рашкевич. Борьба трудящихся Латвии за социалистическое преобразование и развитие народного хозяйства республики. (1944—1950 гг.). Автореф. канд. дисс. М., 1955.

⁷⁷ Г. А. Думберг. Героика будней. Комсомол Латвии в борьбе за выполнение пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства. (1946—1950 гг.) Рига, 1959. 47 стр.; G. Dumberga. Varonība ikdienā. Latvijas komjaunatne cīņā par tautas saimniecības atjaunošanos un attīstības piegādes izpildi. (1946.—1950.) Rīgā, 1959, 43 lpp.; Г. Думберг. Участие молодежи Латвии в восстановлении промышленности республики в 1944—1945 гг. — УчЗ РПИ, 13, 1964, стр. 101—118; G. Dumberga, E. Škarupina. Mēs tēvu darbu turpinām. Latvijas komjaunatne sociālisma un komunisma celtniecībā. (1944.—1965.) Rīgā, 1966. 107 lpp.; Г. А. Думберг. Комсомол Латвии — помощник Коммунистической партии в борьбе за восстановление и развитие промышленности республики. (1945—1950 гг.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1967.

пилсского сахарного завода, радиотехнического завода «ВЭФ», Рижского вагоностроительного завода, Кегумской ГЭС и других крупнейших предприятий.

Определенный интерес представляют конкретные сведения об участии комсомола республики в подготовке кадров для промышленности, а также составленные автором таблицы и диаграммы о росте рядов ЛКСМ Латвии, повышении идейно-политического уровня молодежи, увеличении числа комсомольско-молодежных бригад и молодых передовиков производства.

✓ Историей восстановления железнодорожного транспорта занимался А. Смирнов⁷⁸, в статьях которого систематизирован новый конкретный материал и приводятся сведения о деятельности добровольческих бригад, о массовых воскресниках, проводившихся по инициативе коммунистов и комсомольцев, а также данные о ходе восстановительных работ и вводе в эксплуатацию отдельных участков железных дорог. Автор подчеркивает руководящую роль партийных организаций и прежде всего ЦК КПЛ, рассказывает о том, какую роль играли политотделы, созданные на транспорте по решению ЦК КПСС, в воспитании железнодорожников в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Представление о деятельности КПЛ по укреплению своих рядов (рост республиканской партийной организации, изменения в ее социальном составе, эволюция первичных партийных организаций, расстановка партийных сил) несколько конкретизируют статьи и диссертации В. А. Круминя⁷⁹ и А. В. Литвиненко⁸⁰. Авторы вводят в научный оборот новые сведения, показывающие, как менялись формы и методы деятельности КПЛ в зависимости от изменения исторической обстановки, рассказывают о работе ЦК партии. Продолжив исследования других авторов, А. В. Литвиненко подробно проанализировала

⁷⁸ А. Смирнов. Борьба трудящихся Латвийской ССР под руководством Коммунистической партии Латвии за восстановление и развитие железнодорожного транспорта. (1945—1960 годы.) — ИАН ЛССР, 1962, 6, стр. 17—28.

⁷⁹ В. А. Круминь. Деятельность Коммунистической партии Латвии по развитию промышленности в 1951—1958 годах. Автореф. канд. дисс. Рига, 1967; В. А. Круминь. Деятельность Коммунистической партии Латвии по укреплению своих рядов, расстановке партийных сил в 1945—1958 гг. — ИАН ЛССР, 1965, 5, стр. 23—36.

⁸⁰ А. В. Литвиненко. X съезд Коммунистической партии Латвии. — В кн.: Из истории Коммунистической партии Латвии. (УчЗАсп, 5). Рига, 1966, стр. 61—81; А. Литвиненко. Деятельность Рижской организации Коммунистической партии Латвии по укреплению своих рядов в первые послевоенные годы. (1941—1946) — В кн.: Годы борьбы и побед. Рига, 1968, стр. 84—104; А. В. Литвиненко. Организационное строительство Коммунистической партии Латвии. (1944—1950 гг.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1969.

организационную структуру ЦК КПЛ и рассмотрела методы работы аппарата ЦК. Она также систематизировала материалы, характеризующие изменения структуры местных партийных органов, показала, что их структура варьировалась и изменялась в зависимости от местных особенностей, конкретных условий, развития промышленности и сельского хозяйства и исторически сложившихся традиций. К сожалению, в статьях и диссертации А. В. Литвиненко затрагивается слишком много вопросов, им не хватает подчас аналитической глубины и достаточной аргументированности.

б) На путях к социалистическому сельскохозяйственному производству

Как известно, 7 сентября 1944 г. был издан декрет Президиума Верховного Совета Латвийской ССР «Об изменениях и дополнениях к закону о земле от 29 июля 1940 г.», на основании которого в республике повторно была осуществлена советская аграрная реформа. Анализ этой реформы дан в уже упоминавшейся монографии С. А. Удачина⁸¹. Следует отметить, что, подчеркивая политическое и народнохозяйственное значение земельной реформы, С. А. Удачин не ограничился описанием ее результатов и характера. В своей работе он должное внимание уделил также вопросу об аграрных преобразованиях вообще, рассматривая его в тесной связи с задачей коллективизации сельского хозяйства республики.

Тема коллективизации сельского хозяйства и колхозного строительства в Латвийской ССР привлекла внимание главным образом экономистов. Авторы первых работ по этой важной проблеме, опираясь на ограниченный круг источников, преимущественно на опубликованные официальные документы, по сути дела, не выходили за рамки простого пересказа и комментирования важнейших партийных и правительственных решений и выступлений руководящих деятелей, используя в качестве иллюстративного материала примеры из жизни передовых колхозов, совхозов и МТС. Тем не менее следует отметить и некоторое положительное значение этих работ: в них проведена систематизация материалов, определены хронологические грани важнейших явлений, намечены некоторые основные вехи, обусловленные конкретно-историческим содержанием исследуемого периода, и подытожены первые данные по истории кол-

⁸¹ С. А. Удачин. Земельная реформа в Советской Латвии. Рига, 1948. 448 стр.

лективизации в Латвийской ССР. Примером таких работ являются диссертации И. В. Кузнецова, Я. Л. Офманиса, П. И. Рябчуна и др.⁸². Упрощенная картина коллективизации и последующего развития сельского хозяйства республики рисуется также в диссертации Я. Ф. Ванагса⁸³, для которой (как, впрочем, и для предшествующих) характерен далекий экскурс в историческое прошлое (изложение темы автор начинает с описания аграрных отношений в Латвии в начале XX в. и т. д.). Ряд утверждений автора требует уточнения или даже исправления. Так, едва ли можно согласиться с его утверждением, что «за время четвертой пятилетки урожайность зерновых в совхозах удвоилась, более чем в 2 раза выросла урожайность картофеля, а урожайность кормовых корнеплодов увеличилась в 3 раза»⁸⁴. Заслуживает автор упрека и в излишне широком применении иллюстративного метода (особенно когда речь идет об урожайности колхозных полей и оплате труда колхозников).

Некоторые сдвиги в освещении темы прослеживаются в работах, изданных после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Так, диссертации А. Ю. Сенканса и А. Кузнецова⁸⁵, защищенные в 1954 г., дают уже более разностороннее представление о социалистической перестройке сельского хозяйства Латвийской ССР, их источниковедческая основа шире, а научный уровень несколько выше.

Деятельности Коммунистической партии по укреплению союза рабочего класса и трудового крестьянства в период борьбы за построение социализма в Латвийской ССР посвящена диссертация В. И. Савченко⁸⁶. Правда, хронологически его работа несколько шире — она охватывает период с июля 1940 по

⁸² И. В. Кузнецов. Борьба за создание предпосылок социалистического преобразования сельского хозяйства Латвии. (1946—1948 гг.) Автореф. канд. дисс. Л., 1950; Я. Л. Офманис. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Латвийской ССР. Автореф. канд. дисс. М., 1952; П. И. Рябчун. Коммунисты Латвии в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства. (1945—1949 гг.) Автореф. канд. дисс. М., 1952.

⁸³ Я. Ф. Ванагс. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства Советской Латвии. Автореф. канд. дисс. Рига, 1953; см. также: J. Vanags. Pādomju Latvijas lauksaimniecība 10 gadus. — Grām.: Pādomju Latvijas desmit gadi. Rīgā, 1950, 129.—141. lpp.

⁸⁴ Я. Ф. Ванагс. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства Советской Латвии. Автореф. канд. дисс. Рига, 1953, стр. 16.

⁸⁵ А. Ю. Сенканс. Роль машинно-тракторных станций в деле социалистической перестройки и развития сельского хозяйства Латвийской ССР. Автореф. канд. дисс. Л., 1954; А. Кузнецов. Упрочение колхозного строя в Советской Латвии. Автореф. канд. дисс. Белая Церковь, 1954.

⁸⁶ В. И. Савченко. Союз рабочего класса и крестьянства в период борьбы за построение социализма в Латвийской ССР. (1940—1950 гг.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1956; см. также: V. Savčenko. Strādnieku šķiras un zemniecības savienība Pādomju Latvijā. Rīgā, 1958. 56 lpp.

1950 г. Однако центральное место в ней занимает материал, показывающий авангардную роль рабочего класса Латвии в мобилизации всего населения республики на восстановление и развитие народного хозяйства. Автор прослеживает, как рабочий класс руководил крестьянством в переломный период жизни латышской деревни — в период ее коллективизации, рассказывает, как трудовое крестьянство вовлекалось в русло социалистического строительства, и, наконец, характеризует работу партии по укреплению советских органов власти на селе, а также приводит данные о численности сельских партийных организаций. К сожалению, приходится констатировать известную односторонность в освещении данной проблемы. Во-первых, союз рабочего класса и крестьянства рассматривается автором преимущественно в плане непосредственной помощи рабочего класса крестьянству в виде поставок машин, шефства и т. д., а крестьянство нередко выступает только как объект помощи, но не как активная сила союза двух дружественных классов. Во-вторых, не всегда достаточно последовательно автор проводит мысль о том, что основные формы связей между двумя дружественными классами осуществляются через посредство политики Советского государства в различных областях хозяйственного и культурного строительства.

Представление об участии комсомольцев в коллективизации сельского хозяйства республики расширяет диссертация А. Петерсоне⁸⁷. Ряд новых материалов, относящихся к истории борьбы КПЛ за коллективизацию крестьянских хозяйств, ввел в научный оборот А. К. Рашкевиц⁸⁸, одна из глав диссертации которого посвящена социалистическому преобразованию сельского хозяйства республики. Однако и в этой работе развитие колхозной эконоимики трактуется несколько упрощенно, отдельные цифры требуют уточнения, наблюдается некоторое увлечение иллюстративным методом (особенно когда речь идет об урожайности колхозных полей) и т. д.

История коллективизации сельского хозяйства Советской Латвии в компактной форме изложена в обобщающих трудах — третьем томе и сокращенном курсе «Истории Латвийской ССР». В этих трудах выделяются два периода в развитии сельского хозяйства республики первого послевоенного пятилетия. Первый период охватывает 1946—1948 гг., когда трудя-

⁸⁷ А. Петерсоне. Комсомол Латвии — первый помощник партии в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства республики. Автореф. канд. дисс. М., 1956.

⁸⁸ А. К. Рашкевиц. Борьба трудящихся Латвии за социалистическое преобразование и развитие народного хозяйства республики. (1944—1950 гг.) Автореф. канд. дисс. М., 1955.

щиеся Латвийской ССР под руководством КПЛ восстанавливали пострадавшее от войны сельскохозяйственное производство и создавали предпосылки для социалистического преобразования сельского хозяйства. Второй период в развитии сельского хозяйства Советской Латвии — период его социалистического преобразования — начался после X съезда КПЛ (1949 г.). В 1949 г. движение за коллективизацию стало массовым, а в 1950 г. колхозы республики объединяли уже более 96% всех крестьян. В этих трудах подчеркивается значение коллективизации сельского хозяйства для дальнейшего развития всего народного хозяйства Советской Латвии.

Подчеркивая значение социалистической реконструкции сельского хозяйства, советские авторы на конкретном материале показали, что коллективизация сельского хозяйства утвердила социалистические производственные отношения в латвийской деревне, что в результате проведения коллективизации были ликвидированы как последний эксплуататорский класс — кулачество, так и условия для его возникновения.

В последующие годы тему коллективизации затрагивал в своих работах целый ряд исследователей, и, таким образом, представление об истории социалистической перестройки деревни в Советской Латвии несколько расширилось. Однако до сих пор в республике нет крупной печатной работы по данной тематике, а число историков, специально занимающихся ее разработкой, остается более чем скромным. Все еще ждут кропотливого изучения многие архивные фонды, недостаточно используется текущая документация отдельных совхозов и колхозов, слабо привлекаются мемуарные источники и прежде всего воспоминания активистов колхозного строительства.

в) Индустриализация республики

Первые попытки освещения вопроса о восстановлении и развитии промышленности Советской Латвии в первые послевоенные годы предпринял И. К. Лебедев⁸⁹. В опубликованных им работах систематизирован фактический материал, показывающий ход восстановительных работ в промышленности и на транспорте, приводятся конкретные примеры из истории восстановления крупнейших промышленных предприятий республики.

⁸⁹ I. Ļebedevs. *Ciņā par Latvijas sociālistiskās rūpniecības atjaunošanu un uzplaukumu*. Rīgā, 1948. 58 lpp.; I. Ļebedevs. *Padomju Latvijas bolševiki ciņā par rūpniecības attīstību*. Rīgā, 1949. 119 lpp.; И. К. Лебедев. *Большевики Латвии в борьбе за развитие промышленности*. М., 1949. 135 стр.

Характеризуя процесс восстановления экономики, автор отмечает следующую особенность: в Советской Латвии происходило не просто восстановление старых предприятий, а их реконструкция и расширение, организация новых производств на базе современного оборудования и передовой технологии. Однако, к сожалению, существенные недостатки этих работ: их описательность, отсутствие сводных данных, узость источниковедческой базы, некоторая декларативность и т. д., — безусловно, снижают их научную значимость.

Диссертация Э. С. Пурвинской⁹⁰ и статья А. М. Вейнберга⁹¹, несколько конкретизируя представление о зарождении социалистического соревнования в Советской Латвии в 1940 г. и о развитии стахановского движения в первой послевоенной пятилетке, имеют существенные изъяны, весьма типичные для исторической литературы того периода. Так, научное значение диссертации Э. С. Пурвинской значительно снижают отдельные трафаретные тезисы, которые в то время вошли в нашу историческую и экономическую литературу. Кроме того, в диссертации слишком много материалов, которые не имеют никакого отношения к ее теме.

В диссертации В. Р. Раевского⁹² освещаются мероприятия КПЛ, направленные на мобилизацию трудящихся на выполнение заданий четвертого пятилетнего плана в области промышленности. Автор рассматривает вопросы перестройки партийно-политической работы и борьбы партийных организаций за повышение трудовой дисциплины и производительности труда, их деятельность в области подготовки кадров квалифицированных рабочих и специалистов для промышленности. Он показывает, как КПЛ руководила массовым движением трудящихся за дальнейшее усовершенствование и рационализацию производства, рассматривает отдельные формы социалистического соревнования, получившие наибольшее распространение в промышленности и на транспорте республики в годы четвертой пятилетки. Однако эта работа написана на довольно узкой источниковедческой основе, большинство затронутых в ней вопросов требует дальнейшей разработки и более детального рассмотрения.

⁹⁰ Э. С. Пурвинская. Развитие стахановского движения в промышленности Латвийской ССР в послевоенный период. Автореф. канд. дисс. Л., 1953.

⁹¹ А. М. Вейнберг. К развитию стахановского движения в Латвийской ССР. — ИАН ЛССР, 1950, 6, стр. 101—111.

⁹² В. Р. Раевский. Коммунистическая партия Латвии в борьбе за выполнение четвертого (первого послевоенного) пятилетнего плана в области промышленности. Автореф. канд. дисс. М., 1955.

Прогресс в изучении данной темы можно проследить по работе А. Сумина «Очерки экономического развития Советской Латвии»⁹³. Автор дает более детальный анализ развития промышленности в годы четвертой пятилетки, в том числе таких важнейших отраслей, как энергетика, машиностроение, торфяная, химическая, деревообрабатывающая, бумажная и другие отрасли промышленности. Подчеркивая стремительность темпов развития народного хозяйства Латвийской ССР, автор указывает, что наибольших успехов достигла социалистическая промышленность. При этом темпы прироста промышленной продукции в республике превышали общесоюзные показатели. А. Сумин приводит итоговые данные о социалистическом соревновании, движении новаторов и рационализаторов производства, но, к сожалению, не всегда раскрывает методику подсчетов, в частности не объясняет, как подсчитана экономия от внедрения рационализаторских предложений.

Новую попытку показать борьбу Коммунистической партии Латвии за социалистическую индустриализацию республики в годы четвертого пятилетнего плана предприняла М. Э. Миллере⁹⁴. Уже на более широкой источниковедческой основе она разработала вопросы деятельности первичных партийных организаций крупнейших промышленных предприятий республики, более детально изучила методы работы руководящих органов Коммунистической партии Латвии по мобилизации трудящихся масс на претворение в жизнь директив партии.

В статье М. Крузмэтра⁹⁵ подробнее, чем в других работах, описывается конкретный ход восстановления энергетической базы республики, в том числе Кегумской ГЭС и рижской электростанции «А», приводятся материалы, показывающие деятельность партийных организаций во главе с ЦК КПЛ по руководству восстановительными работами, рассказывается о первых шагах по электрификации послевоенной деревни.

Из вышеизложенного обзора видно, что степень изученности отдельных проблем истории восстановления народного хозяйства республики различна. Такие вопросы, как история отдельных

⁹³ A. Sumins. *Apcerējums par Padomju Latvijas ekonomisko attīstību*. (1940.—1958.) Rīgā, 1960. 218 lpp.

⁹⁴ М. Э. Миллере. Коммунистическая партия Латвии в борьбе за социалистическую индустриализацию республики. (1946—1950 гг.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1967.; M. Millere. *Sociālistiskās industrializācijas sākums Padomju Latvijā*. — *AspZR*, 4, 1965, 37.—56. lpp. M. Millere. *Latvijas PSR rūpniecības uzņēmumu partijas organizāciju pieredze 4. piecgadē*. (1946.—1950. g.) — *AspZR*, 6, 1967, 99.—115. lpp.

⁹⁵ М. Крузмэтра. *Latvijas Komunistiskā partija — republikas enerģētiskās bāzes atjaunošanas darbu organizētāja un vadītāja 1945.—1950. gadā*. — *AspZR*, 4, 1965, 57.—69. lpp.

предприятий, хозяйственное и экономическое состояние колхозов и совхозов, материальная заинтересованность и оплата труда колхозников и рабочих, вопросы соотношения общественного и подсобного хозяйств в доходах колхозников и многие другие, все еще изучены слабо. Нет также и обобщающего труда, посвященного специально истории Латвийской ССР этого периода. Таким образом, ближайшей задачей исследователей остается подготовка сводных трудов по истории индустриализации и коллективизации и документальных публикаций, в том числе воспоминаний.

4. ЗАВЕРШЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО И РАЗВЕРТЫВАНИЕ КОМУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

а) Развитие сельского хозяйства и промышленности

Круг исследователей, занимающихся изучением основных направлений развития сельского хозяйства Латвийской ССР после завершения коллективизации, остается весьма ограниченным. Наибольшие заслуги принадлежат, пожалуй, экономистам и прежде всего Я. Ф. Ванагсу. Интерес для историков, изучающих развитие сельского хозяйства республики в 50-х годах, представляет брошюра Я. Ф. Ванагса «Мероприятия по подъему сельского хозяйства Латвийской ССР»⁹⁶. Она написана после XX съезда КПСС и отличается от предшествующих работ автора. В этой брошюре более реалистически воссоздана картина развития сельского хозяйства, наряду с действительными успехами констатируются и существенные недостатки (например, низкая урожайность колхозных полей, случаи нарушения внутриколхозной демократии, недостатки планирования). При этом автор акцентирует внимание на освещении мероприятий, которые были направлены на подъем сельскохозяйственного производства и стали проводиться в результате сентябрьского (1953 г.) и последующих пленумов ЦК КПСС. Необходимо отметить конструктивный подход автора к проблемам колхозной экономики. Заслуживают внимания также его рекомендации, направленные на улучшение положения в сельском хозяйстве. Я. Ф. Ванагс затронул целый круг вопросов чисто экономического профиля: рациональные размеры колхоза, организация комплексных бригад и звеньев, обеспечение прочной кормовой базы, меры по улучшению работы МТС, вопросы мелиорации, оплаты труда и т. д.

⁹⁶ J. Vanags. Pasākumi Latvijas PSR lauksaimniecības kāpināšanai. Rīgā, 1957. 67 lpp.

Теоретический уровень разработки темы, достигнутый исследователями Советской Латвии к концу 50-годов, достаточно рельефно характеризует работа Я. Ф. Ванагса «Сельское хозяйство Советской Латвии за 20 лет»⁹⁷. Эта брошюра является кратким историческим очерком о развитии латвийской деревни за годы Советской власти. Это одна из, к сожалению, немногих попыток историков и экономистов дать систематический обзор того пути, который сельское хозяйство республики прошло за последние 20 лет. Сначала автор вкратце рассматривает классовые отношения в деревне в период буржуазной Латвии, затем шаг за шагом описывает развитие сельского хозяйства республики по социалистическому пути, приводит сведения о первых совхозах и колхозах, о подготовке специалистов сельского хозяйства, а также руководящих работников совхозов и колхозов, об обеспечении сельского хозяйства техникой и, наконец, ставит вопрос об оптимальных средних размерах коллективного хозяйства. И тем не менее в этой брошюре ощущается налет приглагоженности и лакировки. Я. Ф. Ванагс слишком часто прибегает к иллюстративному методу, который обычно не дает представления об общем состоянии вопроса. Историю развития колхозов до 1953 г. автор излагает в общих чертах, без введения в оборот каких-либо новых материалов, не приводит данных об оплате труда колхозников и их реальных доходах. Утверждение автора (на стр. 59) о том, что «практика доказала, что причину отсталости колхозов почти всегда следует искать в руководстве артели», свидетельствует об упрощенном и фактически идеалистическом подходе к решению сложных проблем колхозной экономики.

Развитие важнейших отраслей сельскохозяйственного производства республики в 1950—1958 гг. несколько детальнее прослеживает А. Сумин⁹⁸, в работах которого рассматривается целый комплекс вопросов: дается анализ посевных площадей и изменения структуры посевов, роста поголовья скота, а также динамики производства продуктов полеводства и животноводства. Автор рассматривает также вопрос об источниках доходов семьи колхозника, подчеркивает значение сентябрьского (1953 г.) и последующих пленумов ЦК КПСС, XX и XXI съездов КПСС для развития сельского хозяйства. На примере его работ видно, как постепенно усиливалась аналитическая

⁹⁷ J. V a n a g s. Padomju Latvijas lauksaimniecība 20 gadus. Rīgā, 1960. 94 lpp.; см. также: J. V a n a g s. Padomju Latvijas lauksaimniecība 15 gadus. — Padomju Latvijas 15 gadi. Rakstu krājums. Rīgā, 1955, 158.—184. lpp.

⁹⁸ A. S u m i n s. Āpcerējums par Padomju Latvijas ekonomisko attīstību. (1940.—1958.) Rīgā, 1960. 218 lpp.; A. S u m i n s. Latvijas sociālistiskās lauksaimniecības divdesmit gadi. — SocUzv, 1960, 85.—103. lpp.

сторона исследований, росла их проблемность, расширялось использование статистических данных, в том числе и абсолютных показателей.

Интерес историков привлекают материалы, приведенные в монографии П. В. Гуляна⁹⁹, в частности данные о концентрации сельскохозяйственного производства в республике, о числе колхозов и совхозов в 1950, 1958 и 1965 гг., об их средних размерах и росте технической оснащенности сельского хозяйства. Автор рассказывает о размахе мелиоративных работ, строительстве производственных и культурно-бытовых зданий в деревне, росте механизации сельскохозяйственных работ и увеличении производительности труда в сельском хозяйстве. К сожалению, даже в этой, одной из самых недавних работ динамика изменений в сельскохозяйственном производстве обрисовывается чрезмерно широкими мазками. Автор, как правило, сравнивает только данные 1965 г. с показателями 1950 г., не раскрывая погодную эволюцию производства сельскохозяйственной продукции в республике. И тем не менее, книга П. В. Гуляна будет способствовать дальнейшей разработке вопроса и даст историкам немало ценного для создания более детализированной картины развития колхозной экономики в Советской Латвии.

Развитие колхозной деревни в обобщенном виде рассматривает и В. Пурин¹⁰⁰. Однако, пожалуй, наиболее четкое и систематическое (хотя и весьма краткое) изложение истории развития сельского хозяйства республики в 1950—1965 гг. дано в соответствующих разделах второго издания сокращенного курса «Истории Латвийской ССР». Авторы этого обобщающего труда сумели выделить основные линии развития сельского хозяйства и систематизировать значительный фактический материал; для них характерны отход от упрощенного и излишне прямолинейного изложения (кстати, весьма распространенного именно в работах по данной теме) и обоснованность выводов. В результате воссоздана более углубленная, чем в предыдущих курсах истории Латвийской ССР, картина эволюции колхозной экономики. В книге подчеркивается, что переломным моментом в развитии сельского хозяйства явились сентябрьский (1953 г.) и последующие — февральско-мартовский (1954 г.), январский (1955 г.) — пленумы ЦК КПСС, что реализация исторических решений этих пленумов обусловила значительные успехи в развитии сельскохозяйственного производства. Шаг за шагом про-

⁹⁹ П. В. Гулян. Латвия в системе народного хозяйства СССР. Рига, 1967, 386 стр.

¹⁰⁰ V. Pūriņš. Latvijas PSR sociālistiskās ekonomikas sasniegumi. — BaltPadR, 2, 3.—40. lpp.

слеживаются также расширение и модернизация материально-технической базы сельского хозяйства, приводятся данные о количестве тракторов и сельскохозяйственных машин в республике. Менее подробно освещены в книге 1956—1958 гг. Авторы отмечают замедление темпов развития сельского хозяйства с конца 50-х годов, выявляют причины этого замедления и подчеркивают значение мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, обусловившего новый подъем в развитии колхозной экономики. Однако достаточно четкая картина эволюции сельского хозяйства в семилетке, к сожалению, здесь не воссоздана, не приводятся и важнейшие показатели сельскохозяйственного производства республики за 1959—1965 гг.

Первую попытку рассказать о восстановлении и деятельности сельскохозяйственной кооперации в Советской Латвии предпринял С. Г. Зеленов¹⁰¹. Сейчас его брошюра имеет лишь историографическое значение, тем не менее современного историка могут заинтересовать некоторые приведенные им данные (например, о составе членов сельскохозяйственных товариществ и др.).

Вопросы развития потребительской кооперации в Латвийской ССР явились темой двух диссертаций¹⁰². Красной нитью через эти работы проходит мысль о том, что в условиях победы социализма в корне изменилась социально-экономическая база деятельности потребительской кооперации и еще больше повысилась ее роль в экономической жизни республики. Как положительный момент следует отметить сопоставление показателей деятельности потребительской кооперации Латвийской ССР с аналогичными показателями Литовской и Эстонской ССР, а также по Советскому Союзу в целом. Для историков известный интерес представляют составленные диссертантами таблицы (например, об удельном весе потребительской кооперации в общем товарообороте республики и др.).

В диссертации Т. М. Ледневой¹⁰³ раскрывается роль Коммунистической партии Латвии в решении задач создания и использования современной материально-технической базы сельского хозяйства. Предприняв попытку некоторого обобщения

¹⁰¹ С. Г. Зеленов. Роль сельскохозяйственной кооперации в восстановлении и развитии сельского хозяйства Латвийской ССР. Рига, 1946. 40 стр.

¹⁰² А. Я. Унгуре. Развитие потребительской кооперации в Латвийской ССР. Автореф. канд. дисс. Рига, 1955; К. И. Федюкович. Роль потребительской кооперации в экономической и общественной жизни Латвийской ССР. Автореф. канд. дисс. Л., 1960.

¹⁰³ Т. М. Леднева. Борьба Коммунистической партии за механизацию сельского хозяйства Латвии в послевоенный период. Автореф. канд. дисс. М., 1956.

деятельности партийных организаций в этой области, автор приводит сведения об укреплении МТС кадрами, о пополнении машинно-тракторного парка МТС и совхозов, о работе школ и курсов по подготовке механизаторов сельского хозяйства, а также подытоживает опыт работы отдельных первичных партийных организаций (в частности, Добельской и Елгавской машинно-тракторных станций). Представление о деятельности КПЛ по укреплению партийных организаций колхозов и совхозов и повышению их роли в дальнейшем развитии сельского хозяйства республики во второй половине 50-х годов несколько конкретизируется благодаря работам А. З. Левтова¹⁰⁴.

Материалы об источниках формирования сельской интеллигенции Советской Латвии, а также о роли интеллигенции в жизни современной латышской деревни истории могут почерпнуть из социологических исследований К. И. Мамаевой¹⁰⁵.

В конце 50-х годов вышло из печати несколько научно-популярных брошюр, посвященных истории отдельных колхозов¹⁰⁶. Естественно, что как по своему содержанию, так и по фактическому материалу и литературному оформлению они значительно отличаются друг от друга. Тем не менее для всех, кто интересуется проблемами коллективизации и колхозного строительства и вообще историей развития сельского хозяйства Латвийской ССР, они, несомненно, представляют некоторый инте-

¹⁰⁴ А. З. Левтов. Деятельность Компартии Латвии по укреплению партийных организаций колхозов и совхозов и повышению их роли в дальнейшем развитии сельского хозяйства республики. (1956—1961 гг.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1963; А. З. Левтов. Из опыта партийно-политической работы в колхозах Огрского района. — УчЗ РПедИ, 7, 1958, стр. 281—293; А. З. Левтов. Деятельность Компартии Латвии по укреплению первичных партийных организаций колхозов и совхозов республики и повышению их боеспособности. (1956—1961 годы.) — УчЗ ЛатГУ, 50, 1963, стр. 249—273; А. З. Левтов. Межколхозные кабинеты политического просвещения. — КСЛ, 1961, 10, стр. 54—57.

¹⁰⁵ К. И. Мамаева. Сельская интеллигенция в период перехода от социализма к коммунизму. Автореф. канд. дисс. Москва—Рига, 1966; К. Мамаева. Формирование и развитие сельской интеллигенции. — ИАН ЛССР, 1965, 7, стр. 105—114; К. И. Мамаева. Роль сельской интеллигенции в укреплении экономической основы развития колхозов и совхозов. — ИАН ЛССР, 1966, 5, стр. 3—15.

¹⁰⁶ P. Miežīts. Kolhozs «Jaunais komunārs». Rīgā, 1956. 19 lpp.; T. Godmanis. Padomju saimniecība «Saliena». Rīgā, 1957. 116 lpp.; D. Levins. Kolhozs «Ļepina dzirkstele». Rīgā, 1957. 56 lpp.; L. Ipolitova. Kolhozs «Ļepina ceļš». Rīgā, 1957. 45 lpp.; J. Radajeva. Kolhozs «Avangards». Rīgā, 1957. 56 lpp.; M. Zukovs. Juglas zvērkopības padomju saimniecība. Rīgā, 1957. 46 lpp.; K. Ķirsis. Kolhoza «Atmoda» darba pieredze. Rīgā, 1960. 17 lpp.; «Окте» — крупное рентабельное хозяйство. Рига, 1960. 52 стр.

рес. В дальнейшем необходимо расширить фронт разработки данной темы, активизировать сбор материалов по истории колхозов, а также повысить уровень литературного оформления таких брошюр.

Таким образом, перед историками Латвийской ССР все еще стоит задача написать полноценную научную историю развития сельского хозяйства республики, эволюции ее колхозной экономики, опираясь при этом на глубоко изученный фактический материал. Необходимо также в самом ближайшем будущем увеличить число небольших по объему, но глубоких по содержанию научных статей, посвященных отдельным проблемам и даже отдельным вопросам развития сельского хозяйства республики.

Изучением промышленного развития Латвийской ССР занимались в основном экономисты. Однако наряду со специальными исследованиями по экономике промышленности из печати вышел ряд работ, в которых о промышленном развитии Латвийской ССР рассказывается в историческом плане¹⁰⁷. Основная ценность этих работ заключается в том, что в них систематизирован фактический материал, дана обобщенная картина развития промышленности республики, охарактеризованы важнейшие отрасли промышленности, проанализированы проблемы совершенствования структуры промышленного производства и его размещения, а также перспективы дальнейшего развития и выявлены факторы, определившие стремительные темпы роста промышленности Советской Латвии.

Развитие промышленности республики в 1951—1958 гг. нашло обобщенное освещение в уже упоминавшейся работе А. Сумина¹⁰⁸. Как и другие советские исследователи, автор отмечает изменение удельного веса отдельных отраслей промышленности республики — увеличение значимости отраслей, производящих средства производства. Довольно большое вни-

¹⁰⁷ A. Sumins. *Apcerējums par Padomju Latvijas ekonomisko attīstību*. (1940.—1958.) Rīgā, 1960. 218 lpp.; A. Sumins. *Latvijas PSR rūpniecības attīstība*. Rīgā, 1956. 104 lpp.; V. Tumševics. *Latvijas PSR rūpniecības sasniegumi*. Rīgā, 1960. 70 lpp.; V. Tumševics. *Padomju Latvijas rūpniecības attīstība*. — *SocUzv*, 1960, 85.—103. lpp. L. Basova, A. Leits, A. Sumins. *Latvijas PSR rūpniecības attīstība*. Rīgā, 1956. 104 lpp.; V. Pūriņš. *Latvijas PSR sociālistiskās ekonomikas sasniegumi*. — *BaltPadR*, 2, 3.—40. lpp.; В. Р. Пурин. Достижения социалистической экономики Латвийской ССР. — *СПриб*, 2, стр. 3—46; П. В. Гулян. Латвия в системе народного хозяйства СССР. Рига, 1957. 386 стр.; Э. Э. Вейс, В. Р. Пурин. Латвийская ССР. Экономико-географическая характеристика. М., 1957. 440 стр.; Э. Э. Вейс, В. К. Ситчихин. Семилетний план Латвийской ССР. Рига, 1959. 70 стр.

¹⁰⁸ A. Sumins. *Apcerējums par Padomju Latvijas ekonomisko attīstību* (1940.—1958.). Rīgā, 1960. 218 lpp.

мание автор уделяет описанию развития транспорта и средств связи.

Более обстоятельно вопросы развития основных отраслей материального производства Латвийской ССР и прежде всего промышленности рассмотрены в монографии историко-экономического характера П. В. Гуляна¹⁰⁹. В этом труде впервые в истории Советской Латвии столь глубоко и на столь широкой базе освещаются важнейшие моменты развития народного хозяйства республики, выявляются условия и факторы, определяющие темпы развития и структуру ее народнохозяйственного комплекса. На значительном фактическом материале автор квалифицированно прослеживает динамику развития главных отраслей промышленности — машиностроения, химической, электроэнергетической, целлюлозно-бумажной, легкой, пищевой и т. д. При этом хорошее знание особенностей каждой из этих отраслей позволяет ему акцентировать внимание на самых существенных аспектах их развития. Поэтому весьма показательно звучит вывод П. В. Гуляна о том, что период после Великой Отечественной войны — самый результативный и созидательный в истории развития производительных сил Латвийской ССР. Весьма ценно, что народное хозяйство республики в монографии рассматривается в тесной связи с экономикой всей страны, как одно из звеньев развитой системы территориального разделения общественного труда Советского Союза.

Анализируя темпы роста республиканской промышленности, П. В. Гулян прослеживает структурные изменения в промышленности, усиление концентрации производства, развитие специализации и кооперирования предприятий. В числе факторов, способствующих стремительному развитию промышленности Советской Латвии, автор называет мощные основные фонды, благоприятные условия для промышленного строительства, наличие высококвалифицированных кадров, развернутую сеть научных и проектных организаций. Но, будучи объективным исследователем, П. В. Гулян трезво оценивает также роль ограничивающих факторов, к которым он относит отсутствие достаточных ресурсов природного сырья, дефицитность топливно-энергетического баланса и недостаток рабочей силы. Привлекает внимание характеристика, которую автор дал топливно-энергетическим ресурсам Латвийской ССР, а также освещение вопросов производства электроэнергии и теплоэнергии. Много данных истории могут почерпнуть из разделов, посвященных анализу развития отдельных отраслей промышленности республики.

¹⁰⁹ П. В. Гулян. Латвия в системе народного хозяйства СССР. Рига, 1967. 386 стр.

Вопросы производственных отношений и другие аспекты социально-экономического характера в этой книге специально не рассматриваются, а затрагиваются лишь в той мере, в какой это необходимо для объяснения результатов развития производительных сил. П. В. Гулян справедливо подчеркивает, что Латвийская ССР за годы Советской власти превратилась в высокориндустриальный район страны, более двух третей национального дохода которого приходится на индустриальные отрасли народного хозяйства, и что по степени промышленного развития республика находится на уровне наиболее развитых стран мира. На широком фактическом материале он убедительно показал, что народное хозяйство Советской Латвии не является замкнутым хозяйством с полным набором всех отраслей и производств; в процессе социалистического разделения труда оно специализируется на массовом производстве ограниченного числа изделий. В республике производятся те виды продукции, для изготовления которых здесь имеются наиболее благоприятные условия. Значительная часть промышленной продукции Латвийской ССР используется в других советских республиках или вывозится за границу. В то же время из других районов страны в республику завозятся различные машины и приборы, сырье, топливо, комплектующие детали, полуфабрикаты и т. д.

Следует подчеркнуть самостоятельность авторского подхода и к оценке промышленной эволюции буржуазной Латвии, и к анализу уровня промышленного производства в 1913 и 1938 гг. Научная дискуссия по этому поводу имеет принципиальное значение не только потому, что она позволяет внести существенные коррективы в опубликованные ранее оценки Л. Стародубского (так, по его данным уровень промышленного производства в буржуазной Латвии в 1939 г. составлял 56,1% к уровню 1913 г., а по расчетам П. Гуляна уровень 1938 г. примерно соответствовал уровню 1913 г.), но и потому, что она может освободиться от упрощенной трактовки экономической эволюции буржуазной Латвии. Как известно, на протяжении долгого времени расчеты Л. Стародубского по уровню промышленного производства Латвии 1913 и 1938 гг. были единственными, и хотя они оспаривались отдельными экономистами и историками, тем не менее широко использовались в исторической и экономической литературе.

Вопросами развития предприятий сельскохозяйственного машиностроения Латвийской ССР в период социализма и перехода к коммунизму специально занимался А. И. Иванов¹¹⁰.

¹¹⁰ А. И. Иванов. Возникновение и развитие предприятий сельскохозяйственного машиностроения Латвийской ССР. Автореф. канд. дисс. Рига, 1968.

Однако в его диссертации, несмотря на известный шаг вперед в разработке темы, целый ряд вопросов остался недостаточно освещенным, не выявлена также четкая картина динамики роста производства продукции в данной отрасли, численности рабочих, удельного веса в промышленном производстве республики в целом и т. д.

Некоторое продвижение вперед наблюдалось и в изучении электрификации Латвийской ССР. Так, например, в статьях и диссертации К. Туменаса¹¹¹ рассматриваются строительство электростанций и линий электропередач, электрификация важнейших отраслей народного хозяйства, рост использования электроэнергии для коммунально-бытовых нужд населения Латвийской ССР. Автор выделяет два этапа электрификации республик Прибалтики, в том числе Советской Латвии. Первый этап — до 1955 г. — характеризуется строительством средних и мелких электростанций и некоторым отставанием энергетики от других быстрорастущих отраслей народного хозяйства. Для второго этапа, начавшегося с 1956 г., характерно строительство крупных электростанций, создание объединенной энергосистемы Северо-Запада СССР, высокие темпы роста производства электроэнергии и ее широкое внедрение во все отрасли народного хозяйства.

Экономические связи Советской Латвии с другими советскими республиками рассматривались во многих работах советских историков и экономистов, в том числе в статьях и брошюрах Г. А. Беседина и В. Р. Пурина, а также в диссертации В. П. Маслина¹¹².

Во всех работах, посвященных этой теме, советские исследователи подчеркивают, что экономические связи между Латвийской ССР и другими советскими республиками развивались и развиваются на основе планомерного подъема экономики всей

¹¹¹ К. Туменас. История электрификации советских прибалтийских республик. (1940—1962 гг.) Автореф. канд. дисс. М., 1964; К. Туменас. Решающий этап электрификации прибалтийских советских республик. (1956—1962 гг.) — ИСССР, 1964. 4, стр. 113—126; К. Туменас. Электрификация советских прибалтийских республик в 1945—1955 гг. — В кн.: Вопросы истории КП Литвы, 4. 1964, стр. 175—200.

¹¹² G. Besedins, V. Pūriņš. Latvijas PSR ekonomiskie sakari. Rīgā, 1961. 87 lpp.; Г. А. Беседин, В. Р. Пурин. Экономические связи Латвийской ССР и задачи их укрепления. — В кн.: Развитие народного хозяйства Латвийской ССР. Рига, 1961, стр. 321—375; В. П. Маслин. Развитие сотрудничества советских республик в борьбе за выполнение семилетнего плана в области промышленности. (По материалам прибалтийских советских республик.) Автореф. канд. дисс. М., 1963; В. П. Маслин. Экономическое сотрудничество советских республик в период развернутого строительства коммунизма. — В кн.: Рост творческой активности рабочего класса СССР в период развернутого строительства коммунизма. М., 1963, стр. 100—155.

страны и взаимной координации народнохозяйственных планов союзных республик, уважения интересов национальных республик и социалистической взаимопомощи в экономическом и культурном развитии. Советские авторы убедительно показывают, что расширение экономических связей между отдельными республиками СССР диктуется не только общесоюзными интересами, но и интересами каждой союзной республики. Жизненно важны экономические связи для всестороннего, гармонического развития производительных сил и повышения благосостояния трудящихся Советской Латвии. На примере Латвийской ССР исследователи иллюстрируют правильность положения о том, что организация специализации и кооперирования производства, а также хозяйственных связей между экономическими районами страны обеспечивает экономию материальных резервов, наиболее рациональное использование природных ресурсов и местных экономических условий.

В работах Г. А. Беседина и В. Р. Пурина воссоздается широкая картина многосторонних хозяйственных связей Латвийской ССР и раскрываются факторы, обусловившие высокие темпы промышленного развития республики: помощь братских республик и сравнительно высокий уровень экономики, наличие кадров высококвалифицированных рабочих и высокий культурный уровень населения, наличие такого крупного индустриального центра, как Рига, и прекрасных морских портов, густая сеть железнодорожных и шоссейных дорог и близость к ведущим индустриальным центрам РСФСР и Украины. Авторы убедительно показывают, что развитие народного хозяйства Советской Латвии и прежде всего ее тяжелой промышленности происходило не столько за счет внутренних ресурсов республики, сколько за счет технических, сырьевых и финансовых средств Советского Союза в целом. В отличие от некоторых других авторов, Г. А. Беседин и В. Р. Пурин не упускают из виду и другую сторону процесса экономических связей, указывая, что быстрое развитие промышленности и сельского хозяйства Советской Латвии, ее включение в общесоюзное разделение труда, в свою очередь, имело большое значение для всего Советского Союза. Во ввозе Латвийской ССР большую часть составляют топливо и металлогрузы, а в вывозе основная часть грузов — промышленные изделия, причем они представляют продукцию почти всех отраслей промышленности республики. К сожалению, авторы не приводят данных по ряду важнейших показателей, что существенно снижает научную ценность их работ.

Приходится с сожалением отметить, что экономические связи Латвийской ССР и до сих пор еще не изучаются систематически и в достаточно широком масштабе, что в должной мере не

организован сбор данных о размерах ввоза в Латвийскую ССР и вывоза из нее товаров, о структуре товарообмена и его территориальном распределении¹¹³.

Здесь уместно отметить уже упоминавшуюся диссертацию и содержательную статью В. А. Круминя¹¹⁴, в которых принята попытка широко осветить многогранную деятельность Коммунистической партии Латвии по развитию промышленности и строительства и подготовке кадров в период завершения строительства социализма.

Дальнейшее развитие эта тема получила в диссертации и статье Е. Ф. Савулич¹¹⁵, которая освещает вопросы партийного руководства промышленностью республики в 1957—1965 гг. Автор приводит сведения о деятельности аппарата ЦК, горкомов и райкомов КПЛ по подготовке, подбору, расстановке и политическому воспитанию руководящих хозяйственных и инженерно-технических кадров, показывает роль научно-технических обществ (НТО) и обществ рационализаторов и изобретателей (ВОИР) в повышении уровня технической и экономической работы на промышленных предприятиях Латвийской ССР.

Новые данные о развитии железнодорожного транспорта Советской Латвии приводятся в статье А. Смирнова¹¹⁶. Вниманию привлекают данные об электрификации железнодорож-

¹¹³ В этой связи хочется отметить, что наши северные соседи — эстонские экономисты, уделяя большое внимание исследованиям этой проблемы, недавно опубликовали содержательную монографию «Экономические связи Эстонской ССР в системе народного хозяйства СССР» (Таллин, 1969. 316 стр.). Прделав трудоемкую работу по сбору, систематизации и обобщению первичного статистического материала, авторский коллектив не ограничился материалами только транспортной статистики, а опирался еще и на данные анкетного опроса всех организаций, учреждений и предприятий Советской Эстонии, осуществлявших товарообмен с другими союзными республиками и зарубежными странами. Именно поэтому он смог столь обстоятельно осветить динамику и общие тенденции развития баланса и структуры ввоза и вывоза Эстонской ССР, исследовать географию экономических связей по отраслям производства и товарным группам, а также проследить экономические связи с зарубежными государствами.

¹¹⁴ В. А. Круминь. Деятельность Коммунистической партии Латвии по развитию промышленности в 1951—1958 годах. Автореф. канд. дисс. Рига, 1967; В. Круминь. Деятельность Коммунистической партии Латвии по подготовке кадров в период завершения строительства социализма (1953—1958 гг.). — УчЗ ЛатГУ, 50, 1963, стр. 181—207.

¹¹⁵ Е. Ф. Савулич. Деятельность Коммунистической партии Латвии по улучшению руководства промышленностью в 1957—1965 гг. Автореф. канд. дисс. Рига, 1967; Е. Ф. Савулич. Опыт КП Латвии по укреплению первичных партийных организаций промышленности (1957—1965 годы). — УчЗАсп, 5, 1966, стр. 117—128.

¹¹⁶ А. Смирнов. Борьба трудящихся Латвийской ССР под руководством КПЛ за восстановление и развитие железнодорожного транспорта (1945—1960 гг.). — ИАН ЛССР, 1962, 6, стр. 17—28.

ных линий республики и конкретный материал о реконструкции Рижского железнодорожного узла.

Как отрадный факт следует отметить возобновление после XX съезда КПСС разработки истории отдельных фабрик и заводов республики. В 1957 г. вышла в свет книга Р. Дейча¹¹⁷ о комбинате «Ригас аудумс», в 1961 г. — книга Д. А. Скроманиса¹¹⁸ о Рижском вагоностроительном заводе, затем последовали очерки об истории завода «Сарканайс металургс» и Лиепайского пробочно-линолеумного завода¹¹⁹ и статья В. Мирановой-Шпаковской¹²⁰ о заводе резиновых изделий. В этих книгах прослеживается история соответствующих предприятий с момента их создания и до наших дней, большое внимание уделяется освещению революционной деятельности рабочих, приводятся факты, повествующие о трудовых победах коллективов предприятий. В них есть и яркие характеристики лучших производственников. Однако не все они написаны на одинаковом научном уровне. Авторам подчас не удалось освободиться от известных штампов и схематизма. А между тем характерная для содержания этих книг «перекличка» прошлого и настоящего требовала от авторов не только знания истории, но и определенного публицистического дарования.

О развитии Латвийского государственного морского пароходства, рижского, вентспилсского и лиепайского портов и судоремонтной промышленности рассказывается в сборнике статей «Порт приписки — Рига»¹²¹. Пока еще — это не история морского флота Советской Латвии, а лишь первые попытки очеркового описания ряда важных аспектов темы, лишь доступ к широкой разработке проблемы. В этой связи необходимо упомянуть статью А. А. Тылтыня¹²², в которой более подробно затронут ряд вопросов темы, в том числе вопрос

¹¹⁷ R. Deičs. «Rīgas Audums». Rīgā, 1957. 112 lpp.

¹¹⁸ D. Skromanis. RVR — revolucionāru cietoksnis. Rīgā, 1961. 191 lpp.; см. также: Д. А. Скроманис. Борьба рабочих Рижского вагоностроительного завода под руководством коммунистов за власть Советов и выполнение задач коммунистического строительства. Автореф. канд. дисс. Рига, 1963.

¹¹⁹ Tērauds un cilvēki. Liepājā, 1962. 203 lpp.; Сталь и люди. Лиепая, 1962. 222 стр.; Дважды рожденный. Лиепая, 1963. 264 стр.; Гавань Янтарного моря. Лиепая, 1963. 587 стр.

¹²⁰ В. Миранова-Шпаковская. К столетию завода «Метеор». — УчЗ РПИ, 13, 1964, стр. 119—146.

¹²¹ Порт приписки — Рига. Развитие морского транспорта Советской Латвии. Рига, 1961. 149 стр.; Pierakstīšanās osta — Rīga. Padomju Latvijas jūras transporta attīstība. Rīgā, 1961. 131 lpp.

¹²² А. А. Тылтынь. Морские порты Советской Латвии и перспективы их развития. — В кн.: Развитие народного хозяйства Латвийской ССР. Рига, 1961, стр. 187—197.

организации погрузочно-разгрузочных работ. Автор, подчеркивая значение латвийских портов во внешнеторговых связях и каботажных перевозках СССР, приводит интересные данные об их развитии (в том числе и об удельном весе морских портов Латвийской ССР в переработке грузов в портах Балтийского бассейна и др.). Создание же целостной работы по истории Латвийского государственного пароходства все еще остается делом будущего.

Некоторое освещение получили вопросы борьбы Коммунистической партии Латвии за технический прогресс в промышленности в период семилетки (1959—1965 гг.). В диссертации и статьях А. И. Пигозниса (Страутиня)¹²³, например, анализируется деятельность партийных организаций в области механизации, автоматизации и химизации производства, в укреплении содружества науки с производством и в повышении культурно-технического уровня рабочих, показывается, как шла подготовка партийных, хозяйственных и инженерно-технических кадров, как улучшался стиль их работы, повышался уровень научно-технической квалификации, а также подводятся предварительные итоги внедрения передового опыта в промышленности республики за годы семилетки.

Книги по истории Риги, Лиепая, Даугавпилса и Цесиса¹²⁴ конкретизируют представление об интенсивном городском строительстве, быстром развитии промышленности, торговли, культуры, науки и всего коммунального хозяйства этих городов за годы Советской власти.

¹²³ А. И. Страутинь. Борьба Коммунистической партии Латвии за технический прогресс в промышленности. (1959—1965 годы.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1965; А. Пигознис. Борьба Коммунистической партии Латвии за технический прогресс в промышленности в 1955 году. — УчЗ ЛатГУ, 50, 1963, стр. 208—226; А. И. Страутинь. Из опыта деятельности Коммунистической партии Латвии в области улучшения организаторской работы по развитию технического прогресса в промышленности республики. — УчЗАсп, 4, 1965, стр. 70—84.

¹²⁴ I. Pīnkšis, G. Freibergs, V. Lejiņš. *Revolucionārā Liepāja*. Rīgā, 1955. 266 lpp.; И. Пинкшис, Г. Фрейберг, В. Леинь. *Революционная Лиепая*. Рига, 1956. 292 стр.; J. Šteimanis, J. Muzikantiks, J. Pakalns. *Daugavpils senāk un tagad*. Rīgā, 1959. 106 lpp.; И. Штейман, Я. Музыкантик, Я. Пакалнс. *Даугавпилс в прошлом и настоящем*. Рига, 1959. 119 стр.; Cēsis senāk un tagad. Rīgā, 1960. 213 lpp.; Rīga. *Arpcerējumi par pilsētas vēsturi*. Rīgā, 1965. 279 lpp.; см. также: В. Лаздынь. Рига (экономико-географическая характеристика). Автореф. канд. дисс. Рига, 1956; Л. Я. Халифман. *Город Даугавпилс — крупнейший экономический центр Восточной Латвии*. Автореф. канд. дисс. Л., 1963. — Интерес историков в определенной степени привлекают также сведения о развитии пассажирского транспорта Риги, изложенные в диссертации М. А. Пориете: М. А. Пориете. *Пассажирский транспорт г. Риги и перспективы его развития*. Автореф. канд. дисс. Рига, 1955.

б) Формирование и развитие рабочего класса

В последние годы оживилась работа по изучению послевоенного периода истории рабочего класса Советской Латвии. В этой связи прежде всего следует отметить книгу А. М. Вейнберга «Рабочие Латвии на пути к коммунизму»¹²⁵, в которой акцентируется внимание на росте технической оснащенности и внедрении комплексной механизации и автоматизации на промышленных предприятиях республики и на качественных изменениях в рабочем классе. Автор приводит данные о составе рабочего класса Латвийской ССР и прослеживает рост его общеобразовательного и технического уровня. Правда, книга намного выиграла бы, если показатели в ней приводились бы не в процентном отношении, а в абсолютных цифрах. К тому же многоплановость изложения (автор затронул слишком большой круг вопросов, причем некоторые из них уже получили достаточное освещение в печати) затрудняет раскрытие основной темы книги.

Отдельные аспекты истории рабочего класса Латвийской ССР затрагиваются также в сборнике «Рост рабочего класса Латвийской ССР»¹²⁶, подготовленном кафедрой политической экономии Латвийского государственного университета им. П. Стучки. К сожалению, это один из самых слабых, наспех составленных сборников научных статей. К тому же его содержание не вполне отвечает названию. Например, трудно понять, какое отношение к росту рабочего класса Советской Латвии имеют статья О. Берзкална о бюджетах колхозников и статья В. Риксиса о развитии собственности рыболовецких колхозов.

Определенный шаг вперед в разработке данной темы сделала Л. Я. Зиле¹²⁷, в работах которой на основе новых данных детальнее освещаются такие вопросы, как источники

¹²⁵ A. Veinbergs. *Latvijas strādnieki ceļā uz komunismu*. Rīgā, 1964. 183 lpp.

¹²⁶ *Latvijas PSR strādnieku šķiras izaugsme. (1940.—1962.)* Rīgā, 1963. 100 lpp. (LVU ZR, 52); см. также содержательную статью: А. Ю. Бриедэ. О численности и квалификации промышленных рабочих Латвийской ССР в 1940—1961 гг. — В кн.: *Формирование и развитие современного рабочего класса. (1917—1961 гг.)* М., 1964, стр. 305—316. — Интересные материалы по этому вопросу приводятся также в статье: Г. А. Шаджюс. Промышленность и рабочий класс прибалтийских республик после восстановления Советской власти. (1940—1965 гг.) — *ИСССР*, 1966, 1, стр. 24—41.

¹²⁷ Л. Я. Зиле. Роль Коммунистической партии Латвии в формировании и развитии рабочего класса республики. (1940—1965 гг.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1965; Л. Я. Зиле. Роль Коммунистической партии Латвии в формировании советского рабочего класса республики. (1940—1950 гг.) — *ИАН ЛССР*, 1964, 10, стр. 3—12; Л. Я. Зиле. Развитие рабочего класса

пополнения рабочих кадров, количественный рост и качественные изменения состава рабочего класса Советской Латвии. На конкретном материале она показывает, как в результате промышленного развития Латвийской ССР и количественного роста ее рабочего класса изменилась социальная структура всего населения республики. Автор расширяет также представление о конкретной деятельности Коммунистической партии Латвии и прежде всего о работе партийных организаций крупнейших промышленных предприятий.

Зарождению и развитию движения за коммунистический труд посвящено несколько брошюр¹²⁸. Среди них наибольший интерес представляет брошюра Р. Трейса, в которой собрано и систематизировано фактического материала больше, чем в какой-либо иной опубликованной работе по данной теме.

Одной из первых попыталась обобщить опыт работы Коммунистической партии Латвии по организации и руководству движением за коммунистический труд на предприятиях республики С. И. Емельянова¹²⁹. В ее диссертации и статьях значительное место отводится борьбе участников движения за повышение производительности труда и технический прогресс в промышленности республики, за лучшую организацию труда и производства и повышение профессионально-технического и общеобразовательного уровня рабочих. Автор рассматривает

республики. — КСЛ, 1965, 3, стр. 8—15; Л. Я. Зиле. Формирование и развитие советского рабочего класса Латвии. (1940—1964 гг.) — УЧЗАсп, 4, 1965, стр. 20—36; L. Zīle. Strādnieku šķiras izaugsme Padomju Latvijā. Rīgā, 1967. 134 lpp.

¹²⁸ V. Andrejevs, J. Luščevskis. Komunistiskā darba brigādes. Rīgā, 1960. 95 lpp.; Nākotnes izlūki. Rīgā, 1960. 96 lpp.; V. Andrejevs. Septiņi — piecos! Rīgā, 1960. 71 lpp.; J. Motelis. Ne slavas un ne algas labad. Rīgā, 1960. 82 lpp.; B. Heimanis. Pa neizpētītām takām. Rīgā, 1961. 97 lpp.; A. Markons, A. Leitess. Komunistiskā darba uzņēmumos. Rīgā, 1961. 62 lpp.; R. Treijs. Komunistiskā darba kustība Padomju Latvijas uzņēmumos. (1958.—1961.) Rīgā, 1962. 123 lpp.

¹²⁹ С. И. Емельянова. Коммунистическая партия Латвии — организатор и руководитель движения за коммунистический труд в промышленности республики. (1958—1962 гг.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1963; С. И. Емельянова. Коммунистическая партия Латвии — организатор движения за коммунистический труд в промышленности республики. (1958—1962 гг.) — УЧЗ ЛатГУ, 50, 1963, стр. 275—298; С. И. Емельянова. Участники движения за коммунистический труд в борьбе за технический прогресс в промышленности республики. (1958—1962 гг.) — УЧЗАсп, 2, 1963, стр. 51—75; С. И. Емельянова. Воспитание нового человека в коллективах коммунистического труда. — ИАН ЛССР, 1963, 9, стр. 3—13; С. И. Емельянова. Деятельность участников движения за коммунистический труд по улучшению организации труда и производства в промышленности Латвийской ССР. (1958—1962 гг.) — УЧЗ ЛатГУ, 62, 1964, стр. 145—159.

становление нового человека в коллективах коммунистического труда.

В этой связи необходимо отметить также сборник статей «Труд и коммунистическое воспитание»¹³⁰, в котором на основе конкретно-социологических исследований нашли теоретическое освещение некоторые аспекты движения за коммунистический труд. В сборнике приводятся примеры воспитательного воздействия труда и трудового коллектива на каждого отдельного человека, а также данные о том, как с развитием движения за коммунистический труд улучшается организация труда, повышается технический уровень, устраняются выявленные недостатки.

Росту общеобразовательного и технического уровня рабочих в Латвийской ССР посвящено несколько работ, в том числе брошюра и статья Т. Вилциньша¹³¹. Весьма ценно, что в его работах, по существу впервые в историографии Латвии, эти вопросы рассматриваются не в обобщенном плане, а на основе широкого проведения конкретно-исторического и социологического анализа. Используя методику конкретно-социологических исследований, Т. Вилциньш предпринял в целом удачную попытку выявить степень воздействия ряда объективных и субъективных факторов на повышение общеобразовательного и культурно-технического уровня рабочих предприятий металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности Риги и пришел к заслуживающим внимания выводам.

Вообще следует отметить, что исследователям новейшего периода истории республики совершенно необходимо овладеть методикой конкретно-социологических исследований, так как им нередко приходится сталкиваться с еще не завершенными процессами и явлениями. Эта методика позволит историкам полнее и глубже понять процессы и явления современности, точнее определить тенденции ее дальнейшего развития, а также возникающие в связи с этим задачи и пути их решения. В этой связи нельзя пройти мимо последних работ Т. Вилциньша^{131а}, который первым из историков Советской Латвии обра-

¹³⁰ Труд и коммунистическое воспитание. Рига, 1964. 142 стр.

¹³¹ T. Vilciņš. Strādnieku vispārējās izglītības attīstība mūsdienās. — ZAVēst, 1964, 7, 27.—39. lpp.; T. Vilciņš. Rūpnīca un skola. Rīgā, 1965. 83 lpp.; см. также: A. Sprūģe. Padomju Latvijas strādnieku šķiras kultūras izaugsme. (No 1940.—1962. gadam). — LVU ZR, 52, 1963, 43.—68. lpp.

^{131а} Т. Вилциньш. Историко-социологические проблемы выбора трудового пути и профессии молодежью (на примерах Латвийской ССР). Автореф. канд. дисс. Рига, 1967; T. Vilciņš. Profesiju prestižs un daži tā veidošanās faktori mūsdienās. — ZAVēst, 1967, 9, 42.—58. lpp.; T. Vilciņš. Profesijas izvēles motīvi, to veidošanās īpatnības un likumsakarības mūsdienās. — ZAVēst, 1967, 11, 67.—81. lpp.; T. Vilciņš. Profesijas prestižs un profesiju izvēle mūsdienās. Vēsturiski-socioloģisks pētījums. Rīgā, 1968, 271 lpp.;

тился к методам конкретно-социологических исследований. Автор исследует комплекс проблем, связанных с историческими аспектами выбора трудового пути и профессии; он рассматривает изменения, которые произошли в историческом развитии мотивов выбора и престижа профессий в связи с построением социализма, показывает ряд противоречий и пути их возможного разрешения, анализирует условия социального, политического, демографического, экономического, биологического и географического порядка, которые в наши дни влияют на выбор трудового пути и профессии молодежью. При этом Т. Вилциньш решает проблемы исходя из тезиса о том, что профессия ярко отражает особенности и характерные черты общественного развития, что история профессий является одной из составных частей общеисторического процесса.

В исследованиях Т. Вилциньша наряду с архивными и статистическими данными, а также материалами прессы впервые в такой широкой степени используются как исторические источники результаты конкретно-социологических исследований, полученные с применением ряда методов математической статистики. Необходимая научная информация, полученная путем опросов, удачно сочеталась с данными текущих архивов учреждений, фондов ЦСУ Совета Министров Латвийской ССР, периодических изданий и других источников. К тому же собранная информация была обработана по предложенной автором системе анализа на электронно-вычислительной машине БЭСМ-2 Вычислительного центра Латвийского государственного университета им. П. Стучки. Работы Т. Вилциньша показали, что исследование актуальных вопросов современной истории, связанных с выявлением закономерностей и тенденций дальнейшего развития социалистического и коммунистического общества и разработкой на этой основе практических рекомендаций, необходимо вести с использованием новейшей научной методики и техники обработки информации. Историко-социологические исследования Т. Вилциньша по проблеме выбора трудового пути в определенных точках перекрещиваются с проблематикой философских, педагогических и экономико-географических изысканий и свидетельствуют о все возрастающей необходимости использования комплексного метода разработки актуальных вопросов современности, более смелого применения элементов исследовательской методики, характерной для ряда смежных наук.

T. Vilciņš. Darba un profesijas izvēle kā vēsturiski socioloģiska problēma. — ZAVēst, 1968, 3, 93.—108. lpp.; T. Vilciņš. Ģimene un profesiju izvēle. — Ģimene un skola, 1968, 4, 4.—5. lpp.

Вопрос о жизненном уровне трудящихся республики затрагивался в ряде работ латвийских экономистов и историков. Работ, специально посвященных этой проблеме¹³², опубликовано гораздо меньше, при этом большинство из них носит научно-популярный характер и, к сожалению, не производит впечатления завершенности. Таким образом, углубленная разработка данного вопроса все еще остается делом будущего.

От знаний, умения, политической зрелости и организационных способностей инженерно-технической интеллигенции во многом зависят научно-технический прогресс, широкое использование достижений науки и рост культурно-технического уровня рабочего класса. Вот почему в республике с каждым годом все больше и больше исследователей включается в разработку отдельных аспектов истории формирования советской интеллигенции. Так, в диссертации и статьях М. Е. Ашманис¹³³ прослеживается деятельность Коммунистической партии Латвии по подготовке и воспитанию инженерно-технической интеллигенции республики за 1956—1965 гг., рассматриваются социальные источники формирования этого отряда кадров, показана работа партийных организаций по развитию творческой и политической активности инженерно-технической интеллигенции.

Брошюра В. Бастакова и А. Димперана¹³⁴ является первой научно-популярной работой о деятельности профсоюзов Латвии за годы Советской власти. Эта брошюра довольно рельефно отражает степень изученности данной темы. Ее авторы рассказывают о движении за быстрее восстановление сельского хозяйства и промышленности республики после освобождения ее территории от немецко-фашистских захватчиков, приводят сведения о дальнейшем развитии народного хозяйства Советской Латвии, показывают роль профсоюзов

¹³² А. Prosandejevs. Dzīve iet augšup. Padomju Latvijas darbaļaužu labklājības pieaugums. Rīgā, 1960. 76 lpp.; P. Guļāns. Strādnieku materiālās labklājības pieaugums. — SocUzv., 1960, 131.—161. lpp.; П. В. Гулян. Повышение уровня жизни трудящихся Латвийской ССР. — Развитие народного хозяйства Латвийской ССР. Рига, 1961, стр. 377—414; П. В. Гулян. Повышение жизненного уровня трудящихся Латвийской ССР за годы Советской власти. — В кн.: Вопросы повышения уровня жизни трудящихся. Рига, 1961, стр. 19—38; Р. Сомс. Забота о благе народа. — КСЛ, 1967, 9, стр. 23—29.

¹³³ М. Е. Ашманис. Деятельность Коммунистической партии Латвии по подготовке и воспитанию инженерно-технической интеллигенции республики. (1956—1965 гг.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1967; М. Е. Ашманис. Деятельность Коммунистической партии Латвии по подготовке кадров инженерно-технической интеллигенции республики. (1956—1964 гг.) — УчЗасп, 4, 1965, стр. 85—96; М. Е. Ашманис, К. И. Мамаева. Социальные функции советской интеллигенции. — ИАН ЛССР, 1967, 1, стр. 12—21.

¹³⁴ В. Бастаков, А. Димперан. Профсоюзы Латвии в годы Советской власти. М., 1960. 144 стр.

в развертывании социалистического соревнования и движения за коммунистический труд в различные периоды социалистического и коммунистического строительства. Однако в брошюре почти не приводится примеров работы профсоюзных активистов, к тому же авторы нередко ограничиваются декларативными утверждениями, не подтверждая их фактическим материалом. В брошюре по сути дела нет анализа работы республиканской профорганизации. Правда, авторы упоминают о важнейших решениях Центрального совета и республиканских комитетов профсоюзов, но о том, как же конкретно работали профорганизации Латвийской ССР, мобилизуя трудящихся на выполнение больших производственных задач, они не рассказывают; мало и данных о численности профсоюзов Советской Латвии, их составе, значении того или иного отряда рабочего класса в профсоюзном движении. Почти ничего не говорится о недостатках в работе республиканской организации профсоюзов.

Более обстоятельно освещены историками республики отдельные аспекты данной темы. Так, в статьях и диссертации З. Кимене¹³⁵ на более широкой источниковедческой основе описываются мероприятия Коммунистической партии Латвии, направленные на повышение роли профсоюзов. Автор описывает развитие социалистического соревнования; работу постоянно действующих совещаний, движение рационализаторов и изобретателей в республике.

Об опыте партийных организаций республики по распространению научных и политических знаний рассказал в своих работах В. Н. Алексеев¹³⁶. Вопросам воспитания пропагандистов посвящены статья А. Витола и диссертация К. Сондора¹³⁷. Тема воспитания трудящихся и деятельности КПЛ

¹³⁵ З. Кимен. Мероприятия Коммунистической партии Латвии по повышению роли профсоюзов в управлении промышленностью и борьба за технический прогресс. (1956—1961 гг.) — УчЗ ЛатГУ, 50, 1963, стр. 227—247; З. Кимен. Вопросы трудового воспитания в деятельности партийных и профсоюзных организаций Латвийской ССР после XXII съезда КПСС. — УчЗ ЛатГУ, 62, 1964, стр. 197—213; З. П. Кимене. Деятельность Коммунистической партии Латвии по повышению роли профсоюзов в строительстве коммунизма. Автореф. канд. дисс. Рига, 1968.

¹³⁶ В. Н. Алексеев. Борьба Компартии Латвии за усиление руководства партийной пропагандой и повышение ее роли в современных условиях. (1959—1963 гг.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1964; В. Н. Алексеев. Борьба КП Латвии за массовую и действенную пропаганду экономических знаний. — УчЗ Асп, 2, 1963, стр. 23—50; В. Н. Алексеев. Развитие общественных начал в пропагандистской работе Компартии Латвии. — УчЗ ЛатГУ, 62, 1964, стр. 183—196.

¹³⁷ А. Витола. Из опыта КП Латвии по воспитанию пропагандистов в свете решений XX съезда КПСС. — УчЗ ЛатГУ, 62, 1964, стр. 164—181; К. Ф. Сондор. Коммунистическая партия Латвии — организатор и руко-

в этой области получила дальнейшее развитие в диссертации и статьях М. Г. Ашманиса¹³⁸.

Здесь уместно отметить, что качество сборников аспирантских работ, а также отдельных выпусков трудов кафедр общественных наук вузов республики все еще оставляет желать лучшего. Содержание сборников, несомненно, слишком пестро; при отборе материалов для них кафедры не всегда проявляют должную требовательность, безответственно рекомендуя к печати весьма слабые статьи. О недостаточном внимании к таким изданиям свидетельствует и тот факт, что в 1968 г. в Риге вышли два сборника под одним и тем же названием¹³⁹.

Деятельности Коммунистической партии Латвии по развитию общественных начал в работе местных Советов посвящены диссертация и статьи В. А. Горева¹⁴⁰. Автор предпринял попытку обобщить опыт работы общественных инспекторов и инструкторов при отделах и управлениях исполкомов местных Советов, различных общественных советов и комиссий, добровольных народных дружин и т. д.

Две диссертации и несколько статей посвящены созданию и развитию контрольных органов в Латвийской ССР¹⁴¹.

водитель марксистско-ленинского воспитания трудящихся. (1956—1965 гг.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1966; см. также: K. Sonders. Ekonomisko zināšanu propaganda Latvijas PSR partijas organizāciju politiskās izglītības sistēmā. (1956.—1964. g.) — AspZR, 4, 1965, 150.—166. lpp.; K. Sonders. Dažu masu propagandas darba formu attīstība Latvijas PSR pēc PSKP 20. kongresa. — AspZR, 5, 1967, 89.—97. lpp.

¹³⁸ М. Г. Ашманис. Деятельность Коммунистической партии Латвии по формированию научного мировоззрения трудящихся в 1959—1965 годах. Автореф. канд. дисс. Рига, 1968; М. Г. Ашманис. Распространение ленинских трудов в Латвии. — КСЛ, 1960, 4, стр. 35—42; М. Г. Ашманис. Формирование научного мировоззрения в системе партийного просвещения в Латвийской ССР. — В кн.: Проблемы формирования научного мировоззрения. Рига, 1967, стр. 123—156.

¹³⁹ Годы борьбы и побед. Труды кафедр общественных наук высших учебных заведений. Рига, 1968. 120 стр.; Годы борьбы и побед (из истории Коммунистической партии Латвии). Сборник статей аспирантов кафедры истории КПСС Латвийского ордена Трудового Красного знамени государственного университета им. П. Стучки. Рига, 1968. 124 стр. (ротапринт).

¹⁴⁰ В. А. Горев. Борьба Коммунистической партии Латвии за повышение роли общественности в работе местных Советов. (1959—1963 гг.) Автореф. канд. дисс. Рига, 1965; В. А. Горев. Работа партийной организации г. Даугавпилса по руководству народными дружинами. — УчЗАсп, 2, 1963, стр. 93—116; В. А. Горев. Работа партийной организации г. Даугавпилса по развитию общественной самостоятельности трудящихся в области партийно-государственного контроля. — УчЗАсп, 4, 1965, стр. 110—122; V. Gorevs. Sabiedrisko principu attīstība kultūras darbā. — Grām.: Rītdienu kaldinām šodien. Rīgā, 1965, 64.—86. lpp.

¹⁴¹ А. Я. Андриксон. Восстановление и дальнейшее развитие ленинских принципов партийно-государственного контроля в социально-культурных учреждениях Латвийской ССР. Автореф. канд. дисс. Рига, 1965;

Их авторы — А. Я. Андриксон и Э. А. Мелькисис — на местном материале показывают, как в соответствии с конкретно-историческими условиями жизни советского общества изменялись формы организации и деятельности государственного контроля, прослеживают развитие организационно-правовых форм народного контроля, подчеркивают значительность изменений в организации контроля, внесенных созданием системы партийно-государственного контроля.

Вопросы развития советской государственности в Латвийской ССР освещены в книге В. О. Миллера¹⁴², в которой более обстоятельно рассматривается деятельность сельских и уездных исполкомов в первые послевоенные годы, организация выборов в Верховный Совет Латвийской ССР и местные органы государственной власти, характеризуется деятельность Верховного Совета и Совета Министров республики. Автор шаг за шагом прослеживает расширение прав местных органов с середины 50-х годов. На примере Латвийской ССР он показывает, как решения XX съезда КПСС открыли перспективы для развертывания инициативы и творческой активности союзных республик в хозяйственном, государственном и культурном строительстве, как они способствовали подъему всего народного хозяйства. С большей схематичностью в книге рассмотрены вопросы, связанные со сложной теоретической проблемой перерастания социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление. В заключение В. О. Миллер показывает, как коренные перемены в социально-экономической жизни республики, осуществленные трудящимися под руководством Коммунистической партии, нашли законодательное закрепление в юридических документах и прежде всего в изменениях и дополнениях к тексту Конституции Латвийской ССР.

А. Андриксон. Из истории государственного контроля Советской Латвии в 1919 году. — ИАН ЛССР, 1965, 5, стр. 37—44; Э. А. Мелькисис. Развитие организационно-правовых форм народного контроля в Латвийской ССР. Автореф. канд. дисс. Рига, 1967; Э. А. Мелькисис. Партийно-государственный контроль — действенное оружие вовлечения широких народных масс в управление делами государства (по материалам Латвийской ССР). — УчЗ ЛатГУ, 64, 1964, стр. 77—91; Э. А. Мелькисис. Создание и деятельность органов государственного контроля в 1940—1941 годах в Латвии. — ИАН ЛССР, 1965, 9, стр. 3—10; Э. А. Мелькисис. П. И. Стучка о роли и значении контроля в Советском государстве. — В кн.: О теоретическом наследии П. Стучки в советской правовой науке. Рига, 1965, стр. 99—105.

¹⁴² В. О. Миллер. Развитие советской государственности в Латвии. М., 1961. 176 стр.; см. также: Очерки развития государственности советских прибалтийских республик. (1940—1965 гг.) Таллин, 1965. 243 стр., где о Латвийской ССР писали В. О. Миллер, Г. Я. Клява, Э. Я. Стумбина, Б. К. Шкапаре, Э. А. Мелькисис.

Значительная часть диссертации и монографии Л. К. Бирзини¹⁴³ посвящена анализу деятельности местных Советов республики после окончания войны. Отмечая значение XX съезда КПСС в развитии советской демократии, Л. К. Бирзинь на новом фактическом материале показывает, как местные Советы активизировали свою работу, шире развернули производство на базе местного сырья, комплексно стали развивать экономику районов, городов и поселков, повысили оперативность и конкретность в руководстве. Весьма ценно, что исследование развития местных Советов Латвийской ССР автор ведет в плане общей исторической периодизации развития Советского государства, принятой в исторической и правовой науке, с учетом особенностей, присущих развитию Латвийской ССР.

Внимание историков привлекают также диссертационные работы Я. Стумбиной, В. Калнынь, Э. Иостсона¹⁴⁴. В первой из этих диссертаций освещается история суда Советской Латвии, во второй затрагиваются вопросы возникновения и развития государства и права Латвийской ССР, в третьей рассказывается, как под руководством Коммунистической партии и при участии широких трудящихся масс Президиум Верховного Совета Латвийской ССР осуществлял важные мероприятия по дальнейшему развитию и укреплению местных органов власти в республике. Появилась и публикация «Конституционные акты Советской власти в Латвии»¹⁴⁵, в третью часть которой вошли важнейшие законы и постановления Верховного Совета Латвийской ССР, принятые до июня 1957 г.

Из вышесказанного очевидно, что дальнейшая разработка темы требует расширения источниковедческой базы исследований, более глубокого анализа сложного механизма перестройки государственных органов, перераспределения полномочий между местными и центральными организациями. Иными словами говоря, предстоит серьезно повысить научный уровень работ, прежде всего сосредоточив внимание на усилении их творческой стороны.

¹⁴³ L. Birziņa. Latvijas PSR vietējo padomju attīstība. Rīgā, 1960. 219 lpp.; Л. К. Бирзинь. Развитие местных Советов Латвийской ССР. Автореф. канд. дисс. М., 1961.

¹⁴⁴ Э. Я. Стумбина. История суда Советской Латвии. Автореф. канд. дисс. Рига, 1958; В. Е. Калнынь. История государства и права Советской Латвии. Автореф. канд. дисс. Рига, 1954; Э. А. Иостсон. Роль Президиума Верховного Совета Латвийской ССР в укреплении Советской власти в Советской Латвии (25 VIII 1940 г. — 25 VIII 1952 г.). Автореф. канд. дисс. Рига, 1954.

¹⁴⁵ Padomju varas konstitucionālie akti Latvijā. (1917.—1957.) Rīgā, 1957. 417 lpp.

в) Развитие народного образования, культуры и науки

Широкое поле деятельности для исследователей представляет история культурной революции. Наряду с индустриализацией страны и коллективизацией сельского хозяйства культурная революция является одним из главных звеньев ленинского плана построения социализма. История культурного строительства — это история острой и упорной борьбы коммунистической идеологии против идеологии буржуазной. Отсюда вытекает научная значимость и политическая важность изучения данной проблемы. Исследователи культурного строительства призваны внести достойный вклад в благородное дело коммунистического воспитания народа и особенно молодежи. Итоги разработки истории культурного строительства в республике обобщены прежде всего в третьем томе «Истории Латвийской ССР», а также в сокращенном курсе.

В послевоенный период о культурной революции было издано несколько специальных работ, среди которых как особо значительное отметим исследование Я. П. Острова¹⁴⁶. В нем в общих чертах выясняются сущность и особенности культурного строительства в Латвийской ССР, вскрывается значение дружбы между народами нашей Родины, рассказывается об успехах, достигнутых за годы Советской власти в системе народного образования, науке, литературе и искусстве. Автор показывает, что строительство советской культуры в Латвийской ССР, как и в других частях страны, шло в теснейшем взаимодействии с коренными социально-экономическими преобразованиями. Подъем культурного уровня народа, создание кадров новой интеллигенции, прогресс науки, искусства и литературы в республике, в свою очередь, оказывали существенное воздействие на ее экономическое развитие. При этом культурная революция развивалась при непосредственном участии в ней широких масс рабочих и крестьян, которыми руководила Коммунистическая партия. И хотя книга написана на основе главным образом уже известных специалистам материалов, она тем не менее играла несомненно положительную роль в политическом воспитании интеллигенции республики.

Истории развития народного образования в Латвии посвящены работа Р. М. Микельсона «20 лет школы Советской Латвии»¹⁴⁷ и содержательная статья Э. Андерсоне¹⁴⁸. За годы Советской власти система высшего образования в СССР

¹⁴⁶ J. Ostrovs. Kultūras revolūcija Latvijā. Rīgā, 1960. 360 lpp.; см. также: Я. Г. Остров. Расцвет социалистической культуры в Латвии. — КСЛ, 1960, 7, стр. 19—25.

¹⁴⁷ R. Miķelsons. Padomju Latvijas skolu 20 gadi. Rīgā, 1960. 149 lpp.; см. также: Р. М. Микельсон. Развитие школы и педагогической

стала одной из самых совершенных в мире; об этом свидетельствуют достижения отечественной науки и техники. Поэтому не случаен интерес, который проявляют исследователи к истории высшего образования в Латвийской ССР. В этой связи необходимо отметить выход в свет нескольких книг, посвященных истории известного высшего учебного заведения республики — Латвийского государственного университета им. П. Стучки — и подготовленных преподавателями этого вуза¹⁴⁹.

Советская интеллигенция — страстный пропагандист коммунистической идеологии на международной арене. Она завоевывает сердца и умы тех, кому дороги интересы мира, науки и прогресса. Культурным связям Латвийской ССР с зарубежными странами посвящена брошюра Е. Бирона «Будем друзьями»¹⁵⁰. Ценность этой работы состоит в том, что автору удалось с достаточной полнотой осветить этот яркий, но, к сожалению, еще слабо изученный раздел истории советской культуры. В брошюре приводится много новых материалов, и к ней одинаковый интерес проявляют как широкий круг читателей, так и исследователи истории культурного строительства.

Значительных успехов за годы Советской власти добились научно-исследовательские центры республики. Об этом рассказывает серия статей, брошюр и книг, среди которых наибольший интерес представляют печатные выступления президентов Академии наук Латвийской ССР Я. В. Пейве и К. К. Плауде.¹⁵¹

Книга Я. В. Пейве — первая попытка обобщающего освещения темы — содержит также целый ряд коротких отчетов руководителей важнейших научно-исследовательских

мысли в Латвийской ССР в послевоенные годы. — Советская педагогика, 1967, 6, стр. 21—27; Просвещение, наука и культура Советской Латвии за 27 лет. — КСЛ, 1967, 7, стр. 86—88.

¹⁴⁸ E. Andersone. Padomju Latvijas skolu attīstība. — SocUzv, 1960, 131.—161. lpp.

¹⁴⁹ Pēteris Stučka Latvijas Valsts universitāte 40 gadus (1919.—1959.). Rīgā, 1959. 456 lpp.; Pēteris Stučka Latvijas Valsts universitātei 50 gadi. Rīgā, 1969. 358 lpp.; В. А. Штейнберг, Я. П. Пориев. 50-летие Латвийского государственного университета имени Петра Стучки. Рига, 1969. 64 стр.

¹⁵⁰ J. Bīrons. Būsim draugi! Latvijas PSR kultūras sakari ar ārzemēm. Rīgā, 1962. 80 lpp.; см. также: J. Bīrons. Kultūras sakari tuvina tautas. — Grām.: Rītdienu kaldinām šodien. Rīgā, 1965, 125.—142. lpp.

¹⁵¹ J. Peive. Zinātnes sasniegumi Padomju Latvijā. 1940.—1960. Rīgā, 1960. 192 lpp.; К. Плауде. Основные итоги научной деятельности Академии наук Латвийской ССР за 1966 год и очередные задачи. — ИАН ЛССР, 1967, 4, стр. 15—29; К. К. Плауде. Труд ученых Латвии. — ИАН ЛССР, 1967, 11, стр. 21—24; см. также: X лет работы Академии наук Латвийской ССР. (1946—1956.) Рига, 1956. 215 стр.

учреждений, поэтому живое изложение темы зачастую подменяется простым подведением итогов и перечислением опубликованных работ. К сожалению, в книге не нашла отражения деятельность такого научного центра, как Институт истории партии при ЦК КПЛ.

Культурное строительство рассматривается также в одной диссертации и нескольких статьях¹⁵². Успехи здравоохранения Советской Латвии освещаются в ряде брошюр и книг¹⁵³.

В результате ликвидации эксплуататорских классов, социалистического преобразования экономики Латвийской ССР и расцвета национальной социалистической культуры латышского народа сформировалась новая, социалистическая латышская нация, коренным образом отличающаяся от старой, буржуазной латышской нации как по своему классовому составу и духовному облику, так и по своим социально-политическим интересам и стремлениям. Проблеме формирования латышской социалистической нации посвятили свои работы К. Страздинь и Д. Шмидре¹⁵⁴. Особое внимание историческим связям латышского и русского народов уделит В. И. Савченко¹⁵⁵.

Со второй половины 50-х годов несколько оживилась работа по публикации статистических материалов: вышел из печати ряд статистических сборников, в которых содержатся данные, характеризующие развитие народного хозяйства и культуры Латвийской ССР за годы Советской власти, а также приводятся основные итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.¹⁵⁶

¹⁵² Н. И. Жемчужина. Борьба Коммунистической партии Латвии за культурное строительство в республике (1946—1950 гг.). Автореф. канд. дисс. Л., 1953; V. Kalpiņš. Kultūras uzplaukums Latvijā. — BaltPadR, 5, 3. — 23. lpp.

¹⁵³ F. Grigorašs, K. Ārons. Padomju Latvijas veselības aizsardzības 20 gadi, Rīgā, 1960. 100 lpp.; Г. К. Васильев, Ф. Ф. Григораш и А. А. Краус. Материалы по истории медицины и здравоохранения Латвии. Рига, 1959. 360 стр.; Г. К. Васильев, Ф. Ф. Григораш. Очерки истории медицины и здравоохранения Латвии. М., 1964. 218 стр.; см. также сборники статей: Из истории медицины, 1—6. Рига, 1957—1964.

¹⁵⁴ K. Strazdiņš. Par latviešu sociālistiskās nācijas izveidošanos. — Grām.: Cīņa par Padomju varu Latvijā. Rīgā, 1955. 169.—185. lpp.; K. Strazdiņš. Latviešu sociālistiskā nācija. Rīgā, 1961. 107 lpp.; К. Страздинь. Формирование латышской социалистической нации. — В кн.: Формирование социалистических наций в СССР. М., 1962, стр. 451—489; Д. Шмидре. Латышская социалистическая нация в братской семье советских народов. — КСЛ, 1963, 8, стр. 53—58.

¹⁵⁵ В. И. Савченко. Исторические связи латышского и русского народов. Рига, 1959. 139 стр.; V. Savčenko. Jauns posms nacionālo attiecību attīstībā. Rīgā, 1962. 132 lpp.

¹⁵⁶ Latvijas PSR tautas saimniecība. Rīgā, 1957. 230 lpp.; Latvijas Padomju Sociālistiskās Republikas statistiskais atlants. Rīgā, 1960. 41 lpp.; ar kart., 40 lapas diagr.; Padomju Latvijas tautas saimniecība 20. gados. Rīgā,

Итак, первые шаги в освещении истории культурного строительства в Советской Латвии сделаны. Впереди упорная и кропотливая работа по изучению целого комплекса вопросов этой большой проблемы, а именно: предстоит осветить вопросы взаимообогащения национальных культур, роста интернациональных элементов в культуре латышского народа, показать такое важное звено многогранной культурно-просветительной деятельности, как антирелигиозная работа в массах, которая, к сожалению, в республике еще не стала предметом исторического исследования, и т. д., а также по созданию глубоких, синтетических исследований.

г) Этнографические исследования проблем современности

Более скромные, но тем не менее достаточно важные результаты достигнуты при этнографическом исследовании проблем современности. Основными вопросами, на которых сосредоточили свое внимание этнографы, были культура и быт латышского колхозного крестьянства, а в последнее время — также культура и быт рабочих. В итоге вышел в свет ряд работ научно-исследовательского характера.

В этой связи нельзя не отметить исследование московского этнографа Л. Н. Терентьевой¹⁵⁷, которое явилось первой серьезной попыткой дать широкое представление о культуре и быте латышского колхозного крестьянства. Проследивая изменения в экономике и быту колхозников Екабпилсского района на фоне большого исторического экскурса в прошлое, автор впервые в историографии столь обстоятельно показывает, как на базе новых экономических и общественных отношений изменился облик латышской деревни. На основе нового, в основном

1960. 311 lpp.; Latvijas PSR tautas saimniecības attīstība. Rīgā, 1962. 374 lpp.; Latvijas PSR tirdzniecības attīstība. Rīgā, 1957. 144 lpp.; Latvijas PSR prese. 1940.—1956. Rīgā, 1958. 124 lpp.; Padomju Latvija skaitļos. Rīgā, 1965. 400 lpp.; Советская Латвия за 25 лет. Краткий стат. сб. Рига, 1965. 274 стр.; Латвийская ССР в цифрах в 1960 году. Рига, 1961. 344 стр.; Латвийская ССР в цифрах в 1961 году. Рига, 1962. 199 стр.; Латвийская ССР в цифрах в 1962 году. Рига, 1963. 212 стр.; Рига. Стат. сб. Рига, 1963. 299 стр.; Latvijas PSR kultūras celtniecība. Rīgā, 1957. 172 lpp.; Латвия за годы Советской власти. Стат. сб. Рига, 1967. 403 стр.; Padomju Latvijas ekonomika un kultūra. Statistiskā ziņu krājums. Rīgā, 1967. 508 lpp.; Печать и культурно-просветительные учреждения Латвийской ССР. Стат. сб. Рига, 1967. 179 стр.; Сельское хозяйство Латвийской ССР. Стат. сб. Рига, 1967. 532 стр.; Краткий статистический сборник по городу Риге. Рига, 1967. 163 стр.

¹⁵⁷ Л. Н. Терентьева. Колхозное крестьянство Латвии. (Историографическая монография по материалам колхозов Екабпилсского района Латв. ССР.) М., 1960. 371 стр.

лично собранного этнографического материала, Л. Н. Терентьева расширяет представления прежде всего о материальной культуре (поселениях, жилищах, пище, одежде), а затем и семейном быте крестьянства. Среди сложных вопросов, впервые поставленных автором, следует отметить описание организации первых колхозов на территории района, первых шагов колхозного строительства и показ постепенного изменения сознания латышского крестьянина под влиянием коренной перестройки социально-экономической основы деревни.

На примере рыболовческих колхозов Валмиерского района «Энкурс», «Бривайс вилнис» и «Брива кайя» вопрос культуры и быта колхозников в историко-этнографическом аспекте освещает Л. С. Ефремова¹⁵⁸. Применяя сравнительный метод, она акцентирует внимание на тех сдвигах, которые произошли в положении, семейном быте и культуре широких слоев рыбаков в связи с установлением Советской власти: ликвидировано социальное неравенство в среде рыбаков, семья рыбаков потеряла свой былой производственный характер, полностью изжит обычай заключения контрактов по содержанию нетрудоспособных стариков-родителей, исчезли бывшая сословность браков и браки с большой возрастной разницей супругов и т. д.

В статье Э. Чивкуле¹⁵⁹, разработанной на материалах Гулбенского района, приводятся конкретные сведения о распространении новых традиций и становлении новых форм быта; материалы этой статьи прекрасно свидетельствуют о том, что колхозный строй принес в латышскую деревню не только новую технику труда, но и новый социалистический уклад жизни.

А. К. Крастынь¹⁶⁰ на новом материале прослеживает ход строительства общественных зданий и индивидуальных жилых домов, показывает, как в латышской деревне все чаще появляются постройки, считавшиеся ранее нехарактерными для села, — многоквартирные жилые дома, клубы, механические мастерские, гаражи, столовые. Автор дает также ряд практических рекомендаций по улучшению жилищного строительства, освещает вопросы внутреннего убранства жилья и прослеживает наиболее типичные тенденции в изменении планировки старых жилых домов. Вообще, в статьях А. К. Крастынь изуче-

¹⁵⁸ Л. С. Ефремова. Некоторые итоги этнографического изучения колхозников-рыбаков Видземе — СЭ, 1960, 3, стр. 65—74; L. Jefremova. Kultūra un sadzīve Vidzemes zvejnieku kolhozos. — AE, 5, 1961, 261.—302. lpp.

¹⁵⁹ E. Čivkule. Jaunas iezīmes Gulbenes rajona kolhoznieku dzīvē. — AE, 4, 1962, 67.—75. lpp.

¹⁶⁰ А. К. Крастынь. О строительстве жилых домов колхозников в Латвийской ССР. — СЭ, 1960, 3, стр. 52—64; A. K. Krastiņa. Lauku celtniecības veidošanās Gulbenes rajonā. — AE, 4, 1962, 77.—109. lpp.

ние традиционного этнографического материала удачно сочетается с исследованием новых элементов и этнографических явлений, еще только входящих в быт современного населения латышской деревни. Однако автору не удалось сохранить целенаправленность чисто этнографического подхода, а в отдельных местах избежать некоторой декларативности.

Явный прогресс наметился в исследовании одежды латвийских колхозников, особенно вопросов внедрения одежды городского типа и степени сохранения традиций народного костюма¹⁶¹. Некоторые наблюдения (правда, частного порядка) сделала А. Алсупе¹⁶² о современном сельском ткачестве. Установив, что в латвийской деревне до сих пор в отдельных случаях используются ручные ткацкие станы, она отмечает самостоятельный характер и прикладное значение современного ткачества и рассказывает об объединении ткачей в кружки, задачей которых является продолжение и развитие лучших традиций латышского прикладного искусства в соответствии с требованиями социалистической действительности.

В последнее время начато изучение темы «Быт и традиции латышей в Советском Союзе в 20—30-х годах XX в.». Как известно, эта тема в советской исторической литературе долгие годы не освещалась и лишь после XX съезда КПСС были сделаны первые шаги в ее изучении. Отметив, что в эти годы около одной десятой части латышского народа жило и трудилось в братской семье советских народов — в Стране Советов, Дз. Виксна¹⁶³ систематизировала материалы и впервые в послевоенной историографии рассказала о деятельности сети латышских общеобразовательных школ, педагогических и сельскохозяйственных училищ, рабфака и латышской секции при КУНМЗе. Она осветила также работу издательства «Прометей», рассказала об издании газет и журналов на латышском языке, политической и художественной литературы и учебников для латышских школ. На новом, нередко впервые введенном в научный оборот материале автор показал, как в среде латышских трудящихся рождались новые советские традиции, связанные с развитием всего советского общества, как латыши принимали участие в праздновании знаменательных дат, отмечали трудовые подвиги и достижения, как они регулярно

¹⁶¹ M. Slava. Zemnieku apģērbs Gulbenes rajonā. — AE, 4, 1962, 110.—136. lpp.

¹⁶² A. Alsupē. Mājaušana Gulbenes rajona teritorijā. — AE, 4, 1962, 137.—148. lpp.

¹⁶³ Дз. Виксна. Латышская советская культура в Советском Союзе в 20—30-х годах. Автореф. канд. дисс. Рига, 1967; Dz. Viksne. Par latviešu dzīves veidu un tradīcijām Padomju Savienībā XX gs. 20.—30. gados. — AE, 8, 1968, 189.—196. lpp.

30 мая каждого года отмечали день латышских стрелков. С меньшей тщательностью прослежены изменения внутрисемейных отношений, состава семей и семейных традиций.

В этой связи следует отметить, что предпринята также первая попытка этнографического исследования процесса формирования социалистических трудовых отношений в Латвии в 1940—1941 гг.¹⁶⁴ На кропотливо собранном из различных источников фактическом материале Л. Думпе показывает возникновение нового отношения к труду, прослеживает рост сознательности трудящихся. Однако она не избежала явных преувеличений, к тому же ее статья явилась несомненным свидетельством необходимости совершенствования методики этнографического изучения современности и внедрения математических методов исследования.

Все еще весьма скромнен вклад латвийских этнографов в исследование быта рабочих. Некоторые вопросы производственного быта рабочих Даугавпилсского локомотиворемонтного завода поставлены в статье С. Цимерманиса¹⁶⁵. Однако в этой работе, к сожалению, ощутим налет приглагоженности и декларативности. С этнографической точки зрения, пожалуй, наиболее ценными представляются страницы, посвященные описанию новых советских трудовых традиций, проведения дня молодого токаря и молодого фрезеровщика, конкурса рационализаторов, торжественных проводов на пенсию ветеранов труда и т. д. В то же время статья подтверждает мысль о необходимости серьезного совершенствования исследовательской методики и усиления этнографического аспекта исследования.

В изучение новых трудовых традиций внесла свою лепту группа исследователей. Так, в статье А. Бреде¹⁶⁶ последовательно проводится мысль о том, что трудовые праздники в период построения социализма развивались главным образом на базе существовавших ранее традиционных праздников, сохраняя при этом прогрессивные элементы и первоначальную форму, но наполняясь новым, социалистическим содержанием. Автор подразделяет их на две большие группы: к первой он относит трудовые праздники, имеющие древнее происхождение (праздники урожая, завершения посева и т. п.), ко второй — новые трудовые праздники: дни рабочих и колхозников определенных

¹⁶⁴ L. Dumpe. Sociālistisko darba attieksmju veidošanās Latvijā 1940.—1941. gadā. — AE, 6, 1964, 181.—191. lpp.

¹⁶⁵ S. Cimermanis. Jauno darba un sadzīves tradīciju attīstība Latvijā. — AE, 6, 1964, 225.—253. lpp.

¹⁶⁶ A. Brēde. Padomju darba svētku tradīcijas Latvijā. (1940.—1963.) — AE, 6, 1964, 193.—206. lpp.

специальностей, слеты передовиков. Некоторые дополнительные сведения о новых школьных традициях содержатся в статье Р. Фишера и Б. Юшкевича¹⁶⁷.

С каждым годом все большее значение приобретает исследование вопроса о взаимовлиянии национальных культур. Некоторых предпосылок и форм взаимовлияния русской и латышской духовной культуры на современном этапе и проявлений этого влияния в жизни населения Советской Латвии касается статья Л. Думпе¹⁶⁸. Она рассказывает о формах культурных связей Латвийской ССР и РСФСР, о переводах и издании литературы братских народов, обмене периодическими изданиями, выставками изобразительного искусства и кинофильмами, о гастролях театральных коллективов и солистов и т. д. Автор использовал архивные документы, статистические материалы, периодику и результаты конкретно-социологических исследований. В итоге статья насыщена новыми конкретными сведениями.

В заключение можно сказать, что этнографическое изучение проблем современности (производственной деятельности, материальной и духовной культуры, семейного быта населения Латвии социалистического периода), несмотря на некоторые успехи, все еще находится в стадии разработки исследовательской методики. Этнографами Латвии сделаны лишь первые шаги по исследованию этой эпохи, главным образом в области изучения материальной культуры и быта сельского населения. А ведь общеизвестно, что выявление закономерностей развития культуры и быта трудящихся имеет не только теоретическое, но и немалое практическое значение. Некоторый вклад в исследование этих вопросов внесли подготовленные за последнее время этнографами Советской Латвии обобщающие труды. Среди них необходимо отметить работу «Латыши» в многотомной серии «Народы мира»¹⁶⁹ и особенно первый в советской историографии систематический курс «Латышская этнография»¹⁷⁰. В этих трудах впервые в советской этнографической литературе сделана попытка комплексного изучения целого круга этнографических проблем современности, дана, правда все еще обобщенная, характеристика сложных этнических процессов, показана роль города в развитии народного быта и культуры, достаточно широко отражена материальная и духовная культура сельского

¹⁶⁷ R. Fišers un B. Juškevičs. Padomju sadzīves tradīciju attīstība Latvijā. — AE, 6, 1964, 207.—223. lpp.

¹⁶⁸ L. Dumpe. Daži latviešu un krievu garīgās kultūras jautājumi sociālisma un komunisma celtniecības periodā. — AE, 8, 1968, 197.—214. lpp.

¹⁶⁹ Латыши. — В кн.: Народы Европейской части СССР, 2. (Народы мира. Этнографические очерки). М., 1965, стр. 109—201.

¹⁷⁰ Latviešu etnogrāfija. Rīgā, 1969, 429.—557. lpp.

населения. Здесь первостепенное значение принадлежит исследованиям Ю. Васильева о развитии латвийских городов, Е. Витолина и З. Балевича об эволюции духовной культуры. Однако глава «Латышской этнографии», посвященная социалистическому периоду, все еще отражает некоторые неясности методического характера, а подчас и свидетельствует о недостаточно глубокой изученности отдельных (нередко весьма важных) аспектов данной проблемы. Так, отсутствие систематических исследований ощутимо сказалось на разработке темы формирования новых советских традиций, общественного и семейного быта городского населения и т. д.

В этой связи следует упомянуть исследование П. П. Кампарса и Н. М. Заковича о советской гражданской обрядности¹⁷¹, в котором затрагиваются также отдельные вопросы формирования новых традиций в Советской Латвии, в том числе проблемы соотношения современного и традиционного, национального и интернационального в советской гражданской обрядности. Подробнее, чем где бы то ни было, авторы охарактеризовали сущность латышского народного праздника «Лиго», а также дали ряд практических рекомендаций по использованию опыта внедрения новой советской обрядности. В этой работе в большей мере, чем в рассмотренных статьях этнографического характера, проявляется тенденция к теоретическому осмыслению накопленного фактического материала. И тем не менее авторы не сумели избежать известной декларативности и иллюстративности; поставленные ими вопросы требуют дальнейшего, более глубокого и широкого изучения.

Из краткого обзора, изложенного на этих страницах, видно, что именно последние десять лет были самым интенсивным периодом в изучении послевоенной истории Латвийской ССР, причем процессы исторического развития, протекающие в республике после Великой Отечественной войны, изучают как профессиональные ученые — экономисты, юристы и историки, так и политические и общественные деятели, а также специалисты других отраслей народного хозяйства. Следует отметить, что отдельные проблемы послевоенной истории Латвийской ССР изучены неодинаково: если, например, вопросы развития промышленности республики в целом рассмотрены довольно подробно, то такие вопросы, как история колхозного строительства, история отдельных предприятий, деятельность сельских партийных организаций, идеологическая работа в деревне, пока еще изучены весьма слабо.

¹⁷¹ П. П. Кампарс, Н. М. Закович. Советская гражданская обрядность. М., 1967. 256 стр.

В этой связи следует еще заметить, что работы, написанные до 1953 г., обычно опираются на явно недостаточную источниковедческую базу, так как многие источники в то время были для авторов недоступны. В этих работах ощутимо и влияние тенденциозности, причем некоторые из них представляют собой трафаретные схемы, страдают компилятивностью и ничего нового в науку не вносят. После XX съезда КПСС историки республики проделали большую работу по повышению научного уровня своей продукции. Но многое еще предстоит сделать, так как и сегодня среди работ, посвященных послевоенному периоду истории Латвийской ССР, мало таких исследований, в которых поставленные проблемы решались бы глубоко и на широкой источниковедческой базе. Самая неотложная задача историков Советской Латвии — написать обобщающий труд по послевоенной истории Коммунистической партии Латвии, в котором глубоко и всесторонне раскрывалась бы мобилизующая и руководящая роль Коммунистической партии. Необходимо в самое ближайшее время подготовить подытоживающие работы по истории коллективизации и колхозного крестьянства, причем в значительной мере следует усовершенствовать методику и технику исследований, усилить творческий момент, акцентируя внимание прежде всего отнюдь не на количестве выпускаемых работ, а на их качестве, — чтобы они имели значение как научно-познавательные источники и средства воспитания, чтобы они были политически актуальны и действенны и при этом имели бы и литературные достоинства.

Таким образом, историки Советской Латвии совместно с экономистами уже заложили первые камни в фундамент изучения истории республики послевоенного периода. И тем не менее они по-прежнему в долгу перед обществом — ведь исторические решения съездов КПСС поставили перед историками ряд неотложных задач, важнейшей среди которых является написание научной истории современности. Поэтому в ближайшем будущем необходимо подготовить обобщающий труд, который стал бы настольной книгой для тысяч и тысяч трудящихся, труд, широко освещающий наше замечательное сегодня и способствующий мобилизации народных масс на претворение в жизнь грандиозной программы построения коммунистического общества. Во весь рост встает задача подготовки к печати небольших по объему, но серьезных по содержанию и методике исследований, аналитических работ, посвященных отдельным проблемам послевоенной истории республики. В этой связи необходимо серьезное внимание обратить также на качество диссертаций, посвященных тематике послевоенной истории КПЛ.

XIV. РАБОТЫ ПО ИСТОРИОГРАФИИ ЛАТВИИ

1. В. И. ЛЕНИН И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛАТВИИ

Трудящиеся Советской Латвии горды тем, что латышский пролетариат вместе с рабочим классом всей России боролся против гнета царизма, помещиков и капиталистов под руководством партии, которую возглавлял В. И. Ленин. Поэтому общественность республики с интересом встречает каждую работу, в которой освещаются связи В. И. Ленина с латышскими революционерами, ленинские оценки революционного движения в Латвии и распространение ленинских работ на латышском языке.

Еще в 20-х годах выдающиеся деятели революционного движения в Латвии П. Стучка, Ю. Данишевский, Я. Берзинь-Зиемелис и другие в своих воспоминаниях дали общую оценку влияния ленинских идей на развитие всей революционной борьбы латышского пролетариата и крестьянства и рассказали о личных связях вождя мирового пролетариата с латышскими революционерами. Издательство «Прометей» опубликовало ценные воспоминания о Ленине и его связях с деятелями латышского революционного движения. Особое значение имеет доклад Я. Берзиня-Зиемелиса, посвященный 30-летию Коммунистической партии Латвии¹. В этом докладе впервые были собраны воедино основные ленинские высказывания о революционном движении в Латвии, о деятельности СДЛК и подробно рассказано о связях В. И. Ленина с латышскими революционерами. Впоследствии — после окончания Великой Отечественной войны и особенно после XX съезда КПСС — результаты этой весьма плодотворной работы с большой пользой для науки использовали историки Латвийской ССР, продолжившие изучение этой важной темы.

¹ J. Bērziņš-Ziemelis. Par lieliniecisma attīstību Latvijā. — Latvijas Komunistiskās partijas trīsdesmit gadi. [M.], 1935, 11.—52. lpp.

Большое значение имел сборник «В. И. Ленин. О революционном движении в Латвии и деятельности революционной социал-демократии Латышского края»², изданный на латышском и русском языках. Это — первый сборник произведений В. И. Ленина, в который вошло все важнейшее из того, что было сказано вождем мирового пролетариата о революционном движении в Латвии, о революционной деятельности социал-демократии Латвии. Включенные в сборник ленинские статьи глубоко обобщают опыт борьбы рабочего класса и его авангарда — революционной социал-демократии в период первой русской революции. В статьях, относящихся к следующему периоду, В. И. Ленин, внимательно следивший за борьбой двух течений в латышской социал-демократии, беспощадно бичевал клеветников, критиковал безыдейность примиренцев и соглашателей, которые, сея обман среди рабочих, на деле помогали ликвидаторам. Из ленинских работ периода первой мировой войны в сборник включены два документа: «О Лондонской конференции» и «Письмо Я. Я. Берзиню», говорящие о единстве взглядов СДЛК и большевиков по основным тактическим вопросам. В статьях, относящихся к периоду 1917—1920 гг., характеризуется борьба трудящихся Латвии под руководством партии большевиков за Советскую власть и условия этой борьбы. Однако в сборнике помещены не все ленинские документы, относящиеся к рассматриваемой теме, а в комментариях к отдельным статьям В. И. Ленина встречаются серьезные недостатки и даже грубые ошибки (особенно в оценке деятельности П. Стучки). В 1957 г. на латышском языке, а через два года и на русском языке вышел сборник воспоминаний революционеров Латвии о В. И. Ленине³, в который вошли воспоминания как уже ранее опубликованные (в том числе П. Стучки, Я. Берзиня-Зиемелиса, П. Дауге, Я. Рудзутака), так и написанные в послевоенный период. Материалы этого сборника свидетельствуют о глубоком интересе вождя мирового пролетариата к революционным событиям в Латвии и его связях с латышскими революционерами, рассказывают о том большом доверии, которое В. И. Ленин питал к латышским коммунистам и стрелкам, охранявшим Смольный в Петрограде, Московский Кремль и Горки. К сожалению, в этот сборник вошли не все

² В. И. Ленин. О революционном движении в Латвии и деятельности революционной социал-демократии Латышского края. Сборник статей, писем и документов. Рига, 1948. 388 стр.; V. I. Ļeņins. Par revolucionāro kustību Latvijā un Latvijas revolucionārās sociāldemokrātijas darbību. Rakstu, vēstulju un dokumentu krājums. Rīgā, 1947. 363 lpp.

³ Par Ļeņinu. Latvijas revolucionāru atmiņas. Rīgā, 1957. 272 lpp.; О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии. Рига, 1959. 320 стр.

ценные воспоминания латышских революционеров о В. И. Ленине (так, например, там нет воспоминаний Ю. Данишевского, Я. Германа-Аусеклиса, Ю. Гавена и др.). Далее, в связи с тем что часть воспоминаний была написана через много лет после описываемых событий, ряд упоминаемых в них фактов требует проверки, а в отдельных случаях и уточнения.

В советской исторической науке послевоенного периода первой попыткой дать систематизированную и обобщенную оценку того влияния, которое оказал вождь мирового пролетариата на развитие революционного движения в Латвии, была брошюра Р. Трейса⁴. Он внимательно изучил работы В. И. Ленина, посвященные анализу революционной борьбы латышских трудящихся, широко использовал воспоминания старых латышских революционеров о В. И. Ленине, периодическую печать и архивные материалы. Автор приводит сведения об издании ленинских работ на латышском языке и их распространении в Латвии, подтверждает фактами, что ленинские работы были одним из важнейших источников, по которым латышские рабочие и революционно настроенная интеллигенция изучали марксизм. Он описывает приезд В. И. Ленина в Ригу весной 1900 г., рассказывает о том, как латышские революционеры организовали транспортировку ленинской «Искры» из-за границы в Россию, приводит факты о распространении этой газеты в Латвии. Р. Трейс рассказывает о том, как вождь мирового пролетариата внимательно следил за революционной борьбой латышских трудящихся, изучал социально-политические условия и особенно аграрные отношения в Латвии, откликался в печати на важнейшие события, происходившие в Латвии. В ряде своих работ В. И. Ленин высоко оценил деятельность латышского пролетариата; особенно внимательно В. И. Ленин начал следить за событиями в Латвии начиная с 1905 г., когда латышский пролетариат проявил серьезную организованность и дисциплинированность и занял почетное место в рядах борцов первой русской революции. Тепло описаны в брошюре Р. Трейса встречи вождя мирового пролетариата с деятелями латышского революционного движения и его дружба с ними. В годы реакции, последовавшей после поражения революции 1905—1907 гг., В. И. Ленин также способствовал деятельности латышской социал-демократии, делал все возможное, чтобы помочь латышским большевикам в борьбе с меньшевиками. В. И. Ленин

⁴ R. Treijs. *Leņins un revolucionārā kustība Latvijā*. Rīgā, 1960. 151 lpp.; см. также: Р. Э. Трейс. Об издании произведений В. И. Ленина на латышском языке. — В кн.: Издание и распространение произведений В. И. Ленина. М., 1960, стр. 203—223.

участвовал в работе II и IV съездов СДЛК, ему был выдан мандат СДЛК на Циммервальдскую конференцию социалистов.

Опираясь примерно на тот же круг источников, что и Р. Трейс, разработку этой темы продолжил А. А. Дризул, который опубликовал несколько научно-популярных брошюр и научных статей⁵.

Связи В. И. Ленина с революционным движением в Латвии были также темой многих статей, появлявшихся в периодической печати республики⁶.

⁵ А. А. Дризул. В. И. Ленин и революционное движение в Латвии. Рига, 1968, 47 стр.; А. А. Дризул. В. И. Ленин и революционное движение в Латвии. — ИСССР, 1960, 2, стр. 125—134; А. А. Дризул. Трудящиеся Латвии и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. — В кн.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964, стр. 362—370; А. А. Дризул. В. И. Ленин и латышские стрелки. — В кн.: Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966, стр. 289—295; А. А. Дризул. В. И. Ленин и революционное движение в Латвии. — ИАН ЛССР, 1966, 11, стр. 13—18; А. Дризул. В. И. Ленин и Октябрь в Латвии. Рига, 1967, 25 стр.; А. Дризул. В. И. Ленин и Октябрь в Латвии. — В кн.: Под знаменем Октября. Рига, 1967, стр. 15—23, А. Дризул. О дате приезда В. И. Ленина в Ригу. — ИАН ЛССР, 1969, 4, стр. 3—7; А. А. Дризул. В. И. Ленин и борьба за сплочение революционных сил в Латвии (1910—1914 гг.). — ИСССР, 1969, 5, стр. 24—32.

⁶ K. Egle. V. I. Ļeņina darbi latviski. — ZAVēst, 1949, 1, 172.—176. lpp.; А. Дризул. Ленин и революционное движение в Латвии. — СовЛ, 1950, 20 апр., № 96; Я. Крастынь. В. И. Ленин о революционной борьбе латышского пролетариата. — СовЛ, 1954, 21 янв., № 17; T. Draudīņš. V. I. Ļeņins un proletariāta revolucionārā kustība Latvijā. — LitM, 1954, 24. janv., 4. nr.; V. Austrums. V. I. Ļeņina darbu loma latviešu revolucionārā kustībā. — Cīņa, 1955, 22. apr., 95. nr.; R. Treijs. V. I. Ļeņins par latviešu tautas revolucionāro kustību. — PadJ, 1958, 22. apr., 80. nr.; V. Austrums. Ļeņins un latviešu revolucionāri. — LitM, 1958, 18. apr., 16. nr.; А. Рубен. В. И. Ленин о революционном движении в Латвии. — КСЛ, 1960, 4, стр. 16—22; М. Ашманис. Распространение ленинских трудов в Латвии. — КСЛ, 1960, 4, стр. 35—42; I. Apīne. V. I. Ļeņina sakari ar Latvijas revolucionāriem. — Cīņa, 1960, 12. febr., 61. nr.; R. Treijs. Ļeņins un cīņa par Padomēm Latvijā 1917.—1919. g. — Cīņa, 1960, 20. apr., 94. nr.; А. Дризул. Ленин и Октябрь в Латвии. — СовЛ, 1967, 21 янв., № 18; S. Ziemeļis. V. I. Ļeņina sociālistiskās revolūcijas teorijas popularizēšana un īstenošana Latvijā. — ZAVēst, 1967, 11, 3.—14. lpp.; С. Зиемелис. Латвия в произведениях В. И. Ленина. — КСЛ, 1969, 4, стр. 13—19; М. Мистрис, Р. Цибуль. Друг революционной Латвии. Новые материалы о связях В. И. Ленина с революционным движением латышского пролетариата. — СовЛ, 1968, 12 окт., № 240; С. В. Зиемелис. В. И. Ленин о революционном движении в Латвии в 1914—1917 гг. — В кн.: Великий Октябрь и Прибалтика. Вильнюс, 1968, стр. 12—18; S. Ziemeļis. V. I. Ļeņins un Latvijas sociāldemokrātija pirmā pasaules kara priekšvakarā. — ZAVēst, 1969, 5, 12.—18. lpp.; Я. Паэглис. Распространение трудов В. И. Ленина в Латвии. — КСЛ, 1969, 1, стр. 47—56; 8, стр. 12—15; 12, стр. 19—26; J. Ruberts. Latvijas sociāldemokrātijas cīņa par V. I. Ļeņina pretkara lozungu īstenošanu. — ZAVēst, 1969, 9, 3.—13. lpp.; L. Dūma. V. I. Ļeņins un LSD Rietumeiropas grupu cīņa par LSD IV kongresa sasaukšanu. — ZAVēst, 1969, 5, 3.—11. lpp.

Специальному источниковедческому анализу воспоминания революционеров Латвии о В. И. Ленине подверглись в печатных и устных выступлениях М. Ф. Бироне⁷. Внимательно изучив эти воспоминания, она показала их научную значимость, специфику и место среди других исторических источников, подчеркнув при этом, что воспоминания революционеров о В. И. Ленине требуют чрезвычайно внимательного анализа и сопоставления с другими источниками. Впервые в советской историографии М. Ф. Бироне сгруппировала воспоминания революционеров Латвии о В. И. Ленине и на основе источниковедческого анализа показала, что они содержат подчас весьма ценные исторические факты, более нигде не зафиксированные, и дополняют уже известные документальные данные.

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина исследователи истории Советской Латвии подготовили несколько книг, среди которых наибольшую ценность представляют сборники избранных произведений В. И. Ленина о революционном движении в Латвии, изданные на русском и латышском языках, воспоминания латышских революционеров о Ленине, а также работы А. А. Дризула, И. А. Штеймана и П. И. Валескална⁸. Первая из вышеназванных книг — расширенное издание сборника «В. И. Ленин о революционном движении в Латвии и деятельности революционной социал-демократии Латышского края» — подготовлена научными сотрудниками Института истории партии при ЦК КПЛ Я. Биезайсом, П. Ольман и С. Зиемелисом на основе полного собрания сочинений В. И. Ленина. В этот сборник вошло 90 статей, речей, проектов резолюций, писем и телеграмм В. И. Ленина, полностью или частично относящихся к революционному движению в Латвии и к деятельности революционной партии латышского пролетариата.

Материалы нового сборника воспоминаний о Ленине, подго-

⁷ М. Ф. Бироне. Воспоминания революционеров Латвии о В. И. Ленине как исторический источник. — ТДИП, стр. 87—92; М. Ф. Бирон. Воспоминания революционеров Латвии о В. И. Ленине и методология использования мемуаров как исторического источника. — ИАН ЛССР, 1969, 6, стр. 3—21; М. Бирон. Революционеры Латвии о встречах с В. И. Лениным. — КСЛ, 1969, 8, стр. 5—11.

⁸ В. И. Ленин. О революционном движении в Латвии. Избранные произведения. Рига, 1969. 520 стр. V. I. Ļeņins. Par revolucionāro kustību Latvijā. Darbu izlase. Rīgā, 1969. 472 lpp.; V. I. Ļeņins Latvijas revolucionāru atmiņās. Rīgā, 1969. 271 lpp.; Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии. Рига, 1969, 301 стр.; А. А. Дризул. В. И. Ленин и революционная Латвия. Рига, 1969. 241 стр.; J. Šteimanis. V. I. Ļeņins par Komunistiskās Internacionālās stratēģiju un taktiku. Rīgā, 1969. 240 lpp.; P. Valleskalns. Ļeņins un zinātne. Rīgā, 1969. 111 lpp.; Ленин и латышская революционная социал-демократия. Рига, 1970. 140 стр.

товленного Институтом истории партии при ЦК КПЛ, расширяют представление о связях вождя мирового пролетариата с деятелями революционного движения в Латвии. В книгу включен ряд малоизвестных читателю воспоминаний, например мемуары К. И. Зутиса, Я. Э. Германа, Я. А. Берзиня-Зиемелиса и др. Для этого сборника характерны более строгий отбор воспоминаний, тщательная проверка фактического материала и сопоставление различных вариантов воспоминаний.

В центре внимания новой работы А. А. Дризула — освещение выдающейся роли В. И. Ленина в развитии революционного движения в Латвии, создании латышской революционной социал-демократии и ее преемницы — Коммунистической партии Латвии. В простой и доходчивой для широкого круга читателей форме автор рассказывает о борьбе большевиков Латвии под непосредственным руководством В. И. Ленина за сплочение масс и победу социалистической революции в Латвии в 1917—1919 гг., о революционизировании латышских стрелков и их роли в защите молодой советской республики. Изучив произведения В. И. Ленина и литературу вопроса, мемуарные источники и документальные публикации, автор вводит в научный оборот также ряд новых документов (материалы Поронинско-Краковского архива, относящиеся к IV съезду СДЛК, некоторые ленинские письма, постановление Совнаркома о вызове латышских стрелков в Петроград, выступление К. Петерсона на Первом Всероссийском съезде военных комиссаров и др.). Однако при в общем весьма удачном использовании конкретных сведений, почерпнутых из мемуарной литературы, А. А. Дризулу, на наш взгляд, следовало бы с большей исследовательской строгостью подойти к высказываниям отдельных мемуаристов, особенно писавших свои воспоминания о некоторых исторических эпизодах спустя три-четыре десятилетия. Выход в свет этой итоговой работы достаточно убедительно свидетельствует о реальных достижениях латвийских советских историков, внесших за последнее десятилетие значительный вклад в изучение ленинской проблематики, и еще раз напоминает о необходимости дальнейшей мобилизации усилий исследователей для углубленной разработки ее отдельных аспектов.

Книга И. А. Штеймана «В. И. Ленин о стратегии и тактике Коммунистического Интернационала» — первый в историографии Советской Латвии оригинальный труд, специально посвященный этому вопросу. Приведенные автором материалы о роли ленинского учения и решений Коминтерна в выработке стратегии и тактики Коммунистической партии Латвии — результат вдумчивого и самостоятельного подхода к анализу фактического материала, относящегося к истории Латвии 1920—1940 гг.

Ряд новых материалов, конкретизирующих представление о личных связях В. И. Ленина с революционерами Латвии и о влиянии ленинских идей на развитие революционной борьбы латвийских трудящихся, приводится в сборнике статей «Ленин и латышская революционная социал-демократия».

2. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ, ПОСВЯЩЕННОЙ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДЕЯТЕЛЯМ ЛАТВИИ

Коммунистическая партия Советского Союза, основанная В. И. Лениным, воспитала славную плеяду борцов за социалистическую революцию. Однако о жизни многих выдающихся революционных деятелей нашей великой Родины мы все еще знаем мало, так как их имена долгое время в литературе даже не упоминались. Особенно не повезло в этом отношении революционным деятелям Латвии. Это было тем более больно, что латышский трудовой народ всегда гордился сотнями и тысячами своих замечательных сынов, которые доказали свою беззаветную преданность великим идеям В. И. Ленина и отдали все свои силы служению социалистической революции. «Латышский народ, — отмечалось, например, в передовой газеты «Правда» 6 августа 1940 г. в связи со вступлением Латвии в состав СССР, — может гордиться тем, что из его рядов вышли многие славные борцы, вписавшие свое имя в историю завоевания пролетарской диктатуры».

После XX съезда КПСС партия поставила перед советскими историками ответственную задачу восстановить историческую правду и рассказать народу о многих славных революционерах, часть из которых была оклеветана в 30-х годах и о которых с тех пор ничего не писалось. В этой связи в республике был издан целый ряд интересных работ: вышло в свет капитальное исследование П. Дауге, а также несколько книг других авторов о П. Стучке, появились книги Н. Кондратьева, издано несколько сборников биографий деятелей революционного движения Латвии, опубликованы монографии о жизни и деятельности Я. Янсона-Брауна и Фр. Розиня, сборники статей и воспоминаний о Я. Ленцмане и Я. Лутере-Бобисе, биография Я. Алксниса и воспоминания о нем, книги об А. Арайсе-Берце, Д. Бейке, Я. Рудзутаке, Р. Эйдемане, А. Даумане, А. Лапине, К. Баумане, Ю. Гавене, Я. Крумине-Пилате и др. Эти работы весьма разнообразны по своему характеру, стилю, манере изложения и, наконец, по познавательной значимости и научной ценности. Тем не менее их объединяет одна общая черта — стремление уйти от бытовавшего в прошлом «обезличивания» исторического

процесса и попираания принципа историзма, желание на базе документальных материалов рассказать о многих активных участниках революционных событий. Не имея возможности остановиться на разборе всех опубликованных работ, рассмотрим, и к тому же очень кратко, лишь важнейшие из них.

Начнем с монографии П. Дауге «Жизнь и деятельность П. Стучки»⁹, явившейся результатом многолетней творческой работы автора. Большой заслугой П. Дауге было то, что он первый собрал и внимательно рассмотрел богатое литературное наследие П. Стучки, разбросанное по многочисленным нелегальным и легальным партийным изданиям, начиная с газеты «Dienas lapa» и лондонского журнала «Socialdemokrāts», редактором которого был Фр. Розинь. П. Дауге убедительно показал роль П. Стучки в революционном движении Латвии, проследил формирование его взглядов в тесной связи с революционной практикой, с нуждами и требованиями революционной борьбы и подчеркнул огромное значение ленинских идей и непосредственного участия В. И. Ленина в судьбах латышской социал-демократии. К сожалению, работа П. Дауге осталась незавершенной. Из второй части книги автору удалось написать лишь немного, осветив, и то далеко не полностью, участие П. Стучки в подготовке Великой Октябрьской социалистической революции.

В 1965 г. вышла из печати публикация воспоминаний современников о П. Стучке¹⁰, причем подавляющее большинство этих воспоминаний было издано впервые. В книге убедительно показана преданность П. Стучки революционному делу, раскрыты благородные черты его характера — трудолюбие и дисциплинированность, принципиальность коммуниста, глубокая человечность, доброта и тактичность. Яркостью зарисовок выделяются воспоминания Д. Стучки, П. Дауге, Я. Бирзгала, А. Упита, М. Крустинсон, А. Янсон-Браун. Они не только расширяют представление о П. Стучке, но и еще и еще раз помогают читателю осмыслить историческую значимость тех

⁹ P. Dauge. P. Stučkas dzīve un darbs. Rīgā, 1958. 551 lpp. — Автор книги — активный деятель «Нового течения», один из первых марксистов Латвии, член партии с 1903 г., участник трех революций, близкий друг П. Стучки. П. Дауге переводил на латышский язык произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. Работу над биографией П. Стучки он начал в 30-х годах. За короткий срок ему удалось собрать большой документальный материал, составить картотеку и написать первую часть работы. После окончания Великой Отечественной войны П. Дауге, будучи научным сотрудником Института истории партии при ЦК КПЛ, продолжил работу над книгой о П. Стучке, но завершить ее не успел.

¹⁰ Петр Стучка в воспоминаниях современников. 1865—1965. Рига, 1965. 297 стр.

событий, современником и активным участником которых он был. Однако на отдельные воспоминания минувшие годы наложили свой отпечаток — время стерло из памяти важные детали. Поэтому в ряде воспоминаний ощущается некоторый схематизм и обобщенность. В книгу включены также материалы, связанные с 65-летием П. Стучки, в которых дается высокая оценка его деятельности. К сожалению, в сборник не вошло яркое выступление выдающегося вождя немецкого пролетариата Э. Тельмана на заседании Исполкома Коминтерна, посвященном памяти П. Стучки.

Изданы также два сборника статей и книга П. П. Кокиса, материалы которых посвящены важнейшим аспектам многогранной деятельности П. Стучки¹¹. Внимание историков Латвийской ССР больше всего привлекает в них показ становления мировоззрения этого выдающегося революционера, сведения о нем как о руководителе Советского правительства Латвии в 1919 г. и его роли в разработке программы КПЛ в 1928—1931 гг.

Однако историки и юристы все еще остаются в долгу перед советской общественностью — до сих пор еще не написана полная, всеобъемлющая биография П. Стучки, все еще недостаточно изучено оставленное им богатое литературное наследие. Необходимо, чтобы в разработку этой перспективной и важной в научном и политическом отношении темы включился более широкий круг исследователей.

Как уже отмечалось, перу Н. Кондратьева принадлежат несколько книг о выдающихся латышских революционерах¹². Его беллетризованные биографии Я. Фабрициуса, К. Петерсона, С. Нахимсона, Т. Нетте, А. Даумана, К. Зиедина, Э. Берга, Я. Юдина и В. Азина широко известны читателю. Несмотря на отдельные неточности, обусловленные недостаточным знанием

¹¹ П. Стучка — революционер, мыслитель и государственный деятель. (УчЗ ЛатГУ, [73]. Труды кафедры истории КПСС, вып. 3.) Рига, 1965, 127 стр.; О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке. Сборник статей. Рига, 1965. 258 стр.; П. П. Кокис. Философские проблемы в трудах П. И. Стучки. Рига, 1967. 238 стр.

¹² В. Кондратьев. Ян Фабрициус. Биографический очерк. Рига, 1954. 274 стр.; N. Kondratjevs. Jānis Fabriciuss. Biogrāfisks apraksts. Rīgā, 1954. 259 lpp.; Н. Кондратьев. Сыны народа. Рига, 1956. 359 стр.; N. Kondratjevs. Tautas dēli. Rīgā, 1957. 367 lpp.; Н. Кондратьев. Товарищ Петерсон. Рига, 1959, 355 стр.; N. Kondratjevs. Biedrs Pētersons. Rīgā, 1960. 324 lpp.; Н. Кондратьев. Гори, мое сердце! Рига, 1961. 242 стр.; N. Kondratjevs. Dedz, mana sirds! Rīgā, 1962. 222 lpp.; Н. Кондратьев. Сквозь револьверный лай... М., 1962. 63 стр.; Н. Кондратьев. Начдив Железной Азин. М., 1960. 211 стр., см. также: Legendārais komandieris. Atmiņas par Jāni Fabriciusu. Rīgā, 1969. 119 lpp.

конкретных условий и обстановки, а иногда некритичным отношением к источникам, Н. Кондратьеву все же удалось собрать довольно большой фактический материал и на его основе создать интересные книги о славных сынах латышского народа.

Статьи изданного в 1958 г. сборника¹³ рассказывают о 21 борце большевистской гвардии — профессиональных революционерах, героях гражданской войны, руководителях партии и Советского государства, военных и хозяйственных рабочих, писателях и ученых. Сборник имеет большое политическое и познавательное значение. Он является первым (правда, очень кратким) очерком такого рода о жизни и деятельности целого ряда замечательных революционеров, которые долгое время были незаслуженно «забыты». Однако, отмечая большое положительное значение этой работы, следует отметить и некоторые ее недостатки. Как известно, сборник составлен из статей, ранее опубликованных в республиканских газетах. Естественно, нельзя считать эти краткие биографические очерки достаточно полными рассказами о жизни революционных борцов, деятельность каждого из которых могла бы стать темой самостоятельного и большого повествования. Не все статьи написаны на одинаковом уровне. В некоторых из них ощущается излишний схематизм, небрежность в повествовании, сухость изложения, доходящая подчас буквально до анкетной скороговорки; к тому же сказывается «газетный» стиль, который усугубляется перегруженностью статей датами и цифрами.

Книга В. Штейнберга и А. Вилсона¹⁴ — первая в послевоенной советской историографии крупная работа, посвященная жизни и деятельности замечательного латышского революционного публициста и литературного критика Я. Янсона-Брауна. Рассказывая о революционной деятельности Я. Янсона-Брауна, авторы не скрывают и допущенных им серьезных ошибок.

В монографии В. А. Штейнберга «Фр. Розинь — пионер марксистской философии в Латвии»¹⁵ прослеживается развитие философских взглядов Фр. Розиня, дается анализ и разбор его основных философских произведений, отмечается огромная роль, которую сыграли труды В. И. Ленина в формировании философских взглядов Фр. Розиня.

Жизни и деятельности Фр. Розиня посвящена также книга

¹³ Латышские революционные деятели. Рига, 1958. 173 стр.; *Latviešu revolucionārie darbinieki*. Rīgā, 1958. 152 lpp.

¹⁴ V. Steinbergs, A. Vilsons. J. Jansona-Brauna dzīve. Rīgā, 1957. 153 lpp.

¹⁵ V. Steinbergs. F. Roziņš — marksistiskās filozofijas celmlauzis Latvijā. Rīgā, 1960. 298 lpp.

В. Миллера и Э. Стумбиной¹⁶. Авторы проделали кропотливую работу по сбору материалов, относящихся к биографии Фр. Розиня, и глубоко проанализировали его произведения. К сожалению, не все разделы книги написаны с одинаковой основательностью. Местами недостаток биографических материалов авторы пытались компенсировать подробным разбором его статей или излишне длинным описанием исторической обстановки. Если учесть, что произведения Фр. Розиня уже были предметом специального обстоятельного исследования, то в чисто биографическом очерке следовало ограничиться их общей характеристикой и принципиальной оценкой. И тем не менее книга В. Миллера и Э. Стумбиной несомненно является шагом вперед в изучении биографии Фр. Розиня.

В 1965 г. вышла из печати книга о жизни и деятельности Я. Ленцмана¹⁷, в которой собран большой фактический материал, характеризующий жизненный путь этого видного деятеля революционного движения Латвии, замечательного представителя старой гвардии большевиков. Среди материалов книги колоритными жизненными зарисовками и поучительными биографическими деталями отмечаются воспоминания Е. Крустинсон, М. Крустинсон, А. Лютера, Т. Драудина и многих других авторов.

Очерк В. Баранченко о Ю. Гавене¹⁸, изданный в серии «Жизнь замечательных людей», насыщен фактическим материалом: автор умело вплетает в повествование о главном герое короткие рассказы о многих его соратниках по революционной борьбе. Весьма ценно, что революционная деятельность Ю. Гавена описывается на широком фоне стремительно развивавшихся больших событий того времени. В. Баранченко подчеркивает, что Ю. Гавен принадлежал к той славной когорте латышских революционеров-ленинцев, вся жизнь которых является прекрасным примером самоотверженности и безграничной веры в победу революции.

С большой теплотой воссоздается образ Д. Бейки в книге С. Зиёмелиса и А. Гусева¹⁹. Книга свидетельствует о том, что авторы основательно и глубоко изучили конкретный материал, чрезвычайно тщательно проанализировали широкий круг источников. В ней собран яркий фактический материал, рассказ

¹⁶ V. Millers, E. Stumbiņa. Fricis Roziņš. 1870.—1919. Dzīve un darbs. Rīgā, 1965. 345 lpp.

¹⁷ Jānis Lencmanis. Biogrāfisks apcerējums un laikabiedru atmiņas. Rīgā, 1965. 186 lpp.

¹⁸ В. Баранченко. Гавен. М., 1967. 158 стр.

¹⁹ S. Ziemeļis, A. Gusevs. Dāvids Beika. Rīgā, 1963. 240 lpp.; С. Зиёмелис, А. Гусев. ... и вечный бой. Рига, 1964. 254 стр.

о жизни и деятельности конкретного лица удачно вплетен в широкий исторический фон.

Сборник статей и воспоминаний о Я. Лутере-Бобисе²⁰ раскрывает перед читателями наиболее яркие страницы жизни выдающегося латышского революционера-подпольщика, верного сына Коммунистической партии. В первую часть сборника вошли статьи и воспоминания самого Я. Лутера, написанные им в 1904—1937 гг. В них рассказывается о формировании революционного пролетариата Латвии, освещаются конкретные факты совместной борьбы латышских и русских трудящихся против царского самодержавия, капиталистов и помещиков. Вторая часть сборника состоит из статей и воспоминаний о жизни и деятельности Я. Лутера-Бобиса. Здесь помещены воспоминания старых коммунистов Латвии — К. Ландера, Э. Медне и Г. Даберта, видного деятеля большевистского подполья в России Н. Буренина, старейшего члена Социалистической единой партии Германии В. Геккерт-Штамберга, писателей К. Федина, Б. Лавренева и М. Сергеева.

Книга Э. Лидаце²¹ посвящена жизни и деятельности революционера, писателя и поэта А. Арайса-Берце. На основе тщательно собранных архивных материалов, воспоминаний современников, периодической печати и других источников автор написала книгу, представляющую несомненный интерес как для широкого круга читателей, так и для специалистов-историков.

Из работ, посвященных жизни и деятельности революционных деятелей Латвии, необходимо отметить также брошюру Г. А. Трукана²². Это первая публикация о жизни и деятельности Я. Рудзутака — одного из активнейших участников революционного движения, видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, трагически погибшего в конце 30-х годов. К сожалению, значение брошюры, на наш взгляд, снижает некоторый схематизм в изложении материала, или, точнее, выработавшийся в популярной литературе штамп, в результате которого глубокий и живой образ революционера подчас заслоняется традиционной схемой.

Изданная в 1964 г. книга Ю. Кипера и М. Шаца²³ по-

²⁰ Jānis Luters-Bobis. Sastād. A. Luters. Rīgā, 1960. 332 lpp.; Янис Лутер-Бобис. Составитель А. Лютер. Рига, 1962, 420 стр.

²¹ E. Līdace. Lūzt, bet neliekties... Revolucionāra Augusta Bērces dzīves stāsts. Rīgā, 1961. 170 lpp.; Э. Лидаце. Несгибаемый. Рига, 1962. 186 стр.

²² Г. А. Трукан. Ян Рудзутак. М., 1963. 96 стр.

²³ J. Kipers, M. Šačs. Kvēlais tribūns. Viļa Dermaņa dzīves un cīņu ceļš. 1875.—1938. Rīgā, 1964. 166 lpp.

священа жизни и деятельности Вилиса Дерманиса — одного из основателей Социал-демократии Латвии. Работа И. Киршен-тале²⁴ об Эрнесте Эферте-Клусайсе знакомит читателя с жизнью и литературным наследием этого видного латышского революционера, публициста и писателя. Историк почерпнет из этой книги не только сведения о жизни и деятельности Э. Эферта-Клусайса, но и много интересных деталей из истории революционного движения в Латвии. Жизнь и деятельность К. Баумана явилась темой очерка С. Здановича²⁵. Автор рассказывает о детстве и юности К. Баумана, о том, как он стал революционером, о его самоотверженной работе по строительству новой жизни.

Основные вехи жизненного пути Я. Круминя-Пилата прослеживаются в книге С. Зиемелиса и А. Гусева «Пиладзис»²⁶. Авторы тщательно собрали материалы, характеризующие этого замечательного латышского революционера, особенно обстоятельно осветив его деятельность в 30-х годах — период учебы в Институте красной профессуры, работу в Загранбюро ЦК КП Латвии и выполнение им ответственных заданий Коминтерна.

Книга К. Медне²⁷ является первой биографической работой, посвященной деятельности Я. Алксниса — командарма Красной Армии, командующего Военно-Воздушными Силами Советского Союза, заместителя народного комиссара обороны СССР, с именем которого неразрывно связано создание советского Военно-Воздушного флота и авиационной промышленности. Автору удалось воссоздать образ Якова Алксниса — человека, в котором безграничная верность идеям социализма гармонически сочеталась с бесстрашием, негибаемостью воли, принципиальностью, исключительным трудолюбием и беспредельной скромностью.

Авторы воспоминаний о Я. Алкснисе, объединенных в сборник «Командарм крылатых»²⁸, — замечательные советские авиаторы, герои пятого океана. Эти воспоминания, написанные с большой теплотой, дополняют характеристику Я. Алксниса, который более десяти лет возглавлял советскую военную авиацию в период ее бурного роста, насыщенный незабываемыми

²⁴ I. Kiršentāle. Ernests Eferts-Klusais. Rīgā, 1962. 172 lpp.

²⁵ С. Зданович. Карл Бауман. М., 1967. 56 стр.

²⁶ S. Ziemeļis, A. Gusevs. Pilādzis. Jāņa Krūmiņa-Pilāta dzīves apraksts. Rīgā, 1967. 173 lpp.

²⁷ K. Medne. Jēkabs Alksnis. Dzīve un darbs aviācijā. Rīgā, 1960. 144 lpp.; К. Медне. Яков Алкснис. Жизнь в авиации. Рига, 1961. 162 стр.

²⁸ Командарм крылатых. Жизнь Я. И. Алксниса. Сборник воспоминаний. Рига, 1967. 247 стр.

мыми достижениями советских летчиков, инженеров и конструкторов.

В книге Д. В. Панкова²⁹ рассказывается о жизни, общественно-политической и военной деятельности Р. Эйдемана. Изучив архивные документы и воспоминания современников, автор создал волнующий очерк, на страницах которого воссоздается образ мужественного, высокообразованного, многогранного и безгранично преданного идеям пролетарской революции человека — талантливого военачальника и героя гражданской войны, видного общественного и партийного деятеля, поэта и писателя.

О жизни и деятельности А. Степиня, командовавшего в годы гражданской войны 14-й стрелковой дивизией и IX армией Южного фронта, и о К. Озолине — комиссаре 11-й кавалерийской дивизии Первой Конной армии повествуют две брошюры³⁰.

Серия книг и брошюр³¹ посвящена одному из героев гражданской войны В. Азину — легендарному комдиву 28-й Железной дивизии. Авторы рассказывают о боевых подвигах В. Азина в Приуралье и Поволжье, о его участии в боях за освобождение Казани, Елабуги, Сарапула, Ижевска и Екатеринбурга (Свердловска).

В книге И. Гаглова и М. Паланта³² рассказывается об А. Лапине — герое гражданской войны, прошедшем боевой путь от комсомольца-красногвардейца до командарма³³ и награжденном четырьмя орденами Красного Знамени и орденом Ленина. Проследивая жизненный путь А. Лапиня, авторы справедливо подчеркивают, что его военная биография тесно переплелась с судьбой таких прославленных советских военачальников, как Тухачевский, Блюхер и Путна. Однако в книге далеко не полностью и не в одинаковой степени отражены все периоды жизни А. Лапиня; чтобы написать его полную биогра-

²⁹ Д. В. Панков. Комкор Эйдеман. М., 1965. 104 стр.

³⁰ Л. Гуревич, С. Носов. Командарм Александр Степинь. М., 1962, 53 стр.; I. Tjuļeņevs. Divīzijas komisārs. (Atmiņas par K. Ozoliņu.) Rīgā, 1959. 61 lpp.

³¹ К боевой биографии Азина. [Удмгиз], 1935; Владимир Азин. Ижевск, 1958. 96 стр.; Н. Кондратьев. Начдив Железной Азин. М., 1960. 212 стр.; С. А. Захаров. Владимир Азин. Свердловск, 1960. 52 стр.; Д. Н. Фетинин. Рассказ о легендарном начдиве (В. М. Азин). Киров, 1960. 58 стр.; В. Ладухин. Азин. М., 1967. 128 стр.; Н. Кондратьев. Начдив Владимир Азин. М., 1968. 236 стр.; А. Алдан-Семенов. Азин. М., 1967. 48 стр.

³² И. Гаглов, М. Палант. Кавалер пяти орденов. Рассказ о двадцатидвулетнем командарме. М., 1964. 111 стр.

³³ Альберт Лапинь уже в 20 лет командовал дивизией, а в 22 года стал самым молодым в нашей стране командармом.

фию, необходимо проделать значительную работу — как по сбору фактов, так и по их обобщению.

Ряд новых материалов о жизненном пути прославленного партизана и подпольщика — Героя Советского Союза И. Судмалиса содержится в брошюре И. Музыкантика и Д. Рейты³⁴. В ней описываются детские и юношеские годы И. Судмалиса, рассказывается о приобщении юноши к революционному движению и выполнении им важных комсомольских, а затем и партийных заданий. На ярких примерах иллюстрируются такие замечательные черты его характера, как исключительная смелость и самоотверженность, во всей полноте проявившиеся в труднейших условиях борьбы с вероломным врагом в годы Великой Отечественной войны. Авторы прослеживают деятельность И. Судмалиса по формированию подпольных партийных организаций на временно оккупированной фашистами территории Латвии. Нельзя без волнения читать страницы, рассказывающие о трагической смерти этого замечательного коммуниста, его последние письма, написанные в гитлеровском застенке.

Большое значение в преодолении искажений исторического прошлого имели также систематически появлявшиеся на страницах центральной и республиканской периодической печати статьи о многих замечательных латышских революционерах. Эти статьи, количество которых исчисляется сотнями, являются важным вкладом в изучение истории революционного движения в Латвии.

В последнее десятилетие фактически впервые проделана серьезная работа по публикации лучших произведений выдающихся деятелей рабочего и коммунистического движения Латвии. Вышли в свет избранные произведения П. Стучки³⁵, Фр. Розиня³⁶, К. Печака³⁷ и Фр. Деглава³⁸.

Таким образом, сделаны первые шаги по освещению деятельности целого ряда революционных деятелей Латвии и пу-

³⁴ J. Muzikantiks, D. Reita. Imants Sudmalis. Dzīves un cīņu ceļš. Rīgā, 1966. 85 lpp.

³⁵ P. Stučka. Cīņā par Oktobri. Rakstu izlase. Rīgā, 1957. 202 lpp.; П. Стучка. В борьбе за Октябрь. Сборник статей. Рига, 1960. 234 стр.; P. Stučka. Par padomju varu Latvijā. 1918.—1920. Rīgā, 1958. 556 lpp.; П. Стучка. За Советскую власть в Латвии. 1918—1920. Сборник статей. Рига, 1964. 732 стр.; П. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. 748 стр.

³⁶ Fr. Roziņš. Latviešu zemnieks. Rīgā, 1958. 295 lpp.; Fr. Roziņš. Rakstu izlase, 1—3. 1894.—1919. Rīgā, 1963—1965. 377, 405 un 397 lpp.

³⁷ K. Pečaks. Rakstu izlase. Rīgā, 1959. 364 lpp.

³⁸ Fr. Deglavs. Rakstu izlase. 1—2. Rīgā, 1959—1960. 279 un 306 lpp.

бликации их произведений. Однако и это — только начало, еще предстоит проделать большую работу, чтобы можно было ознакомить широкие народные массы со многими выдающимися сынами латышского народа, отдавшими все свои силы борьбе за Советскую власть.

3. ОБЗОР РАБОТ ПО ИСТОРИОГРАФИИ ЛАТВИИ

Марксистская историография изучает развитие исторической науки в связи с развитием общественных отношений, причем основным ее содержанием является развитие исторической мысли. Такому понятию научной историографии прежде всего соответствует известный труд академика Я. Зутиса о прибалтийско-немецкой историографии XIII—XX вв.³⁹ Это замечательное исследование отличается не только богатством фактического материала (весь «пантеон» остзейских хронистов, историков и публицистов — от Генриха Латвийского до Рейнгарда Виттрама!), но и тонким критическим анализом реакционных концепций дворянских и буржуазных историков Восточной Прибалтики. Подчеркивая, что «смена школ и направлений в конечном счете определяется не филиацией исторических идей или внешними историографическими влияниями, а ходом развития внутренней классовой борьбы и переменой исторической обстановки народов Прибалтики»⁴⁰, Я. Я. Зутис дает резко отрицательную оценку прибалтийско-немецкой историографии в целом и вместе с тем призывает к самому пристальному ее изучению. К этому нас обязывает, во-первых, богатый фактографический материал, который содержит эта, хотя бы и враждебная нам по духу, литература, а во-вторых, необходимость дальнейшей критики и оценки «новых» (зачастую откровенно реваншистских) концепций отдельных немецких историков в наши дни. Академик Я. Я. Зутис намеревался завершить свои очерки столь же обстоятельной характеристикой латышской буржуазной историографии XIX—XX вв. К сожалению, этому замыслу не суждено было осуществиться, хотя основные

³⁹ Я. Зутис. Очерки по историографии Латвии, 1. Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949. 258 стр. — Историография прибалтийской эпохи «Просвещения» (в лице ее прогрессивных представителей) нашла отражение также в работах немецкого историка Э. Доннерта (ГДР): E. Donnert. Die Leibeigenschaft im Ostbaltikum und die livländische Aufklärungsgeschichtsschreibung. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Fr. Schiller-Universität, Jena-Thüringen. Gesellsch.- u. sprachwiss. Reihe, Jg. 10, 1960/1961, H. 2, S. 239—247.

⁴⁰ Я. Зутис. Очерки по историографии Латвии, 1. Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949, стр. 3.

идеи намеченной второй части «Очерков по историографии Латвии» автор успел изложить — с присущим ему блеском — в докладе на X Международном конгрессе историков в Риме (1955 г.)⁴¹.

Одной из первых попыток (правда, весьма схематичных) воссоздать общую картину развития трех важнейших направлений в историографии Латвии (прибалтийско-немецкого, буржуазного и марксистского) явилась статья Т. Я. Драудина «Путь развития исторической науки в Латвии»⁴². Если первый раздел статьи, написанный на основе известной работы академика Я. Я. Зутиса, весьма конспективен, то с большей самостоятельностью написан раздел о латышской буржуазной историографии. Оценивая послевоенный период развития советской историографии Латвии, Т. Я. Драудин отмечает научно-историческую деятельность П. Дауге, показывает значение трудов Я. Я. Зутиса и Я. П. Крастыня и вкратце останавливается на анализе тематики других советских исследователей. В несколько дополненном и переработанном виде эта статья Т. Я. Драудина явилась основой разделов по историографии Латвии, опубликованных в первых трех томах «Очерков истории исторической науки в СССР»⁴³.

Все другие работы по историографии Латвии (а их, к сожалению, было очень мало), опубликованные в послевоенный период, — это не более, чем предварительные этюды по отдельным частным проблемам историографического характера. Очень важное политическое значение имеют статьи, разоблачающие наших идейных противников — латышских буржуазных националистов и западногерманских реваншистов⁴⁴.

⁴¹ Я. Зутис. Основные направления в историографии народов Восточной Прибалтики (XIX—XX вв.). М., 1955. 90 стр.; см. также: Я. Зутис. Развитие исторической науки в Латвии. — ИАН ЛССР, 1955, 7, стр. 57—77; J. Zutis. PSRS un Latvijas PSR vēstures zinātnes sasniegumi. — ZAVēst, 1957, 10, 55.—74. lpp.

⁴² Т. Я. Драудин. Вēstures zinātnes attīstības ceļš Latvijā. — ZAVēst, 1952, 8, 53.—78. lpp.

⁴³ Очерки истории исторической науки в СССР. 1—4. (Под ред. М. В. Нечкиной.) М., 1953—1966.

⁴⁴ См. статьи Я. Я. Зутиса, А. А. Дризула, М. К. Степермана, Э. Шноре и других авторов в сборнике «Буржуазные националисты — фальсификаторы истории Латвии» (Buržuāziskie nacionalisti — Latvijas vēstures viltotāji. Rīgā, 1952. 120 lpp.; 2. izd. Rīgā, 1953. 174 lpp.); А. А. Дризулис. К вопросу о фальсификации истории буржуазной Латвии в зарубежной историографии. — ИАН ЛССР, 1960, 5, стр. 5—12; А. А. Дризул. Извращение истории социалистической революции в Латвии в эмигрантской буржуазной историографии. — В кн.: Зарубежная литература об Октябрьской революции. М., 1961, стр. 299—305; Я. П. Крастынь, М. И. Козин. Рецензия на книгу: Arveds Svābe. Latvijas vēsture. 1800.—1914. — ИСССР, 1960, 4, стр. 192—196; К. Граудинс,

Состояние разработки отдельных разделов истории Советской Латвии отражено в специальных обзорных статьях, посвященных успехам археологии⁴⁵ и этнографии⁴⁶, а также изучению эпохи феодализма⁴⁷ и периода Великой Отечественной войны⁴⁸.

Новым явлением в советской историографии Латвии, связанным с преодолением последствий культа личности после

A. Sprēslis. Pret latviešu meņševikiem emigrantiem — vēstures viltotājiem. — ZAVēst, 1960, 11, 5.—18. lpp.; Г. Строд. Фальсификация истории Латвии в современной реакционной западногерманской и латышской эмигрантской историографии. — ИСССР, 1962, 4, стр. 185—200; H. Strods. Dažas jaunas iezīmes mūsdienu vācu buržuāziskās historiogrāfijas teorijā un taktikā Latvijas vēstures apgaismošanā. — ZAVēst, 1964, 11, 14.—20. lpp.; Г. П. Строд. Аграрная история Латвии позднего феодализма в послевоенной немецкой буржуазной историографии. — ТДАгр 1964, стр. 249—251; В. Дорошенко. Феодализм в Латгалии и в восточной Видземе в освещении западногерманского историка. — (По поводу книги: M. Hellmann. Das Lettenland im Mittelalter.) — ИАН ЛССР, 1956, 9, стр. 147—155; T. Zeids. Senākie valstiskie veidojumi Latvijā latviešu buržuāziskās historiogrāfijas apgaismojumā, — VP, 5, 1962, 5.—48. lpp.; A. Drīzulis. Fälscher der Geschichte der baltischen Völker im Dienst des Imperialismus. — Informationen über die imperialistische Ostforschung, 1965, 1, S. 35—60; X. П. Строд. Аграрная история Прибалтики XVIII—XIX вв. в буржуазной историографии ФРГ. — ВИ, 1967, 3, стр. 30—41.

⁴⁵ X. А. Моора. Археологические исследования в Прибалтике. — ВАН СССР, 1958, 10, стр. 53—56; A. Stubavs. Arheoloģiskā pētniecība Padomju Latvijā. (1945.—1960. g.) — AE, 4, 1962, 5.—15. lpp.; Г. П. Строд. К итогам крупнейших археологических полевых исследований в Латвии (тезисы доклада). — Доклады и сообщения археологов СССР. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. М., 1966, стр. 222—224; А. Я. Стубавс. Археология в Советской Латвии. (1945—1967 гг.) — СА, 1967, 4, стр. 103—122.

⁴⁶ М. К. Степерманис. Развитие этнографической науки в Советской Латвии. — СЭ, 1960, 3, стр. 139—144; Г. Строд. Развитие и ближайшие задачи латвийской советской этнографии. — СЭ, 1963, 2, стр. 61—71; H. Strods. Vidzemes etnogrāfijas avotu un pētījumu apskats. — AE, 5, 1963, 5.—23. lpp.; Г. Строд. Основные направления в развитии этнографии Латвии. М., 1964. 10 стр. (VII Международный конгресс антропологических наук); H. Strods. Die Entwicklung der lettischen Etnographie. — Das deutsche Jahrbuch für Volkskunde, Bd. 11, 1965, 2, S. 326—332.; X. Стродс. Латышская советская этнография за 25 лет (1940—1965 гг.). — Acta Baltico-Slavica, 5, Białystok, 1967, str. 203—228.

⁴⁷ W. Doroszenko. Badania historiografii radzieckiej z lat 1945—1961 nad dziejami Łotwy i Estonii w okresie feudalizmu. — Zapiski historyczne poświęcone historii Pomorza, t. 28, 1963, zesz. 3, str. 343—378.

⁴⁸ В. Савченко. Обзор литературы по истории Латвийской ССР периода Великой Отечественной войны. — ИАН ЛССР, 1962, 5, стр. 137—144; В. И. Савченко. Об изучении истории Латвийской ССР периода Великой Отечественной войны. — В кн.: В дни войны. Рига, 1964, стр. 5—26; В. Савченко, С. Леви. Больше внимания изучению героической обороны Лиелаи. — ИАН ЛССР, 1966, 2, стр. 3—17.

XX съезда КПСС, посвящены статьи А. К. Бирона⁴⁹. Статьи П. Стучки, посвященные революции 1905—1907 гг. в Латвии, подробно проанализировала Е. Рипа⁵⁰.

Дальнейшим шагом в исследовании пути развития исторической науки Латвийской ССР является монография А. К. Бирона и В. В. Дорошенко⁵¹, в которой впервые дается обобщенная характеристика деятельности советских историков по исследованию ключевых проблем истории латышского народа. Отметив качественные изменения, которые произошли в советской историографии после XX съезда КПСС, авторы выделяют ряд общих черт, характерных для новейшего этапа развития исторической науки в республике, подчеркивают первостепенную важность творческого содружества между латвийскими историками и их коллегами из Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза.

В связи с 25-летием Советской Латвии были опубликованы две обзорные статьи, в которых освещались основные этапы развития латышской советской историографии и ее достижения за 1940—1965 гг.; авторами этих статей являются весьма авторитетные историки Латвийской ССР — академик Я. П. Красс-

⁴⁹ А. К. Бирон. Историческая наука в Латвийской ССР после XX съезда КПСС. — ПробЛИСТ 6, 1962, стр. 2—26; A. Bīrons. Latvijas PSR vēstures zinātne pēc PSKP XX kongresa. — ZAVēst, 1963, 3, 113—125. lpp.; А. К. Бирон, А. А. Дризул. Основные направления развития исторической науки в Советской Латвии. — ВИ, 1966, 8, стр. 3—19.

⁵⁰ Е. Рипа. П. Стучка о революции 1905—1907 гг. в Латвии. — В кн.: П. Стучка — революционер, мыслитель и государственный деятель (УчЗ ЛатГУ, [73]). Рига, 1965, стр. 75—96.

⁵¹ A. Bīrons, V. Dorošenko. Vēstures zinātnes attīstība Padomju Latvijā. Rīgā, 1966. 255 lpp.; см. также А. Бирон. Исследования советских историков по революции 1905—1907 гг. в Латвии. — ИАН ЛССР, 1965, 3, стр. 61—78; А. Бирон. Проблемы истории Латвии второй половины XIX — начала XX веков в освещении советской исторической литературы. — ИАН ЛССР, 1965, 8, стр. 18—32; А. Бирон. Вопросы истории буржуазной Латвии (1920—1940 гг.) в освещении советских историков. — ИАН ЛССР, 1966, 1, стр. 3—20; А. К. Бирон. Февральская революция 1917 года в латвийской историографии. — ИАН ЛССР, 1967, 8, стр. 19—32; А. К. Бирон. Историография Октябрьской революции в Латвии. — ИАН ЛССР, 1967, 11, стр. 30—55; А. К. Бирон. Обзор советской литературы по истории латышских стрелков. — ИАН ЛССР, 1968, 2, стр. 16—37; А. К. Бирон. Вклад академика Я. Я. Зутиса в развитие латышской советской историографии (К 75-летию со дня рождения.) — ИАН ЛССР, 1968, 8, стр. 11—18; А. К. Бирон. Ленинская концепция революции 1905—1907 гг. в латвийской историографии. — В кн.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968, стр. 253—266; А. К. Бирон. Проблемы истории первого послевоенного пятилетия в освещении латвийских советских историков. — ИАН ЛССР, 1969, 2, стр. 3—16 и др.

тынь и Т. Я. Зейд⁵². Однако всего этого, несомненно, еще мало: советская историография Латвии ждет своего синтетического обобщения.

Появилась, наконец, работа В. Уртана⁵³, посвященная научной деятельности музеев. Но, к сожалению, он освещает ее в отрыве от творческих усилий археологов Института истории Академии наук Латвийской ССР, не показывает в должной мере плодотворность установившегося тесного сотрудничества между археологами института и музеев, не отмечает значения совместных экспедиций, конференций и публикаций.

Появились также историографические работы, посвященные специально научному творчеству отдельных историков Советской Латвии. Так, в 1964 г. вышел из печати сборник статей об академике Я. Я. Зутисе⁵⁴. Помимо работ Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто и Ю. Ю. Какха, раскрывающих вклад Я. Я. Зутиса в изучение различных проблем истории Прибалтики и России, здесь привлекает внимание исследование Т. Я. Зейда «Значение Я. Зутиса в историографии Латвии»⁵⁵. Автор все-сторонне характеризует вклад Я. Я. Зутиса в изучение таких важных проблем, как балтийский вопрос в XVI—XVIII вв., аграрная история периода перехода от феодализма к капитализму, классовая борьба в латышской деревне и дружба народов Прибалтики с русским народом. При этом анализ трудов Я. Я. Зутиса дан с учетом всей существующей литературы по этим вопросам. Работа Т. Я. Зейда — это, по существу, монография о творчестве одного из виднейших наших ученых.

Об основных направлениях научных исследований выдающихся историков Советской Латвии Я. П. Крастыня и К. Я. Страздиня рассказывают специальные биографические очерки, которыми предваряются библиографии трудов обоих ученых, составленные З. Шакаре⁵⁶. В первом из них приводятся краткие биографические сведения об академике Я. П. Крастыне и освещается его вклад в исследование важнейших проблем истории латышского народа (революция 1905—1907 гг., борьба трудящихся Латвии за власть Советов в годы граждан-

⁵² Я. П. Крастынь. Важнейшие научные исследования по истории Латвии XIX—XX вв. — ИАН ЛССР, 1965, 7, стр. 51—57; T. Zeids. Vēstures zinātnes attīstība Padomju Latvijā divdesmit piecos gados. (1940.—1965.) — ZAVēst, 1965, 7, 58.—66. lpp.

⁵³ V. Urtāns. Padomju Latvijās muzeju arheologu ieguldījums vēstures zinātnes attīstībā. — Muzeji un kultūras pieminekļi. Rīgā, 1967, 23.—27. lpp.

⁵⁴ Akadēmiķis Jānis Zutis. Rīgā, 1964. 223 lpp.; см. также: ТДЗ.

⁵⁵ Akadēmiķis Jānis Zutis, 35.—140. lpp.

⁵⁶ Akadēmiķis Jānis Krastiņš. Biobibliogrāfija. Rīgā, 1965. 77 lpp. (биографический очерк написали Я. Бабрис и А. Спреслис); Akadēmiķis Kārlis Strazdiņš. Biobibliogrāfija. Rīgā, 1965. 65 lpp. (биографический очерк написал М. Козин).

ской войны, Советская Латвия 1919 г., аграрный вопрос и т. д.). Во втором очерке кратко характеризуется жизненный путь академика К. Я. Страздиня и анализируется проблематика его исследований (в основном три вопроса: формирование латышской буржуазной и латышской социалистической наций, общественно-политические движения второй половины XIX в. и социалистическое строительство в Латвийской ССР).

Внимание привлекает также обзор советской исторической литературы, относящейся к революционному движению в Латвии в годы первой мировой войны, написанный О. М. Ниедре⁵⁷. Весьма ценно, что автор обстоятельно рассматривает те существенные сдвиги, которые произошли в изучении темы за последнее десятилетие.

До сих пор слабо рассмотренной областью является литература, посвященная истории Коммунистической партии Латвии. До последнего времени изучением этого вопроса фактически занимался всего лишь один исследователь — Л. Э. Кришьянсон⁵⁸. Она совместно с О. Пуце в 1964 г. опубликовала библиографию истории КПЛ. В 1965 г. Л. Э. Кришьянсон⁵⁹ защитила диссертацию и написала несколько статей, в которых она сосредоточила свое внимание на изучении литературы, написанной за период с 90-х годов прошлого столетия до 1919 г., на исследовании работ, изданных латышскими марксистскими историками в Москве в 20-х и 30-х годах, и, наконец, на анализе книг, брошюр и статей, вышедших в Латвийской ССР в послевоенный период. Однако, избрав предметом своего исследования такой широкий круг вопросов, Л. Э. Кришьянсон, естественно, не смогла осветить все важнейшие аспекты темы, и поэтому ее отдельные оценки и выводы носят весьма условный характер. На наш взгляд, особенно фрагментарны приведенные ею сведения о литературе до 1919 г. и послевоенного периода. Нет и серьезного анализа тех дискуссий, которые происходили по многим проблемам истории Коммунистической пар-

⁵⁷ О. М. Ниедре. Вклад советской исторической науки в изучение революционного движения в Латвии в период мировой войны. (1914—1916 гг.) — Вопросы историографии Латвийской ССР. (УчЗ ЛатГУ, [82].) Рига, 1967, стр. 3—19.

⁵⁸ Latvijas Komunistiskās partijas vēstures bibliogrāfija. 1893.—1919. Rīgā, 1964. 598 lpp.

⁵⁹ Л. Э. Криш[ь]янсон. Историография истории Коммунистической партии Латвии с 90-х годов XIX века до 1919 года. Автореф. канд. дисс. Л., 1965; Л. Э. Криш[ь]янсон. Историографический обзор истории Коммунистической партии Латвии с 90-х годов XIX века до 1919 года. — ВЛУ, 14, 1965, стр. 51—61; Л. Э. Кришьянсон. Обзор литературы по некоторым вопросам истории Коммунистической партии Латвии. — УчЗАсп, 4, 1965, стр. 167—181.

тии Латвии (о «Новом течении», характере революции 1905—1907 гг., аграрном вопросе в Латвии в 1919 г. и др.).

Следующим шагом в этой области явилась статья И. А. Штеймана⁶⁰, в которой анализируется историко-партийная литература, но особенно детально рассматриваются диссертации К. М. Медведевой и В. Н. Никитина. Отметив как достоинства, так и недостатки исследований диссертантов, автор выделяет общие линии, характерные для всей исторической литературы, посвященной тактике Коммунистической партии Латвии. Он прослеживает влияние условий 30-х годов на трактовку отдельных вопросов истории КПЛ, показывает вклад, который внесли советские исследователи в ее разработку после XX съезда КПСС, отмечает проблемы, все еще остающиеся слабо изученными и дает свои рекомендации на будущее.

Таким образом, сделаны первые шаги в разработке историографической проблематики истории Коммунистической партии Латвии. В будущем историкам КПЛ следовало бы активизировать историографические изыскания, а также расширить круг исследователей, занимающихся этой проблемой.

Против ненаучных концепций буржуазной историографии, в том числе и взглядов латышских эмигрантских историков, направлено несколько статей небольшого по объему, но интересного по содержанию историографического сборника, подготовленного преподавателями Латвийского государственного университета им. П. Стучки⁶¹.

Все еще отстают от потребностей науки подготовка библиографических изданий, хотя и в этой области уже наметились некоторые сдвиги⁶².

⁶⁰ И. А. Штейман. Освещение тактики КПЛ 1920—1940 гг. в работах историков Советской Латвии. — УчЗ ДаугПедИ, 12. Рига, 1965, стр. 63—80.

⁶¹ Вопросы историографии Латвийской ССР. (УчЗ ЛатГУ, 82.) Рига, 1967. 63 стр.

⁶² Я. С. Паэглис, М. Ж. Друва. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин на латышском языке. Библиография. Рига, 1969. 362 стр.: Публикации преподавателей Латвийского государственного университета им. П. Стучки (1945—1965). Библиография, 1. Рига, 1969. 315 стр.; Борьба за Советскую власть в Латвии. Аналитическая роспись революционной периодики. 1920—1940. Указатель литературы. Рига, 1969. 496 стр.

Завершая обзор основных достижений советской историографии Латвии, следует еще раз подчеркнуть, что подлинно научное изучение истории республики развернулось, по сути дела, лишь после Великой Отечественной войны. Путь, пройденный исторической наукой Советской Латвии за истекшие четверть века, можно с известной условностью подразделить на два основных этапа.

Десятилетие 1945—1955 гг. является как бы периодом становления. В трудной обстановке первых послевоенных лет внимание пришлось сосредоточить на проблеме национальных кадров, вооруженных марксистско-ленинской методологией, создании сети научно-исследовательских учреждений, подготовке самых необходимых пособий для школ и вузов. Местные кадры профессиональных историков старшего поколения, к тому же крайне немногочисленные, по существу, лишь начинали учиться марксизму, студенты — будущие историки — не имели учебников на родном языке, разграбленные немецко-фашистскими захватчиками архивы и библиотеки нуждались в упорядочении и не сразу могли открыть двери перед исследователями. Планирование и координацию научных исследований, рассчитанных на длительный срок, приходилось осуществлять одновременно с решением такой неотложной задачи, как критическая переоценка историографического наследия и разработка научной периодизации истории Латвии. Важность и вместе с тем крайняя сложность этой задачи вполне очевидны, особенно если учесть, с одной стороны, отсутствие предварительных (хотя бы «фактографических») разработок по целому ряду конкретных проблем и даже эпох, а с другой, — необходимость разоблачения всякого рода реакционных «концепций» дворянских и буржуазных историков.

Марксистско-ленинская концепция истории латышского народа, выработанная в основных чертах на рубеже 40-х и 50-х годов, нашла воплощение в школьных учебниках и серии очерков, а также в систематическом курсе для высших учебных заведений. Создание этих пособий, особенно трехтомника «История Латвийской ССР» (1952—1958 гг.), следует считать решающим принципиальным успехом советской историографии Латвии в период ее «становления». Поучительная черта этого издания — органическое единство синтеза и анализа, общего и конкретного. Прежде чем «обобщить» узловые моменты многовековой истории Латвии — от первобытнообщинного строя до утверждения социалистических отношений, — авторский коллектив проделал серьезнейшую работу по мобилизации и анализу первоисточников, в значительной мере — архивных. Решение общих проблем методологического порядка шло рука об руку с повышением профессионального мастерства молодых латвийских историков, а также позволило выявить неизученные вопросы, определить предмет и задачи дальнейших исследований. В этом смысле можно сказать, что первые синтетические труды по истории Латвии содержали как бы ростки тех монографий или статей (готовившихся фактически одновременно), которые были посвящены конкретной экономической, социально-политической или культурной проблематике. Именно в конце 40-х — середине 50-х годов появились первые монографии (Я. Я. Зутиса, Я. П. Крастыня, М. К. Степермана, Т. Я. Зейда), которые стали методологическим образцом для молодой смены.

Середину 50-х годов можно, пожалуй, считать рубежом в смысле как характера продукции (перелом в сторону углубленной разработки важнейших проблем), так и интенсивности работы историков. Не будет преувеличением сказать, что не менее $\frac{3}{4}$ монографий или статей исследовательского характера, составляющих основной фонд советской историографии Латвии, вышли в свет за 1956—1969 гг. Этот крутой подъем объясняется не только ростом «числа и умения» наших профессиональных кадров, но и подлинно творческой обстановкой в науке. Исторические решения XX съезда КПСС открыли широкий простор для исследовательской работы на всех участках исторического фронта. Именно в этот период обрело настоящий размах научное изучение богатой и славной истории Коммунистической партии Латвии, революционных традиций латвийского пролетариата, истории Великой Октябрьской социалистической революции, героических подвигов красных латышских стрелков на фронтах гражданской войны и т. д. Не ослабляя усилий по «освоению» мало изученных прежде проблем далекого прошлого (об этом свидетельствует непрерывный и с каждым годом

возрастающий поток публикаций по археологии и этнографии, а также по самой разнообразной тематике, относящейся к феодальной и капиталистической формациям), советские историки Латвии активизировали работу по изучению актуальных проблем нового и новейшего времени. За последнее десятилетие возросло количество ценных исследований, посвященных периоду Великой Отечественной войны и проблемам строительства социализма и коммунизма в Латвийской ССР. Еще отряднее рост уровня исполнения этих работ, часть которых (как, например, коллективная монография «Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны») является действительно прочным вкладом в историческую науку.

Широкий размах исследовательских работ на самых различных участках исторического фронта и повышение качества публикаций — свидетельство зрелости коллектива историков Советской Латвии, призванного служить делу коммунистического строительства. Представляя одну из важнейших наук об обществе, историки должны внести собственный вклад в дальнейшее развитие марксистско-ленинской теории с учетом новых явлений нашей эпохи. Отсюда одна из важнейших задач — сосредоточить внимание на изучении современных процессов, на подготовке фундаментальных исследований по истории Латвии послевоенного периода. Это, конечно, не означает ослабления интереса к эпохам минувшим, хотя бы и весьма отдаленным. Без строго научного, марксистско-ленинского анализа всех этапов этого прошлого нельзя, как известно, познать основную закономерность — движение человечества к коммунизму. Подчеркивая необходимость глубокого изучения современности, мы имеем в виду то очевидное обстоятельство, что именно в этой области больше всего вопросов мало изученных и даже совершенно не разработанных. Кроме того, именно в изучении советского общества особенно нетерпимы такие явления, как догматизм и начетничество, поверхностный эмпиризм и голое описательство.

В отдельных разделах данной работы авторы предприняли попытки выявить «белые пятна» в историографии Латвии, практически не охваченные конкретным исследованием. Специалисты по изучению тех или иных проблем или эпох имеют, конечно, на этот счет более квалифицированные суждения. Однако один из пробелов — несомненный, пожалуй, для всех — следует подчеркнуть особо. Это — пренебрежение разработкой проблем всеобщей истории. В этой области вклад историков Советской Латвии пока, к сожалению, весьма невелик. Некоторое расширение их горизонта, специальное изучение отдельных аспектов истории таких, например, государств, как Польша,

Германия и страны Скандинавского полуострова (зачастую имеющих общую проблематику), представляется крайне необходимым.

Непременным условием дальнейшего повышения профессионального мастерства историков, особенно молодых, является должное внимание к так называемым вспомогательным историческим дисциплинам, к источниковедению. Проблема отбора источников, научно-критический подход к ним должны стать первоочередной задачей каждого специалиста, желающего работать на уровне современных научных требований. Явно назрела необходимость смелее внедрять в работу историков (особенно имеющих дело с массовым материалом) новые приемы исследования, в частности математико-статистические методы.

Эффективность труда научного коллектива (ныне в Советской Латвии насчитывается более ста историков, ведущих исследовательскую работу) во многом определяется также четким планированием, организацией и координацией исследований. Эти вопросы могли бы явиться предметом специального изучения (в данной работе они не рассматривались). Подчеркнем лишь один из самых насущных вопросов — необходимость дальнейшего совершенствования форм коллективного научного творчества. Разумеется, труд каждого из ученых не перестает быть прежде всего индивидуальным трудом, и тем не менее время «кустарей-одиночек» миновало. Сосредоточение сил на основных направлениях исторической науки и крупнейших ее проблемах, имеющих теоретическое значение, обуславливает необходимость сотрудничества многих специалистов «узкого» профиля, а подчас и представителей смежных наук. В практике работы историков Советской Латвии, наряду с удачными опытами, бывали — и это нужно признать — также досадные срывы. Достаточно упомянуть хотя бы работу по написанию капитальной истории экономической мысли Латвии, начатую еще на рубеже 50-х и 60-х годов и, к сожалению, пока остающуюся незавершенной. В этой связи вполне уместно процитировать высказывание академика Н. М. Дружинина: «Для того чтобы коллективные работы отвечали своей цели и не тормозили параллельных монографических исследований, их подготовка должна быть хорошо организована», ибо в противном случае «коллективизм оборачивается своей отрицательной стороной и становится не положительным, а вредным явлением в развитии науки»⁶².

В настоящее время, когда усилиями советских историков

⁶² ВИ, 1969, 6, стр. 102.

воссоздана общая картина исторического процесса на территории Латвии с древнейших времен и до наших дней, на передний план выдвигается задача углубленной разработки наиболее важных научных проблем. Это — ответственная и сложная задача, требующая не только расширения круга используемых источников, но и пристального внимания к методологии и методике исторического исследования. Позволительно будет сравнить работу историка с работой геолога: чем глубже уходит бур, тем труднее бурить. В этой книге речь шла главным образом о достижениях советской историографии Латвии за истекшую четверть века. Впереди много работы, и возможно, что сделать предстоит больше, чем уже сделано. Поэтому задачу на ближайшее будущее трудно формулировать иначе, как «глубокое бурение», вскрытие новых и новых пластов отдаленного и ближнего прошлого, анализ и обобщение современных явлений общественной жизни.

СОКРАЩЕНИЯ

- AE — Arheoloģija un etnogrāfija. R.
- AspZR — Pēteru Stučkas Latvijas Valsts universitātes aspirantu zinātniskie raksti. R.
- BaltPadR — Baltijas padomju republikas PSRS tautu brālīgajā saimē. R., 1960.
- DaugPedIR — Daugavpils Pedagoģiskā institūta raksti.
- EMA — Etnograafia muuseumi aastaraamat. Tallinn.
- LitM — Literatūra un Māksla. R.
- LoktSR — Lielā Oktobra sociālistiskā revolūcija un ārzemju militārā intervencija Latvijā. R., 1957.
- LVMR — Latvijas PSR Vēstures muzeja raksti. R.
- LVU ZR — Latvijas Valsts universitātes ... , vēlāk: Pēteru Stučkas Latvijas Valsts universitātes zinātniskie raksti. R.
- L. — Ļeņingradā.
- M. — Maskavā.
- PadLSk — Padomju Latvijas Skola. R.
- PadLTS — Padomju Latvijas Tautas Saimniecība. R.
- ParTV — Par tehnikas vēsturi Latvijas PSR. R.
- R. — Rīgā.
- RPedIR — Rīgas Pedagoģiskā institūta raksti.
- RPI ZR — Rīgas Politehniskā institūta zinātniskie raksti.
- RT 1958 — Referātu tēzes zinātniskai sesijai, veltītai 1958. gada arheoloģiskiem izrakumiem un etnogrāfiskai ekspedīcijai Latvijas teritorijā. R., 1959.
- RT 1959 — Referātu tēzes zinātniskai sesijai par 1959. g. arheoloģiskām un etnogrāfiskām ekspedīcijām. R., 1960.
- RT 1960 — Referātu tēzes zinātniskai sesijai par 1960. g. arheoloģiskām un etnogrāfiskām ekspedīcijām. R., 1961.
- RT 1961 — Referātu tēzes zinātniskai atskaites sesijai par 1961. gada arheoloģiskām un etnogrāfiskām ekspedīcijām. R., 1962.
- RT 1962 — Zinātniskās atskaites sesijas referātu tēzes par 1962. gada arheoloģiskām un etnogrāfiskām ekspedīcijām. R., 1963.
- RT 1963 — Zinātniskās atskaites sesijas referātu tēzes par 1963. gada arheoloģiskām un etnogrāfiskām ekspedīcijām. R., 1963.
- RT 1964 — Zinātniskās atskaites sesijas referātu tēzes par arheologu, etnogrāfu un folkloristu 1964. gada ekspedīcijām. R., 1965.
- SM — Suomen museo, Helsinki.
- SocUzv — Sociālisma uzvara Latvijā. R., 1960.

- VP — Vēstures problēmas. R.
ZAVēst — Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis. R.
- АО 1965 — Археологические открытия 1965 года. М., 1966.
АО 1966 — " " " 1966 года. М., 1967.
АО 1967 — " " " 1967 года. М., 1968.
АО 1968 — " " " 1968 года. М., 1969.
АрхЕжг 1959 — Археологический ежегодник за 1959 год. М., 1960.
АрхЕжг 1962 — " " " 1962 год. М., 1963.
АрхЕжг 1963 — " " " 1963 год. М., 1964.
АрхЕжг 1965 — " " " 1965 год. М., 1966.
АС — Архивное строительство в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР (материалы к научной конференции, посвященной 50-летию советских архивов). Р., 1968.
- БСЛ — Большевик Советской Латвии. Р.
БСЭ — Большая советская энциклопедия. М.
БЭСб — Балтийский этнографический сборник. М., 1956. (АН СССР. Труды Института этнографии. Новая серия, т. 32).
БюлВНО — Бюллетень Военно-научного общества при Рижском окружном Доме офицеров Советской Армии. Р.
- ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВИЖ — Военно-исторический журнал. М.
ВИ КПСС — Вопросы истории КПСС. М.
ВЛУ — Вестник Ленинградского государственного университета.
ВМУ — Вестник Московского государственного университета.
ВФ — Вопросы философии. М.
- ЕжгАгр — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.
- ИАН БССР — Известия Академии наук Белорусской ССР. Минск.
ИАН ЛССР — Известия Академии наук Латвийской ССР. Р.
ИАН СССР — Известия Академии наук СССР. М.
ИАН ЭстССР — Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин.
ИАрх — Исторический архив. М.
ИЖ — Исторический журнал. М.
ИЗ — Исторические записки. М.
ИзИМ — Из истории медицины. Р.
ИзИТ — Из истории техники Латвийской ССР. Р.
ИМ — Историк-марксист. М.
ИСССР — История СССР. М.
- КатСс — Каторга и ссылка. М.
КрАрх — Красный архив. М.
КрИнтПр — Красный Интернационал Профсоюзов. М.
КрЛет — Красная летопись. М.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
КСЛ — Коммунист Советской Латвии. Р.
- Л. — Ленинград.

- М. — Москва.
- МеждСвязи — Международные связи России до XVII в. М., 1961.
- МеждСвязи (1966) — Международные связи России в XVII—XVIII вв. М., 1966.
- МИА — Материалы исследований по археологии. М., 1962.
- МОЦВЕ — Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966.
- ПроблИст — Проблемы истории. Р.
- ПролРев — Пролетарская революция. М.
- Р. — Рига.
- СА — Советская археология. М.
- СВ — Средние века. М.
- СовЛ — Советская Латвия. Р.
- СПриб — Советская Прибалтика в братской семье народов. Р., 1960.
- ССб — Скандинавский сборник. Таллин.
- СтБ — Старый большевик. М.
- СЭ — Советская этнография. М.
- ТД 1951 — Тезисы докладов на Пленуме Института истории материальной культуры Академии наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики. 1951 год. М., 1951.
- ТД 1955 — Тезисы докладов Объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики. 1955 год. М., 1955.
(Пленарные заседания). 40 стр.
(Секция археологии). 48 стр.
(Секция этнографии и антропологии). 48 стр.
- ТД 1963 — Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1963 года. Р., 1964.
- ТДАгр 1962 — Тезисы докладов и сообщений пятой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в гор. Минске (сент. 1962 г.). Минск, 1962.
- ТДАгр 1964 — ... седьмой ... в гор. Кишиневе (окт. 1964 г.). Кишинев, 1964.
- ТДАгр 1965 — ... восьмой (Московской) ... (сент. 1965 г.). М., 1965.
- ТДАгр 1966 — ... девятой (Таллинской) ... (окт. 1966 г.). Таллин, 1966.
- ТДАгр 1968 — ... десятой ... (Ленинград, янв. 1968 г.). М., 1968.
- ТДЗ — Тезисы докладов и сообщений конференции, посвященной 75-летию со дня рождения академика Я. Я. Зутиса. Р., 1968.
- ТДИП — Тезисы докладов и сообщений конференции по историко-ведческим проблемам истории народов Прибалтики. Р., 1968.
- ТДиСообщ — Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной научной сессии «В. И. Ленин и историческая наука» (Киев, 15—18 июня 1965 г.). Киев, 1965.
- ТДОкт — Тезисы докладов и сообщений конференции, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Р., 1967.
- ТДПам — Тезисы докладов научной конференции по вопросам охраны и использования памятников культуры в комму-

- нистическом воспитании трудящихся (Рига, 29—30 марта 1967 г.). Р., 1967.
- ТрИЭ — Труды Института этнографии АН СССР.
- ТрМГИАИ — Труды Московского государственного историко-архивного института. М.
- ТрМИЛ — Труды Музея истории Латвийской ССР. Р.
- ТрПКЭ — Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М.
- ТСканд — Тезисы докладов четвертой Всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1968.
- УчЗАсп — Ученые записки аспирантов Латвийского государственного университета им. П. Стучки. Р.
- УчЗ ДаугПеди — Ученые записки Даугавпилсского педагогического института.
- УчЗ Инслав — Ученые записки Института славяноведения. М.
- УчЗ ЛатГУ — Ученые записки Латвийского государственного университета им. П. Стучки. Р.
- УчЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета.
- УчЗ МоскПеди — Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина.
- УчЗ РПеди — Ученые записки Рижского педагогического института.
- УчЗ РПИ — Ученые записки Рижского политехнического института.
- ЭБРФ — От эпохи бронзы до раннего феодализма. Исследования по археологии Прибалтики и смежных территорий. Таллин, 1966.
- ЭСПр — Экономические связи Прибалтики с Россией. Р., 1968.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аболиня М. К. — 83, 84, 85, 154
Аболинь Я. К. — 367
Аванесов Р. И. — 149
Аверин М. — 233
Азин В. М. — 464, 469
Алдан-Семенов А. — 467, 469
Александр III — 225
Алексеев В. Н. — 442
Алексеев В. П. — 20
Алексеева М. И. — 291
Алкнис Я. И. — 462, 468, 469
Аллен П. Я. — 312, 313
Алсупе А. П. — 136, 162, 164, 167, 168, 451
Амбайнис О. В. — 167, 168
Андерсон А. — 249
Андерсон М. — 245
Андерсоне Э. Я. — 8, 167, 315, 446, 447
Андреев В. А. — 438
Андриксон А. Я. — 318, 443, 444
Анисимова В. Р. — 52
Анскин А. — 352
Антейн А. К. — 44, 45, 132
Антонов-Овсеенко В. А. — 329, 335
Анфилов В. А. — 398
Анфимов А. М. — 190
Анцилис К. Я. — 20, 21
Апалс Я. Ф. — 37
Апар П. — 283, 338, 339
Апин Р. А. — 338
Апине (Рутмане) И. К. — 9, 218, 262, 263, 264, 293, 459
Апинис А. А. — 102, 103, 141
Арайс-Берце (Берце) А. — 289, 361, 373, 462, 467
Аристе П. А. — 21, 167
Арклан Б. — 408
Арнте А. Я. — 377
Арон К. Я. — 168, 448
Асар Я. — 258
Атгазис М. — 33, 41, 42, 46
Ауструмс В. — 459
Ахун М. И. — 235, 274
Ачкасов В. — 400
Ашмане (Ашманис) М. Е. — 441
Ашманис М. Г. — 443, 459
Бабрис Я. Л. — 193, 240, 241, 242, 243, 318, 475
Баграмян И. Х. — 409
Базилевич К. В. — 61
Балбер А. К. — 221, 244
Бале Я. — 283, 338
Балевиц (Спрингович) З. В. — 168, 383, 384, 454
Балевиц Л. Е. — 190, 191, 192, 265
Баллод П. Д. — 214, 215, 224
Балодис Ф. В. — 13, 17, 52, 57
Балодис Я. — 351
Балязин В. Н. — 61
Бамбитис П. Б. — 9, 385
Баранченко В. Е. — 466
Басова Л. — 429
Бастаков В. — 441
Баузе Р. П. — 283, 332, 337, 338, 352
Бауман К. Я. — 462, 468
Бауман П. О. — 406, 407
Бах М. Г. — 363
Бейка Д. С. — 233, 234, 289, 461, 465
Белевитнев Р. — 399
Белов М. И. — 122
Берг Э. А. — 464
Бергис С. — 234
Бергман Г. А. — 383
Беренштам В. В. — 234
Берзе-Максис А. — 361
Берзинь В. М. — 312, 345, 346, 347, 349
Берзинь П. — 283
Берзинь Р. — 338, 339

- Берзинь Эд. П. — 344
 Берзинь-Андерсон Я. А. — 356
 Берзинь-Зиемелис Я. А. — 220, 221, 245, 258, 264, 273, 281, 292, 294, 456, 457, 461
 Берзинь А. Я. — см. Зейда А. Я.
 Берзкалн О. — 437
 Берзкалн П. Ю. — 161
 Беркович Б. Ц. — 376, 382
 Берпе А. — см. Арайс-Берпе А.
 Беседин Г. А. — 432, 433
 Биезайс Я. Я. — 9, 278, 279, 294, 352, 460
 Биезбардис К. — 214
 Бинеман Ф. — 62, 119
 Бирзгалис Я. П. — 278, 294, 463
 Бирзинь Л. К. — 316, 393, 445
 Биркерт А. Я. — 218
 Бирон А. К. — 12, 205, 206, 213, 229, 349, 474
 Бирон Е. К. — 447
 Бирон М. Ф. — 460
 Бискуп М. — 59
 Бисмарк О. — 171
 Бланк Э. — 218, 228, 229
 Блюмфельд А. Э. — 304
 Блюмфельд Э. А. — 398, 408, 410, 414
 Бовыкин В. И. — 199
 Боголюбова Н. Д. — 149
 Бодлас М. Б. — 137
 Бонч-Бруевич Вл. Д. — 303, 329
 Бралитис У. — 339
 Браун Г. (Броун Ю.) — 81, 83
 Брауэр — см. Лутер-Бобис Я.
 Брахман Б. — 266
 Бреде А. — 452
 Брежго Б. Р. — 69, 74, 77, 78, 94, 140, 180, 181, 246
 Бресава М. К. — 32
 Бривкалн Я. — 339
 Бривкалне Э. П. — 39
 Бриеде А. Ю. — 437
 Бродский Е. — 322
 Брозинь Г. — 413
 Бротце И. Х. — 150, 158
 Бубнов А. С. — 329
 Буга К. — 14, 16
 Будберг Г. — 89
 Буденный С. М. — 351
 Буль А. К. — 376
 Бунге Г. Ф. — 61
 Бунгш Я. — 294
 Буренин Н. — 467
 Вайнер В. — 400
 Вайнштейн О. Л. — 65
 Вайта Х. — 103
 Валдемар Кр. (Вольдемар Хр. М.) — 213, 214
 Валескалн П. И. — 101, 104, 214, 224, 395
 Ванас Я. Ф. — 419, 424, 425
 Ванкина Л. В. — 16, 25, 26, 28, 32, 36
 Варкалн Р. Ф. — 406
 Варславян А. Я. — 386
 Василенко В. Е. — 410
 Васильев К. Г. — 448
 Васильев Ю. М. — 129, 168, 454
 Вассар А. К. — 68
 Вахтре С. Х. — 71
 Вацетис (Вацетис) И. И. — 282, 283, 330, 331, 337
 Вейденбаум Э. Е. — 216, 217, 218
 Вейкин Я. — 413
 Вейнберг А. М. — 372, 390, 422, 437
 Вейс Э. Э. — 429
 Веселовский С. Б. — 63
 Вестерман М. — 220, 311, 398, 402
 Вецгайлис А. — 301
 Виксна Дз. А. — 451
 Виксне П. — 300, 331
 Вилкс Б. Я. — 135, 197, 198, 199, 208
 Вилкс Я. — 246, 294
 Вилнис Я. — см. Сиполс В. Я.
 Вилсон А. Я. — 216, 220, 465
 Вилсоне М. Р. — 44, 110
 Вилциньш Т. О. — 242, 319, 439, 440
 Виноградов Ю. — 400
 Виппер Р. Ю. — 69, 76
 Витов М. В. — 18, 19
 Витол Я. — 352
 Витола А. — 442
 Витолинь Е. — 168, 454
 Виттрам Р. — 471
 Волобуев П. В. — 199
 Восс А. Э. — 416
 Гавен Ю. П. — 462, 466
 Гаглов И. — 469
 Гайлис К. А. — 278, 294, 338
 Гайлитис Х. — 141
 Галицкий К. Н. — 329, 349
 Гальперина Е. Д. — 127
 Геккерт-Штамберг В. — 467
 Генкина Д. — 398
 Генрих Латвийский — 21, 37, 58, 471
 Гердер И. Г. — 104
 Герман Я. (Аусеклис) — 461
 Германис А. Б. — 168
 Германис У. Я. — 270, 271
 Гефтер М. Я. — 199

- Гиндина И. Ф. — 199, 202
 Гинтер К. И. — 366
 Гиршфельд Б. — 378, 383
 Годманис Т. — 428
 Горев В. А. — 443
 Готье Ю. В. — 16
 Граббе — 233
 Гравельсин Р. — 368
 Гравитис В. А. — 132
 Гразкин Д. И. — 276, 277, 290, 294, 343
 Грасмане И. Э. — 125, 126
 Граудин К. М. — 321, 472
 Граудонис Я. Я. — 16, 17, 21, 24, 28, 29, 30, 31, 41, 43, 51
 Граужинис С. — 305, 393
 Грашман К. С. — 369
 Гредзене Я. — 339
 Грейтъянис И. Р. — 180, 186, 187, 225
 Греков Б. Д. — 10, 69, 70
 Греков И. Б. — 62
 Грива Ж. — 413
 Григораш Ф. Ф. — 448
 Грозова Г. — 220
 Громова З. — 277, 343
 Гронский А. С. — 322
 Гросвальд И. — 45, 368
 Груздин П. — 235
 Гудзука В. Я. — см. Канале В. Я.
 Гулян П. В. — 426, 429, 430, 431, 441
 Гун О. — 158
 Гуревич Л. — 472
 Гусев А. — 289, 468

 Даберт Г. — 467
 Дадзис — см. Деглав Фр.
 Дажина И. М. — 266
 Дайга И. В. — 33, 38, 39, 41, 45
 Дамбе В. Ф. — 20
 Дамберг О. И. — 395
 Данишевский Ю. (К.) Х. — 266, 281, 283, 294, 300, 327, 328, 332, 335, 357, 456, 458
 Дауге П. Г. — 215, 216, 217, 218, 220, 221, 235, 244, 246, 277, 282, 285, 289, 292, 304, 457, 462, 463, 472
 Дауман А. Э. — 462, 464
 Дебец Г. Ф. — 20
 Деглав Фр. (Дадзис) — 358, 363, 369, 394, 470
 Дейч Р. — 435
 Денисова Р. Я. — 19, 168
 Дерманис В. — 289, 467
 Дзенис О. — 300
 Дзерве П. П. — 211, 351, 364, 366

 Дзинтарс Я. К. — 398, 402, 403, 410, 414
 Дзиркалис И. — 408, 410
 Дижбит А. М. — 343, 344
 Дижгалвис Э. Я. — 9, 288
 Димперан А. — 441
 Дозитис К. М. — 283, 338
 Долленже Ф. — 117
 Доннерт Э. — 59, 63, 471
 Дорофеев В. Л. — 161
 Дорошенко В. В. — 12, 55, 70, 71, 73, 74, 75, 76, 117, 118, 120, 140, 144, 153, 473, 474
 Драудинь (Драудин, Драудынь) Т. Я. — 8, 194, 195, 245, 259, 268, 276, 282, 286, 287, 293, 295, 307, 310, 322, 331, 332, 335, 342, 343, 344, 348, 350, 459, 466, 472
 Дрезен А. К. — 235
 Дрибин Л. Г. — 264, 265, 277, 291
 Дризул (Дризулис, Дризуль) А. А. — 8, 9, 10, 59, 208, 225, 244, 259, 275, 276, 277, 285, 286, 288, 293, 295, 304, 308, 325, 349, 350, 351, 363, 371, 372, 373, 382, 385, 390, 391, 392, 394, 398, 406, 459, 460, 461, 472, 473, 474
 Дризуле М. Я. — 221, 222, 223
 Друва М. Ж. — 477
 Дружинин Н. М. — 92, 481
 Дубровский С. М. — 191
 Дума Л. Э. — 265, 266, 459
 Думберг Г. А. — 416
 Думпе Л. А. — 159, 452, 453
 Дунсдорф Э. Я. — 105, 117
 Духанов М. М. — 171, 172, 173
 Духанова З. В. — 9, 193, 242, 244, 250
 Дэрумс В. Я. — 44
 Дюбюк Е. Ф. — 83
 Дякин В. С. — 199

 Егоров А. И. — 329, 351
 Екатерина II — 83
 Емельянова С. И. — 438
 Енш Г. А. — 105, 118, 119, 124, 133, 134, 135, 136, 139, 141, 208, 244, 293
 Еремко А. И. — 409
 Ершков Н. В. — 266
 Ефремова Л. С. — 165, 166, 167, 168, 450

 Жагар Э. А. — 390, 392, 394, 396, 397, 410
 Жемчужина Н. И. — 448
 Жирмунский М. — 363
 Жубит К. Ю. — 283, 338, 352, 413
 Жуков М. Н. — 428

- Заварина А. А. — 165, 166, 168
 Загорски Ф. А. — 16, 25, 26, 27
 Закович Н. М. — 454
 Зандрейтер Э. — 294
 Зария А. Э. — 33, 38, 39, 43, 46, 51, 52
 Заул К. Л. — 351
 Захаров И. — 400
 Захаров С. А. — 469
 Звирбулис-Путис Э. — 258
 Зданович С. Ф. — 468
 Зейд Т. Я. — 8, 38, 56, 57, 62, 68, 69, 74, 77, 80, 109, 128, 130, 131, 144, 149, 473, 475, 479
 Зейда (Берзиня) А. Я. — 127, 128, 129, 140, 168
 Зеленин Д. К. — 139
 Зеленов С. Г. — 427
 Земзарис Я. К. — 143, 147
 Зиединь К. Я. — 464
 Зиёмелис С. В. — 9, 247, 262, 289, 296, 312, 315, 350, 351, 373, 374, 459, 460, 468
 Зиле А. Я. — 304, 312, 345, 346, 347
 Зиле Л. Я. — 437, 438
 Зимин А. А. — 63
 Зногынь Я. К. — 249
 Зонне О. Я. — 318
 Зунде Б. — 164
 Зутис К. И. — 461
 Зутис Я. Я. — 6, 7, 8, 10, 52, 55, 56, 58, 59, 62, 64, 66, 67, 68, 69, 74, 78, 80, 82, 83, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 108, 109, 113, 119, 124, 125, 129, 131, 164, 171, 174, 471, 472, 479
 Иван III — 61, 114
 Иван Грозный — 62, 63
 Иванов А. И. — 203, 431
 Иванов А. П. — 267
 Иванов С. В. — 235
 Иокум К. — 336, 337, 338
 Ионане И. А. — 243, 244
 Иостсон Э. А. — 445
 Ипполитова Л. — 428
 Кадике И. В. — 9
 Кажмер-Попс Ю. П. — 233
 Казак Р. П. — 294
 Казакова Н. А. — 58, 114, 115
 Кайминь Я. Я. — 9, 276, 277, 286, 296, 314, 342, 343, 344, 350
 Калейс — см. Кузнецов Ю. П.
 Калнача В. — 410
 Калнберзин Я. Э. — 293, 401, 415
 Калнинь В. Е. — 57, 58, 65, 316, 445
 Калнынь Б. П. — 218
 Калнынь Д. Я. — 371
 Калнынь Я. — 376
 Калпыньш В. — 448
 Каменев С. С. — 329
 Кампарс П. П. — 454
 Кан А. С. — 122
 Канале (Гудзука) В. Я. — 390, 392
 Каннер Л. Ф. — 363
 Капениеце И. — 378
 Капустин М. И. — 276, 277, 343
 Карнитис — 300
 Карнуп А. Я. — 44
 Карпачев А. Г. — 122
 Карулис К. — 141
 Карцев В. С. — 59
 Каулинь К. Я. — 9, 220, 244, 245, 262, 285, 293, 304, 396
 Каупуж Д. — 413
 Кауфманис К. П. — см. Сомс К. П.
 Кахк Ю. Ю. — 80, 81, 89, 90, 96, 144, 475
 Кашкис — см. Линде Фр.
 Каштанов С. М. — 145
 Кенеман Л. — 83, 104
 Кимен П. — 294
 Кимене З. — 442
 Кипер Ю. — 289, 467
 Кирсис К. — 428
 Киртовский И. Х. — 217
 Кириш Ю. — 177, 178, 233, 274, 282, 284, 300, 359, 360
 Киршентале И. — 289, 468
 Кирьянов А. В. — 47
 Кисис Р. — 290, 304, 341, 342, 343, 344, 348, 352
 Клейнберг И. Э. — 116, 148
 Клява Г. Я. — 316, 363, 444
 Кляцкин С. М. — 341
 Кобозев П. — 234
 Ковальченко И. Д. — 156
 Козин М. И. — 96, 180, 181, 182, 183, 184, 188, 189, 190, 213, 472, 475
 Кокис П. П. — 464
 Кондратьев Н. — 289, 462, 464, 465, 469
 Копылов Д. И. — 63
 Копысский З. Ю. — 122
 Корецкий В. И. — 63
 Корк А. — 330
 Королев И. Д. — 409
 Королюк В. Д. — 63, 65, 80
 Краснов Ю. А. — 47
 Крастынь Я. П. — 6, 7, 8, 58, 170, 177, 179, 192, 193, 195, 196, 211, 212, 237, 238, 239, 242, 243, 244,

- 245, 246, 250, 252, 259, 263, 265,
288, 304, 305, 306, 308, 310, 313,
348, 349, 350, 351, 363, 398, 459,
472, 474, 475, 479
- Крастыня А. К. — 160, 161, 167, 168,
450
- Краулиньш К. — 216
- Краус А. А. — 448
- Кремер С. Д. — 409
- Креслинь Л. П. — 9, 252
- Кришьянсон Л. Э. — 296, 476
- Кродер Я. — 234
- Кродзник Я. — 57
- Кронитс Р. А. — 267
- Кронькалн А. — 283
- Крузметра М. — 423
- Крумий-Пилат Я. — 294, 357, 462,
467
- Круминьш В. А. — 417, 434
- Крупина Т. Д. — 199
- Крупников П. Я. — 379, 380
- Крупская Н. К. — 262
- Крустинсон Е. М. — 466
- Крустинсон М. М. — 462, 464
- Круус Х. Х. — 64
- Кудинов П. С. — 66
- Кудрявский М. — 8, 242, 243
- Кудрявцев П. — 218
- Кузнецов А. — 419
- Кузнецов И. В. — 419
- Кузнецов Н. Г. — 400
- Кузнецов (Калейс) Ю. П. — 211
- Куля В. — 146, 148
- Курпниекс А. — 396
- Курсков Ю. — 65
- Курцалт К. — 20
- Кучкин В. А. — 149
- Кюттлер В. — 64, 127
- Лавренев Б.** — 467
- Ладухин В. — 469
- Лаздынь В. — 436
- Лайзан П. В. — 217, 218
- Лайсен А. — 283, 339
- Ландер К. — 173, 174, 175, 234, 235,
467
- Ланцере Б. Ю. — 381
- Лапинь А. Я. — 462, 469
- Ларозе-Мазайс Я. — 274, 300, 338
- Ласман И. — 352
- Латковский А. В. — 366
- Лау Т.-Л. — 104
- Лаубе Я. — 283, 339
- Лаукманис К. — 294
- Лауцявичус Э. — 141
- Лацис В. — 293, 401
- Лацис (Судрабс) М. — 274, 329
- Лебедев И. К. — 421
- Леви С. Л. — 400, 473
- Левин Д. — 428
- Левитан С. А. — 379
- Левтов А. З. — 428
- Леднева Т. М. — 427
- Лейнь В. — 245, 399, 436
- Лейберов И. П. — 270
- Лейнасаре И. А. — 71, 72, 158, 159,
167, 168
- Лейт А. И. — 304, 305, 364, 365, 366,
429
- Лейтес А. — 438
- Ленин В. И. — 7, 8, 193, 199, 207,
219, 220, 221, 229, 230, 236, 238,
254, 258, 260, 261, 263, 287, 288,
292, 295, 303, 323, 327, 328, 336,
339, 351, 379, 384, 456, 457, 458,
459, 460, 462, 465
- Ленцман (Ленцманис) Я. — 5, 254,
289, 301, 327, 462, 466
- Лепешков С. — 400
- Лесников М. П. — 114, 116, 149
- Либерман Г. — 211
- Лиги Х. М. — 48, 70, 71, 73, 89, 90,
96, 158
- Лиготню Екаб — 271
- Лидаце Э. Р. — 9, 289, 373, 467
- Лиепиня Д. Э. — 73, 74, 75, 76, 78,
79, 80, 131, 144, 154
- Линде Фр. (Кашкис) — 256, 257
- Линденвальд А. К. — 233
- Лининь М. — 233
- Литвиненко А. В. — 417, 418
- Ловмянский Г. — 154
- Лозе И. А. — 25, 27, 28
- Локкарт Б. — 343, 344, 351
- Лооне Л. А. — 96, 135
- Лопатин В. В. — 149
- Лось А. — 399
- Лусс Е. — 235
- Лутер (Лютер) А. — 254, 466, 467
- Лутер-Бобис (Брауэр) Я. — 233, 235,
254, 462, 467
- Луцевский Я. — 438
- Любомиров П. — 134
- Лялик Г. — 399
- Мажюлис В.** — 20
- Мазайс — см. Ларозе-Мазайс Я.
- Мазайс Д. (Ш. Дволайцкий-младш.)
— 274
- Майстров Л. Е. — 144
- Макеев П. В. — 293, 348
- Макон (Калнынь Е.) — 277

- Малвесс Р. — 141
 Мальков П. Д. — 294, 352
 Мамаева К. И. — 293, 428, 441
 Манасеин Н. — 224, 225
 Марасинова Л. М. — 149
 Марк К. Ю. — 18, 19
 Маркон А. — 438
 Маркон И. — 364
 Маркс К. — 59, 106, 131, 151
 Маркус Ф. — 352
 Мартинсон Г. — 216
 Мартинсон К. Д. — 242, 243
 Марцинковский А. — 234
 Маслин В. П. — 432
 Матвеев П. — 399, 400
 Мацпанс А. — 405
 Маяцкий М. — 399
 Медведева К. М. — 376, 477
 Медне К. — 468
 Медне Э. — 467
 Мейерберг А. — 140
 Мелдерис Г. А. — 144
 Мелешко В. И. — 122
 Мелькисис Э. А. — 444
 Мельникова А. С. — 143
 Меркель Г. — 83, 103, 104, 149
 Меркис В. Ю. — 137
 Мерэн Г. — 274
 Миезитис П. — 428
 Миериня А. Ю. — 180, 184, 185, 186
 Миквиц Г. — 117
 Микельсон Р. М. — 315, 446
 Миллер В. О. — 254, 289, 312, 315, 316, 317, 393, 394, 444, 466
 Миллере М. Э. — 423
 Милоков П. Н. — 271
 Минарик Л. П. — 190
 Минц И. И. — 10
 Мирам Я. — 274, 324
 Миронова-Шпаковская В. — 262, 401, 402, 435
 Мистре М. — 220, 459
 Митяев К. Г. — 122
 Мишке В. К. — 9, 244, 247, 274, 293, 322, 358, 359
 Молвыгин А. Н. — 142, 148
 Монгайт А. Л. — 49
 Моора А. Х. — 15, 18
 Моора Х. А. — 10, 14, 15, 16, 17, 18, 24, 45, 48, 49, 52, 53, 473
 Мотель Я. — 438
 Мугуревич Э. — 24, 29, 33, 39, 40, 41, 42, 43, 49, 50, 51, 111, 120, 144
 Музыкантик Я. (И.) — 402, 436, 470
 Муравская Е. И. — 112, 113
 Муцениек А. — 352
 Наан Г. — 210
 Нардова В. А. — 199
 Нахимсон С. М. — 341, 464
 Невлер В. Е. — 388
 Некрасов Г. А. — 66, 124
 Нетесин Ю. Н. — 200, 201, 202, 203, 209, 210, 246, 261, 262, 267, 278
 Нетте Т. — 464
 Неупокоев В. И. — 144
 Нечкина М. В. — 10, 472
 Ниедре О. М. — 266, 476
 Никитин В. Н. — 379, 477
 Никифоров Л. А. — 65
 Новицкий Г. А. — 62, 67, 74, 122
 Новосельцев А. П. — 112
 Носов С. — 469
 Озол И. — 232
 Озола К. — 109
 Озолинь К. — 271
 Озолинь-Томас К. — 337
 Озолиня Д. К. — 207
 Олехнович К. Ф. — 118
 Олмане П. Д. — 9, 460
 Остров Я. П. — 446
 Офманис Я. Л. — 369, 419
 Ошкалн О. — 406, 413
 Павеле М. — 267
 Павеле Т. — 44, 46
 Павулане В. П. — 124
 Павуланс В. В. — 120, 121
 Пакалнс Я. — 402, 436
 Палант М. — 469
 Палли Х. Э. — 65, 144
 Пальвадре Я. — 235
 Панков Д. — 469
 Панкратова А. М. — 10
 Пантелеев Ю. А. — 400
 Партизпанян Я. Н. — 395
 Парумс К. — 352
 Паулиш А. — 235
 Паулс Я. — 233
 Пашуто В. Т. — 59, 60, 61, 111, 112, 144, 475
 Паэгле (Паэглис) В. — 413
 Паэгле И. — 413
 Паэглис Я. С. — 459, 477
 Пейве Я. В. — 447
 Пелуде Я. — 218
 Пельше А. Я. — 407, 416
 Пельше Р. — 253, 257
 Петерс Я. — 235, 329
 Петерсон К. — 251, 289, 351, 461, 464
 Петерсоне А. — 420
 Петров В. — 233, 235, 274

- Печак К. — 5, 256, 257, 358, 470
 Пече Я. — 234, 235, 284
 Пигознис А. — см. Страутинь А.
 Пийримяз Х. А. — 121, 122
 Линкис И. — 245, 399, 436
 Плауде К. К. — 447
 Плауде Э. К. — 210, 315
 Плаудис П. — 351
 Поиш Я. — 294
 Покровский М. Н. — 235
 Полянский Н. — 262
 Попов Ф. — 329
 Пориете М. А. — 436
 Пориетис Я. П. — 447
 Поршнева Б. Ф. — 67
 Потин В. М. — 111, 112, 145
 Поголов С. И. — 199
 Поча К. Я. — 385
 Пределе Я. Д. — 119, 286
 Прейс П. — 247
 Примаков В. — 338, 351
 Пронштейн А. П. — 145
 Просандеев А. — 441
 Пугачев Е. — 82
 Пурвинская Э. С. — 422
 Пурин В. Р. — 426, 429, 432, 433
 Пуце О. — 476
 Пятницкий И. А. — 263
 Рабинович И. М. — 144
 Радаева Е. — 428
 Раевский В. Р. — 245, 262, 264, 265, 292, 422
 Райд Я. Г. — 400
 Райнес (Якобсон) Г. — 381, 390
 Райнс А. — 406, 407
 Раман М. Л. — 267
 Рапопорт Г. — 388
 Расиньш А. — 46, 47
 Ратник К. — 292
 Раузан Г. — 318
 Раух Г. О. — 233
 Рашкевич А. К. — 9, 293, 398, 403, 405, 406, 408, 416, 420
 Рейн Р. П. — 234
 Рейта Д. — 470
 Реннер И. — 62
 Риксис В. — 437
 Ринг И. Г. — 274, 361, 362, 363
 Рипа Е. И. — 235, 263, 264, 474
 Рисс О. — 322
 Розе Р. К. — 368
 Розенкранц Л. — 110
 Розенштейн А. — 245
 Розинь Фр. — 173, 174, 216, 217, 218, 220, 221, 254, 273, 281, 289, 322, 462, 466, 470
 Ролова А. Д. — 59
 Ронис Я. — 170
 Рубен А. — 459
 Руберт Я. — 221, 223, 247, 248, 249, 349, 459
 Рудевитц А. Ю. — 383
 Рудзите М. — 20
 Рудзутак Я. — 289, 292, 457, 462, 467
 Рутмане И. К. — см. Апинь И. К.
 Рухманова Э. Д. — 65, 122
 Рыбаков Б. А. — 10
 Рындыонский П. Г. — 99, 137
 Рюссов Б. — 62
 Рябчун П. И. — 419
 Савулич Е. Ф. — 434
 Савченко В. И. — 8, 264, 278, 390, 394, 398, 400, 406, 407, 410, 414, 419, 448, 473
 Салминь А. Я. — 102, 214, 221, 222, 223, 310
 Самсон В. П. — 9, 210, 218, 319, 398, 399, 402, 403, 404, 405, 410, 413
 Самонов А. М. — 409
 Сандалов Л. М. — 409
 Сахин Х. А. — 144
 Сваране М. А. — 98, 99, 100, 102
 Свердлов М. — 388
 Свердлов Я. М. — 351
 Свикис А. — 370
 Свиридов В. П. — 410
 Седов В. В. — 16
 Семенова М. Ф. — 141
 Сенканс А. Ю. — 419
 Сергеев М. — 467
 Сидоров А. Л. — 202
 Силабриедис И. — 408
 Сильдмяз И. Я. — 96
 Силиничев А. — 400
 Сиполс В. Я. — 320, 321, 322, 385, 386, 387
 Ситчихин В. К. — 429
 Сказкин С. Д. — 67
 Сколис Я. — 110
 Скродерис А. — 395
 Скроманис Д. А. — 435
 Скуениек М. — 359
 Скултынь В. — 390, 393, 394
 Слава М. К. — 162, 163, 167, 168, 451
 Смирнов А. М. — 289, 290, 318, 319, 408, 417, 434
 Соболев В. — 220
 Соловьев Ю. Б. — 199
 Сомс (Кауфманис) К. П. — 300, 301
 Сомс Р. — 441
 Сондор К. — 442, 443
 Сотниесе Л. Я. — 205

- Софинов П. Г. — 341
 Сочнев М. Н. — 214
 Слагис А. — 214
 Споге О. Я. — 8, 9, 262, 390, 396
 Спреслис А. И. — 246, 278, 289, 290, 344, 345, 349, 371, 372, 473, 475
 Спрингович З. В. — см. Балевиц З. В.
 Спроге (Унгуре) А. Я. — 371, 427, 439
 Спруж Ю. Ю. — 9, 380
 Стародубец П. А. — 59
 Стародубский Л. — 364, 365, 431
 Стендер Г. Ф. — 104
 Степерман М. К. — 8, 10, 56, 69, 76, 80, 81, 82, 83, 84, 103, 104, 109, 153, 164, 472, 473, 479
 Степинь П. — 59
 Степане И. Я. — 97
 Стороженко Г. А. — 310, 321
 Страдынь Я. П. — 132, 133
 Страздинь К. Я. — 8, 173, 211, 293, 448, 475
 Страуберг Я. — 109
 Страуме А. — 380
 Страумитс Я. — 292
 Страутинь (Пигознис) А. — 436
 Страуя Я. Ю. — 234
 Строд Г. (Х.) П. — 24, 92, 93, 94, 95, 96, 109, 124, 144, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 167, 168, 221, 222, 247, 473
 Строда Л. — 221, 222
 Стубав А. Я. — 24, 35, 36, 41, 42, 49, 51, 473
 Стумбина Э. Я. — 254, 289, 312, 317, 318, 393, 444, 445, 466
 Стуцка К. — 338
 Стученко А. Т. — 409
 Стуцка Д. — 463
 Стуцка П. И. — 5, 173, 177, 215, 216, 217, 220, 221, 226, 231, 232, 234, 235, 236, 246, 260, 261, 262, 264, 273, 281, 282, 285, 289, 292, 298, 299, 300, 301, 302, 314, 316, 317, 325, 327, 328, 336, 350, 351, 355, 356, 437, 440, 447, 456, 457, 463, 464, 470, 474
 Судмалис И. — 399, 406, 413, 470
 Суздальцев В. В. — 264, 278
 Сумин А. — 423, 425, 429
 Сумников Т. А. — 149
 Суна Х. — 168
 Суриков Б. П. — 240, 242, 243, 244

 Тарвел Э. — 63, 73
 Тарле Е. В. — 65
 Тарновский К. Н. — 199, 202

 Таубе М. А. — 127, 129, 140, 141
 Таубенберг Л. И. — 149
 Таурия М. — 47
 Тентелис А. — 52, 57
 Терентьева Л. Н. — 160, 449, 450
 Тизенберга Р. Я. — 8, 398, 402, 406
 Тизенхаузен Г. — 75
 Тилле А. А. — 316
 Тихомиров М. Н. — 51, 115, 144
 Тобин А. — 93, 196, 228
 Толмаджев К. Г. — 415
 Толстов С. П. — 167
 Томан Б. — 344, 349
 Томсон Э. — 234
 Торф И. — 235
 Траат А. М. — 96
 Транзе-Розенек А., фон — 196, 227
 Трейман Х. — 235
 Грейс Р. Э. — 9, 307, 309, 312, 315, 318, 319, 350, 438, 458, 459
 Третьяков П. Н. — 15, 16, 51
 Троицкий С. М. — 144
 Трукан Г. А. — 289, 467
 Туменас К. — 432
 Тумшевиц В. — 429
 Турнвальд К. — 22
 Тылтынь А. А. — 435
 Тыниссон Э. Ю. — 21
 Тюленев И. — 469

 Удачин С. А. — 369, 390, 394, 395, 418
 Удрис А. — 398, 407, 410
 Унгуре А. Я. — см. Споге А. Я.
 Упит А. — 463
 Урбан И. — 413
 Урбанович К. — 283, 339
 Уртанс В. — 36, 37, 42, 43, 45, 46, 51, 475
 Усачев Н. Н. — 112, 113
 Усиньш В. А. — 315
 Ушинский К. — 223

 Фабрициус Я. — 464
 Фасмер М. — 14
 Федин К. — 467
 Федоров Д. Я. — 142
 Федюкович К. И. — 427
 Федяева А. — 340
 Фейгина С. А. — 65
 Фелдман А. — 231, 283, 336, 338, 352
 Фелдман В. — 335
 Фелдмане Дз. — см. Цимермане Дз.
 Фельдхун А. — 149
 Фетинин Д. Н. — 469
 Фехнер М. В. — 51
 Фишер Р. — 453

- Флоря Б. Н. — 64, 122
 Фомина Т. К. — 104
 Фрайман А. Л. — 341
 Фрейберг Г. — 110, 245, 399, 400, 436
 Фридман Ф. — 380, 388
 Фридмане Г. — 380
 Фурсенко А. А. — 199

 Халифман Л. Я. — 436
 Хачай Ф. — 401
 Хейман Б. — 438
 Хельман М. — 473
 Хенинь А. — 318
 Хильхен Д. — 74, 104
 Химельрейх Л. П. — 392
 Хорошкевич А. Л. — 59, 113, 115, 122, 144, 149
 Хорунженко — 249

 Цалкин В. И. — 44
 Цеплите Р. — 142, 143
 Цибуле Р. — 459
 Циеленс Ф. — 228, 270, 272
 Цимермане (Фелдмане) Дз. — 164
 Цимермане И. — 32, 51
 Цимерманис С. Я. — 140, 159, 160, 164, 165, 167, 168, 452
 Ципарсон Т. — 143

 Чаша И. — 413
 Чебоксаров Н. Н. — 14, 18, 19, 153
 Чепко В. В. — 137
 Черепнин Л. В. — 475
 Черменский Е. Д. — 270
 Чивкуле Э. П. — 164, 165, 167, 168, 450
 Чистякова Е. В. — 122
 Чоке К. — 234

 Шаджюс Г. А. — 437
 Шакаре З. — 168, 475
 Шамардин Б. М. — 144
 Шаскольский И. П. — 58, 59, 62, 122, 123, 144
 Шац М. — 289, 467
 Швабе А. — 54, 57, 196, 228, 229, 472
 Шелюбский А. П. — 276
 Шепелев Л. Е. — 199
 Шилф-Яунзем Я. — 361
 Ширант Р. А. — 110, 140
 Ширрен К. — 62
 Шкапаре Б. — 444
 Шкарупина Е. — 416
 Шмидре Д. П. — 9, 310, 448
 Шмидт С. О. — 63
 Шмудер М. — 368

 Шноре Э. Д. — 16, 24, 29, 32, 38, 39, 40, 41, 43, 45, 49, 50, 52, 472
 Шпонберг Г. К. — 406
 Штейман И. А. — 9, 373, 374, 375, 377, 390, 392, 393, 402, 436, 460, 461, 477
 Штейнберг В. А. — 216, 218, 220, 221, 264, 275, 286, 287, 290, 293, 447, 465
 Штилер Г. — 104
 Штраус В. — 301, 302, 340
 Штурмс Э. — 28
 Шульц А. — 160, 161
 Шурыгин А. — 276, 277, 293, 343

 Эглай Э. — 293
 Эгле К. — 459
 Эглите В. — 291
 Эджинь М. — 398
 Эдлинский С. Ф. — 401
 Эйдеман Р. — 329, 462, 469
 Эйдук Ю. — 368
 Эйдус З. — 380
 Эйзен И. Г. — 103
 Эйхе Р. — 257
 Элере С. — 143
 Эльвих П. Е. — 293, 406, 407
 Энгельс Ф. — 106, 116, 151
 Эндзелин Я. — 20
 Эндруп Р. — 5, 231
 Эферт-Клусайс Э. — 219, 256, 257, 289, 294, 468

 Юдин Я. — 464
 Юкна Р. Д. — 367
 Юргинис Ю. М. — 144, 154
 Ючас М. Я. — 144
 Юшкевич Б. — 453

 Яблонский А. — 363
 Якимов В. П. — 19
 Якобсоне Г. — см. Райнес Г.
 Якутович В. П. — 410
 Якушина А. П. — 266
 Янель З. К. — 96, 97
 Янин В. Л. — 145, 149
 Яннау Г. И. — 104
 Янсон А. Я. — 20, 21, 22, 140, 141
 Янсон В. Я. — 267
 Янсон П. — 232
 Янсон-Браун (Янсон) Я. — 173, 175, 176, 215, 216, 217, 220, 221, 234, 235, 236, 237, 264, 335, 463, 465
 Ярослав Мудрый — 41
 Яунзем Я. — 274
 Яунземе Л. Я. — 366, 367
 Яцунский В. К. — 135, 204

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения	5
I. ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА	13
II. ПОИСКИ И ОТКРЫТИЯ АРХЕОЛОГОВ: ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЛАТВИИ	23
III. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОЙ ЛАТВИИ	54
1. Политическая история латышских земель в эпоху феодализма («балтийский вопрос»)	55
2. Аграрные отношения и классовая борьба крестьян в эпоху феодализма	68
3. Изучение феодального города	105
а) важность проблемы; работы общего характера	105
б) исследования по истории торговли	111
в) от средневекового ремесла к капиталистической фабрике	126
4. Источниковедение и публикация документов феодальной эпохи	138
IV. ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И БЫТА: ЭТНО- ГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	151
V. ЛАТЫШСКИЙ НАРОД ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НА- ЧАЛЕ XX ВЕКА	170
1. Аграрная история Латвии периода капитализма	173
2. Изучение промышленности и торговли	197
3. Формирование рабочего класса, его рост, положение и борьба	207
4. Общественные движения (младолатышское, «Новое течение», распространение марксистско-ленинских идей, формирование Латышской социал-демократической рабочей партии)	210
5. Школа, просвещение, культура	221
VI. РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг. В ЛАТВИИ	226
1. Фальсификация истории революции прибалтийско-немецкими и латышскими буржуазными историками	226
2. Советская историография революции 1905—1907 гг.	229
а) первые издания документальных материалов и воспомина- ний о революции 1905—1907 гг.	230
б) работы П. Стучки и Я. Янсона-Брауна	234

3. Монографические исследования и обобщающие труды . . .	237
а) изучение проблемы в целом	238
б) исследование важнейших событий революции 1905—1907 гг. в Латвии	240
4. Послевоенные публикации документов и воспоминаний . . .	250
VII. ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ, НОВЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА	256
VIII. ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЛАТВИИ	269
1. Буржуазная историография проблемы	269
2. Советская историография проблемы	273
IX. ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЛАТВИИ	280
1. Общая постановка проблемы	280
2. Первые советские исследования и публикации документальных материалов и мемуаров	282
3. Важнейшие послевоенные исследования	285
X. БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ В ЛАТВИИ В 1918—1920 гг.	298
1. Первые шаги в изучении проблемы	298
2. Исследования 20-х — первой половины 30-х годов	300
3. Разработка проблемы в период с 1940 г. до середины 50-х годов	303
4. Изучение проблемы после XX съезда КПСС	306
а) исследования обобщающего характера	306
б) разработка общей концепции событий 1918—1920 гг. в Латвии	308
в) освещение важнейших вопросов периода	310
г) аграрная политика Советского правительства Латвии и КПЛ в 1919 г.	313
д) вопросы культурного строительства	315
е) становление советской государственности в Латвии	316
ж) изучение других важнейших вопросов проблемы	318
з) публикации источников	323
XI. ЛАТЫШСКИЕ СРЕЛКИ В АВАНГАРДЕ БОРЬБЫ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ	327
1. Первые работы по истории латышских стрелков	327
2. Деятельность Комиссии по истории латышских стрелков и подготовка крупных публикаций документов и обобщающих трудов (20-е — первая половина 30-х годов)	332
3. Послевоенный вклад в изучение проблемы	340
4. Издание документальных материалов	351
XII. ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ (1920—1940 гг.)	355
1. Первый этап разработки проблемы	355
2. От популярных брошюр к монографиям	363
а) состояние промышленности, торговли и финансов	364
б) аграрные отношения	369
в) революционное движение	371
г) внутренняя и внешняя политика правящих кругов	382

XIII. ЛЕТОПИСЬ СОВРЕМЕННОСТИ. ПЕРИОД СОЦИАЛИЗМА И РАЗВЕРТЫВАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	390
1. Образование Латвийской ССР и первые шаги социалистического строительства (июль 1940 — июнь 1941 г.)	390
2. Великая Отечественная война	398
3. Восстановление народного хозяйства и победа социализма в республике	415
а) значение проблемы	415
б) на путях к социалистическому сельскохозяйственному производству	418
в) индустриализация республики	421
4. Завершение социалистического и развертывание коммунистического строительства	424
а) развитие сельского хозяйства и промышленности	424
б) формирование и развитие рабочего класса	437
в) развитие народного образования, культуры и науки	446
г) этнографические исследования проблем современности	449
XIV. РАБОТЫ ПО ИСТОРИОГРАФИИ ЛАТВИИ	456
1. В. И. Ленин и революционное движение в Латвии	456
2. Обзор литературы, посвященной революционным деятелям Латвии	462
3. Обзор работ по историографии Латвии	471
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	473
СОКРАЩЕНИЯ	483
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	487

Анатолий Карлович Бирон, Василий Васильевич
Дорошенко

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЛАТВИИ

Художественное оформление К. Холдманиса. Редактор А. Мартинсон. Художественный редактор В. Зирдзинь. Технический редактор Э. Поча. Корректор Е. Карпова.

Сдано в набор 21 августа 1969 г. Подписано к печати 2 февраля 1970 г. Типографская бумага № 1, формат 60×90¹/₁₆. 31,25 физ. печ. л.; 31,25 усл. печ. л.; 34,89 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. ЯТ 03007. Цена 2 руб. 61 коп. Издательство «Зинатне», г. Рига, ул. Тургенева, 19. Отпечатано в типографии № 3 Управления полиграфической промышленности Комитета по печати при Совете Министров Латвийской ССР, г. Рига, ул. Ленина, 137/139. Заказ № 473.

9

Б 646

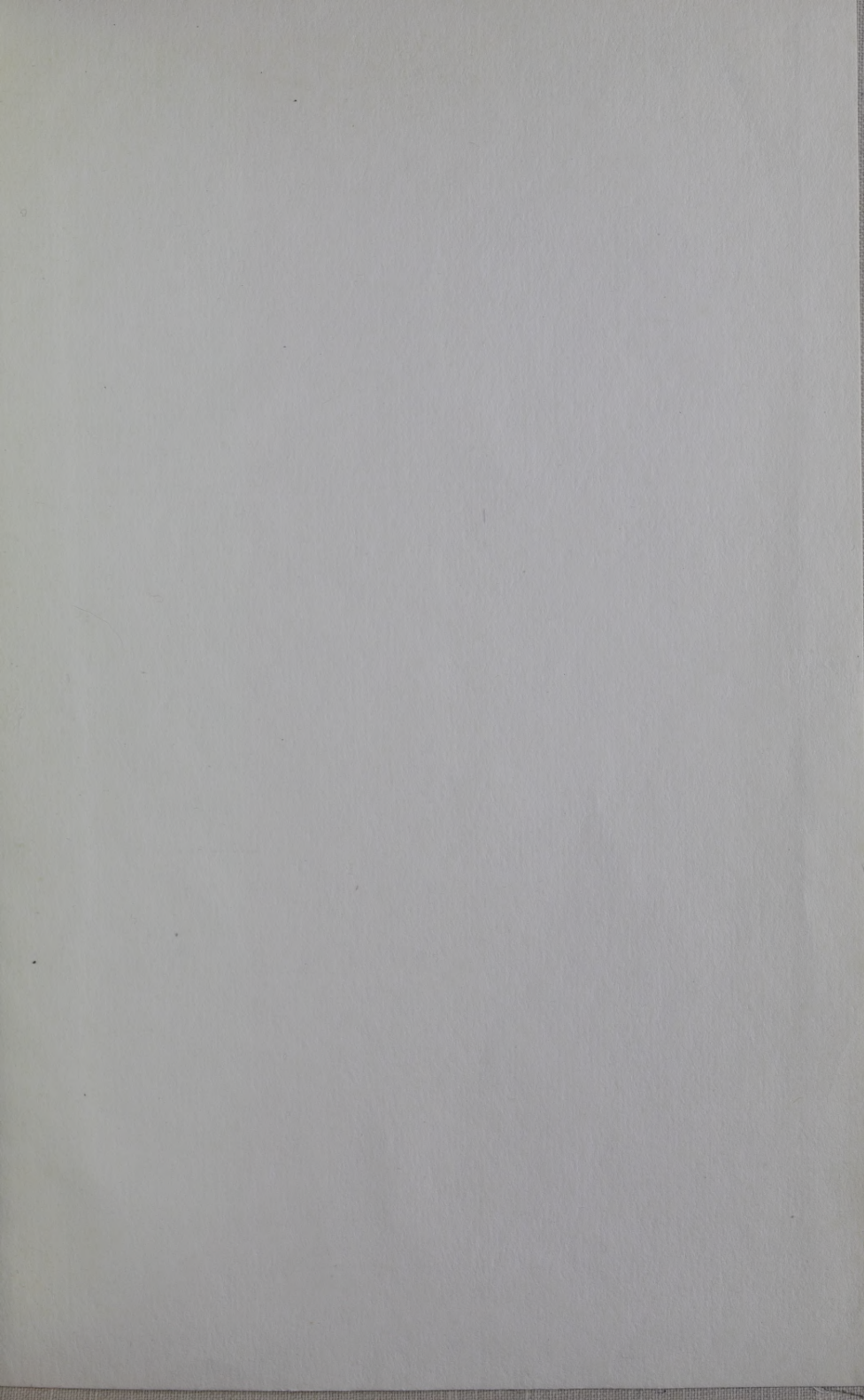
1-6-1

1970-41

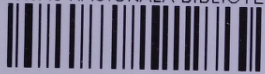
Печатается по решению
Редакционно-издательского
совета Академии наук Латвийской ССР
от 20 марта 1969 года

Замеченные опечатки и ошибки

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
38	2-я снизу	З. Д. Шноре	Э. Д. Шноре
41	11-я и 12-я сверху	(VIII—VII вв. н. э.).	(VII—VIII вв. н. э.).
43	8-я снизу	E. Šņore.	E. Šņore.
44	3-я снизу	ИзИМ, 1945,	ИзИМ, 7, 1967
45	26-я сверху	ZR, 13, 1957, 202. lpp.;	ZR, 13, 1957, 177.— 202. lpp.;
53	4-я и 3-я снизу	1—11. Tartu, 1929—1939.	1—2. Tartu, 1929—1938.
59	12-я снизу	ИЖ, 1941,	ИЖ, 1941, 9,
63	5-я снизу	Ordenvitterstaat	Ordensritterstaat
83	12-я сверху	нечто иное, как	не что иное, как
127	1-я сверху	«немецкого»,	«немецкого»,
141	8-я сверху	Ф. Карулиса,	К. Карулиса,
141	10-я снизу	F. Karulis.	K. Karulis.
141	16-я сверху	Н. Ф. Семенов ¹⁹⁵ .	М. Ф. Семенов ¹⁹⁵ .
141	9-я снизу	Н. Ф. Семенова.	М. Ф. Семенова.
161	16-я сверху	Б. Дорофеева ²⁴ .	В. Дорофеева ²⁴ .
161	8-я снизу	Б. Дорофеев.	В. Дорофеев.
168	6-я снизу	Rīgā, 1968.	Rīgā, 1969.
168	5-я снизу	М. Арон,	К. Арон,
168	5-я и 4-я снизу	Я. Витолинь,	Е. Витолинь,
227	2-я снизу	[A. Transche-Roseneek.]	[A. Transehe-Roseneck.]
232	18-я снизу	социал-демократии Латвии ¹⁵ .	Социал-демократии Латышского края ¹⁵ .
233	16-я сверху	Я. Кажмер-Попса.	Ю. Кажмер-Попса.
234	14-я снизу	Р. П. Рейн.	Р. П. Рейн.
234	8-я снизу	ПролРев, 1922,	ПролРев, 1922, 12,
267	14-я снизу	ИАН ЛССР, 1960,	ИАН ЛССР, 1960, 4,
268	5-я снизу	PadLSk, 1947,	PadLSk, 1947, 9,
274	13-я снизу	(Ш. Дволайший-млад.).	(Ш. Дволайцкий-млад.).
289	10-я снизу	J. Kirsēntale.	I. Kirsēntale.
291	4-я снизу	стр. 27—45;	1967, стр. 27—45;
292	11-я снизу	LVU ZR, 1960,	LVU ZR, 34, 1960,
294	12-я снизу	ИАрх, 1957,	ИАрх, 1957, 4,
310	15-я снизу	PadLSk, 1948, 19.—35. lpp.;	PadLSk, 1948, 8, 19.— 35. lpp.; 9, 61.—71. lpp.;
316	13-я сверху	в) Становление	е) Становление
333	15-я сверху	Ц. Целминь,	П. Целминь,
333	22-я сверху	Осовиахима	Осоавиахима
335	20-я сверху	Ф. Фелдман,	В. Фелдман,
338	16-я снизу	Д. Ларозе-Мазайса, П. Апарса,	Я. Ларозе-Мазайса, П. Апара,
339	19-я снизу	А. Апарса,	П. Апара,
350	2-я сверху	И. Я. Вацietиса	И. И. Вацietиса
361	3-я снизу	A. Berzes-Makša	A. Bērzes-Makša
393	9-я сверху	Э. Стумбинь	Э. Стумбина
396	19-я сверху	в 1940—1941 гг.,	в 1940 г.,
403	24-я и 25-я сверху	Г. Якобсоне-Райне ⁴⁴	Г. Якобсон-Райнес ⁴⁴
406	13-я сверху	1579-го	1591-го
407	8-я снизу	в Тирляндском	в Тирлянском
419	16-я сверху	и ноября	и ноябре
445	15-я сверху	В. Калнынь,	В. Калныня,
446	4-я снизу	Я. Г. Остров.	Я. П. Остров.

LATVIJAS NACIONĀLĀ BIBLIOTĒKA

0309081402

200